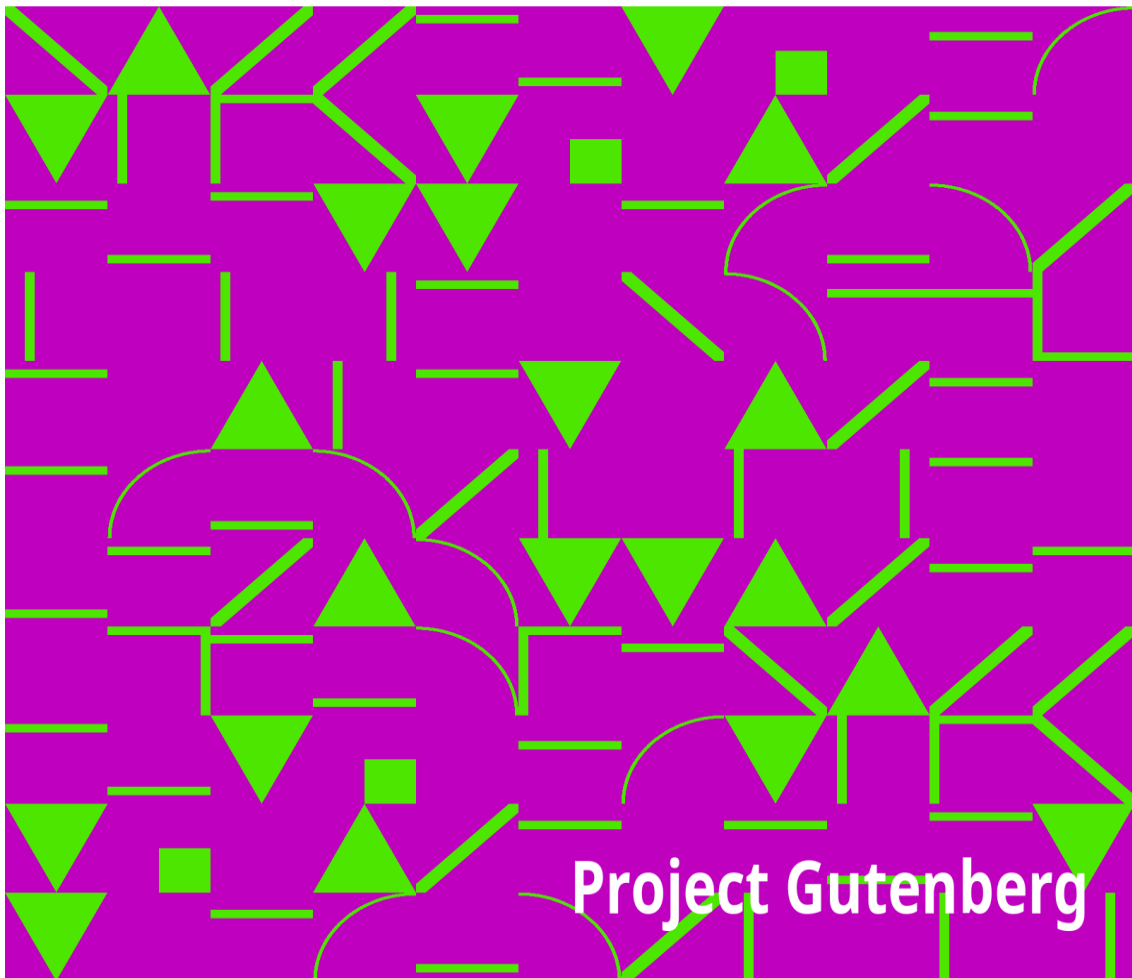

Манеры, обычаи и одежда в Средние века и в эпоху
Возрождения

**Manners, Customs, and Dress During the
Middle Ages and During the Renaissance
Period**

P. L. Jacob

Project Gutenberg

ОГЛАВЛЕНИЕ

Нравы, обычаи и одежда в Средние века и в эпоху Возрождения.

Иллюстрировано девятнадцатью хромолитографиями Ф. Келлерховена и более чем четырьмя сотнями гравюр на дереве.

Предисловие.

Оглавление.

Таблица иллюстраций.

I. Хромолитографии.

II. Гравюры.

Нравы, обычаи и одежда в Средние века и в эпоху Возрождения.

Положение людей и земель.

Привилегии и права. Феодальные и муниципальные.

Частная жизнь в замках, городах и сельской местности.

Еда и кулинария.

Пищевые продукты.

Кухня.

Трапезы и пиры.

Охота.

Игры и развлечения.

Торговля.

Гильдии и торговые корпорации.

Налоги, деньги и финансы.

Закон и отправление правосудия.

Тайные трибуналы.

Наказания.

Евреи.

Цыгане, бродяги, нищие и курсы чудес.

[Церемониалы.](#)

[Костюмы.](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

**THE PROJECT GUTENBERG EBOOK OF MANNERS, CUSTOMS, AND DRESS DURING THE MIDDLE AGES AND
DURING THE RENAISSANCE PERIOD.**

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Manners, Customs, and Dress During the Middle Ages and During the Renaissance Period

Автор: П. Л. Джейкоб

Дата выхода: 1 февраля 2004 [eBook #10940]

Последнее обновление: 28 октября 2024 г.

Язык: Английский

Credits: Подготовлено Distributed Proofreaders

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK НРАВЫ, ОБЫЧАИ И ОДЕЖДА В СРЕДНИЕ ВЕКА И В
ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ ***

In epiphania domini ad
mat: nondi: Domine la-
bia: mee Deo adinuertunt:
ſ absolute incipiat: rbdos
aſſa: Afferte domino fili re-
uerſate dñm in aula ſc̄ta eius:

THE QUEEN OF SHEBA BEFORE SOLOMON.

(Engraving of 17th century.)

Fac-simile of a miniature from the *Book of the cardinal Grimani*, attributed to Memling. *Ital.*
of S. Marc, Venice. (From a copy in the possession of M. Ambroise Firmin-Didot.)
The King (Solomon) is seated on the throne, holding a scepter and a book; the Queen (Sheba) is kneeling before him, offering him a gift; the attendants are standing around them.

Царица Савская перед Соломоном

(Костюм XV века.)

Факсимиле миниатюры из *Бревиария* кардинала Гримани, приписываемой Мемлингу.
Библия С. Марка, Венеция. (С копии, хранящейся у М. Амбруаза Фирмина-Дидо).

Король склоняет скипетр в сторону королевы, выражая признательность за ее персону и подарки; пять дам сопровождают королеву, а пять придворных короля стоят по правую руку от него.

МАНЕРЫ, ОБЫЧАИ И ОДЕЖДА В СРЕДНИЕ ВЕКА И В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ.

Поль Лакруа

(Библиофил Якоб),

ХРАНИТЕЛЕМ ИМПЕРАТОРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ АРСЕНАЛА В ПАРИЖЕ.

Иллюстрировано

ДЕВЯТНАДЦАТЬЮ ХРОМОЛИТОГРАФИЧЕСКИМИ ГРАВЮРАМИ Ф. КЕЛЛЕРХОВЕНА

И ОКОЛО

ЧЕТЫРЕХСОТ ГРАВЮР НА ДЕРЕВЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Несколько последовательных изданий "Искусства Средневековья и эпохи Возрождения" в достаточной степени свидетельствуют о том, что публика оценила его по достоинству. Цель этой работы заключалась в том, чтобы познакомить читателя с той областью знаний, доступ к которой до сих пор был открыт только для ученых. Эта смелая попытка удалась слишком хорошо, чтобы не побудить нас продолжить наши исследования. В самом деле, искусство само по себе не может полностью ознакомить нас с эпохой. "Искусство, рассматриваемое в целом, является истинным выражением общества. Они говорят нам о его вкусах, идеях и характере". Так мы говорили в предисловии к нашей первой работе, и нам нечего менять в этом мнении. Искусство должно быть верным выражением общества, поскольку оно представляет его своими произведениями в том виде, в каком оно их создало, - неоспоримыми свидетелями его духа и нравов для будущих поколений. Но следует признать, что искусство - лишь следствие идей, которые оно выражает; оно - плод цивилизации, а не ее порождение. Чтобы понять Средневековье и Ренессанс, необходимо вернуться к истокам его искусства и узнать жизнь наших отцов; это две неразделимые вещи, которые переплетаются друг с другом и становятся полнее одна другой.

Нравы и обычаи Средневековья:- эта тема представляет величайший интерес не только для человека науки, но и для человека мира. В нем "мы прослеживаем не только один период, но и два периода, совершенно отличных один от другого". В первом из них общественные и частные обычаи представляют собой любопытную смесь варварства и цивилизации. Мы видим варварские, римские и христианские обычаи и характеры в присутствии друг друга, смешанные в одном и том же обществе и очень часто в одних и тех же людях. Повсюду проявляются самые неблагоприятные и противоположные тенденции. Какой острой была борьба в этот долгий период! И как полна эмоций ее картина! Общество стремится воссоздать себя во всех аспектах. Оно хочет создать, так сказать, со всех сторон, собственность, власть, справедливость и т. д., и т. п., словом, все, что может стать основой общественной жизни; и этот новый порядок вещей должен быть установлен с помощью элементов, одновременно поставляемых варварским, римским и христианским миром, - невероятное творение, работа над которым заняла все Средневековье. Едва современное общество, цивилизованное христианством, достигает полноты своих сил, как оно разделяется, чтобы пойти разными путями. Древнее искусство и литература возрождаются, потому что обычаи *незаметно* принимают это направление. Под этим влиянием изменяется все, как в частной, так и в общественной жизни. История человечества не представляет собой более обширной или более интересной темы. Именно эту тему мы выбрали для продолжения нашей первой книги, за которой последует аналогичное исследование, посвященное различным аспектам религиозной и военной жизни.

Эта работа, посвященная яркому и достоверному описанию нравов и обычаев Средневековья и Ренессанса, полностью отвечает требованиям современности. Мы, по сути, уже не довольствуемся хронологическим изложением и простыми номенклатурами, которые раньше считались достаточными для образования. Мы больше не думаем, что история наших учреждений представляет меньший интерес, чем история наших войн, или что летописи низших классов не имеют отношения к летописям привилегированных орденов. Мы идем еще дальше. В исторических трудах сегодня прежде всего ищут физиономию, внутренний характер прошлых поколений. "Как жили наши отцы?" - ежедневный вопрос. "Какие у них были институты? Каковы были их политические права? Не можете ли вы

представить нам их времяпрепровождение, их охоту, их трапезы и всевозможные сцены, грустные или веселые, которые составляли их домашнюю жизнь? Мы хотели бы следовать за ними в общественных и частных занятиях и знать их манеру жить ежечасно, как мы знаем свою собственную".

В высоком порядке идей, какие великие факты служат основой для нашей истории и истории современного мира! Сначала мы имеем королевскую власть, которая, слабая и развращенная при Меровингах, поднимается и энергично утверждается при Пепине и Карле Великом, чтобы выродиться при Людовике Дебоннере и Шарле Ле Шове. Осмелившись во второй раз основать империю цезарей, она быстро видит, как ее суверенитет заменяется феодальными правами, а все ее права узурпируются дворянами, и вынуждена бороться в течение многих веков, чтобы восстановить свои права по одному.

Феодализм, очевидно, германского происхождения, также привлечет наше внимание, и мы набросаем быстрый контур этого законодательства, которое, будучи вначале варварским, постепенно подчиняется правилам нравственного прогресса. Мы убедимся, что военная служба - это сама суть "вотчины" и что из нее проистекает феодальное право. По пути мы будем протестовать против гражданских войн, приветствовать эмансипацию и образование коммун. Прослеживая тысячи деталей жизни народа, мы увидим, как раб становится крепостным, а крепостной - крестьянином. Мы будем присутствовать при отправлении правосудия королевской властью и дворянством, на торжественных заседаниях парламентов и увидим, как перед нами разворачиваются сложные детали строгого церемониала, составлявшего неотъемлемую часть закона. Прилавки торговцев, ярмарки и рынки, мануфактуры, торговля и промышленность также заслуживают нашего внимания; мы должны досконально изучить корпорации рабочих и торговцев, изучить их уставы и вникнуть в их дела. Мода и одежда также являются проявлением общественных и частных обычаев; поэтому мы должны уделить им особое внимание.

И чтобы выполнить взятую на себя работу, нам повезло, что в этом нам помогают добросовестные исследования наших старых соратников по великому делу Средневековья и Возрождения: Эмиля Бегина, Эльзеара Блаза, Деппинга, Бенжамена Герара, Ле Ру де Линси, Г. Мартена, Мари-Лафона, Франциска Мишеля, А. Монтейля, Рабутау, Фердинанда Сере, Горация де Вьель-Кастеля, А. де ла Виллегиля, Валле де Виривиля.

Как и в томе "Искусство Средневековья", гравюра и хромо-литография придут нам на помощь, воспроизведя с помощью строгих факсимиле редчайшие гравюры XV и XVI веков и ценнейшие миниатюры из рукописей, хранящихся в главных библиотеках Франции и Европы. Здесь нам снова помогает выдающийся художник М. Келлерховен, который совсем недавно нашел средства, чтобы с такой точностью воспроизвести жемчужины итальянской живописи.

Поль Лакруа
(Библиофил Якоб).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

[Состояние людей и земель](#)

Дезорганизация Запада в начале Средних веков.-Смесь римских, германских и галльских институтов.-Слияние при Карле Великом.-Королевская власть.-Положение великих феодалов.-Разделение территории и прерогативы, связанные с земельными владениями.-Фримен и арендаторы.- Лети, колоны, крепостные и рабочие, которые можно назвать истоками современных низших классов.- Формирование общин.- Право залога.

[Привилегии и права \(феодалы и муниципальные\)](#)

Элементы феодализма.- Права на сокровища, спорт, сейфы, выкуп, лишение наследства и т.д.- Объединение феодалов.- Пошлины дворян своему государю.- Законодательные и университетские пошлины.- Любопытные поборы, вытекающие из всеобщей системы пошлин.-Борьба за расширение прав классов, облагаемых пошлинами.--Феодалы и дух и дух гражданина.--Возрождение системы древних муниципалитетов в Италии, Германии и Франции.--Муниципальные учреждения и ассоциации.--Община.--Города среднего класса (*Cités Bourgeoises*).--Основа национального единства.

[Частная жизнь в замках, городах и сельской местности](#)

Замки Меровингов.- Занятия знати: Охота, война.- Домашние порядки.- Частная жизнь Карла Великого.- Домашние обычаи при Карловингах.- Влияние рыцарства.- Простота двора Филиппа Августа, которой не подражали его преемники.- Княжеская жизнь пятнадцатого столетия.-Воспитание Латура Ландри, анжуйского дворянина.- Варлеты, пажи, эсквайры, фрейлины.- Восхищение буржуазии.- "Парижский купец".- Старинные жилища.- Состояние деревенского населения в различные периоды.- "Деревенские поговорки", автор Ноэль дю Фаиль.

[Еда и кулинария](#)

История хлеба.- Овощи и растения, используемые в кулинарии.- Фрукты.- Мясо мясников.- Птица, дичь.- Молоко, масло, сыр и яйца.- Рыба и моллюски.- Напитки: Пиво, сидр, вино, сладкое вино, освежающие напитки, бренди.-Кулинария.-Супы, вареные блюда, пироги, тушеные блюда, салаты, жаркое, гриль.-Соленья, трюфели, сахар, сок.-Сладости, десерты, выпечка,-Зелень и пиры.-Правила сервировки стола с XV по XVI века.

[Охота](#)

Венеры и ястребы.- Происхождение Экс-ла-Шапель.- Гастон Фибус и его книга.- Главные божества спортсменов.- Спортивные общества и братства.- Короли-спортсмены: Карл Великий, Людовик IX., Людовик XI., Карл VIII., Людовик XII., Франциск I. и т.д. - Трактат о венерианстве.- Папы-спортсмены.- Происхождение ястреба.- Дрессировка птиц.- Ястребиные свирели.- Книга короля Модуса.- Технические термины, используемые в ястребе.- Личности, преуспевшие в этом виде спорта.- Фаулинг.

[Игры и развлечения](#)

Игры древних греков и римлян.- Игры цирка.- Бои животных.- Смелость короля Пепина.- Королевские львы.- Бои слепых.- Петухи Парижа.- Шамп де Марс.- Курсы пленэров и курсы курносых.- Жонглеры, кувыркатели и менестрели.-Канатоходцы.- Фейерверк.- Гимнастика.- Карты и кости.- Шахматы, шарики и бильярд.- Ла Суль, Ла Пируэт и т.д.- Небольшие игры для частного общества.- История танцев.- Балет Ардентов.- "Орхезография" (искусство танца) Туано Арбо.- Список танцев.

[Коммерция](#)

Состояние торговли после падения Римской империи; ее возрождение при франкских королях; ее процветание при Карле Великом; ее упадок вплоть до эпохи крестоносцев. Учреждение ярмарок.- Ярмарки в Ландите, Шампани, Бокере и Лионе.- Веса и меры.- Коммерческая Фландрия.- Законы о морской торговле.- Консульские законы.- Банки и векселя.- Французские поселения на побережье Африки.- Последствия открытия Америки.

[Гильдии и торговые корпорации](#)

Неопределенное происхождение корпораций.- Древние промышленные объединения.- Германская гильдия.- Коллегии.- Тевтонские объединения.- Парижская компания по перевозке товаров по воде.- Корпорации, правильно названные так.- "Книга торговли" или первый кодекс правил" Этьена Буало. Законы, регулирующие торговлю.- Общественная и частная организация торговых корпораций и других сообществ.- Энергия корпораций.- Мастера, подмастерья, подмастерья и ученики.- Религиозные праздники и торговые общества.- Торговые союзы.

[Налоги, деньги и финансы](#)

Налоги при римской власти.- Денежные поборы королей Меровингов.- Разновидности денег.- Финансовые законы при Карле Великом.- *Missi Dominici*. - Увеличение налогов из-за крестовых походов.- Организация финансов Людовиком IX.- Экстории Филиппа ло Бея. Финансовые затруднения его преемников.- Карл V. восстанавливает порядок в финансах.- Бедствия Франции при Карле VI, Карле VII и Жаке Кёре.- Изменения в налогообложении от Людовика XI до Франциска I.- Великие финансисты.- Флоримон Роберте.

[Право и отправление правосудия](#)

Семья как источник власти.- Происхождение верховной власти у франков.- Законодательство варварства, очеловеченное христианством.- Право справедливости, неотъемлемое от права собственности.- Законы при Карле Великом.- Судебные формы.- Свидетели.- Дуэли и т.д.- Организация королевского правосудия при Людовике Святом.- Шатле и прокурор Парижа.- Юрисдикция парламента, его обязанности и ответственность.- Бейливики.- Борьба между парламентом и Шатле.- Кодификация обычаев и нравов.- Купчая чиновников.- Сравнение между парламентом и Шатле.

[Тайные трибуналы](#)

Старик с горы и его последователи в Сирии.- Замок Аламонд, рай для ассасинов.- Карл Великий - основатель тайных трибуналов среди саксов.- Священная Вехма.- Организация трибунала *Терре Руж* и методы, принятые в его процедурах.- Осуждения и исполнение приговоров.- Правда о свободных судьях Вестфалии.- Продолжительность и падение

трибунала Вехми.- Совет десяти в Венеции; его кодекс и секретные решения.- Конец Совета десяти.

[Наказания](#)

Усовершенствования уголовной жестокости.- пытки для различных целей.- Вода, винтовые доски и дыба.- Палач.- Женщины палачи.- пытки.- Аменда почетная.- пытка огнем, реальная и притворная.- Ауто-да-фе.- Раскаленный докрасна мангал или бассейн.- Отсечение головы.- Квартование.- Колесо.- Гаротование.- Повешение.- Плеть.- Столб.- Аркебуза.- Щекотание.- Подкидывание.- Утопление.- Тюремное заключение.- Правила тюрем.- Железная клетка.- "Свинцы" Венеции.

[Евреи](#)

Расселение евреев.- Еврейские кварталы в городах Средневековья.- Римское *гетто*.- Древняя Прага.- Венецианская *Джудекка*.- Положение евреев; враждебность народа к ним; досадное обращение и суровость государей.- Евреи Линкольна.- Евреи Блуа.- Миссия *Пастуро*.- Истребление евреев.- Цена, по которой евреи покупали индульгенции.- Знаки, установленные на них.- Здоровье, знания, промышленность и финансовые способности евреев.- Правила, касающиеся ростовщичества, практикуемые евреями.- Привязанность евреев к своей религии.

[Цыгане, бродяги, нищие и курсы чудес](#)

Первое появление цыган на Западе.- Цыгане в Париже.- Манеры и обычаи этих бродячих племен.- Прodelки капитана Карла.- Цыгане изгнаны королевским эдиктом.- Язык цыган.- Царство сленга.- Великий Коэср, вождь бродяг; его вассалы и подданные.- Разделения сленгового народа; его упадок и причины его возникновения.- Кур де Чудес.- Лагерь мошенников.- Хитрый язык, или сленг.- Иностранные мошенники, воры и карманники.

[Церемониалы](#)

Происхождение современного церемониала.- Неопределенность французского церемониала до конца XVI века.- Посвящение королей Франции.- Коронация императоров Германии.- Посвящение дождей Венеции.- Брак дождя с морем.- Государственные записи государей.- Въезд Изабеллы Баварской в Париж.- Сейты правосудия.- Церемониальные визиты между высокопоставленными лицами.- Траур.- Социальная вежливость.- Популярные демонстрации и национальные праздники - Новый год.- Местные праздники.- *Vins d'Honneur*.- Процесии торговли.

[Костюмы](#)

Влияние античного костюма.- Костюм в пятнадцатом веке.- Прически.- Костюмы во времена Карла Великого.- Происхождение современной национальной одежды.- Головные уборы и бороды: Время Святого Людовика.- Прогресс в одежде: Брюки, шлемы, туфли, пальто, плащи, накидки.- Изменения в моде на обувь и капюшоны.- *Ливреи*.- Плащи и накидки.- Приговоры против экстравагантных мод.- Женская одежда: Платья, чепцы, головные уборы и т.д. - Исчезновение старинной одежды - Облегающие платья - Общий характер одежды при Франциске I - Единообразие одежды.

ТАБЛИЦА ИЛЛЮСТРАЦИЙ.

I. ХРОМОЛИТОГРАФИИ.

1. Царица Савская перед Соломоном. Факсимиле миниатюры из Бревиария кардинала Гримани, приписываемой Мемлингу. Костюмы пятнадцатого века.
2. Двор Марии Анжуйской, жены Карла VII. Факсимиле миниатюры из "Douze Perilz d'Enfer". Костюмы пятнадцатого века.
3. Людовик XII покидает Александрию 24 апреля 1507 года, чтобы наказать город Геную. С миниатюры в "Путешествии по Генуе" Жана Маро.
4. Свита молодой матери. Миниатюра из латинского "Теренция" Карла VI. Костюмы XIV века.
5. Столовый сервиз знатной дамы. Факсимиле миниатюры из "Романа Рено де Монтобана". Костюмы пятнадцатого века.
6. Дамы на охоте. С миниатюры в рукописном экземпляре "Посланий Овидия". Костюмы пятнадцатого века.
7. Придворный дурак. Факсимиле миниатюры в рукописи XV века.
8. Шахматисты. По миниатюре "Три века человека". (Конец XV века).
9. Мученичество свв. Криспина и Крепиниана. Из окна больницы де Кинзе-Винт (XV век).
10. Счеты братства Шарите-Дье в Руане в 1466 году. Миниатюра из "Счетной книги" этого общества (XV в.).
11. Обезглавливание Гийома де Помье и его духовника в Бордо в 1377 году ("Chroniques de Froissart").
12. Пасха евреев. Факсимиле миниатюры в требнике XV века школы Ван Эйка.
13. Въезд Карла VII в Париж. Миниатюра из "Chroniques d'Enguerrand de Monstrelet". Костюмы шестнадцатого века.
14. Святая Екатерина в окружении Александрийских докторов. Миниатюра из Бревиария кардинала Гримани, приписываемая Мемлингу. Костюмы пятнадцатого века.
15. Итальянское кружево в золотой нити. Кифара и герб Анри III. (XVI век).

II. ГРАВЮРЫ.

Эг-Мортес, крепостные стены города

Мешок для милостыни, XV век

Почетный аменд перед трибуналом

Америка, открытие

Анна Бретанская и дамы ее двора

Лучник в боевой одежде, XV век

Оружейник

Оружие Людовика XI и Шарлотты Савойской

Оружие, разное, пятнадцатый век

Бейливик

Бейлиаж, или трибунал королевского пристава, шестнадцатый век

Пекарь, шестнадцатый век

Балансировка, подвиги, тринадцатый век

Балет, представление перед Анри III и его двором

Знамя Куперов из Байонны

" "Ла-Рошель

" Корпорация пекарей Арраса

" " Пекари Парижа

" " Сапожники и обувщики Иссудуна

" Корпорация содержателей публичных домов Монмеди

" Корпорация зрителей публичных домов Тоннерре

" Драпировщики Кана

" Парижские упряжники

" Гвоздильщики Парижа

" Кондитеры из Кана

" " Ла-Рошель

" " Тоннерр

" Кожевники из Ви

" Плиточники Парижа

" Ткачи из Тулона

" Колесники Парижа

Банкет, большой, при дворе Франции

Парикмахер

Гуси казарки

Барристер, пятнадцатый век

Бассейнщик

Бастилия

Медведи и другие звери, как их можно поймать дротиком

Нищий, играющий на скрипке

Обезглавливание

Литейщик колоколов и канонов

Ловля птиц, четырнадцатый век

Птицеловство, четырнадцатый век

Слепой и нищий больной Святого Иоанна, пятнадцатый век

Яблоко, игра

Подмастерье сапожника, работающий над пробным куском, XIII век

Бурбон, коннетабль де, суд над ним перед пэрами Франции

Буржуа, тринадцатый век

Бранденбург, маркиз

Пивовар, шестнадцатый век

Братство смерти, член

Бюргерство Гента и его жена, из окна XV века

Бургесса за трапезой

Бургомистры в капюшонах, четырнадцатый век

Горящий балет

Мясник, шестнадцатый век

Дворецкий при исполнении своих обязанностей

Карты для игры в пике, XVI век

Король Карловингов в своем дворце

Плотник, пятнадцатый век

Подмастерье плотника работает над пробной деталью, XV век

Каст для приманивания зверей

Замок Аламонд

Кошка-девятихвостка

Кельтский памятник (Священный Окс)

Счетная палата, отель

Люстры из бронзы, XIV век

Карл Великий, император

" Коронация

" Далматика и сандалии

" Получение клятвы верности от одного из своих великих баронов

" Портрет

Карл, старший сын короля Пипина, получающий известие о смерти своего отца

Карл V. и император Карл IV.

Шато-Гайяр в Анделисе

Шатле, Великий

Сыры, производство, шестнадцатый век

Чилперик, гробница, одиннадцатый век

Мастер по изготовлению застёжек

Сукно, чтобы подходить к зверям, как носить

Суконщик

Монеты, Золото Меровингов, 628-638 гг.

" Золото, шестой и седьмой века

" " Четырнадцатый и пятнадцатый века

" Золото и серебро, тринадцатый век

" " Пятнадцатый и шестнадцатый века

" Серебро, восьмой-одиннадцатый века

Кельн, вид на город, шестнадцатый век

Расческа из слоновой кости, XVI век

Бой рыцаря с собакой, XIII век

Плотник-компаньон, пятнадцатый век

Повар, шестнадцатый век

Медный кузнец, шестнадцатый век

Молотьба кукурузы и выпечка хлеба, шестнадцатый век

Костюм императоров на коронации со времен Карла Великого

" Король Чилдеберт, седьмой век

" Король Хлодвиг, шестой век

" Святые шестого-восьмого веков

" Прелаты, восьмой-десятый века

" Ученый эпохи Карловингов

Костюм ученого, девятый век

" Епископ или аббат, девятый век

" Карл Простой, десятый век

" Людовик Молодой

" Принцесса

" Уильям Мальгенест, королевский егерь

" Английский слуга, XIV век

" Филипп Добрый

" Карл V., король Франции

" Жанна де Бурбон

" Шарлотта Савойская

" Мария Бургундская

" Дамы двора Екатерины Медичи

" Джентльмен французского двора, XVI век

" Немецкая буржуазия, шестнадцатый век

Костюмы итальянские, пятнадцатый век

Костюмы тринадцатого века

" Простые люди, четырнадцатый век

" Богатая буржуазка, крестьянка и знатная дама, XIV век

" Молодой дворянин и буржуа, XIV век

" Мещанин или купец, дворянин и придворная дама или богатая буржуазия, XV век

"Жена механика и богатый буржуа, XV век

" Молодые дворяне при дворе Карла VIII

" Дворянин, буржуа и знатная дама времен Людовика XII

" Богатая буржуа и дворянин, времена Франциска I

Контрамарка мясников Брюгге в 1356 году

Деревенская жизнь

Двор чудес в Париже

Придворный дурак

" Любовь в Провансе, XIV век

" Дворяне

" Верховный, под председательством короля

" Барон, The

" Низший, в Большом бейливики

Придворные, накапливающие богатства за счет бедняков, XIV век

Суды любви в Провансе, аллегорическая сцена, XIII век

Ремесленники, четырнадцатый век

Выращивание фруктов, пятнадцатый век

" Зерно и производство ячменного и овсяного хлеба

Танец под названием "La Gaillarde"

" Дураки, тринадцатый век

"

Танцоры в рождественскую ночь

Давид, играющий на лире

Торговец яйцами, шестнадцатый век

Олени, их внешний вид и как на них охотиться с собаками

Депутаты бургеров Гента, XIV век

Мастер по изготовлению кубиков

Раздача хлеба, мяса и вина

Дождь Венеции, костюм дождя до XVI века

"Церемониальный костюм шестнадцатого века

" Шествие

Собачья псарня, пятнадцатый век

Собаки, болезни и их лечение, четырнадцатый век

Дортмунд, вид на город, шестнадцатый век

Дрилла, или Наркуа, пятнадцатый век

Пьющие Севера, Великие

Нарколог

Пошлины на вино

Красильщик

Эдикт, промугация

Старейшина и присяжный заседатель, церемониальная одежда

Старейшина и присяжные кожевники Гента

Элой, святой, подпись

Эмпалемента

Въезд Людовика XI в Париж

Конные представления, XIII век

Эстрапады, или Чрезвычайный вопрос

Казни

Экспонент странных животных

Сокол, как дрессировать нового, XIV век

" Как купать нового

Соколиный охотник, одежда, тринадцатый век

" Немецкий язык, шестнадцатый век

Сокольники, тринадцатый век

" Одевание своих птиц, четырнадцатый век

Соколиная охота, искусство, обучение короля модусу, четырнадцатый век

" Варлеты, четырнадцатый век

Семья, Семья и варвары

Бой между лошастью и собаками, XIII век

Фейерверк на воде

Рыба, перевозка по воде и суше

Фламандские крестьяне, пятнадцатый век

Франк, серебро, Генрих IV.

Франки, четвертый-восьмой века

" Король или вождь, девятый век

" Король, диктующий Салический закон

Фредегонда, отдающая приказ об убийстве Сигеберта, из окна XV века

Свободные судьи

Похоронный жетон

Галло-римские костюмы

Гастон Фебус обучает искусству венерки

Немецкие нищие

" Рыцари, пятнадцатый век

" Солдаты, шестой - двенадцатый века

" Спортсмен, шестнадцатый век

Гент, гражданская гвардия

Гиббет Монфокона, The

Цыгане, гадающие

"на марше

Лагерь цыган

" Семья, А

" который мыл руки в расплавленном свинце

Goldbeater

Золотых дел мастер

Золотых дел мастера из Гента, имена и титулы некоторых членов корпорации, пятнадцатый век

" Группа, семнадцатый век.

Измерители зерна из Гента, герб

Виноградарь, наступающий на

Бакалейщик и аптекарь, магазин, семнадцатый век

Подвешивание под музыку

Заяц, Как заманить

Шляпник

Хокинг, леди на свидании, четырнадцатый век

Ястребы, молодые, как заставить их летать, четырнадцатый век

Разносчики сена, шестнадцатый век

Геральд, четырнадцатый век

Геральды, ложа

Цапля-парящая, четырнадцатый век

Хостел, интерьер, шестнадцатый век

Отель Урсинов, Париж, четырнадцатый век

Охотничья трапеза

Императорская процессия

Младенец Ричард, распятый евреями в Понтуазе

Ирменсул и Кродон, идолы древних саксов

Железная клетка

Столовый выпуск

Итальянский нищий

" Еврей, четырнадцатый век

" Кухня, интерьер

" Дворянин, пятнадцатый век

Жак Кёр, почетный аменд, перед

Карлом VII

" Дом в Бурже

Жан Жувенель де Урсен, проректор Парижа, и Мишель де Витри, его жена (правление Карла VI)

Иерусалим, вид и план

Еврей, легенда о вызове дьявола из сосуда с кровью

Еврейская церемония перед ковчегом

" Заговор во Франции

" Шествие

Евреи берут кровь у христианских детей

" Кельн сожжен заживо, The

" Изгнание евреев в царствование императора Адриана

" Тайное собрание

Иоанн Креститель, обезглавливание

Иоанн Бесстрашный, герцог Бургундский, убийство

Судья, пятнадцатый век

Судебная дуэль

Жонглеры, выставляющие обезьян и медведей, тринадцатый век

"Выступление на публике, XIII век

Король-атторней вручает шпагу герцогу де Бурбону

Королевский двор, или Большой совет, пятнадцатый век

Кухня, интерьер, XVI век.

"Столовая утварь

Рукоятки ножей из слоновой кости, XVI век

Рыцарь в военном снаряжении

Рыцарь и его дама, четырнадцатый век

Рыцари и оруженосцы времен правления Луи ле Гроса

Трудящиеся колонны, двенадцатый век

Ламберт Льежский, святой, куранты на часах

Ландграф Тюрингии и его жена

Адвокат, шестнадцатый век

Леопард, охота с леопардом, шестнадцатый век

Любек и его гавань, вид, шестнадцатый век

Служанки, одежда, тринадцатый век

Маллет, Луи де, адмирал Франции

Площадь Святого Марка, Венеция, шестнадцатый век

Марсель и его гавань, вид и план, шестнадцатый век

Измерители кукурузы, Париж, XVI век

Измерение соли

Торговое судно в шторм

Купцы и льводержатели в Константинополе

Руанские купцы, медаль в память об ассоциации

Руанские купцы, картина в память о союзе, семнадцатый век

Купцы или торговцы, четырнадцатый век

Металлы, добыча

Мельник, шестнадцатый век

Монетный двор, шестнадцатый век

Музыкант, сопровождающий танцы

Новорожденный ребенок

Николас Фламель и Пернель, его жена, с картины XV века

Дворянство, костюмы дворян, с седьмого по девятый век

" Дамы в девятом веке

Благородные дамы и дети, платье, четырнадцатый век

Благородная дама и фрейлина, четырнадцатый век

Дворянин из Прованса, пятнадцатый век

Дворянская охота

Ножан-ле-Ротру, башня замка

Щелкунчики орехов, шестнадцатый век

Занятия крестьян

Офицеры стола и палаты императорского двора

Масло, производство, шестнадцатый век

Старик с горы

Олифант, или охотничий рог, четырнадцатый век

" "подробности

Орфаус, Галлуа и семья Великих Козсров, пятнадцатый век

Дворец, шестнадцатый век

Дворец дождей, внутренний двор

Париж, вид на

Куропатки, способ ловли

Плата за проезд по мосту

Крестьянские танцы на майских праздниках

Охота на фазанов, четырнадцатый век

Филипп ле Бель в военном костюме

Пилорама, вид на нее, на рыночной площади Парижа, XVI век

Мастер по изготовлению булавок и иголок

Пахари. Факсимиле миниатюры в очень древней англосаксонской рукописи

Рыбак на пруду

Понт-о-Ченджорс, вид на древний

Свинобойщик, четырнадцатый век

Свинопас, шестнадцатый век

Торговец домашней птицей, XVI век

Пороховой рожок, шестнадцатый век

Тюрьма проректора, XVI век

Проректор парижских купцов, собрание, шестнадцатый век

Наказание огнем, в XVI веке

Кошелек или кожаная сумка с ножом или кинжалом, XV век

Получатель налогов, The

Реми, святой, епископ Рейрнский, просит Хлодвиг вернуть священную вазу, пятнадцатый век

Речные рыбаки, шестнадцатый век

Рой де л'Эпинетт, въезд в Лилль

Римские солдаты, шестой - двенадцатый века

Королевский костюм

Руффе и Милларды, пятнадцатый век

Сент-Женевьев, фасад церкви аббатства

Продажа городским курьером

Солончак, эмалированный, XVI век

Сандалия или бускин Карла Великого

Саксония, герцог

Сбирро, начальник

Печать Бательеров Брюгге в 1356 году

" Корпорация плотников Сен-Тронда (Бельгия)

" Корпорация суконщиков Брюгге

" Корпорация фуллеров из Сен-Тронда

" Корпорация столяров Брюгге

" " Сапожники из Сен-Тронда

" Корпорация шерстоткачей из Хасселта

" Свободный граф Ганс Фольмар фон Тверн

" Свободный граф Генрих Бекманн

" " Герман Лосечкин

" " Иоганн Кроппе

" Король Чилперик

" Объединенные торговцы Гента, пятнадцатый век

Заседание суда, занимаемое Филиппом де Валуа

Тайный трибунал, исполнение приговоров

Семур, башня замка

Крепостной или вассал, X век

Сержанты при оружии, четырнадцатый век

Пастухи, празднующие рождение Мессии

Сапожник

Лавки под крытым рынком, пятнадцатый век

Кричать и трубить в рог, как это делается

Симон, мученичество при Тренте

Рабы или крепостные, с шестого по двенадцатый век

Сальто

Спорт с собаками, четырнадцатый век

Пружинная доска

Изготовитель шпор

Белки, способ ловли

Олень, как убить и разделать, пятнадцатый век

Лестница в офисе золотых дел мастеров Руана, XV век

Ларек из резного дерева, пятнадцатый век

Стандарты церкви и империи

Государственный банкет, шестнадцатый век

Стоертебек, казнь

Стилеты, четырнадцатый век

Свинопас

Великий швейцарский проректор

Танец с мечами под звуки волынки, четырнадцатый век

Мастер по изготовлению мечей

Стол барона, XIII век

Портной

Талебот Горбун

Жестянщик

Десятина пива, пятнадцатый век

Жетон корпорации плотников Антверпена

Жетон корпорации плотников Маэстрихта

Плата за проезд по мостам Парижа

Пошлина на рынках, взимаемая клириком, XV век

Пытка колесом, применяемая демонами

Турниры в честь въезда королевы Изабеллы в Париж

Башня Храма, Париж

Торговля в морских портах Леванта, пятнадцатый век

Перевозка товаров на спинах верблюдов

Парижский университет, стипендиаты, толкающие императора Карла IV.

Варлет или оруженосец с алебардой, XV век

Вид на Александрию, XVI век

Деревенский праздник, шестнадцатый век

Деревня, разграбленная солдатами

Злодей, жадный и скупой

Злодей, самовлюбленный и завистливый

Злодей или крестьянин, пятнадцатый век

Злодей получает приказ от своего господина

Виноградная лоза, культура

Винтажники, тринадцатый век

Вотивный алтарь парижских натовцев

Пытка водой, The

Вес в латуни рыбного рынка в Мансе, шестнадцатый век

Китовая рыбалка

Вильгельм, герцог Нормандии, одиннадцатый век

Виноградарь

Мастер по изготовлению проволоки

Волки, как их можно поймать с помощью силка

Женщина под защитой рыцарства, пятнадцатый век

Придворные женщины, шестой-десятый века

Вальдшнеп, способ ловли, четырнадцатый век

Нравы, обычаи и одежда в Средние века и в эпоху Возрождения.

СОСТОЯНИЕ ЛЮДЕЙ И ЗЕМЕЛЬ.

Дезорганизация Запада в начале Средних веков.-Смесь римских, германских и галльских институтов.-Слияние при Карле Великом.-Королевская власть.-Положение великих феодалов.-Разделение территории и прерогативы, связанные с земельными владениями.-Фримены и арендаторы.- Лети, колоны, крепостные и рабочие, которые можно назвать истоками современных низших классов.- Формирование общин.- Право заклада.

Период, известный как Средние века, говорит ученый Бенджамин Герард, является результатом языческой цивилизации, германского варварства и христианства. Он начался в 476 году, когда пал Агустул, и закончился в 1453 году, при взятии Константинополя Магометом II, и, следовательно, падение двух империй, Западной и Восточной, отмечает его продолжительность. Первым ее актом, который произошел по вине германцев, было разрушение политического единства, которому впоследствии суждено было смениться единством религиозным. Затем мы видим множество разрозненных и беспорядочных влияний, выросших на руинах центральной власти. Варвары сломали иго императорского владычества, но население, не получив свободы, попало в самые низкие степени рабства. Вместо одного деспота оно обрело тысячи тиранов, и освободиться от феодализма удалось лишь медленно и с большим трудом. Ничто не могло быть более странным, чем Запад во время распада империи цезарей; ничто не могло быть более разнообразным или более противоречивым, чем интересы, институты и состояние общества, которые достались германцам ([Рис. 1 и 2](#)). На самом деле, на всех страницах истории невозможно найти общество, состоящее из более разнородных и несовместимых элементов. С одной стороны, готы, бургунды, вандалы, германцы, франки, саксы и лангобарды - народы, или, точнее, орды, привыкшие к грубым и успешным войнам, а с другой - римляне, включая тех людей, которые в результате долгого рабства римскому владычеству стали тесно сотрудничать со своими завоевателями ([Рис. 3](#)). С обеих сторон были свободные люди, вольноотпущенники, колоны и рабы; однако различные ранги и степени были заметны как в свободе, так и в рабстве. Этот иерархический принцип распространялся даже на землю, которая делилась на фригольды, даннические земли, земли знати и подневольные земли, составляя таким образом фригольды, бенефиции, вотчины и держания. К этому можно добавить, что обычаи и, в некоторой степени, законы варьировались в зависимости от хозяев страны, так что не приходится удивляться тому, что повсюду царили разнообразие и неравенство, и, как следствие, анархия и неразбериха.

[Рис. 1 и 2.](#) - Костюмы франков с четвертого по восьмой век, собранные Г. де Вьелькастелем из оригинальных документов, хранящихся в великих библиотеках Европы.

[Рис. 3.](#) -Костюмы римских солдат.

[Рис. 4.](#) -Костюм германского солдата.

С миниатюр на различных рукописях, с шестого по двенадцатый век.

Германцы ([Рис. 4](#)) не принесли с собой за Рейн ни одной из тех героических добродетелей, которые приписывал им Тацит, когда писал их историю с явным намерением сделать сатиру на своих соотечественников. Среди выродившихся римлян, которых покорили эти свирепые германцы, цивилизация была восстановлена на руинах пороков, обычных в ранней истории

нового общества, путем принятия ряда распущенных и беспутных привычек как завоевателями, так и покоренными.

[Рис. 5.](#) - Костюмы рабов или крепостных, с шестого по двенадцатый век, собранные Г. де Вьелькастелем из оригинальных документов, хранящихся в великих библиотеках Европы.

На самом деле, завоеватели внесли худшую долю ([Рис. 5](#)); ибо, проявляя низменные и унижительные инстинкты своего прежнего варварства, они взялись за работу по переустройству общества с неким естественным и врожденным раболепием. Для них свобода, ради которой они шли на величайшие опасности, была просто правом творить зло - повиноваться своей страстной жажде грабежа. Давным-давно, в глубине своих лесов, они приняли любопытный институт вассалитета. Когда они пришли на Запад, чтобы создать государства, вместо того чтобы уменьшить личную власть, каждый шаг в их социальной структуре, от вершины до низа, был поставлен в зависимость от индивидуального превосходства. Преклоняться перед вышестоящим было их первым политическим принципом; и на этом принципе феодализм однажды должен был найти свое основание.

На самом деле рабство можно было найти во всех условиях и рангах, как во дворце государя, так и в жилищах его подданных. Вассал, которого за своим столом обслуживал варлет, сам прислуживал за столом своего господина; дворяне обращались друг с другом так же, в соответствии со своим рангом; и все поборы, которые каждый подчинялся вышестоящим и которые должны были платить ему нижестоящие, рассматривались не как обременительные обязанности, а как права и почести. Чувства достоинства и личной независимости, ставшие, так сказать, душой современного общества, у немцев не существовали вовсе, или, по крайней мере, существовали в очень малой степени. Если бы мы могли усомниться в этом факте, достаточно вспомнить, что эти люди, такие гордые, такие равнодушные к страданиям и смерти, часто не задумываясь ставили свою свободу на кон в азартных играх в надежде, что в случае успеха их выигрыш даст им возможность удовлетворить какую-нибудь жестокую страсть.

[Рис. 6.](#) - Король или вождь франков, вооруженный серамасаксом, с миниатюры IX века, нарисованной Х. де Вьелькастелем.

Когда франки укоренились в Галлии, их одежда и институты были приняты римским обществом ([Рис. 6](#)). Это имело самое пагубное влияние с любой точки зрения, и легко доказать, что цивилизация не выходила из этого хаоса, пока постепенно тевтонский дух не исчез из мира. Пока господствовал этот дух, не существовало ни частной, ни общественной свободы. Индивидуальный патриотизм простирался лишь до границ семьи, а нация распалась на кланы. Галлия вскоре оказалась разделена на домены, которые были почти независимы друг от друга. Так развивался германский гений.

[Рис. 7.](#) - Король франков в окружении военачальников, составляющих его *Треуст*, или вооруженный суд, диктует Салический закон (Свод варварских законов) - факсимиле миниатюры в "Хрониках Сен-Дени", рукописи XIV века (Библиотека Арсенала).

Преимущества совместных действий для взаимной защиты впервые проявились в семьях. Если кто-то страдал от акта насилия, он сообщал об этом своим родственникам, чтобы они совместно добивались возмещения ущерба. Затем вопрос решался между семьями обиженного и обидчика, все они были в равной степени связаны целью отстаивать дело, которое интересовало только их, не признавая никаких установленных авторитетов и не

апеллируя к закону. Если же стороны обращались за защитой или советом к влиятельным людям, ссора могла сразу принять более широкие масштабы и привести к вражде между двумя дворянами. В любом случае король вмешивался только тогда, когда под угрозой оказывалась безопасность его личности или интересы его владений.

Штрафы и наказания почти всегда можно было предотвратить денежным платежом. Например, сын, вместо того чтобы отомстить за смерть отца, получал от убийцы определенную компенсацию в видах, согласно установленному тарифу; таким образом, закон был удовлетворен.

Тариф возмещения или компенсации, выплачиваемой за каждое преступление, лег в основу свода законов главных племен франков, свода, по сути, варварского и называемого Салическим законом, или законом салиев ([Рис. 7](#)). Однако дух неравенства среди германских рас был настолько велик, что правосудие стало устоявшимся принципом, подчиненным рангу человека. Чем могущественнее был человек, тем больше он был защищен законом; чем ниже его ранг, тем меньше закон его защищал.

Жизнь франка по праву стоила вдвое больше жизни римлянина; жизнь слуги короля стоила втрое больше жизни обычного человека, не обладающего этой защитной связью. С другой стороны, наказание было более быстрым и строгим в зависимости от низкого положения преступника. Например, в случае кражи важная персона представляла перед королевским трибуналом, и поскольку он учитывал ранг, занимаемый обвиняемым в социальной иерархии, наказание было незначительным или вовсе отсутствовало. В случае же совершения того же преступления бедняком, напротив, обычный судья выносил немедленный приговор, его схватывали и вешали на месте.

Поскольку политические институты германцев не были благороднее или справедливее, чем у франков и других варварских рас, мы не можем принять кредо некоторых историков, которые представляют германцев как истинных регенераторов общества в Европе. Два источника современной цивилизации - это, бесспорно, языческая античность и христианство.

После падения королей Меровингов был достигнут большой прогресс в политическом и социальном состоянии народов. Эти короли, которые были всего лишь вождями недисциплинированных банд, не смогли принять королевский характер, как его правильно называть. Их власть была скорее личной, чем территориальной, поскольку границы завоеванных ими владений постоянно менялись. Поэтому они с полным основанием называли себя королями франков, а не королями Франции.

Карл Великий был первым, кто признал тот социальный союз, столь восхитительным примером которого была римская организация, и кто смог, при тех самых элементах путаницы и беспорядка, которые ему удалось объединить, направить и консолидировать расходящиеся и противоположные силы, создать и регулировать государственное управление, основать и построить города, сформировать и перестроить почти новый мир ([Fig. 8](#)). Мы слышим, как он назначает каждому его место, создает для всех общие интересы, делает из толпы маленьких и разрозненных народов великую и могущественную нацию; одним словом, зажигает маяк древней цивилизации. Когда он умер, после самого активного и славного правления, длившегося сорок пять лет, он оставил огромную империю в самом совершенном состоянии мира ([Fig. 9](#)). Но этому великолепному наследству, к сожалению, было суждено перейти в недостойные или бессильные руки, так что общество вскоре вновь погрузилось в анархию и смятение. Дворяне, в свою очередь наделенные властью,

постоянно воевали и постепенно ослабляли королевскую власть - силу королевства - своими бесконечными спорами с короной и друг с другом.

[Рис. 8.](#) - Карл, старший сын короля Пипина, получает известие о смерти отца, и великие феодалы предлагают ему корону. Костюмы Бургундского двора в XV веке. Факсимиле миниатюры "Истории императоров" (Библиотека Арсенала).

[Рис. 9.](#) Портрет Карла Великого, которого в "Песне о Роланде" называют королем с гризлиной бородой... Факсимиле гравюры конца XVI века.

Революция в обществе, произошедшая при династии Карловингов, имела своей особой целью сделать территориальным то, что раньше было личным, и, так сказать, уничтожить личность в вопросах управления.

Узурпация земель великими была таким образом ограничена влиянием мелких держателей, и каждый старался стать обладателем земли. Владение ею стало основой социального положения, и, как следствие, индивидуальное рабство ослабло, а общество приобрело более стабильное состояние. Древние законы бродячих племен вышли из употребления, а вместе с ними исчезли и многие кастовые и расовые различия, так как они были несовместимы с новым порядком вещей. Как среди свободных людей не было больше ни салиев, ни рипуариев, ни вестготов, так и среди лишенных свободы не было больше ни колонов, ни лети, ни рабов.

[Рис. 10 и 11](#) .- Современное состояние феодального замка Шато-Гайяр-о-Анделис, который считался одним из самых сильных замков Франции в Средние века и был перестроен в XII веке Ричардом Кёром де Львом.

Главы семейств, привязавшись к земле, естественно, имели другие потребности и другие обычаи, чем те, которыми они наслаждались, когда были лишь вождями странствующих авантюристов. Сила их последователей теперь была для них не так важна, как безопасность их замков. Крепости заняли место вооруженных тел, и в это время каждый, кто хотел сохранить то, что у него есть, укреплял себя в меру своих сил в своей собственной резиденции. Берега рек, возвышенности и все недоступные высоты были заняты башнями и замками, окруженными рвами, которые служили опорными пунктами для владык земли. ([Рис. 10 и 11](#)). Эти оборонительные сооружения вскоре стали точками для нападения. Не подвергаясь опасности дома, многие дворяне, как хищные птицы, следили за окрестностями и всегда были готовы обрушиться не только на своих врагов, но и на соседей, надеясь либо ограбить их, когда они не будут настороже, либо получить выкуп за любого неосторожного путника, который мог попасться им в руки. Повсюду общество сидело в засаде и вело гражданскую войну - индивид против индивида - без мира и пощады. Таково было правление феодализма. Нет нужды указывать на то, как эта система вечных мелких войн приводила к ослаблению централизованной власти и как сама королевская власть ослабела к концу второй династии. Когда потомки Хью Капета захотели восстановить свою власть, придав ей более широкую основу, они были вынуждены атаковать один за другим все эти опорные пункты и практически заново присоединить каждый фьеф, город и провинцию, принадлежавшие этим мелким монархам, чтобы заставить их владельцев признать суверенитет короля. Потребовались столетия войн и переговоров, прежде чем королевство Франция смогло быть, так сказать, реформировано.

[Рис. 12.](#) - Рыцари и оруженосцы, оббитые почтой, в царствование Людовика ле Гроса, с миниатюры в Псалтыре, написанной в конце XII века.

Корпорации и горожане сыграли огромную роль в восстановлении монархической власти, а также в формировании французской национальности; но, безусловно, самым сильным влиянием в Средние века было христианство. Учение о едином происхождении и единой конечной судьбе, общей для всех людей всех сословий, постоянно служило сильным стимулом для мысли о том, что все должны быть одинаково свободны. Религиозное равенство проложило путь к равенству политическому, а поскольку все христиане были братьями перед Богом, то они, как граждане, должны были стать равными и по закону.

Однако эта трансформация происходила медленно и одновременно с прогрессом в обеспечении имущественной безопасности. Вначале раб владел только своей жизнью, и она была лишь несовершенно гарантирована ему законами милосердия, которые, однако, с каждым годом приобретали все большую силу. Затем он становился *колоном*, или рабочим (рис. [13](#) и [14](#)), работал на себя в определенных условиях и по определенным договорам, платил штрафы или услуги, которые, правда, часто были очень непомерными. В это время он считался принадлежащим к тому участку земли, на котором родился, и был, по крайней мере, уверен, что эта земля не будет у него отнята, и что, отдавая часть своего времени хозяину, он мог наслаждаться остальным по своему вкусу. После этого фермер становился собственником возделываемой им земли и хозяином не только себя, но и своих угодий; от него требовались лишь некоторые пустяковые обязательства или штрафы, которые с каждым днем становились все меньше и меньше, а в конце концов исчезли вовсе. Получив таким образом опору в обществе, он вскоре начал занимать места в провинциальных собраниях; и он сделал последний рывок на пути социального прогресса, когда голосование его соратников направило его представлять их в парламенте королевства. Так народ, начавший с чрезмерного рабства, постепенно поднимался к власти.

[Рис. 13.](#) - Трудящиеся колоны (XII век), по миниатюре в рукописи из Сент-Шапель Парижской национальной библиотеки.

Теперь мы более подробно опишем различные условия жизни людей в Средние века.

Король, получивший свои права по рождению, а не по избранию, пользовался относительно абсолютной властью, пропорциональной силе его способностей, размерам его владений и преданности его вассалов. Обладая властью, которая долгое время напоминала командование генералом армии, он поначалу не имел других министров, кроме офицеров, которым он давал полную власть действовать в провинциях и которые принимали произвольные решения от имени и по поручению короля по всем вопросам управления. Только один министр приближался к королю, и это был канцлер, который заверял, скреплял печатью и рассылал все королевские указы и распоряжения.

Однако уже в седьмом веке появилось несколько государственных чиновников, которые были специально приставлены к особе короля или его дому; граф дворца, который рассматривал и направлял иски, подаваемые на трон; мэр дворца, который в свое время возвысился от управления королевским имуществом до верховной власти; архикапеллан, ведавший церковными делами; лорд постели, ведавший сокровищами покоев, и граф конюшен, отвечавший за надзор за конюшнями.

[Рис. 14.](#) - Работающие колонны (XII век), по миниатюре в рукописи из Сент-Шапель Парижской национальной библиотеки.

По всем важным делам король обычно советовался с вельможами своего двора; но поскольку в течение пяти или шести первых веков монархии во Франции королевская резиденция не была постоянной, вероятно, Государственный совет состоял частично из офицеров, следовавших за королем, и частично из дворян, приезжавших к нему в гости или проживавших поблизости от места, где он случайно оказывался. Только при Капетингах Королевский совет стал постоянным и даже собирался в определенные периоды.

В обычное время, то есть когда он не был занят войной, короля мало кто окружал, кроме его семьи, личных слуг и министров, которым поручалось отправлять дела. Переезжая из одной своей резиденции в другую, он собирал свой двор только по большим праздникам в году.

[Рис. 15.](#) - Лорды и бароны доказывают свое благородство, вывешивая свои знамена и выставляя гербы на окнах Ложы герольдов - по миниатюре "Турниры короля Рене" (XV век), MSS Национальной библиотеки Парижа.

Вплоть до XIII века, строго говоря, не существовало ни налогов, ни государственной казны. Король получал через специальных чиновников, назначенных для этой цели, денежные или натуральные дани, которые были самыми разными, но часто очень тяжелыми, и брались почти исключительно из его личной и частной собственности. Только в экстренных случаях он обращался за денежной помощью к своим вассалам. Многие вельможи, жившие вдали от двора, либо на государственных должностях, либо в собственных вотчинах, имели учреждения, аналогичные королевским. Многочисленные и значительные привилегии возвышали их над остальными свободными людьми. Должности и вотчины стали наследственными, а за ними последовал и порядок дворянства; тогда семьям стало крайне необходимо вести свои генеалогические истории, не только для удовлетворения своей гордости, но и для того, чтобы дать им необходимые титулы для феодальных преимуществ, которые они получали по праву рождения. ([Рис. 15](#)). Без этого права наследования общество, которое в Средние века было еще неустроенным, вскоре бы распалось. Этот великий принцип, священный в глазах как великих, так и малых, поддерживал феодализм и тем самым сохранял себя среди хаоса и неразберихи повторяющихся революций и социальных потрясений.

Мы уже говорили - и не можем достаточно настаивать на этом важном моменте, - что с того дня, когда авантюрные привычки вождей германского происхождения уступили место стремлению к территориальным владениям, роль земли стала неуклонно возрастать в определении положения тех, кто ею владел. Домены превращались в маленькие королевства, над которыми владыка брал на себя самые абсолютные и произвольные права. Вскоре было установлено правило, согласно которому дворянство присуще земле, и, следовательно, земля должна передавать своим владельцам права дворянства.

Эта привилегия была настолько принята, что долгое владение вотчиной заканчивалось облагораживанием простолюдина. Впоследствии, путем своего рода компенсации, которая естественно следовала за этим, земли, за которые до сих пор выплачивалась рента, становились свободными и благородными, переходя во владение дворянина. В конце концов, однако, возобладало противоположное правило, по которому земли не меняли своего качества при смене владельца: дворянин мог по-прежнему владеть землями рабочих,

не теряя своего дворянства, а рабочий мог стать владельцем вотчины, не становясь при этом дворянином.

К *комитам*, которые, по словам Тацита, привязывались к судьбам германских вождей, пришли меровингские *леуды*, собрание которых составляло королевский совет. Эти *леуды* были людьми очень важными из-за количества своих вассалов, и хотя они составляли его обычный совет, но иногда не стеснялись открыто заявлять о своем несогласии с его волей.

Рис. 16. - Рыцарь в военном снаряжении, по миниатюре в Псалтыре, написанной и иллюстрированной при Людовике ле Гросе.

При второй из тогдашних французских династий от названия *leudes* отказались, заменив его на *fidèles*, которое, правда, вскоре стало общим обозначением как вассалов короны, так и дворян.

При королях третьей династии королевство было разделено примерно на сто пятьдесят доменов, которые назывались великими вотчинами короны, и которыми владели по наследственному праву представители высшей знати, поставленные непосредственно под королевский суверенитет и зависимость.

Рис. 17. - Король Карл Великий принимает клятву верности и уважения от одного из своих великих феодалов или верховных баронов - факсимиле миниатюры с камеи из "Хроник Сен-Дени". Рукопись XIV века (Библиотека Арсенала).

Вассалы, происходившие непосредственно от короля, в то время обычно обозначались титулом *баронов* и в основном владели крепостями. Остальные дворяне без разбора причислялись к *шевалье* или *рыцарям*, родовому титулу, к которому добавлялся титул *баннерета*. *Фьефы-оберки* были обязаны поставлять государю определенное количество рыцарей, покрытых почтовыми плащами и полностью вооруженных. На войне все рыцари были конными ([Fig. 16](#)); но рыцарей, ставших таковыми в силу своего высокого происхождения, не следует путать с теми, кто стал рыцарем благодаря какому-то великому подвигу в доме принца или высокородного, а также с членами различных рыцарских орденов, которые последовательно учреждались, таких как рыцари Звезды, Генета, Золотого руна, Сент-Эспри, Святого Иоанна Иерусалимского и т. д. Изначально владение бенефицией или вотчиной означало не более чем привилегию пользоваться доходами, получаемыми с земли, - уступка, которая ставила владельца в зависимость от собственника. Фактически он был его "человеком", которому тот должен был оказывать почтение ([Fig. 17](#)), служить в случае войны и помогать в любом иске, который владелец мог подать в королевский суд. Вожди германских племен сначала вознаграждали своих соратников по оружию, отдавая им в вотчину части завоеванной ими территории; но впоследствии в вотчину стали отдавать все, а именно: достоинства, должности, права и доходы или титулы.

Важно отметить (и только в этом феодализм проявляет свою социальную сущность), что если вассал был обязан повиноваться и быть преданным своему господину, то господин в свою очередь был обязан защищать вассала. Звание "свободного человека" не обязательно требовало владения землей; но положение свободных людей, не владевших вотчинами, было крайне деликатным и часто болезненным, поскольку они по естественному праву зависели от тех, в чьих владениях проживали. На самом деле большая часть этих дворян без земель по своей воле становилась людьми короля и оставалась на его службе. Если это не удавалось, они брали земли в аренду, чтобы содержать себя и свои семьи и не попасть в

абсолютное рабство. В случае смены владельца они переходили вместе с землей в новые руки. Тем не менее, нередко случалось, что они доходили до такого состояния, что продавали свою свободу; но в таких случаях они оставляли за собой право, если наступят лучшие времена, выкупить свою свободу, заплатив на одну пятую больше той суммы, за которую они ее продали.

Таким образом, мы видим, что в древние времена, как и позднее, свобода была более или менее естественным следствием обладания богатством или властью со стороны отдельных людей или семей, которые считали себя свободными посреди всеобщей зависимости. В X веке было если не невозможно, то, по крайней мере, трудно найти хоть одного жителя королевства Франция, который не был бы "человеком" кого-то, и который был бы либо связан правилами либерального порядка, либо находился под самыми подневольными обязательствами.

Изначально собственностью свободных людей был "эль", который находился под юрисдикцией королевских магистратов. Постепенно *алеу* утратили большую часть своих прав и стали облагаться общими платежами, причитающимися за земли, которые не были свободными.

В древности все земельные владения определенного размера состояли из двух частей: одна, занимаемая владельцем, представляла собой домен или поместье; другая, разделенная между лицами, находившимися в большей или меньшей зависимости, образовывала так называемые *рендеры*. Эти *владения* снова делились в зависимости от положения тех, кто их занимал: если ими владели свободные люди, которые носили имя вассалов, они назывались бенефициями или фьефами; если они сдавались в аренду лэти, колонам или крепостным, они назывались колониями или демеснами.

Рис. 18. - Пахари - факсимиле миниатюры в очень древней англосаксонской рукописи, опубликованной Шоу, с легендой "God Spede ye Plough, and send us Korne enow".

Лети занимали положение между колоном и крепостным. Они обладали меньшей свободой, чем колоны, над которыми собственник имел лишь косвенную и весьма ограниченную власть. Колоны служили только земле, в то время как лэти, будь то земледельцы или слуги, служили и земле, и владельцу ([Fig. 18](#)). Тем не менее, они пользовались правом владения, а также правом самозащиты или судебного преследования. Крепостной, напротив, не имел ни города, ни суда, ни семьи. Кроме того, лэти имели возможность выкупить свою свободу, если у них было достаточно средств для этого.

Крепостные занимали самую низкую позицию в социальной лестнице ([Рис. 19](#)). Они сменяли рабов, делая, таким образом, благодаря христианству, шаг к свободе. Хотя гражданские законы почти не защищали их, церковные постоянно вступались за них и защищали от произвола деспотии. Наступило время, когда у них не стало прямых хозяев, когда почти абсолютная зависимость крепостных сменилась требованием дворян обрабатывать землю и платить десятину и подати. И наконец, они стали фермерами, а место десятины и податей заняли регулярные налоги.

Колоны, лэти и крепостные, в той или иной степени обрабатывавшие землю, были, так сказать, предками современного "народа"; те, кто оставался преданным земледелию, были предками наших крестьян; а те, кто отдавался ремеслу и торговле в городах, были родоначальниками среднего класса.

[Рис. 19.](#) - Серф или вассал X века, из миниатюр в "Диалогах святого Григория", рукопись № 9917 (Королевская библиотека Брюсселя).

Уже в начале третьей королевской династии мы находим в сельских районах, а также в городах большое количество свободных людей: по мере того как хартии, касающиеся состояния земель и людей, становились все более и более обширными, тирания великих уменьшалась, а рабство сокращалось. В последующие века создание гражданских органов и появление средних классов ([Рис. 20](#)) сделало обретение свободы более легким и всеобщим. Тем не менее, эта свобода была скорее теоретической, чем практической; ведь если дворяне и давали ее номинально, то ценой непомерных штрафов, а община, купившая по высокой цене право на самоуправление, не избавлялась ни от одного из наложенных на нее феодальных повинностей.

[Рис. 20.](#) - Буржуа в конце XIII века - факсимиле миниатюры в рукописи № 6820, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

К счастью для прогресса свободы, гражданские организации, словно провидчески предупрежденные о будущем, которое их ожидает, без колебаний принимали от своих владык, гражданских или церковных, условия, пусть и обременительные, которые позволяли им существовать в глубине городов, к которым они принадлежали. Они образовали своего рода маленькое государство, почти независимое в частных делах, подчинявшееся абсолютной власти короля и в большей или меньшей степени связанное своими обычаями или договорами с местной знатью. Они проводили общественные собрания и избирали магистратов, в чьи полномочия входило отправление гражданского и уголовного правосудия, полиция, финансы и ополчение. Как правило, в них существовали фиксированные и писанные законы. Защищенные крепостными стенами, они обладали ратушей, печатью, казной и сторожевой башней, а также могли вооружить определенное количество людей либо для собственной защиты, либо для службы дворянину или государю, под властью которого находились их права.

Ни в коем случае подобная община не могла существовать без санкции короля, который ставил ее под защиту короны. Поначалу короли, ослепленные корыстолюбивой политикой, видели в издании этих хартий лишь прекрасный предлог для вымогательства денег. Если они и соглашались признавать их и даже помогать им в борьбе с их сеньорами, то только благодаря огромным жертвам, которые несли города. Впоследствии, однако, они, напротив, проявляли величайшую щедрость по отношению к вассалам, желавшим объединиться, когда понимали, что эти институты могут стать мощными помощниками в борьбе с крупными титулованными феодалами; но начиная с правления Людовика XI, когда власть дворян значительно уменьшилась и перестала внушать ужас королевской власти, короли обратились против своих бывших союзников, средних классов, и последовательно лишили их всех привилегий, которые могли ущемить права короны.

Средние классы, правда, приобрели значительное влияние впоследствии, участвуя в общих и провинциальных советах. После победоносной борьбы с духовенством и дворянством в собраниях трех государств или орденов они закончили победой над самой королевской властью.

Людовик ле Грос, в ордене которого впервые появляется титул *буржуа* (1134), обычно считается основателем франкских общин во Франции; однако доказано, что некоторое

количество общин или корпораций уже было формально создано до его вступления на престол.

Звание буржуа, однако, давалось не только жителям городов. Часто случалось, что дворяне, желая улучшить и обогатить свои владения, открывали своеобразные убежища под привлекательным названием "*Вольные города*" или "*Новые города*", где предлагали всем желающим земли, дома и более или менее широкую долю привилегий, прав и свобод. Эти конгрегации, или семьи, вскоре превратились в районы, а их жители, хотя и занимались сельским хозяйством, получили название буржуа.

[Рис. 21.](#) - Костюм вилена или крестьянина, XV век, с миниатюры "La Danse Macabre", манускрипт 7310 Парижской национальной библиотеки.

Существовал и третий вид буржуа, чье влияние на распространение королевской власти было не меньшим, чем у других. Это были свободные люди, которые под титулом буржуа короля (*bourgeois du Roy*) сохраняли свою свободу в силу охранных грамот, выданных им королем, хотя они были основаны на землях дворян, жители которых были лишены свободы. Кроме того, когда *вилен*, то есть крепостной дворянина, покупал землю в аренду в королевском округе, то, по установившемуся обычаю, прожив там год и один день, не будучи истребованным своим господином и хозяином, он становился буржуа короля и свободным человеком. Вследствие этого крепостные и виланы ([Рис. 21](#)) эмигрировали со всех концов, чтобы воспользоваться этими преимуществами, до такой степени, что земли дворян стали покидаться всеми крепостными разных степеней и находились в опасности остаться невозделанными. Дворяне, в интересах своих владений и чтобы остановить растущую эмиграцию, посвятили себя улучшению положения лиц, попавших в их зависимость, и попытались создать в своих владениях *районы*, аналогичные королевским. Но какими бы либеральными ни казались эти улучшения, дворянам было трудно не только предоставить привилегии, равные тем, что исходили от трона, но и обеспечить равную защиту тем, кого они таким образом наделяли правами. Однако, несмотря на это, в результате возникло двойное течение, которое привело к ежедневному сокращению жалкого сословия крепостных и которое, раскрепостив низшие сословия, привело к увеличению веса и власти королевской власти как в ее собственных владениях, так и в владениях дворян и их вассалов.

Эти социальные революции, конечно, не произошли внезапно и не сразу отменили прежние институты, поскольку мы все еще видим, что после создания общин и корпораций сохранялось несколько порядков рабства.

В конце XIII века, по свидетельству Филиппа де Бомануара, знаменитого редактора "Кутюмов де Бовуази", среди мирян существовало три состояния или ордена: дворянин ([Рис. 22](#)), свободный человек и крепостной. Все дворяне были свободными, но все свободные люди не обязательно были дворянами. Как правило, дворянство происходило от отца, а франкство - от матери. Но, согласно многим другим обычаям Франции, ребенок, как правило, наследовал более низкий ранг своих родителей. Существовало два порядка крепостных: один находился в абсолютной зависимости от своего господина, до такой степени, что последний мог присвоить при его жизни или после смерти, если пожелает, все, чем он владел; он мог заключить его в тюрьму, жестоко обращаться с ним, как считал нужным, не отвечая ни перед кем, кроме Бога; Другой же, хотя и находился в равном рабстве, был более либерален, ибо "если он не был виновен в каком-либо злодеянии, господин не мог требовать от него при жизни ничего, кроме платы, ренты или штрафов, которые он должен был платить за свое рабство". Если кто-то из крепостных женился на свободной женщине, все, чем он владел,

становилось собственностью его господина. То же самое происходило и после его смерти, поскольку он не мог передать ничего из своего имущества детям и мог распорядиться по завещанию только суммой около пяти су, или примерно двадцать пять франков на современные деньги.

Уже в XIV веке крепостное право или кабала перестали существовать, за исключением "mortmain", о которых нам еще предстоит рассказать.

Двор Марии Анжуйской, жены Карла VII.

Ее капеллан, ученый Робер Блондель, преподносит ей аллегорический трактат "*Двенадцать опасностей ада*". Который он написал для нее (1455). Факсимиле миниатюры из этого произведения. Библия Арсенала, Париж.

Мортмейн заключался в лишении права свободно распоряжаться своей личностью или имуществом. Тот, кто не имел права идти, куда ему вздумается, дарить или продавать, оставлять по завещанию или передавать свое имущество, движимое или недвижимое, как ему заблагорассудится, назывался человеком, находящимся в состоянии mortmain.

Рис. 22. - Итальянский дворянин XV века. С игровой карты, гравированной на меди около 1460 года (Cabinet des Estampes, Национальная библиотека Парижа).

Такое название было выбрано, по-видимому, потому, что рука, "считавшаяся символом власти и инструментом дарения", была лишена движения, парализована, фактически поражена как смертью. Почти в таком же смысле церковников называли смертниками, поскольку им было запрещено распоряжаться чем-либо принадлежащим им как при жизни, так и по завещанию после смерти.

Мортмейн был двух видов: реальный и личный; один касался земли, другой - человека; то есть земля, находящаяся в мортмейне, не меняла своего качества, каким бы ни было положение человека, ее занимавшего, а "человек из мортмейна" не переставал испытывать неудобства своего положения, на какой бы земле он ни обосновался.

На мортмейнов, как правило, распространялась большая доля феодальных повинностей, ранее налагавшихся на крепостных; в частности, они должны были определенное время работать на своего господина, не получая никакого вознаграждения, или же платить ему *налог*, когда он должен был быть уплачен, в определенных случаях, например, когда он женился, когда он давал приданое своей дочери, когда он был взят в плен, когда он отправился в Святую землю, и т. д., и т. п. Что особенно характерно для состояния мортмейнов, так это то, что лорды имели право забрать все их имущество, когда они умирали без потомства или когда дети вели отдельное хозяйство; и что они не могли распоряжаться ничем, чем владели, ни по завещанию, ни по дарственной, сверх определенной суммы.

Дворяне, выдававшие франшизу смертникам, почти во всех случаях налагали на них очень тяжелые условия, состоявшие из пошлин, трудов и всевозможных штрафов. Фактически, чтобы быть свободным, смертный человек должен был получить франшизу не только от своего господина, но и от всех дворян, от которых он зависел, а также от государя. Если дворянин получал франк без согласия своих начальников, он подвергался штрафу, так как это считалось расчленением или обесцениванием вотчины.

Уже в конце XIV века строгие законы mortmain начали выходить из употребления в провинциях; хотя если название стало исчезать, то само состояние продолжало существовать. Свободные люди, независимо от того, принадлежали ли они к среднему классу или к крестьянству, все же были обязаны платить штрафы или нести обязательства перед своими господами такого характера, что их следует считать практически находящимися в том же положении, что и мортмейны. На самом деле, этот обычай был настолько глубоко укоренен в социальных привычках феодализмом, что для его полного исчезновения в конце XVIII века потребовалось три декрета Национального конвента (17 июля и 2 октября 1793 года; и 8 Ventôse, год II, то есть 2 марта 1794 года).

Справедливости ради следует отметить, что за двенадцать или четырнадцать лет до этого Людовик XVI сделал все возможное для достижения той же цели, подавив закладные, как реальные, так и личные, на землях короны, а также личные закладные (т.е. право следовать за закладными из их первоначальных районов) по всему королевству.

[Рис. 23.](#) - Мешок с милостыней, взятый с гобелена в Орлеане, XV век.

ПРИВИЛЕГИИ И ПРАВА. ФЕОДАЛЬНЫЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ.

Элементы феодализма.- Права на сокровища, спорт, безопасное проведение, выкуп, лишение наследства и т.д.- Объединение феодалов.- Пошлины от дворян своему государю.- Юридические и университетские пошлины.- Любопытные поборы, вытекающие из всеобщей системы пошлин.-Борьба за предоставление прав классам, облагаемым пошлинами.-- Феодальный дух и дух гражданина.--Возрождение системы древних муниципалитетов в Италии, Германии и Франции.--Муниципальные учреждения и ассоциации.--Община.--Города среднего класса (*Cités Bourgeoises*).--Основа национального единства.

Чтобы понять многочисленные сборы, пошлины и повинности, часто столь же причудливые, сколь и неправомерные, которые тяготили низшие слои населения в Средние века, мы должны вспомнить, как формировался высший класс, присвоивший себе привилегию угнетать земли и людей в рамках феодальной системы.

Римским дворянам, наследникам сельскохозяйственных владений своих отцов, в большинстве своем удалось сохранить через череду нашествий варваров влияние, связанное с престижем рождения и богатства; они по-прежнему владели большей частью земли и держали в качестве вассалов сельское население. Гренландские дворяне, напротив, не имели столь обширных земельных владений, но зато присвоили себе все самые сильные позиции. Герцоги, графы и маркизы, как правило, были германского происхождения. Римская раса, смешанная с кровью различных покоренных ею народов, первой проникла в древнее общество и дала лишь баронов второстепенного порядка.

Эти разнородные элементы, собранные вместе, с целью общего владычества, составили тело, которое нашло жизнь и движение только в традициях Рима и древней Германии. Из этих двух исторических источников, как очень разумно отмечает М. Мэри-Лафон, вышли все привычки нового общества, и особенно права и привилегии, принятые дворянством.

Эти права и привилегии, которые мы собираемся вкратце рассмотреть, были многочисленны и часто любопытны: среди них можно упомянуть права на сокровища, права на кораблекрушения, права на учреждение ярмарок или рынков, права на марку, на спорт и т. д.

Право сокровищницы - это право, которое давало герцогам и графам полную власть над всеми полезными ископаемыми, найденными в их владениях. Именно отстаивая это право, встретил свою смерть знаменитый Ричард Кур де Лев, король Англии. Адемар, виконт Лиможский, обнаружил в поле сокровище, ценность которого, несомненно, преувеличена общественностью, так как оно, по слухам, было достаточно большим, чтобы смоделировать из чистого золота в натуральную величину римского императора и членов его семьи за столом. Адемар был вассалом герцога Гиеннского и, разумеется, отложил то, что считалось долей государя в его открытии; но Ричард, отказавшись уступить какую-либо часть своей привилегии, потребовал все сокровище. На отказ виконта отдать его он явился с оружием в руках к воротам замка Чалус, где, по его предположению, были спрятаны сокровища. Увидев королевский штандарт, гарнизон предложил открыть ворота. "Нет, - ответил Ричард, - раз уж вы заставили меня развернуть свое знамя, я войду только через пролом, а вас всех повесят на крепостных стенах". Осада началась, и поначалу она складывалась не в пользу англичан, так как осажденные держались достойно. Однажды вечером, когда его войска штурмовали это место, чтобы наблюдать за происходящим, Ричард сидел на небольшом расстоянии на куске скалы, защищенный мишенью - большим щитом, обтянутым кожей с железными

лезвиями, - которую держали над ним два лучника. Нетерпеливо ожидая результата нападения, Ричард толкнул щит вниз, и этот момент решил его судьбу (1199). Лучник Чалуса, узнавший его и наблюдавший с вершины крепостного вала, послал болт из арбалета, который попал ему в грудь. Однако рана, возможно, не была бы смертельной, но вскоре после этого, взяв город штурмом и в восторге от того, что сокровища остались почти нетронутыми, он предался безумным оргиям, во время которых уже растратил большую часть своих сокровищ, и умер от раны через двенадцать дней; первый, однако, милостиво помиловал лучника, который стал причиной его смерти.

Право на кораблекрушения, от которого редко отказывались вельможи приморских стран и которое было тем более ревнивым, что им постоянно приходилось оспаривать его у своих вассалов и соседей, - это безжалостное и варварское право присваивать содержимое кораблей, потерпевших крушение у их берегов.

[Рис. 24 и 25.](#) - Варлет или оруженосец, несущий алебарду с толстым лезвием, и лучник в боевой одежде, натягивающий тетиву своего арбалета двуручной лебедкой... Из миниатюр "Jouvencel" и "Chroniques" Фруассара, рукописи XV века (Императорская библиотека в Париже).

Когда феодальная знать предоставляла своим вассалам право собираться в определенные дни, чтобы устраивать ярмарки и рынки, они никогда не забывали оставлять себе определенный налог с каждой головы скота, а также с различных товаров, привезенных и выставленных на продажу. Поскольку эти ярмарки и рынки никогда не переставали привлекать большое количество покупателей и продавцов, это составляло очень выгодный налог для знати ([Рис. 26](#)).

[Рис. 26.](#) -Фламандские крестьяне на рынке скота. Миниатюра из "Chroniques de Hainaut". Рукописи XV века, том ii, лист 204 (Библиотека герцогов Бургундских, Брюссель).

Право *марки*, или репрессалии, было самым варварским обычаем. Приведем один известный пример. В 1022 году Вильгельм Благочестивый, граф Ангулемский, перед тем как отправиться в паломничество в Рим, заставил трех своих братьев, которые были его вассалами, поклясться жить в почетном мире и доброй дружбе. Но, несмотря на клятву, двое из братьев, пригласив третьего на пасхальный праздник, схватили его ночью в постели, выкололи ему глаза, чтобы он не мог найти дорогу к своему замку, и отрезали язык, чтобы он не мог назвать авторов этого ужасного обращения. Однако глас Божий, , обличил их, и граф Ангулемский, содрогаясь от ужаса, передал дело своему государю, герцогу Аквитанскому Вильгельму IV, который немедленно прибыл и огнем и мечом осуществил свое право *марша* на земли двух братьев, оставив им только жизнь и конечности, предварительно выколов им глаза и отрезав языки, чтобы наложить на них наказание в виде возмездия.

Из всех прерогатив право на спорт или охоту было самым дорогим для знати и ценилось ею больше всего. Не только самые суровые и даже жестокие наказания налагались на "вилайнов", осмелившихся убить самую маленькую голову дичи, но и часто возникали ссоры между дворянами разных степеней по этому поводу, причем одни претендовали на феодальную привилегию охотиться на землях других ([Fig. 27](#)). Из этого тиранического осуществления права на охоту, которому наименее влиятельные из дворян подчинялись лишь с самыми жестокими и горькими чувствами, возникли те старые и знакомые баллады, которые отражают народные настроения по этому вопросу. В некоторых из этих песен

заядлые охотники по приказу фей или судьбы обречены либо вечно следовать за призрачным оленем, либо охотиться, как царь Артус, в облаках и ловить муху каждые сто лет.

Право юрисдикции, дававшее герцогам и графам судебную власть в делах, возникавших в их владениях, не подлежало обжалованию ни у кого, кроме самого короля, и даже часто оспаривалось дворянами, как, например, в несчастном случае с Энгурраном де Куси. Энгуран приказал схватить и повесить трех молодых фламандских дворян, обучавшихся в аббатстве Святого Николая де Буа, поскольку, не зная, что они находятся во владениях лорда Куси, они убили стрелами несколько кроликов. Святой Людовик передал дело на рассмотрение. Энжерран ответил на вызов, но лишь для того, чтобы оспорить правоту короля и потребовать суда своих пэров. Король, не обращая внимания на протест, приказал запереть Энгуерана в большой башне Лувра и едва не применил к нему закон *возмездия*. В конце концов он даровал ему помилование, приговорив его к строительству трех часовен, в которых должны были постоянно совершаться мессы по трем жертвам; к передаче леса, где были найдены молодые ученые на охоте, аббатству "Святой Николай де Буа"; к лишению всех своих владений прав юрисдикции и спорта; к трехлетней службе в Святой Земле; и к выплате королю штрафа в размере 12 500 фунтов турнуа. Следует помнить, что Людовик IX, хотя и был наиболее великодушен в делах, касающихся только частных интересов, был одним из самых упорных защитников королевских prerogatives.

Право, которое феодалы были больше всего заинтересованы соблюдать и заставлять уважать, поскольку сами могли в любой момент потребовать его в силу своих бродячих привычек, было правом *безопасного конвоя*, или *проводника*. Это право было настолько сильным, что распространялось даже на низшие сословия, и его нарушение считалось самым одиозным преступлением; так, в XIII веке король Арагона подвергся жестокому оскорблению со стороны всех людей и всех сословий за то, что, несмотря на это право, он заставил сжечь еврея, чтобы не платить долг, который тот требовал с него.

Рис. 27. - Дворянин в охотничьем костюме в сопровождении слуги пытается найти запах оленя. Миниатюра из книги Гастона Фебуса ("Des Deduits de la Chasse des Bestes Sauvages"). Рукопись XIV века (Парижская национальная библиотека).

Следует также упомянуть о праве "короны", которая представляла собой золотой круг, украшенный различными орнаментами, в соответствии с различными степенями феодальной монархии, который вассалы должны были вручать своему господину в день его инвеституры. Право на печать было платой или штрафом, который они должны были платить за хартии, которые им доставлял их господин.

Пошлина *аубейна* - штраф или пошлина, которую купцы платили натурой или деньгами феодальному вождю, когда проходили рядом с его замком, высаживались в его портах или выставляли товары для продажи на его рынках.

Среди привилегий дворян второго порядка было право носить серебряные или золотые шпоры в соответствии с их рыцарским званием, право получать двойной паек в качестве военнопленных, право требовать отсрочки на год, если кредитор хотел захватить их землю, и право никогда не подвергаться пыткам после суда, если только они не были приговорены к смерти за совершенное преступление. Если великий барон за серьезные преступления конфисковывал имущество дворянина, который был его вассалом, последний имел право оставить себе свою лошадь, лошадь своего оруженосца, различные части упряжи и

доспехов, свою постель, шелковый халат, постель жены, одно из ее платьев, кольцо, суконный топчан и т. д.

Только дворяне обладали правом занимать почетные места в церквях и часовнях ([Fig. 28](#)) и устанавливать там погребальные памятники, и мы знаем, что они отстаивали это право так строго и с такой наглостью, что порой возникали смертельные ссоры по вопросам старшинства. Эпитафии, расположение гробниц, положение памятника - все это было предметом конфликтов или судебных тяжб. Дворяне пользовались также правом *лишения наследства*, то есть правом претендовать на имущество умершего на их землях человека, не имевшего прямого наследника; правом требовать налог при переходе фьефа или домена из рук в руки; правом *общей печи* или требованием к вассалам пользоваться мельницей, печью или прессом сеньора. Во время сбора винограда ни один крестьянин не мог продать свое вино, пока дворяне не продали свое. Все было источником привилегий для знати. Короли и советы отказывались от необходимости учиться, чтобы быть принятыми в качестве бакалавров в университеты. Если дворянин попадал в плен, его жизнь спасало его благородство, а выкуп практически должны были собирать "виланы" его доменов. Дворяне также были освобождены от службы в ополчении, не были обязаны содержать солдат и т. д. У них была тысяча предложений для установления налогов на своих вассалов, которые, как правило, считались "налогооблагаемыми и подлежащими обработке по своему усмотрению". Так, в домене Монтиньяк граф Перигорский требовал, помимо прочего, следующее: "за каждый случай порицания или жалобы, представленный ему, 10 денье; за ссору, в которой была пролита кровь, 60 солей; если кровь не была пролита, 7 солей; за использование печей - шестнадцатый каравай от каждой выпечки; за продажу кукурузы в домене - 43 сетьера: кроме того, 6 сетьеров ржи, 161 сетьер овса, 3 сетьера бобов, 1 фунт воска, 8 каплунов, 17 кур и 37 грузов вина". Было множество других прав, причитавшихся ему, включая провиантские сборы, сборы с купчих, сборы с городских печей, налоги на соль, на кожу, кукурузу, орехи; сборы за право рыбной ловли; за право спортивной ловли, которое давало лорду определенную часть или четверть убитой дичи, и, кроме того, *дим* или десятую часть всей кукурузы, вина и т.д., и т.п.

[Рис. 28.](#) --Жан Жувенель де Урсен, проректор парижских купцов, и Мишель де Витри, его жена, в царствование Карла VI. Фрагмент картины того времени, которая находилась в капелле Урсенов, а сейчас хранится в Версальском музее.

Кроме всего прочего, этот достойный дворянин собирал во время религиозных праздников в году определенные денежные дани только с поместья Монтиньяк, составлявшие целых 20 000 фунтов турнуа. По этому грубому наброску можно судить о доходах, которые он должен был получать, как в хорошие, так и в плохие годы, от других своих владений в богатом графстве Перигор.

Не следует думать, что это был исключительный случай; на всей феодальной территории существовало такое же положение вещей, и каждый сеньор занимался как своими землями, так и людьми, которых феодальное право ставило под его зависимость.

[Рис. 29.](#) - Пошлины на вина, пожалованные капитулу Турне королем Чилпериком - из окон Турненского собора, XV век.

К этим и без того чрезмерным ставкам и налогам добавились бесконечные сборы, которые под разными формами и названиями требовали церковные владыки ([рис. 29](#) и [30](#)). И не только дворяне без всякого стеснения осуществляли эти огромные поборы, но и корона

поддерживала их в отмщении за любой поступок, как бы он ни противоречил всякому чувству справедливости; таким образом, дворяне действительно были поставлены выше великого закона равенства, без которого существование общественного порядка казалось обычно невозможным.

История города Тулузы дает нам показательный пример на эту тему.

Рис. 30. - Епископ Турени, получающий десятину пива, пожалованную королем Чилпериком... Из окон собора Турени, XV век.

В день Пасхи 1335 года несколько студентов университета, которые провели ночь годовщины воскресения Спасителя в пьянстве, покинули стол в полупьяном состоянии и бегали по городу в часы службы, били кастрюли и котлы и устраивали такой шум и беспорядки, что возмущенные проповедники были вынуждены остановиться посреди своих речей и потребовали вмешательства муниципальных властей Тулузы. Один из них, господин Горе, вышел из церкви с пятью сержантами и попытался арестовать самого буйного из этой группы. Но когда он схватил его за туловище, один из его товарищей нанес господину удар кинжалом, который отрезал ему нос, губы и часть подбородка. Это происшествие взбудоражило весь город. Тулуза была оскорблена в лице своего первого магистрата и требовала отмщения. Автор преступления по имени Эмери де Беренжер был схвачен, осужден, приговорен и обезглавлен, а его тело было подвешено на *шилах* в замке Нарбонне.

Рис. 31. - Студенты Парижского университета толкают императора Карла IV в 1377 г. - из миниатюры рукописи "Chroniques de Saint Denis", № 8395 (Парижская национальная библиотека).

Тулузе пришлось дорого заплатить за уважение, проявленное к ее муниципальному достоинству. Родители студента подали королю петицию против города за то, что он посмел казнить дворянина и повесить его тело на виселице, вопреки священному праву этого дворянина обращаться к суду своих пэров. Парижский парламент решил дело с непреклонным пристрастием к правам сословия, конфисковал все имущество жителей, заставил главных магистратов встать на колени перед домом Эмери де Беренжера и просить о помиловании, сам снял тело жертвы и публично и с почестями похоронил его в усыпальнице Дораде. Таков был приговор и унижение, которому подвергся один из первых городов юга за то, что осуществил немедленное правосудие над знатным человеком, в то время как он, несомненно, не потерпел бы никакого порицания, если бы преступник, приговоренный к смерти, принадлежал к среднему или низшему сословию.

Тем не менее мы должны помнить, что тяжелые повинности в той или иной степени ложились на плечи самих привилегированных сословий, и если они облагали своих бедных вассалов немилосердно, то им, в свою очередь, часто приходилось считаться с вышестоящими в феодальной иерархии.

Альбер, или право на кров, был главным обременением, налагаемым на дворянина. Когда великий барон посещал свои земли, его арендаторы были обязаны предоставить ему и его последователям не только кров, но и провизию и еду, характер и качество которых заранее оговаривались с особой тщательностью. Мелкие дворяне иногда пользовались властью, которой они обладали, чтобы выкупить это обязательство; богатые же, напротив, стремились воспользоваться случаем, чтобы с гордостью продемонстрировать перед государем всю пышность, на которую были способны, рискуя даже заложить свои доходы на несколько лет

и разорить своих вассалов. История полна рассказов, свидетельствующих об экстравагантной расточительности некоторых вельмож в таких случаях.

До 1158 года аббатства, как правило, получали выплаты натурой. На аббатство Сен-Дени, которое было очень богато землями, была возложена обязанность обеспечивать дом и стол короля. Этот налог, который становился все тяжелее и тяжелее, в конце концов лег на парижан, которым удалось избавиться от него только в 1374 году, когда Карл V сделал всех буржуа Парижа дворянами. В двенадцатом веке вся мебель из дерева или железа, найденная в доме епископа после его смерти, становилась собственностью короля. Но в XIV веке аббаты Сен-Дени, Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Женевьев ([Рис. 32](#)) и нескольких приорств в окрестностях Парижа должны были лишь ежегодно приносить государю по две лошадиные дозы, чтобы сохранить старую систему штрафов.

Эта система всевозможных рент и пошлин была настолько основой социальной организации в Средние века, что иногда случалось, что низшие сословия извлекали из нее выгоду.

Так, кровать епископа Парижского после его смерти принадлежала бедным инвалидам из Hôtel Dieu. Каноники также были обязаны оставить свою кровать в этом госпитале в качестве искупления за совершенные ими грехи. Парижские епископы должны были устроить два роскошных обеда для своих капитулов на праздники святого Элоя и святого Павла. Святые мужи святого Мартина были обязаны ежегодно 10 ноября подносить первому председателю Парламентского суда две квадратные шапочки, а первому причетнику - письменный стол и пару перчаток. Палач также получал от различных столичных монашеских общин хлеб, бутылки вина и свиные головы; и даже преступники, которых везли в Монфокон для повешения, имели право требовать хлеба и вина от монахинь Святой Екатерины и Filles Dieux, когда они проходили мимо этих заведений по пути к виселице.

Рис. 32. - Фасад древней церкви аббатства Сент-Женевьев в Париже, основанной Хлодвигом и перестроенной в XI-XIII веках. Состояние здания до его разрушения в конце прошлого века.

Штрафы взимались везде, во все времена и по самым разным причинам. Под названием *éripices* магистраты, судьи, репортеры и адвокаты, которые поначалу получали только сладости и консервы в качестве добровольных подношений, со временем стали требовать значительную дань в текущей монете. Ученые, желавшие получить звание в университете, посылали каждому экзаменатору несколько маленьких пирожков стоимостью в десять солей. Студенты, изучающие философию или теологию, давали два ужина президенту, восемь - другим магистрам, а также одаривали их сладостями и т. д. Перечислять все штрафы, которые должны были платить подмастерья и компаньоны, прежде чем они достигали мастерства в различных ремеслах, было бы бесконечной задачей, и мы еще не упомянули некоторые штрафы, которые своим странным или нелепым характером доказывают, до какого уровня глупости могут дойти люди под влиянием тирании, тщеславия или каприза.

Так, мы читаем о том, что вассалы опускались до унижительного занятия - бить воду во рву замка, чтобы заглушить шум лягушек во время болезни хозяйки; в другом месте мы находим, что иногда лорд требовал от них прыгать на одной ноге, целовать засов замковых ворот, или проходить в его присутствии какую-нибудь пьяную игру, или петь перед дамой несколько широкую песню.

В Тюле все деревенщины, женившиеся в течение года, обязательно должны были появиться на Пюи или Мон-Сен-Клер. Ровно в двенадцать часов из больницы выходили трое детей, один из которых яростно бил в барабан, а двое других несли горшок, наполненный грязью; глашатай называл имена женихов, а те, кто отсутствовал или не мог помочь разбить горшок, бросая в него камни, платили штраф.

В Перигё молодые пары должны были подарить консулам игольницу из тисненой кожи или ткани разных цветов; женщина, выходящая замуж во второй раз, должна была преподнести им глиняный горшок, содержащий двенадцать палочек из разных пород дерева; Женщине, выходящей замуж в третий раз, - бочку гари, пропущенной тринадцать раз через сито, и тринадцать ложек, сделанных из древесины фруктовых деревьев; и, наконец, приходящая к алтарю в пятый раз должна была принести с собой маленькую бадью с экскрементами белой курицы!

"Люди Средневековья и эпохи Возрождения были буквально повязаны всевозможными налогами и повинностями", - говорит М. Мэри-Лафон. Если несколько проблесков свободы и достигали их, то лишь издалека и скорее в надежде на будущее, чем в отношении настоящего". В качестве примера того, как обращались с людьми, можно привести некоего лорда Лагуэна, о котором говорится в старых хрониках юга. Каждый год этот хитрый барон собирал своих арендаторов на деревенской площади. Устанавливался большой маевник, а на вершине прикреплялся крапивник. Лорд, указывая на птичку, торжественно объявлял, что если кому-нибудь из "вилайнов" удастся пронзить его стрелой, то он будет освобожден от уплаты податей за этот год. Вилайны стреляли, но, к большому веселью своего господина, ни разу не попали, и им пришлось продолжать платить пошлину".

Рис. 33. - Валы города Эгес-Мортес, одного из муниципалитетов Лангедока.

Можно легко понять, как такая система, узаконенная законом, препятствовала усилиям по достижению свободы, которые чувство человеческого достоинства постоянно поднимало в груди угнетенных. Борьба была долгой, часто кровавой, а временами казалась почти безнадежной, поскольку обе стороны считали, что борьба идет между двумя несовместимыми принципами, один из которых обязательно должен закончиться уничтожением другого. Любой компромисс между полным рабством и личной свободой низших сословий мог быть лишь передышкой, позволяющей этим непримиримым противникам укрепиться, чтобы возобновить с большей силой, чем когда-либо, эту отчаянную борьбу, исход которой так долго оставался под вопросом.

Людовик IV покидает Александрию 24 апреля 1507 г. **Наказание города Генуи.**

С миниатюры Жана Маро. No 5091, Bibl. nat'le de Paris.

Эти попытки добиться индивидуальной свободы особенно ярко проявились в городах; но, хотя они стали почти всеобщими на западе, не везде они имели одинаковое значение и характер. Феодальная система не везде приводила к одинаковым последствиям. Так, если в древней Галлии она поглотила всю социальную жизнь, то в Германии, где она зародилась, тевтонские институты более древнего времени давали сравнительную свободу рабочим. В южных странах мы снова находим тот же благотворный эффект от римского правления.

На этом длинном участке земли, простирающемся от южного склона Севенн до Апеннин, рука варвара лежала гораздо меньше, чем на остальной части Европы. В тех благоприятных

провинциях, где римская организация пережила римское покровительство, кажется, будто древнее великолепие никогда не прекращало своего существования, а изящество обычаев вновь расцвело среди руин. Там всегда сохранялась своего рода городская аристократия, как противовес знати, и совет выборных *prud'hommes*, синдиков, присяжных или *капитулов*, которые в городах заменили римских *honorati* и *curiales*, по-прежнему рассматривался королями и принцами как занимающий определенное положение в государстве. Муниципальный орган, более крупный и открытый, чем старые "палаты", уже не представлял собой корпорацию безвольных аристократов, закованных в привилегии, которые их разоряли. Главные города на итальянском побережье уже накопили огромные богатства за счет торговли и проявляли необычайную пылкость, активность и мощь. Вечный город, который оспаривали императоры, папы и бароны римских государств, время от времени порывался выхватить древний фантом республиканства; и этому фантому суждено было вскоре превратиться в реальность, и другой Рим, или, скорее, новый Карфаген, прекрасная Венеция, возникла свободной и независимой из волн Адриатики ([Fig. 34](#)).

В Ломбардии, столь густо колонизированной немецкими завоевателями, феодализм, напротив, тяготил, но и там города были многолюдны и энергичны, и борьба за господство между народом и знатью, между гвельфами и гибеллинами продолжалась веками в бескомпромиссной манере.

На севере и востоке галльской территории инстинкт сопротивления существовал ничуть не меньше, хотя, возможно, был более прерывистым. Фактически, в этих регионах мы видим, как амбициозные вельможи упреждают действия короля и, чтобы присоединить города к себе и своим домам, подавляют наиболее обременительные налоги, предоставляя при этом юридические гарантии. За это графы Фландрии стали знаменитыми, а знаменитый Эриберт де Вермандуа был отмечен за то, что был столь требователен в своих требованиях к великим и в то же время столь популярен среди малых.

[Рис. 34.](#) - Вид на площадь Святого Марка, Венеция, XVI век, работа Чезаре Вечеллио.

Одиннадцатый век, когда феодальная власть достигла своего апогея, был также периодом, когда началась реакция горожан против дворянства. Дух города возродился вместе с духом буржуа (название происходит от тевтонского слова *burg* - жилище) и проникся чувством оппозиции к системе, которая последовала за завоеванием тевтонов. "Но, - говорит М. Анри Мартен, - то, что появилось вновь, не было римским муниципалитетом империи, запятнанным рабством, хотя и окруженным блестящей пышностью и великолепными искусстваами, а было чем-то грубым и почти полуварварским по форме, хотя сильным и великодушным в основе, и что, насколько позволяет разница времен, скорее напоминает нам небольшие республики, существовавшие до Римской империи".

Два сильных импульса, исходящих из двух совершенно несхожих центров действия, непреодолимо двигали эту великую социальную революцию с ее разнообразными и бесконечными аспектами, затронувшую всю центральную Европу и в большей или меньшей степени ощущавшуюся на западе, севере и юге. С одной стороны, греческая и латинская пристрастность к древним корпорациям, дополненная демократическим элементом и врожденным чувством оппозиции, характерным для варварских племен; с другой стороны, свободный дух и равенство старых кельтских племен, внезапно поднявшихся против военной иерархии, которая была порождением завоевания. Европа была взбудоражена двойным потоком идей, которые одновременно побуждали ее к новому состоянию цивилизации, и особенно к новой организации городской жизни.

Италии, естественно, было суждено стать страной, где должны были пройти новые испытания социального возрождения; но она представляла собой величайшее возможное разнообразие обычаев, законов и правительств, включая императора, папу, епископов и феодальных князей. В Тоскане и Лигурии движение к свободе продолжалось почти без усилий, в то время как в Ломбардии, напротив, феодальное сопротивление было очень сильным. Однако повсюду города становились более или менее полноправными, хотя некоторые из них быстрее, чем другие. На Сицилии феодализм господствовал над всеми странами, но на большей части полуострова демократический дух городов повлиял на расширение прав сельского населения. Феодальная каста была фактически ликвидирована; бароны превратились в патрициев знатных городов, которые присвоили своим республиканским магистратам старый титул консулов. Тевтонский император тщетно пытался захватить и обратить в свою пользу суверенитет народа, стряхнувшего с себя ярмо вассалов: сигнал к войне был немедленно подан вновь наделенными правами массами, и имперский орел был вынужден лететь перед знаменами осажденных городов. Счастливы были бы города Италии, если бы в своем процветании не забыли, что только союз может дать им возможность сохранить ту свободу, которой они так свободно рисковали в постоянных ссорах друг с другом!

Рис. 35. - Вильгельм, герцог Нормандии, в сопровождении Евстафия, графа Булонского, и его рыцарей в оружии. Военная одежда XI века с гобелена Байе, созданного, как утверждают, королевой Матильдой.

Итальянское движение сразу же почувствовали по другую сторону Альп. В Провансе, Септимании и Аквитании в XI веке мы находим города, которые пользовались значительной свободой. Под названием общин и университетов, что означало, что все граждане были частью одного тела, они совместно вмешивались в общие дела королевства, к которому принадлежали. Их магистраты находились в равном положении с феодальной знатью, и хотя последняя поначалу признавала их только как "хороших людей" или знатных особ, консулы знали, как добиться своего положения в иерархии. Если консульство, являвшееся мощным выражением наиболее яркой системы независимости, и не смогло подавить феодализм в Провансе, как в Италии, то, по крайней мере, настолько его трансформировало, что лишило самых несправедливых и невыносимых элементов. В Тулузе, например (где консулы в виде исключения назывались *капитулами*, то есть главами капитулов или советов города), владыка страны казался не столько феодальным князем в своей столице, сколько почетным магистратом буржуазии. Авиньон добавил к своим консулам двух *подестатов* (от латинского *potestas* - власть). В Марселе университет верхнего города управлялся республикой под председательством графа Прованского, хотя нижний город по-прежнему находился под властью виконта. Перигё, разделенный на две общины, "большое и малое братство", взял в руки оружие, чтобы противостоять власти графов Перигорда; а Арль под властью *подестатов* некоторое время управлялся как свободный и имперский город. Среди конституций, которые были установлены городами с XI по XVI века, мы находим восхитительные примеры управления и власти, так что поражаешься усилиям ума и патриотизма, часто бесполезно потраченным на таких маленьких политических аренах. Консульство, которое, по крайней мере номинально, берет свое начало в древнем величии южных регионов, не распространилось дальше Лиона. В центре Франции, в Пуатье, Туре, Мулене и т. д., городской прогресс проявлялся лишь в слабых и легко подавляемых попытках; но на севере, напротив, в провинциях между Сеной и Рейном и даже между Сеной и Луарой, система франшизы утвердилась и стала признанной. В некоторых местах революция была проведена без труда, но в других она вызвала самую решительную борьбу. В Нормандии, например, под активным и умным управлением герцогов из рода Ролль или Роллон, средний

класс был богат и даже воинственен. Он имел доступ к советам герцогства; и когда возникла мысль о вторжении в Англию, герцог Вильгельм ([Рис. 35](#)) нашел поддержку у среднего класса, как деньгами, так и людьми. Так же обстояли дела и во Фландрии, где города Гент ([Рис. 36](#)), Брюгге, Ипр, получив право голоса лишь через некоторое время, развивались с большой скоростью. Но в других графствах западной Франции большая часть городов все еще находилась под гнетом графов и епископов. Если некоторые из них получали определенные привилегии, то эти привилегии становились их конечной гибелью из-за недобросовестности их дворян. Город между Луарой и Сеной дал сигнал, который привел к возрождению Севера. Жители Манса образовали общину или ассоциацию и дали клятву, что получают и сохраняют определенные права. Они восстали около 1070 года и заставили графа и его знатных вассалов предоставить им свободу, которую они поклялись получить, хотя Вильгельм Нормандский очень скоро вернул мятежный город к порядку и распустил самонадеянную общину. Однако пример вскоре принес свои плоды. Камбрей в свою очередь восстал и провозгласил "Коммуну", и хотя его епископ, при помощи измены и графа Гайно, привел его к повиновению, он лишь на время сдался, чтобы возобновить борьбу с большим успехом в последующий период.

[Рис. 36.](#) - Гражданская гвардия Гента (Братство святого Себастьяна), с картины на стене часовни святых Иоанна и Павла в Генте, недалеко от ворот Брюгге.

Мы только что упомянули о коммуне; но мы не должны заблуждаться относительно истинного значения этого слова, которое под латинской формой (*communitas*) выражает первоначально германскую идею, а в новой форме - христианский образ жизни. Общества взаимной защиты, гильдии и т. д. никогда не исчезали из германских и кельтских стран; и, более того, само рыцарство было братством христианских воинов. Общества *Paix de Dieu* и *Trêve de Dieu* поощрялись духовенством, чтобы остановить кровавые распри дворянства, и в действительности образовывали большие религиозные гильдии. Эта идея объединения людей, дающих друг другу общую клятву, которую так ярко продемонстрировал феодализм, не могла не повлиять на умы деревенских и низших классов, и им нужна была только возможность, которую сразу же предоставила идея Коммуны, чтобы подражать своим начальникам.

Они тоже приносили клятвы, владели своими телами и душами "сообща"; силой стратегии захватывали валы своих городов; избирали мэров, олдерменов и присяжных, которым поручалось следить за соблюдением интересов своей ассоциации. Они поклялись не жалеть ни своего имущества, ни своего труда, ни своей крови, чтобы освободиться; не довольствуясь защитой за баррикадами или цепями, перекрывавшими улицы, они смело перешли в наступление на гордых феодальных вождей, перед которыми трепетали их отцы, и заставили дворян, которым теперь угрожала эта вооруженная толпа, признать их франшизу торжественным договором.

Из этого не следует, что повсеместно Коммуна была установлена путем восстания, ибо она была получена после всевозможной борьбы; в одних местах франшизы продавались за золото, в других - предоставлялись более или менее добровольно. Везде цель была одна и та же; везде боролись или договаривались, чтобы письменной конституцией или хартией отменить насилие и произвол, от которых они так долго страдали, и заменить ежегодной и фиксированной рентой, под защитой независимого и беспристрастного закона, неограниченные поборы и замаскированный грабеж, которые так долго осуществлялись дворянством и королевской властью. Как ни крути, какие еще средства были у них для достижения этой цели, кроме крепостных стен и ворот, общей казны, постоянной армии и

магистратов, которые были одновременно администраторами, судьями и капитанами? Дом де Виль, или особняк, сразу же стал своего рода гражданским храмом, где хранились знамя Коммуны, эмблемы единства и печать, санкционировавшая муниципальные акты. Затем возникли сторожевые башни, где днем и ночью неустанно дежурили часовые, и откуда сигнал тревоги был всегда готов издать свой мощный звук, когда городу угрожала опасность. Эти сторожевые башни, памятники свободы, стали столь же необходимы для горожан, как и часовые башни их соборов, чьи яркие звоны и радостные перезвоны придавали изюминку народным праздникам ([Рис. 37](#)). Особняки, построенные во Фландрии в XIV-XVI веках под влиянием муниципалитета, представляют собой чудеса архитектуры.

[Рис. 37.](#) - Куранты часов Святого Ламберта Льежского.

Кто может досконально описать или хотя бы оценить все счастливые и несчастные перипетии, связанные с созданием коммун? Мы читаем о коммуне Камбрэ, четырежды созданной и четырежды разрушенной, которая постоянно воевала с епископами; о коммуне Бове, которую епархиальный прелат поддерживал против двух дворян, имевших на нее феодальные права; о коммуне Лаон, купленной за деньги у епископа, затем подтвержденной королем, а затем нарушенной обманом и предательством и в конце концов утопавшей в крови своих защитников. Мы читаем также о Сен-Кантене, где граф Вермандуа и его вассалы добровольно поклялись поддерживать право буржуа, и скрупулезно соблюдали свою клятву. Во многих других местах феодальных сановников настораживало одно только название Коммуны, и если они не соглашались на самые лучшие соглашения под этим ужасным названием, то без колебаний принимали их, когда их называли "законами дружбы", "Божьим миром" или "институтами мира". В Лизле, например, буржуазные магистраты назывались *умиротворителями*, или наблюдателями за дружбой. В Аире, в Артуа, члены дружбы взаимно не только помогали друг другу против врага, но и оказывали помощь в беде.

[Рис. 38.](#) - Депутаты мещан Гента, восставшие против своего государя Людовика II, графа Фландрии, пришли просить его помиловать их и вернуть в свой город. 1397 г. - миниатюра Фруассара, № 2644 (Парижская национальная библиотека)

Амьен заслуживает первого места среди городов, которые дорого купили свои привилегии. Самую страшную и кровопролитную войну вели буржуа против своего графа и владельца поместья при поддержке короля Людовика ле Гроса, который при схожих обстоятельствах только что принял сторону дворян Лаона.

Из Амьена, который, одержав победу, превратился в совершенную муниципальную республику, пример распространился по всей остальной Пикардии, острову Франция, Нормандии, Бретани и Бургундии и постепенно, без революционных потрясений, достиг Лиона, где консульство, характерное учреждение южных коммун, закончилось.

Из Фландрии движение также распространилось в направлении Германской империи; там тоже шла оживленная борьба с аристократией, пока, наконец, не возобладала великая система бесправия; города на западе и юге образовали конфедерацию против дворян, а города на севере - знаменитую тевтонскую Ганзу, столь прославленную своей морской торговлей.

Центр Франции постепенно последовал за этим движением; но его продвижение значительно замедлилось из-за тесного влияния королевской власти, которая то уступала большие права, то подавляла малейшие претензии на независимость. Короли, охотно

поддерживавшие коммуны во владениях своих соседей, не очень-то заботились о том, чтобы они возникали в их собственных владениях; разве что исключительное положение и значение какого-либо города требовали проявить разумную терпимость. Так, Орлеан, расположенный в самом сердце королевских владений, получил грубый отпор в своем первом движении; в то время как Мант, находившийся на границе Нормандского герцогства и все еще под властью английского короля, должен был только просить, чтобы получить свою франшизу от короля Франции.

Именно в королевских владениях находились города, которые, хотя и не обладали полной независимостью коммун, имели определенную свободу и гражданские гарантии. Они не обладали ни правом войны, ни правом сторожевой башни, ни исключительной юрисдикцией над избранными ими магистратами, поскольку бейлифы и королевские прокураторы представляли среди них суверена ([Рис. 39](#)).

[Рис. 39.](#) - Баиллиаж, или Трибунал королевского пристава - факсимиле гравюры на дереве в работе Жосса Дамхудера "Праксис рерум цивиллиум". (Антверпен, 1557, в 4 т.).

В Париже меньше, чем где-либо, короли могли согласиться на организацию независимой политической системы, хотя этот город сумел создать для себя муниципальное существование. Влияние среднего класса зародилось в галло-римской корпорации. Компания *наутов*, или "корпорация водной торговли", образовала центр, вокруг которого сменяли друг друга представители различных профессий. Постепенно образовалось сильное объединение гражданских сил, которому удалось избрать муниципальный совет, состоящий из проректора купцов, четырех олдерменов и двадцати шести советников города. Впоследствии этот совет сумел в трудные времена преодолеть королевское влияние, и ему суждено было сыграть заметную роль в истории.

Кроме того, по сравнению с буржуазными городами возникли города более низкого порядка, которые находились в особом подчинении у короны. Не обладая достаточной силой, чтобы претендовать на большую свободу, они были вынуждены довольствоваться несколькими привилегиями, которые им предоставляли дворяне, по большей части с политической целью. Это были Вольные города или Новые города, которые мы уже назвали.

Как бы то ни было, несомненно, что хотя в X веке феодальная власть была почти верховной в Европе, уже в XII веке муниципальная система приобрела большой вес и постоянно прогрессировала, пока политика королевства не стала развиваться на все более и более широкой основе, так что тогда ей пришлось отказаться от своей примитивной природы и принять участие в великом движении консолидации и национального единства. Таким образом, положение крупных городов в государстве относительно утратило свое индивидуальное положение и стало, по сравнению с королевством в целом, аналогичным тому, которое раньше занимали буржуа в городах. Между провинциями возникли дружеские связи, а разрозненные и соперничающие интересы были вытеснены общим стремлением к общим целям. Города были приняты в Генеральные штаты, а граждане различных регионов смешались как представители *Tiers Etat*. Таким образом, сложились три порядка, которым суждено было в будущем бороться за преобладание.

Мы должны обратить внимание на тот факт, что, как говорит месье Анри Мартен, в силу кажущегося противоречия падение Коммуны оказалось в обратном соотношении с прогрессом *Tiers Etat*. Постепенно, по мере того как правительство становилось все более оседлым, поскольку крупные вотчины поглощались короной, а парламент и другие

апелляционные суды, которые исходили от среднего класса, расширяли свою высокую судебную и военную власть, центральная власть, организованная в монархической форме, должна была быть менее склонна терпеть местную независимость коммун. Государство заменило Коммуну во всем, что касалось правосудия, войны и управления. Несомненно, некоторые ценные привилегии были утрачены; но это было лишь случайным обстоятельством, поскольку произошла великая социальная революция, которая сразу же избавилась от всех пережитков старого времени; и когда работа по восстановлению завершилась, было отдано должное почтенному имени "Коммуна", которое стало единообразно применяться ко всем городам, районам или деревням, в которые проник новый дух того же муниципального устройства.

[Рис. 40.](#) - Различные виды оружия XV века.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ В ЗАМКАХ, ГОРОДАХ И СЕЛЬСКИХ ОКРУГАХ.

Замки Меровингов.- Увлечения знати; охота, война.- Домашнее устройство.- Частная жизнь Карла Великого.- Домашние обычаи при Карловингах.- Влияние рыцарства.- Простота двора Филиппа Ангуста, которой не подражали его преемники.-Княжеская жизнь XV века.- Воспитание Латура Ландри, анжуйского дворянина.- Варлеты, пажи, эсквайры, фрейлины.- Восхищение буржуазии.- "Парижский менажер".- Старинные жилища.- Состояние деревенского населения в различные периоды.- "Деревенские поговорки", Ноэль дю Фаиль.

Огюстен Тьерри, взяв за авторитет Григория Турского, Геродота Меровингов, так описывает королевские владения при первой королевской династии Франции: -- "Это жилище никоим образом не являлось жилищем.

"Это жилище ни в коем случае не имело военного облика замка Средневековья; это было большое здание, окруженное портиками римской архитектуры, иногда построенными из тщательно отполированного и скульптурного дерева, которое ни в коем случае не было лишено элегантности. Вокруг основной части здания располагались жилища служащих дворца, иностранцев или римлян, а также начальников рот, которые, по германскому обычаю, отдавали себя и своих воинов в подчинение королю, то есть заключали особый договор о вассалитете и верности. В других домах, менее внушительных на вид, жило множество семей, которые занимались всевозможными ремеслами, такими как ювелирное дело, изготовление оружия, ткачество, курение, вышивка шелком и золотом, хлопком и т. д.

"Фермерские постройки, загоны, коровники, овчарни, амбары, дома земледельцев и хижины крепостных завершали королевскую деревню, которая очень напоминала, хотя и в большем масштабе, деревни древней Германии. Расположение этих жилищ тоже чем-то напоминало пейзажи за Рейном: большинство из них находилось на границах, а некоторые - в центре больших лесов, которые с тех пор были частично уничтожены, и остатками которых мы так восхищаемся".

Рис. 41. - Святой Реми, епископ Реймский, просит Хлодвиг вернуть священную вазу, захваченную франками при разграблении Суассона. Костюмы бургундского двора в XV веке. Факсимиле миниатюры на рукописи "Истории императоров" (Библиотека Арсенала).

Хотя исторические документы не очень четко описывают те далекие времена, достаточно внимательно изучить лишь небольшую часть территории, чтобы составить некоторое представление о нравах и обычаях франков; ведь в королевских владениях существовали все сословия, начиная с самого государя и заканчивая самым скромным рабом. Однако о частной жизни различных классов в этой элементарной форме общества мы имеем лишь приблизительные и весьма несовершенные представления.

Однако очевидно, что уже в начале правления Меровингов среди высших классов было гораздо больше роскоши и комфорта, чем принято считать. Вся золотая и серебряная мебель, все драгоценности и богатые вещи, которые галло-римляне собрали в своих роскошных жилищах, не были уничтожены варварами. Большую часть присвоили себе франкские короли, а остальное попало в руки вождей компаний при разделе добычи. Известный анекдот о вазе из Суассона ([Рис. 41](#)), которую король Хлодвиг хотел сохранить, но солдат разбил топором, доказывает, что многие жемчужины древнего искусства должны были исчезнуть из-за невежества и жестокости завоевателей, хотя столь же несомненно, что

последние вскоре переняли вкусы и обычаи местного населения. Сначала они присваивали все, что льстило их гордости и чувственности. Так материальные остатки цивилизации галлов сохранились в королевских и знатных резиденциях, церквях и монастырях. Григорий Турский сообщает, что когда Фредегонда, жена Хильперика, отдала руку своей дочери Ригуте сыну готского короля, потребовалось пятьдесят колесниц, чтобы увезти все ценные вещи, составлявшие приданое принцессы. Странная семейная сцена, рассказанная тем же историком, дает нам представление о частных привычках двора этой ужасной королевы франков. "Мать и дочь часто ссорились, что иногда заканчивалось самыми жестокими столкновениями. Однажды Фредегонда сказала Ригуте: "Зачем ты постоянно беспокоишь меня? Вот имущество твоего отца, возьми его и делай с ним, что хочешь". И, проведя ее в комнату, где она заперла свои сокровища, она открыла большой ящик, наполненный драгоценностями. Вытащив множество драгоценностей, которые она отдала дочери, она сказала: "Я устала; залезь в шкатулку своими руками и возьми то, что найдешь". Ригуте нагнулась, чтобы достать предметы, лежащие на дне шкатулки; тогда Фредегонда немедленно опустила крышку на дочь и надавила на нее с такой силой, что глаза принцессы начали вылезать из головы. Служанка закричала: "Помогите! Мою госпожу убивает ее мать!", и Ригута была спасена от безвременной кончины". Далее рассказывается, что это было лишь одно из мелких преступлений, приписываемых историей Фредегонде *Грозной*, которая всегда носила с собой кинжал или яд.

Среди франков, как и среди всех варварских народов, охота была любимым занятием, когда не велась война. Поэтому вельможи Меровингов были заядлыми охотниками, и часто случалось так, что охота занимала целые недели и уводила их далеко от дома и семьи. Но когда время года или другие обстоятельства не позволяли им вести войну с людьми или зверями, их интересовали только пиры и азартные игры. Этим занятиям они отдавались с решимостью и дикостью, вполне достойными тех получивилизованных времен. Приглашенные гости имели обыкновение являться на пиры, тем более частые, что они обязательно сопровождались религиозными церемониями, во всеоружии. Часто случалось, что эти долгие пиры, сопровождавшиеся азартными играми, были запятнаны кровью либо в частных ссорах, либо в общем *лобоище*. Можно легко представить себе беспорядки, которые должны были возникнуть в многочисленном собрании, когда горячее вино и другие перебродившие напитки, такие как пиво и т.д., возбуждали всех до высшей точки бесконтрольного веселья.

Рис. 42. - Костюмы придворных женщин с шестого по десятый век, из документов, собранных Г. де Вьелькастелем в великих библиотеках Европы.

Некоторые из королей династии Меровингов прислушались к советам служителей католической религии и попытались исправить эти шумные излишества, а сами отказались от дурного обычая. Для этого они принимали за своими столами епископов, которые благословляли собрание в начале трапезы, а кроме того, им поручалось читать главы из святого писания или петь гимны из богослужения, чтобы назидать и занимать умы гостей.

Григорий Турский свидетельствует о благотворном влиянии присутствия епископов за столами франкских королей и вельмож; он также рассказывает, что Чилперик, который очень гордился своими богословскими и светскими знаниями, любил во время обеда обсуждать, а точнее, авторитетно высказывать свое мнение по вопросам грамматики перед своими соратниками, которые в большинстве своем не умели ни читать, ни писать; он даже дошел до того, что приказал добавить три древнегреческие буквы к латинскому алфавиту.

Рис. 43. - Королева Фредегонда, сидя на своем троне, отдает приказ двум молодым людям из Терауана убить Сигеберта, короля Австрии. Окно в соборе Турени, XV век.

Частные владения франкских королей были огромны и приносили колоссальные доходы. Эти монархи имели дворцы почти во всех крупных городах: в Бурже, Шалон-сюр-Соне, Шалон-сюр-Марне, Дижоне, Этампе, Меце, Лангре, Майенсе, Реймсе, Суассоне, Туре, Тулузе, Треве, Валансьене, Вормсе и др. В Париже они занимали огромную резиденцию, ныне известную как *Термы де Жюльена* (Hôtel de Cluny), которая тогда простиралась от холма Сент-Женевьев до Сены; но они часто покидали ее ради своих многочисленных вилл в окрестностях, и в этих случаях их всегда сопровождала их казна.

Все эти резиденции были построены по единому плану. Высокие стены окружали дворец. Римский *atrium*, сохранившийся под названием *proaulium* (*preau*, ante-court), располагался перед *salutarium* (зал приемов), где принимали посетителей. *Консисторий*, или большой круглый зал, окруженный сиденьями, служил для заседаний законодательных органов, советов, общественных собраний и других торжественных мероприятий, на которых цари демонстрировали свою королевскую пышность.

Трихориум, или столовая, был самым большим залом во дворце; два ряда колонн делили его на три части: одну для королевской семьи, другую для служащих, и третью для гостей, которых всегда было очень много. Ни один высокопоставленный человек, посетивший короля, не мог уйти, не посидев за его столом или хотя бы не осушив кубок за его здоровье. Гостеприимство короля было великолепным, особенно в дни больших религиозных праздников, таких как Рождество и Пасха.

Королевские апартаменты были разделены на зимние и летние комнаты. Для регулирования температуры использовалась горячая или холодная вода, в зависимости от сезона; она циркулировала в трубах *гипокауста*, или подземной печи, которая обогревала ванны. Помещения с дымоходами назывались *эпикаусториями* (печами), и было принято герметично закрывать их, когда кто-либо желал помазаться мазями и ароматическими эссенциями. По аналогии с галло-римскими домами, во дворцах франкских королей и главных вельмож церковного или военного ордена были *термы*, или ванные комнаты: к *термам* примыкали *колимбум*, или умывальник, гимнастический зал для телесных упражнений и *гиподром*, или крытая галерея для упражнений, которую не следует путать с *ипподромом*, цирком, где проводились скачки.

Иногда после трапезы, в перерыве между двумя играми в кости, вельможи слушали барда, который на родном языке воспевал блестящие деяния их предков.

Под правлением Карла Великого личная жизнь его подданных, похоже, стала менее грубой и жестокой, хотя они и не отказались полностью от бурных развлечений. Наука и литература, на долгое время похороненные в монастырях, вновь появились при императорском дворе, как прекрасные изгнанники, а общественная жизнь приобрела тем самым немного очарования и мягкости. Карл Великий создал в своем дворце под руководством Алкуина своего рода академию под названием "Школа дворца", которая следовала за ним повсюду. В интеллектуальных занятиях этой школы обычно принимали участие все члены императорской семьи, а также все домашние люди. Карл Великий, по сути, сам был одним из самых внимательных слушателей уроков, которые давал Алкуин. Именно он был главным собеседником и участником дискуссий, которые велись на любые темы - религиозные, литературные, философские.

[Рис. 44.](#) - Костюмы знати с седьмого по девятый век, по документам, собранным Г. де Вьелькастелем из великих библиотек Европы.

Карл Великий уделял управлению своим дворцом не меньше внимания, чем своими государствами. В его "Капитуляриях", работе, которую он написал о законодательной власти, мы видим, что в этом отношении он доходит до мельчайших деталей. Например, он интересовался не только своим военным и охотничьим снаряжением, но и кухней и увеселительными садами. Он настаивал на том, чтобы каждый год знать количество своих волов, лошадей и коз; он подсчитывал прибыль от продажи фруктов, собранных в его садах, которые не требовались для использования в его доме; он получал отчет о количестве рыбы, пойманной в его прудах; он указывал кустарники, которые лучше всего подходят для украшения его сада, и овощи, которые требовались для его стола, и т. д.

Император обычно придерживался максимальной простоты в одежде. Его повседневная одежда состояла из льняной рубашки и кальсон, а также шерстяной туники, подпоясанной шелковым поясом. Поверх этой туники он набрасывал плащ из голубой ткани, очень длинный сзади и спереди, но очень короткий с каждой стороны, что давало свободу рукам для использования меча, который он всегда носил с собой. На ногах он носил перекрещивающиеся между собой ленты из тканей разных цветов, которые также закрывали ноги. Зимой, когда он путешествовал или охотился верхом на лошади, он накидывал на плечи покров из выдры или овечьей шкуры. Изменения в моде, которых требовали обычаи времени, но которым он лично никогда бы не подчинился, побудили его издать несколько строгих приказов, которые, однако, в действительности почти не имели эффекта.

Он был очень прост в еде и питье, а во время трапезы имел привычку читать ему благочестивые или исторические произведения. Утро, которое у него начиналось летом с восходом солнца, а зимой раньше, он посвящал политическому управлению своей империей. Обедал он в двенадцать часов со своей семьей; герцоги и вожди разных народов сначала ждали его, а затем занимали свои места за столом, и их ждали в свою очередь графы, префекты и высшие офицеры двора, которые обедали после них. Когда они заканчивали, за стол садились различные главы семейства, а последними их сменяли слуги низшего порядка, которые часто не ужинали до полуночи и были вынуждены довольствоваться тем, что оставалось. Однако, когда того требовал случай, этот могущественный император умел поддерживать пышность и достоинство своего положения; но как только он делал то, что было необходимо, либо по случаю какого-то большого религиозного праздника, либо по другой причине, он, словно по инстинкту, возвращался к своей дорогой и родной простоте.

Следует понимать, что простые вкусы Карла Великого не всегда разделяли ни принцы и принцессы его семьи, ни магнаты его двора ([Fig. 45](#)). Поэты и историки донесли до нас описания охот, пиров и церемоний, на которых демонстрировалось поистине азиатское величие. Эгинхард, однако, уверяет нас, что сыновья и дочери короля воспитывались под присмотром отца в либеральных студиях; чтобы уберечь их от порока праздности, Карл Великий требовал, чтобы его сыновья посвящали себя всем телесным упражнениям, таким как верховая езда, обращение с оружием и т. д., а дочери занимались рукоделием и пряли. Однако, судя по тому, что известно о легкомысленных привычках и неправильных нравах этих принцесс, очевидно, что они лишь в малой степени осознавали цель своего воспитания.

[Рис. 45.](#) - Костюмы знатных дам в IX веке, по миниатюре из Библии Карла Смелого (Парижская национальная библиотека).

Наука и литература, на некоторое время выдвинутые на первый план Карлом Великим, а также его сыном Людовиком, который был очень учен и считался искусным переводчиком и толкователем Священного Писания, были, однако, после смерти этих двух королей надолго изгнаны в уединение монастырей из-за враждебного соперничества их преемников, которое благоприятствовало нападениям нормандских пиратов. Все памятники и реликвии галло-римской цивилизации, собранные великим императором, исчезли во время гражданских войн или были постепенно уничтожены опустошительными набегами северян.

Огромная империя, которую создал Карл Великий, постепенно распадалась на части, и тогда из страха перед социальным разрушением, чтобы защитить церкви и монастыри, а также замки и усадьбы от нападений как внутренних, так и внешних врагов, во всех частях Европы, и особенно во Франции, стали возводиться башни и неприступные крепости.

Рис. 46. - Башни замка Семур и замка Ножан-ле-Ротру (современное состояние). Образцы башен XIII века.

В первый период феодализма, то есть с середины девятого по середину двенадцатого века, у обитателей замков было мало времени на удовольствия частной жизни. Им приходилось не только постоянно быть под оружием из-за бесконечных ссор короля и великих вождей, но и противостоять норманнам с одной стороны и сарацинам с другой, которые, будучи хозяевами Испанского полуострова, распространялись, как прилив, в южных графствах Лангедока и Прованса. Правда, за эти долгие и кровопролитные усилия воины Карловингов получили хорошую и богатую награду, ведь в конце концов они захватили провинции и области, которые изначально были вверены им в управление, а происхождение их феодального владения вскоре было настолько забыто, что их потомки делали вид, что эти земли, которые они действительно узурпировали вопреки своей клятве, принадлежат им от небес и мечей. Нет нужды говорить, что в то время домашняя жизнь в этих замках должна была быть скучной и однообразной; хотя, по словам М. Гизо, одиночество, которое было уделом этой грубой и трудоемкой жизни, со временем стало пионером цивилизации.

"Когда владелец фьефа покидал свой замок, его жена оставалась там, хотя и занимала совершенно иное положение, чем обычно занимают женщины. Она оставалась хозяйкой, представляя своего мужа, и на нее возлагались обязанности по защите и защите чести фьефа. Такое высокое и возвышенное положение в центре домашней жизни часто давало женщинам возможность проявить достоинство, мужество, добродетель и ум, которые в противном случае оставались бы скрытыми, и, несомненно, в значительной степени способствовало их нравственному развитию и общему улучшению их положения.

Рис. 47. - Женщина под защитой рыцарства, аллегорическая сцена - костюм конца XV века, с миниатюры в латинской псалтири (рукопись № 175, Национальная библиотека Парижа).

"Значение детей, и особенно старшего сына, в феодальных домах было выше, чем в других местах..... Старший сын знатного рода был в глазах своего отца и всех его последователей принцем и наследником, надеждой и славой династии. Эти чувства, а также домашняя гордость и привязанность различных членов друг к другу, объединяясь, придавали семье большую энергию и силу..... Добавьте к этому влияние христианских идей, и станет понятно, как эта одинокая, скучная и тяжелая замковая жизнь была, тем не менее, благоприятна для

развития домашнего общества и улучшения положения женщин, которое играет такую большую роль в истории нашей цивилизации."

[Рис. 48.](#) - Суд любви в Провансе в XIV веке (рукопись Национальной библиотеки Парижа).

Какое бы мнение ни сложилось о рыцарстве, невозможно отрицать влияние, которое этот институт оказывал на частную жизнь в Средние века. Он значительно изменил обычаи, заставив представителей сильного пола уважать и защищать слабых. Этим воинам, которые были одновременно простыми и внешне грубыми, требовалось общение с женщинами, чтобы смягчить их ([Рис. 47](#)). Взяв под свою защиту женщин и беспомощных вдов, они неизбежно все больше и больше вступали с ними в контакт. Глубокое чувство почитания женщины, навеянное христианством и, прежде всего, поклонением Деве Марии, проникло в песни трубадуров и породило сентиментальное благоговение перед нежным полом, кульминацией которого стала власть, которой женщины пользовались в судах любви ([Fig. 48](#)).

Мы подошли к правлению Филиппа Августа, то есть к концу двенадцатого века. Эта эпоха примечательна не только своей политической историей, но и влиянием на цивилизацию. Христианство тогда значительно повлияло на мир; искусства, науки и литература, одушевленные его влиянием, снова начали появляться и добавлять прелести в досуг частной жизни. Замки, естественно, были первыми, кого коснулось это поэтическое и интеллектуальное возрождение, хотя было слишком принято преувеличивать невежество тех, кто их населял. Мы слишком склонны считать воинов Средневековья полностью лишенными знаний и едва ли способными подписать свое имя, если речь идет о королях и принцах. Это большая ошибка, ведь многие рыцари сочиняли стихи, свидетельствующие об их высокой литературной культуре.

На самом деле это была эпоха трубадуров, которых можно назвать профессиональными поэтами и актерами, которые ездили из страны в страну и из замка в замок, рассказывая истории о добром короле Бретани Артусе и рыцарях Круглого стола, повторяя исторические поэмы великого императора Карла Великого и его последователей. Этих менестрелей всегда сопровождали жонглеры и инструменталисты, составлявшие странствующий отряд ([Рис. 49](#)), у которого не было иной миссии, кроме как развлекать и наставлять своих феодалов. После исполнения отрывков из эпосов или оживленного пересказа какой-нибудь древней басни жонглеры демонстрировали свое искусство или мастерство в гимнастических трюках или фокусах, которые тем больше нравились зрителям, что последние были в состоянии более или менее соревноваться с ними. Эти бродячие отряды разыгрывали небольшие комедии, взятые из происшествий того времени. Иногда инструменталисты составляли оркестр, и начинались танцы. Следует отметить, что танцы в эту эпоху состояли из нескольких человек, образующих большой круг и поворачивающихся в такт музыке или ритму песни. По крайней мере, танцы знати представлены таким образом в средневековых рукописях. К этим развлечениям добавились расчетные и азартные игры, мода на которые значительно возросла, и особенно такие игры, как нарды, шашки и шахматы, которым некоторые рыцари посвящали весь свой досуг.

Начиная с правления Филиппа Августа, в личной жизни королей, принцев и дворян произошли заметные перемены. Хотя его владения и доходы всегда росли, этот монарх никогда не проявлял, по крайней мере в обычных обстоятельствах, особого великолепия. Сохранились отчеты о его личных расходах за 1202 и 1203 годы, которые позволяют нам обнаружить некоторые любопытные детали, свидетельствующие о крайней простоте двора в

тот период. Семейный бюджет короля или королевской семьи был еще очень мал: один канцлер, один капеллан, оруженосец, дворецкий, несколько рыцарей Храма и несколько сержантов-оруженосцев были единственными служащими дворца. Король и принцы его дома меняли одежду всего три раза в течение года.

[Рис. 49.](#) - Царь Давид, играющий на лире, в окружении четырех музыкантов - костюмы XIII века (по миниатюре из рукописной Псалтыри в Императорской библиотеке в Париже).

Дети короля спали в простынях из саржи, а их кормилицы были одеты в халаты из шерстяной ткани темного цвета, называемой *брюнеткой*. Королевский плащ алого цвета был украшен драгоценностями, но король надевал его только по большим церемониям. В то же время огромные расходы были связаны с военными орудиями, стрелами, шлемами с козырьками, колесницами, а также с вооруженными людьми, которых король держал на своем содержании.

Людовик IX лично придерживался почти таких же привычек. Сир де Жуанвиль рассказывает в своих "Хрониках", что святой король по возвращении из первого крестового похода, дабы возместить ущерб, нанесенный его казне неудачей этой экспедиции, не стал больше носить дорогие меха и алые одежды, а довольствовался обычными вещами, отороченными заячьей шкурой. Тем не менее, он не уменьшил штат своих офицеров, который уже стал многочисленным; и, несомненно, будучи убежденным, что королевская власть требует великолепия, он окружил себя такой пышностью, какую только позволяло время.

При двух Филиппах, его преемниках, это великолепие возросло и перешло к великим вассалам, которым вскоре стали подражать рыцари "баннеретов". Казалось, существовала опасность того, что роскошь станет настолько великой и общей для всех слоев феодального общества, что в 1294 году был издан указ короля, в мельчайших деталях регламентирующий расходы каждого человека в зависимости от его ранга в государстве или состоянии, которое он мог подтвердить. Но этот закон постигла участь всех подобных постановлений: его либо легко было обойти, либо он выполнялся лишь частично, да и то с большим трудом. Еще одна тщетная попытка применить его на практике была предпринята в 1306 году, когда пышность платья, убранства и стола стала еще больше и разорительнее и постепенно перешла к мещанам и купцам.

В похвалу Филиппу ле Белью ([Fig. 50](#)) следует сказать, что, несмотря на неудачу его попыток остановить развитие роскоши, он не удовлетворился изданием законов против экстравагантности своих подданных, так как мы видим, что он учился строгой экономии в своем собственном доме, что напоминало о строгих временах Филиппа Августа. Так, в любопытных правилах, касающихся внутреннего устройства дворца, королеве Жанне де Наваррской разрешалось иметь в своей свите только двух дам и трех фрейлин, и, как утверждается, у нее было только две кареты на четырех лошадях, одна для себя, другая для этих дам. В другом месте эти правила требуют, чтобы специально назначенный дворецкий "покупал все ткани и меха для короля, отвечал за ключи от шкафов, где они хранятся, знал, сколько дано портным для пошива одежды, и проверял счета, когда портные присылают свои требования о цене их работы".

[Рис. 50.](#) - Король Филипп ле Бель в военной одежде, по случаю его въезда в Париж в 1304 году, после завоевания коммун Фландрии. Статуя эквестрии, установленная в Нотр-Дам в Париже и разрушенная в 1772 году.

После смерти благочестивой Жанны де Наваррской, которой, возможно, следует приписать мудрые меры ее мужа, Филиппа ле Бея, расходы королевского дома значительно возросли, особенно по случаю бракосочетания трех юных сыновей короля в 1305-1307 годах. Золото, бриллианты, жемчуг и драгоценные камни использовались в изобилии, как для одежды короля, так и для одежды членов королевской семьи. В счетах 1307 года упоминаются значительные суммы, уплаченные за ковры, контрпанцири, мантии, выделанный лен и т. д. Упоминается также государственная колесница, украшенная и покрытая росписью, позолоченная, как задняя часть алтаря, которая, должно быть, была большой переменной тяжелым транспортным средством, используемым для поездок в те дни.

Вплоть до правления Людовика Святого мебель замков сохраняла характер примитивной простоты, которая, однако, не была лишена величия. Камень в большинстве залов оставался непокрытым, или же его выбеливали раствором и украшали лепными розами и листьями, окрашенными в цвет дистемпера. На стенах, а также на колоннах, поддерживающих арки, висело всевозможное оружие и доспехи, разложенные по мастям и перемежающиеся со знаменами и вымпелами или украшенными штандартами. В большом среднем зале, или столовой, стоял длинный массивный дубовый стол со скамьями и табуретами из того же дерева. В конце стола стояло большое кресло, над которым нависал балдахин из золотой или шелковой ткани, занимаемый владельцем замка, и покидаемый им только в пользу своего начальника или государя. Часто стены государственного зала были увешаны гобеленами, изображавшими рожи со скотом, героев древней истории или события из рыцарских романов. Пол, как правило, был вымощен твердым камнем или покрыт эмалированной плиткой. Летом его тщательно устилали душистыми травами, а зимой - соломой. Филипп Август распорядился, чтобы парижский отель Дье получал травы и солому, которые ежедневно убирали с полов его дворца. Лишь много позже эта хлопотная система была заменена циновками и коврами.

Спальни обычно располагались на вершине башен и не имели почти никакой другой мебели, кроме очень большой кровати с занавесками или без них, ящика, в котором хранилась одежда и который служил также сиденьем, и кресла-примедиума, в котором иногда хранились молитвы и другие книги для набожности. Эти возвышенные комнаты, толстые стены которых защищали от жары летом и холода зимой, освещались лишь небольшим окошком или бойницей, закрытой квадратом промасленной бумаги или тонкой рогожки.

В четырнадцатом и пятнадцатом веках произошли большие изменения в жилищах знати ([Рис. 51](#)). Например, в "Истории и исследованиях древностей города Парижа" Совалья мы находим, что резиденции королей первой династии были превращены Филиппом ле Белем во дворцы правосудия; тот же автор дает нам яркое описание замка Лувр и отеля Сен-Поль, в которых жили короли, когда их двор находился в столице. Но даже не рассматривая все королевские обители, достаточно рассказать об Отеле де Бом, который, после того как в нем жили сиры де Несль, королева Бланш Кастильская и другие великие особы, был подарен Карлом VI в 1388 году своему брату, знаменитому герцогу Луи Орлеанскому.

[Рис. 51.](#) - Рыцарь и его дама - костюмы бургундского двора XIV века; меблированная палата - миниатюра из "Отеи", поэма Кристины де Пизан (Брюссельская библиотека).

"Я не буду пытаться, - говорит Соваль, - рассказывать о погребах и винных подвалах, пекарнях, фруктовых лавках, соляных магазинах, меховых комнатах, домиках носильщиков, магазинах, караульных комнатах, дровяных дворах и стеклянных лавках; ни о слугах; ни о месте, где готовили *гипокрас*; я не буду описывать ни гобеленовую, ни льняную, ни

прачечную, ни вообще все те удобства, которые в то время можно было найти во дворах этого дворца, а также в других жилищах принцев и вельмож.

"Замечу лишь, что среди множества комнат, составлявших дворец, две занимали два первых этажа главного здания; первая была поднята на несколько ступеней над первым этажом двора и занималась Валентиной де Милан, а вторую обычно занимал ее муж, Людовик Орлеанский. Каждый из этих комплексов комнат состоял из большого зала, государственной палаты, большой палаты, гардероба, нескольких шкафов и часовни. Окна залов были тринадцать с половиной футов в высоту и четыре с половиной в ширину. Государственные покои были восьми "тоисов", то есть около пятидесяти футов с половиной в длину. Палаты герцога и герцогини были шесть тозов на три, то есть примерно тридцать шесть футов на восемнадцать; остальные - семь тозов и полтора квадрата, все освещались длинными и узкими окнами из проволоки с железными решетками; перегородки и потолки были сделаны из ирландского дерева, такого же, как в Лувре".

Французские ноги

В этом дворце была комната герцога, увешанная золотыми тканями, окаймленными вермишелевым бархатом, расшитым розами; у герцогини была комната, увешанная вермишелевым атласом, расшитым арбалетами, которые были на ее гербе; комната герцога Бургундского была увешана золотыми тканями, расшитыми ветряными мельницами. Кроме того, здесь было восемь ковров блестящей фактуры с золотыми цветами; на одном изображены "Семь добродетелей и семь пороков", на другом - история Карла Великого, на третьем - история Святого Людовика. Кроме того, здесь были подушки из золотой ткани, двадцать четыре куса арагонской кожи цвета лазури и четыре ковра из арагонской кожи, "чтобы класть их на пол в комнатах летом". Любимое кресло принцессы описано в описи так: "Камерное кресло с четырьмя опорами, выкрашенное в тонкий вермильон, сиденье и подлокотники которого покрыты вермильонным сафьяном или кордованом, украшенным рисунками солнца, птиц и другими узорами, окаймленными бахромой из шелка и утыканными гвоздями".

Среди декоративной мебели были: "Большая ваза из массивного серебра, для хранения слив или сладостей, в форме квадратного стола, поддерживаемая четырьмя сатирами, также из серебра; изящная деревянная шкатулка, покрытая вермишелью из кордована, с гвоздями и окаймленная узкой золоченой лентой, закрывающаяся на ключ".

Рис. 52. - Бронзовые люстры XIV века (коллекция М. Ach. Jubinal).

В повседневной жизни Людовика Орлеанского и его супруги все соответствовало роскоши их дома. Так, для развлечения детей были сделаны две маленькие книжки с картинками, украшенные золотом, лазурью и лазурью и обтянутые лазурной кордовской кожей, которая стоила шестьдесят *парижских солей*, то есть четыреста франков. Но именно в обычае новогодних подарков герцог и герцогиня проявляли поистине королевское величие, о чем мы можем судить по отчетам об их расходах. Например, в 1388 году они заплатили четыреста франков золотом за листы шелка, чтобы подарить их тем, кто получил новогодние подарки от короля и королевы. В 1402 году сто фунтов (турнуа) были отданы золотых дел мастеру Жану Тайенну за шесть серебряных кубков, подаренных Жаку де Пошину, оруженосцу герцога. Сиру де ла Тремуиллю Валентин дарит "кубок и таз из золота"; королеве Изабелле - "золотой образ св. Иоанна, окруженный девятью рубинами, одним сапфиром и двадцатью одним жемчугом"; мадемуазель де Люксембург - "еще один маленький золотой

святой образ, окруженный жемчугом"; и, наконец, в отчете за 1394 год, озаглавленном "Часть золотых и серебряных драгоценностей, купленных мадам герцогиней Орлеанской в качестве новогоднего подарка", мы находим "золотую застёжку, усыпанную одним большим рубином и шестью большими жемчужинами, подаренную королю; три патерностера для дочерей короля и два больших бриллианта для герцогов Бургундского и Беррийского."

[Рис. 53.](#) - Стили, использовавшиеся при письме в XIV веке.

Таковы были привычки в частной жизни королевских принцев при Карле VI; и можно легко показать, что примеру королевской власти следовали не только при дворе, но и в самых отдаленных провинциях. Крупные арендаторы или вассалы короны имели по несколько великолепных особняков в своих вотчинах; герцоги Бургундские - в Сувиньи, в Мулене и в Бурбон-л'Аршамбо; графы Шампанские - в Труа; герцоги Бургундские - в Дижоне; все более мелкие дворяне стремились подражать своему начальству. С пятнадцатого по шестнадцатый век провинции, которые сегодня входят в состав Франции, были усыпаны замками, которые отличались как внутренней архитектурой, так и богатством мебели; можно утверждать, что роскошь, которая проявлялась в жилищах знати, была свидетельством, если не следствием, великой социальной революции в нравах и обычаях частной жизни.

В конце XIV века жил уважаемый анжуйский дворянин по имени Жоффруа де Латур-Ландри, у которого было три дочери. В старости он решил, что, учитывая опасности, которые могут подстергать их из-за неопытности и красоты, он составит для них свод наставлений, которые могли бы направлять их в различных жизненных обстоятельствах.

Эта книга бытовых наставлений очень любопытна и поучительна, поскольку содержит подробные сведения о нравах и обычаях, манере поведения и моде знати того времени ([Рис. 54](#)). В основном автор иллюстрирует каждое из своих наставлений примерами из жизни современных ему людей.

Ретенция молодой матери

Изображение парижских костюмов конца XIV века. Факсимиле миниатюры из латинского *Теренция* короля Карла VI. Из рукописи, хранящейся в Арсенальной библиотеке.

[Рис. 54.](#) - Платье знатных дам и детей в XIV веке. Миниатюра в "Merveilles du Monde" (рукопись, Национальная библиотека Парижа).

Первый совет, который рыцарь дает своим дочерям, - начинать день с молитвы; а чтобы придать больший вес своему совету, он рассказывает следующий анекдот: "У одного знатного человека было две дочери; одна была набожна, всегда с усердием читала молитвы и регулярно посещала церковные службы; она вышла замуж за честного человека и была очень счастлива. Другая, напротив, довольствовалась тем, что слушала негромкую мессу, торопливо читала раз или два молитву "Отче наш", после чего отправлялась баловать себя сладостями. Она жаловалась на головные боли, и ей требовалась тщательная диета. Она вышла замуж за прекрасного рыцаря; но однажды вечером, воспользовавшись тем, что муж спал, она закрылась в одной из комнат дворца и в компании домочадцев начала есть и пить самым буйным и чрезмерным образом. Рыцарь проснулся и, не обнаружив рядом с собой жены, встал и, вооружившись палкой, направился к месту гуляния. Он ударил одну из служанок с такой силой, что палка разлетелась на куски, а один из осколков попал даме в глаз и выбил его. Это вызвало неприязнь ее мужа, и вскоре он переключил свое внимание на другое место".

"Мои милые дочери, - продолжает нравоучительный родитель, - будьте вежливы и кротки, ибо нет ничего прекраснее, ничто так не обеспечивает благосклонность Бога и любовь окружающих. Будьте вежливы с великими и малыми; говорите с ними мягко..... Я видел, как одна великая дама сняла свой чепец и поклонилась простому торговцу железом. Один из ее последователей, казалось, был поражен. "Я предпочитаю, - сказала она, - быть слишком вежливой с этим человеком, чем проявить малейшую невежливость по отношению к рыцарю".

Рис. 55. - Благородная дама и фрейлина, и два бюргера с капюшонами (XIV век), с миниатюры в "Merveilles du Monde" (рукопись в Императорской библиотеке Парижа).

Латур-Ландри также советовал своим дочерям избегать возмутительной моды в одежде. "Не спешите копировать одежду иностранных женщин. Я расскажу одну историю на эту тему, касающуюся одной буржуазии из Гюйенны и сира де Бомануара. Дама сказала ему: "Кузен, я приехала из Бретани, где видела мою прекрасную кузину, вашу жену, которая была не так хорошо одета, как дамы Гайенны и многих других мест. Края ее платья и чепца не в моде". Сир ответил: "Поскольку вы находите недостатки в платье и чепце моей жены и поскольку они вам не идут, я позабочусь о том, чтобы в будущем их сменить; но я буду осторожен, чтобы не выбрать их похожими на ваши..... Поймите, мадам, что я хочу, чтобы она была одета по моде хороших дам Франции и этой страны, а не как англичанки". Именно эти последние впервые ввели в Бретани большие каймы, лифы, открытые на бедрах, и свисающие рукава. Я помню то время и видел это сам, и я не очень уважаю женщин, которые перенимают эти моды".

Что касается высоких головных уборов, "которые заставляют женщин походить на оленей, вынужденных опускать голову, чтобы войти в лес", рыцарь рассказывает о том, что произошло в 1392 году на празднике Святой Маргариты. "Там была молодая и красивая женщина, одетая совсем не так, как остальные; все смотрели на нее, как на дикого зверя. Одна респектабельная дама подошла к ней и спросила: "Друг мой, как вы называете эту моду?". Она ответила: "Это называется "платье гиббет"". "Действительно, но это не самое лучшее название!" - ответила старая леди. Очень скоро название "платье гиббет" стало известно по всей комнате, и все смеялись над глупым созданием, которое было так наряжено". На самом деле этот головной убор был назван так благодаря своей вершине, которая напоминала виселицу.

Этих выдержек из сочинения этого честного рыцаря достаточно, чтобы доказать, что обычаи французского общества уже в конце XIV века приняли определенный характер, который оставался подверженным лишь изменениям, вносимым в различные исторические периоды.

Среди обычаев, которые в наибольшей степени способствовали смягчению и изяществу феодального сословия, следует назвать обычай отправлять на службу государю на несколько лет всех молодых людей обоего пола под именами варлетов, пажей, оруженосцев и фрейлин. Ни один дворянин, каким бы богатством или властью он ни обладал, никогда не думал лишать свою семью этого ученичества и сопутствующего ему рыцарского воспитания.

Вплоть до конца XII века число домашних слуг в замке было весьма ограниченным; мы видели, например, что Филипп Август довольствовался несколькими слугами, а его королева - двумя-тремя фрейлинами. При Людовике IX это хозяйство было значительно увеличено, а при Филиппе ле Беле и его сыновьях королевское хозяйство стало настолько значительным, что представляло собой довольно большое собрание молодых мужчин и женщин. При Карле

VI только домочадцы королевы Изабеллы Баварской насчитывали сорок пять человек, не считая алмонера, капелланов и служителей капеллы, которых, должно быть, было очень много, так как суммы, выплачиваемые им, составляли большую сумму в четыреста шестьдесят франков золотом в год.

[Рис. 56.](#) - Придворные дамы королевы Анны Бретанской, миниатюра, изображающая эту даму, плачущую из-за отсутствия мужа во время Итальянской войны. Манускрипт "Epistres Envoyées au Roi" (XVI в.), полученный Фондом Койслена для библиотеки Сен-Жермен-де-Пре в Париже, ныне хранится в библиотеке Санкт-Петербурга.

При Карле VIII, Людовике XII и Франциске I служба молодых дворян, которую называли "ученичеством чести или добродетели", приняла гораздо более широкий размах, так как первые семьи французской знати стремились к тому, чтобы их дети были приняты в королевский дом, либо в прислугу к королю или королеве, либо, во всяком случае, к одному из принцев королевской крови. Анна Бретанская уделяла особое внимание своим сопровождающим женщинам ([Рис. 56](#)). "Она была первой, - пишет Брантом в своем труде "Знатные женщины", - кто начал формировать большой дамский двор, дошедший до наших дней; у нее была значительная свита как из взрослых дам, так и из молодых девушек. Она никогда не отказывала никому в приеме; напротив, она спрашивала у придворных кавалеров, есть ли у них дочери, выясняла, кто они, и просила за них". Так адмирал де Гравиль ([Рис. 57](#)) доверил доброй королеве воспитание своей дочери Анны, которая в этой школе при дворе дам стала одной из самых выдающихся женщин своего времени. Та же королева, будучи герцогиней Бретани, создала компанию из ста бретонских кавалеров, которые сопровождали ее повсюду. "Они никогда не отказывались, - пишет автор книги "Знатные женщины", - когда она шла к мессе или на прогулку, ждать ее возвращения на маленькой террасе Блуа, которая до сих пор называется *Перше-о-Бретон*. Она сама дала ей такое название, потому что, увидев их, говорила: "Вот мои бретонцы на насесте, ждут меня"".

Не стоит забывать, что эта королева, ставшая женой Карла VIII и Людовика XII, позаботилась о том, чтобы установить строгую дисциплину среди юношей и девушек, составлявших ее двор. Она справедливо считала себя хранительницей чести первых и добродетели вторых; поэтому, пока она жила, ее двор славился чистотой и вежливостью, благородной и изысканной галантностью, и ему никогда не позволялось вырождаться в неосмотрительные забавы или развратные и преступные интриги.

К сожалению, моральное влияние этой достойной принцессы умерло вместе с ней. Хотя двор Франции продолжал собирать вокруг себя почти все виды эlegantности, и хотя он оставался в течение всего шестнадцатого века самым изысканным из европейских дворов, несмотря на великие внешние и гражданские войны, он в то же время являл собой печальный пример распушенности нравов, которая имела самое пагубное влияние на общественные привычки; настолько, что порок и коррупция переходили из класса в класс и заражали все слои общества. Если бы мы захотели исследовать частную жизнь низших сословий в те времена, мы не смогли бы добиться такого успеха, как в случае с высшими классами; ведь у нас почти нет данных, которые могли бы пролить свет на их печальную и туманную историю. Буржуа и крестьяне, как мы уже показали, долгое время были вместе с жалким классом крепостных, стадом человеческих существ без индивидуальности, без значимости, которые с момента своего рождения и до самой смерти, будь то по отдельности или коллективно, были "собственностью" своих хозяев. Что представляла собой личная жизнь этой деградировавшей толпы людей, попавшей в самую тираническую и унижительную

зависимость, мы с трудом можем себе представить; по сути, это было чисто материальное существование, не оставившее почти никакого следа в истории.

Рис. 57. - Луи де Малле, лорд Гравиль, адмирал Франции, 1487 год, в военном и турнирном костюме, с гравюры XVI века (Национальная библиотека Парижа, Cabinet des Estampes).

Прошло много веков, прежде чем заря свободы смогла проникнуть в социальные слои этой толпы, угнетенной и лишенной всякой способности к действию. Развитие шло медленно, мучительно, дорогой ценой, но наконец оно состоялось; прежде всего возникли города, и с ними, или, скорее, под их влиянием, жители стали жить общественной жизнью. Сельскохозяйственное население заняло свою социальную позицию много поколений спустя.

Как мы уже видели, великое движение за создание коммун и буржуазий относится только к неустроенному периоду с одиннадцатого по тринадцатый век, и одновременно мы видим, как появляются буржуа, уже богатые и роскошные, демонстрирующие по любому поводу свое личное величие. Их частная жизнь могла быть лишь имитацией жизни в замках; постепенно, по мере того как богатство укрепляло и улучшало их положение и делало их независимыми, мы видим, как они пытаются приобрести предметы роскоши, равные или аналогичные тем, которыми наслаждались высшие классы, и которые казались им вершиной материального счастья. Во все времена малые подражали великим. Напрасно великие упрямо угрожали, используя свои прерогативы, попытаться подавить эту тревожащую их тенденцию к равенству, издавая денежные эдикты, сводные законы, принудительные постановления и уголовные ордонансы; под действием обстоятельств произвольные ограничения, которые дворяне накладывали на низшие классы, постепенно исчезали, и сила богатства проявлялась, несмотря на все их усилия подавить ее. В самом деле, не было случая, чтобы буржуазный класс смог опровергнуть обвинение в недостойности, которым его пытались заклеймить дворяне. Занимая место в совете короля или занимаясь управлением провинциями, многие из его представителей отличались твердостью и мудростью; когда их призывали на помощь в национальной обороне, они отдавали свою кровь и свое золото с благородным самоотречением; и, наконец, они не преминули доказать, что обладают теми высокими и тонкими чувствами, на наследственное обладание которыми претендует только дворянство.

Рис. 58. - Бюргер Гентский и его жена в парадном одеянии, стоящие на коленях в церкви, с витража, принадлежащего капелле в этом городе (XV век).

"Буржуа, - говорит Арно де Марвейль, один из самых знаменитых трубадуров XIII века, - обладают различными достоинствами: одни отличают себя делами чести, другие от природы благородны и ведут себя соответствующим образом. Есть и такие, кто храбр, учтив, откровенен и весел, кто, хотя и беден, находит средства, чтобы угодить изящной речью, посещает дворы и делает себя там приятным; эти, хорошо обученные вежливости и учтивости, появляются в благородных нарядах и заметно выделяются на турнирах и военных играх, доказывая, что они хорошие судьи и хорошая компания".

Вплоть до XIII века, какими бы богатыми ни были их отцы или мужья, женщинам буржуазии не разрешалось, без штрафа, использовать украшения и вещи, предназначенные исключительно для знати. Во времена правления Филиппа Августа и Людовика IX, хотя эти произвольные законы и не были отменены, по ним был нанесен сильный удар знаками доверия, уважения и почета, которыми эти монархи с удовольствием одаривали буржуазию.

Мы видим, как первый из этих королей, собираясь отправиться в крестовый поход, выбрал шестерых из числа главных членов *буржуазного общества* (именно так был назван первый отель де Виль, расположенный в углу площади де ла Грев) для включения в Регентский совет, которому он специально доверил свою волю и королевские сокровища. Его внук не преминул последовать примеру своего деда, а Людовик IX проявил такое же уважение к новому элементу, который парижская буржуазия собиралась утвердить в политической жизни, сделав буржуа Этьена Буало одним из главных министров полиции, а буржуа Жана Сарразина - его камергером.

В этих условиях вся буржуазия превозносила знаки отличия, присвоенные ее представителям, и в течение следующего царствования дамы этого сословия, гордясь своими огромными состояниями, но прежде всего гордясь муниципальными полномочиями, принадлежащими их семьям, украшали себя, невзирая на расходы, дорогими мехами и богатыми вещами, несмотря на то что закон запрещал им делать это.

Тогда дворяне возмутились, и мы читаем следующее в эдикте Филиппа ле Беля, который склонялся к буржуазии меньше, чем к дворянам, и не щадил первых в вопросах налогообложения: "Ни один буржуа не должен иметь колесницу, носить золото, драгоценные камни, короны из золота или серебра. Буржуа, не являясь ни прелатами, ни государственными сановниками, не должны иметь восковых светильников. Буржуа, обладающий двумя тысячами фунтов (турнуа) или более, может заказать для себя платье стоимостью двенадцать су шесть денье, а для своей жены - не более шестнадцати су". Су, который был лишь номинальными деньгами, можно считать равным двадцати франкам, а денье - одному франку, но следует учесть огромную разницу в стоимости серебра, из-за которой двадцать франков в XIII веке равнялись примерно двумстам франкам в современной валюте.

Рис. 59. - Новорожденный ребенок, миниатюра из "Гистории красавицы Элен" (рукопись XV века, Национальная библиотека Парижа).

Но эти предписания относительно образа жизни соблюдались так мало или так небрежно, что все преемники Филиппа ле Беля считали необходимым вновь ввести их в действие, и, более того, Карл VII, столетие спустя, был вынужден порицать излишнюю роскошь в одежде эдиктом, который, однако, выполнялся не лучше, чем остальные. "Упомянутому господину" (королю Карлу VII) было доказано, "что среди всех народов обитаемого земного шара нет ни одного столь изменчивого, возмутительного и чрезмерного в своей манере одеваться, как французский народ, и нет никакой возможности определить по их одежде состояние или призвание людей, будь то принцы, дворяне, буржуа или рабочие, поскольку всем позволено одеваться так, как они считают нужным, будь то золото или серебро, шелк или шерсть, без всякого учета их призвания".

В конце XIII века богатый купец из Валансьена отправился ко двору короля Франции в плаще из мехов, усыпанном золотом и жемчугом; видя, что никто не предлагает ему подушку, он гордо восседал на своем плаще. Уходя, он не попытался поднять плащ, а когда слуга обратил его внимание на этот факт, заметил: "В моей стране не принято, чтобы люди уносили с собой подушки".

О путешествии Филиппа ле Беля и его жены Жанны де Наваррской в города Брюгге и Гент историк Жан Майер рассказывает, что Жанна, увидев дорогие наряды буржуа этих двух

богатых городов, воскликнула: "Я думала, что я здесь единственная королева, но я вижу более шестисот!"

Несмотря на законы, парижская буржуазия вскоре сравнялась с фламандской в блеске своих нарядов. Так, во второй половине XIV века знаменитая Кристина де Пизан рассказывает, что, зайдя навестить жену купца во время ее заточения, она не без изумления увидела роскошную мебель квартиры, в которой эта женщина лежала в постели ([Рис. 59](#)). Стены были увешаны драгоценными кипрскими гобеленами, на которых были вышиты инициалы и девиз госпожи; простыни были из тонкого реймского льна и стоили более трехсот фунтов; одеяло было новым изобретением из шелка и серебряной ткани; ковер был словно золотой. Леди была одета в элегантное платье из малинового шелка, а голова и руки покоились на подушках, украшенных пуговицами из восточного жемчуга. Следует отметить, что эта дама была женой не крупного купца, как в Венеции и Генуе, а простого розничного торговца, который продавал товары не дороже четырех су; поэтому не стоит удивляться, что Кристина сочла этот анекдот "достойным увековечивания в книге".

Не следует, однако, полагать, что единственной целью буржуазии была надменная и помпезная демонстрация. Это опровергается свидетельствами "Парижского декоратора", любопытного анонимного произведения, автор которого наверняка был образованным и просвещенным буржуа.

Впервые опубликованная бароном Жеромом Пишоном, "Женская книга" представляет собой сборник советов, адресованных мужем своей молодой жене, относительно ее поведения в обществе, в мире и в ведении домашнего хозяйства. Первая часть посвящена развитию ума молодой хозяйки, а вторая относится к мероприятиям, необходимым для благополучия ее дома. Следует помнить, что сравнительно пустяковые обязанности, связанные с удобствами частной жизни, которые возлагались на жену, в те времена были не так многочисленны, как сейчас; но, с другой стороны, они требовали от хозяйки практических знаний, без которых она может обойтись в наши дни. В этой области "Ménagier" изобилует информацией.

Рассказав о молитвах, которые христианка должна произносить утром и вечером, автор обсуждает великий вопрос одежды, который всегда имел первостепенное значение в глазах женского пола: "Знай, дорогая сестра, - дружески называет он свою молодую жену, - что при выборе одежды ты всегда должна учитывать положение твоих родителей и мое, а также состояние моего состояния. Будь респектабельно одета, не уделяя этому слишком много внимания, не слишком погружаясь в новые моды. Прежде чем выйти из своей комнаты, проследите, чтобы воротник вашего платья был хорошо подогнан и не был надет криво".

[Рис. 60.](#) - Скульптурная расческа из слоновой кости XVI века (коллекция Соважо)

Затем он подробно останавливается на характерах женщин, которые слишком часто бывают своенравными и неуправляемыми; по этому поводу, поскольку он не менее изобилует примерами, чем шевадьё де Латур-Ландри, он рассказывает забавный анекдот, достойный того, чтобы его повторили и запомнили.

"Я слышал, как судебный пристав Турне рассказывал, что он несколько раз оказывался за столом с людьми, давно женатыми, и заключал с ними пари на цену ужина на следующих условиях: компания должна была посетить последовательно жилище каждого из мужей, и тот, у кого жена была достаточно послушна, чтобы сразу, не противореча и не делая замечаний, согласиться считать до четырех, выигрывал пари; но, с другой стороны, те, чьи

жены проявляли вспыльчивость, смеялись или отказывались повиноваться, проигрывали. В таких условиях компания весело отправилась в жилище Робина, чья жена, которую звали Мари, была о себе высокого мнения. Муж сказал перед всеми: "Мари, повторяй за мной, что я скажу". "Охотно, сир". Мари, скажи: "Раз, два, три!" Но к этому времени у Мари лопнуло терпение, и она сказала: "И семь, и двенадцать, и четырнадцать! Да ты меня совсем за дурака держишь! Так муж проиграл свое пари."

"Далее компания отправилась в дом мэтра Жана, жена которого, Агнескат, хорошо знала, как играть даму. Жан сказал: "Повторяйте за мной, раз! "И два!" - презрительно ответила Агнескат, и он проиграл свое пари. Тогда Тассен попробовал и сказал даме Тассен: "Считай один! "Иди наверх!" - ответила она, - "если ты хочешь учить меня считать, я не ребенок". Другой сказал: "Уходи с собой, ты, должно быть, лишилась рассудка", - и тому подобные слова, от которых мужья теряли свои ставки. Напротив, те, у кого жены были хорошо воспитаны, выигрывали свои пари и уходили радостными".

Этой забавной цитаты достаточно, чтобы показать, что автор "Парижского воспитателя" хотел взять на вооружение шуточный стиль, чтобы оживить серьезность темы, которую он отстаивал.

Не меньшего внимания заслуживает и та часть его работы, в которой он рассказывает об управлении домом. Одна из самых любопытных глав произведения - та, в которой он указывает на то, как молодая буржуа должна вести себя с людьми, находящимися у нее на службе. В те времена богатые люди, в каком бы положении они ни находились, обязаны были держать многочисленную свиту слуг. Любопытно, что еще в то время, о котором мы говорим, в Париже существовало что-то вроде бюро регистрации слуг, где находили места для служанок из деревни. Буржуа полностью передавал управление слугами своей жене; но, ввиду ее крайней молодости, автор рассматриваемого произведения рекомендует своей жене нанимать только тех слуг, которые были выбраны дамой Агнес, монахиней, которую он приставил к ней в качестве своего рода гувернантки или компаньонки.

"Прежде чем нанимать их, - говорит он, - узнайте, откуда они пришли; в каких домах они бывали; есть ли у них знакомые в городе и устойчивы ли они. Узнайте, на что они способны, и убедитесь, что они не жадные и не склонны к пьянству. Если они приехали из другой страны, постарайтесь выяснить, почему они ее покинули, ведь, как правило, женщина не без серьезных причин решает сменить место жительства. Наняв служанку, не позволяйте ей ни малейшей вольности в общении с вами, не позволяйте ей говорить с вами неуважительно. Напротив, если она будет вести себя тихо, честно, скромно и покажет, что поддается упрекам, обращайтесь с ней, как с дочерью.

"Руководите работой, которую нужно сделать, и выбирайте среди своих слуг тех, кто подходит для каждого особого дела. Если вы приказываете сделать какую-то вещь немедленно, не удовлетворяйтесь ответами: "Это будет сделано сегодня или завтра рано утром"; в противном случае будьте уверены, что вам придется повторять свои приказы".

Рис. 61. - Одежда служанок в XIII веке - миниатюра в рукописи Парижской национальной библиотеки.

К этим суровым указаниям по управлению слугами буржуа добавляет несколько слов об их нравственности. Он рекомендует не позволять им использовать грубые или непристойные выражения, а также оскорблять друг друга ([Рис. 61](#)). Хотя он считает, что слугам следует

уделять необходимое время во время еды, он не одобряет, чтобы они слишком долго пили и разговаривали за столом: по поводу этой практики он цитирует пословицу, бытовавшую в то время: "Quand varlet presche à table et cheval paist en gué, il est temps qu'on l'en oste: assez y a esté", что означает, что когда слуга разговаривает за столом, а лошадь кормится у водопоя, его пора убрать; он уже достаточно долго там пробыл.

Рис. 62. - Отель Урсинов в Париже, построенный в XIV веке, восстановленный в XVI, а теперь разрушенный. Состояние Северного фронта в конце прошлого века.

То, как автор завершает свои наставления, доказывает его доброту сердца, а также благожелательность: "Если кто-нибудь из ваших слуг заболеет, ваш долг, отложив все остальное, позаботиться о его выздоровлении".

Так выражался буржуа XV века; и поскольку очевидно, что на изложение своих теоретических учений его мог вдохновить только практический опыт, который он должен был приобрести в основном среди среднего класса, к которому он принадлежал, мы должны заключить, что в те времена буржуазия обладала значительными знаниями о моральном достоинстве и социальных приличиях.

К этому следует добавить, что наряду с купеческой и рабочей буржуазией, которая, прежде всего, была обязана своим величием высоким функциям муниципалитета, к власти пришла парламентская буржуазия, которая с XIV века играла значительную роль в государстве, занимая в разные периоды несколько королевских дворов и, наконец, почти наследственно, высшие магистерские должности. Сам характер этих великих должностей президента или парламентского советника, барристера и т. д. доказывает, что их обладатели должны были обладать немалой интеллектуальной культурой. Таким образом, среди этого класса формировался утонченный вкус, который до сих пор поощрялся только покровительством королей, принцев и лордов. Например, мы видим, как Грослиеры в Лионе, Де Тус и Сегье в Париже, несмотря на свое буржуазное происхождение, становятся благоразумными и ревностными покровителями поэтов, ученых и художников.

В описании Парижа, опубликованном в середине XV века, среди самых роскошных резиденций столицы упоминаются отели Жювеналя де Урсины ([Fig. 62](#)), Бюро де Дампмартена, Гийома Сегена, Милле Байле, Мартина Дубле, и особенно отель Жака Дюшье, расположенный на улице Прувейр, в котором были собраны по огромной стоимости коллекции всевозможного оружия, музыкальных инструментов, редких птиц, гобеленов и произведений искусства. В каждой парижской церкви, а их насчитывалось до сотни, главные часовни были основаны знаменитыми семьями старинной буржуазии, которые оставляли деньги на одну или несколько ежедневных месс за упокой души своих усопших членов. В усыпальницах, прежде всего в усыпальнице Невинных, памятники этих семей парижской буржуазии были самыми дорогими и испещрены эпитафиями, в которых живые тщетно пытались увековечить деяния усопших. Все слышали о знаменитой гробнице Николаса Фламель и его жены Пернель ([Fig. 63](#)), кресте Бюро, эпитафии Иоланды Байи, умершей в 1514 году в возрасте восьмидесяти восьми лет, которая "видела или могла видеть двести девяносто пять детей, произошедших от нее".

На самом деле религиозные учреждения Парижа содержат много любопытной и интересной информации, касающейся истории буржуазии. Например, Жан Але, который взимал налог в размере одного денье с каждой корзины рыбы на рынке и таким образом сколотил огромное состояние, после смерти оставил его целиком на возведение часовни Святой Агнессы,

которая вскоре превратилась в церковь Святого Юстаса. Кроме того, он распорядился, чтобы в качестве искупления его тело бросили в канализацию, отводящую отходы с рынка, и накрыли большим камнем; эта канализация вплоть до конца прошлого века называлась Понт-Але.

[Рис. 63.](#) - Николас Фламель и Пернель, его жена, с картины, выполненной в конце XV века под сводами кладбища Невинных в Париже.

Очень часто, когда граждане при жизни делали пожертвования церквям или приходам, дарители оставляли за собой определенные привилегии, которые должны были вызвать критику мотивов, которыми они руководствовались. Так, в 1304 году дочери Николаса Аррода, бывшего проректора купцов, подарили церкви Сен-Жак-ла-Бушери дом и участок, на котором они жили, но одна из них оставила за собой право иметь ключ от церкви, чтобы входить туда, когда ей заблагорассудится. Гийом Хоссекюэль в 1405 году купил подобное право за сумму в восемнадцать *парижских солей* в год (равную двадцати пяти франкам); а Алэн и его жена, чей дом находился рядом с двумя часовнями церкви, обязались не строить, чтобы не закрывать свет из одной из них, при условии, что они смогут открыть небольшое окно в часовню и таким образом услышать службу, не выходя из своей комнаты.

[Рис. 64.](#) - Загородная жизнь - факсимиле гравюры на дереве в фолианте Вергилия, изданном в Лионе в 1517 году.

Таким образом, мы видим, что буржуазия, особенно парижская, постепенно занимает все более заметное место в истории и становится настолько жадной до власти, что в период, который нас здесь не касается, она осмеливается стремиться к любым отличиям и обеспечивать себе важное общественное положение. То, что было исключением в XVI веке, стало правилом два столетия спустя.

Теперь мы взглянем на сельскохозяйственное население ([Рис. 64](#)), которое, как мы уже говорили, освободилось от крепостной зависимости только в конце восемнадцатого века.

Но каково бы ни было прежде гражданское состояние сельского населения, все заставляет предполагать, что в его частном и домашнем быту не произошло никаких особенных изменений с сравнительно отдаленного периода до почти настоящего времени.

Небольшая поэма XIII века, озаглавленная "De l'Oustillement au Vilain", дает ясную, хотя и грубую картину бытового состояния крестьянства. Как ни странно, следует признать, что, за некоторыми исключениями, вызванными ходом времени, даже в наши дни не составит труда найти точный тип, сохранившийся в сельских районах, наиболее удаленных от столицы и крупных городов; во всяком случае, они были точно представлены во время революции 1789 года.

[Рис. 65.](#) - Оседлые занятия гороха - факсимиле с гравюры на дереве, приписываемой Гольбейну, в "Космографии" Мюнстера (Базель, 1552, лист).

Из этого стихотворения, которое следует считать подлинным и интереснейшим документом, мы узнаем, что *усадеб* или жилище злодея состояло из трех отдельных зданий: первое - для кукурузы, второе - для сена и соломы, третье - для мужчины и его семьи. В этой деревенской обители в большом дымоходе, снабженном железной вешалкой для горшков, треножником, лопатой, большими огненными печками, котлом и крюком для мяса, пылал огонь из виноградных веток и опилок. Рядом с камином стояла печь, а в непосредственной близости

от нее - огромная кровать, на которой легко размещались злодей, его жена, дети и даже незнакомец, попросивший гостеприимства; остальную мебель составляли корыто для замешивания теста, стол, скамья, шкаф для сыра, кувшин и несколько корзин. У злодея была и другая утварь: лестница, ступка, ручная мельница - ведь тогда каждый должен был сам молотить свою кукурузу; молоток, несколько гвоздей, несколько колотушек, лески, крючки, корзины и т. д.

Рис. 66. - Злодеи перед началом работы получают приказ своего господина. Миниатюра из "Собственника имущества" - рукописи XV века (Библиотека Арсенала, Париж).

Его орудиями труда были плуг, коса, лопата, мотыга, большие ножницы, нож и точильный камень; у него была также повозка с упряжью для нескольких лошадей, чтобы он мог выполнять различные работы, требуемые от него по феодальным правам либо его собственным сеньором, либо государем; ведь злодея могли призвать к выполнению любой работы такого рода.

Его одежда состояла из блузы из сукна или кожи, застегивающейся кожаным поясом вокруг талии, шинели или мантии из толстой шерстяной ткани, которая спускалась с плеч до половины ног; башмаков или больших сапог, коротких шерстяных штанов, а на поясе висел кошелек и ножны для ножа (рис. 66 и 71). Обычно он ходил с голой головой, но в холодную погоду или во время дождя надевал шляпу из такого же материала, что и пальто, или из фетра с широким околышем. Он редко надевал *муфты*, или мягкие перчатки, за исключением тех случаев, когда занимался живой изгородью.

К коттеджу обычно примыкал небольшой огород, который он возделывал сам, и который охраняла большая сторожевая собака. Здесь же находился сарай для коров, чье молоко способствовало процветанию заведения; а на соломенной крыше этого и его коттеджа дикие кошки охотились на крыс и мышей. Семья никогда не сидела без дела, даже в плохое время года, а дети с младенчества были приучены работать рядом с родителями (Рис. 65).

Если мы находим столько сходства между жилищами злодеев XIII века и обитателей беднейших коммун Франции в наши дни, то можем с полным основанием предположить, что и между самими жителями этих двух эпох должно быть много общего; ведь как в замках, так и в городах материальное состояние жилищ изменяется вместе с моральным состоянием их обитателей.

Другая небольшая поэма под названием "О двадцати четырех видах злодеев", написанная примерно в тот же период, что и вышеупомянутая, дает нам наглядное описание разновидностей характера феодальных крестьян. В качестве примера приводится человек, который не указывает путнику дорогу, а лишь угрюмо отвечает: "Ты знаешь ее лучше меня" (Fig. 67). Другой, сидя у своей двери в воскресенье, смеется над прохожими и говорит про себя, когда видит джентльмена, идущего на охоту с птицей на запястье: "Ах! Эта птица съест курицу в день, и наши дети могли бы все пировать на ней!" Другой описывается как некий безумец, одинаково презирующий Бога, святых, церковь и дворянство. Его сосед - честный простак, который, остановившись в восхищении перед входом в Нотр-Дам в Париже, чтобы полюбоваться статуями Пипина, Карла Великого и их преемников, отбирает у него кошелек. Другой негодяй, как предполагается, занимается тем, что отстаивает чужие интересы перед "мессиром ле Байи"; он очень красноречив, пытаясь доказать, что во времена их предков коровы имели свободное право пастись на таком-то и таком-то лугу, а овцы - на таком-то и таком-то хребте; Есть еще скупец и спекулянт, который превращает все свое имущество в

готовые деньги, чтобы купить зерно на плохой сезон; но, конечно, урожай оказывается отличным, и он не получает ни фартинга, а убегает, чтобы скрыть свое разорение и ярость. Есть также злодей, который бросает свой плуг и становится браконьером. Существует множество других любопытных примеров, которые в целом доказывают, что со времен первых периодов истории класс деревенских жителей практически не изменился.

[Рис. 67.](#) - Эгоистичный и завистливый злодей - из миниатюры в "Пословицах и поговорках", рукописи фонда Ла Вальера, хранящейся в Парижской национальной библиотеке, с такой легендой:

"Attrapez y sont les plus fins:
Qui trop embrasse mal estraint".

("Самые умные обжигают на этом свои пальцы,
А те, кто хватается за все, могут все потерять").

[Рис. 68.](#) - Жадный и скупой злодей... Из миниатюры в "Пословицах и поговорках", рукопись в Национальной библиотеке Парижа, с такой легендой:

"Je suis icy levant les yeulx
Eu ce haut lieu des attendens,
En convoitant pour avoir mieulx
Prendre la lune avec les dens".

("Даже на этой возвышенности
Мы все еще смотрим выше,
Поскольку ничто не удовлетворит нас.
кроме как прижать к себе луну").

Несмотря на страдания, которым они в целом подвергались, у сельского населения были дни отдыха и развлечений, которые в то время были гораздо более многочисленными, чем в наши дни. В то время церковные праздники были частыми и строго соблюдались, а поскольку каждый из них был поводом для вынужденного отдыха от ручного труда, крестьяне после церкви не думали ни о чем, кроме развлечений; они пили, разговаривали, пели, танцевали и, прежде всего, смеялись, ибо смех наших предков вполне соперничал с гомеровским и разражался шумным весельем ([Fig. 69](#)).

Поминки, или вечерние посиделки, которые до сих пор принято устраивать в большинстве французских провинций и которые имеют очень древнее происхождение, были важными событиями в личной жизни крестьян. Именно на них в основном создавались и распространялись странные легенды и вульгарные суеверия, которые так долго питали умы невежественных классов. Именно там рассказывали необычные и страшные сказки, а также истории о колдунах, ведьмах, духах и т. д. Именно там матроны, чей солидный возраст оправдывал их опыт, настойчиво доказывали с помощью нелепых историй, что им известны все чудесные секреты для достижения счастья или излечения болезней. Поэтому в те времена самые просвещенные деревенские жители ни на минуту не сомневались в истинности колдовства.

В самом деле, одна из первых попыток напечатать книгу была направлена на воспроизведение самых нелепых историй под названием "Evangile des Conuilles ou Quenouilles", которые ранее распространялись в рукописях и получили негласную веру.

Автор этого замечательного сборника утверждает, что матроны, живущие по соседству с ним, поручили ему собрать в письменном виде изречения, подходящие ко всем условиям сельской жизни, в которые они верили и которые оглашались на поминках. Абсурды и детские глупости, которые он осмелился записать под их диктовку, почти невероятны.

В "Evangile des Quenouilles", в которую верили не меньше, чем в Священное писание, среди прочих секретов, которые она содержит для удобства читателя, говорится, что девушка, желающая узнать христианское имя своего будущего мужа, должна лишь протянуть первую нить, которую она прядет утром, через дверной проем; и первый мужчина, который пройдет мимо и коснется нити, обязательно будет носить то же имя, что и тот, за кого ей суждено выйти замуж.

Еще одна история из этой книги гласила, что если женщина, уходя с работы в субботу вечером, оставит свою моталку заряженной, она может быть уверена, что нить, которую она получит из нее в течение следующей недели, даст только белье плохого качества, которое нельзя отбелить; это считалось доказанным тем фактом, что немцы носят рубашки темно-коричневого цвета, и было известно, что женщины никогда не разгружают свои моталки с субботы до понедельника.

Считалось, что если женщина входит в коровник, чтобы подоить своих коров, не сказав "Да благословит вас Бог и святая Бриджит!", она рискует тем, что коровы лягут на нее, сломают молокоотсос и прольют молоко.

Рис. 69. - Деревенский праздник... Факсимиле гравюры на дереве из "Сандрина и Верда Галанта", легкомысленного произведения конца XVI века (издание 1609 года).

Эта глупая чепуха, составленная наподобие оракулов, была напечатана еще в 1493 году. Восемьдесят лет спустя некий дворянин из Бретани по имени Нозэль дю Файль, лорд Хериссея, советник парламента Ренна, опубликовал под названием "Деревенские и забавные рассуждения" труд, призванный противостоять влиянию знаменитой "Эвангиле де Кенуй". Эта новая работа представляла собой простой и правдивый очерк деревенских нравов и доказывала элегантность и бесхитростную простоту автора, а также точность его наблюдений. Он начинает так: "Иногда, в один из праздников, когда мне нужно было уехать в деревню, чтобы удобнее и беспрепятственнее закончить какое-нибудь дело, я, прогуливаясь, заходил в соседнюю деревню, где собралась большая часть стариков и молодых мужчин, группами, разделенными по возрастам, ибо, согласно пословице, "каждый ищет себе подобного". Молодые упражнялись с луком, прыгали, боролись, бегали наперегонки и играли в другие игры. Старики наблюдали за происходящим: одни сидели под дубом, скрестив ноги и надвинув шляпы на глаза, другие, опершись на локти, критиковали каждое представление, освежая в памяти собственную молодость и с живым интересом наблюдая за игрищами молодежи".

Автор рассказывает, что, когда он спросил одного из крестьян, чтобы выяснить, кто из присутствующих является самым умным человеком, состоялся следующий диалог: "Того, кого вы видите, опираясь на локоть, бьющего по своим сапогам с белыми шнурками палкой из орешника, зовут Ансельм; он один из богатых жителей деревни, хороший работник и неплохой писатель для равнинной страны; А тот, кого вы видите рядом с ним, засунув большой палец за пояс, с которого свисает большая сумка для дичи, в которой лежат очки и старый молитвенник, зовется Паскье, один из величайших умников в пределах одного дня пути - нет, если бы я сказал два, я бы не солгал. Как бы то ни было, он, конечно, быстрее всех

из этой компании открывает свой кошелек, чтобы угостить своих спутников". "А тот, - спросил я, - с большой миланской шапкой на голове, который держит старую книгу?" "А тот, - ответил он, - который одной рукой чешет кончик носа, а другой - бороду?" "Тот самый, - ответил я, - и кто повернулся к нам?" "Это Роджер Бонтемпис, веселый беспечный парень, который до пятидесяти лет содержал приходскую школу; но, изменив своему первому ремеслу, он стал виноделом. Однако он не может устоять перед праздниками, когда приносит нам свои старые книги и читает нам, сколько мы захотим, такие произведения, как "Калондриер де Берже", "Басни Эзопа", "Роман розы", "Матеолус", "Ален Шартье", "Бдения короля Карла", "Два Гребана" и другие. Со своей старой привычкой к пению он также не может не петь по воскресеньям в хоре; его называют Угет. Другой, сидящий рядом с ним, заглядывающий через плечо в свою книгу и носящий пояс из тюленьей кожи с желтой пряжкой, - еще один богатый крестьянин деревни, неплохой злодей, по имени Любен, который тоже живет дома и называется маленьким старичком в округе".

После этой художественной зарисовки автор подробно рассказывает о добряке Ансельме. Он говорит: "Этот добрый человек обладал умеренным количеством знаний, был неплохим грамматиком, музыкантом, в некоторой степени софистом и довольно любил подкалывать других". Приводятся также некоторые из разговоров Ансельма, и, начав с описания в светлых тонах ушедших дней, которые он и его современники видели и которые, по его словам, сильно отличались от нынешних, он продолжает: "Должен признаться, мои старые добрые друзья, что я с удовольствием вспоминаю наши молодые дни; во всяком случае, способ ведения дел в те дни был очень превосходен и во всех отношениях лучше, чем в настоящее время..... О счастливые дни! О счастливые времена, когда наши отцы и деды, которых да простит нам Господь, были еще среди нас!" Говоря это, он приподнимал край своей шляпы. Из одежды он довольствовался хорошим пальто из толстой шерсти, хорошо подшитым по моде; а для праздников и других важных случаев - пальто из толстого сукна, подбитое старым габардином.

[Рис. 70.](#) - Пастухи празднуют рождение Мессии песнями и танцами. XV век. Факсимиле гравюры на дереве из Часослова, напечатанного Энтони Верардом.

"Итак, мы видим, - пишет М. Ле Ру де Линси, - что в конце XV века старые крестьяне жаловались на изменения в деревенских обычаях и на роскошь, которую каждый желал проявить в своей мебели или одежде. Похоже, что в этом вопросе изменений практически не было. Мы читаем, что, начиная со времен Гомера и заканчивая прекрасным автором "Деревенских рассуждений", и даже позже, старики находили недостатки в нравах нынешнего поколения и превозносили нравы своих предков, которые они сами критиковали в молодости".

[Рис. 71.](#) - Кошелек или кожаная сумка с ножом или кинжалом XV века.

ЕДА И КУЛИНАРИЯ.

История хлеба.- Овощи и растения, используемые в кулинарии.- Фрукты.- Мясо мясников.- Птица, дичь.- Молоко, масло, сыр и яйца.- Рыба и моллюски.- Напитки, пиво, сидр, вино, сладкое вино, освежающие напитки, бренди.-Кулинария.- Супы, вареная пища, пироги, тушеное мясо, салаты, жаркое, гриль.- Приправы, трюфели, сахар, сок.- Сладости, десерты, выпечка.- Еда и пиры.- Правила сервировки стола с XV по XVI век.

Личная жизнь народа, - говорит Легран д'Аусси, изучавший жизнь французов только с гастрономической точки зрения, - с момента основания монархии и до XVIII века, как и жизнь всего человечества, должна начинаться с удовлетворения первых и самых насущных потребностей. Не довольствуясь обеспечением себя пищей, человек старался добавить к еде то, что удовлетворяло его вкус. Он не ждет, когда проголодается, а предвосхищает это чувство и усугубляет его приправами и специями. Одним словом, его прожорливость породила на этот счет очень сложную и широко распространенную науку, которая среди народов, считающихся цивилизованными, приобрела наибольшее значение и получила название кулинарного искусства".

Во все времена люди всех стран напрягали природу земли, на которой они жили, заставляя ее производить то, в чем она, казалось, всегда должна была им отказать. Те продукты, которые человеческая промышленность не могла получить из определенной почвы или из определенного климата, торговля обязывалась привозить из страны, которая их производила. Это позволило Рабле сказать, что желудок - отец и хозяин промышленности.

Мы быстро пробежимся по пищевым продуктам, которые наши предки получали из животного и растительного царства, а затем проследим прогресс кулинарного искусства, рассмотрим правила проведения пиров и другие вопросы, относящиеся к эпикурейским обычаям Средневековья.

Пища.

ХЛЕБ. Галлы, населявшие в основном глубокие и густые леса, питались травами и фруктами, а особенно желудями. Возможно даже, что почитание, которое они питали к дубу, не имело иного происхождения. Эта примитивная пища продолжала использоваться, по крайней мере в голодные времена, вплоть до VIII века, и мы находим в предписаниях святого Хродеганда, что если в результате плохого года желудь или буковый орех становились дефицитом, то епископ был обязан предоставить что-то для восполнения этого дефицита. Восемь веков спустя, когда Рене дю Белле, епископ Манса, пришел доложить Франциску I об ужасающей бедности своей епархии, он сообщил королю, что жители многих мест вынуждены питаться желудевым хлебом.

[Рис. 72 и 73.](#) - Молотьба кукурузы и выпечка хлеба. Миниатюры из календаря Часослова. Рукопись XVI века.

В древнейшие времена хлеб готовили на углях. Печи в Европу завезли римляне, которые нашли их в Египте. Но, несмотря на этот завоз, старая система приготовления пищи использовалась еще долго, так как в X веке Раймбольд, аббат монастыря Сен-Тьерри,

недалеко от Реймса, в своем завещании распорядился, чтобы в день его смерти хлеб, приготовленный под углями - *panes subcinericios* - был отдан его монахам. По феодальному праву сеньор был обязан печь хлеб для своих вассалов, за что они облагались налогом, но последние часто предпочитали готовить муку дома в углях собственного очага, а не нести ее в общественную печь.

[Рис. 74.](#) - Мельник... С гравюры XVI века, автор Дж. Амман.

Следует отметить, что обычай заквашивать тесто добавлением закваски не был повсеместно принят среди древних. По этой причине, поскольку тесто без закваски могло получиться только тяжелым и несъедобным, они старались, чтобы буханки были тщательно прожарены, делать их очень тонкими. Эти хлеба служили тарелками для нарезки других блюд, а когда они пропитывались соусом и подливкой, их ели как пироги. Использование *tourteaux* (маленьких булочек с корочкой), которые сначала назывались *tranchoirs*, а затем *tailloirs*, долгое время оставалось в моде даже на самых роскошных банкетах. Так, в 1336 году венский дофин Гумберт II, помимо небольшого белого хлеба, имел четыре маленьких буханки, которые служили за столом в качестве *tranchoirs*. В "Парижском мещанине" упоминается "*des pains de tranchouers* диаметром в полфута и глубиной в четыре пальца", а историк Фруассар также говорит о *tailloirs*.

Трудно назвать точный период, когда квасной хлеб был принят в Европе, но мы можем утверждать, что в Средние века он не был чем-то общим. Дрожжи, которые, по словам Плиния, были известны еще галлам, предназначались для кондитерских изделий, и только в конце XVI века парижские пекари стали использовать их для хлеба.

Поначалу профессии мельника и пекаря выполнял один и тот же человек (рис. [74](#) и [75](#)). Человек, который занимался помолом зерна, имел рядом со своей мельницей печи, которые он сдавал своему господину для выпечки хлеба, когда не ограничивал свое дело теми, кто присылал ему свою кукурузу для помола.

[Рис. 75.](#) - Пекарь - с гравюры XVI века, автор Дж. Амман.

В более поздний период появились общественные пекари, которые не только пекли буханки, которые им приносили уже вымешанными, но и делали хлеб, который продавали на вес; эта система существовала до недавнего времени в провинциях.

Карл Великий в своих "Капитуляриях" установил число пекарей в каждом городе в зависимости от численности населения, а Людовик Святой освободил их, как и мельников, от несения вахты, чтобы у них не было предлога для остановки или пренебрежения своей работой, которую он считал общественно полезной. Тем не менее, пекари как единое целое так и не стали богатыми или влиятельными (рис. [76](#) и [77](#)). Принято считать, что название "буланже" (пекарь) возникло из-за того, что форма булок, выпекаемых в одно время, была очень похожа на круглый шар. Но буханки так сильно различались по форме, качеству и, соответственно, названию, что ученый Дю Канж в своем "Словаре непонятных слов" указывает не менее двадцати сортов, изготовленных в XII и XIII веках, и среди них можно упомянуть придворную буханку, буханку папы, буханку рыцаря, буханку сквайра, буханку пэра, буханку варлета и т. д.

[Рис. 76.](#) - Знамя корпорации пекарей Парижа.

[Рис. 77.](#) - Знамя корпорации пекарей Арраса.

Самым знаменитым хлебом был белый хлеб из Шайи или Шилли, деревни в четырех лье (десяти милях) к югу от Парижа, который обязательно присутствовал на всех столах *элиты* XIV века. *Боле молле*, или мягкий хлеб на молоке и масле, хотя и был широко распространен до этого, вошел в моду только после прибытия во Францию Марии Медичи (1600 г.), поскольку тосканской принцессе он пришелся по вкусу настолько, что она не могла есть ничего другого.

Обычный парижский рыночный хлеб состоял из хлеба *rousset*, сделанного из меслина и используемого для супа, хлеба *буржуазии* и хлеба *chaland*, или хлеба *клиента*, который был общим названием для всех описаний, которые ежедневно отправлялись из соседних деревень в столицу. Среди наиболее известных сортов мы упомянем только хлеб *Корбейль*, *собачий хлеб*, хлеб *двух цветов*, который состоял из чередующихся слоев пшеницы и ржи и использовался людьми с небольшим достатком; был также хлеб *Гонесс*, который сохранил свою репутацию до сегодняшнего дня.

Столовые буханки, которые в провинциях подавались к столам богачей, были такого удобного размера, что одной из них хватало на человека с обычным аппетитом, даже после отрезания корки, которую считалось вежливым предлагать дамам, размачивавшим ее в супе. Для слуг пекли хлеб более низкого качества, называемый "обычным хлебом".

Во многих графствах хлеб, прежде чем поставить его в печь, посыпали порошком льняного семени, и этот обычай сохранился до сих пор. Соль обычно добавляли в муку, за исключением некоторых местностей, особенно Парижа, где из-за ее дороговизны ее добавляли только в дорогие сорта.

В течение долгого времени наиболее почитаемыми для выпечки были пшеницы из Бри, Шампани и Бассиньи; пшеницы из Дофине считались малоценными, поскольку, по слухам, в них содержится так много плевел и бесполезных зерен, что хлеб из них вызывает головную боль и другие недуги.

В древней хронике времен Карла Великого упоминается дважды испеченный хлеб, или бисквит. Этот хлеб был очень твердым, и хранить его было легче, чем любой другой. Его использовали, как и сейчас, для снабжения кораблей или городов, которым грозила осада, а также в религиозных домах. В более поздний период из сухого и крошащегося теста стали делать изысканные бисквиты, которые сохранили свое первоначальное название. Уже в XVI веке Реймс прославился этими изделиями.

Хлеб из ячменя, овса или проса всегда относился к грубой пище, к которой бедняки прибегали только в годы нужды ([Рис. 78](#)). Ячменный хлеб, кроме того, использовался в качестве своеобразного наказания, и монахи, совершившие какой-либо серьезный проступок против дисциплины, были обречены жить на нем в течение определенного срока.

Ржаной хлеб считался очень малоценным, хотя в некоторых провинциях, таких как Лионне, Форез и Овернь, он был очень распространен среди деревенского населения и способствовал, как пишет Брюйен Шампье в своем трактате "De re Cibaria", "сохранению красоты и свежести среди женщин". В более поздний период парижские врачи часто предписывали употреблять хлеб, наполовину состоящий из пшеницы и наполовину из ржи, в качестве средства "сохранения здоровья". Черная пшеница, или гречиха, завезенная в Европу маврами и сарацинами после завоевания ими Испании, быстро распространилась в северных провинциях, особенно во Фландрии, где благодаря своей легкой культуре и почти

гарантированному урожаю она избавила жителей, которым постоянно угрожал голод, от многих страданий.

Лишь позднее на юге стали возделывать маис, или турецкую пшеницу, и рис; но эти два вида зерна, одинаково бесполезные для хлеба, использовались для откорма домашней птицы, а для приготовления пирогов, которые, однако, мало ценились.

Рис. 78. - Выращивание зерна, используемого крестьянами, и производство ячменного и овсяного хлеба... - Факсимиле гравюры на дереве в издании Вергилия, опубликованном в Лионе в 1517 году.

Овощи и РАСТЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В КУЛИНАРИИ.-- Из древнейших исторических документов мы узнаем, что в самый ранний период существования французской монархии свежие и сушеные овощи были обычной пищей населения. Плиний и Колумелла приписывают галльское происхождение некоторым корнеплодам, среди которых лук и пастернак, которые римляне выращивали в своих садах для использования на своих столах.

Очевидно, однако, что овощи никогда не считались способными образовывать твердую пищу, поскольку они использовались почти исключительно монашескими общинами, когда те давали обет крайнего воздержания.

Устав Карла Великого, в котором подробно перечислены полезные растения, которые император желал выращивать в своих владениях, показывает, что в тот период использовалась большая часть наших кулинарных овощей, поскольку в нем упоминаются укроп, чеснок, петрушка, шалот, лук, кресс-салат, эндивий, латук, свекла, капуста, лук-порей, морковь, артишоки; кроме того, длинные бобы, широкие бобы, горох или итальянская вика, и чечевица.

В XIII веке растения, пригодные для приготовления пищи, стали называть *aigrun*, а в более позднее время к ним причислили апельсины, лимоны и другие кислые фрукты. Святой Людовик добавил к этой категории даже фрукты с твердой кожурой, такие как грецкие орехи, филберты и каштаны; и когда гильдия фруктовок Парижа получила свой устав в 1608 году, они все еще назывались "продавцами фруктов и *aigrun*".

Овощи и кулинарные растения, упомянутые в "Парижском хозяйственнике", датируемом XIV веком, и в трактате "De Obsoniis" Платина (имя, принятое итальянцем Варфоломеем Сакки), датируемом XV веком, не заставляют нас предположить, что алиментарное садоводство достигло значительного прогресса со времен Карла Великого. Более того, мы с удивлением обнаруживаем, что чертополох помещен среди избранных блюд; хотя это не может быть обычный чертополох, который имеется в виду, но, вероятно, это несколько общее название относится к овощам-мармеладу, которые все еще встречаются на столах высших классов, или, возможно, к артишоку, который, как мы знаем, является лишь разновидностью чертополоха, развившегося путем культивирования, и который в тот период был недавно завезен.

Примерно в это же время стали появляться дыни, но об управлении этим овощным фруктом мало кто знал. В северных провинциях он культивировался так плохо, что в середине XVI века Брюйен Шампье говорит о лангедокцах как об одних, умеющих производить превосходные *сукрины* - "названные так, - говорят Шарль Этьенн и Льебо в "Maison Rustique", - потому что садоводы поливали их медовой или подслащенной водой". Арбузы никогда не выращивались, кроме как на юге.

Капуста, пищевая репутация которой восходит к самым отдаленным временам, уже тогда была нескольких видов, большинство из которых дошли до нас; среди них можно упомянуть яблочную, римскую, белую, обычную белую, пасхальную и т. д.; но наибольшей популярностью пользовалась знаменитая капуста Сенлиса, чьи листья, по словам древнего автора, при раскрытии источали запах, более приятный, чем мускус или амбра. Этот вид, несомненно, перестал использоваться, когда от плана использования ароматных трав в кулинарии, который был так популярен у наших предков, отказались.

Рис. 79. - Герб Гентских мерщиков зерна на их церемониальном знамени, датированном 1568 годом.

По странному совпадению, в тот же период, когда майоран, семена каррауи, базилик, кориандр, лаванда и розмарин использовались для придания резкого аромата соусам и блюдам, на тех же столах можно было встретить травы самых холодных и невкусных видов, такие как мальвы, некоторые виды мхов и т.д.

Огурец, хотя и пользовался большим спросом, считался вредным овощем, так как говорили, что жители Фореса, которые ели его в большом количестве, периодически страдали от лихорадки, которая на самом деле могла быть вызвана вредными выделениями из прудов, которыми изобилвала эта страна. Чечевица, которую сейчас считают такой полезной, долгое время также считалась сомнительным овощем; по словам Лиебо, она трудно переваривалась и была вредна; она воспаляла внутренности, влияла на зрение, вызывала кошмар и т. д. С другой стороны, небольшие свежие бобы, особенно те, что продавались на ярмарке в Ландите, использовались в самых изысканных трапезах; горох стал королевским блюдом в XVI веке, когда его было принято есть с соленой свининой.

Репа также была наиболее почитаема парижанами. "Этот овощ для них, - говорит Шарль Этьенн, - то же, что крупная редька для лимузенцев". Предполагалось, что лучшая репа растет в Мезоне, Вожираре и Обервилье. Наконец, согласно Либо, в 1574 году во Франции выращивали четыре вида латука: маленький, обыкновенный, завитой и римский: семена последнего были отправлены во Францию Франсуа Рабле, когда он был в Риме с кардиналом дю Белле в 1537 году; салат, приготовленный из него, получил название римского салата, которое он сохранил с тех пор. На самом деле наши предки очень ценили салаты, ведь не было ни одного банкета, на котором не было бы хотя бы трех или четырех разных видов.

Фрукты... Западная Европа изначально была очень бедна фруктами, и ее состояние улучшилось только благодаря иностранному импорту, в основном из Азии римлянами. Абрикос пришел из Армении, фисташки и сливы - из Сирии, персик и орех - из Персии, вишня - из Цераса, лимон - из Медии, филберт - с Геллеспонта, а каштаны - из Кастаны, города в Магнезии. Миндалем мы также обязаны Азии; гранат, по мнению одних, пришел из Африки, по мнению других - с Кипра; айва - из Кидона на Крите; олива, фи́га, груша и яблоко - из Греции.

Законы Карла Великого свидетельствуют о том, что почти все эти фрукты выращивались в его садах, а некоторые из них были нескольких видов или сортов.

Однако прошло немало времени, прежде чем самые лучшие и сочные плоды сада стали как бы навязываться природе искусственным путем. Так, в XVI веке Рабле, Шарль Этьенн и Ла Фрамбуазьер, врач Генриха IV, восхваляли персик Корбей, который был лишь низшим и почти диким сортом, и описывали его как имеющий "сухую и твердую мякоть, не

прилипающую к косточке". Культура этого фрукта, который был не больше дамасской сливы, была тогда, по словам Шампье, только-только введена во Франции. Здесь следует отметить, что Жак Котье, врач Людовика XI, чтобы задобрить своего хозяина, который очень любил новые фрукты, взял себе в качестве герба абрикосовое дерево, от чего его в шутку прозвали Абри-Котье.

Рис. 80. - Выращивание фруктов, с миниатюры "Propriétaire de Choses" (рукопись XV века, хранится в библиотеке Парижского Арсенала).

Следует признать, что в выращивании слив, груш и яблок достигнут большой прогресс. Шампье говорит, что лучшими сливами являются *рояль*, *пердригон* и *дама* из Тура; Оливье де Серр упоминает восемнадцать видов, среди которых, однако, мы не находим знаменитой Рейн Клод (зеленушки), обязанной своим названием дочери Людовика XII, первой жене Франциска I.

Из груш в XIII веке наиболее почитаемыми были *hastiveau*, ранний сорт, и, несомненно, золотая груша, которую сейчас называют Сен-Жан, *caillou* или *chaillou*, твердая груша, происходящая из Cailloux в Бургундии, и *l'angoisse* (агония), названная так из-за своей горечи, которая, однако, полностью исчезла в кулинарии. В XVI веке пальму первенства отдают *cuisse dame*, или *madame; bon chrétien*, привезенному, как говорят, святым Франсуа де Полем Людовику XI; *бергамому*, пришедшему из Бергамо в Ломбардии; *tant-bonne*, названному так из-за своего аромата; и *caillou rosat*, нашей груше с розовой водой.

Среди яблок наибольшей известностью пользуются *бландуро* (твердое белое) из Оверни, *руво* и *парадиз* из Прованса. Это напоминает нам двестишестидесятишестидесятый автор "Криков парижских улиц", тринадцатый век:...

"Primes ai pommes de rouviau,
Et d'Auvergne le blanc duriau."

("Дайте мне сначала румяное яблоко,
И твердый белый фрукт из Оверни").

Айва, которую так широко культивировали в Средние века, считалась самым полезным из всех фруктов. Она не только служила основой для сушеных консервов орлеанских крестьян, называемых *котиньяк*, своего рода мармелад, но и использовалась для приправы к мясу. Португальская айва была самой почитаемой, а орлеанский котиньяк пользовался такой репутацией, что королям, королевам и принцам при въезде в города Франции всегда дарили ящики с этим фруктом. Это было первое подношение Жанне д'Арк, когда она привезла подкрепление в Орлеан во время английской осады.

Было известно несколько сортов вишни, но это не мешало мелкой дикой или лесной вишне цениться на столах горожан; в то время как к *корнуилу*, или дикой кизиловой вишне, почти не притрагивались, за исключением крестьян; отсюда пошло пословицное выражение, особенно часто используемое в Орлеане, когда человек делал глупое замечание: "Он ел кизил", то есть говорит как деревенщина.

В XIII веке на улицах торговали каштанами из Ломбардии, но в XVI веке их заменили каштаны из Лионны и Оверни, которые можно было встретить на королевском столе. Четыре разных сорта инжира, одинаково ценимые, привозили из Марселя, Нисма, Сент-Андеоля и Пон-Сен-

Эспри; а в Провансе филберты были в таком изобилии, что ими снабжали все столы королевства.

Португальцам принадлежит честь привезти апельсины из Китая; однако в отчете дома Гумберта, дофина Вьеннуа, за 1333 год, то есть задолго до экспедиций португальцев в Индию, упоминается о денежной сумме, выплаченной за пересадку апельсиновых деревьев.

[Рис. 81 и 82.](#) - Культивация виноградной лозы и подрезание винограда - миниатюры, взятые из календаря молитвенника в рукописи XVI века.

Во времена Брюйена Шампье, врача Генриха II, малина была еще совершенно дикой; тот же автор утверждает, что в то время в садах только-только появилась лесная земляника, "благодаря чему, - говорит он, - она достигла больших размеров, хотя в то же время потеряла свое качество".

Виноградная лоза, акклиматизированная и размноженная галлами с тех пор, как последователи Бреннуса привезли ее из Италии за пятьсот лет до христианской эры, никогда не переставала быть урожайной и даже составляла природное богатство страны ([Рис. 81 и 82](#)). В XVI веке Либо перечислил девятнадцать сортов винограда, а Оливье де Серр - двадцать четыре, среди которых, несмотря на эксцентричность древних названий, мы считаем, что можем проследить большую часть тех растений, которые сегодня культивируются во Франции. Например, известно, что превосходные лозы Томери, близ Фонтенбло, дающие в изобилии самый прекрасный столовый виноград, который только может быть создан искусством и заботой, использовались уже во времена правления Генриха IV ([Рис. 83](#)).

[Рис. 83.](#) - Виноградарь, рисунок и гравюра XVI века, Дж. Амман.

Во времена галлов уже был известен обычай сушить виноград, подвергая его воздействию солнца или определенного искусственного тепла; вскоре после этого те же средства были использованы для сохранения слив, в чем тогда, как и сейчас, преуспели жители Тура и Реймса. Сушка яблок в печи также была в обычае и представляла собой деликатес, который предназначался для зимних и весенних банкетов. Сушеные фрукты также привозили из-за границы, о чем упоминается в "Книге уличных криков Парижа":...

"Figues de Mélités sans fin,
J'ai roisin d'outre mer, roisin."

("Фиги с Мальты без конца,
И виноград из-за моря").

Мясо мясников... Согласно Страбону, галлы были большими любителями мяса, особенно свинины, как свежей, так и соленой. "Галлия, - говорит он, - кормит столько стад и, прежде всего, столько свиней, что снабжает салом и соленым мясом не только Рим, но и всю Италию". Вторая глава Салического закона, состоящая из девятнадцати статей, полностью посвящена наказаниям за кражу свиней; а в законах вестготов мы находим четыре статьи на ту же тему.

[Рис. 84.](#) - Свинопас.

[Рис. 85.](#) - Бургесса за трапезой.

Миниатюры из календаря Часослова - манускрипта XVI века.

В те далекие времена, когда земля еще была покрыта огромными дубовыми лесами, существовали большие возможности для разведения свиней, чья особая любовь к желудям хорошо известна. Поэтому епископы, князья и лорды откармливали в своих владениях многочисленные стада свиней, как для собственного стола, так и для ярмарок и рынков. Впоследствии в каждом доме, городском или сельском, стало принято выращивать и откармливать свинью, которую убивали и солили в определенный период года; этот обычай до сих пор существует во многих провинциях. В Париже, например, едва ли найдется буржуа, у которого не было бы двух или трех молодых свиней. Днем этим неприглядным созданиям позволялось бродить по улицам, которые, однако, они помогали содержать в чистоте, поедая всевозможный мусор, выбрасываемый из домов. Один из сыновей Людовика ле Гро, проезжая 2 октября 1131 года по улице Мартруа, между Отелем де Виль и церковью Сен-Жерве, проломил себе череп в результате падения с лошади, вызванного тем, что между ног животного пробежала свинья. Этот несчастный случай послужил причиной первого распоряжения, которое издали прокуроры, о том, что разведение свиней в городе запрещено. Однако обычаи, укоренившиеся в течение столетий, воспротивились этому приказу и многим другим, последовавшим за ним: при Франциске I палачу было выдано разрешение на отлов всех бродячих свиней, которых он мог найти в Париже, и доставку их в отель Дье, где он должен был получить либо пять су серебром, либо голову животного.

Говорят, что святые мужи святого Антуана, в силу привилегии, связанной с популярной легендой об их покровителе, который обычно изображался со свиньей, возражали против этого приказа и долгое время после этого сохраняли за собой исключительное право позволять своим свиньям бродить по улицам столицы.

Упрямая решимость, с которой каждый пытался обойти административные законы по этому вопросу, объясняется, по сути, общим пристрастием французской нации к свинине. Этот вкус кажется несколько странным в то время, когда считалось, что такая пища вызывает проказу, болезнь, которой в то время была охвачена Франция.

Рис. 86. - Стенд из резного дерева (XV век), изображающий пословицу "Margaritas ante Porcos", "Бросать жемчуг перед свиньями", из Руанского собора.

Мясо свиньи обычно составляло большую часть домашних банкетов. Не было ни одного большого праздника, на котором окорока, колбасы и черные пудинги не подавались бы в изобилии на все столы; а поскольку день Пасхи, завершавший длительный пост, был одним из великих праздников, эта пища составляла самое главное блюдо по этому случаю. Возможно, что именно необходимость обеспечить потребление в этот день привела к появлению знаменитой ярмарки ветчины, которая ежегодно проводилась и проводится до сих пор в четверг Страстной недели перед собором Нотр-Дам, куда съезжались торговцы со всех концов Франции, особенно из Нормандии и Нижней Бретани, со своими свиньями.

В Париже и различных городах были приняты санитарные меры, чтобы предотвратить дурные последствия, которые могли возникнуть из-за огромного потребления свинины; государственным служащим, называемым *languayeurs*, было приказано осматривать животных, чтобы убедиться, что у них нет белых язв под языком, которые считались признаками того, что их плоть была в состоянии передать проказу тем, кто ее ел.

Долгое время розничная продажа свинины, как и других видов мяса, ограничивалась мясниками. Соленая или свежая свинина одно время всегда продавалась сырой, но в более поздний период некоторые розничные торговцы, которые вели дела в основном среди низших слоев населения, стали продавать вареную свинину и колбасы. Их называли *шаркуньерами* или *сосисочниками*. Это новое ремесло, которое было самым прибыльным, переняли так много людей, что парламент был вынужден ограничить число *шарманщиков*, которые, наконец, образовали корпорацию и получили свой устав, подтвержденный королем в 1475 году.

Среди привилегий, связанных с их призванием, было право продавать красную сельдь и морскую рыбу в Великий пост, в это время продажа свинины была строго запрещена. Хотя они обладали исключительной монополией на продажу вареной свинины, сначала им было запрещено покупать мясо у кого-либо, кроме мясников, которые одни имели право убивать свиней; и только в 1513 году *шаркунам* было разрешено покупать на рынке и продавать мясо сырым, в противовес мясникам, которые впоследствии постепенно отказались от убийства и продажи свинины ([Fig. 87](#)).

Хотя потребление мяса мясников в Средние века было не столь велико, как сейчас, ремесло мясника, к которому прилагались чрезвычайные привилегии, было, тем не менее, одним из тех, которые приносили наибольшую прибыль.

Мы знаем, какую важную роль играли мясники в муниципальной истории Франции, а также Бельгии; мы также знаем, как велико было их политическое влияние, особенно в XV веке.

Существование большой парижской бойни восходит к самому отдаленному периоду монархии. Приходская церковь корпорации мясников, а именно церковь Сен-Пьер-о-Бофс в городе, на фасаде которой стояли два скульптурных вола, существовала еще до десятого века. На месте древней части Парижа был обнаружен кельтский памятник с барельефом, изображающим дикого быка, несущего трех журавлей, стоящих среди дубовых ветвей. Археология решила распознать в этой скульптуре друидическую аллегория, дошедшую до нас в виде триумфальной машины Призового Окса ([Fig. 88](#)). Мясники, которые, по крайней мере, на протяжении веков во Франции убивали только овец и свиней, очень ревностно относились к своим привилегиям и не допускали в свою корпорацию посторонних. Владение лавками на рынках и право быть принятым в качестве мастера-мясника в возрасте семи лет и одного дня принадлежали исключительно отпрыскам нескольких богатых и влиятельных семей. Только короли Франции при вступлении на престол могли создать нового мастера-мясника. С середины XIV века в "Большом бушери" находилась важная судебная инстанция, состоявшая из мэра, мастера, проктора и адвоката; при ней также существовал судебный совет, в котором мясники могли рассматривать все свои дела, а апелляция могла быть рассмотрена только парламентом. Кроме этого суда, который должен был решать дела о плохом поведении подмастерьев и все их апелляции на своих мастеров, корпорация имела адвоката в парламенте, а также адвоката в Шатле, которые были специально привязаны к интересам мясников и находились на их жаловании.

[Рис. 87.](#) - Мясник (*Charcutier*) - факсимиле миниатюры в уставе аббатства Солиньяк (XIV в.).

[Рис. 88.](#) - Священный окс - кельтский памятник, найденный в Париже под хором Нотр-Дам в 1711 году и хранящийся в Музее Клюни и Терм.

Хотя многие потомки древних мясных семей Парижа в XIV и XV веках были обязаны, во всяком случае, своими деньгами, следовать призванию своих отцов, мы видим, что они оставляют свои лавки, чтобы занять высокие посты в государстве и даже при дворе. Не следует делать вывод, что богатые мясники в те времена занимались мелкими деталями своего ремесла; большинство нанимало слуг, которые разделявали и продавали мясо, а сами они просто вели бухгалтерию и занимались через факторов или бригадиров закупкой зверей для своих лавок ([Рис. 89](#)). О богатстве некоторых из этих торговцев можно составить представление, ознакомившись с перечнем имущества и доходов Гийома де Сен-Йона, одного из главных мясников 1370 года, составленным одним из старых летописцев. "Он был владельцем трех лавок, в которых еженедельно продавалось мясо на сумму 200 *парижских ливров* (ливр эквивалентен 24 франкам, по крайней мере), со средней прибылью от десяти до пятнадцати процентов; его доход составлял 600 *парижских ливров*; кроме дома в Париже, он имел четыре загородных дома, хорошо снабженных мебелью и сельскохозяйственными орудиями, питейными чашками, вазами, кубками из серебра и чашками из оникса с серебряными ножками, стоимостью 100 франков и более каждый. У его жены были драгоценности, пояса, кошельки и безделушки на сумму до 1 000 золотых франков (золотой франк стоил 24 ливра); длинные и короткие платья, отороченные мехом, и три мантии из серого меха. Гийом де Сент-Йон хранил в своих кладовых 300 воловьих шкур стоимостью не менее 24 франков каждая; 800 мер сала стоимостью 3-1/2 соля каждая; в сараях у него было 800 овец стоимостью 100 солей каждая; в сейфах 500 или 600 серебряных флоринов готовых денег (флорин стоил 12 франков, которые нужно умножить в пять раз, чтобы оценить его стоимость в современной валюте), а его домашняя мебель была оценена в 12 000 флоринов. Двум своим племянницам он дал приданое в 2 000 флоринов, 3 000 флоринов потратил на перестройку своего парижского дома; и наконец, как и подобает дворянину, он использовал серебряную печать".

[Рис. 89.](#) - Мясник и его слуга, рисунок и гравюра Ж. Аммана (XVI в.).

В "Парижском хозяйстве" мы находим любопытные статистические данные о различных мясных лавках столицы и ежедневной продаже в каждой из них в указанный период. Эта продажа, не считая домашних хозяйств короля, королевы и королевской семьи, которые были специально обеспечены, составила 26 624 быка, 162 760 овец, 27 456 свиней и 15 912 телят в год; К этому следует добавить не только копченое и соленое мясо 200 или 300 свиней, которое продавалось на ярмарке на Страстной неделе, но и 6 420 овец, 823 быка, 832 теленка и 624 свиньи, которые, согласно "*Ménagier*", использовались в королевских и княжеских домах.

Иногда мясо отправляли на рынок уже разделанным, но чаще зверя забивали в городских мясных лавках, ибо там убивали изо дня в день, в зависимости от спроса. Кроме мясных лавок, в городе существовали лавки, где продавались ноги, почки и т. д.

[Рис. 90 и 91.](#) - Печать и контрпломба мясников Брюгге в 1356 году, по оттиску на зеленом воске, хранящемся в архиве этого города.

Согласно Брюйену Шампье, в XVI веке самыми знаменитыми овцами во Франции были беррийские и лимузенские, а из всего мясного ассортимента телятина считалась самой лучшей. Телят, предназначенных для столов высших сословий, кормили особым образом: в течение шести месяцев, а то и года им не давали ничего, кроме молока, которое делало их плоть наиболее нежной и деликатной. Вопреки нынешнему вкусу, козленок ценился больше, чем ягненок, из-за чего *знатоки* часто прикрепляли хвост козленка к ягненку, чтобы

обмануть покупателя и продать ему менее дорогое мясо по более высокой цене. Так возникла пословица, описывающая мошенника как "торговца козлятиной пополам".

В других местах мясники еще не приобрели того значения, которое они имели во Франции и Бельгии ([Рис. 90 и 91](#)), где потреблялось гораздо больше мяса, чем в Испании, Италии или даже в Германии. Тем не менее, почти во всех странах существовали определенные правила, иногда эксцентричные, но почти всегда жестко соблюдаемые, чтобы обеспечить поставки мяса лучшего качества и в здоровом состоянии. В Англии, например, мясникам разрешалось убивать быков только после того, как их приманивали собаками, несомненно, для того, чтобы сделать мясо более нежным. В Мансе в правилах торговли было записано, что "ни один мясник не смеет продавать мясо, если его предварительно не видели живым два или три человека, которые подтвердят это под присягой; и в любом случае они не должны продавать его, пока эти люди не объявят его здоровым" и т. д.

К многочисленным постановлениям, затрагивающим интересы населения, следует добавить и то, которое запрещало мясникам продавать мясо в дни, когда церковь предписывала воздерживаться от животной пищи. Эти предписания распространялись не столько на продавцов, сколько на потребителей, которые за их неповиновение подвергались штрафу или тюремному заключению, а также суровому телесному наказанию кнутом или в столбе. Мы знаем, что Клеман Маро был заключен в тюрьму и чуть не сожжен заживо за то, что ел свинину в Великий пост. В 1534 году Гийом де Мулен, граф Бри, попросил разрешения для своей матери, которой тогда было восемьдесят лет, прекратить пост; епископ Парижский дал разрешение только при условии, что старушка будет принимать пищу тайно и вдали от посторонних глаз, а также будет поститься по пятницам. "В одном городе, - рассказывает Брантом, - во время Великого поста проходила процессия. Женщина, которая помогала в нем босиком, пошла домой, чтобы пообедать четвертью барашка и окороком. Запах проник на улицу; в дом вошли. Факт был установлен, женщину схватили и приговорили ходить по городу с четвертью барашка на вертеле через плечо, а окорок повесили ей на шею". Подобная суровость усилилась во времена религиозных разногласий. Эразм говорит: "Того, кто съел свинину вместо рыбы, ведут на пытку, как отцеубийцу". Эдикт Генриха II от 1549 года запрещал продавать мясо в Великий пост лицам, не имеющим при себе справки от врача. Карл IX запретил продавать мясо гугенотам; было приказано, чтобы привилегия продавать мясо во время воздержания принадлежала исключительно больницам. Тем, кто занимался розничной торговлей мясом, было приказано брать адрес каждого покупателя, даже если он предъявил медицинское свидетельство, чтобы убедиться в необходимости употребления им мяса. Впоследствии медицинское свидетельство должно было быть заверено священником с указанием необходимого количества мяса. Но даже в этих случаях разрешалось употреблять только мясо мясников, а свинина, птица и дичь были строго запрещены.

Птица... Однажды монах аббатства Ключни отправился в гости к своим родственникам. По прибытии он попросил еды, но так как это был постный день, ему сказали, что в доме нет ничего, кроме рыбы. Увидев во дворе несколько кур, он взял палку, убил одну и принес ее своим родственникам, сказав: "Вот рыба, которую я буду есть сегодня". "Э, но, сын мой, - сказали они, - разве ты освобожден от поста в пятницу?" "Нет, - ответил он, - но птица - это не плоть; рыба и птица были созданы в одно время; у них общее происхождение, как учит меня гимн, который я пою на службе".

Эта простая легенда относится к X веку; и хотя мнение этого монаха-бenedиктинца может показаться странным в наши дни, следует признать, что он всего лишь соответствовал мнениям, изложенным некоторыми богословами. В 817 году собор в Экс-ла-Шапель

постановил, что такое нежное питание едва ли можно назвать мортированием в понимании учения Церкви. Вследствие этого был издан указ, запрещающий монахам есть птицу, за исключением четырех дней на Пасху и четырех на Рождество. Но этот запрет никак не изменил сложившийся в некоторых частях христианства обычай, и верующие упорно продолжали верить, что птица и рыба в глазах Церкви идентичны, и, соответственно, продолжали есть их без разбора. Мы также видим, как в середине XIII века святой Фома Аквинский, считавшийся авторитетом в вопросах догматики и веры, причисляет домашнюю птицу к видам водного происхождения.

В конце концов, от этой явной ошибки отказались; но когда церковь запретила христианам употреблять домашнюю птицу в постные дни, она сделала исключение из соображений древнего предрассудка в пользу чирков, коньков, болотных куриц, а также двух или трех видов мелких земноводных четвероногих. Отсюда, вероятно, и возникли общие и абсурдные представления о происхождении чирков, которые, по мнению одних, появились из гнилой древесины старых кораблей, по мнению других - из плодов дерева или камеди ели, а по мнению третьих - из пресноводной раковины, аналогичной устрицам и мидиям.

Насколько можно проследить современную историю, мы обнаруживаем, что подобный способ откорма домашней птицы использовался и тогда, и сейчас, и галлы, должно быть, научились ему у римлян. Среди расходов в домашнем хозяйстве королей Франции была одна статья, касающаяся птичника, которая, согласно эдикту Людовика Святого в 1261 году, носила название *poulaillier*. В более поздний период этим именем стали называть заводчиков и торговцев домашней птицей ([Рис. 92](#)).

В "Ménagier" рассказывается, что, как и в настоящее время, цыплят откармливали, лишая их света и свободы и накормив сочным кормом. Среди известных в то время птичников автор упоминает птичник Гесдина, принадлежащий герцогам Люксембургским в Артуа; птичник короля в отеле Сен-Поль на улице Сент-Антуан в Париже; птичник мастера Гюга Обрио, проректора Парижа; и птичник Шарло, несомненно, буржуа с таким именем, который также дал свое имя старинной улице в этом квартале под названием Марэ.

[Рис. 92.](#) - "Пультерер", рисунок и гравюра XVI века, автор Ж. Амман.

Каплуны часто упоминаются в поэмах двенадцатого и тринадцатого веков; но название пуларда не встречается до шестнадцатого.

Мы знаем, что во времена римского владычества галлы вели значительную торговлю откормленными гусями. Эта торговля прекратилась, когда Галлия перешла к новым хозяевам, но разведением гусей продолжали тщательно заниматься. На протяжении многих веков гуси ценились больше, чем любая другая домашняя птица, и Карл Великий приказал, чтобы его владения были хорошо укомплектованы стадами гусей, которых, как и отары овец, выгоняли кормиться на поля. Существовала старая пословица: "Кто съест королевского гуся, вернет перья через сто лет". Эта птица считалась большим деликатесом среди рабочих и буржуазии. У *ротиссеров* ([Рис. 94](#)) в лавках не было почти ничего, кроме гусей, и поэтому, объединившись в компанию, они получили название *ойеров*, или *ойеров*. Улица, на которой они обосновались, с их вертелами, всегда нагруженными сочным жарким, называлась Rue des Oues (гуси), и эта улица, когда ее перестали посещать *ойеры*, превратилась в Rue Auxours.

[Рис. 93.](#) - Барнакские гуси - факсимиле гравюры на дереве из "Универсальной космографии" Мюнстера, фолио, Базель, 1552 г.

Есть все основания полагать, что одомашнивание дикой утки произошло совсем недавно. Попытка увенчалась успехом, и за ней хотели последовать натурализация на птичьих дворах двух других видов водных птиц, а именно, шелдрак (*тадорна*) и мавр, но безуспешно. Некоторые приписывают введение индеек во Франции и Европе Жаку Керу, казначею Карла VII, чьи торговые связи с Востоком были очень обширны; другие утверждают, что это заслуга короля Рене, графа Прованса; но, согласно лучшим авторитетам, эти птицы были впервые привезены во Францию во времена Франциска I адмиралом Филиппом де Шабо, а Брюйен Шампье утверждает, что они не были известны до еще более позднего времени. Примерно в тот же период португальские купцы привезли с побережья Африки морских свиней, а путешествующий натуралист Пьер Белон, писавший в 1555 году, утверждает, что в его время "они уже настолько размножились в домах знати, что стали совершенно обычными".

[Рис. 94.](#) - Торговец домашней птицей - факсимиле гравюры на дереве, выполненной Чезаре Вечеллио.

Гороховая птица играла важную роль в рыцарских банкетах Средневековья ([Рис. 95](#)). По словам старых поэтов, мясо этой благородной птицы - "пища для храбрых". Поэт XIII века говорит, что "у воров столько же вкуса к фальши, сколько у голодного человека к плоти павлина". В XIV веке птичники все еще были забиты этими птицами, но индейка и фазан постепенно вытеснили их, так как их мясо считалось несколько жестким и жилистым. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1581 году в "Новом кушанье Бурбоннуа" стоимость этих прекрасных птиц оценивается всего в два су с половиной, или около трех франков в современной валюте.

[Рис. 95.](#) - Государственный банкет.- Подача павлина.- Факсимиле гравюры на дереве в издании Вергилия, фолио, опубликованном в Лионе в 1517 году.

Дичь.-- Наши предки включали в число птиц, которые сейчас составляют пернатую дичь, цаплю, журавля, ворона, лебедя, аиста, баклана и горлицу. Они поставлялись на лучшие столы, особенно первые три, которые считались изысканной пищей, пригодной даже для королевских особ, и считались чистыми французскими деликатесами. В то время существовали цапли, а позднее - фазаны. Люди ели и хищных птиц, отказываясь лишь от тех, что питались падалью.

Лебеди, которых очень ценили, были очень распространены на всех главных реках Франции, особенно на севере; небольшой остров под Парижем получил свое название от этих птиц и сохранил его с тех пор. Пословица гласила, что Шаранта граничит с лебедями, и по этой же причине Валансьенн назывался *Валь-де-Сигнес*, или Лебединая долина.

Некоторые авторы утверждают, что долгое время молодую дичь избегали из-за ее малопитательности и несъедобности, и уверяют, что только когда некоторые французские послы вернулись из Венеции, французы узнали, что молодые куропатки и леверы изысканны и вполне могут присутствовать на самых роскошных банкетах. В "*Ménagier*" приводятся не только различные рецепты их приготовления, но и способы приготовления цыплят, когда дичь была не по сезону, чтобы придать им вкус молодых куропаток.

Было время, когда фазанов откармливали так же, как каплунов; это был секрет, говорит Льебо, известный только торговцам домашней птицей; но хотя они очень ценились, пульки

ценились больше, и за них давали по две кроны (здесь имеется в виду не золотая корона, а нынешняя монета достоинством в три ливра). Очень ценились ржанки, которых иногда привозили из Босе целыми повозками; их жарили, не вынимая, как и голубей-черепашек и жаворонков, "ибо, - говорит один древний автор, - жаворонки питаются только мелкими камешками и песком, голуби - зернами можжевельника и душистыми травами, а ржанки - воздухом". В более поздний период такой же чести удостоились вальдшнепы.

Дрозды, скворцы, дрозды, перепела и куропатки пользовались одинаковой популярностью в зависимости от времени года. *Бек-фига*, маленькая птичка, похожая на соловья, была настолько почитаема в Провансе, что на пирах подавали только ее, приготовленную различными способами; но из всех птиц, используемых для стола, ни одна не могла сравниться с молодым кукушонком, взятым, как только он полностью оперился.

Насколько мы можем судить, галлы питали отвращение к мясу кроликов и даже не охотились на них, поскольку, по словам Страбона, Южная Галлия была заражена этими озорными животными, которые уничтожали растущие посевы и даже кору деревьев. Несколько столетий спустя в этом отношении произошли значительные изменения, поскольку каждый житель города или деревни разводил домашних кроликов, а дикие кролики стали предметом питания, который пользовался большим спросом. Чтобы определить, молодой ли кролик, Страбон говорит, что нужно пощупать первый сустав передней лапы, и тогда мы обнаружим маленькую косточку, свободную и подвижную. Этот метод принят во всех кухнях и в наши дни. Зайцев предпочитали кроликам, если они были молодыми; ведь старая французская пословица гласит: "Старый заяц и старый гусь - пища для дьявола".

[Рис. 96.](#) - "Как снять шкуру и разделать оленя" - факсимиле миниатюры "Фибус и его посох для охоты на диких животных" (рукопись XV века, Национальная библиотека Парижа).

Ежа и белку также употребляли в пищу. Что касается косули и благородного оленя, то они, по словам доктора Брюйена Охампьера, были деликатесом для королей и богатых людей ([Рис. 96](#)). Доктор говорит о "жареных ломтиках молодого рога оленя" как о самом изысканном блюде, а "Парижский хозяйственник" показывает, что уже в XIV веке говядину готовили как оленину с медвежьей плотью для кухонь тех стран, где черный медведь не водился. Это доказывает, что в те времена медвежья плоть считалась хорошей пищей.

Молоко, масло, яйца и сыр - эти продукты питания, первые, которые природа дала человеку, не всегда и не везде были единообразно разрешены или запрещены Церковью в постные дни. В течение нескольких столетий верующие были предоставлены сами себе в этом вопросе. В самом деле, нет ничего необычного в том, что яйца в Великий пост едят без всякого стеснения, учитывая, что некоторые богословы утверждали, что несущие их куры - животные водные.

Однако, судя по всему, сливочное масло, то ли из предрассудков, то ли просто по обычаю, употреблялось в постные дни только в свежем виде, и его не разрешалось использовать для приготовления пищи. Поначалу, особенно среди монахов, блюда готовились на масле; но поскольку в некоторых странах масло было очень дорогим и даже полностью отсутствовало, его приходилось заменять животным жиром или салом. В последующий период церковь разрешила использовать масло и молоко, но в этом вопросе дисциплина сильно различалась. В XIV веке Карл V., король Франции, попросил папу Григория XI о разрешении употреблять молоко и масло в постные дни из-за плохого состояния здоровья, вызванного попыткой отравить его, и верховный понтифик потребовал справку от врача и духовника

короля. Но и тогда он дал разрешение, обязав христианского короля повторить определенное количество молитв и совершить ряд благочестивых поступков. Вопреки строгости церковной власти, в "Дневнике парижского буржуа" мы находим, что в несчастное царствование Карла VI (1420 г.) "за неимением средств к существованию", "за неимением средств к существованию", "за неимением средств к существованию", "за неимением средств к существованию", "за неимением средств к существованию". (1420), "за неимением масла, сливочное масло ели в Великий пост так же, как и в обычные непраздничные дни".

В 1491 году королева Анна, герцогиня Бретани, чтобы получить от папы разрешение есть масло в Великий пост, представила, что Бретань не производит масло и не импортирует его из южных стран. Многие северные провинции приняли эту необходимость как закон и, не имея масла, использовали сливочное; отсюда возникли знаменитые тосты с ломтиками хлеба и маслом, которые составляют такую важную часть фламандской кухни. Однако эти папские послабления можно было получить только ценой молитв и милостыни, что и послужило причиной появления *troucs pour le beurre*, то есть "милостыни для масла", которые до сих пор можно увидеть в некоторых фламандских церквях.

[Рис. 97.](#) - Производство масла, рисунок и гравюра Ж. Аммана XVI века.

Неизвестно, когда впервые начали солить сливочное масло, чтобы сохранить его или отправить в дальние края; но этот процесс, такой простой и естественный, датируется, несомненно, очень древними временами; особенно часто его практиковали норманны и бретонцы, которые заключали масло в большие фаянсовые кувшины, поскольку в уставе, который был дан фруковикам Парижа в 1412 году, упоминается о соли масла в фаянсовых кувшинах. Лотарингия экспортировала масло только в таких кувшинах. Свежее масло, наиболее востребованное на парижском столе, было сделано в Ванвре, которое в мае месяце жители города ели каждое утро, смешивая с чесноком.

Больше всего сливочного масла потребляли во Фландрии. "Я удивлен, - говорит Брюйен Шампье, рассказывая об этой стране, - что они еще не пытались превратить его в напиток; во Франции его насмешливо называют *beurrière*; и когда кому-то приходится путешествовать по этой стране, ему советуют взять с собой нож, если он хочет попробовать хорошие булочки с маслом".

[Рис. 98.](#) - Торговец яйцами - факсимиле гравюры на дереве, по Чезаре Вечеллио, XVI век.

Нет необходимости говорить о том, что молоко и сыр последовали за судьбой масла в католическом мире, так же как яйца - за судьбой домашней птицы. Но после того как масло было признано Церковью законным, на него стали претендовать яйца ([Fig. 98](#)), и папа Юлий III предоставил эту льготу всему христианству, хотя некоторые частные церкви не сразу решили воспользоваться этим благом. Греки всегда были более строги в вопросах дисциплины, чем жители Запада. Именно с запретом яиц в Великий пост связано происхождение "пасхальных яиц". Их закаляли, варя в сумасшедшей ванне, и приносили для получения благословения священника в Страстную пятницу, а затем съедали в следующее воскресенье в знак ликования.

Древняя Галлия славилась своими домашними сырами. Плиний хвалит сыры из Нисма и с горы Лозер в Геводо; Марциал упоминает о тулузских и т. д. Простой анекдот, переданный монахом Сен-Галла, писавшим в девятом веке, доказывает нам, что традиции в отношении

сыров не были утрачены во времена Карла Великого: "Император, во время одного из своих путешествий, внезапно и без всякого ожидания остановился у дома епископа. Это было в пятницу. У прелата не было рыбы, и он не решился поставить перед принцем мясо. Поэтому он предложил ему то, что у него было, - вареную кукурузу и зеленый сыр. Карл съел сыр, но, сочтя зеленую часть плохой, постарался удалить ее ножом. Епископ, увидев это, позволил себе сказать гостю, что это лучшая часть. Император, попробовав его, убедился, что епископ прав, и приказал ему ежегодно присылать в Экс-ла-Шапель два ящика такого же сыра. Епископ ответил, что он может легко отправлять сыры, но не может быть уверен, что отправит их в надлежащем состоянии, потому что, только открыв их, можно быть уверенным, что торговец не обманул вас в качестве сыра. "Хорошо, - сказал император, - перед отправкой разрежьте их посередине, чтобы убедиться, что это то, что мне нужно; вам останется только соединить две половинки деревянным колышком, и тогда вы сможете положить все в футляр".

При королях третьей французской династии в деревне Шайо, недалеко от Парижа, производился сыр, который очень ценился в столице. В XII и XIII веках сыры Шампань и Бри, которые производятся до сих пор, были одинаково популярны, и их продавали на улицах, согласно "Книге уличных криков в Париже", а именно.

"J'ai bon fromage de Champagne;
Or i a fromage de Brie!"

("Покупайте мой сыр из Шампани,
И мой сыр из Бри!").

Эташ Дешам дошел до того, что заявил, что сыр - это единственное хорошее, что может быть из Бри.

В "Парижском мещанине" восхваляется несколько видов сыра, названия которых сейчас трудно проследить из-за их частой смены на протяжении четырехсот лет; но, по мнению галльского автора этого сборника, сыр, чтобы быть достойным стола, должен был обладать определенными качествами (в пословице на латыни: "Не Аргус, не Елена, не Мария Магдалина" и т. д.), выраженными французской рифмой:...

"Non mie (pas) blanc comme Hélaïne,
Non mie (pas) plourant comme Magdelaine,
Non Argus (à cent yeux), mais du tout avugle (aveugle)
Et aussi pesant comme un bugle (boeuf),
Против того, чтобы ты взбунтовался,
Et qu'il ait ligneuse cotelle (épaisse croûte)
Sans yeux, sans plourer, non pas blanc,
Tigneulx, rebelle, bien pesant."

("Не белая, как Елена,
И не плачущий, как Магделена,
И не Аргус, и не совсем слепой,
И слишком толстая кожа,
И слишком толстая кожа,
И как бык должен весить столько же;

Не безглазая, не плачущая, не совсем белая,
Но крепкий, упругий, не слишком легкий").

В 1509 году Платина, хотя и итальянец, говоря о хороших сырах, упоминает сыры из Шони в Пикардии и Брегмона в Турени; Шарль Этьенн хвалит сыры из Крапонна в Оверни, *ангелот* из Нормандии и сыры из свежих сливок, которые крестьянки из Монтрея и Венсена привозят в Париж в маленьких плетеных корзинках и едят, посыпая сахаром. Тот же автор называет также лионские *ругеры*, которые всегда пользовались большим уважением; но выше всех сыров Европы он ставит круглые или цилиндрические овернские, которые делали только очень чистые и здоровые дети четырнадцати лет. Оливье де Серр советует тем, кто хочет иметь хорошие сыры, кипятить молоко перед взбиванием; этот план используется в Лоди и Парме, "где делают сыры, признанные во всем мире превосходными".

Пармезан, который приводит в пример этот знаменитый агроном, вошел в моду во Франции только после возвращения Карла VIII из экспедиции в Неаполь. В то время много говорили о сыре, привезенном из Турции в пузырях, и о различных сортах, производимых в Голландии и Зетланде. Некоторые из этих иноземных продуктов ели в тушеном и сдобном виде, другие поджаривали и посыпали сахаром и коричной пудрой.

В "Романе Клариса", рукописи, относящейся к началу XIV века, говорится, что в городе, который был взят штурмом, были найдены следующие запасы:...

Столовый сервиз знатной дамы.

Факсимиле миниатюры из "Романса Рено де Монтобана", мс XV века, Библ. де л'Арсенал

Дамы на охоте

Костюмы пятнадцатого века. С миниатюры в копии "*Посланий*" Овидия. No 7231 bis.
Парижская национальная библиотека.

"Maint bon tonnel de vin,
Maint bon bacon (cochon), maint fromage à rostir."

("Много тонн вина,
много ломтиков хорошего бекона, много хорошего жареного сыра").

Кроме сыра и масла, норманны, у которых было много коров на богатых пастбищах, делали из пахты своеобразный ферментирующий раствор, который они называли *серат*, кипятя молоко с луком и чесноком и давая ему остыть в закрытых сосудах.

Рис. 99. - Производство сыров в Швейцарии - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера, фолио, Базель, 1549 год.

Если верить автору "*Ménagier*", женщины, продававшие молоко в розницу в городах, были хорошо знакомы с методом увеличения его количества за счет качества. Он описывает, как готовится его *froumentée*, представляющий собой нечто вроде супа, и утверждает, что, когда он посылает свою кухарку сделать покупки на молочном рынке, расположенном в районе улиц Савоннери, Экривен и де ла Вьель-Монне, он советует ей особенно "брать очень свежее коровье молоко и говорить той, кто его продает, не делать этого, если она добавила в него воду; ибо, если оно не совсем свежее или если в нем есть вода, оно испортится".

РЫБА И МОЛЛЮСКИ... Пресноводная рыба, которой в прежние времена было гораздо больше, чем сейчас, была обычной пищей тех, кто жил на границах озер, прудов или рек, или, во всяком случае, находился не так далеко, чтобы иметь возможность добывать ее в свежем виде. Разумеется, в разные эпохи и в разных странах существовало множество различий в оценке различных видов рыбы. Так, Озон, уроженец Бордо, высоко отзывался о деликатности окуня и утверждал, что шэд, щука и линь должны быть оставлены для низших сословий; это мнение впоследствии опровергли жители других частей Галлии и даже земляки латинского поэта Григория Турского, которые громко восхваляли женеvскую форель. Но наступило время, когда высшие классы предпочитали пресноводную рыбу из Орхи во Фландрии и даже из Лионны. Так, в XIII веке мы видим, что барбеля из Сен-Флорентина очень ценили, тогда как двести лет спустя о человеке, от которого не было никакой пользы, говорили, что он похож на барбеля, "который не годится ни для жарки, ни для варки".

[Рис. 100.](#) - Рыбак в пруду - факсимиле гравюры на дереве из "Универсальной космографии" Мюнстера, фолио, Базель, 1549.

В сборнике вульгарных пословиц XII века среди наиболее востребованных рыб, помимо упомянутого выше барбеля из Сен-Флорентина, упоминаются угорь из Мэна, щука из Шалона, миноги из Нанта, форель из Андели и укля из Эза. В "Ménagier" к этому списку добавляется еще несколько видов, включая синьку, шэд, плотву и пескаря, но прежде всего карп, который, как предполагалось, является уроженцем Южной Европы, а в северные воды попал гораздо позже (рис. [100](#), [101](#), и [102](#)).

[Рис. 101.](#) - Речной рыбак, спроектированный и выгравированный в XVI веке Дж.

[Рис. 102.](#) - "Перевозка рыбы по воде и суше" - факсимиле гравюры из Королевского устава купеческого управления 1528 года.

Древнейшие документы свидетельствуют о том, что коренные жители морских побережий Европы, в частности Средиземного моря, питались той же рыбой, что и в настоящее время: существовало, однако, несколько других морских рыб, которые также использовались в пищу, но от которых с тех пор отказались. Нашим предкам было нетрудно угодить: у них были хорошие зубы, и их нёбо, привыкшее к мясу баклана, цапли и журавля, без труда оценило деликатесы тошнотворной морской собаки, морской свиньи и даже кита, которые, будучи засоленными, в значительной степени снабжали все рынки Европы.

Торговля соленой морской рыбой началась в Париже только в двенадцатом веке, когда была создана, а точнее, восстановлена компания купцов по принципу древней Нантской ассоциации. Эта ассоциация существовала с момента основания при галлах Лютеции, города речной торговли ([Рис. 103](#)), и упоминается в жалованной грамоте Людовика VII. (1170). Одним из первых грузов, который привезла эта компания на своих лодках, была соленая сельдь с побережья Нормандии. Эта сельдь стала необходимым продуктом питания во время Великого поста и стала криком торговцев на улицах Парижа, где эта рыба стала постоянным предметом потребления в такой степени, которую можно оценить по тому факту, что Святой Людовик ежегодно отдавал около семидесяти тысяч сельдей в больницы, чумные дома и монастыри.

"Sor et blanc harene frès pouldré (couvert de sel)!"

("Селедки копченые, свежие и соленые!").

Рис. 103. - Вотивный алтарь Нантских парижан, или Компании торгового мореплавания по Сене, воздвигнутый в Лютелии во времена правления Тиберия. Фрагменты этого алтаря, обнаруженные в 1711 году под хором церкви Нотр-Дам, хранятся в музеях Клюни и Дворца терм.

Прибыль от продажи сельди в те времена была столь велика, что вскоре это занятие превратилось в особый промысел; в Средние века было принято, чтобы люди, занятые в любой отрасли промышленности, объединялись в корпорации. Другие спекулянты придумали доставлять свежую рыбу в Париж с помощью эстакад, расставленных вдоль дороги, и называли себя *форейторами*. Чтобы разграничить права каждого из этих промыслов и предотвратить ссоры в конкурентной борьбе, были приняты законы. В этих законах вся морская рыба была объединена под тремя названиями: свежая, соленая и копченая (*sor*). Людовик IX в своем эдикте разделил торговцев на два класса, а именно: продавцов свежей рыбы и продавцов соленой или копченой рыбы. Кроме соленой и свежей сельди, с морского побережья привозили огромное количество соленой скумбрии, которая почти так же часто использовалась, а также камбалу, гуртовку, ската, свежую и соленую путассу и треску.

В старом документе XIII века перечислено около пятидесяти видов рыбы, которые продавались на рынках королевства; а столетие спустя "*Ménagier*" дает рецепты приготовления сорока видов, среди которых под названием *craspois* фигурирует соленая плоть кита, которую также называли *салом де карем*. Эту грубую пищу, которую привозили из северных морей огромными кусками, ели только представители низших сословий, поскольку, по словам одного писателя XVI века, "если бы ее варили даже двадцать четыре часа, она все равно была бы очень жесткой и неперевариваемой".

В "Изречениях" XIII века, где упоминается пресноводная рыба, бывшая в моде в то время, также названы морские рыбы, которым отдавалось наибольшее предпочтение, и их происхождение: шэд из Бордо, конгер из Ла-Рошели, осетр из Блайе, свежая сельдь из Фекама и каракатица из Кутанса. В более поздний период конгер не употреблялся в пищу, так как предполагалось, что он вызывает чуму. Тюрбо, джон-дори, коньки и подошвы, которые были очень дороги, предназначались для богатых. Рыбаки питались морским драконом. Большое количество мелких морских раков поступало на рынок; в некоторых странах их называли *santé*, потому что врачи рекомендовали их инвалидам или больным; с другой стороны, в XV и XVI веках пресноводные раки не пользовались особым уважением, за исключением их яиц, которые готовили с пряностями. Хорошо известно, что прудовые лягушки были любимой пищей галлов и франков; они никогда не выходили из моды в сельской местности и подавались на лучших столах, заправленные зеленым соусом; в тот же период, особенно во время Великого поста, очень ценились улитки, которые подавались в блюдах в форме пирамиды; настолько, что дворяне и буржуа разводили улитковые плантации, несколько напоминающие наши устричные плантации в настоящее время.

Жители побережья во все времена употребляли в пищу различные виды моллюсков, которые в Италии называли морскими фруктами; но только в XII веке возникла идея привезти устриц в Париж, а мидии стали известны лишь гораздо позже. Известно, что Генрих IV был большим любителем устриц. Сюлли рассказывает, что когда он стал герцогом, "король пришел, сам того не ожидая, занять свое место на банкетном приеме, но так как было много задержек с

переходом к обеду, он начал с того, что съел несколько *huîtres de chasse*, которые показались ему очень свежими".

Под *huîtres de chasse* подразумевались устрицы, которые привозили *chasse-marées*, перевозчики, доставлявшие свежую рыбу с побережья в Париж с огромной скоростью.

Пиво - не только один из самых древних бродильных напитков, используемых человеком, но и тот, который был наиболее популярен в Средние века. Если мы обратимся к рассказам греческих историков, то узнаем, что у галлов, которые, как и египтяне, приписывали открытие этого освежающего напитка своему богу Осирису, было два сорта пива: одно называлось *зифус*, делалось с медом и предназначалось для богатых; другое называлось *корма*, в котором не было меда, и делалось для бедных. Но Плиний утверждает, что пиво в Галлии называлось *cerevisia*, а зерно, из которого его делали, *brasce*. Это свидетельство кажется верным, так как от *brasce* или *brasse* происходит название *brasseur* (пивовар), а от *cerevisia* - *cervoise*, общее название, под которым пиво было известно на протяжении веков и которое только в последнее время вышло из употребления.

[Рис. 104.](#) - Великие пьяницы Севера - факсимиле гравюры на дереве из "Истории стран Септентриона" Олауса Магнуса, 16мо., Антверпен, 1560.

После сильного голода Домициан приказал выкорчевать все виноградники в Галлии, чтобы освободить место для кукурузы. Эта жесткая мера, должно быть, привела к тому, что пиво стало еще более распространенным напитком, и, хотя два столетия спустя Пробус разрешил вновь посадить виноградники, употребление напитков из зерна вошло в привычку; но со временем, хотя люди по-прежнему пили только *cervoise*, те, кто мог себе это позволить, покупали вино и пили его попеременно с пивом.

Однако по мере того, как виноградники постепенно разрастались во всех местах с подходящей почвой и климатом, от пива почти полностью отказались, так что в центральной Галлии вино стало настолько распространенным и дешевым, что его могли пить все. В северных провинциях, где виноградная лоза не росла, пиво, естественно, оставалось национальным напитком ([Рис. 104](#)).

Во времена Карла Великого, например, император мудро распорядился, чтобы к каждой его ферме были приставлены люди, умеющие варить пиво. Повсюду монастырские дома владели пивоварнями; но уже в царствование Людовика Святого в самом Париже было всего несколько пивоварен, и, несмотря на все привилегии, предоставленные их корпорации, даже они вскоре были вынуждены покинуть столицу, где перестал существовать спрос на продукцию их производства. Они вновь появились в 1428 году, вероятно, вследствие политических и торговых отношений, установившихся между Парижем и богатыми городами фламандской буржуазии; а затем, то ли из-за дороговизны вина, то ли по капризу моды, потребление пива вновь стало настолько распространенным во Франции, что, согласно "Журналу парижского буржуа", оно приносило в доход на две трети больше, чем вино. Следует, однако, понимать, что во времена дефицита, как в 1415 и 1482 годах, пивоварение временно прекращалось, а то и вовсе запрещалось из-за количества зерна, которое таким образом изымалось из продовольственного снабжения народа ([Рис. 105](#)).

[Рис. 105.](#) -Пивовар, спроектированный и выгравированный в XVI. Веке, Дж. Амман.

При римлянах настоящий *cervoise*, или пиво, делали из ячменя; но в более поздний период использовали все виды зерна без разбора; и только к концу XVI века к овсу или ячменю, составляющим основу этого напитка, стали добавлять цветки или семена хмеля.

В "Книге ремесел" Этьенна Буало, изданной в XIII веке, говорится о том, что, кроме *cervoise*, был известен еще один сорт пива, который назывался *godale*. Это название, надо полагать, произошло от двух немецких слов *god ael*, которые означают "хорошее пиво", и было более крепким, чем обычное *cervoise*; эту мысль подтверждает то, что пикардийцы и фламандцы называют его "двойным пивом". В любом случае, именно от слова *godale* происходит знакомое нам выражение *godailler* (пить).

На самом деле, вряд ли найдется какая-либо смесь или ингредиент, которые не использовались бы для приготовления пива в соответствии с модой разных эпох. Когда после возвращения из крестовых походов в моду вошло использование пряностей, ими стали сдабривать как напитки, так и еду. В него бросали пряности, можжевельник, смолу, яблоки, сухари, шалфей, лаванду, горечавку, корицу и лавр. Англичане подсаливали его, немцы солили, а порой доходили до того, что клали в него чернослив, рискуя сделать смесь ядовитой.

Целью этих разнообразных смесей, естественно, было получение высокоароматизированного пива, которое настолько вошло в моду, что для описания недостатка достоинств людей или отсутствия ценности чего-либо не было более распространенного выражения, чем сравнение с "маленьким пивом". Тем не менее нашлись более тонкие и менее притупленные вкусы, способные оценить пиво, подслащенное простым медом или ароматизированное амброй или малиной. Возможно, однако, что эти составы относятся к смесям, в которых пиво, продукт брожения зерна, смешивалось с гидромелом, или перебродившим медом. Оба этих примитивных напитка имеют одинаково далекое происхождение, которое погребено в самых отдаленных периодах истории, и использовались во всех частях света, будучи упомянутыми в самых древних исторических записях, в Библии, Эдде и священных книгах Индии. В XIII веке гидромель, который тогда носил название *боргерафр*, *боргераст* или *боше*, состоял из одной части меда на двенадцать частей воды, ароматизированной травами, и оставлялся бродить на месяц или шесть недель. Этот напиток, который в обычаях и уставах ордена Ключи называется *potus dulcissimus* (сладчайший напиток), и который должен был быть приятным как на вкус, так и на запах, особенно ценился монахами, которые пировали им на великих церковных праздниках. Кроме того, для потребления низшими слоями населения и крестьянами изготовлялся боча низкого качества, из сотов после слива меда или из отбросов, образующихся при брожении лучших сортов.

[Рис. 106.](#) - Винтажники, по миниатюре из "Диалогов Сен-Грегуара" (XIII в.) - манускрипт Королевской библиотеки Брюсселя.

Сидр (по-латыни *sicera*) и перри также могут претендовать на очень древнее происхождение, поскольку упоминаются Плинием. Однако не похоже, что галлы были знакомы с ними. Первое историческое упоминание о них связано с трапезой, которую Тьерри II, король Бургундии и Орлеана (596-613), сын Чилдеберта и внук королевы Брюнехо, устроил в честь святого Коломбана, где использовались и сидр, и вино. В XIII веке латинский поэт Гийом ле Бретон сообщает, что жители Ауге и Нормандии делали сидр своим ежедневным напитком, но маловероятно, что этот напиток отправляли из тех мест, где его делали; Ведь помимо того, что в "Ménaigier" лишь очень бегло упоминается напиток из яблок, мы знаем, что в

пятнадцатом веке парижане довольствовались тем, что заливали яблоки водой и вымачивали их, чтобы получить некий полукислый, полусладкий напиток под названием *dépense*. Кроме того, Польмье де Грандесниль, норманн по происхождению, известный врач и автор латинского трактата о вине и сидре (1588), утверждает, что за полвека до этого сидр был очень скуден в Руане, а во всех районах Ко жители пили только пиво. Дюперрон добавляет, что норманны привозили сидр из Бискайи, когда их урожай яблок не удался.

Вопрос о том, кем и в какой период в Галлии была выведена виноградная лоза, долгое время оставался спорным и, несмотря на самые тщательные исследования, так и остался нерешенным. Наиболее правдоподобным является мнение, которое приписывает честь ввоза виноградной лозы финикийской колонии, основавшей Марсель.

Плиний упоминает о нескольких винах галлов, которые высоко ценились. Тем не менее, он упрекает виноградарей Марселя, Безье и Нарбонны в том, что они подделывают свои вина и подмешивают в них различные снадобья, которые делают их неприятными и даже нездоровыми ([Fig. 106](#)). Диоскорид, однако, одобрял обычай аллоброгов смешивать смолу с вином, чтобы сохранить его и не дать ему прокиснуть, поскольку температура в их стране не была достаточно теплой для созревания винограда.

Как уже говорилось выше, виноградная лоза была выкорчевана по приказу Домициана в 92 году, и вновь появилась в Галлии только при Проте, который в 282 году отменил императорский эдикт своего предшественника; после этого галльские вина вскоре вернули себе свою древнюю славу. Под властью франков, которые очень любили вино, собственность на виноградники была одной из тех, которые варварские законы охраняли с особой тщательностью. В кодексе салиев и в кодексе вестготов мы находим очень суровые наказания за выкорчевывание лозы или кражу виноградной грозди. Культивирование виноградной лозы стало всеобщим, и короли сами сажали ее, даже в садах своих городских дворцов. В 1160 году в Париже, недалеко от Лувра, все еще был виноградник такой величины, что Людовик VII мог ежегодно дарить настоятелю церкви Святого Николая шесть бочонков вина, сделанного из него. Филипп Август владел примерно двадцатью виноградниками отличного качества в разных частях своего королевства.

Таким образом, культура виноградной лозы получила развитие, и виноторговля приобрела огромное значение во Франции. Гасконь, Аунис и Сентонж отправляли свои вина во Фландрию, а Гиень - в Англию. Фруассар пишет, что в 1372 году торговый флот из двухсот кораблей пришел из Лондона в Бордо за вином. Эта процветающая торговля получила серьезный удар в XVI веке; поскольку в 1566 году во Франции разразился страшный голод, Карл IX не замедлил повторить действия Домициана и приказал выкорчевать все виноградники и засеять их кукурузой; к счастью, Генрих III вскоре после этого изменил этот указ, просто рекомендовав губернаторам провинций следить за тем, чтобы "плуги не были заброшены в их районах из-за чрезмерного выращивания виноградной лозы".

[Рис. 107](#). - Внутреннее убранство гостиницы - факсимиле гравюры на дереве в фолианте Вергилия, изданном в Лионе в 1517 году.

Хотя профессия виноторговца является одной из старейших в Париже, из этого не следует, что розничной продажей вина занимались исключительно специальные торговцы. Напротив, долгое время владелец виноградника продавал в розницу то вино, которое ему не удавалось реализовать в бочках. Веник, лавровый венок или другой подобный знак, повешенный над дверью, означал, что любой проходящий мимо человек может купить или

выпить вина. Если виноделы не объявляли в деревне или городе о качестве и цене своего вина через глашатая, они ставили перед дверью своего погреба человека, который привлекал публику войти и попробовать новые вина. Другие владельцы, вместо того чтобы продавать вино людям, чтобы они уносили его в своих собственных сосудах, устраивали в каком-нибудь помещении своего дома таверну, где торговали напитком ([Рис. 107](#)). Монахи, которые широко производили вино, также открывали такие таверны в монастырях, поскольку сами потребляли только часть своего вина; и эта система была повсеместно принята виноделами и даже королем и вельможами. Последние, однако, имели то преимущество, что, пока они продавали свои вина в розницу, никому в округе не разрешалось вступать с ними в конкуренцию. Это предписывающее право, называемое *droit de ban-vin*, сохранялось и в XVII веке.

В 1264 году Людовик Святой даровал виноторговцам особые статуты, но только три столетия спустя они образовали общество, которое делилось на четыре класса: содержатели гостиниц, содержатели публичных домов, владельцы таверн и торговцы вином *à pot*, то есть продаваемым людям, чтобы они забирали его с собой. Хозяева гостиниц, также называемые *aubergistes*, размещали путешественников, а также размещали лошадей и кареты. Торговцы *горшками* продавали вино, которое нельзя было пить в их помещениях. В их дверях обычно было что-то вроде окошка, через которое пропускали пустой горшок, чтобы вернуть его наполненным: отсюда выражение, которое все еще использовалось в XVIII веке, *vente à huis courré* (продажа через прорезанную дверь). Владельцы питейных заведений поставляли напитки, а также скатерть и тарелки, что означало, что подавались и прохладительные напитки. И, наконец, *трактирщики* продавали вино, которое можно было выпить в помещении, но без права снабжать клиентов хлебом или мясом ([рис. 108](#) и [109](#)).

[Рис. 108.](#) - Знамя корпорации содержателей публичных домов Монмеди.

[Рис. 109.](#) - Баннер корпорации содержателей публичных домов Тоннерре.

С IX по XIII век во Франции наиболее востребованными были вина из Макона, Кагора, Реймса, Шуази, Монтаржи, Марны, Мёлана и Орлеана. Среди последних есть одна, которая очень понравилась Генриху I и которую он хранил, чтобы стимулировать свою храбрость, когда он присоединится к своей армии. В басне "Битва вин", написанной в XIII веке Анри д'Анделисом, упоминается ряд вин, которые и по сей день сохранили свою репутацию: например, Боне в Бургундии, Сент-Эмильон в Грюйене, Шабли, Эперне, Сезанн в Шампани и т. д. Но на первое место он ставит, с полным основанием, в соответствии со вкусом тех дней, Сен-Пурсен из Оверни, который был тогда самым дорогим и пользовался большим спросом. Другой французский поэт, описывая роскошные привычки модного молодого человека, говорит, что тот пил только Сен-Пурсен; а в стихотворении, написанном Жаном Брюйаном, секретарем парижского Шатле, в 1332 году, мы находим

"Du saint-pourçain
Que l'on met en son sein pour sain."

("Вино Сен-Пурсен, которое вы пьете на благо своего здоровья").

[Рис. 110.](#) - Баннер Куперов из Байонны.

[Рис. 111.](#) - Баннер Куперов из Ла-Рошели.

Ближе к 1400 году виноградники Аи стали славиться шампанским, как виноградники Боне - Бургундией; именно тогда, по свидетельству ученого Польмье де Грандесниля, короли и королевы сделали шампанское своим любимым напитком. По преданию, Франциск I, Карл Квинт, Генрих VIII и папа Леон X. в одно и то же время владели виноградниками в Шампани. Бургундию, это чистое и приятное вино, не презирали, и именно в честь нее Эразм сказал: "Счастливая провинция! Она может с полным правом называть себя матерью людей, раз она производит такое молоко". Тем не менее, вышеупомянутый врач Польмье предпочитал бургундскому, "если не за вкус, то за полезность, виноградники *Иль-де-Франса* или *vins français*, которые, по его словам, подходят ученым, инвалидам, буржуа и всем другим людям, не посвящающим себя ручному труду; Ведь они не першат кровь, как вина Гаскони, и не летят в голову, как вина Орлеана и Шато-Тьерри, и не вызывают препятствий, как вина Бордо." Такого же мнения придерживается и Баччиус, который в своем латинском трактате "Естественная история вин" (1596) утверждает, что парижские вина "ни в чем не уступают винам из любого другого района королевства". Эти тонкие и кислые вина, столь почитаемые в первые периоды монархии и так долго остававшиеся в прошлом, впервые утратили свою популярность в правление Франциска I, который предпочел крепкие и стимулирующие продукты Юга.

Несмотря на большое количество превосходных вин, производимых в их собственной стране, французы импортировали их из других стран. В XIII веке в "Битве вин" мы находим аквилонские, испанские и, прежде всего, кипрские вина, о которых говорится в высоких выражениях. Столетие спустя Юстас Дешам восхвалял рейнские вина, а также вина Греции, Мальмси и Гренаша. В эдикте Карла VI упоминаются также мускатель, розе и вино из Льеппа. Как правило, Мальмси, которое пили во Франции, было искусственным препаратом, не имеющим ни цвета, ни вкуса кипрского вина. Оливье де Серр рассказывает, что в его время его делали из воды, меда, сока гвоздики, пивной гущи и бренди. Сначала так же называли натуральное вино, глинтвейн и пряности, которое производили на острове Мадейра из винограда, привезенного туда португальцами с Кипра в 1420 году.

Репутация, которую это вино приобрело в Европе, побудила Франциска I импортировать несколько лоз из Греции, и он посадил их на пятидесяти акрах возле Фонтенбло. Поначалу считалось, что это растение настолько хорошо удастся, что "были надежды, - говорит Оливье де Серр, - что Франция вскоре сможет сама поставлять мальмсейские и греческие вина, вместо того чтобы ввозить их из-за границы". Однако очевидно, что вскоре они отказались от этой иллюзии и за неимением настоящего вина вернулись к искусственным напиткам, таким как *vin cuit*, или вареное вино, которое во все времена ловко готовилось путем уваривания нового вина и добавления в него различных ароматических трав.

Многие вина производились под названием *herbés*, которые представляли собой просто настойки полыни, мирта, иссопа, розмарина и т. д., смешанные с подслащенным вином и ароматизированные медом. Самые знаменитые из этих напитков носили претенциозное название "нектар"; те, что состояли из пряностей, азиатских ароматических веществ и меда, обычно назывались "белым вином" - название, без разбора применявшееся к напиткам, имевшим в качестве основы слегка подкрашенное вино, а также к гипокрасу, который часто состоял из смеси иностранных ликеров. Гипокрас играет важную роль в рыцарских романах и считался почетным напитком, который всегда предлагали королям, принцам и дворянам при торжественном въезде в город.

[Рис. 112.](#) - Батлер на своих обязанностях - факсимиле с гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера, фолио, Базель, 1549.

Вином также называли напитки, состоящие из соков определенных фруктов, в которых виноград ни в коем случае не использовался. Это вишневое, смородиновое, малиновое и гранатовое вина, а также *морэ*, сделанное из шелковицы, которое так воспевали поэты XIII века. Следует также упомянуть кислые вина, которые делались путем заливания водой отбросов винограда после того, как из них было извлечено вино; напитки из филберта, миндального молока, сиропов из абрикосов и клубники, вишневой и малиновой воды, которые освежали и использовались в основном летом; и, наконец, *тизан*, продававшийся парижскими кондитерами, который готовился горячим или холодным, из подготовленного ячменя, сушеного винограда, слив, фиников, камеди или лакрицы. Этот *тизан* можно считать истоком того напитка, который сегодня продается беднякам по су за стакан и который, несомненно, не сильно улучшился с давних времен.

Бренди впервые стал известен во Франции примерно в тринадцатом веке, но не похоже, что он был признан ликером до шестнадцатого. Знаменитый врач Арно де Вильнев, писавший в конце XIII века, которому ошибочно приписывают изобретение бренди, использовал его в качестве одного из своих лекарств и так высказывался о нем: "Кто бы мог поверить, что мы можем получить из вина напиток, который не похож на него ни по природе, ни по цвету, ни по действию?... Этот *eau de vin* некоторые называют *eau de vie*, и справедливо, поскольку он продлевает жизнь..... Оно продлевает здоровье, избавляет от лишних дел, оживляет дух и сохраняет молодость. Само по себе или в сочетании с другим подходящим средством, оно лечит колики, водянку, паралич, агу, гравий и т.д."

В то время, когда многие врачи, алхимики и другие ученые люди занимались тем, что пытались открыть ту чудесную золотую жидкость, которая должна была избавить человеческую расу от всех ее первоначальных недугов, открытие такого эликсира не могло не привлечь внимания всех подобных производителей панацеи. Поэтому именно под названием *eau d'or (aqua auri)* бренди впервые стал известен миру; это название было дано ему неправильно, подразумевая, что он имеет минеральное происхождение, в то время как его красивый золотистый цвет был вызван добавлением специй. В более поздний период, когда он потерял репутацию лекарства, его стали посыпать листьями чистого золота, и в то же время, когда его перестали рассматривать исключительно как лекарство, он стал любимым напитком. Его также использовали в винокурнях, особенно в качестве основы для различных укрепляющих и возбуждающих ликеров, большинство из которых дошли до нас, некоторые из них - из монастырей, другие - из замков, где они были изготовлены.

Кухня.

Супы, бульоны, рагу и т. д. - Французское слово *potage*, должно быть, первоначально означало суп, состоящий из овощей и трав с огорода, но с самых отдаленных времен оно применялось к супам вообще.

Поскольку галлы, по словам Афиней, обычно ели вареное мясо, мы должны предположить, что они готовили суп из воды, в которой оно варилось. Рассказывают, что однажды Григорий Турский сидел за столом короля Чилперика, когда тот предложил ему суп, специально приготовленный в его честь из курицы. В поэмах XII и XIII веков упоминаются супы из гороха, бекона, овощей и круп. В южных провинциях готовили супы из миндаля и оливкового масла. Когда Дю Гезелен отправился сражаться в одиночку с английским рыцарем Вильгельмом Бланкбургским, он сначала съел три сорта супа, приготовленного на вине, "в честь трех лиц Святой Троицы".

Рис. 113. - Интерьер кухни XVI века - факсимиле с гравюры на дереве в "Calendarium Romanum" Жана Стаэффлера, фолио, Тюбинген, 1518 год.

В "Менеджере", среди длинного списка обычных супов, рецепты которых приводятся, мы находим суп из "сушеного гороха и воды, в которой варился бекон", а в Великий пост - "соленую китовую воду"; суп из водяного кресса, капустный суп, сырный суп, *грамозный* суп, который готовился путем добавления тушеного мяса в воду, в которой уже варилось мясо, и добавления взбитых яиц и сока; и, наконец, *soupe despourvue*, который быстро готовился в гостиницах для неожиданных путешественников и представлял собой нечто вроде супа, приготовленного из всего, что есть в кладовой. В те времена, несомненно, горячий суп был обязательной частью ежедневной трапезы, и каждый человек принимал его по меньшей мере дважды в день, согласно старой пословице: "Soupe la soir, soupe la soir, soupe la soir".

"Soupe la soir, soupe le matin,
C'est l'ordinaire du bon chrétien."

("Суп вечером и суп утром,
Это повседневная пища доброго христианина").

Кухонная утварь того времени состояла из целого ряда сверкающих котлов, кастрюль, чайников и сосудов из красной и желтой меди, которых едва хватало на все те обильные супы, которыми так славилась Франция. Отсюда и старая пословица: "Во Франции много супов".

Но помимо этих супов, которые на самом деле считались "обычными и без специй", под общим названием "суп" подавался целый ряд блюд, которые составляли главную роскошь на больших столах в XIV веке, но которые не вполне соответствуют названиям, под которыми мы их находим. Так, например, здесь были баранина *haricot*, своего рода рагу; тонкий куриный бульон; телячий бульон с травами; суп из телятины, косули, оленя, кабана, свинины, зайца, суп из кролика, приправленный зеленым горошком, и т. д.

Большая часть этих супов была очень богатой, очень дорогой, их подавали по несколько штук одновременно; а чтобы они радовали глаз и вкус, их обычно делали разных цветов,

подслащивали сахаром, посыпали зернами граната и ароматными травами, такими как майоран, шалфей, тимьян, базилик, чабер и т. д.

[Рис. 114.](#) - "Медный кузнец", дизайн и гравировка XVI века Дж. Аммана.

Эти описания супов были совершенной роскошью и употреблялись вместо сладостей. В доказательство этого мы должны сослаться на знаменитый *soupe dorée*, описание которого дано Тайлевентом, главным поваром Карла VII, в следующих словах: "Поджарьте ломтики хлеба, бросьте их в желе из сахара, белого вина, желтка яйца и розовой воды; когда они хорошо пропитаются, обжарьте их, затем снова бросьте в розовую воду и посыпьте сахаром и шафраном".

[Рис. 115.](#) --Кухонные и столовые принадлежности:-- 1, разделочный нож (XVI век); 2, потир или кубок с крышкой (XIV век); 3, медный горшок с двумя ручками (IX век); 4, металлический котел, или оловянный горшок, взятый из "Истории прекрасной Элен" (XV век); 5, нож (XVI век); 6, Горшок с ручками (XIV век); 7, Медный котел, взятый из "Истории прекрасной Элен" (XV век); 8, Фужер с ручкой, по восточной моде (IX век); 9, Кувшин, скульптурный, из числа украшений церкви Св. Бенедикта в Париже (XV век); 10, Подсвечник с двумя ветвями (XVI век); 11, Котел (XV век).

Возможно, даже сейчас этот вид супа мог бы найти определенную популярность; но мы не можем сказать того же о супах, приготовленных с горчицей, конопляным семенем, пшеном, соком и многими другими, которые были в моде в тот период; ведь мы видим у Рабле, что французы были самыми большими любителями супов в мире и хвастались тем, что изобрели семьдесят их видов.

Мы уже отмечали, что бульоны использовались в самые отдаленные времена, поскольку с тех пор, как впервые была принята практика варки различных видов мяса, должно было быть обнаружено, что вода, в которой они варились, становилась пикантной и питательной. "Во времена великого короля Франциска I, - пишет Ноэль дю Фаиль в своих "Сказках Евтрапеля", - во многих местах на стол ставили кастрюлю, на которой стояло еще только одно большое блюдо, из говядины, баранины, телятины и бекона, гарнированное большим пучком вареной зелени, вся эта смесь представляла собой кашу, настоящий восстановитель и эликсир жизни. Отсюда пошла поговорка: "Суп в большом горшке, а лакомства в горшочке".

Одно время они готовили укрепляющие отвары для больных, хотя их достоинства, должно быть, были несколько обманчивы, поскольку, прокипятив различные материалы в тесном котелке на медленном огне, они затем перегоняли их, а полученную таким образом воду принимали как суверенное лекарство. Здравый смысл Бернара Палисси не преминул заставить его увидеть эту нелепость и протестовать против нелепого обычая: "Возьмите каплуна, - говорит он, - куропатку или что-нибудь другое, сварите его хорошенько и понюхав бульон, вы обнаружите, что он очень хорош, а попробовав его на вкус, вы поймете, что в нем много аромата; настолько, что вы почувствуете, что в нем есть нечто, способное вас взбодрить. Напротив, перегоните его, возьмите собранную воду и попробуйте ее, и вы обнаружите, что она безвкусна и не имеет никакого запаха, кроме запаха гари. Это должно убедить вас в том, что ваш восстановитель не дает того питания слабому телу, для которого вы рекомендуете его как средство для создания хорошей крови, восстановления и укрепления духа".

Вкус к бульонам из муки был раньше почти всеобщим во Франции и во всей Европе; о нем неоднократно говорится в историях и летописях монастырей; мы знаем, что норманны, которые делали его своим главным питательным средством, носили фамилию *bouilleux*. Они действительно были почти как римляне, которые в давние времена, перед войнами с восточными народами, отказались от выпечки хлеба и ели кукурузу, просто сваренную в воде.

В XIV веке бульоны и супы готовили из просяной муки и смешанной пшеницы. Чистую пшеничную муку заваривали в молоке, приправляя сахаром, шафраном, медом, сладким вином или ароматными травами, а иногда добавляли масло, жир и желтки яиц. Именно благодаря этому хлеб древних так сильно напоминал пироги, и именно из этого факта возникло искусство кондитера.

Пшеница, превращенная в кашу, долгое время была важным ингредиентом в кулинарии, являясь основой для знаменитого блюда под названием *fromentée*, которое представляло собой бульон из молока, ставший кремообразным благодаря добавлению желтков яиц, и служило жидкостью, в которой жарили мясо и рыбу. Кроме того, существовало несколько сортов *fromentée*, все одинаково почитаемые, и Тайлевент рекомендовал следующий рецепт, который отличается от приведенного выше: "Сначала отварите пшеницу в воде, затем положите в нее сок или подливку из жирного мяса или, если вам больше нравится, миндальное молоко, и таким образом вы приготовите суп, пригодный для поста, потому что он медленно растворяется, медленно переваривается и очень питателен. Таким же образом можно приготовить *ордиат*, или ячменный суп, который более одобряем, чем упомянутый *фроманте*".

[Рис. 116](#). - Интерьер кухни. Факсимиле с гравюры на дереве в "Calendarium Romanum" Й. Стаэффлера, фолио, Тюбинген, 1518.

Семолина, вермишель, макароны и т. д., которые называли итальянскими, потому что они изначально происходили из этой страны, использовались во Франции дольше, чем принято считать. Впервые они появились после экспедиции Карла VIII в Италию и завоевания Неаполитанского королевства, то есть в правление Людовика XII, или в первые годы XVI века.

Пироги, тушеные блюда, жаркое, салаты и т.д. - тесто, приготовленное на жире, которое, как можно предположить, является изобретением современных кухонь, было в большом почете у наших предков. Изготовление сладких и соленых кондитерских изделий было вверено заботам добрых *менажеров* всех рангов и состояний, а также корпорации кондитеров, которые получили свой устав только в середине XVI века; объединенное мастерство этих мастеров, как в Париже, так и в провинциях, очень сильно приумножило различные виды тартов и мясных пирогов. В результате эти изобретательные изделия превратились в особое искусство, достойное соперничать даже с самой кулинарией (рис. [117](#), [118](#), и [130](#)). Один из самых ранних известных рецептов приготовления пирогов принадлежит Гейсу де ла Бинье, первому капеллану королей Иоанна, Карла V и Карла VI. Мы находим его в спортивной поэме, и он заслуживает того, чтобы быть дословно процитированным как запись королевской кухни XIV века. При ее прочтении можно заметить, что ничего не жалели ни в выпечке, ни в кулинарии, и что расходы не учитывались, когда речь шла об удовлетворении аппетита.

"Trois perdriaux gros et reffais
Au milieu du paté me mets;
Mais gardes bien que tu ne failles

A moi prendre six grosses cailles,
De quoi tu les apuyeras.
Et puis après tu me prendras
Une douzaine d'alouètes
Qu'environ les cailles me mettes,
Et puis pendras de ces machés
Et de ces petits oiselés:
В соответствии с тем, что ты имеешь,
Le paté m'en billeteras.
Или ты не можешь не сделать этого.
Без пера, без остря,
Чтобы ты ел, как де:
S'en sera le pasté pouldré.
S tu le veux de bonne guise,
Du vertjus la grappe y soit mise,
D'un bien peu de sel soit pouldré ...
... Fay mettre des oeufs en la paste,
Les croutes un peu rudement
Faictes de flour de pur froment ...
... N'y mets espices ni fromaige ...
Au four bien à point chaud le met,
Qui de cendre ait l'atre bien net;
E quand sera bien à point cuit,
I n'est si bon mangier, ce cuit".

("Положите мне в середину пирога трех молодых куропаток, больших и жирных;
Но позаботьтесь о том, чтобы не забыть взять шесть прекрасных перепелов, чтобы положить их рядом.

После этого возьмите дюжину жаворонков, которых положите вокруг перепелов;
А потом возьмите дроздов и других мелких птичек, каких только сможете достать, чтобы украсить пирог.

Далее, вы должны обеспечить себя небольшим количеством бекона, который не должен быть ни в малейшей степени (reasty), и вы должны разрезать его на кусочки размером с кубик, и посыпать ими пирог.

Если вы хотите, чтобы пирог был в хорошем виде, вы должны положить туда немного кислого винограда и совсем немного соли...

... В тесто добавьте яйца, а корж сделайте довольно твердым из пшеничной муки.

Не кладите ни специй, ни сыра...

Поставьте в духовку на соответствующий огонь,

дно которой должно быть полностью очищено от золы;

И когда он достаточно пропечется, разве это не блюдо для пиршества!").

С этого времени все кулинарные трактаты пестрят подобными рецептами приготовления "пирогов из молодых цыплят, свежей оленины, телятины, угря, леща и лосося, молодых кроликов, голубей, мелкой птицы, гусей и *нарруа*" (смесь печени трески и рыбного фарша). Можно упомянуть и маленькие пирожки, которые делались из говяжьего фарша и изюма, похожие на наши пирожки с фаршем, и которыми торговали на улицах Парижа, пока их продажа не была запрещена, потому что торговля поощряла жадность, с одной стороны, и лень - с другой.

Древние пирожные, благодаря своей форме, получили название *tourte* или *tarte*, от латинского *torta* - большая горбушка хлеба. Впоследствии это название использовалось исключительно для горячих пирогов, независимо от того, содержали ли они овощи, мясо или рыбу. Но к концу XIV века *tourte* и *tarte* стали применять к кондитерским изделиям, содержащим травы, фрукты или консервы, а *pâté* - к пирогам с любым видом мяса, дичи или рыбы.

[Рис. 117.](#) -Баннер Корпорации кондитеров Кана.

[Рис. 118.](#) - Баннер Корпорации кондитеров Бордо.

Лишь в XVI веке название "*поташ*" перестало применяться к тушеным блюдам, количество которых соответствовало их разнообразию, ведь в расписании банкетов того времени мы находим более пятидесяти различных сортов *поташа*. Большая часть этих блюд исчезла из наших кулинарных книг, выйдя из моды; но есть два тушеных блюда, которые были популярны на протяжении многих веков и сохранили свою репутацию, хотя сейчас они не совсем соответствуют тому, что было раньше. *Горшочек-пурри*, состоящий из телятины, говядины, баранины, бекона и овощей, и *галимафре* - фрикасе из домашней птицы, политое соком, приправленное специями и окруженное соусом из уксуса, хлебных крошек, корицы, имбиря и т. д. ([Fig. 119](#)).

Высшей целью поваров школы Тайлевент было сделать блюда не только вкусными, но и приятными для глаз. Этих мастеров кулинарного искусства можно назвать и скульпторами, и художниками, настолько сильно они украшали свои произведения, стремясь удивить или позабавить гостей, скрывая истинную природу блюд. Фруассар, рассказывая о трапезе, устроенной в его время, говорит, что там было множество "блюд, столь диких и замаскированных, что невозможно было догадаться, что это такое". Например, в упомянутой выше купчей упоминаются лев и солнце из белой курицы, розовое желе с ромбовидными остриями; и, как будто цель кулинарии - замаскировать еду и обмануть эпикурейцев, Тайлевент в шутку дает нам чек на приготовление жареного или запеченного масла и на приготовление яиц на вертеле.

[Рис. 119.](#) - Интерьер итальянской кухни - факсимиле гравюры на дереве в книге по кулинарии Кристофоро ди Мессисбурго, "*Banchetti compositioni di Vivende*", 4to., Ferrara, 1549.

Жареные блюда были столь же многочисленны, как и тушеные. В трактате XIV века названо около тридцати блюд, начиная с говяжьей вырезки, которая, должно быть, была одним из самых распространенных, и заканчивая лебедем, который появился на столе в полном оперении. Последнее блюдо было триумфом кулинарии, так как представляло эту великолепную птицу взору изумленных гостей так, словно она была живой и плавала. Его клюв был позолочен, тело посеребрено и покоилось на массе из коричневого теста, выкрашенного в зеленый цвет, чтобы изобразить травяное поле. Восемь шелковых знамен были расположены вокруг, а ткань из того же материала служила ковром для всего блюда, которое возвышалось над остальными предметами сервировки стола.

[Рис. 120.](#) - Охотничья трапеза - факсимиле миниатюры в рукописи "*Livre du Roy Modus*" (Национальная библиотека Парижа).

Павлин, о котором в те времена думали так же много, как и сейчас, мало ценился, был оформлен аналогичным образом и подан к столу под звуки труб и аплодисменты всех присутствующих. Способы приготовления других видов жаркого во многом напоминали

нынешнюю систему своей простотой, с той лишь разницей, что крепкое мясо сначала отваривали, чтобы сделать его нежным, и ни одно жаркое никогда не передавалось в руки резчика без предварительного тщательного обмазывания апельсиновым соком и розовой водой, а также обсыпания сахаром и присыпкой из специй.

Нельзя не упомянуть и о запеченных блюдах, изобретение которых приписывается охотникам и о которых Рабле постоянно упоминает как о стимуляторах и непреодолимой жажде вина на роскошных пирах этих прожорливых героев ([Fig. 120](#)).

Обычай подавать салаты после жаркого сложился уже в XV веке. Однако салат, какого бы рода он ни был, никогда не подавался к столу в своем естественном виде; ведь помимо сырой зелени, заправленной так же, как и в наши дни, в него добавляли несколько смесей, например, вареные овощи, а также гребни, печень или мозги птицы. После салатов подавали рыбу: иногда жареную, иногда нарезанную яйцами или измельченную до состояния кашицы, которая называлась *carpée* или *charpie*, а иногда ее варили в воде или вине с сильными приправами. Рядом с салатами во время ужина обычно подавали блюда из яиц, приготовленных различными способами. Многие из них используются и сейчас, например, яйцо-пашот, яйцо вкрутую, яичный соус и т. д.

[Рис. 121.](#) - Магазин бакалейщика и фармацевта, с клейма Вризе (XVII век).

Приправы... Мы уже говорили, что после крестовых походов в Европе значительно усилился вкус к пряностям; и в этом кратком историческом очерке о пище французского народа в Средние века мы должны были заметить, до какой степени этот вкус развился во Франции ([Рис. 121](#)). Так возникли соусы, все или почти все из которых были сильно приправлены специями и обычно использовались с вареным, жареным или запеченным мясом. Некоторые из этих соусов, такие как желтый, зеленый и *камелин*, стали настолько необходимы в кулинарии, что многие люди занялись их оптовым производством, и их продавали на улицах Парижа.

Эти соусники сначала назывались *sauciers*, затем *vinaigriers-moutardiers*, а когда Людовик XII объединил их в одно целое, поскольку их бизнес значительно расширился, они стали называться *sauciers-moutardiers-vinaigriers*, дистилляторами бренди и винных спиртов, а также *buffetiers* (от *buffet* - *буфет*).

[Рис. 122.](#) - Повар, нарисованный и выгравированный в XVI веке Дж.

Но очень скоро корпорация разделилась, несомненно, в силу обстоятельств; и на одной стороне мы видим винокуров, а на другой - мастеров-поваров и поваров, или *porte-chapes*, как их называли, потому что, занимаясь приготовлением пищи, они накрывали свои блюда *chape*, то есть крышкой из жести ([Рис. 122](#)), чтобы сохранить их теплыми.

Список соусов XIV века, приведенный в "Парижском мещанине", очень сложен, но при изучении рецептов становится ясно, что разнообразие этих блюд, предназначенных для возбуждения аппетита, обусловлено главным образом пряными ингредиентами, которыми они приправлялись; и здесь стоит отметить, что перец, в наши дни получаемый исключительно из Америки, был известен и широко использовался задолго до времен Колумба. Он упоминается в одном из документов времен Клотаря III. (660); таким образом, очевидно, что до открытия Нового Света перец и специи импортировались в Европу с Востока.

Горчица, которая была ингредиентом многих блюд, выращивалась и производилась в тринадцатом веке в окрестностях Дижона и Анжера.

Согласно народной пословице, чеснок был лекарством (*thériaque*) крестьян; горожане долгое время высоко ценили *aillée* - соус из чеснока, который продавался в готовом виде на улицах Парижа.

Обычай использовать анчоусы в качестве приправы также очень древний. Так же поступали с *botargue* и *cavial*, двумя видами гарниров, которые состояли из рыбьих яиц, в основном кефали и осетра, правильно засолённых или высушенных, и смешанных со свежими или маринованными оливками. Оливки для низших слоев населения привозили из Лангедока и Прованса, в то время как оливки для богатых импортировались из Испании, а некоторые - из Сирии. С юга Франции поставлялось и оливковое масло, которым и по сей день славятся остальные провинции королевства; но уже в XII и XIII веках из центра Франции в Париж привозили масло из грецких орехов, которое, хотя и было дешевле, было вытеснено маслом, добываемым из мака.

Трюфели, хотя и были известны и почитаемы древними, исчезли из гастрономической коллекции наших предков. Лишь в XIV веке их снова стали использовать, но, очевидно, без знания их кулинарных качеств, так как после сохранения в уксусе их вымачивали в горячей воде, а затем подавали с маслом. Здесь же можно упомянуть щавель и обыкновенный гриб, которые использовались в кулинарии в Средние века.

В соответствии со старой пословицей "Сахар никогда не портил соусы", сахар добавляли во все соусы, которые не были *пикантными*, и, как правило, в них добавляли немного ароматизированной воды, например, розовой. Ее делали в больших количествах, выставляя на солнце таз, наполненный водой, накрытый другим тазом из стекла, под которым стояла маленькая ваза с листьями роз. Эту розовую воду добавляли во все тушеные блюда, выпечку и напитки. Очень сомнительно, что именно в этот период белый кусковой сахар стал известен на Западе. Однако в рассказе о доме дофина Вьеннуа (1333 г.) упоминается "белый сахар", а автор "Парижского медика" часто говорит об этом белом сахаре, который до открытия или, скорее, колонизации Америки привозили в готовом виде с греческих островов, особенно из Кандии.

[Рис. 123.](#) - *Issue de Table.* - Факсимиле гравюры на дереве в трактате Кристофоро ди Мессисбурго "Banchetti compositioni di Vivende", 4to., Ferrara, 1549.

Верджус, или зеленый сок, который вместе с уксусом составляет основу соусов и в настоящее время добывается из зеленого винограда, который никогда не созревает, первоначально был соком щавеля; другой сорт добывался путем толчения зеленых лопаток пшеницы. Изначально уксус был просто прокисшим вином, как и обозначает слово *vin-aigre*. Способ его изготовления искусственным путем, чтобы придать ему более резкий вкус и улучшить качество, является очень древним. Нет нужды говорить, что его ароматизировали настоем трав или цветов - розы, бузины, гвоздики и т. д.; но только в XVI веке его стали использовать для маринования трав, фруктов и овощей, таких как корнишоны, лук, огурец, портулак и т. д.

Соль, которая с самых отдаленных времен была приправой *par excellence* и торговля которой была свободной вплоть до XIV века, с этого периода стала предметом постоянного налогообложения. Взимание этих налогов часто вызывало волнения в народе, который с

явным неудовольствием наблюдал за тем, как акциз постепенно повышает цену на предмет первой необходимости. Мы уже упоминали о временах, когда цена на соль была настолько непомерной, что только богатые могли класть ее в свой хлеб. Так, во времена правления Франциска I она была почти такой же дорогой, как индийские специи.

Сладкие блюда, десерты и т. д. -- В XIV веке первые блюда трапезы назывались *mets* или *assiettes*, а последние - *entremets*, *dorures*, *issue de table*, *desserte* и *boule-hors*.

Десерт обычно состоял из печеных груш, мушмулы, очищенных грецких орехов, инжира, фиников, персиков, винограда, филбертов, пряностей и белых или красных сахарных слив.

К столу подавались вафли или другая легкая выпечка, которую ели с вином гипокрас. *Буте-хорс*, который подавали, когда гости, вымыв руки и произнеся милость, проходили в гостиную, состоял из специй, отличных от тех, что были на десерте, и предназначенных специально для облегчения пищеварения; для этого они, должно быть, были очень нужны, учитывая, что трапеза длилась несколько часов. Во время еды эти специи запивали Гренашем, Мальмси или ароматными винами ([Рис. 123](#)).

Только на банкетах и больших повторных трапезах появлялись сладкие блюда и *доруры*, которые, по-видимому, вводились для демонстрации силы воображения и таланта исполнения мастера-повара.

Доруры состояли из желе всех видов и цветов; лебеди, павлины, горлицы и цапли на торжественных пирах подавались в полном оперении на возвышении в центре стола, отсюда и название "возвышенные блюда". Что касается гарниров, как их правильно называть, то длинный список, собранный в "Ménagier", показывает нам, что они подавались к столу без разбора: фаршированные цыплята иногда следовали за фаршированной свиньей в соусе, пироги с жаворонками сменяли колбаски из баранины, а оладьи из щучьих яиц появлялись после апельсинового конфитюра.

В более поздний период роскошь гарниров заключалась в количестве и разнообразии кондитерских изделий; Рабле называет шестнадцать различных сортов для одной трапезы; Тайлевент упоминает кондитерские изделия, называемые *крытым тестом*, *бурбонским тестом*, *тестом с двойным лицом*, *грушевым* и *яблочным тестом*; Платина говорит о *белом тесте* с айвой, цветами бузины, рисом, розами, каштанами и т. д. Мода на кондитерские изделия, однако, очень древняя, так как в книге "Притчи" XIII века мы находим, что пироги Дурленса и кондитерские изделия Шартра были тогда в большом почете.

[Рис. 124.](#) - Стол барона, накрытый в XIII веке - миниатюра из "Истории Сен-Грааля" (рукопись из Императорской библиотеки, Париж).

В грамоте Роберта ле Буйона, епископа Амьенского, от 1311 года упоминается пирог, состоящий из слоеного теста; эти пироги, однако, менее древние, чем твердое тесто, называемое бобовым или королевским пирогом, который с самых первых дней монархии появлялся на всех столах не только в праздник Богоявления, но и по любому праздничному поводу.

Среди сухих и сладких пирожных из маленькой печи, которые появлялись *на столе*, в первую очередь бросались в глаза те, что были сделаны из миндаля, орехов и т. д. и тому подобное, которые стоили очень дорого; затем шли кремовые или сырные пирожные, *petits choux*, сделанные из масла и яиц; *échaudés*, которые очень любили люди, и St. Людовик

даже разрешил пекарям готовить их по воскресеньям и праздникам для бедных; вафли, возраст которых датируется XIII веком; И, наконец, *оубли*, которые под названиями *nieules*, *esterets* и *supplications* породили столь обширную торговлю, что в Париже была создана корпорация, называемая *oublayers*, *oublayers* или *oublieux*, устав которой предписывал, что никто не должен допускаться к торговле, если он не в состоянии сделать за один день 500 больших *оубли*, 300 *supplications* и 200 *esterets*.

ТРАПЕЗЫ И ПРАЗДНИКИ.

Нам уже приходилось рассказывать о правилах и регламенте трапез при королях Меровингах и Карловингах. Мы также говорили о сервировке стола в XIII веке (см. главу "Частная жизнь"). Самый ранний автор, оставивший нам документы по этому любопытному вопросу, - это тот превосходный буржуа, которому мы обязаны "Парижским хозяйственником". Он описывает, например, во всех подробностях трапезу, которую в XIV веке дал аббат де Ланьи епископу Парижскому, председателю парламента, поверенному и адвокату короля и другим членам его совета, всего шестнадцати гостям. Из этого рассказа мы узнаем, что "милорду Парижскому, занимавшему почетное место, в силу его ранга подавали накрытые блюда трое его оруженосцев, как это было принято у короля, королевских принцев, герцогов и пэров; господину президенту, сидевшему рядом с епископом, также прислуживал один из его слуг, но на непокрытых блюдах, а остальные гости сидели за столом в порядке, указанном их титулами и званиями".

Расписание этого пира, который был дан в постный день, тем более заслуживает внимания, что оно доказывает нам, какими многочисленными ресурсами уже обладала кулинария. Особенно это касается рыбы, несмотря на то, что транспортировка свежей морской рыбы была очень затруднена из-за плохого состояния дорог.

Сначала каждому гостю, когда он садился за стол, давали четверть пинты гренаша, затем "горячий *эшоде*, печеные яблоки с белыми сахарными сливами, печеный инжир, щавель и кресс, розмарин".

"Супы" - сытный суп, состоящий из шести форелей, шести десятков, белой сельди, пресноводных угрей, засоленных двадцать четыре часа, и трех путассу, вымоченных двенадцать часов; миндаль, имбирь, шафран, порошок корицы и сладкие конфеты.

"СОЛЕНОВОДНЫЕ РЫБЫ": солевые, пескари, конгеры, тюрбо и лосось.

"ПРЕСНОВОДНАЯ РЫБА: щука с икрой, карп из Марны, лещ.

"ГАРНИРЫ" -- Лампреи *à la boee*, яблоки с апельсинами (по одному на каждого гостя), морская свинья под соусом, скумбрия, солес, лещ и шэд *à la cameline*, с верджусом, рисом и жареным миндалем; сахар и яблоки.

Рис. 125. - Должностные лица стола и палаты императорского двора: Чашник, повар, цирюльник и портной, с картины в "Триумфе Максимилиана Т.", гравированной Й. Решем, Бургмайером и другими (1512), по рисункам Альберта Дюрера.

"ДЕСЕРТ" - тушеные фрукты с белыми и пурпурными сахарными сливами, инжир, финики, виноград и филберты.

"Ипокрена для подачи на стол, с возлияниями и мольбами.

"Вина и пряности составляют *закуску*".

В качестве контраста к этому постному пиршеству мы приводим счет на брачный пир мастера Хели, "на который были приглашены сорок гостей во вторник в мае, "день плоти"".

"Супы... Каплуны с белым соусом, украшенные гранатовыми и малиновыми конфетами.

"ЖАРКОЕ". Четверть косули, гусята, молодые цыплята, соусы из апельсина, камелина и верджуса.

"ГАРНИРЫ". Желе из раков и вьюнов, молодые кролики и свинина.

"ДЕСЕРТ... *Фрументе* и оленина.

"Выпуск.--Гипокрас.

"BOUTE-HORS.--Вино и специи".

Умный редактор "Парижского мецената" мсье барон Жером Пишон, рассказав нам об образе жизни горожан того времени, подытоживает все приготовления к столу в XIV веке:

"Различные продукты, необходимые для еды, обычно вверялись кухаркам, их выбирали, покупали и оплачивали один или несколько из этих чиновников, которым помогали повара. Приготовленные поварами блюда с помощью эсквайров расставлялись на комодах в кухне до момента подачи. Затем их несли к столам. Представим себе огромный зал, увешанный гобеленами и другими блестящими вещами. Столы покрыты скатертями с бахромой и усыпаны пахучими травами; один из них, называемый Большим столом, предназначен для знатных особ. Гостей проводят к своим местам два дворецких, которые приносят им воду для умывания. Большой стол накрывается дворецким, на нем серебряные солонки (рис. [126](#) и [127](#)), золотые кубки с крышками для высоких особ, ложки и серебряные кубки для питья. Гости едят, по крайней мере, некоторые блюда на *траншуарах*, или больших ломтях толстого хлеба, которые затем бросают в вазы, называемые *кулуарами* (дренажами). На других столах соль кладут на кусочки хлеба, которые вычерпывают для этой цели интенданты, называемые *porte-chappes*. В зале стоит комод, уставленный тарелками и различными сортами вина. Два оруженосца, стоящие у этого комода, подают гостям чистые ложки, наливают вино, которое они просят, и убирают серебро, когда оно использовано; два других оруженосца следят за подачей вина к комоду; варлет, поставленный по их приказу, занимается только тем, что достает вино из бочек". В то время вино не разливалось по бутылкам, и его брали прямо из бочки в количестве, необходимом для дневного потребления. "Блюда, состоящие из трех, четырех, пяти и даже шести блюд, называемые *mets* или *assiettes*, приносят варлеты и два главных оруженосца, а на некоторых свадебных пирах жених шел впереди них. Блюда расставляет на столе *ассер*, которому помогают двое слуг. По окончании блюда забирают остатки и передают их кухонным сквайрам, которые ими распоряжаются. После *mets* или *assiettes* меняют скатерти, а затем вносят *entremets*. Это блюдо - самое яркое в трапезе, и на некоторых княжеских банкетах посуда имитирует некое театральное представление. Оно состоит из сладких блюд, цветных желе из лебедей, павлинов или фазанов, украшенных перьями, с позолоченными клювом и лапками, и ставится на середину стола на своеобразный пьедестал. За *антреметом*, блюдом, которое встречается не во всех счетах, следует десерт. *Выдача*, или выход из-за стола, в основном состоит из гипокраса и разновидности *оубли*, называемой *mestier*; или, летом, когда гипокрас не в сезоне из-за своей силы, из яблок, сыров, а иногда из выпечки и сладостей. В завершение трапезы подают *boute-hors* (вина и пряности). Затем гости моют руки, произносят молитву и проходят

в *chambre de parement* или гостиную. Слуги садятся за стол и ужинают за своими хозяевами. Впоследствии они приносят гостям вино и *напитки де шамбре*, после чего все расходится по домам".

Рис. [126 и 127](#) .- Стороны эмалированного солончака с шестью гранями, изображающими труды Геркулеса, изготовленного в Лиможе Пьером Раймоном для Франциска I.

Но вся пышность и великолепие пиров этого периода показались бы ничтожными столетие спустя, когда королевскими банкетами распоряжался Тайлевент, главный повар Карла VII. Историк французской кулинарии Легран д'Аусси так описывает великий пир, устроенный в 1455 году графом Анжуйским, третьим сыном Людовика II, короля Сицилии:...

"На стол был поставлен центральный предмет, представлявший собой зеленую лужайку, окруженную большими павлиньими перьями и зелеными ветвями, к которым были привязаны фиалки и другие сладко пахнущие цветы. В центре лужайки была поставлена крепость, покрытая серебром. Она была полый и представляла собой нечто вроде клетки, в которой сидело несколько живых птиц, их хохолки и лапки были позолочены. На ее башне, которая была позолочена, разместили три знамени: одно с гербом графа, два других - Месдемуазель де Шатобрен и де Виллекье, в честь которых и был дан пир.

"Первое блюдо состояло из заячьей циветты, четверти оленя, пролежавшего ночь в соли, фаршированной курицы и телячьей вырезки. Два последних блюда были покрыты немецким соусом, с позолоченными сахарными сливами и гранатовыми зернами..... На каждом конце, за пределами зеленой лужайки, стоял огромный пирог, над которым возвышались пироги поменьше, образуя корону. Корка больших пирогов была посеребрена по всему периметру и позолочена сверху; в каждом лежала целая косуля, гусли, три каплуна, шесть кур, десять голубей, один молодой кролик и, несомненно, в качестве приправы или начинки, телячья вырезка, два фунта сала и двадцать шесть вареных яиц, обсыпанных шафраном и приправленных гвоздикой. На три следующих блюда подали косулю, свинью, осетра, сваренного в петрушке и уксусе и посыпанного порошком имбиря; малыша, двух гусят, двенадцать цыплят, столько же голубей, шесть молодых кроликов, двух цапель, левера, жирного каплуна, фаршированного, четырех цыплят, обмазанных желтками яиц и посыпанных порошком *де Дюка* (пряность), кабана, несколько вафель (*дариолей*) и звезд; желе, частично белое и частично красное, изображающее гербы трех вышеупомянутых лиц; сливки с порошком *Duc*, посыпанные семенами фенхеля, сохраненными в сахаре; белый крем, сыр в ломтиках и клубника; и, наконец, сливы, тушеные в розовой воде. Кроме этих четырех блюд, было еще пятое, полностью состоящее из готовых вин, которые тогда были в моде, и консервов. Они состояли из фруктов и различной сладкой выпечки. Пирожные изображали оленей и лебедей, к шеям которых были подвешены руки графа Анжуйского и двух молодых дам".

В больших домах ужин объявлялся звуком охотничьего рога; это то, что Фруассар называет *corner l'assiette*, но что в более ранний период называлось *corner l'eau*, потому что было принято мыть руки как перед тем, как сесть за стол, так и при выходе из столовой.

Рис. [128](#). --Рукоять ножа из скульптурной слоновой кости, XVI век (коллекция М. Беккера из Франкфорта).

Рис. [129](#). --Орехокол из самшита, XVI век (коллекция М. Ахилла Жюбиналя).

Для этих омовений использовалась ароматизированная вода, особенно розовая, которую приносили в фужерах из драгоценных и изысканных металлов пажии или оруженосцы, подававшие ее дамам в серебряных тазах. Примерно в этот период, то есть во времена рыцарства, появился обычай рассаживать гостей по парам, как правило, джентльмен и леди, причем у каждой пары был только один кубок и одна тарелка; отсюда выражение "есть из одной тарелки".

Историки рассказывают, что в XIII и XIV веках на некоторые торжественные пиры блюда вносили слуги в полном вооружении, сидящие на убранных лошадях; но это обычай, присущий исключительно рыцарству. Уже в те времена использовались мощные и хитроумные машины, которые опускали с этажа выше или поднимали с этажа ниже готовые столы, которые после использования исчезали, как по волшебству.

В тот период для обслуживания богатых столов требовался значительный штат прислужников и варлетов, а в более поздний период их число значительно увеличилось. Так, например, когда Людовик Орлеанский отправился с дипломатической миссией в Германию от своего брата Карла VI, этот принц, чтобы достойно представить Францию за границей, увеличил число своих домочадцев до более чем двухсот пятидесяти человек, из которых около ста составляли свита и прислуга. Оливье де ла Марш, который в своих "Мемуарах" приводит самые подробные детали церемониала двора Карла Смелого, герцога Бургундского, рассказывает, что сервировка стола была столь же обширной, как и в других великокняжеских домах.

Эта экстравагантная и разорительная пышность вышла из употребления во время правления Людовика XI, Карла VIII и Людовика XII, но вновь появилась при Франциске I. Этот принц после первых войн в Италии импортировал кулинарию и гастрономическую роскошь этой страны, где искусство хорошо жить, особенно в Венеции, Флоренции и Риме, достигло высшей степени утонченности и великолепия. Генрих II. и Франциск II. сохранили великолепие королевских столов; но после них, несмотря на мягкую женственность нравов при дворе, постоянные войны, которые Генрих III. и Карл IX. должны были вести в своих государствах против протестантов и Лиги, потребовали значительной экономии в домашнем хозяйстве и на столах этих королей.

"В это царствование, - говорит Брантом, - хорошо кормили только по частям, так как очень часто обстоятельства мешали правильно готовить трапезы; это очень не нравилось придворным, которые предпочитали, чтобы открытый стол был и при дворе, и в армии, потому что это ничего им не стоит". Генрих IV не был ни привередливым, ни жадным; поэтому мы должны спуститься в царствование Людовика XIII, чтобы найти хоть какой-то остаток великолепия банкетов Франциска I.

[Рис. 130.](#) - Большой церемониальный банкет при дворе Франции в XIV веке, археологическая реставрация по миниатюрам и рассказам того периода.

Из "Словаря французских мобилей" М. Виолле-Ледюка.

С момента утверждения франков в Галлии и до пятнадцатого века включительно в стране было только два приема пищи в день; люди обедали в десять часов утра, а ужинали в четыре часа дня. В шестнадцатом веке обед перенесли на час назад, а ужин - на три часа, против чего многие возражали. Отсюда и старая пословица:...

"Lever à six, dîner à dix,
Souper à six, coucher à dix,
Fait vivre l'homme dix fois dix."

("Вставать в шесть, ужинать в десять,
Ужинать в шесть, ложиться в десять,
Заставляет человека жить десять раз по десять").

[Рис. 131.](#) - Баннер корпорации кондитеров Тоннерре.

ОХОТА.

Венеры и ястребы.- Происхождение Экс-ла-Шапель.- Гастон Фибус и его книга.- Главные божества спортсменов.- Спортивные общества и братства.- Короли-спортсмены: Карл Великий, Людовик IX., Людовик XI., Карл VIII., Людовик XII., Франциск I. и т.д. - Трактат о венеринном спорте.- Папы-спортсмены.- Происхождение ястреба.- Дрессировка птиц.- Ястребиные свирели.- Книга короля Модуса.- Технические термины, используемые в ястребе.- Лица, преуспевшие в этом виде спорта.- Фаулинг.

Под общим термином "охота" подразумеваются три различные ветви искусства или науки, которая берет свое начало с древнейших времен, но была особенно почитаема в Средние века и особенно культивировалась в славные рыцарские времена.

Самое раннее *определение венериной охоты* дано М. Эльзеаром Блазом как "наука ловить, брать или убивать одно конкретное животное из стада". Далее следует *хокинг*. Это было не только искусство охоты с соколом, но и обучение хищных птиц охоте на пернатую дичь. Наконец, *l'oisellerie* (стрельба из лука), которая, по словам автора нескольких известных работ по обсуждаемому нами вопросу, изначально не имела иной цели, кроме защиты урожая и плодов от птиц и других животных, чья природа заключалась в том, чтобы питаться ими.

Вначале мы рассмотрим венерины деревья. Спортсмены всегда с гордостью ставят Ксенофонта, полководца, философа и историка, во главе спортивных писателей, хотя в его трактате о погоне (переведенном с греческого на латынь под названием "De Venatione"), где даются прекрасные советы по дрессировке собак, говорится только о капканах и сетях для ловли диких животных. Среди греков на ту же тему писали Арриан и Оппиан, а среди римлян - Граций Фалиск и Немезиан. Однако в их трудах, за исключением нескольких отдельных или разрозненных отрывков, ничего не говорится о венеринном промысле, а первые исторические сведения на эту тему можно найти в записях седьмого века.

Однако еще долго после этого периода они по-прежнему охотились, как бы наугад, нападая на первое встречное животное. Например, спортивные состязания Карла Великого почти всегда были такого рода. В некоторых случаях они убивали животных тысячами, выслеживая и загоняя их в загон, состоящий из тканей или сетей.

Этот прославленный император, хотя обычно воевал во всех частях Европы, никогда не упускал возможности поохотиться: настолько, что можно сказать, что он отдыхал, скача галопом по лесам. В таких случаях за ним следовали не только многочисленные егеря и слуги, но и жена с дочерьми, верхом на великолепных каурах, в окружении многочисленного и элегантного двора, которые наперебой демонстрировали свое мастерство и отвагу в нападении на самых свирепых животных.

Утверждается даже, что Экс-ла-Шапель обязан своим появлением охотничьему приключению Карла Великого. Однажды императору во время погони за оленем потребовалось пересечь ручей, который оказался на его пути, но как только его лошадь опустила ногу в воду, она снова вытащила ее и начала хромать, как будто ей было больно. Его благородный наездник сошел с коня и, пощупав ногу, обнаружил, что она очень горячая. Это побудило его опустить руку в воду, которая, как он обнаружил, почти кипела. Поэтому на том самом месте он приказал возвести часовню в форме лошадиного копыта. После этого был

построен город, и по сей день источник горячей минеральной воды заключен под ротондой, форма которой напоминает старую легенду о Карле Великом и его коне.

Сыновья Карла Великого также очень почитали охоту, и постепенно искусство охоты было введено и доведено до совершенства. Однако только в конце XIII века анонимному автору пришла в голову идея изложить основные правила охоты в поучительной поэме под названием "Le Dict de la Chace du Cerf". В 1328 году другой анонимный автор написал "Livre du Roy Modus", содержащий правила охоты на всех пушных зверей, от оленя до зайца. Затем последовали другие поэты и авторы французской прозы, такие как Гас де ла Винь (1359), Гастон Фебус (1387) и Хардуэн, владыка Фонтен-Жерен (1394). Однако никто из них не писал исключительно о венерианстве, а описывал различные виды спорта, известные в их время. Ближе к 1340 году Альфонс XI, король Кастилии, заказал книгу об охоте для своего пользования, но она не была столь популярна, как наставления Гастона Фибуса ([Рис. 132](#)). Если охота с гончими известна повсеместно под французским названием "погоня", то это потому, что честь ее организации в систему, если не ее возникновения, принадлежит ранним французским спортивным авторам, которые смогли составить свод правил для нее. Этим же объясняется и то, что многие технические термины, используемые сейчас в венерианстве, имеют французское происхождение, поскольку они не что иное, как термины, принятые этими древними авторами, чьи труды, так сказать, увековечили их.

[Рис. 132.](#) --Гастон Фебус, обучающий искусству венерианства. Факсимиле миниатюры "Фебус и его посох для охоты на диких животных и хищных птиц" (рукопись XV века, Национальная библиотека Парижа)

[Рис. 133.](#) - "Как нести ткань, чтобы подойти к зверям" - факсимиле миниатюры в рукописи Фибуса (XV в.).

Любопытные миниатюры, сопровождающие текст в оригинальной рукописи Гастона Феба и воспроизведенные почти во всех старинных копиях этого знаменитого манускрипта, дают наиболее четкие и наглядные представления о различных способах охоты. Например, мы видим, что использование искусственной коровы для охоты на диких птиц было понятным в то время, с той лишь разницей, что модель использовалась скорее как лошадь, чем как корова ([Fig. 133](#)); мы также видим спортсменов, стреляющих в медведей, кабанов, оленей и подобных живых животных стрелами с острыми железными наконечниками, предназначенными для глубокого проникновения в плоть, несмотря на толщину меха и жесткую кожу существа. В случае с зайцем, однако, снаряд имел тяжелый, массивный конец, вероятно, из свинца, который оглушал его, не пробивая тела ([Рис. 134](#)). В других случаях спортсмен изображен с арбалетом, сидящим в повозке, укрытой ветвями, с помощью которых он должен был приближаться к добыче, не тревожа ее больше, чем это сделала бы качающаяся ветка ([Рис. 135](#)).

Гастон Фибус, как известно, был одним из самых храбрых рыцарей своего времени; после сражений он считал охоту своим величайшим наслаждением. Несколько бесхитростно он пишет о себе как об охотнике, "что сомневается в наличии у него какого-либо превосходства". Как и все его современники, он красноречиво говорит о моральном воздействии своего любимого занятия. "Охотясь, - говорит он, - человек избегает греха праздности; а согласно нашей вере, тот, кто избегает семи смертных грехов, будет спасен; поэтому хороший спортсмен будет спасен".

[Рис. 134.](#) - "Как заманить зайца" - факсимиле миниатюры в рукописи Фибуса (XV в.).

С древнейших времен спортсмены находились под покровительством какого-то особого божества. У греков и римлян это были Диана и Феб. Галлы, перенявшие большее число римских богов и богинь, обращались к Луне, когда отправлялись на войну или в погоню; но как только они проникали в священную темноту лесов, они обращались к богине *Ардуине*, чье имя, неизвестного происхождения, вероятно, с тех пор применяется к огромным хорошо заросшим лесам Арденн или Арденн. В честь этой богини они воздвигали в глубине леса чудовищные каменные фигуры, например, головы оленей на теле мужчин или женщин; чтобы умиловить ее во время погони, они вешали вокруг этих идолов ноги, шкуры и рога убитых ими зверей. У Цернунна, которого всегда изображали с человеческой головой, увенчанной оленьими рогами, был алтарь даже в Лютеции, что, несомненно, объяснялось наличием большого леса, окаймлявшего берега Сены.

[Рис. 135.](#) - "Как взять телегу, чтобы приманивать зверей" - факсимиле миниатюры в рукописи Феба (XV в.).

Галльский Цернуннос, которого мы находим и у римлян, поскольку Овидий упоминает о рогах оленя, которому поклонялись, продолжал в некоторой степени почитаться и после установления христианской религии. В V веке Жермен, бесстрашный охотник, ставший впоследствии епископом Осера, имел недалеко от своей резиденции дуб огромного диаметра, основательный *Cernunnos*, который он увешивал шкурами и другими частями животных, убитых им во время погони. В некоторых странах, где Цернуннос оставался объектом почитания, все украшали его подобным образом. Самый большой дуб, который можно было найти в округе, выбирали для подвешивания трофеев воинов и охотников; а в более поздний период спортсмены вывешивали у своих дверей головы оленей, ноги кабанов, хищных птиц и другие трофеи - обычай, который, очевидно, является пережитком того, о котором шла речь.

После отказа от языческого идолопоклонства у охотников появился гений-предводитель или покровитель, которого они выбирали из числа наиболее известных святых. Одни выбирали святого Жермена д'Осерра, который сам был спортсменом, другие - святого Мартина, который был солдатом до того, как стал епископом Тура. В конце концов все они согласились взять под свое покровительство святого Губерта, епископа Льежского, знаменитого охотника VIII века. Этот святой посвятил себя религиозной жизни после того, как однажды во время охоты в лесу встретил чудесного оленя, который показался ему несущим между рогами светящийся образ нашего Спасителя. Сначала праздник святого Губерта отмечался четыре раза в год, а именно: в годовщины его обращения и смерти, а также в двух случаях, когда выставлялись его мощи. На празднование каждого из этих праздников с огромного расстояния съезжалось множество спортсменов в "прекрасных одеждах" со своими лошадьми и собаками. Не было, по сути, ни одной пышности или помпезности, которую короли и вельможи сочли бы слишком внушительной, чтобы показать ее в честь святого покровителя охоты ([Рис. 136](#)).

[Рис. 136.](#) - "Как кричать и дуть в рога" - факсимиле миниатюры в рукописи Фибуса (XV век).

[Дамы на охоте](#)

Костюмы пятнадцатого века. С миниатюры в копии "*Посланий Овидия*" № 7234 bis. Bibl. nat'le de Paris.

[Рис. 137.](#) - Немецкий спортсмен, нарисованный и выгравированный Ж. Амманом в XVI веке.

Охотники и спортсмены в те времена образовывали братства, которые определяли свой ранг на публичных церемониях и особенно в процессиях. В 1455 году Жерар, герцог Клевский и бургграф Равенсберга, создал орден рыцарей святого Губерта, в который принимались только лица благородных кровей. Знак отличия представлял собой золотую или серебряную цепь из охотничьих рогов, к которой подвешивалось небольшое изображение святого покровителя в момент почитания образа Спасителя, сияющего на голове оленя. В народе считалось, что рыцари святого Губерта обладают способностью излечивать безумие, которое по неизвестной причине никогда не проявлялось в стае гончих. Однако это было не единственное суеверное поверье, связанное с благородными и авантурными занятиями последователей святого Губерта. В ряде старинных легенд, которые в основном относятся к Германии ([Fig. 137](#)), упоминаются охотники, продавшие душу дьяволу в обмен на некую заколдованную стрелу, которая никогда не промахивалась мимо цели и достигала дичи на необычайных расстояниях. В этих легендах также упоминаются различные животные, которые, будучи преследуемыми охотниками, чудесным образом спасались, бросаясь в объятия какого-нибудь святого или забегая в какую-нибудь святыню. Кроме того, существовали рыцари, которые, охотясь всю свою жизнь, верили, что продолжат это занятие в другом мире. В истории есть рассказ о явлении Карлу IX огненного призрака в Лионском лесу, а также о зловещей встрече Генриха IV с ужасным *grand-veneur* в лесу Фонтенбло. Эти странные истории можно объяснить тем, что охота раньше была своего рода масонством, со своими таинственными обрядами и секретным языком. Посвященные использовали особые знаки распознавания между собой, у них также были счастливые и несчастливые числа, эмблематические цвета и т.д.

Чем опаснее был вид спорта, тем больше им занимались военные. В "Хрониках монаха Сен-Галла" описывается приключение, которое случилось с Карлом Великим, когда он отправился со своими егерями и гончими, чтобы преследовать огромного медведя, который был ужасом Вогезов. Медведь, обезвредив множество собак и охотников, оказался лицом к лицу с императором, который один осмелился встать перед ним. На вершине скалы завязалась ожесточенная схватка, в которой оба оказались зажаты в смертельных объятиях. Поединок закончился смертью медведя: Карл поразил его кинжалом и сбросил в пропасть. В этот момент холмы огласились криками "Да здравствует Карл Великий!", которые издавали многочисленные егеря и другие собравшиеся; говорят, что это был первый случай, когда спутники бесстрашного монарха присвоили ему титул *Великого* (Magnus), и с этого времени король Карл стал королем *Карлом Великим*.

Этот принц очень ревностно относился к своим правам на охоту, от которых никому не отказывался. Долгое время он отказывал монахам аббатства Сен-Дени, которых, тем не менее, очень уважал, в разрешении на убийство оленей, разорявших их леса. Только при условии, что мясо этих животных будет служить пищей для монахов низшего ордена, а их шкуры будут использоваться для переплета миссалов, он в конце концов разрешил им убить обидчиков ([Рис. 138](#)).

Если мы перейдем от девятого к тринадцатому веку, то обнаружим, что Людовик IX, король Франции, был таким же заядлым спортсменом и таким же храбрым воином, как и любой из его предков. Он любил охоту не меньше, чем войну, и во время первого крестового похода ему представилась возможность поохотиться на льва. "Как только он начал знакомиться со страной Кесарии, - рассказывает Жуанвиль, - король вместе со своими людьми начал охотиться на львов, и они поймали многих; но при этом они подвергались большой телесной опасности. Поимка происходила следующим образом: Они преследовали их на самых быстрых лошадях. Когда они приближались к одному, то выпускали в него болт или стрелу, и

животное, почувствовав себя раненым, бросалось на первого попавшегося человека, который тут же поворачивал голову лошади и бежал так быстро, как только мог. Во время бегства он выронил часть своей одежды, которую лев подхватил и разорвал, решив, что это тот человек, который его ранил; и пока лев был занят этим, охотники снова подошли к разъяренному животному и выпустили в него еще болтов и стрел. Вскоре лев покинул полотно и в бешенстве бросился на другого охотника, который применил ту же стратегию, что и раньше. Так повторялось до тех пор, пока животное не пало духом, обессилев от полученных ран".

[Рис. 138.](#) - "Природа и внешний вид оленей, и как на них можно охотиться с собаками" - факсимиле миниатюры в "Livre du Roy Modus" - рукописи XIV века (Парижская национальная библиотека).

Несмотря на страсть, которую этот король питал к охоте, он был первым, кто разрешил буржуазии наслаждаться этим видом спорта. Он поставил перед ними условие: они должны были всегда отдавать окорок любого убитого животного владыке земли. Именно с этим связано возникновение традиции отдавать ногу животного егерю или человеку, возглавляющему охотничий отряд.

Людовик XI, однако, вовсе не действовал таким либеральным образом, и хотя можно было предположить, что непрекращающиеся войны и политические интриги, в которых он постоянно участвовал, не оставляли ему времени на подобные развлечения, тем не менее он был самым увлеченным спортсменом своего времени. Этот тиран из замка Плесси-ле-Тур, всегда отличавшийся скупостью, за исключением охоты, на которую он был очень щедр, запретил охотиться даже высшим сословиям под страхом повешения. Чтобы обеспечить исполнение своих суровых приказов, он приказал обыскать все замки и коттеджи, а все найденные сети, моторы или спортивные орудия немедленно уничтожить. Его единственный сын, наследник престола, не был освобожден от этих законов. Запертый в замке Амбуаз, он не имел права покидать его, ибо такова была воля короля, чтобы юный принц оставался в неведении относительно благородных рыцарских упражнений. Однажды дофин так усердно молил своего управляющего, месье дю Бушажа, дать ему представление об охоте, что этот благородный человек согласился совершить с ним экскурсию в соседний лес. Король, однако, успел все разузнать, и дю Бушажу с большим трудом удалось сохранить голову на плечах.

Одним из лучших способов угодить Людовику XI было преподнести ему какой-нибудь подарок, связанный с его любимым занятием, - пойнтеров, гончих, соколов или варлетов, которые были адептами в искусстве охоты на ястребов (рис. [139](#) и [140](#)). Когда хитрый монарх становился старым и немощным, чтобы заставить своих врагов поверить, что он все еще молод и энергичен, он посылал гонцов повсюду, даже в самые отдаленные страны, чтобы купить лошадей, собак и соколов, за которых, по словам Комина, он платил большие суммы ([Рис. 141](#)).

После его смерти преемником стал молодой принц Карл VIII, который, судя по всему, имел врожденный вкус к охоте и вскоре наверстал упущенное время и лишения, которым подвергал его отец. Он охотился ежедневно и щедро позволял дворянам делать то же самое. Нет нужды говорить, что они не замедлили воспользоваться возвращенной им привилегией, которая была одним из их древнейших развлечений и занятий, ибо следует помнить, что в те дни, когда интеллектуальная культура была невелика, охота должна была быть большим, а порой и единственным средством против безделья и однообразия деревенской жизни.

Все, что связано со спортом, снова стало модой среди дворянской молодежи и их главным занятием, когда они не участвовали в войне. Они, как и прежде, изобретали всевозможные спортивные приспособления. Например, они получали из других стран ловушки, моторы и охотничье оружие; они ввозили во Францию за большие деньги иностранных животных, которых с большим усердием приручали как дичь или обучали как помощников на охоте. Завезенные из Лапландии северные олени, которые не прижились в их умеренном климате, и фазаны из Тартарии, которыми они заселили леса, они с большим успехом завезли из Африки пантеру и леопарда, которые использовались для пушной дичи, как ястреб - для пернатой. Охота с этими животными проходила следующим образом: Спортсмены, сопровождаемые собаками, ехали через всю страну, каждый с леопардом, сидящим позади него на седле. Когда собаки натравливали дичь, леопард спрыгивал с седла и мчался за ней, и как только его ловили, охотники бросали леопарду кусок сырой плоти, за что он отказывался от добычи и снова садился позади своего хозяина ([Рис. 142](#))

Людовик XI., Карл VIII. и Людовик XII. часто охотились таким образом. Леопарды, составлявшие часть королевского венерианства, содержались в вольере Амбуазского замка, который до сих пор существует возле *Львиных* ворот, названных так, несомненно, из-за того, что эти спортивные и плотоядные животные принимались простолюдинами за львов. Впрочем, львы всегда были в зверинцах королей Франции.

[Рис. 139.](#) - "Способ ловли белок на земле в лесу" - факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV в.)

Франциск I увлекался охотой не меньше, чем любой из его предшественников. Его врожденный вкус к спорту усилился во время путешествий по Италии, где он жил с принцами, которые демонстрировали большое величие в своих охотничьих уборах. Его даже стали называть "*отцом спортсменов*". Только в его заведении, занимавшемся *сетями*, состояли один капитан, один лейтенант, двенадцать конных егерей, шесть варлетов для присмотра за ищейками, шесть бичей, в подчинении которых было шестьдесят гончих, и сто пеших стрелков, несущих большие колья для крепления сетей и палаток, которые везли пятьдесят шестиконных колесниц. Он был очень рад, когда дамы участвовали в погоне, и среди тех, кто был наиболее склонен разделить ее удовольствия, трудности и даже опасности, была Екатерина Медичи, тогдашняя дофина, которая отличалась ловкостью и грациозностью верховой езды и стала настоящей спортсменкой.

[Рис. 140.](#) - "Способ ловли куропаток с помощью сетки из осины" - факсимиле миниатюры в "Ливре дю Рой Модус".

Вкус к охоте стал очень распространенным, а само искусство считалось самым благородным занятием, которому могли посвятить себя люди, поэтому неудивительно, что о спорте пишут писатели самой большой известности и самого высокого ранга. Ученый Уильям Буде, которого Эразм называл *чудом Франции*, посвятил детям Франциска I вторую книгу своей "Филологии", в которой содержится трактат об оленьей охоте. Этот трактат, изначально написанный на латыни, был впоследствии переведен на французский язык по приказу Карла IX, который был признан одним из самых смелых и ученых охотников своего времени. О нем рассказывают о необыкновенном подвиге, который никогда и никем не был повторен, а именно о том, что он один, верхом на лошади и без собак, добыл оленя. Книга "Chasse Royale", авторство которой приписывают ему, изобилует научной информацией. "Охота на волков", работа знаменитого Кламоргана, и "Енери" Дю Фуйю были посвящены Карлу IX, а в его правление появилось множество специальных трактатов на эту тему.

[Рис. 141.](#) - "Псарня, в которой должны жить собаки, и как их следует содержать" - факсимиле миниатюры в рукописи Фибуса (XV век).

Его брат, слабохарактерный Генрих III, не любил охоту, считая ее слишком утомительной и опасной.

С другой стороны, согласно Сюлли, Генрих IV, *ле Беарнский*, научившийся охоте в ранней юности в Пиренеях, "любил все виды спорта и, прежде всего, самые утомительные и авантурные занятия, такие как охота на волков, медведей и кабанов". Он никогда не упускал случая поохотиться, "даже когда оказывался перед лицом врага". Если он знал, что рядом находится олень, он находил время, чтобы поохотиться на него", и мы находим в "Мемуарах Сюлли", что король охотился на следующий день после знаменитой битвы при Иври.

Однажды, когда он был еще королем Наварры, он пригласил дам из По приехать и посмотреть на медвежью охоту. К счастью, они отказались, так как в этом случае их нервы подверглись бы серьезному испытанию. Два медведя убили двух лошадей, а нескольких стрелков свирепые животные загрызли до смерти. Другой медведь, пронзенный в нескольких местах, с шестью или семью щучьими головами в теле, набросился на восьмерых мужчин, стоявших на вершине скалы, и все они вместе с медведем были сброшены в пропасть. Единственное, в чем Людовик XIII походил на своего отца, - это любовь к погоне, ведь во время его правления охота во Франции, как и в других странах, оставалась любимым королевским развлечением.

Мы уже отмечали, что Сен-Жермен д'Осер, который в определенный период был покровителем спортсменов, сделал охоту своим привычным отдыхом. Он с большим усердием предавался ей в молодости, еще до того, как стал епископом, то есть когда был герцогом Осерским и генералом войск провинций. Впоследствии, когда против своей воли он был возведен в епископский сан, он не только отказался от всех удовольствий, но и посвятил себя самой строгой религиозной жизни. К сожалению, в те времена все церковнослужители не понимали, как он, что обязанности их святого призвания несовместимы с подобным времяпрепровождением, поэтому в 507 году мы видим, что соборы и синоды запрещают священникам охотиться. Однако, несмотря на это, древние историки рассказывают, что некоторые знатные прелаты, поддавшись обычаям того времени, предавались охоте на оленя и полетам на соколе.

[Рис. 142.](#) - Охота с леопардом, со штампа Жана Страдана (XVI век).

История гласит, что некоторые из самых известных пап также были большими любителями погони, а именно: Юлий II, Лев X., а до них Пий II, который, прежде чем стать папой, среди прочих литературных и научных трудов написал латинский трактат о венеринной охоте под своим христианским именем Инеас Сильвиус. Легко понять, как получилось, что спорт раньше так привлекал церковных сановников. В раннем возрасте они приобрели вкусы и привычки людей своего ранга и, соответственно, крайне ревностно относились к правам погони в своих владениях. Хотя папа Климент V в своих знаменитых "Институциях", называемых "Клементинами", официально запретил монахам охотиться, было мало тех, кто не обходил канонический запрет, преследуя пушную дичь, и при этом не задумывался, что нарушает законы церкви. Папский эдикт разрешал монахам и священникам охотиться при определенных обстоятельствах, особенно в тех случаях, когда кроликов или хищных зверей становилось так много, что они наносили ущерб посевам. Легко представить, что в период, когда людям так строго запрещалось уничтожать дичь, так всегда и было, поэтому охота в

лесах и полях в окрестностях каждого аббатства велась в любое время года. Завистливые крестьяне, которые сами не имели права охотиться и постоянно видели, как *мастер аббат* проезжает мимо на охоту, со злобой говорили, что "монахи никогда не забывали молиться за успех приплода и гнезд (*pro pullis et nidis*), чтобы дичи всегда было много".

[Рис. 143.](#) - "Как ловить волков с помощью силка" - факсимиле миниатюры в рукописи Фибуса (XV век).

Если венерология, как регулярная наука, возникла сравнительно недавно, то с соколиной охотой, первые следы которой теряются в туманной древности, дело обстоит иначе. Этот вид спорта, превратившийся в сложнейшее искусство, был предметом наслаждения знати в Средние века и в эпоху Возрождения. Он был в таком почете, что дворянин или его дама никогда не появлялись на публике без ястреба на запястье как знака достоинства ([Рис. 147](#)). Даже епископы и аббаты входили в церкви со своими охотничьими птицами, которых во время службы клали на ступени алтаря.

[Рис. 144.](#) - "Как медведи и другие звери могут быть пойманы дротиком" - факсимиле миниатюры в рукописи Фибуса (XV век).

Птица, как и меч, была отличительным знаком, неотъемлемым от человека нежного происхождения, который часто даже на войну отправлялся с соколом на запястье. Во время сражения он заставлял своего оруженосца держать птицу, которую тот по окончании боя менял на перчатке. На самом деле рыцарские законы запрещали людям отдавать своих птиц даже в качестве выкупа, если они попадали в плен; в этом случае они должны были отпускать благородных птиц в полет, чтобы те не разделили их плен.

Сокол в некоторой степени приобщался к знатности своего владельца; кроме того, по законам соколиной охоты он считался благородной птицей, как и все хищные птицы, которых можно было дрессировать в спортивных целях. Все остальные птицы без исключения объявлялись *неблагородными*, и натуралисты Средневековья не делали исключений из этого правила, даже в пользу самых сильных и величественных, таких как орел и гриф. Согласно этой прихотливой классификации, воробыный ястреб, самая маленькая из охотничьих птиц, считался выше орла. Прозвище этой миниатюрной спортивной птицы часто применялось к деревенскому джентльмену, который, не имея возможности содержать соколов, использовал воробья для ловли куропаток и перепелов.

[Рис. 145.](#) - Олифант, или охотничий рог, из слоновой кости (XIV в.) - с оригинала, хранящегося в Англии.

У джентльменов всех сословий, будь то спортсмены или нет, было принято иметь какую-нибудь птицу, "чтобы поддерживать свой ранг", как тогда говорили. Однако только самые богатые дворяне должны были содержать регулярную соколиную охоту, то есть коллекцию птиц, пригодных для ловли всех видов дичи, таких как заяц, коршун, цапля и т. д., поскольку для каждого вида спорта требовались не только особые птицы, но и особая, характерная для него свита и учреждение.

[Рис. 146.](#) - Детали охотничьего рога XIV в. - с оригинала в английской коллекции.

Помимо стоимости соколов, которая часто была очень велика (ведь их привозили из самых отдаленных стран, таких как Швеция, Исландия, Турция и Марокко), их воспитание и дрессировка требовали значительных затрат, что можно лучше понять из иллюстраций (рис.

[148 - 155](#)), показывающих некоторые из основных деталей долгого и трудного воспитания, которое необходимо было им дать.

Заставить сокола слушаться свистка, голоса и знаков сокольничего было высшей целью искусства, и только проявив много терпения, можно было добиться желаемого результата. Все хищные птицы, используемые в спорте, получили общее название "сокол"; среди них были сокол-герфалькон, ястреб-балобан, ланнер, дербник и воробьиный ястреб. Самцы птиц были меньше самок и назывались *tiercelet* - это название, однако, в большей степени относилось к ястребу-тетеревятнику или самому крупному виду ястреба, в то время как самцы вышеупомянутых птиц назывались *laneret*, *sacret*, *émouchet*. Как правило, самцы птиц использовались для охоты на куропаток и перепелов, а самки - на зайца, цаплю и журавля. *Oiseaux de poing*, или *ручные птицы*, - так называли ястреба-тетеревятника, обыкновенного ястреба, сокола-герфалькона и дербника, потому что они возвращались на руку хозяина после преследования дичи. Ланнер, воробей и балобан назывались *oiseaux de leure*, потому что их всегда нужно было подманивать обратно.

[Рис. 147.](#) - Дворянин из Прованса (XV век) - Боннарт "Костюмы с X по XVI век".

Приманка представляла собой имитацию птицы, сделанную из красной ткани, чтобы ее было легче заметить издали. Ее набивали так, чтобы сокол мог легко на нее сесть, и снабжали крыльями куропатки, утки или цапли, в зависимости от обстоятельств. Сокольник размахивал своей макетной птицей, как пращой, и свистел при этом, а сокол, привыкший к тому, что к приманке прикреплен кусок плоти, летел вниз, чтобы достать его, и таким образом оказывался в безопасности.

[Рис. 148.](#) - Король Модус обучает искусству соколиной охоты. Факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV век).

Дрессировщики птиц делили их на два вида, а именно: на простых птиц (*niais*), взятых из гнезда, и диких птиц (*hagard*), пойманных в зрелом возрасте. Воспитание первых, естественно, было намного легче, но им удалось приручить оба класса, и даже самые непокорные были в конце концов усмирены, если лишить их сна, не давать им света, уговаривать их голосом, похлопывать, давать им вкусную пищу и т. д.

Независимо от своих первоначальных привычек, птицу сначала приучили не бояться ни людей, ни лошадей, ни собак. После этого его привязали к веревке за одну ногу и, позволив отлететь на небольшое расстояние, вернули к приманке, где он всегда находил лакомый кусочек пищи. После нескольких месяцев таких упражнений ему выпустили раненую куропатку, чтобы он мог поймать ее рядом с сокольничим, который тут же отобрал ее у него, прежде чем он успел разорвать ее на куски. Когда он становился достаточно послушным, на его пути, как и прежде, появлялся перепел или куропатка, предварительно лишенная нескольких перьев, чтобы она не могла нормально летать. Если он был нужен для охоты на зайцев, перед ним тащили чучело зайца, внутри которого находилась живая курица, чья голова и печень были его наградой, если он хорошо выполнял свою работу. Затем его пробовали с зайцем, у которого была сломана передняя лапа, чтобы он быстрее попался. Для коршуна посадили двух ястребов на один насест, чтобы приучить их мирно жить и охотиться вместе, ведь если бы они подрались друг с другом, как склонны были делать чужие птицы, вместо того чтобы нападать на коршуна, спорт, конечно, не удался бы. Сначала им дали курицу цвета коршуна, чтобы они с ней боролись. Когда они освоили это, стали использовать настоящего коршуна, которого привязывали к веревке, а когти и клюв подпиливали, чтобы он

не ранил молодых необученных соколов. Как только они засекали добычу, их сзывали с нее и давали куриное мясо, чтобы они ели его на приманке. Такая же система была принята для охоты на цаплю или журавля ([Рис. 159](#)).

[Рис. 149.](#) - Сокольники одевают своих птиц - факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV век).

Как видно, для тренировки птиц необходимо было держать в помещении большое количество различных видов дичи, и для каждого вида спорта требовалось свое заведение. В соколиной охоте, как и в охоте на венеринных птиц, большое внимание уделялось тому, чтобы птица продолжала преследовать один объект добычи до тех пор, пока не добьется своего, то есть было очень важно научить ее не оставлять дичь, за которой она охотилась, чтобы преследовать другую, которая может оказаться на ее пути.

Поэтому для организации соколиной охоты требовался не только большой птичий двор, но и значительный штат егерей, сокольничих и кнутов, а также множество лошадей и собак всех мастей, которые использовались либо для натаскивания дичи для ястребов, либо для сбивания ее, когда птицы сбивали ее на землю.

[Рис. 150.](#) - Соколиная охота - факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV в.).

Хорошо обученный сокол был очень ценной птицей и являлся самым лучшим подарком, который можно было сделать даме, дворянину или самому королю от любого, кто получал услугу. Например, король Франции получил шесть птиц от аббата Сен-Юбера в знак благодарности за защиту, оказанную им аббатству. Король Дании прислал ему несколько птиц в качестве милостивого подношения в апреле; Великий магистр Мальты - в мае. В те времена при дворе прием соколов на публике или в частном порядке был большим делом, а первое испытание новых птиц становилось темой для разговоров среди придворных в течение некоторого времени.

Прибытие ко двору торговца ястребами из какой-нибудь далекой страны также было большим событием. Рассказывают, что Людовик XI приказал днем и ночью караулить соколов, привезенных герцогу Бретани из Турции. План удался, и украденные птицы были доставлены к королю, который воскликнул: "Клянусь нашей святой дамой Клер! Что сделает герцог Франциск и его бретонцы? Они будут очень разгневаны тем, как хорошо я их разыграл".

Европейские принцы соперничали друг с другом в экстравагантности в отношении соколиной охоты, но это было ничто по сравнению с великолепием, демонстрируемым в восточных заведениях. Граф де Невер, сын Филиппа Смелого, герцога Бургундского, попав в плен в битве при Никополе, был представлен султану Баязету, который показал ему свое охотничье хозяйство, состоящее из семи тысяч сокольников и стольких же егерей. Герцог Бургундский, узнав об этом, послал в подарок Баязету двенадцать белых ястребов, которые были очень редкими птицами. Они так понравились султану, что он вернул ему взамен своего сына.

[Рис. 151.](#) - "Как дрессировать нового сокола" - факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV в.).

В "Ливре дю Рой Модус" приводятся самые подробные и любопытные сведения о благородной науке соколиной охоты. Например, в нем рассказывается о том, что

благородство сокола вызывало такое уважение, что его утварь, амуниция или кормушки никогда не использовались для других птиц. Перчатка, на которую они садились, часто была тщательно расшита золотом и никогда не использовалась, кроме как для птиц своего вида. В частных заведениях кожаные капюшоны, которые надевали на голову, чтобы они не видели, были расшиты золотом и жемчугом и увенчаны перьями райских птиц. Каждая птица носила на лапках два маленьких колокольчика с гербом своего владельца; звук, издаваемый ими, был очень отчетливым, и его можно было услышать даже тогда, когда птица находилась слишком высоко в воздухе, чтобы ее можно было увидеть, поскольку они не звучали в унисон; обычно они привозились из Италии, особенно славился их изготовлением Милан. К ногам сокола также прикреплялись ремни, с помощью которых он крепился к насесту; на конце ремня находилось латунное или золотое кольцо с выгравированным на нем именем владельца. В королевских учреждениях на каждом кольце с одной стороны было написано: "Я принадлежу королю", а с другой - имя Великого сокольничего. Это была необходимая мера предосторожности, поскольку птицы часто бродят, и в случае поимки их можно было узнать и вернуть. Право собственности на сокола считалось священным, и по древнему варварскому закону похититель сокола приговаривался к весьма любопытному наказанию. Несчастный вор должен был позволить соколу съесть шесть унций мяса из его груди, если только он не заплатит большой штраф владельцу и еще один - королю.

[Рис. 152.](#) - Сокольники... Факсимиле с миниатюры в рукописи XIII века, где рассказывается о "Суде Хайме, короля Майорки".

Человек, хорошо знакомый со способом дрессировки ястребов, был в большом почете повсюду. Если он был свободным человеком, дворяне перебивали друг друга, чтобы получить его услуги; если он был крепостным, его хозяин хранил его как редкое сокровище, расставался с ним только в качестве самого роскошного подарка или продавал его за значительную сумму. Как и умный егерь, хороший сокольничий ([Рис. 156](#)) должен был быть человеком с разнообразными сведениями по естественной истории, ветеринарному искусству и погоне; но эта профессия обычно передавалась по наследству, и сын добавлял свой собственный опыт к урокам отца. Существовали также специальные школы венерианства и соколиной охоты, самые известные из которых, конечно же, находились в королевском доме.

Должность Великого сокольничего Франции, возникновение которой датируется 1250 годом, была одной из самых высоких в королевстве. Маршал де Флеранж в своих любопытных "Мемуарах" пишет: "Великий сокольничий, чье жалованье составляет четыре тысячи флоринов" (золотой флорин стоил тогда двенадцать или пятнадцать франков, и эта сумма должна составлять около восьмидесяти тысяч франков в современной валюте), "имеет в подчинении пятьдесят кавалеров, жалованье каждого из которых составляет от пяти до шести тысяч ливров. Кроме того, у него пятьдесят помощников-сокольничих по двести ливров каждый, и всех их он выбирает сам. Его хозяйство состоит из трехсот птиц; он имеет право охотиться в любом месте королевства, где ему заблагорассудится; он взимает налог со всех торговцев птицами, которым запрещено, под страхом конфискации их запасов, продавать хоть одну птицу в любом городе или при дворе без его санкции". Великий сокольничий был главным на всех охотах и соколиных охотах; на публичных церемониях он всегда появлялся с птицей на запястье, как эмблемой своего ранга; и король во время соколиной охоты не мог выпустить свою птицу, пока Великий сокольничий не выпустил свою.

[Рис. 153.](#) - "Как купать нового сокола" - факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV в.).

Соколиная охота, как и венерианство, имела особый профессиональный лексикон, который должен был понимать каждый, кто участвовал в охоте, если не хотел, чтобы на него смотрели как на невежественного йомена. "Полет ястреба - это королевское развлечение, - говорит иезуит Клод Бине, - и говорить о полете птиц - значит говорить по-королевски. Все говорят об этом, но мало кто говорит хорошо. Многие говорят так невежественно, что вызывают жалость у слушателей. Иногда говорят о *руке* птицы, вместо того чтобы сказать о *когте*, иногда о *когте*, вместо *когтя*, иногда о *когте*, вместо *ногтя*" и т. д.

Четырнадцатый век стал великой эпохой соколиной охоты. Тогда было так много дворян, которые занимались соколиной охотой, что в комнатах трактиров под большими каминами были сделаны насесты, на которые можно было сажать птиц, пока спортсмены ужинали. Истории того времени полны характерных анекдотов, подтверждающих энтузиазм, который вызывала охота у тех, кто посвятил себя ей.

[Рис. 154.](#) - "Как заставить молодых ястребов летать" - факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV в.).

Императоры и короли не меньше других увлекались этим видом спорта. Уже в X веке император Генрих I получил прозвище "Ловец птиц" за то, что уделял птицам гораздо больше внимания, чем своим подданным. Его примеру последовал один из его преемников, император Генрих VI, который считался первым сокольничим своего времени. Когда его отец, император Фридрих Барбаросса (Рыжебородый), умер в Святой земле в 1189 году, эрцгерцоги, курфюрсты империи, отправились встречать принца, чтобы провозгласить его императором Германии. Они нашли его в окружении собак, лошадей и птиц, готового к охоте. "День прекрасный, - сказал он, - позвольте нам отложить серьезные дела до завтра".

Два века спустя при дворе Франции мы находим ту же страсть к ястребиной охоте и то же восхищение выступлениями соколов. Констебль Бертран дю Гесклен подарил двух ястребов королю Карлу VI, а граф де Танкарвиль, наблюдая за схваткой этих благородных птиц с журавлем, который был достаточно силен, чтобы сдерживать двух борзых, воскликнул: "Я бы не отказался от удовольствия, которое я испытываю, за тысячу флоринов!"

Придворный поэт Уильям Кретьен, хотя и был каноником святой Венсенской капеллы, так же страстно любил охоту на ястребов, как и его добрый господин Людовик XII. Он так описывает удовольствие, которое испытал, увидев, как цапля уступила энергичной атаке соколов:...

"Qui auroit la mort aux dents,
Il revivroit d'avoir un tel passe-temps!"

("Тот, кто скоро умрет.
Будет жить снова с таким развлечением").

[Рис. 155.](#) - Дама, выставяющая Хокинга... Факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV в.).

На охоте, устроенной Людовиком XII для эрцгерцога Максимилиана, Мария Бургундская, жена эрцгерцога, погибла, упав с лошади. Король подарил эрцгерцогу своих лучших соколов, чтобы отвлечь его от печального события, и один из историков рассказывает, что понесший утрату муж вскоре был утешен: "куропатки, цапли, дикие утки и перепела, которых он смог взять с собой в дорогу домой благодаря подарку короля, значительно уменьшили его печаль".

Соколиная охота, бывшая в большом почете на протяжении веков, в конце концов подчинилась тому же закону, который действует на все великие институты, и, достигнув вершины своей славы, была обречена на упадок. Хотя это искусство полностью исчезло при Людовике Великом, которому нравилась только охота на оленей и который, привлекая ко двору всю знать, дезорганизовал деревенскую жизнь, не было более искусного мастера, чем король Людовик XIII. Его первым фаворитом и Великим сокольничим стал Альбер де Люинь, которого он назначил премьер-министром и коннетаблем. Даже в садах Тюильри, по пути к мессе в монастыре Фельянов, этот принц развлекался тем, что ловил лазоревок и крапивников с помощью шумных сорокопутов, обученных преследовать мелких птиц.

Именно во время этого царствования какой-то изобретательный человек обнаружил, что слова LOUIS TREIZIÈME, ROY DE FRANCE ET DE NAVARRE, в точности дают такую анаграмму: ROY TRÈS-RARE, ESTIMÉ DIEU DE LA FAUCONNERIE. Именно в это время Шарль д'Аркуссия, последний автор, написавший технический труд о соколиной охоте, похвалив его величество за то, что он так основательно посвятил себя божественному спорту, сравнил королевских птиц с домашними ангелами, а плотоядных птиц, которых они уничтожали, он уподобил дьяволу. Исходя из этого, он утверждал, что этот вид спорта подобен тому, как ангел Гавриил уничтожает демона Асмодея. В своем посвящении королю он также добавил: "Как природа ангелов выше природы людей, так и природа этих птиц выше всех других животных".

[Рис. 156.](#) - Платье сокольничего (XIII век).- Скульптура Руанского собора.

В те времена существовали определенные религиозные или, скорее, суеверные церемонии освящения воды, которой окропляли соколов перед охотой, и мольбы, обращенные к орлам, чтобы они не приставали к ним. Использовались следующие слова: "Заклинаю вас, о орлы, истинным Богом, святым Богом, благословенной Девой Марией, девятью ангельскими чинами, святыми пророками, двенадцатью апостолами, &c.... оставить поле чистое для наших птиц и не досаждают им: во имя Отца, и Сына, и Святого Духа". Именно в это время, чтобы вернуть потерянную птицу, сир де ла Бризардьер, профессиональный некромант, предложил избить владельца птицы березовыми прутьями до крови и сделать из крови амулет, который считался безотказным.

Эльзеар Блаз выразил свое удивление тем, что дамы не использовали свое влияние, чтобы предотвратить отказ от соколиной охоты. Погоня, по его мнению, давала им возможность принять активное участие в интересной и оживленной сцене, которая требовала лишь легких и грациозных движений с их стороны и не таила в себе никакой опасности. "Дамы знают, - говорит он, - как взлететь птице, как позвать ее обратно и как поощрить ее голосом, знакомы с ней, поскольку постоянно носят ее на запястье, а часто и сами ее подбивают, честь охоты принадлежит им по праву. Кроме того, она выгодно подчеркивает их грацию и ловкость, когда они скачут галопом среди спортсменов, за которыми следуют их пажи и варлеты, а также целый табун лошадей и собак".

[Рис. 157.](#) - Болезни собак и их лечение - факсимиле миниатюры в рукописи Феба (XIV в.).

Вопрос о первенстве и превосходстве во все времена балансировал между венериной и соколиной охотой, у каждой из которых были свои ярые сторонники. Так, в "Livre du Roy Modus" две дамы спорят в стихах (поскольку тема считалась слишком возвышенной, чтобы рассматривать ее в простой прозе), одна - за превосходство птиц, другая - за превосходство собак. Их спор в конце концов прекращает знаменитый егерь и сокольничий, который принимает решение в пользу охоты на венериных птиц по той несколько примечательной

причине, что те, кто ею занимается, получают оральное и зрительное удовольствие в одно и то же время. В старинном трактате Гаса де ла Виньи, где тот же вопрос занимает не менее десяти тысяч стихов, король (безымянный) завершает спор, приказав в будущем называть их удовольствиями собак и удовольствиями птиц, чтобы не было превосходства ни одной, ни другой стороны ([Fig. 160](#)). Придворный поэт Уильям Кретьен, пользовавшийся большой известностью во времена Людовика XII и Франциска I, попросив двух дам обсудить один и тот же предмет в стихах, не колеблясь, напротив, ставит соколиную охоту выше венерианства.

[Рис. 158.](#) - Немецкий сокольник, рисунок и гравюра XVI века, Дж. Амман.

Можно с полным основанием утверждать, что венерианство и соколиная охота заняли важное место в истории, и в подтверждение этой теории достаточно упомянуть несколько фактов, взятых из летописи погони.

Король Наварры, Карл Плохой, поклялся быть верным союзу, заключенному между ним и английским королем Эдуардом III; но английские войска были разбиты Дю Гесклином, и Карл решил, что ему выгодно перейти на сторону короля Франции. Чтобы не показаться нарушившим клятву, он умудрился попасть в плен к французам во время охоты и таким образом пожертвовал своей честью ради личных интересов. Именно благодаря охоте Генрих III, другой король Наварры, ставший впоследствии Генрихом IV, 3 февраля 1576 года бежал из Парижа и скрылся в Сенлисе, где к нему присоединились его друзья-реформаторы.

[Рис. 159.](#) - "Убийство цапли" - факсимиле миниатюры в рукописи "Livres du Roy Modus" (XIV в.).

Охота была одним из главных развлечений во время общественных праздников, и часто она сопровождалась большим великолепием. Во время въезда Изабеллы Баварской в Париж было устроено что-то вроде охоты на оленя, когда "улицы", согласно популярной истории того времени, "были полны зайцами, кроликами и гусятами". Во время торжественного въезда Людовика XI в Париж у фонтана Святого Иннокентия было устроено представление охоты на лань, "после чего королева получила в подарок великолепного оленя, сделанного из кондитерских изделий, на шее которого висел королевский герб". На памятном празднике, устроенном в Лилле в 1453 году герцогом Бургундским, состоялось весьма любопытное представление. "На одном конце стола, - рассказывает историк Матье де Куси, - была запущена цапля, на которую охотились сокольники и спортсмены; вскоре с другого конца стола взвился сокол, который парил над цаплей. Через несколько минут с другого конца стола был запущен еще один сокол, который так яростно атаковал цаплю, что свалил ее на середину зала. После того как представление закончилось и цапля была убита, ее подали к обеденному столу".

[Рис. 160.](#) - Спорт с собаками. "Как охотятся на дикого кабана с помощью собак" - факсимиле миниатюры в рукописи "Livres du Roy Modus" (XIV век).

В завершение этой главы мы скажем несколько слов о ловле птиц - виде спорта, который в Средние века почти презирался. Анонимный автор "Livres du Roy Modus" в XIV веке назвал ее развлечением бедняков, "потому что бедняки, которые не могут держать ни гончих, ни соколов для охоты или полетов, получают от нее большое удовольствие, тем более что для многих из них она служит одновременно и средством к существованию".

В этой книге, которая долгое время была авторитетом в вопросах спорта в целом, мы находим, что почти все методы и приспособления, используемые сейчас для ловли птиц, были известны и применялись в Средние века, в дополнение к некоторым, которые с тех пор

вышли из употребления. Соответственно, в "Рой Модус" мы читаем описание ловчей сети, зеркала, крикуна, птичьей трубы ([Рис. 161](#)), ловушек, пружин и т. д., применение которых сегодня хорошо понятно. В те времена, когда соколы были так нужны, необходимо было, чтобы люди ловили их в молодом возрасте; автор этой книги рассказывает о сетях разного рода и о куске дерева с зубцами, в середину которого помещали птицу-крикуна или другую птицу, чтобы привлечь соколов ([Рис. 162](#)).

[Рис. 161.](#) - Птицеловство. "Манера ловить птиц с помощью трубы" - факсимиле миниатюры в рукописи "Livres du Roy Modus" (XIV век).

В те времена для ловли глухаря и фазана использовались два способа, которые заслуживают упоминания. "Фазаны, - говорит "Король Модус", - имеют такую природу, что самец птицы не выносит общества другого". Воспользовавшись этой слабостью, был принят план размещения зеркала, которое уравнивало своего рода плетеную клетку или курятник. Фазан, думая, что видит своего товарища, нападал на него, бился о стекло и обрушивал курятник, в котором у него был досуг поразмышлять о своей ревности ([Fig. 163](#)).

Вальдшнепы, которые, по словам автора, являются "самыми глупыми птицами", были пойманы именно таким образом. Охотник за птицами был с головы до ног покрыт одеждой цвета мертвых листьев и имел только два маленьких отверстия для глаз. Увидев птицу, он бесшумно опускался на колени и опирался руками на две палки, чтобы оставаться совершенно неподвижным. Когда птица не смотрела в его сторону, он осторожно приближался к ней на коленях, держа в руках две маленькие сухие палочки, покрытые красной тканью, которыми он легонько помахивал, чтобы отвлечь внимание птицы от себя. Так он постепенно приблизился настолько, что смог накинуть на шею птицы петлю, которую держал наготове на конце палки ([Рис. 164](#)).

Какими бы изобретательными ни казались эти трюки, их затмевает один, который мы находим записанным в "Иксеутиконе", очень элегантной латинской поэме Анжелиса де Барга, написанной двумя столетиями позже. Этот автор уверяет, что для того, чтобы поймать большое количество скворцов, достаточно держать в клетке двух или трех, а при виде пролетающих мимо птиц освобождать их с помощью очень длинной бечевки, прикрепленной к их когтям. Шпагат должен быть покрыт птичьей известью, и, поскольку освобожденные птицы мгновенно присоединяются к своим друзьям, все, к кому они приближаются, приклеиваются к шпагату и вместе падают на землю.

[Рис. 162.](#) - Ловля птиц с помощью машины, похожей на длинную руку, - факсимиле миниатюры в рукописи "Livres du Roy Modus" (XIV век).

Как и в наши дни, птичья охота преследовала две цели: добыча дичи для пропитания и поимка птиц для содержания в качестве домашних любимцев либо ради их голоса, либо ради фантазии. Торговля последними была настолько важна, по крайней мере в Париже, что ловцы птиц образовали многочисленную корпорацию со своим уставом и привилегиями.

Понт-о-Измен (в то время с обеих сторон покрытый домами и лавками ювелиров и менял) был местом, где эти люди занимались своим ремеслом; они имели привилегию вывешивать свои клетки на домах, даже без разрешения владельцев. Это любопытное право было даровано им Карлом VI в 1402 году, в обмен на что они были обязаны "предоставлять четыреста птиц" при коронации короля, "и столько же при первом въезде королевы в ее добрый город Париж". Однако ювелиры и менялы, обнаружив, что это становится помехой и вредит их

торговле, попытались добиться его отмены. Они обратились к властям с просьбой защитить их права, ссылаясь на то, что подходы к их магазинам, за аренду которых они регулярно платят, постоянно загромождаются толпой скупщиков и торговцев птицами. Дело несколько раз доходило до парламента, который лишь подтверждал распоряжения королей Франции и древние привилегии ловцов птиц. В конце XVI века ссора стала настолько ожесточенной, что ювелиры и менялы стали "сбрасывать клетки и птиц и топтать их ногами", даже нападали на бедных торговцев птицами и открыто жестоко обращались с ними. Но парламентский градус вновь оправдал продажу птиц на Понт-ан-Чендж, осудив главаря ринга,

[Рис. 163.](#) - Ловля фазанов. "Показываю, как ловить фазанов" - факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV в.).

Пьер Филасье, золотых дел мастер, начавший судебный процесс против ловцов птиц, должен заплатить двойной штраф: двадцать крон истцам и десять королю.

[Рис. 164.](#) - Способ ловли вальдшнепа - факсимиле миниатюры в рукописи "Livre du Roy Modus" (XIV век).

Приятно отметить, что в тот период принимались меры по сохранению гнезд и предотвращению охоты на птиц с 15 марта по 15 августа. Кроме того, необходимо было получить специальное разрешение от самого короля, чтобы предоставить лицам право ловить птиц в королевских владениях. Прежде чем кто-либо мог продавать птиц, он должен был получить звание мастера по отлову птиц. Таким образом, у признанных ловцов птиц не было соперников, кроме торговцев из других стран, которые привозили в Париж канареек, попугаев и другие иностранные экземпляры. Однако эти торговцы были обязаны соблюдать строгие правила. По прибытии они должны были выставлять своих птиц с десяти до двенадцати часов на мраморном камне во дворе дворца в дни, когда заседал парламент, чтобы хозяева и управляющие королевским вольером, а после них президенты и советники имели право первого выбора перед другими людьми всего, что они хотели бы купить. Кроме того, они были обязаны разделить птиц мужского и женского пола на отдельные клетки с билетами на них, чтобы покупатели не были обмануты; а на случай споров по этому поводу были назначены присяжные инспекторы в качестве третейских судей.

Несомненно, ободренные победой, которую они одержали над ювелирами с Понт-ан-Имен, парижские торговцы птицами попытались запретить любому буржуа в городе разводить канареек или любых других птиц в клетках. Буржуа возмутились и обратились к маршалам Франции. Они утверждали, что им легко разводить канареек, а их женам и дочерям приятно их учить, в то время как канарейки, купленные на Понт-ан-Жан, были старыми и трудно поддавались воспитанию. Это обращение было воспринято благосклонно, и трибунал маршалов Франции разрешил буржуа разводить канареек, но запретил их продажу, посчитав, что это помешает торговле мастеров-пестунов из города, флибустьеров и пригородов Парижа.

[Рис. 165.](#) - Пороховой рожок... Произведение XVI века (Артиллерийский музей Брюсселя).

ИГРЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Игры древних греков и римлян.- Игры цирка.- Бои животных.- Отвага короля Пепина.- Королевские львы.- Бои слепых.- Петухи Парижа.- Шамп де Марс.- Курсы пленэров и курсы курносых.- Жонглеры, кувыркатели и менестрели.-Канатоходцы.- Фейерверк.- Гимнастика.- Карты и кости.- Шахматы, шарики и бильярд.- Ла Суль, Ла Пируэт и т.д.- Небольшие игры для частного общества.- История танцев.- Балет Ардентов.- "Орхезография" (искусство танца) Туано Арбо.- Список танцев.

Люди во всех странах и во все времена любили публичные развлечения, предавались играм и забавам, чтобы приятно скоротать время. Эти развлечения постоянно менялись, в зависимости от характера каждого народа и капризных изменений моды. Поскольку ученый антиквар Я. Мерсиус посвятил большой том описанию игр древних греков ("De Ludis Graecorum"), а Рабле собрал список из двухсот двадцати игр, которые были в моде в разное время при дворе его гая, легко понять, что описание всех игр и развлечений, которые когда-либо были в употреблении у разных народов, и особенно у французов, составило бы энциклопедию определенного размера.

Мы дадим краткий очерк различных видов игр и развлечений, которые были в моде в Средние века и до конца XVI века, не упоминая, однако, о религиозных праздниках, которые относятся к другой категории; о публичных праздниках, которые войдут в главу "Церемониалы"; о турнирах, поединках и других видах спорта воинов, которые относятся к рыцарству; и, наконец, о живописных и литературных представлениях, которые относятся к истории сцены.

Поэтому здесь мы ограничимся сжатым изложением исторических подробностей некоторых придворных развлечений, кратким описанием азартных и искусных игр, а также танцев.

Римляне, особенно во времена императоров, питали страстную любовь к представлениям в цирке и амфитеатре, а также к гонкам на колесницах, скачкам, пешим забегам, схваткам животных, подвигам силы и ловкости. Повседневную жизнь римлян можно свести к тому, что они принимали пищу и наслаждались играми в цирке (*panem et circenses*). Вкус к подобным развлечениям был характерен как для галлов, так и для всей Римской империи; и если бы историки молчали на эту тему, нам не нужно было бы больше информации, чем та, которую можно почерпнуть из развалин многочисленных амфитеатров, которые можно найти в каждом центре римской оккупации. Цирк исчез с установлением христианской религии, поскольку епископы осудили его как оскверненный и кровожадный пережиток язычества, и, несомненно, это привело к прекращению боев между человеком и зверем. Однако они продолжали натравливать друг на друга диких животных и дрессировать собак, чтобы те сражались со львами, тиграми, медведями и быками; иначе трудно объяснить восстановление королем Чилпериком (577 г. н. э.) цирков и арен в Париже и Суассоне. Остатки одного из этих цирков были обнаружены в Париже не так давно, когда там закладывали фундамент для новой улицы, на западном склоне холма Святой Женевьевы, на небольшом расстоянии от старого дворца цезарей, известного под названием Термы Юлиана.

Григорий Турский утверждает, что Чилперик возродил древние игры в цирке, но Галлия перестала славиться хорошими атлетами и скаковыми лошадьми, хотя бои животных продолжали проводиться на потеху королям. Однажды король Пипин остановился с главными офицерами своей армии в аббатстве Ферьер и стал свидетелем поединка между львом и быком. Бык был огромного роста и необычайной силы, но все же лев одолел его; тогда Пипин, прозванный Коротышкой, обратился к своим офицерам, которые обычно подшучивали над ним из-за его маленького роста, и сказал им: "Заставьте льва ослабить хватку, или убейте его". Никто не решился взяться за столь опасное дело, а некоторые вслух заявили, что человек, померившийся силой со львом, должно быть, безумен. На это Пипин выскочил на арену с мечом в руке и двумя ударами отрубил головы льву и быку. "Что вы думаете об этом?" - спросил он у своих изумленных офицеров. "Разве я не достоин быть вашим господином? Размер не может сравниться с мужеством. Вспомните, что сделал маленький Давид с великаном Голиафом".

Восемьсот лет спустя при дворе Франциска I время от времени происходили бои животных. "Одна прекрасная дама, - рассказывает Брантом, - отправилась посмотреть на королевских львов в компании с джентльменом, который очень ею восхищался. Она вдруг выронила перчатку, и та упала в логово львов. Я прошу вас, - сказала она самым спокойным тоном своему поклоннику, - сходите среди львов и верните мне мою перчатку". Джентльмен ничего не сказал, но, даже не вытащив шпагу, вошел в логово и молча отдал себя на смерть, чтобы угодить даме. Львы не шелохнулись, и он смог покинуть их логово без единой царапины и вернуть даме ее пропавшую перчатку. Вот ваша перчатка, мадам, - холодно сказал он ей, которая, очевидно, ценила свою жизнь столь малой ценой, - посмотрите, сможете ли вы найти еще кого-нибудь, кто сделал бы для вас то же самое, что сделал я". С этими словами он покинул ее и больше никогда не смотрел на нее и даже не разговаривал с ней".

Бытует мнение, что короли Франции держали львов только как живые символы королевской власти. В 1333 году Филипп де Валуа купил сарай на улице Фройдмантель, недалеко от замка Лувр, где устроил зверинец для своих львов, медведей, леопардов и других диких зверей. Этот королевский зверинец существовал и при Карле VIII и Франциске I. Карл V и его преемники держали львов в четырехугольнике Большого отеля Святого Павла, на том самом месте, где впоследствии была проложена улица Льва Святого Павла.

Этих диких зверей иногда использовали в боях, их выставляли против быков и собак в присутствии короля и его двора. Именно после одного из таких боев Карл IX, возбужденный кровавым зрелищем, пожелал выйти на арену один, чтобы напасть на льва, который разорвал на куски нескольких его лучших собак, и лишь с большим трудом удалось отговорить дерзкого государя от его глупого замысла. Генрих III не был склонен подражать примеру своего брата; однажды ночью ему приснилось, что львы пожирают его, и на следующий день он приказал убить их всех.

Любовь к охоте на диких животных, таких как волк, медведь и кабан (см. главу "Охота"), с ранних времен заняла место звериных боев при дворе и среди знати. Поэтому народ был лишен зрелища поединков, которые так привлекали его; а поскольку он не мог прибегнуть к альтернативе погони, то развлекался слабой имитацией игр в цирке, например, натравливая собак на старых лошадей или ослов и т. д. ([Рис. 166](#)). Бычьи бои, тем не менее, продолжались в южных провинциях Франции, а также в Испании.

На деревенских праздниках проводились не только борцовские поединки, но и странные виды борьбы с палками или березовыми сучьями. Двое мужчин с завязанными глазами,

каждый из которых был вооружен палкой, а в руке держал веревку, привязанную к колу, выходили на арену и ходили по кругу, пытаясь ударить жирного гуся или свинью, которых также выпускали на волю вместе с ними. Легко представить, что большее количество ударов сыпалось как град на того или иного из главных действующих лиц этого слепого боя под крики смеха зрителей.

[Рис. 166.](#) - Бой между лошадью и собаками - факсимиле рукописи из Британского музея (XIII век).

Ничто так не забавляло наших предков, как эти поединки слепых; даже короли принимали участие в этих бурлескных представлениях. Ежегодно в середине Великого поста они вместе со своим двором посещали парижский Кинзе-Вингтс, чтобы увидеть, как люди с завязанными глазами, вооруженные с головы до ног, сражаются копьем или палкой. Этого развлечения было вполне достаточно, чтобы привлечь весь Париж. В 1425 году, в последний день августа, жители столицы столпились у окон, чтобы увидеть шествие четырех слепцов, одетых в полные доспехи, как рыцари на турнире, и предваряемых двумя мужчинами, один из которых играл на хатбойсе, а другой нес знамя, на котором была нарисована свинья. Эти четыре чемпиона на следующий день нападали на свинью, которая должна была стать собственностью того, кто ее убьет. Списки располагались во дворе отеля д'Арманьяк, где сейчас находится Пале-Рояль. На поединке присутствовала огромная толпа. Слепцы, вооруженные всевозможным оружием, так яростно колотили друг друга, что игра могла бы закончиться фатально для одного или нескольких из них, если бы их не разделили и не заставили делить свинью, которую они так хорошо заработали.

[Рис. 167.](#) - Купцы и львоводы в Константинополе. Факсимиле гравюры на дереве из "Универсальной космографии" Теве: лист, 1575 г.

Люди Средневековья питали неутолимую любовь к осмотру достопримечательностей; они приезжали на огромные расстояния со всех концов света, чтобы увидеть любую забавную выставку. Они готовы были терпеть любые лишения и усталость, чтобы потакать этому чувству, и отдавались ему так искренне, что оно становилось для них утешением в самых больших горестях, и они смеялись тем искренним смехом, который можно назвать одним из их природных качеств. Во время всех публичных шествий под открытым небом толпа (или, скорее, можно сказать, парижские кокни), стремясь увидеть все, что можно было увидеть, часто загромождала все общественные проспекты и тем самым мешала шествию пройти. В связи с этим парижские прокуроры в таких случаях раздавали сотни крепких палок сержантам, которые свободно орудовали ими на плечах самых упрямых зрителей (см. главу "Церемониалы"). Не было ни одной религиозной процессии, ни одной приходской ярмарки, ни одного городского праздника, ни одного парада или смотра войск, которые бы не собирали толпы людей, чьи уши и глаза были широко открыты, хотя бы для того, чтобы услышать звук трубы или увидеть, как "собака проносится мимо со сковородкой, привязанной к хвосту".

[Рис. 168.](#) - Свободная раздача хлеба, мяса и вина народу - уменьшенная копия гравюры с торжественного въезда Карла V и папы Климента VII в Болонью в 1530 году.

Это любопытство французов особенно проявлялось, когда короли первой королевской династии устраивали свои *Марсовы поля*, короли второй династии - *Кур Пленьер*, а короли третьей династии - *Кур Куронне*. На этих собраниях, где король собирал всех своих главных вассалов один или два раза в год, чтобы лично пообщаться с ними и укрепить свою власть,

обеспечив их феодальные услуги, среди народа публично раздавалось большое количество еды и перебродивших напитков ([Рис. 168](#)). Население всегда с большим энтузиазмом наблюдало за военными демонстрациями, придворными церемониями и, прежде всего, за различными развлечениями, которые в те времена королевская власть устраивала для них за огромные деньги: именно на этих государственных праздниках жонглеры, кукольники и менестрели демонстрировали свои таланты. *Марсово поле* было одним из главных праздников года, и проводилось оно иногда в центре большого города, иногда в королевском владении, а иногда на открытой местности. Епископ Григорий Турский описывает один из них, который проводился в его епархии во времена правления Чилперика, на пасхальных праздниках, и мы можем быть уверены, что игры в цирке, восстановленные Чилпериком, вызвали наибольший интерес. Карл Великий также устраивал *Марсово поле*, но называл его *Королевскими курсами*, на которых он появлялся одетым в золотую ткань, усыпанную жемчугом и драгоценными камнями. При третьей династии король Роберт праздновал дни двора с той же пышностью, и народ допускался во дворец во время королевского банкета, чтобы увидеть, как король сидит среди своих великих государственных чиновников. *Пленэрные курсы*, которые всегда проводились на Рождество, Двенадцатый день, Пасху и в день Пятидесятницы, были не менее блестящими во время правления преемников Роберта. Сам Людовик IX, несмотря на свою природную застенчивость и пристрастие к простоте, был отмечен демонстрацией, которую он устраивал по государственным поводам. В 1350 году Филипп де Валуа надел свою корону на *Куреньер*, и с тех пор они стали называться *Куреньерскими*. Короли-жонглеры были привилегированными артистами, и их подвиги и другие развлечения, которые продолжались в каждом случае несколько дней, обеспечивались за счет государя.

[Рис. 169.](#) - "Подвиги в балансировании" - факсимиле миниатюры в рукописи Бодлианской библиотеки в Оксфорде (XIII век).

Эти короли жонглеров пользовались верховной властью над искусством жонглирования и над всеми членами этого веселого братства. Не следует думать, что жонглеры просто декламировали отрывки из сказок и басен в рифму; это было наименьшим из их талантов. Самые ловкие из них играли на всевозможных музыкальных инструментах, пели песни и повторяли наизусть множество историй по примеру своего предполагаемого прародителя, короля Боргабеда, или Бедаби, который, по словам трубадуров, был королем Британии в то время, когда Александр Великий был королем Македонии. Жонглеры низшего разряда особенно преуспели в кувыркании и в трюках легердемана ([рис. 169](#) и [170](#)). Они совершали удивительные кувырки, прыгали через обручи, расположенные на определенном расстоянии друг от друга, играли ножами, рогатками, корзинами, медными шарами и фаянсовыми тарелками, ходили на руках, держа ноги в воздухе, или с головой, повернутой вниз, чтобы смотреть через ноги назад. Эти акробатические подвиги практиковали даже женщины. Согласно легенде, дочь Иродиады была известной акробаткой, и на барельефе в соборе Руана мы видим, как эта еврейская танцовщица делает сальто перед Иродом, чтобы очаровать его и таким образом добиться обезглавливания Иоанна Крестителя.

[Рис. 170.](#) - Танец со словами под звуки волынки - факсимиле рукописи из Британского музея (XIV век).

"Жонглеры, - добавляет М. де Лабедольер в своем умном труде "Частная жизнь французов", - часто водили за собой медведей, обезьян и других животных, которых они учили танцевать или сражаться ([рис. 171](#) и [172](#)). Рукопись в Национальной библиотеке представляет банкет, и вокруг стола, чтобы развлечь гостей, происходят представления животных, таких как

обезьяны верхом на лошадях, медведь, притворяющийся мертвым, козел, играющий на арфе, и собаки, идущие на задних лапах". Те же гротескные фигуры мы находим на скульптурах, на капителях церквей, на иллюминированных полях богословских рукописей и на молитвенниках, что, по-видимому, указывает на то, что жонглеры были помощниками художников и иллюминаторов, даже если они сами не были авторами и иллюминаторами рукописей. "Жонглирование, - продолжает М. де Лабедольер, - в то время охватывало поэзию, музыку, танцы, ловкость рук, фокусничество, борьбу, бокс и дрессировку животных. Самыми скромными его практиками были мимики или гримасы, одетые в разноцветные одежды, и наглые лица наездников, которые вызывали смех за счет приличий".

Рис. 171. - Жонглеры, демонстрирующие обезьян и медведей - факсимиле рукописи из Британского музея (XIII век).

Вначале и вплоть до XIII века профессия жонглера была очень прибыльной. Не было ни одного важного общественного или частного праздника, на котором не были бы представлены представители этой профессии. О мимике и акробатических трюках жонглеров думали меньше, чем о длинных стихах или рассказах о войнах и приключениях, которые они декламировали в рифму под аккомпанемент струнного инструмента. Двери замков были всегда открыты для них, и им отводилось место на всех праздниках. Они были главной достопримечательностью *Пленерских курсов* и, по свидетельству одного из их поэтов, часто уходили с дела, нагруженные подарками: верховыми и каретными лошадьми, драгоценностями, плащами, меховыми мантиями, одеждой из фиолетовой или алой ткани, а главное, большими суммами денег. Они любили с гордостью вспоминать о героической памяти одного из своих призванных, храброго норманна Тайллефера, который перед битвой при Гастингсе в одиночку проехал на коне между двумя армиями, собиравшимися начать сражение, и привлёк внимание англичан, спев им песню Роланда. Затем он начал жонглировать: взяв копье за рукоять, он подбросил его в воздух и поймал за острие, когда оно упало; затем, выхватив меч, он несколько раз крутанул его над головой и поймал таким же образом, когда он упал. После этих искусных упражнений, во время которых враги замирали в немом изумлении, он прорвался на своем скакуне сквозь ряды англичан и произвел большой переполох, прежде чем упасть, изрешеченный ранами.

Несмотря на этот благородный случай, чтобы не опровергать старую поговорку, жонглеров никогда не принимали в рыцарский орден. Через некоторое время их стали так же сильно оскорблять, как и превозносить. Их развратная жизнь отразилась в их непристойном языке. Их пантомимы, как и их песни, свидетельствовали о том, что они были приверженцами самых низких пороков. Низшие сословия смеялись над их грубостью и забавлялись их жонглерством; но дворяне испытывали к ним отвращение, и они были абсолютно исключены из числа дам и девушек в замках и домах буржуазии. В сказке "Жонглер" мы видим, что они приобрели дурную славу повсюду, поскольку были пристрастны ко всякого рода порокам. Духовенство, и особенно святой Бернар, осуждало их и подвергало общественному презрению. Святой Бернар так отзывался о них в одной из своих проповедей, написанных в середине двенадцатого века: "Человек, увлекающийся жонглерами, довольно скоро обзаведется женой, имя которой - Нищета. Если случится так, что трюки жонглеров заставят вас обратить на себя внимание, постарайтесь избегать их и думайте о других вещах. Трюки жонглеров никогда не угодны Богу".

Рис. 172. - Эквестрийские представления. Факсимиле миниатюры в английской рукописи XIII века.

Из этого замечания мы можем понять их падение, а также то, что в то время они пользовались дурной славой, и мы не удивлены, обнаружив в старом издании "Записок сира де Жуанвиля" этот отрывок, который, возможно, является интерполяцией из современного документа: "Святой Людовик изгнал из своего королевства всех фокусников и ловкачей, благодаря которым в народе зародилось множество дурных привычек и вкусов". В рассказе трубадура этого периода говорится, что жонглеры бродили по стране со своими дрессированными животными, почти умирали от голода; они были полуголыми, часто без ничего на голове, без плащей, без обуви и всегда без денег. Низшие сословия приветствовали их и продолжали восхищаться и боготворить за их ловкие трюки ([Рис. 173](#)), но буржуазия, следуя примеру дворянства, отвернулась от них. В 1345 году Гийом де Гурмон, губернатор Парижа, запретил им петь и рассказывать непристойные истории под страхом штрафа и тюремного заключения.

[Рис. 173.](#) - Жонглеры, выступающие на публике. Из миниатюры рукописи "Гуарин де Лозран" (XIII в.). Библиотека Арсенала, Париж.

Будучи объединенными в братство с 1331 года, они жили, теснясь друг к другу, на одной из улиц Парижа, которая получила название *Рю де Жуглер*. Именно в этот период усилиями Жака Гура, уроженца Пистойи, и Гюэ ле Лоррена, которые оба были жонглерами, были основаны церковь и госпиталь Святого Юлиана. Вновь образованное братство сразу же взяло на себя обязательство участвовать в этом благом деле, и каждый член братства делал это по мере своих возможностей. Их помощь на строительство двух зданий составила шестьдесят ливров, и оба они были возведены на улице Сен-Мартен и переданы под покровительство святого Юлиана Мученика. Часовня была освящена в последнее воскресенье сентября 1335 года, и на ее фасаде были изображены три фигуры: трубадур, менестрель и жонглер, каждый со своими инструментами.

Дурная слава, в которую попали жонглеры, не мешала королям Франции прикреплять к своим домам буфонов, или дураков, как их обычно называли, которые часто были более или менее деформированными карликами и, по сути, являлись жонглерами. Им позволялось предаваться всякого рода дерзостям и кривляниям, чтобы возбудить смелость своих хозяев ([рис. 174](#) и [175](#)). Эти шуты или дураки были институтом при дворе до времен Людовика XIV, и некоторые из них, такие как Кайлетт, Трибуле и Бруске, известны в истории лучше, чем многие государственные деятели и солдаты, которые были их современниками.

[Рис. 174.](#) - "Танец дураков" - факсимиле миниатюры в рукописи XIII века в Бодлианской библиотеке Оксфорда.

В конце XIV века братство жонглеров разделилось на два отдельных класса: собственно жонглеров и тумблеров. Первые продолжали декламировать серьезные или забавные стихи, петь любовные песни, разыгрывать комические интермедии, поодиночке или в концерте, на улицах или в домах, аккомпанируя себе или под аккомпанемент всевозможных музыкальных инструментов. Трамблеры, напротив, посвящали себя исключительно подвигам ловкости или мастерства, показу дрессированных животных, созданию комических гримас и танцам на канате.

[Придворный дурак, XV век.](#)

Факсимиле миниатюры из мемориальной книги, хранящейся в Арсенальной библиотеке, Th. lat., № 125.

Искусство танца на канате очень древнее; ему покровительствовали франки, которые смотрели на него как на чудесное проявление человеческого гения. Самые выдающиеся канатоходцы того времени были индийского происхождения. Все исполнители этого искусства были родом с Востока, хотя впоследствии они обучали учеников в странах, через которые проходили, набирая себе в основном смешанное племя жонглеров. Согласно документу, процитированному ученым Фонсеманом, канатные плясуны появились уже в 1327 году на государственных банкетах королей Франции. Но еще задолго до этого времени они упоминаются в поэмах трубадуров как необходимые помощники на любом празднике, устраиваемом дворянами или даже монастырями. С XIV по конец XVI века они не присутствовали ни на одной публичной церемонии, и именно на государственных приемах королей и королев, принцев и принцесс их особенно призывали проявить свои таланты.

Рис. 175. - Придворный дурак - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: фолио (Базель, 1552).

Один из самых необычных примеров смелости этих кумиров можно найти в записях о въезде королевы Изабеллы Баварской в Париж в 1385 году (см. главу "Церемониалы"); и действительно, все хроники пятнадцатого века полны анекдотов об их поступках. Матье де Куси, написавший историю времен Карла VII, сообщает несколько любопытных подробностей о шоу, которое состоялось в Милане и поразило всю Европу: "Герцог Миланский приказал натянуть через свой дворец канат, примерно в ста пятидесяти футах от земли и одинаковой длины. На него сел португалец и пошел прямо по канату, двигаясь взад и вперед и танцуя под звуки бубна. Он также висел на канате головой вниз и показывал всевозможные трюки. Дамы, наблюдавшие за ним, не могли не прятать глаза в платки, боясь, как бы он не перевесился, не упал и не покончил с собой". Летописец Карла XII Жан д'Артон рассказывает о не менее выдающемся подвиге, совершенном по случаю похорон герцога Пьера де Бурбона, которые праздновались в Мулене в октябре 1503 года в присутствии короля и двора. "Среди прочих представлений был немецкий канатоходец по имени Жорж Менустр, очень молодой человек, который натянул толстый канат от самой высокой части башни замка Макон до окон шпиля церкви якобитов. Высота его от земли составляла двадцать пять сажений, а расстояние от замка до шпиля - около двухсот пятидесяти шагов. Два вечера подряд он ходил по этому канату, и во второй раз, когда он стартовал с башни замка, его подвиг наблюдали король и около тридцати тысяч человек. Он исполнял всевозможные грациозные трюки, например, танцевал гротескные танцы под музыку и висел на канате за ноги и за зубы. При всей своей странности и диковинности эти подвиги, тем не менее, были совершены на самом деле, если только человеческое зрение не было обмануто магией. Женщина-танцовщица также выступала в необычной манере: она выделявала каперсы, делала кувьрки, исполняла грациозные мавританские и другие замечательные и своеобразные танцы". Так они праздновали похороны.

В XVI веке эти танцоры и кувьркатели стали настолько многочисленными, что их можно было встретить повсюду, как в провинциях, так и в городах. Многие из них были богемцами или зингарийцами. Они путешествовали компаниями, иногда пешком, иногда на лошадях, а иногда с какими-то средствами передвижения, содержащими принадлежности их ремесла и передвижной театр. Но люди стали уставать от подобных развлечений, тем более что за них приходилось платить, и, естественно, предпочитали публичные ликования, которые им ничего не стоили. Особенно им нравились иллюминации и фейерверки, которые появились гораздо позже изобретения пороха; хотя сарацины во времена крестовых походов использовали для иллюминации греческий огонь, который сильно встревожил крестоносцев, когда они впервые увидели его эффект. Регулярные фейерверки были

изобретены в Италии, где пиротехническое искусство сохранило свое превосходство и по сей день, и где жители с таким же энтузиазмом относятся к этому виду развлечений, считая их неотъемлемой частью любого религиозного, частного или общественного праздника. Это итальянское изобретение было впервые завезено в Низкие страны испанцами, где оно нашло много поклонников, а во Франции оно появилось благодаря итальянским художникам, которые обосновались в этой стране во времена правления Карла VIII, Людовика XII и Франциска I. Фейерверки не могли не понравиться двору Валуа, в котором Екатерина де Медичи познакомилась с нравами и обычаями Италии. Французы, которые до этого времени привыкли к иллюминации только в День святого Иоанна и первое воскресенье Великого поста, приняли фейерверки с большим энтузиазмом, и вскоре они стали регулярной частью программы государственных праздников ([Рис. 176](#)).

[Рис. 176.](#) - Фейерверк на воде, с имитацией морского боя - факсимиле гравюры на меди "Пиротехника" Ганзеле ле Лоррена: 4to (Пон-а-Муссон, 1630).

До сих пор мы описывали только те виды спорта, которыми занимались для развлечения зрителей; нам еще предстоит описать те, в которых актеры получали большее удовольствие, чем даже сами зрители. Это были, в частности, игры на силу и ловкость, а также танцы, описанием которых мы завершим эту главу. Кроме того, существовали различные азартные игры, а также игры веселья и юмора. Большинство мещан и деревенских жителей играли в различные игры на ловкость, многие из которых дошли до наших дней и до сих пор встречаются в наших школах и колледжах. Борьба, бег наперегонки, игра в брусья, прыжки в высоту и ширину, прыжки-лягушки, буфф вслепую, всевозможные игры в мяч, гимнастика и все упражнения, укрепляющие тело или повышающие гибкость конечностей, были давно в ходу среди дворянской молодежи (рис. [177](#) и [178](#)). Лорд Флеранж в своих мемуарах, написанных при дворе Франциска I, рассказывает о многочисленных упражнениях, которым он предавался в детстве и юности, и которые в то время считались необходимой частью рыцарского воспитания. Таким образом, дворяне приобретали вкус к физическим упражнениям, с удовольствием участвовали в боях, турнирах и охоте, а впоследствии их служба на поле боя давала им множество возможностей для удовлетворения развитого в них вкуса. Однако этого было недостаточно для их ненасытной деятельности; когда они не могли заниматься ничем другим, они играли в теннис и подобные игры в любое время суток; и эти развлечения настолько привлекали дворян всех эпох, что они нередко жертвовали своим здоровьем, перегружая свои силы. В 1506 году король Кастилии Филипп ле Бо умер от плеврита, вызванного сильной простудой, которую он подхватил во время игры в теннис.

[Рис. 177.](#) - Сомерсальты.- Факсимиле гравюры на дереве в "Упражнениях в прыжках и скачках" А. Туккаро: 4to (Париж, 1599).

Теннис также стал любимой игрой буржуа в городах, и теннисные корты были построены во всех частях города, таких просторных размеров и так хорошо приспособленных для зрителей, что их часто превращали в театры. Их игра в бильярд напоминала современную только названием, так как в нее играли на ровном участке земли деревянными шарами, по которым ударяли крючковатыми палками и молотками. В XIV веке она пользовалась большой популярностью, так как в 1396 году маршал де Бусико, считавшийся одним из лучших игроков своего времени, выиграл в нее шестьсот франков (или более двадцати восьми тысяч франков в современной валюте). В начале следующего века герцог Луи д'Орлеан приказал купить *billes et billars* за сумму в одиннадцать солей шесть денье турнуа (около пятнадцати франков на наши деньги), чтобы он мог развлекаться ими. Было несколько игр того же рода, которые пользовались не меньшей популярностью. Кегли; *la Soule* или *Soulette*, состоявшая

из большого мяча из сена, обтянутого кожей, за обладание которым боролись две противоборствующие стороны игроков; футбол; открытый теннис; шаттлкок и т. д. Именно Карл V. впервые задумался о том, чтобы придать более серьезный и полезный характер народным играм, и в своем знаменитом эдикте, запрещающем азартные игры, поощрил создание компаний лучников и стрелков. Эти роты, к которым впоследствии добавилась рота аркебузирова, пережили политические революции и сохранились до сих пор, особенно в северных провинциях Франции.

Рис. 178. - Пружинная доска. Факсимиле гравюры на дереве в "Упражнениях в прыжках и скачках" А. Туккаро: 4to (Paris, 1599).

Во все времена и во всех странах азартные игры были самыми популярными, хотя они были запрещены как церковными, так и королевскими властями. Постоянно принимались новые законы против них, особенно против тех, в которых использовались кости, хотя и без особого успеха. "Игральные кости не должны производиться в королевстве", - гласит закон 1256 года; и "на тех, кто будет обнаружен за их использованием, посещающих таверны и дурные места, будут смотреть как на подозрительных личностей". Закон 1291 года повторяет: "Игры с костями запрещены". Тем не менее, хотя эти запреты часто повторялись, люди продолжали пренебрегать ими и проигрывать большие деньги в таких играх. Закон 1396 года направлен в первую очередь против нагруженных костей, которые, должно быть, были современны происхождению самих костей, поскольку никакие игры никогда не приводили к большому количеству мошенничества, чем игры такого рода. Однако их продавали публично, несмотря на все законы об обратном; так, в "Dit du Mercier" торговец предлагает свой товар следующим образом.

"Я продаю больше, я продаю меньше,
De Paris, de Chartres, de Rains."

("У меня есть тяжелые кости, у меня есть легкие кости,
Из Парижа, из Шартра и из Рейна").

Говорят, что игра в кости сначала называлась *игрой Бога*, потому что регулирование лотереи было одной из прерогатив Бога; но такое происхождение чисто воображаемое. Более вероятным представляется то, что игра в кости была запрещена сначала церковью, а затем и гражданскими властями из-за страшных клятв, которые так часто произносили те игроки, которым не везло. Не было ничего более обычного, чем погубить себя в этой игре. Поэмы трубадуров полны проклятий в адрес роковой случайности игры в кости; многие трубадуры, такие как Гийом Магре и Госельм Файдит, потеряли на ней свои состояния и, как следствие, жизни. Рутебеф в одной из своих сатир восклицает: "Игральные кости лишают меня всей одежды, игральные кости убивают меня, игральные кости следят за мной, игральные кости выслеживают меня, игральные кости нападают на меня и игральные кости бросают мне вызов". Кошунства азартных игроков не всегда оставались безнаказанными. "Филипп Август, - пишет Бигорд в своей латинской истории этого короля, - довел свое отвращение к клятвам до такой степени, что если кто-либо, будь то рыцарь или представитель любого другого звания, позволял одной из них сорваться с его губ в присутствии государя, даже по ошибке, его приказывали немедленно бросить в реку". Людовик XII, который был несколько менее суров, довольствовался тем, что раскаленным железом проделывал отверстие в языке богохульника.

Рис. [179 и 180](#) .--Французские карты для игры в пике, начало XVI в. - коллекция Национальной библиотеки Парижа.

Рис. [179 и 180](#) .--Французские карты для игры в пике, начало XVI века.--Коллекция Национальной библиотеки Парижа.

Работа "О манере игры в кости" донесла до нас технические термины, используемые в этих играх, которые различались как по практике, так и по названию. Иногда играли тремя костями, иногда шестью; в моде были и другие игры, а в некоторых все решал один только бросок костей. Карточные игры также были самыми многочисленными, но мы не собираемся описывать их происхождение. Достаточно назвать несколько самых популярных во Франции: "Флюс", "Прайм", "Секвенция", "Триумф", "Пике", "Тренте-эт-ун", "Пассе-дикс", "Кондемнада", "Ланскене", "Брак", "Гей", или "Ж'ай", "Недовольный", "Эре" и т. д. (рис. [179 и 180](#)). Во все эти игры, которые были так же запрещены, как и кости, играли как в тавернах, так и при дворе; и так же, как были поддельные кости, так были и фальшивые карты, приготовленные мошенниками для шулерства. Большая часть карточных игр раньше не требовала от игроков ни малейшего мастерства, все решал случай. А вот игра в *настолки* требовала умения и расчета, ведь под эту категорию попадали все игры, в которые играли на доске, в частности шахматы, шашки и нарды. Изобретение игры в шахматы приписывают ассирийцам, и нет сомнений в том, что она пришла с Востока и достигла Галлии в начале девятого века, хотя широко известна она была лишь в двенадцатом. В рыцарских летописях постоянно говорится о том, что бароны играли в эти игры, и особенно в шахматы. Историки также упоминают шахматы и показывают, что в них играли с тем же рвением в лагере сарацин, что и в лагере крестоносцев. Мы не должны удивляться, что шахматы разделяют запрет, наложенный на кости, ведь те, кто не знал их хитроумных комбинаций, причисляли их к азартным играм. Поэтому Парижский совет в 1212 году осудил шахматы по тем же причинам, что и кости, и особенно запретил их церковным людям, которые начали делать их своим привычным развлечением. Королевский эдикт 1254 года был столь же несправедлив по отношению к этой игре. "Мы строго запрещаем, - говорит Людовик IX, - кому бы то ни было играть в кости, столы или шахматы". Этот благочестивый король выступал против этих игр, которые он считал изобретениями дьявола. После рокового дня Мансоры в 1249 году король, который все еще находился в Египте с остатками своей армии, спросил, что делает его брат, граф д'Анжу. "Ему ответили, - говорит Жуанвиль, - что он играет за столами с его королевским высочеством Готье де Немуром". Король был крайне разгневан на своего брата и, хотя был очень слаб от последствий своей болезни, отправился к нему и, забрав кости и столы, приказал выбросить их в море". Тем не менее Людовик IX получил в подарок от *Вье де ла Монтаня*, вождя исмаийцев, шахматную доску, сделанную из золота и горного хрусталя, а фигуры - из драгоценных металлов прекрасной обработки. Утверждается, но неверно, что именно эта шахматная доска хранится в музее Клюни, после того как долгое время была частью сокровищ королей Франции.

Среди игр, объединенных под названием *настольных*, достаточно упомянуть шашки, в которые раньше играли костями и теми же человечками, что и в шахматах; также игру *хонше*, или *жонше*, то есть кости или шпильки, игры, для которых требовались фигуры или люди так же, как и для шахмат, но которые требовали больше быстроты рук, чем ума; и *эпинглес*, или толкание кеглей, в которую играли так же, как в *хонше*, и которая была большой забавой маленьких пажей в домах знати. Когда у них не было ни эпингов, ни хончетов, ни шашек, они использовали свои пальцы и играли в игру, которая до сих пор наиболее популярна среди итальянцев и называется *морра*, и которая была в моде у древних римлян так же, как и у современных итальянцев. Она заключалась в том, чтобы внезапно поднять столько пальцев,

сколько показал противник, и вызывала огромное веселье среди игроков и зрителей. Игры, в которые играли девочки, конечно же, отличались от тех, что были в ходу у мальчиков. Последние играли в шарики, *люэты*, колышки, квоиты, *фуке*, *мереллес* и ряд других игр, многие из которых сейчас неизвестны. Девочки, почти не нужно говорить, с самых ранних времен играли с куклами. Любимой игрой была *бриче* - игра, в которой использовался кирпич и маленькая палочка. *Мартиаус*, или маленькие квоиты, волк или лиса, буффон слепого, прятки, квоиты и т. д. - все это были игры для девочек. Большую часть этих развлечений оживлял хор, который пели все девушки вместе, или диалоги, которые пели или скандировали в унисон.

Рис. 181. - Аллегорическая сцена одного из дворов любви в Провансе. В первом отделении бог любви Купидон сидит на пне лаврового дерева и ранит своими дротиками тех, кто оказывает ему почтение, во втором отделении изображены любовные клятвы мужчин и женщин.

Шахматисты.

С миниатюры "*Три возраста человека*", мс XV века, приписываемой Этьенну Порсье. (Библия месье Амбруаза Фирмина-Дидо).

Сцена разворачивается в одном из салонов замка Плесси-ле-Тур, резиденции Людовика XI; в игре справа узнаются черты короля.

Если у детей были свои игры, которые на протяжении многих поколений оставались сравнительно неизменными, то у дам и барышень были свои, состоявшие из галантности и учтивости, которые исчезли только с теми безобидными собраниями, где представители обоих полов соперничали друг с другом в урбанизме, дружеском плутовстве и остроумии. Потребуется долгие античные исследования, чтобы выяснить происхождение и способ игры во многие из этих развлечений, таких как *des oes*, *des trois ânes*, *des accords bigarrés*, *du jardin madame*, *de la fricade*, *du feiseau*, *de la mick*, и ряд других, которые названы, но не описаны в записях того времени. Игра *à l'oreille*, изобретение которой приписывают трубадуру Гийому Адемару, *jeu des Valentines*, или игра влюбленных, и многочисленные игры с неустойкой, дошедшие до нас от Любовных дворов Средневековья, кажутся нам несколько лишенными своей первоначальной простоты в том виде, в каком в них играют сейчас в загородных домах зимой и на деревенских праздниках летом. Но Суды Любви больше не существуют, чтобы серьезно руководить всеми этими развлечениями (Fig. 181).

Среди развлечений, которые время не стерло с лица земли, а, напротив, которым, кажется, суждено быть более долговечными, чем памятникам из камня и меди, мы должны назвать танцы, которые, безусловно, были одним из главных развлечений общества и которые дошли до нас через все религии, все обычаи, все народы и все эпохи, сохранив при этом большую часть своего первоначального характера. В каждый период мировой истории танцы попеременно были религиозными и профанными, живыми и торжественными, легкомысленными и суровыми. Хотя раньше танцы были таким же распространенным развлечением, как и сейчас, между этими двумя периодами есть существенное различие, а именно: некоторые народы, например римляне, очень любили смотреть на танцы, но сами к ним не присоединялись. Тиберий изгнал танцоров из Рима, а Домициан сместил с мест в сенате некоторых сенаторов, которые унизили себя танцами; и, кажется, нет никаких сомнений в том, что римляне, начиная с завоевания Юлия Цезаря, сами не покровительствовали этому искусству. В Галлии, как и в других провинциях Римской

империи, было несколько профессиональных танцоров, которых нанимали для танцев на праздниках и которые старались сделать все возможное, чтобы их искусство стало как можно более популярным. Легкомысленность галлов, их природное веселье, любовь к бурным упражнениям и всевозможным удовольствиям приводили их в восторг от танцев, и они предавались им с большой энергией; поэтому, несмотря на неприятие римской аристократии, запреты и анафемы соборов и синодов, танцы всегда были одним из любимых развлечений галлов и французов.

[Рис. 182.](#) - Танцоры в рождественскую ночь, наказанные за свою нечистоплотность и осужденные танцевать целый год (легенда XV века). Факсимиле гравюры П. Вольгемута в "Liber Chronicorum Mundi:" folio (Нюрнберг, 1493).

Льюс Карин, писатель сомнительного авторитета, утверждает, что в ранней истории христианства верующие танцевали, или, скорее, приплясывали, в отмеренное время во время религиозных церемоний, жестикулируя и искажая себя. Это, однако, ошибка. Единственное, что к нему приближается, - это легкий след древних языческих танцев, сохранившийся в празднике первого воскресенья Великого поста, который, вероятно, относился к религиозным церемониям друидов. В сумерках в общественных местах зажигались костры, вокруг которых безумно танцевали люди. Беспорядки и беспорядки часто становились следствием этого народного праздника, и магистратам приходилось вмешиваться, чтобы пресечь их. Церковь тоже не закрывала глаза на злоупотребления, которые порождал этот праздник, хотя к епископским наставлениям не всегда прислушивались ([Рис. 182](#)). Из записей одного из последних Соборов Нарбонны мы видим, что обычай танцевать в церквях и на кладбищах в определенные праздники не был отменен в некоторых частях Лангедока в конце шестнадцатого века.

Танцы во все времена были запрещены католической церковью из-за их склонности к развращению нравов, и на протяжении веков церковная власть решительно выступала против них; но, с другой стороны, она не могла пожаловаться на отсутствие поощрения со стороны гражданской власти. Когда король Чилдеберт в 554 году запретил все танцы в своих владениях, его побудило к этому только влияние епископов. У нас мало информации о танцах этого периода, и невозможно точно определить, насколько справедливо было их запрещать. Это, конечно, уже не были те военные танцы, которые франки принесли с собой и которые антиквары упоминают под названием *пиррихийских* танцев. В любом случае, военные танцы вновь появились с началом рыцарства; когда избирался новый рыцарь, все рыцари в полном вооружении исполняли эволюции, пешие или конные, под звуки военной музыки, а народ танцевал вокруг них. Говорят, что именно так возникли придворные балеты, а Ла Коломбьер в своем "Театре чести и кавалерии" рассказывает, что этот древний танец рыцарей сохранили испанцы, которые называли его *мореск*.

[Рис. 183.](#) - Крестьянские танцы на майских праздниках - факсимиле миниатюры из молитвенника XV века, хранящегося в Парижской национальной библиотеке.

ступени ([Рис. 183](#)). Автор поэмы Прованса под названием "Фламенса" так аллегорически описывает эти забавы: "Молодость и Веселье открыли бал, сопровождаемые своей сестрой Храбростью; Трусость, смутившись, ушла по собственному желанию и спряталась". Трубадуры упоминают множество танцев, не описывая их; несомненно, они были настолько знакомы, что

[Рис. 184.](#) - Танец при свете факела, сцена при бургундском дворе... С картины на дереве 1463 года, принадлежащей М. Х. Кастерману из Турне (Бельгия).

Средневековье было великой эпохой для танцев, особенно во Франции. Проводилось бесконечное количество танцевальных фестивалей, и, читая старых поэтов и романтиков, можно представить, что у французов не было ничего лучше, чем танцевать, причем в любое время дня и ночи. Любопытный аргумент в пользу практической пользы танцев приводит Жан Табуро в своей "Орхезографии", опубликованной в Лангре в 1588 году под именем Туано Арбо. Он говорит: "Танцы практикуются для того, чтобы проверить, здоровы ли влюбленные и подходят ли они друг другу: в конце танца кавалерам разрешается поцеловать своих любовниц, чтобы убедиться, что у них приятное дыхание. В этом вопросе, помимо многих других хороших результатов, которые следуют из танцев, они становятся необходимыми для хорошего управления обществом". Такова была доктрина Судов Любви, которые решительно встали на защиту танцев против духовенства. В те дни, как только представители обоих полов собирались в достаточном количестве, до или после праздников начинались балы, мужчины и женщины брали друг друга за руки и приступали к обычным представлениям, описание которых они считали излишним. Часто говорят о *danse au virlet*, своеобразном хороводе, во время исполнения которого каждый по очереди пел куплет, а припев повторяли все. В своде законов о судах любви, озаглавленном "Arresta Amorum", то есть указы о любви, упоминается *па де Брабант*, в котором каждый кавалер преклоняет колено перед своей дамой; а также *танцы ау шапеле*, в конце которых каждый танцор целует свою даму. В рыцарских романах часто упоминается, что рыцари танцевали с дамами и молодыми леди, не снимая шлемов и плащей. Хотя этот костюм вряд ли подходил для этой цели, в романе "Персефорет" мы находим, что после трапезы, пока убирали столы, все было готово к балу, и хотя рыцари не меняли свою амуницию, дамы шли и делали свежие туалеты. "Затем, - говорит старый романист, - молодые рыцари и молодые дамы начинали играть на своих инструментах и танцевать". От этого обычая, возможно, ведет свое происхождение древняя галльская пословица: "*После пира наступает танец*". Иногда менестрель пел песни под аккомпанемент арфы, а молодые дамы танцевали парами, повторяя через определенные промежутки времени песни менестреля. Иногда исполнялся танец с факелами, в котором каждый исполнитель держал в руке длинный зажженный факел и старался не дать соседям задуть его, что каждый старался сделать по возможности ([Рис. 184](#)). Этот танец, который вплоть до конца XVI века использовался при дворе, обычно предназначался для свадебных торжеств.

Танцы утратили свою простоту и безобидность, когда появились маскарады, ставшие первыми образцами балета. Эти маскарады, которые вскоре после их введения стали страстно предаваться при дворе Карла VI, сначала разрешались только во время карнавала и по особым случаям, называемым *Чаривари*, и обычно служили предлогом для совершения самых развратных глупостей. Начало этим маскарадам положила катастрофа, сделавшая безумие Карла VI неизлечимым и описанная в истории под названием "*Горящий балет*". Именно 29 января 1393 года этот балет прославил праздник, устроенный в королевском дворце Сен-Поль в Париже по случаю бракосочетания одной из фрейлин королевы Изабеллы Баварской с кавалером из Вермандуа. Невеста была вдовой, и второе бракосочетание было сочтено подходящим поводом для Шаривари.

[Рис. 185.](#) - Горящий балет - факсимиле миниатюры в рукописи "Chroniques" Фруассара (XV в.), хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

Некий дворянин из Нормандии по имени Гугонин де Гренсей решил, что сможет произвести фурор, устроив танец диких мужчин, чтобы порадовать дам. "Он допустил к своему заговору, - рассказывает Фруассар, - короля и четырех главных придворных вельмож. Все они были зашиты в плотно прилегающие льняные одежды, покрытые смолой, на которую было наклеено некоторое количество полотенца, и в этом обличье появились в центре бала. Король был один, но остальные четверо были скованы одной цепью. Они прыгали как сумасшедшие, издавали дикие крики и делали всевозможные эксцентричные жесты. Никто не знал, кто эти отвратительные объекты, но герцог Орлеанский решил выяснить это, взял свечу и неосмотрительно приблизился к одному из мужчин. Свеча загорелась, и пламя вмиг охватило его и еще троих, прикованных к нему". "Они горели почти час, как факелы", - говорит летописец. "Королю посчастливилось избежать опасности, потому что герцогиня де Берри, его тетка, узнала его и имела достаточно ума, чтобы укрыть его в своем экипаже" ([Рис. 185](#)). Такого несчастья, казалось бы, должно было хватить, чтобы отвратить людей от маскарадов, но они были не менее популярны при дворе в течение многих лет после этого; и два века спустя автор "Орхезографии" так пишет по этому поводу: "Короли и принцы устраивают танцы и маскарады для развлечения и для того, чтобы оказать радостный прием иностранным вельможам; мы также практикуем те же самые развлечения на праздновании браков". Ни в одной стране мира танцы не исполнялись с таким изяществом и элегантностью, как во Франции. Иностранные танцы всех видов были введены, и, после того как их переделали и довели до максимально возможного совершенства, они часто возвращались в страны, из которых были привезены, почти в новом виде.

[Рис. 186](#). - Музыканты, сопровождающие танцы... Факсимиле гравюры на дереве в "Орхезографии" Туано Арбо (Жана Табура): 4to (Langres, 1588).

В 1548 году танцы беарнцев, которыми очень восхищались при дворе графов де Фуа, особенно те, что назывались *danse mauresque* и *danse des sauvages*, были представлены при дворе Франции и вызвали большое веселье. Они стали настолько популярны, что с небольшими изменениями вскоре стали считаться по сути французскими. Немецкие танцы, отличавшиеся быстротой движений, также прочно обосновались при французском дворе. Итальянские, миланские, испанские и пьемонтские танцы были в моде во Франции до экспедиции Карла VIII в Италию: и когда этот король, сопровождаемый своей юной знатью, перевалил через горы, чтобы отправиться на завоевание Неаполя, он нашел повсюду в городах, которые приветствовали его, и в которых давались балы и маскарады в честь его визита, танцы *à la mode de France*, которые состояли из своего рода попури из танцев всех стран. Несколько сотен таких танцев перечислены в пятой книге "Пантагрюэля" Рабле и в различных юмористических произведениях тех, кто пришел ему на смену. Своим успехом они обязаны пению, которым они обычно сопровождались, или позам, пантомимам или шуткам, которыми они дополнялись для развлечения зрителей. Некоторые из них, в том числе *пять шагов* и *три лица*, упоминаются в "Истории королевы Наваррской".

[Рис. 187](#). - Танец под названием "Гайярда". Факсимиле гравюры на дереве из "Орхезографии" Туано Арбо (Жана Табура): 4to (Langres, 1588).

Танцы делились на два разных класса: *басовые* танцы, или обычные и регулярные, не допускающие прыжков, резких движений и необычных движений, и *танцы для высоких*, которые были нерегулярными и включали в себя всевозможные выходки и шутовство. Обычный французский танец - это танец *баса*, называемый *gaillarde*; он сопровождался звуками хатбоя и тамбурина, и первоначально его танцевали с большим размахом и состоянием. Этот танец описал Жан Табуре; он начинался с того, что два исполнителя, стоя

друг напротив друга, продвигались вперед, кланялись и удалялись. "Эти поклоны и отступления совершались шагом в такт музыке и продолжались до тех пор, пока не прекращался инструментальный аккомпанемент; тогда кавалер делал поклон даме, брал ее за руку, благодарил и вел на свое место". *Турдион* был похож на *гальярду*, только быстрее, и сопровождался более активными действиями. Каждая провинция Франции имела свой национальный танец, такой как *бурре* в Оверни, *триори* в Бретани, *бранль* в Пуату и *валс* в Лотарингии, которые представляли собой очень приятное времяпрепровождение, и в них французы превосходили все другие народы. Это искусство, "столь древнее, столь почетное и столь прибыльное", по словам Жана Табура, долгое время было в почете в высших светских кругах, и старики любили демонстрировать свою ловкость, а дамы и молодые леди находили умеренное занятие, рассчитанное на то, чтобы способствовать их здоровью, а также развлекать их.

Шестнадцатый век был великой эпохой танцев при всех европейских дворах; но при Валуа это искусство имело больше очарования и престижа при дворе Франции, чем где-либо еще. Королева-мать Екатерина, окруженная толпой прелестных молодых дам, которые составляли так называемый "*летучий эскадрон*", председательствовала на этих захватывающих танцах. Некий Бальтазар де Божо был мастером ее балетов, и они танцевали в замке Блуа в ночь перед убийством герцога де Гиза на глазах Генриха III, так же как и в замке Тюильри на следующий день после Дня святого Варфоломея.

[Рис. 188.](#) - Игра в яблочко, или качающееся яблоко - манускрипт XIV века, хранящийся в Британском музее.

КОММЕРЦИЯ.

Состояние торговли после падения Римской империи. Империя. - Ее возрождение при франкских королях. - Ее процветание при Карле Великом. - Ее упадок до времен крестоносцев. - Левантийская торговля с Востоком. - Процветание городов Прованса и Лангедока. - Учреждение ярмарок. - Ярмарки в Ландите, Шампани, Бокере и Лионе. - Веса и меры. - Коммерческая Фландрия. Законы морской торговли. - Консульские законы. - Банки и векселя. - Франция. Поселения на побережье Африки. - Последствия открытия Америки.

Торговля в Средние века, - говорит М. Шарль Грандмезон, - мало чем отличалась от торговли более отдаленного периода. По сути, это была местная и ограниченная торговля, скорее внутренняя, чем морская, поскольку длительные и опасные морские путешествия начались только к концу пятнадцатого века, или примерно в то время, когда Колумб открыл Америку".

После падения Римской империи торговля стала небезопасной, более того, она была почти полностью остановлена нашествиями варваров, и всякое сообщение между различными народами и даже между городами одной страны было прервано. В те времена общественного смятения были периоды такой нищеты и бедствий, что из-за отсутствия денег торговля свелась к простому обмену предметами первой необходимости. Когда порядок немного восстановился, а общество и умы людей стали более спокойными, мы видим, что торговля восстановила свои позиции; и Франция была, пожалуй, первой страной в Европе, в которой произошли эти счастливые перемены. Знаменитые города Галлии, которые древние авторы описывают нам как такие богатые и трудолюбивые, быстро восстановили свое бывшее процветание, а дружеские отношения, установившиеся между королями франков и Восточной империей, способствовали развитию торговли галльских городов, которая в то время была самой важной и самой обширной в мире.

Марсель, древняя финикийская колония, некогда соперник, а затем преемник Карфагена, несомненно, стоял во главе торговых городов Франции. Рядом с ним находились Арль, поставлявший кораблестроителей и моряков для флота Прованса, и Нарбонна, принимавшая в свою гавань корабли из Испании, Сицилии и Африки, пока из-за изменения русла Ауде она не была вынуждена отказаться от большей части своей морской торговли в пользу Монпелье.

Рис. 189. - Вид Александрии в Египте в XVI веке. Факсимиле гравюры на дереве в путешествии П. Белона, "Observations de Plusieurs Singularitez," &c.: 4to (Paris, 1588).

Торговля поддерживала частые связи с Востоком; она искала припасы на побережье Сирии, и особенно в Александрии, в Египте, которая была своего рода депо для товаров, получаемых из богатых стран, лежащих за Красным морем (рис. 189 и 190). Франкские мореплаватели ввозили из этих стран бакалею, лен, египетскую бумагу, жемчуг, духи и тысячи других редких и дорогих товаров. В обмен они предлагали в основном драгоценные металлы в слитках, а не в монетах, и вполне вероятно, что в этот период они также экспортировали железо, вина, масло и воск. Сельскохозяйственная продукция и производство в Галлии были недостаточно развиты, чтобы обеспечить чем-то большим, чем требовалось для самих производителей. Промышленность, если и не была чисто домашней, то ограничивалась монастырями и домами знати; и даже короли нанимали женщин или крепостных для производства грубых тканей, которыми они одевали себя и своих домочадцев. Можно добавить, что плохое состояние дорог, их малая безопасность для путешественников, всевозможные поборы,

которым подвергались иностранные купцы, и, прежде всего, незаконная система штрафов и пошлин, которые каждый землевладелец считал вправе взимать, прежде чем позволить товару пройти через его владения, - все это создавало непреодолимые препятствия для развития торговли.

Рис. 190. - Перевозка товаров на спинах верблюдов - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Теве: лист, 1575 год.

Франкские короли неоднократно выражали желание, чтобы в их владениях были восстановлены благоприятные для торговли связи. Так, например, Шильперик заключил договоры с восточными императорами в пользу купцов Агды и Марселя, королева Брюнехо построила виадуки, достойные римлян и до сих пор носящие ее имя, а Дагоберт открыл в Сен-Дени свободные ярмарки - то есть свободные или почти свободные от всех пошлин и налогов, - на которые со всех концов Европы и всего известного мира отправлялись сельскохозяйственные и промышленные товары, чтобы затем распространяться по городам и провинциям благодаря внутренней торговле.

После правления Дагоберта торговля снова пришла в упадок, не прекратившись окончательно, так как революция, передавшая власть королей мэрам дворца, не была такой, чтобы исчерпать ресурсы общественного процветания; грамота 710 года доказывает, что купцы Саксонии, Англии, Нормандии и даже Венгрии по-прежнему съезжались на ярмарки Сен-Дени.

Под властной и административной рукой Карла Великого дороги стали лучше, а реки - судоходнее, торговля стала безопасной и более широкой; побережья были защищены от пиратских набегов; в опасных местах были возведены маяки, чтобы предотвратить кораблекрушения; а торговые договоры с иностранными государствами, включая самые отдаленные, гарантировали свободу и безопасность французских торговцев за границей.

При слабых преемниках этого монарха, несмотря на их многочисленные усилия, торговля вновь подверглась всевозможным несправедливостям и поборам, а все ее гарантии были быстро разрушены. Мавры на юге и норманны на севере, казалось, хотели уничтожить все, что попадалось им на пути, и уже Марсель в 838 году был взят и разграблен греками. Постоянные распри между сыновьями Людовика Дебоннэра и их несчастным отцом, их ревность между собой и братоубийственные войны увеличивали меру общественного бедствия, так что вскоре, захваченная чужеземными врагами и разрушенная собственными сыновьями, Франция превратилась в обширное поле беспорядка и запустения.

Церковь, которая одна обладала некоторым социальным влиянием, не переставала использовать свой авторитет в попытках исправить это плачевное положение вещей; но епископские эдикты, папские анафемы и декреты соборов имели лишь частичный эффект в этот несчастный период. В любой момент сельскохозяйственные и торговые операции могли быть прерваны, а то и полностью разрушены насилием дикой и хищной армии; на каждом шагу дороги, часто непроходимые, были перегорожены платами за какую-нибудь досадную провинность, к тому же их постоянно пронизывали банды разбойников, которые уносили товары и убивали тех немногих купцов, которые были настолько смелы, что пытались продолжать свое дело. Именно церковь, занятая интересами цивилизации, вновь помогла торговле выйти из состояния уничтожения, в которое она впала; а "Божий мир или перемирие", установленный в 1041 году, попытался остановить хотя бы внутренние войны феодализма, и ему удалось, по крайней мере на время, приостановить эти беспорядки. Это

было все, что можно было сделать в тот период, и Церковь выполнила это, взяв на себя главную роль; с таким же бескорыстием, как энергией и мужеством, она регулировала общество, от которого отказалась гражданская власть из-за своего бессилия и отсутствия административных способностей.

[Рис. 191.](#) - Торговля в морских портах Леванта - по миниатюре в рукописи путешествий Марко Поло (XV век), библиотека Парижского Арсенала.

Во всяком случае, благодаря церковной прозорливости, увеличившей количество ярмарок и рынков у ворот аббатств и монастырей, был сделан первый шаг к общему возрождению торговли. Действительно, можно сказать, что Церковь в значительной степени способствовала развитию духа прогресса и свободы, из которого возникли общества, национальности и, одним словом, современная организация.

Восточная торговля дала первые элементы той торговой деятельности, которая проявилась на границах Средиземноморья, и мы видим, как древние города Прованса и Лангедока вновь возникают при поддержке республик Амальфи, Венеции, Генуи и Пизы, которые стали богатыми депо всей морской торговли.

Сначала, как мы уже говорили, товары из Индии попадали в Европу через греческий порт Александрию или через Константинополь. Крестовые походы, которые облегчили отношения с восточными странами, развили на Западе вкус к их местным продуктам, придали новую силу этой иностранной торговле и сделали ее более продуктивной, устранив камни преткновения, которые задерживали ее прогресс ([Fig. 191](#)).

Завоевание Палестины крестоносцами впервые открыло все города и гавани этого богатого региона для западных торговцев, и многие из них смогли надолго обосноваться там, получив всевозможные привилегии и освобождение от налогов, которые им охотно предлагали вельможи, передавшие феодальную власть на мусульманских территориях.

Океанская торговля с этого момента приобрела невиданные доселе масштабы. Несмотря на папские буллы и декреты, запрещавшие христианам иметь какие-либо связи с неверными, к голосу интереса прислушивались больше, чем к голосу церкви ([Рис. 192](#)), и торговцы не боялись ослушаться политических и религиозных предписаний, запрещавших им везти оружие и рабов врагам веры.

С самого начала было легко предвидеть, что военная оккупация Святой земли не будет постоянной. Поэтому, чем ближе казалась утрата этого прекрасного завоевания, тем больше усилий прилагали приморские города Запада, чтобы восстановить на более прочной и долговременной основе торговый союз с Египтом, страной, которую они выбрали вместо Палестины с точки зрения меркантильности. Марсель был самым большим сторонником этих сношений с Египтом; в двенадцатом и тринадцатом веках он достиг очень высокого положения, которым был обязан своим судовладельцам и торговцам. Однако в XIV веке принцы Анжуйского дома разорили ее, как и весь Прованс, в ходе бесплодных попыток вернуть Неаполитанское королевство; и только в правление Людовика XI старый финикийский город восстановил свое морское и торговое процветание ([Рис. 193](#)).

[Рис. 192.](#) - Купеческое судно в шторм - факсимиле гравюры на дереве в "Большом календаре и сборнике бергеров", in folio: напечатано в Труа, около 1490 года, Николя де Руж. [c](#)

"Смертный человек, живущий в этом мире, сравнивается с кораблем в опасных морях, везущим богатый товар, благодаря которому, если он сможет прийти в гавань, купец станет богатым и счастливым. Корабль с начала и до конца своего плавания подвергается огромной опасности погибнуть или быть захваченным врагом, ибо моря всегда таят в себе опасности. Так и тело человека во время его пребывания в этом мире. Товар, который он несет, - это его душа, его добродетели и добрые дела. Гавань - это рай, и тот, кто достигает этого пристанища, становится в высшей степени богатым. Море - это мир, полный пороков и грехов, в котором все, проходя через жизнь, подвергаются опасности потерять тело и душу и быть утопленными в адском море, от которого Бог по Своей милости хранит нас! Аминь."

[Рис. 193](#). - Вид и план Марселя и его гавани в XVI веке. С медной пластины из коллекции Г. Бруина, лист in folio: "Théâtre des Citez du Monde".

Лангедок, пришедший в упадок и на некоторое время почти разрушенный в XIII веке в результате войн альбигойцев, впоследствии смог восстановиться. Безье, Агд, Нарбонн и особенно Монпелье так быстро установили важные торговые связи со всеми портами Средиземноморья, что в конце XIV века в каждом из этих городов были назначены консулы, чтобы защищать и направлять их трансмаринную торговлю. Путешественник двенадцатого века Бенжамен де Тюдель рассказывает, что в этих портах, которые впоследствии стали называть ступеньками в Левант, можно было услышать все языки мира.

Тулуза вскоре сравнялась с городами Нижнего Лангедока, а через Гаронну на рынки поступали не только продукты из Гиени и западных районов Франции, но и из Фландрии, Нормандии и Англии. Однако следует заметить, что Бордо, хотя и занимал выгодное положение в устье реки, в период английского владычества обладал весьма ограниченной торговлей, сводившейся в основном к экспорту вин в Великобританию в обмен на кукурузу, масло и т. д.

Ла-Рошель, расположенная на том же побережье, в этот период была гораздо более процветающей благодаря многочисленным каботажным судам, которые перевозили вина из Ониса и Сентонжа и соль из Бруажа во Фландрию, Нидерланды и север Германии. В Витре уже в XV веке существовали шелковые мануфактуры, а Нант подавал надежды на свое будущее величие в качестве морского торгового порта. Примерно в это же время рыболовство стало новой отраслью, в которой Байонна и несколько деревень на морском побережье заняли лидирующие позиции, причем одни занимались китобойным промыслом, а другие - промыслом трески и сельди ([Рис. 194](#)).

Задолго до этого Нормандия зависела от других отраслей торговли, обеспечивающих ее коммерческое процветание. Шерстяные ткани, оружие и столовые приборы, а также сельскохозяйственная продукция, производимая на плодородных и хорошо обработанных землях, служили материалом для экспорта в больших масштабах.

Особенно богатыми городами-производителями были Руан и Кан. Особенно это касалось Руана, который располагался на Сене и в то время был обширным депо для провизии и других товаров, которые отправлялись вниз по реке на экспорт или ввозились для будущего внутреннего потребления. Уже сейчас Париж, резиденция королей и правительственная метрополия, начал предвещать огромное развитие, которое ему суждено было пережить,

став центром торговых дел и ежедневно пополнялся рабочим и торговым населением (рис. [195 и 196](#)).

Однако именно за стенами Парижа торговля, нуждавшаяся как в свободе, так и в защите, развивалась наиболее стремительно. Северные провинции рано объединили обрабатывающую промышленность с торговлей, и этот двойной источник местного процветания стал причиной их огромного богатства. Гент и Брюгге в Низких странах, Бове и Аррас славились производством сукна, ковров и саржи, а Камбрей - тонких тканей. Артизаны и купцы этих трудолюбивых городов создали свои могущественные корпорации, неустанная энергия которых привела к коммерческой свободе, столь благоприятной для торговли.

Рис. 194. Ловля китов. Факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Теве, in folio: Париж, 1574.

Более важным, чем шерстяное производство - поскольку большая часть используемой шерсти привозилась из Англии, - было производство льна, поскольку оно способствовало развитию сельского хозяйства, а сырье для него производилось во Франции. Сначала это производство процветало на северо-востоке Франции и постепенно распространилось на Пикардию, Бовуа и Бретань. Центральные страны, за исключением Брюгге, чьи суконные мануфактуры прославились уже в XV веке, оставались по большей части сельскохозяйственными, а их главные города были всего лишь складами для импортных товаров. Однако институт ярмарок сделал эту торговлю в некоторых городах столь же обширной, сколь и продуктивной. В Средние века религиозные праздники и церемонии почти всегда приводили к ярмаркам, которые торговля не замедлила приумножить настолько, насколько это было возможно. Купцы, естественно, выставляли свои товары там, где было наибольшее скопление народа, что сулило им возможность легко ими распорядиться. Уже при первой династии королей Меровингов существовали временные и периодические рынки такого рода, но, за исключением Сен-Дени, на них привозили товары только местного потребления. Причинами этого были тяжелые налоги, которыми феодалы облагали все товары, выставленные на продажу, и опасность, которой подвергались иностранные купцы, быть ограбленными по дороге или даже на самой ярмарке. Эти причины надолго задержали развитие учреждения, которому впоследствии суждено было стать столь полезным и выгодным для всех слоев общества.

Мы уже несколько раз упоминали о знаменитой ярмарке в Ландите, которая, как предполагается, была основана Карлом Великим, но, несомненно, была своего рода возрождением ярмарок Сен-Дени, основанных Дагобертом и на некоторое время пришедших в упадок в условиях всеобщего разорения, предшествовавшего правлению этого императора. Ландитская ярмарка славилась на всю Европу и привлекала купцов из всех стран. Она проводилась в июне и длилась всего пятнадцать дней. Продавались всевозможные товары, как отечественного, так и иностранного производства, но главным объектом ярмарки была продажа пергамента, для закупки которого Парижский университет регулярно отправлялся в процессию. В силу своего особого характера эта ярмарка имела меньшее общее значение, чем шесть других, которые с XII века проводились в Труа, Провине, Ланьи-сюр-Марн, Реймсе и Бар-сюр-Обе. Они привнесли в провинцию Шампань столько коммерческой живости, что дворяне в большинстве своем избавились от предрассудков, запрещавших им вступать в какие-либо торговые объединения.

Ярмарки множились одновременно в центре и на юге Франции. Ярмарки в Пюи-ан-Веле, ныне столице Верхней Луары, считаются самыми древними, они сохранили свою старую

репутацию и привлекали значительное количество народа, которое увеличивалось также за счет паломничества, совершавшегося в то время к собору Нотр-Дам-дю-Пюи. Эти ярмарки, которые носили скорее религиозный, чем торговый характер, в то время имели меньшее значение для торговли, чем ярмарки в Бокере. Этот город приобрел большую известность в XIII веке и вместе с Лионским рынком стал в то время крупнейшим центром торговли в южных провинциях. Расположенный в месте слияния Соны и Роны, Лион был обязан своим торговым развитием близости Марселя и городов Италии. Его четыре ежегодные ярмарки всегда были очень посещаемы, а когда короли Франции передали ему привилегии ярмарок Шампани и перенесли в его стены шелковые мануфактуры, ранее основанные в Туре, Лион действительно стал вторым городом Франции.

[Рис. 195.](#) - Измерители кукурузы в Париже.

[Рис. 196.](#) - Разносчики сена.

Факсимиле гравюр на дереве из "Королевских постановлений, касающихся юрисдикции Компании купцов и шривальти в городе Париже", в небольшом фолианте: Жак Ниверд, 1528 год.

Можно утверждать как установленный факт, что постепенное расширение власти короля, вызванное падением феодализма, благоприятствовало развитию торговли. Уже в правление Людовика IX многие законы и постановления доказывают, что короли осознавали важность торговли. Среди главных постановлений - одно, которое привело к созданию гавани Эг-Мортес на Средиземном море; другое - к публикации книги "Весов и мер" Этьена Буало, труда, в котором были упорядочены и кодифицированы древние уставы различных профессий; третье - к постановлению, принятому в год смерти этого короля, чтобы гарантировать безопасность продавцов и в то же время защитить покупателей от мошенничества. Все это несомненно свидетельствует о том, что просвещенная политика в пользу торговли уже зародилась.

Филипп ле Бель издал несколько запретительных указов, также в интересах внутренней торговли и местной промышленности, которые Людовик X. подтвердил. Филипп ле Лонг попытался даже превзойти благоразумные усилия Людовика XI и попытался, хотя и безуспешно, установить единообразие мер и весов во всем королевстве; эта реформа, однако, так и не была осуществлена до революции 1789 года. Трудно подсчитать, сколько различных мер и весов использовалось в то время, каждая из которых варьировалась в зависимости от местных обычаев или по выбору землевладельца, который, вероятно, в какой-то мере извлекал выгоду из путаницы, которую порождало это неопределенное положение вещей. Мошенничество и ошибки, к которым это привело, можно легко представить, особенно при общении между одной частью страны и другой. Феодальная печать здесь проявляется в полной мере; как замечает мсье Шарль де Грандмезон, "нет ничего фиксированного, ничего единообразного, все особенное и произвольное, установленное сеньором земли в силу его права *справедливости*, по которому он взял на себя регулирование и надзор за весами и мерами, используемыми в его сеньории".

Меры длины и содержания часто сильно отличались друг от друга, хотя могли иметь одинаковые названия, и для определения их стоимости требовались очень сложные сравнительные таблицы. *Пье-де-ро* составлял от десяти до двенадцати дюймов и был наименее изменчивой мерой. Сажень сильно отличалась в разных частях, и при попытке определить соотношения между бесчисленными мерами содержания, которые мы находим

записанными - знание которых должно было быть необходимым для торговли того периода - мы оказываемся в лабиринте непонятных вычислений, которые невозможно определить с какой-либо степенью уверенности.

Весы были более однородными и менее неопределенными. Фунт стерлингов использовался повсеместно, но не везде он был одинакового стандарта ([Рис. 201](#)). Например, в Париже он весил шестнадцать унций, в то время как в Лионе - только четырнадцать; а при взвешивании шелка правилом было пятнадцать унций на фунт. В Тулузе и в Верхнем Лангедоке фунт весил всего тринадцать с половиной унций, в Марселе - тринадцать унций, а в других местах даже доходил до двенадцати унций. В Париже существовали общественные весы, называемые *poids du roi*; но эти весы, хотя и были важнейшим средством получения дохода, сильно мешали розничной торговле.

Несмотря на эти мелкие и раздражающие препятствия, торговля Франции распространялась по всему миру.

[Рис. 197.](#) - Вид Любека и его гавани (XVI век). С медной пластины в работе П. Бертиуса "Commentaria Rerum Germanicarum", in 4to: Амстердам, 1616.

Компас - известный в Италии уже в XII веке, но мало используемый до XIV - позволил торговому флоту открывать новые маршруты, и именно с него, можно сказать, началась настоящая морская торговля. С помощью этого маленького инструмента моряки Средиземноморья осмелились пройти Гибралтарский пролив и выйти в океан. С этого момента между северными и южными гаванями Европы навсегда установились торговые связи, которые до этого существовали только по суше, да и то с большим трудом.

Фландрия стала центральным портом для торговых судов, которые в большом количестве прибывали из Средиземноморья, а Брюгге стал главным депо. Тевтонская лига, возникновение которой датируется XIII веком и которая образовала самую могущественную конфедерацию, вошедшую в историю, также отправляла бесчисленные суда из своих гаваней Любека ([Fig. 197](#)) и Гамбурга. Они доставляли товары северных стран во Фландрию, и эта богатая провинция, преуспевшая во всех отраслях промышленности, особенно в металлургии и ткачестве, стала великим рынком Европы ([Рис. 198](#)).

Торговое движение, ранее ограничивавшееся берегами Средиземного моря, распространилось на все его части и постепенно стало всеобщим. Северные государства приняли в нем участие, а Англия, которая долгое время держалась в стороне от сцены, на которой ей суждено было играть первую роль, начала подавать признаки своего будущего торгового величия. Количество сделок росло по мере того, как расширялись возможности для их осуществления. Потребление расширялось, за ним постепенно следовало производство, и таким образом торговля набирала силу по мере расширения своей сферы. Все, по сути, способствовало ее развитию. Крушение феодальной системы и установление в каждой стране центральной власти, более или менее сильной и уважаемой, позволило ей расширить свои операции по суше с невиданной доселе степенью безопасности; в то же время появилось международное законодательство для защиты морской торговли, которая все еще подвергалась большим опасностям. Море, свободно открытое для всего человечества, давало разбойникам сравнительно легкие средства для осуществления своих гнусных замыслов, и при этом они меньше боялись наказания, чем на берегах цивилизованных стран. По этой причине пиратство продолжало творить свои злодеяния еще долгое время после принятия суровых законов для его подавления.

Морское законодательство не дожидалось шестнадцатого века, чтобы появиться на свет. Морской закон был принят в большей или меньшей степени в двенадцатом веке, но смуты и волнения, ослабившие и дезорганизовавшие империи в этот период Средневековья, лишили его силы и эффективности. *Кодекс Родриена* датируется 1167 годом; *Кодекс Мер*, ставший своего рода признанным учебником, датируется тем же периодом; *Лоис д'Олерон* датируется двенадцатым веком и управлял западными берегами Франции, а также был принят во Фландрии и Англии; Венеция датирует свой древнейший закон о морских правах 1255 годом, а Марсельский статут датируется 1254 годом.

[Рис. 198.](#) - Казнь знаменитого пирата Штоертебека и семидесяти его сообщников в 1402 году в Гамбурге - из популярной картины конца XVI века (Гамбургская библиотека).

Период становления торгового права и правосудия совпадает с периодом введения национальных и универсальных кодексов законов и консульской юрисдикции. Можно сказать, что они зародились в VI веке в законах вестготов, которые давали право иностранным торговцам быть судимыми делегатами из их собственных стран. Венецианцы имели консулов в Греческой империи уже в десятом веке, и мы можем с полным основанием предположить, что французы имели консулов в Палестине во время правления Карла Великого. В тринадцатом веке города Италии имели консульских агентов во Франции, а Марсель - в Савойе, Арле и Генуе. Таким образом, торговцы каждой страны всегда были уверены, что найдут справедливость, помощь и защиту во всех центрах европейской торговли.

К этим преимуществам добавились многочисленные возможности для бартера. Купцы, которые сначала путешествовали со своим товаром, а затем просто посылали фактора в качестве своего представителя, в конце концов передавали его иностранным агентам. Переписка таким образом стала более распространенной, а бумага заменила пергамент как менее редкий и менее дорогой материал. Введение арабских цифр, более удобных, чем римские, для расчетов, учреждение банков, из которых древнейший действовал в Венеции уже в XII веке, изобретение векселей, приписываемое евреям и вошедшее в обиход в XIII веке, создание страхования от рисков и опасностей на море и на суше, и, наконец, образование торговых компаний, или то, что сейчас называется товариществами, - все это способствовало расширению и активности торговли, благодаря чему общественное и частное богатство увеличивалось, несмотря на препятствия, которые рутина, зависть и недоброжелательность упорно воздвигали против великих коммерческих предприятий.

В течение долгого времени французы, в силу лености или антипатии - ведь им больше нравилось заниматься оружием и рыцарством, чем вопросами интереса и прибыли, - принимали лишь слабое участие в торговле, которая так успешно велась на их собственной территории. Дворяне стеснялись участвовать в торговле, считая ее недостойной себя, а буржуа, за неимением либеральных чувств и экспансивности в своих идеях, довольствовались лишь местной торговлей. Внешняя торговля, даже самая прибыльная, была отдана на откуп иностранцам, и особенно евреям, которых часто изгоняли из королевства и так же часто выкупали, хотя все их презирали и ненавидели. Несмотря на это, им удавалось достичь богатства под клеймом позора и бесчестия, а огромные доходы, которые они получали с помощью ростовщичества, примиряли их с жестоким обращением, которому они подвергались, и утешали их.

[Рис. 199.](#) - Открытие Америки, 12 мая 1492 г. Колумб воздвигает крест и крестит остров Гуанахани (ныне остров Кэт, один из Багамских островов) христианским именем Святого

Сальвадора - с гравюры на меди, выполненной Т. де Бри в сборнике "Великих путешествий", фолио, 1590 г.

В очень ранний период, особенно когда евреи были полностью изгнаны, преимущество исключительной торговли с Францией и получения от нее богатых доходов привлекало итальянцев, которые часто были лишь переодетыми евреями, скрывавшимися под общим именем лангобардов. Именно под этим именем французские короли предоставляли им в разных случаях различные привилегии, когда они посещали ярмарки в Шампани и обосновывались в городах внутренних и морских портов. Эти итальянцы составляли великую корпорацию денежных менял в Париже, накапливали в своих сундуках всю монету королевства и таким образом вызывали вечное колебание стоимости денег, от чего сами получали выгоду.

В XVI веке войны в Италии довольно сильно изменили ситуацию, и мы видим, что королевские и важные концессии увеличиваются в пользу кастильцев и других испанцев, которых народ злобно называл *неграми*, и которые эмигрировали, чтобы заниматься торговлей и мануфактурой в Сентонже, Нормандии, Бургундии, Аженуа и Лангедоке.

Примерно во времена Людовика XI французы, осознав свои истинные интересы, стали сами управлять своими делами, следуя предложениям и советам короля, чьи демократические инстинкты побуждали его поощрять и поддерживать буржуа. Этот результат был также обусловлен состоянием мира и безопасности, которое установилось в королевстве, обедневшем и растерянном за сто лет внутренних и внешних войн.

С 1365 по 1382 год на западном побережье Африки, в Сенегале и Гвинее, нормандскими мореплавателями были основаны фабрики и склады. Многочисленные торговые флотилии, огромные по тем временам, занимались перевозкой тканей, зерна всех видов, ножей, бренди, соли и других товаров, которые обменивались на кожу, слоновую кость, камедь, янтарь и золотую пыль. Значительные прибыли получали судовладельцы и купцы, которые, как и Жак Кёр, использовали корабли для осуществления этих крупных и прибыльных торговых операций. Эти факты в достаточной степени свидетельствуют о состоянии Франции в этот период и доказывают, что она, как и другие отрасли человеческой промышленности, была задержана в своем развитии политическими неурядицами, которые последовали в XIV и XV веках.

К счастью, эти социальные проблемы не были всеобщими, и как раз в тот период, когда Франция испытывала трудности и стала истощенной и обедневшей, португальцы расширили свои открытия на том же побережье Африки, а вскоре после этого им удалось обогнуть мыс Доброй Надежды и открыть новый морской путь в Индию, страну, которая всегда была привлекательной из-за коммерческих преимуществ, которые она предлагала.

Через несколько лет после этого генуэзец Христофор Колумб, еще более смелый и удачливый, руководствуясь компасом и собственным гением, открыл новый континент, четвертый континент мира ([Рис. 199](#)). Это неожиданное событие, самое великое и выдающееся событие эпохи, неизбежно расширило поле для производства, а также для потребления в огромной степени, и, естественно, увеличило не только разнообразие и количество товаров для обмена, но и производство драгоценных металлов, и произвело полный переворот в законах всего цивилизованного мира.

Морская торговля сразу же получила необычайное развитие, и купцы, оставив гавани Средиземноморья и даже Леванта, которые тогда казались им едва ли заслуживающими внимания, тысячами отправляли свои суда в океан в погоне за чудесными богатствами Нового Света. День караванов и каботажных плаваний прошел; Венеция утратила свое величие; владычество Средиземноморья закончилось; мировая торговля внезапно перешла от деятельных и трудолюбивых городов этого моря, которые так долго монополизировали ее, к западным нациям, сначала к португальцам и испанцам, а затем к голландцам и англичанам.

Франция, поглощенная и почти разрушенная гражданской войной, и прежде всего религиозными разногласиями, играла лишь подчиненную роль в этой торговой и мирной революции, хотя и утверждалось, что моряки из Дьеппа и Онфлера действительно открыли Америку раньше Колумба. Тем не менее короли Франции, Людовик XII, Франциск I и Генрих II, пытались наладить и поощрить трансатлантические путешествия, а также создать в интересах французской торговли колонии на побережье Нового Света, от Флориды и Виргинии до Канады.

Но эти колонии имели лишь шаткое и преходящее существование; успешными были только рыбные промыслы, а французская торговля оставалась незначительной, ограниченной и внутренней, несмотря на растущие требования роскоши при дворе. Эта роскошь довольствовалась товарами, прибывавшими из Низких стран, Испании и Италии. Национальная промышленность делала все возможное, чтобы преодолеть это позорное состояние; она специально обратила свое внимание на производство шелков и тканей, обитых золотом и серебром. Единственной практической попыткой правительства в XVI веке защитить торговлю и мануфактуры было запрещение ввоза иностранных товаров и попытка противостоять прогрессу роскоши с помощью жестких законов.

Конечно, правительство того времени мало понимало преимущества, которые страна извлекала из торговли, запрещая высшим классам заниматься коммерцией под страхом лишения их дворянских привилегий. Перед лицом примеров Италии, Генуи, Венеции и особенно Флоренции, где все дворяне были торговцами или сыновьями торговцев, короли из рода Валуа сочли нужным принять это постановление. По-видимому, речь шла о том, чтобы сделать купеческое сословие отдельным классом, недвижимым и состоящим исключительно из буржуа, запертых в своих счетных домах и всячески препятствующих участию в общественной жизни. Купцы возмутились таким изгнанием и, чтобы занять свой досуг, со всей энергией включились в кровопролитную борьбу Реформы и Лиги.

[Рис. 200.](#) - Медаль в память об Ассоциации купцов города Руана.

Только в правление Генриха IV они снова ограничились купеческим ремеслом, когда Сюлли опубликовал политические предложения своего хозяина по возобновлению торгового процветания. С этого времени в торговой судьбе Франции началась новая эра. Торговля, поддерживаемая и защищаемая государственными деятелями, стремилась к расширению своих операций с большей свободой и властью. В Париже, Марселе, Лионе и Руане были созданы компании для перевозки французских товаров по всему миру, и правила меркантильных ассоциаций, несмотря на рутину и ревность, которыми руководствовались торговые корпорации, стали кодексом, который впоследствии регулировал торговлю ([Рис. 200](#)).

[Рис. 201.](#) - Стандартный вес в латуни на рыбном рынке в Мансе: Знак Сирена (конец XVI века).

Гильдии и торговые корпорации.

Неопределенное происхождение корпораций.- Древние промышленные ассоциации.- Германская гильдия.- Коллегии.- Тевтонские ассоциации.- Парижская компания по перевозке товаров по воде.- Корпорации, правильно названные так.- "Книга торговли" или Первый свод правил" Этьена Буало.-Законы, регулирующие торговлю.- Общественная и частная организация торговых корпораций и других сообществ.- Энергия корпораций.- Мастера, подмастерья, подмастерья и ученики.- Религиозные праздники и торговые общества.- Торговые союзы.

Ученые авторитеты часто дискутировали, не приходя к единому мнению, по вопросу о происхождении корпораций в Средние века. *Априори* можно признать, что объединения ремесленников были столь же древними, как и сами ремесла. Легко представить себе, что многочисленные представители промышленных классов, вынужденные поддерживать и защищать свои общие права и общие интересы, стремились к созданию взаимных братских объединений между собой. Чем глубже мы погружаемся в древнюю историю, тем яснее видим следы, более или менее отчетливые, такого рода объединений. Приведем лишь два примера, которые могут служить в некоторой степени исторической параллелью аналогичным учреждениям современности: римские *коллегии*, которые на самом деле были лигами ремесленников, занимавшихся одним и тем же делом; и скандинавские гильдии, целью которых было объединение различных отраслей промышленности и торговли либо города, либо какого-то определенного района.

Действительно, братства среди трудящихся классов всегда существовали при германских завоевателях с того момента, когда Европа, так долго разделенная на римские провинции, сбросила иго подчинения Риму, хотя она все еще придерживалась законов и обычаев нации, которая держала ее в подчинении на протяжении стольких поколений. Однако те немногие следы, которые остались от этих братств, мы можем рассматривать лишь как свидетельство того, что они когда-то существовали, но не как признак того, что они процветали. В пятом веке отшельник Ампелий в своих "Легендах о святых" упоминает *консулов* или начальников слесарей. О корпорации ювелиров говорится как о существовавшей при первой династии французских королей. Пекари названы коллективно в 630 году в законах Дагоберта, что, по-видимому, свидетельствует о том, что в тот отдаленный период они образовали своего рода профсоюз. Мы также видим, как Карл Великий в нескольких своих статутах принимает меры к тому, чтобы число людей, занимающихся приготовлением различных видов пищи, везде было достаточным для удовлетворения потребностей потребления, что свидетельствует об общей организации этой важнейшей отрасли промышленности. В Ломбардии колледжи ремесленников были созданы в ранний период, и, несомненно, по образцу римских. В Равенне в 943 году существовала коллегия рыбаков, а десять лет спустя в записях этого города упоминается *глава корпорации торговцев*, а в 1001 году - *глава корпорации мясников*. В то же время Франция сохраняла память об институтах римской Галлии, и древние торговые колледжи по-прежнему образовывали ассоциации и компании в Париже и крупных городах. В 1061 году король Филипп I предоставил определенные привилегии мастерам-чандлерам и маслоделам. Древние обычаи мясников упоминаются уже во времена Людовика VII, в 1162 году. Тот же король даровал жене Ива Лаккобре и ее наследникам право собирать пошлины, которые выплачивали кожевники, кошельники, курьеры и сапожники. При Филиппе Августе подобные уступки участились, и очевидно, что в это время торговля начала пускать корни и требовать особого и специфического управления.

В результате для каждой профессии были разработаны правила, на которые Филипп Август дал свое согласие. В 1182 году он подтвердил устав мясников, а меховщики и драпировщики также получили от него благоприятные уступки.

По мнению ученого Огюстена Тьерри, корпорации, как и гражданские общины, возникли на основе ранее существовавших гильдий, например, коллегий или корпораций рабочих, которые были римского происхождения. В *гильдии*, что означает банкет за общий счет, существовала взаимная гарантия от несчастий и травм разного рода, таких как пожар и кораблекрушение, а также от всех судебных тяжб за проступки и преступления, даже если они были доказаны против обвиняемого. Каждое из этих объединений находилось под покровительством бога или героя и имело свой обязательный устав; у каждого был свой глава или президент, выбираемый из числа членов, и общая казна, пополнявшаяся за счет ежегодных взносов. Римские коллегии, как мы уже говорили, создавались с более специальной целью и занимались исключительно тем ремеслом, к которому принадлежали; но они, как и гильдии, обладали общей кассой, пользовались равными правами и привилегиями, избирали своих президентов и совместно отмечали жертвоприношения, праздники и банкеты. Поэтому у нас есть все основания согласиться с мнением знаменитого историка, который считает, что при создании корпорации "гильдия должна быть в определенной степени движущей силой, а римская коллегия с ее организацией - материалом, который должен быть использован для ее создания".

[Рис. 202.](#) - Ремесленники в XIV веке - факсимиле миниатюры рукописи из библиотеки Брюсселя.

Однако несомненно, что в течение нескольких столетий корпорации были либо распущены, либо скрыты от общественного внимания, поскольку они почти полностью исчезли из исторических записей во время частичного возвращения к варварству, когда производство предметов повседневной необходимости и приготовление пищи было поручено рабам под присмотром их хозяина. Только в XII веке они вновь начали процветать, и, как можно предположить, именно Италия дала сигнал к возрождению институтов, родиной которых был Рим и которым варварство позволило прийти в упадок. Братства ремесленников также были основаны в ранний период на севере Галлии, откуда они быстро распространились за Рейн. При императоре Генрихе I, то есть в X веке, обычным состоянием ремесленников в Германии было крепостное право; но два века спустя большинство ремесел в большинстве крупных городов империи объединились коллегии или органы под названием союзы (*Einnungen* или *Innungen*) ([Рис. 202](#)), как, например, в Гозларе, в Вюрцбурге, в Брунсвике и т. д. Эти коллегии, однако, не были созданы без особых трудностей и без энергичного сопротивления со стороны правящих сил, поскольку они часто поднимали свои притязания настолько высоко, что хотели подменить своей властью сенаторский закон и таким образом захватить управление городами. Тринадцатый век стал свидетелем упорной и кровопролитной вражды между этими двумя партиями, каждая из которых попеременно одерживала победу. Та из них, которая одерживала верх, пользовалась случаем и устраивала самые жестокие расправы над своими побежденными противниками. Императоры Фридрих II и Генрих VII пытались положить конец этим распрям, упразднив рабочие корпорации, но эти могущественные объединения бесстрашно противостояли императорской власти. Во Франции организация сообществ ремесленников, которая во многом была связана с торговым движением, но которую не следует путать с ним, не вызвала никаких политических трудностей. Похоже, она даже не встретила противодействия со стороны феодальных властей, которые, несомненно, сочли ее легким предлогом для взимания дополнительных пошлин и налогов.

Самой древней из этих корпораций была Парижская *ганза*, или корпорация буржуа для судоходства по каналам, которая, вероятно, ведет свое происхождение от коллегии парижских *наутов*, существовавшей еще до римского завоевания. Эта торговая ассоциация проводила свои собрания на острове Лютеция, на том самом месте, где впоследствии была построена церковь Нотр-Дам. С первых дней монархии торговцы полностью составляли буржуазию городов ([Рис. 203](#)). Над ними стояло дворянство или духовенство, под ними - ремесленники. Отсюда понятно, как буржуа, которые в двенадцатом и тринадцатом веках были отдельной частью общества, стали, наконец, самой важной коммерческой структурой. Короли неизменно относились к ним благосклонно. Людовик VI даровал им новые права, Людовик VII подтвердил их древние привилегии, а Филипп Август их увеличил. Парижской Ганзе удалось монополизировать всю торговлю, которая велась по воде на Сене и Йоне между Мантом и Осером. Ни один товар, прибывший на лодках вверх или вниз по течению, не мог быть высажен во внутренних районах Парижа, не став, так сказать, собственностью корпорации, которая через своих агентов следила за его обмером и продажей оптом, а до определенного момента и в розницу. Ни одному иностранному купцу не разрешалось отправлять свои товары в Париж, не получив предварительно *lettres de Hanse*, по которым он связывался с одним из буржуа города, выступавшим в качестве его гаранта и участвовавшим в его прибылях.

[Рис. 203.](#) - Купцы или торговцы XIV века - факсимиле миниатюры в рукописи библиотеки в Брюсселе.

Подобные объединения существовали в большинстве торговых городов, расположенных на берегах рек и на морском побережье, например, в Руане, Арле, Марселе, Нарбонне, Тулузе, Ратисбоне, Аугсбурге и Утрехте. Иногда соседние города, например, великие города-производители Фландрии, договаривались между собой и вступали в союз, который давал им большую власть и представлял собой наступательный и оборонительный союз ([Рис. 204](#)). Типичным примером последнего института является торговая ассоциация *ганзейских городов* Германии, которые объединялись в количестве восьмидесяти вокруг своих четырех столиц - Любека, Кельна, Данцика и Брауншвейга.

[Рис. 204.](#) - Печать объединенных торговцев Гента (конец XV века).

Хотя, как мы уже видели, до XIII века многие корпорации ремесленников были уполномочены несколькими королями Франции принимать специальные законы, позволяющие им управлять собой, первые общие административные и полицейские меры в отношении этих сообществ можно датировать только периодом правления Людовика Святого. В 1261 году король назначил Этьена Буало, богатого буржуа, пробургомистром столицы, чтобы тот установил порядок, мудрое управление и "добрую волю" в парижской торговле. Для этого он выяснил из устных свидетельств старших членов каждой корпорации обычаи и порядки различных ремесел, которые по большей части до того времени не были зафиксированы в письменном виде. Он упорядочил и, вероятно, во многом исправил их, и таким образом составил знаменитую "Книгу ремесел", которая, по словам М. Деппинга, умелого редактора этого ценного сборника, впервые опубликованного в 1837 году, "имеет то преимущество, что в значительной степени является подлинным произведением самих корпораций, а не списком правил, установленных и сформулированных муниципальными или судебными властями". С этого времени корпорации постепенно внедрялись в общественный порядок. Королевские указы в их пользу множились, а правила в отношении механических ремесел ежедневно совершенствовались, причем не только в Париже и провинциях, но и за

границей, как на юге, так и на севере Европы, особенно в Италии, Германии, Англии и Низких странах (рис. [205](#) - [213](#)).

В "Книге профессий" Этьена Буало содержатся правила ста различных торговых ассоциаций. Следует отметить, что некоторые из наиболее важных профессий, такие как мясники, кожевники, стекольщики и т. д., были опущены, либо потому, что они не зарегистрировались в Шатле, где было проведено расследование под руководством Буало, либо потому, что какие-то частные интересы заставили их уклоняться от этой регистрации, которая, вероятно, налагала на них какой-то штраф и налог. В следующем столетии число торговых ассоциаций значительно увеличилось, причем в период правления последнего из Валуа и первого из Бурбонов.

Историк парижской старины Генрих Соваль перечислил не менее пятнадцатисот пятидесяти одного торгового объединения в одной только столице в середине семнадцатого века. Однако следует отметить, что общества ремесленников были сильно разделены в силу того простого факта, что каждое ремесло могло заниматься только своей особой работой. Так, в книге Буало мы находим четыре различных корпорации *патентотьеров*, или изготовителей чашечек, шесть - шляпников, шесть - ткачей и т. д.

Кроме этих обществ ремесленников, в Париже существовало несколько привилегированных корпораций, которые занимали более важное положение и были известны под названием *Corps des Marchands*. Поначалу их число часто менялось, но в конце концов было установлено шесть, и их стали называть *Шесть корпусов*. В их состав входили драпировщики, которые всегда первенствовали над пятью другими, бакалейщики, торговцы, меховщики, шляпники и ювелиры. Эти пятеро долгое время спорили о старшинстве, но в конце концов решили вопрос по жребию, так как не смогли договориться ни о чем другом.

[Рис. 205.](#) - Печать корпорации плотников Сен-Тронда (Бельгия) - из оттиска, хранящегося в архиве этого города (1481 г.).

[Рис. 206.](#) - Печать корпорации сапожников Сен-Тронда, с карты 1481 года, хранящейся в архиве этого города.

[Рис. 207.](#) - Печать корпорации шерстоткачей Хасселта (Бельгия), из пергаментного титула-договора от 25 июня 1574 года.

[Рис. 208.](#) - Печать корпорации суконщиков Брюгге (1356 г.).- Из оттиска, хранящегося в архиве этого города.

[Рис. 209.](#) - Печать корпорации фуллеров из Сен-Тронда (около 1350 г.) - по оттиску, хранящемуся в архиве этого города.

[Рис. 210.](#) - Печать корпорации столяров Брюгге (1356 г.) - по оттиску, хранящемуся в архиве этого города.

[Рис. 211.](#) -Токен корпорации плотников Маэстрихта.

[Рис. 212.](#) - Жетон корпорации плотников Антверпена.

[Рис. 213.](#) --Похоронный жетон корпорации плотников Маэстрихта.

Торговля.

Факсимиле гравюры на дереве, созданной и выгравированной Дж. Амманом в XVI веке.

[Рис. 214.](#) - Суконщик.

[Рис. 215.](#) - Портной.

[Рис. 216.](#) - Шляпник.

[Рис. 217.](#) - Красильщик.

[Рис. 218.](#) - Нарколог.

[Рис. 219.](#) - Парикмахер

[Рис. 220.](#) --Золотопромышленник

[Рис. 221.](#) --Золотоискатель

[Рис. 222.](#) - Изготовитель булавок и иголок.

[Рис. 223.](#) -Застежка.

[Рис. 224.](#) --Wire-worker.

[Рис. 225.](#) -Кубик.

[Рис. 226.](#) - Мастер по изготовлению мечей.

[Рис. 227.](#) -Armourer.

[Рис. 228.](#) --Spur-maker.

[Рис. 229.](#) - Сапожник.

[Рис. 230.](#) - Бассейнщик.

[Рис. 231.](#) -Тинман.

[Рис. 232.](#) -Медный кузнец.

[Рис. 233.](#) - Литейщик колоколов и пушек.

Кроме привилегии, которой пользовались исключительно эти шесть купеческих сословий, - быть призванными, хотя и за свой счет, участвовать в городских процессиях и общественных церемониях, а также нести балдахин над головами королей, королев или принцев при их государственном въезде в столицу ([Рис. 234](#)), - трудно указать характер привилегий, которые были им предоставлены и к которым они так ревностно относились. Однако ясно, что эти шесть тел были проникнуты аристократическим духом, который заставлял их ставить торговлю гораздо выше ремесла в своем сословии и придавать большое значение своему призванию купцов. Так, современные историки рассказывают, что любой купец, поступившийся достоинством компании, "попадал в разряд низших орденов"; что меркеры хвастались тем, что исключили из своего корпуса обойщиков, "которые были всего лишь ремесленниками"; что шляпники, которые были приняты в *Шесть корпусов* вместо одного из

других ремесел, стали в результате "купцами вместо ремесленников, которыми они были до этого времени".

Несмотря на статуты, так тщательно составленные и пересмотренные Этьеном Буало и его преемниками, и несмотря на многочисленные произвольные правила, которые государи, магистраты и сами корпорации упорно пытались установить, порядок и единство далеко не всегда определяли торговлю и промышленность Парижа в Средние века, и то, что происходило в Париже, обычно повторялось в других местах. Постоянно возникали серьезные споры между властями и теми, кто подчинялся их юрисдикции, а также между различными ремеслами, несмотря на связь, которую они поддерживали друг с другом из-за сходства своих занятий.

На самом деле в этом, как и во многих других вопросах, социальные беспорядки часто исходили от тех сил, чьей обязанностью было их подавлять. Так, когда Филипп Август расширил границы своей столицы, включив в нее округа, которые до этого были отделены от города, светские и духовные сеньоры, под чьим феодальным владычеством до сих пор находились эти округа, естественно, настаивали на сохранении всех своих прав. Они так настойчиво добивались этого, что король был вынужден признать их требования; и в нескольких районах, включая Бур-л'Аббе, Бо-Бур, Бур-Сен-Жермен, Бур-Оксерруа и т. д., существовали торговые ассоциации, совершенно отличные и независимые от тех, что были в древнем Париже. Если мы ограничимся рассмотрением состояния торговых ассоциаций, которые получали свою власть непосредственно от королевской власти, то увидим, что причины путаницы были отнюдь не незначительными; ведь большинство высших чиновников короны, действуя как делегаты королевской власти, постоянно оспаривали между собой право надзирать, защищать, судить, наказывать и, прежде всего, взимать дань с представителей различных профессий. Король предоставил различным чиновникам привилегию произвольно распоряжаться свободой каждого ремесла в своих интересах и тем самым дал им власть над всеми купцами и ремесленниками, которые были официально связаны с ними, не только в Париже, но и во всем королевстве. Так, лорд-камергер имел власть над драпировщиками, мерсерами, меховщиками, сапожниками, портными и другими торговцами ношеной одеждой; цирюльники управлялись королевским варлетом и цирюльником; главный пекарь управлял булочниками; а главный дворецкий - виноторговцами.

[Рис. 234.](#) - Группа золотых дел мастеров перед *Шассе де Сен-Марсель* в царствование Людовика XIII - с медной пластины того периода (Кабинет печатей в Парижской национальной библиотеке).

Эти государственные чиновники предоставляли ремесленникам свободу, или, другими словами, давали им право заниматься таким-то и таким-то ремеслом с помощниками или компаньонами, взимая за выполнение этого пустякового действия весьма значительный налог. А поскольку они предпочитали получать свои доходы без необходимости напрямую общаться со своими скромными подданными, они назначали депутатов, которые были уполномочены собирать их от их имени.

Самыми знаменитыми из этих депутатов были *короли-мерсье*, которые жили на тучных землях в полном безделье и были окружены торговым двором, который появлялся во всем своем великолепии на торговых праздниках.

[Рис. 235.](#) - Знамя корпорации Объединенных производителей сапог и ботинок Иссудуна.

Великие чиновники короны осуществляли в своих собственных интересах, не задумываясь об общественной пользе, полную магистратуру над всеми ремеслами; они выносили решения по спорам, возникавшим между мастерами и людьми, разбирали ссоры, лично или через своих помощников посещали дома купцов, чтобы обнаружить мошенничество или нарушение правил торговли, и взимали соответствующие штрафы. Следует помнить, что сборщикам судебных пошлин постоянно приходилось бороться за свободное осуществление своей юрисдикции с прокурором Парижа, который рассматривал их приобретение власти как вмешательство в его личные прерогативы и поэтому упорно противостоял им во всех случаях. Например, если главный пекарь приказывал посадить ремесленника того же ремесла в тюрьму Шатле, то верховный проректор, который был начальником тюрьмы, немедленно освобождал его; а в отместку, если верховный проректор наказывал пекаря, главный пекарь горячо поддерживал дело своего подчиненного. Иной раз ремесленники, если были недовольны заместителем, назначенным великим чиновником короны, на чьем иждивении они находились, отказывались признавать его власть. Таким образом, возникали постоянные ссоры и бесконечные тяжбы, и легко понять, какой беспорядок должен был возникнуть при таком положении вещей. Однако постепенно, в связи с новыми тенденциями королевской власти, направленными на ослабление феодальной власти, многочисленные юрисдикции, касающиеся различных ремесел, постепенно вернулись в руки муниципальной прокуратуры; и такая концентрация власти принесла наилучшие результаты, как для общественного блага, так и для самих корпораций.

Рассмотрев корпорации в целом, а также их общее управление, мы перейдем к рассмотрению их внутренней организации. Только после долгой и трудной борьбы этим торговым ассоциациям удалось занять определенное и устоявшееся положение; однако им ни разу не удалось организовать себя как единый организм на единой основе и с едиными привилегиями. Поэтому, указывая на влиятельный характер этих учреждений в целом, мы должны опустить различные вопросы, связанные с отдельными ассоциациями, которые было бы невозможно упомянуть в этом кратком очерке.

В XIV веке, когда ремесленные сообщества находились на пике своего развития и могущества, ни одно объединение ремесленников не могло законно существовать без лицензии короля, лорда, принца, аббата, бейлифа или мэра района, в котором оно намеревалось обосноваться.

[Рис. 236.](#) - Знамя парижских плиточников с гербом корпорации.

[Рис. 237.](#) - Знамя парижских гвоздильщиков с гербом корпорации.

[Рис. 238.](#) - Знамя парижских упряжных мастеров с гербом корпорации.

[Рис. 239.](#) - Знамя парижских колесных мастеров с гербом корпорации.

[Рис. 240.](#) - Знамя кожевников Вие, с покровителем корпорации.

[Рис. 241.](#) - Знамя ткачей Пулона, со святым покровителем корпорации.

Эти общины имели свои уставы и привилегии; на публичных церемониях их отличали *по ливреям* или особой одежде, а также по гербам и знаменам (рис. [235](#) - [241](#)). Они имели право свободно обсуждать свои общие интересы, а на собраниях, состоящих из всех их членов, могли изменять свои уставы при условии, что эти изменения были подтверждены королем или властями. Также необходимо было, чтобы этих собраний, на которых присутствовали

королевские делегаты, были должным образом санкционированы; и, наконец, чтобы облегчить общение между членами и упростить все, что касалось интересов ремесла, ремесленники одной профессии обычно проживали в одном квартале города и даже на одной улице. Названия многих улиц в Париже и других городах Франции свидетельствуют об этом обычае, который до сих пор частично существует в городах Германии и Италии.

[Рис. 242.](#) - Церемониальная одежда старейшины и присяжного заседателя корпорации старых сапожников Гента.

Общины ремесленников в определенной степени имели характер и положение частных лиц. В своем корпоративном качестве они имели право владеть и распоряжаться имуществом, защищать или подавать иски в суд, принимать наследство и т. д.; они расходовали средства из общей казны, которая пополнялась за счет наследства, пожертвований, штрафов и периодических подписок.

Кроме того, эти общины осуществляли через своих присяжных магистратскую и даже, при некоторых обстоятельствах, уголовную юрисдикцию над своими членами. Долгое время они стремились расширить эту последнюю власть или сохранить ее независимой от муниципального контроля и верховных судов, в результате чего она была сведена к осуществлению простой полицейской власти, строго ограниченной лицами или предметами, имеющими отношение к ремеслу. Они внимательно следили за любыми нарушениями правил торговли. Они выступали в качестве третейских судей между хозяином и работником, особенно в тех случаях, когда стороны прибегали к насилию. Функции такого рода домашней магистратуры выполняли чиновники, известные под разными именами: *короли, мастера, старейшины, стражники, синдики и присяжные*, которым, кроме того, было поручено посещать мастерские в любое удобное для них время, чтобы следить за соблюдением законов, касающихся ремесленных изделий. Они также получали налоги в пользу ассоциации; и, наконец, они осматривали подмастерьев и вводили мастеров в должность ([Рис. 242](#)).

Присяжные, или синдики, как их чаще называли, число которых варьировалось в зависимости от важности и численности корпорации, обычно избирались большинством голосов своих сослуживцев, хотя иногда выбор их был полностью в руках крупных государственных чиновников. Нередко среди сановников искусств и ремесел можно было встретить женщин, а профессиональные трибуналы, решавшие все вопросы, касающиеся общества и его членов, часто состояли из равного числа мастеров и помощников ремесленников. Ревнивый, исключительный и негибкий дух кастовости, который в Средние века можно было наблюдать почти повсеместно, составлял одну из главных особенностей промышленных объединений. Прием новых членов был обставлен условиями, призванными ограничить число соратников и отбить охоту у кандидатов. Только сыновья мастеров пользовались наследственными привилегиями, в силу чего их всегда принимали в члены, не подвергая тираническому игу ассоциации.

[Мученичество свв. Криспина и Крепиниана.](#)

Из окна больницы Кинзе-Винт (XV век).

Как правило, члены корпорации делились на три разных класса: мастера, оплачиваемые помощники или компаньоны и подмастерья. Подмастерье, от которого часто освобождались сыновья мастеров, начиналось в возрасте от двенадцати до семнадцати лет и длилось от

двух до пяти лет. В большинстве ремесел мастер мог принять в свой дом только одного подмастерья, помимо собственного сына. Кожевникам, красильщикам и ювелирам разрешалось брать в дом одного из своих родственников или второго ученика, если у них не было родственника, готового обучиться их ремеслу; и хотя в некоторых простых ремеслах, таких как мясники и пекари, разрешалось неограниченное число учеников, обычай ограничения стал своего рода общим законом, призванным ограничить число мастеров и рабочих в соответствии с требованиями общества. Во многих ремеслах требовалось занять должность оплачиваемого помощника или компаньона в течение определенного времени, прежде чем можно было получить звание мастера.

[Рис. 243.](#) - Подмастерье сапожника, работающий над пробной деталью... Из иллюстрации XIII века, опубликованной господами Кахье и Мартином.

Когда подмастерья или компаньоны желали стать мастерами, их называли *претендентами* и подвергали последовательным экзаменам. В частности, они должны были доказать свои способности, выполнив так называемый "*шеф-повар*", который заключался в изготовлении совершенного образца того ремесла, которым они занимались. Выполнение "*шеф-повара*" требовало соблюдения множества технических формальностей, которые порой были весьма несерьезными. В некоторых случаях претендент должен был сдать технический экзамен, как, например, цирюльник - по ковке и полировке ланцетов; шерстоткач - по изготовлению и регулировке различных частей ткацкого станка; а на время выполнения *шеф-повара*, которое часто длилось несколько месяцев, претендент был лишен всякого общения со своими товарищами. Он должен был работать в офисе ассоциации, который назывался *бюро*, под присмотром присяжных или синдиков, которые, зачастую после бурных дебатов, выносили свое решение о достоинствах работы и способностях мастера (рис. [243](#) и [244](#)).

[Рис. 244.](#) - Подмастерье столяра работает над пробным изделием - из одной из лавок, называемых *Miséricordes*, в Руанском соборе (XV век).

При поступлении в ремесленное училище подмастерье должен был снова принести присягу на верность королю перед проректором или гражданским депутатом, хотя он уже делал это в начале своего ученичества. Затем он должен был заплатить пошлину или сбор, который делился между государем или лордом и братством, причем сыновья мастеров всегда получали значительную скидку. Часто мужья дочерей мастеров также освобождались от уплаты пошлин. Некоторые мастера, такие как ювелиры и суконщики, кроме того, должны были вносить денежную сумму в качестве гарантии, которая оставалась в фондах ремесла до тех пор, пока они занимались своим делом. После соблюдения этих условий мастера получали исключительную привилегию свободно заниматься своей профессией. Однако из этого правила были исключения: король при коронации, принц или принцесса королевской крови при вступлении в брак, а в некоторых городах епископ при вступлении в должность имели право учредить одного или нескольких мастеров в каждом ремесле, которые получали лицензию без соблюдения обычных формальностей.

[Рис. 245.](#) - Лестница конторы золотых дел мастеров Руана (XV век). На щите, который держит лапой лев, изображен герб золотых дел мастеров Руана. (Современное состояние).

Вдовец или вдова, как правило, могли продолжать ремесло умершей жены или мужа, которые приобрели свободу и таким образом перешли в наследство оставшемуся в живых. Однако при условии, что он или она не вступали во второй брак с кем-либо, кто не принадлежал к этому ремеслу. Мастера теряли свои права непосредственно при работе на

любого другого мастера и получении заработной платы. Некоторые свободы также были доступны только в тех городах, в которых они были получены. Более чем в одном ремесле, когда семья, владеющая свободой, вымирала, ее помещения и инструменты становились собственностью корпорации, с выплатой компенсации ближайшим родственникам.

[Рис. 246.](#) - Лавки под крытым рынком (золотых дел мастер, торговец вещами и сапожник) - из миниатюры в "Этике и политике" Аристотеля в переводе Николаса Оресме (рукопись XV века, библиотека Руана).

Иногда, особенно в тех ремеслах, где от претендентов не требовали *шеф-повара*, назначение мастеров сопровождалось необычными церемониями, которые, несомненно, изначально имели некий символический смысл, но, утратив свое истинное значение, стали необычными и даже смехотворными. Так, у пекарей после четырех лет ученичества кандидат, получивший свободу от короля, выходил из дома в сопровождении всех остальных пекарей города, неся новый горшок, наполненный грецкими орехами и вафлями. Прибыв к начальнику корпорации, он говорил ему: "Господин, я отработал свои четыре года; вот мой горшок, наполненный грецкими орехами и вафлями". Помощники, участвовавшие в церемонии, ручались за истинность этого заявления, кандидат разбивал горшок о стену, и начальник торжественно объявлял о его приеме, который открывался тем, что старшие мастера опорожняли несколько цистерн вина или пива за счет своего нового брата. Церемония также носила веселый характер в случае с мельниками, которые принимали кандидата только после того, как он получал палкой по плечам от последнего избранного брата.

[Рис. 247.](#) - Факсимиле первых шести строк на медной табличке, на которой с 1470 года были выгравированы имена и титулы тех, кто был избран членами корпорации золотых дел мастеров Гента.

Статуты корпораций, имевшие силу закона, поскольку были одобрены и приняты королевской властью, почти всегда с величайшей точностью описывали условия труда. Они устанавливали часы и дни работы, размер изделий, которые должны были быть изготовлены, качество материалов, используемых для их производства, и даже цену, по которой они должны были продаваться ([Рис. 246](#)). Ночной труд, как правило, запрещался, поскольку он мог привести к некачественной работе. Тем не менее, плотникам разрешалось делать гробы и другие похоронные принадлежности по ночам. Накануне религиозных праздников лавки закрывались раньше обычного, то есть в три часа, и не открывались на следующий день, за исключением кондитерских, чья помощь особенно требовалась в праздничные дни, и которые продавали диковинные пирожные и сладости. Несмотря на строгость правил и административных законов каждой профессии, которые были призваны обеспечить добросовестность и лояльность между различными членами, нет необходимости говорить о том, что они часто нарушались. Штрафы, которые налагались на нарушителей, служили важным источником дохода не только для самих корпораций, но и для городской казны. Однако наказание не всегда было денежным, так как уже в XV веке мы знаем случаи, когда ремесленников приговаривали к смерти просто за фальсификацию их изделий.

[Рис. 248.](#) - Старейшина и присяжные кожевники города Гента в торжественной одежде - факсимиле миниатюры в рукописи XV века.

Этот обман рассматривался как грабеж, который, как мы знаем, долгое время карался смертью. В те времена разбой со стороны купцов не находил ни снисхождения, ни помилования, и вся корпорация требовала немедленного и образцового правосудия.

Согласно уставам, которые в целом были направлены на предотвращение мошенничества и фальсификаций, в большинстве ремесел мастера были обязаны ставить на своих товарах товарный знак или какой-либо особый знак, который должен был служить гарантией для покупателя и одним из средств выявления виновного в случае жалоб, возникающих из-за плохого качества или некачественной работы продаваемых изделий.

[Рис. 249.](#) - Столяр-компаньон - фрагмент гравюры на дереве XV века по рисунку Вольгемюта для "Нюрнбергской хроники".

Помимо принятия различных мер по поддержанию профессиональной честности, составители различных уставов, защищая общественные интересы, также стремились привить своим членам нравственность и добрые чувства. Молодой человек мог быть принят только в том случае, если он мог доказать законность своего рождения в реестре крещения; а чтобы получить свободу, он должен был обладать безупречным характером. Ремесленники подвергались выговору и даже телесному наказанию со стороны корпорации даже за то, что общались, а уж тем более работали или пили с теми, кто был изгнан. Лицемерие и проступки любого рода приводили к тому, что они могли быть лишены звания мастера. В некоторых торговых ассоциациях все члены были обязаны торжественно отмечать день кончины брата, помогать на его похоронах и следовать за ним до могилы. В другой общине малейшее непристойное или неуточное слово каралось штрафом. Новый мастер не мог обосноваться на той же улице, что и его прежний хозяин, разве что на расстоянии, определенном уставом; кроме того, ни одному члену не разрешалось просить или привлекать клиентов, если последние находились ближе к лавке соседа, чем к его собственной.

В Средние века религия накладывала свой отпечаток на любое занятие и призвание, и корпорации тщательно следили за тем, чтобы сохранить эту характерную черту. Каждая из них находилась под покровительством какого-нибудь святого, который считался особым защитником ремесла; каждая имела святилище или часовню в какой-нибудь церкви квартала, где находилось ремесло, а некоторые даже содержали за свой счет капелланов для совершения месс, которые ежедневно читались за души умерших добрых членов ремесла. Эти объединения, одушевленные христианским милосердием, призывали благословение небес на всех членов братства и помогали тем, кто был уволен по болезни или из-за отсутствия работы, а также заботились о вдовах и помогали сиротам менее преуспевающим ремесленникам. Кроме того, они раздавали милостыню бедным, а оставленное на банкетах ломоть мяса отдавали в больницы.

Под именем *garçons*, или *compagnons de devoir* (эта фамилия сначала специально применялась к плотникам и каменщикам, которые с древнейших времен образовали важную ассоциацию, отчасти тайную, от которой ведет свое происхождение масонство) ([Рис. 250](#)), компаньоны, несмотря на то, что они принадлежали к сообществу своего особого ремесла, также образовывали между собой отдельные корпорации с целью взаимопомощи. Они обязательно посещали любого иностранного рабочего по его прибытии в свой город, снабжали его первыми потребностями, находили ему работу, а когда работы не хватало, старейший компаньон уступал ему свое место. Однако эти товарищеские ассоциации вскоре не смогли выполнить ту благородную цель, ради которой они были созданы. Через некоторое время встречи братства стали лишь поводом для распутства и разврата, а порой их бурные

шествия и непристойные маскарады приводили к беспорядкам в городах. Возможности, которыми располагали эти многочисленные объединения, позволяли им расширяться и взаимовыгодно сотрудничать друг с другом, а также приводили к коалициям между ними с целью получения каких-либо преимуществ, которыми они хотели обладать. Иногда для удовлетворения своих непомерных и несправедливых требований прибегали к открытому насилию, что сильно возбуждало трудолюбивые классы и в конце концов побуждало власти вмешиваться. Наконец, эти братства порождали множество жестоких ссор, заканчивавшихся ударами, а нередко и кровопролитием, между рабочими одного ремесла, придерживавшимися разных взглядов на спорные вопросы. Постановления парламента, эдикты государей и решения советов еще в конце XV века и в течение всего XVI строго запрещали деятельность этих братств, но эти запреты никогда не соблюдались должным образом и жестко, а сами власти часто терпели нарушения закона, и таким образом давали разрешение на всевозможные злоупотребления.

[Рис. 250.](#) - Плотники... Факсимиле миниатюры в "Chroniques de Hainaut", рукописи XV века, хранящейся в Бургундской библиотеке в Брюсселе.

В этом томе мы часто упоминали о политической роли, которую играли корпорации в Средние века. Мы знаем, какое активное и важное участие принимали ремесленники всех мастей во Франции в великом движении по созданию общин. Дух братской ассоциации, который составлял силу корпораций ([Рис. 251](#)) и который так ярко проявлялся в каждом акте их общественной и частной жизни, в течение нескольких столетий противостоял индивидуальным и коллективным нападениям на него со стороны самих ремесленников. Эти богатые и могущественные корпорации начали приходить в упадок с того момента, как перестали быть единым целым, и были распущены по закону в начале революции 1789 года, что неизбежно нанесло тяжелый удар по промышленности и торговле.

[Рис. 251.](#) - Картина, посвященная союзу купцов Руана в конце XVII века.

[Рис. 252.](#) - Знамя драпировщиков Кана.

НАЛОГИ, ДЕНЬГИ И ФИНАНСЫ.

Налоги при Римской империи.- Денежные поборы королей Меровингов.- Разновидности денег.- Финансовые законы при Карле Великом.- Мисси Доминичи.- Увеличение налогов из-за крестовых походов.- Организация финансов Людовиком IX.- Эксторсии Филиппа ле Бея.- Финансовые затруднения его преемников.- Карл V. восстанавливает порядок в финансах.- Бедствия Франции при Карле VI, Карле VII и Жаке Кёре.- Изменения в налогообложении от Людовика XI до Франциска I.- Великие финансисты.- Флоримон Роберте.

Если верить комментариям Цезаря к Галльской войне, в его время галлы стонали под гнетом налогов и изо всех сил боролись за их отмену. Рим облегчил их бремя, но фискальная система метрополии незаметно укоренилась во всех римских провинциях. Существовал произвольный личный налог, называвшийся опросным, и земельный налог, называвшийся *цензом* и рассчитывавшийся в зависимости от площади владения. Кроме того, существовали налоги на предметы потребления, на соль, на ввоз и вывоз всех товаров, на продажу с аукциона, а также на браки, на погребение и на дома. Кроме того, вводились пошлины на наследство и наследование, а также налоги на рабов в зависимости от их количества. Также были введены пошлины за проезд по дорогам, а казначейство дошло до того, что стало облагать налогом очаг. Отсюда произошло название "*фео*", которое впоследствии стало применяться к каждой семье или семейной группе, собравшейся в одном доме или сидящей перед одним огнем. Возникло множество других налогов, называемых *sordides*, от которых были освобождены дворяне и государственные чиновники.

Рис. 253. - Добыча металлов - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера, лист: Базель, 1552.

Эта разрушительная система налогообложения, ставшая еще более невыносимой из-за поборов проконсулов и жестокости их подчиненных, продолжала расти вплоть до падения Римской империи. Средневековье породило новый порядок вещей. Муниципальная администрация, состоявшая в значительной степени из галло-римских граждан, не заметно отступала от сложившихся за пять веков обычаев, но каждый народ-захватчик постепенно привносил новые привычки и идеи в покоренные им страны. Германцы и франки, став хозяевами части Галлии, утвердились на землях, которые они разделили между собой. Большие домены с их доходами, принадлежавшие императорам, естественно, переходили в собственность варварских вождей и служили для покрытия расходов их домов и судов. Эти вожди на каждом общем собрании *лейдов*, или великих вассалов, получали подарки в виде денег, оружия, лошадей и различных предметов отечественного или иностранного производства. Долгое время эти дары были добровольными. Территориальный фьеф, который давался тем солдатам, которые заслужили его своими военными заслугами, предполагал личную службу королю. Они должны были сопровождать его в поездках, следовать за ним на войну и защищать его при любых обстоятельствах. Фьеф был полностью освобожден от налогов. Многие проступки, даже грабежи и другие преступления, которые обычно карались смертью, прощались при уплате соразмерного штрафа, а клятвы во многих случаях могли быть освобождены таким же образом. Таким образом, получался большой доход, который обычно делился поровну между государством, фискальным прокурором и королем.

Войны, которые в те беспокойные времена велись почти постоянно, периодически давали варварским королям средства, которые обычно были гораздо важнее, чем обычные поступления от налогов. Первые вожди вестготов, остготов и франков искали способы пополнить свою казну за счет победоносного оружия. Аларих, Тотила и Хлодвиг накопили огромные богатства, не позаботившись о том, чтобы поставить государственные финансы на удовлетворительную основу. Однако мы видим подобие финансовой организации в учреждениях Алариха и его преемников. Впоследствии великий Теодорих, изучивший административные теории византийского двора, использовал свой гений в попытке разработать точную систему финансов, которая была принята в Италии.

Григорий Турский, писатель XVI века, рассказывает в нескольких отрывках своей "Истории франков", что они проявляли такое же отвращение к принудительному налогообложению, как и германцы времен Тацита. *Леуды* считали, что они ничем не обязаны казне, и заставить их подчиниться налогам было нелегко. Примерно в 465 году Чилдерик I, отец Хлодвига, лишился короны за то, что пожелал, чтобы все сословия одинаково облагались налогами. В 673 году Чилдерик II, король Австрии, приказал выпороть одного из этих *леудов*, по имени Бодильон, за то, что тот посмел упрекнуть его в несправедливости некоторых налогов. Однако впоследствии он был убит тем же Бодильоном, а *леуды* сохранили право на неприкосновенность. За столетие до этого *лейды* уже ссорились с королевской властью из-за налогов, которые они отказывались платить, и принесли в жертву королеву Брюнехо за то, что она пыталась обогатить казну за счет конфискованного имущества нескольких дворян, восставших против ее власти. Богатство франкских королей, которое всегда было очень большим, постоянно вызывало зависть, и однажды Чилперик I, король Суассона, имея в союзе *Леудов*, наложил руку на богатство, накопленное его отцом, Клотарем I, которое хранилось во дворце Брейн. Тем не менее, он был вынужден разделить добычу со своими братьями и их сторонниками, которые пришли с оружием в руках, чтобы заставить его вернуть захваченное. Чилперик ([Рис. 254](#)) был настолько благоговеем перед этими *Леудами*, что не просил у них денег. Однако его жена, много боявшаяся Фредегонда, освободила их от налогов не больше, чем Брунехо; а ее судьи или министры, Одон и Муммий, встретив непреодолимое сопротивление при попытке принудить дворян к налогам, едва не лишились из-за этого жизни.

[Рис. 254.](#) - Гробница Чилперика. Скульптура XI века в аббатстве Сен-Дени.

Обычай подсчета населения, как это было в Риме с помощью цензоров, похоже, соблюдался и при королях Меровингов. По просьбе епископа Пуатье Чилдеберт отдал приказ внести изменения в перепись, проведенную при Сигеберте, короле Австрии. Об этом любопытном документе упоминает Григорий Турский. "Древнее деление, - говорит он, - было настолько неравномерным из-за разделения имущества и других изменений, которые время внесло в состояние налогоплательщиков, что бедные, сироты и беспомощные классы, как правило, одни несли реальное бремя налогов". Флорентий, контролер королевского дома, и Ромульфус, граф дворца, устранили это злоупотребление. Внимательно изучив произошедшие изменения, они освободили от налогов тех, кто был обложен слишком сильно, и переложили бремя на тех, кто мог себе это позволить.

Прямое налогообложение продолжалось по такому плану до времен королей второй династии. Франки, не имевшие права на освобождение, платили налог с избирателей и налог на дом; около десятой части взималось с продукции высокообрабатываемых земель, немного больше - с земель более низкого качества, и определенная мера вина, *cruche*, - с продукции каждой половины акра виноградника. Для взимания таких налогов и

регулирования ведения хозяйства были назначены ассессоры и королевские агенты. Однако, несмотря на эту предосторожность, эдикт Хлодвиг II в 615 году осуждает способ взимания ставок и налогов; он предписывает взимать их только в тех местах, где они были разрешены, и запрещает использовать их под любым предлогом для других целей, кроме тех, для которых они были введены.

[Рис. 255.](#) - Подпись святого Элоя (Элигиуса), финансиста и министра при Дагоберте I.; из Хартии основания аббатства Солиньяк (Mabillon, "Da Re Diplomatica").

При Меровингах специя не была в обиходе, хотя драгоценные металлы были в изобилии у галлов, так как их золотые и серебряные рудники еще не были исчерпаны. Деньги чеканились редко, только по большим поводам, таким как коронация, рождение наследника престола, свадьба принца или празднование решающей победы. Вероятно даже, что каждый раз, когда деньги использовались в больших суммах, фунт или су золота был представлен скорее слитками металла, чем чеканной монетой. Третью су золота, которая чеканилась по государственным случаям, по-видимому, использовалась только в качестве памятной медали для распространения среди высших должностных лиц государства, и это обстоятельство объясняет их чрезвычайную редкость. Общий характер чеканки монет из золота, серебра или низших металлов бургундских, австразийских и франкских королей мало чем отличается от того, что было во времена последнего римского императора, хотя *ангел с крестом* постепенно заменил *Renommée victorieuse*, который раньше ставился на монетах. Христианские монограммы и символы Троицы часто смешивались с инициалами государя. Также стало обычным сочетать в монограмме буквы, считавшиеся священными или приносящими удачу, такие как C, M, S, T и т. д.; также вводились названия мест, которые, возможно, с тех пор исчезли, а также какой-либо особый знак или знак, характерный для каждого монетного двора. Некоторые из них очень сложны для понимания и представляют собой ряд проблем, которые еще предстоит решить (рис. [256](#) - [259](#)). К сожалению, названия мест на монетах Меровингов, которых насчитывается около девятисот, редко изучались коллекционерами монет, экспертами как географами, так и лингвистами. Мы находим, например, сто различных монетных дворов, и до сих пор не смогли определить, где находилось большее их количество.

Золотые монеты Меровингов, отчеканенные святым Элоем, монетчиком Дагоберта I (628-638 гг.).

[Рис. 256.](#) - "Паризинна Севе Фит". Голова Дагоберта с двойной диадемой из жемчуга, волосы свисают на шею. Rev., Dagobertvs Rex. Крест; сверху - омега; под руками креста - Eligi.

[Рис. 257.](#) - Parissin. Civ. Голова Хлодвиг II, с диадемой из жемчуга, волосы заплетены в косу и свисают на шею. Rev., Chlodovevs Rex. Крест с якорем; под руками креста - Eligi.

[Рис. 258.](#) --Parisivs Fit. Голова короля. Rev., Eligivs Mone. Крест; сверху - омега; внизу - шар.

[Рис. 259.](#) --Mon. Палати. Голова короля. Rev., Scolare. I. A. Крест с якорем; под рукоятками креста - Элиги.

С того момента, как Хлодвиг стал христианином, он осыпал церковь благодеяниями, и вскоре она стала обладать значительными доходами и пользовалась многими ценными иммунитетам. Сыновья Хлодвиг оспаривали эти привилегии, но Церковь некоторое время сопротивлялась, хотя в конце концов была вынуждена уступить железной руке Карла Мартела. В 732 году этот великий военачальник после борьбы с Рейнфруа и блестящих побед

над саксами, баварцами, швейцарцами и сарацинами лишил духовенство земельных владений, чтобы распределить их между своими *лейдами*, которых он таким образом закрепил за собой и которые, следовательно, всегда были готовы и жаждали служить ему в оружии.

Взойдя на престол, король Пипин, желая умиротворить церковь, постарался, насколько это было возможно, стереть воспоминания о злодеяниях, в которых был виновен его отец по отношению к ней; Он приказал отчислять *димы* и *ноны* (десятый и девятый денье, взимаемые со стоимости земель) на счет владельцев каждого церковного домена, обязуясь ремонтировать здания (церкви, замки, аббатства и пресвитерии) и возвращать владельцам имущество, на которое они держали закладные. Дворяне долго возмущались, и потребовались авторитет и пример Карла Великого, чтобы успокоить враждующие стороны и заставить церковь и государство действовать в гармонии.

Карл Великий отказался от произвольных прав, установленных мэрами дворца, и сохранил только те, которые были узаконены давними обычаями. Он четко зафиксировал их в кодексе под названием "*Капитулярий*", в который внес древние законы рипуариев, бургундцев и франков, расположив их так, чтобы они соответствовали организации и требованиям его огромной империи. С этого времени каждый свободный человек подписывался на военную службу в соответствии с размером его владений. Великий вассал, или фискальный судья, больше не имел права заниматься поборами с граждан, назначенных для защиты государства. Свободные люди могли на законных основаниях отказываться от всех подневольных или обязательных работ, налагаемых на них дворянами, а объем труда, который должны были выполнять крепостные, был уменьшен. Не отменяя полностью власть местных обычаев в финансовых вопросах или незаконно взимаемых штрафов, они были приостановлены законами, принятыми на *Майских полях*, графами и *лейб-медиками* в присутствии императора. Произвольные налоги были отменены, поскольку в них больше не было необходимости. Продовольствие и любые предметы потребления, а также военное снаряжение были освобождены от налогов, а доходы, получаемые от пошлин на дорожные ворота, мосты, городские ворота и т. д., направлялись на цели, ради которых они были введены, а именно на ремонт дорог, мостов и укреплений. *Херибан*, штраф в шестьдесят солей, который в те времена составил бы более 6000 франков, налагался на любого владельца фьефа, отказавшегося от военной службы, и каждый дворянин был обязан заплатить его за каждого своего вассала, который отсутствовал, когда его вызывали к королевскому знамени. Эти штрафы должны были приносить значительные суммы. Специальный закон освободил церковников от ношения оружия, Карл Великий постановил, что их владения должны быть священными и нетронутыми, и было сделано все, чтобы обеспечить выплату причитающегося им возмещения - *dîme* и *none*.

[Рис. 260.](#) - Пошлина на рынках, взимаемая клириком... Из одного из расписных окон собора в Турнэ (XV век).

Карл Великий также следил за чеканкой и обращением денег. Он распорядился, чтобы в серебряном су точно содержалась двадцать вторая часть фунта стерлингов по весу. Он также распорядился, чтобы деньги чеканились только в императорских дворцах. Он запретил обращение фальшивой монеты, приказал сурово наказывать подставных монетчиков и налагать большие штрафы на тех, кто отказывался принимать монету в законное обращение. Десятина, причитающаяся церкви ([Рис. 260](#)), которая была введена на Народном собрании в 779 году и распределялась епархиальными епископами, вызвала много жалоб и противодействия. Эта десятина была дополнением к десятине, выплачиваемой королю,

которая сама по себе была достаточно тяжелой. Однако право требования обеих десятин имело общее происхождение, так что государь защищал свои собственные права, защищая права Церкви. Об этом говорится в тексте *Капитуляриев* с 794 по 829 год. "То, что первоначально было лишь добровольным и благочестивым приношением немногих верующих, - пишет автор "Финансовой истории Франции", - стало, таким образом, вечным налогом на сельское хозяйство, причем его уплата обеспечивалась скорее обычаем, чем законом; а десятина, которая сначала ограничивалась продуктами земли, вскоре распространилась на скот и другую живность".

Королевские делегаты (*missi dominici*), наделенные сложными функциями и весьма широкими полномочиями, путешествовали по империи, осуществляя юридическую юрисдикцию по всем важным вопросам. Они собирали все *placites*, или провинциальные власти, и особенно тщательно следили за сбором государственных доходов. Во время своих поездок, которые совершались четыре раза в год, они либо лично отменяли несправедливые приговоры, либо представляли их на рассмотрение императора. Они осуждали любые нарушения со стороны графов, наказывали нерадивых заседателей, и часто, чтобы заменить недостойных судей, им приходилось прибегать к системе выборов заседателей, избранных из народа. Они проверяли результаты переписи населения, следили за содержанием королевских владений, исправляли махинации в вопросах налогообложения и наказывали ростовщиков не меньше, чем монетчиков, поскольку в те времена деньги не считались предметом торговли, и не считалось правильным позволять ростовщику заниматься торговлей, которая требовала вознаграждения, пропорционального риску, который он на себя принимал.

Рис. 261. - Продажа городским курьером. *Преко*, глашатай, трубит в трубу; *Субхастатор*, чиновник, которому поручена продажа. На заднем плане видна другая продажа, проводимая колокольщиком... Факсимиле гравюры на дереве в работе Жосса Дамхудера "Гражданский праксис", 4то: Антверпен, 1557.

Эти *missi dominici* были слишком ненавистны великим вассалам, чтобы пережить введение феодальной системы. Их королевские хозяева, постепенно утрачивая часть собственных привилегий и власти, не могли поддерживать авторитет этих чиновников. Герцоги, графы и бароны, став магистратами, произвольно взимали новые налоги, налагали новые штрафы и присваивали королевскую дань в такой степени, что к концу X века законы Карла Великого перестали иметь какой-либо вес. Затем мы находим ряд новых налогов, взимаемых в пользу знати, названия которых вышли из употребления вместе с феодальными претензиями, которые они представляли. Среди этих новых налогов были *escorte* и *entrée*, *mortmain*, *lods et ventes*, *relief*, *champarts*, *taille*, *fouage*, различные сборы за виноделие, помол, выпечку и т. д.; все они выплачивались без ущерба для десятины, причитающейся королю и церкви. Однако, поскольку королевская десятина почти никогда не выплачивалась, короли были вынуждены искать другие способы пополнения казны, и чеканка фальшивых денег была распространенной практикой. К сожалению, каждый крупный вассал соперничал в этом с королями, и до такой степени, что огромное количество плохих денег, отчеканенных в течение девятого века, довершило общественное разорение и превратило этот печальный период в социальный хаос. Свободного человека уже нельзя было отличить от негодяя, а негодяя от крепостного. Крепостное право стало всеобщим; люди оказались как бы рабами, владеющими землей, которую они обрабатывали в поте лица своего, только для того, чтобы возделывать ее в интересах других. Даже города - за исключением нескольких привилегированных городов, таких как Флоренция, Париж, Лион, Реймс, Мец, Страсбург, Марсель, Гамбург, Франкфорт и Милан - находились под властью какого-либо церковного

или светского владыки и пользовались свободой лишь в более или менее ограниченном объеме.

К концу XI века, при Филиппе I, энтузиазм в отношении крестовых походов стал всеобщим, и, поскольку все дворяне присоединились к святой миссии освобождения гробницы Иисуса Христа из рук неверных, требовались большие суммы денег для покрытия расходов. В связи с этим были введены новые налоги, но так как их сразу не хватало, большие суммы были собраны за счет продажи некоторых феодальных прав. Таким образом, дворяне продали некоторые права графствам, городам и аббатствам, хотя в ряде случаев эти привилегии были ранее разграблены в тех местах, которым они теперь продавались. С каждого, кто отказывался ехать в Палестину, взимались штрафы, а от иностранных купцов, особенно евреев, требовали уплаты крупных сумм. Многие вельможи, владевшие вотчинами, для сбора денег шли на самые низкие меры и даже продавали свои поместья по низкой цене или закладывали их тем самым евреям, которых они облагали столь высокими налогами. Каждый город, в котором сохранялся дух галло-римского муниципалитета, пользовался этими обстоятельствами для расширения своих свобод. Каждый монарх также находил благоприятную возможность присоединить к короне новые вотчины и вернуть под свою власть как можно больше крупных вассалов. Именно в этот период возникли общины и появились первые хартии вольностей, которые были обязательными и обязывающими договорами между королем и народом. Помимо ежегодных штрафов, причитающихся королю и феодалам, а также общих субсидий, таких как квит-рента и десятина, общины должны были обеспечивать ремонт стен или валов, мощение улиц, очистку ям, охрану городских ворот и различные расходы на местное управление.

Луи ле Грос попытался пересмотреть порядок налогов и установить их на определенной основе. По его приказу был начат новый реестр земель по всему королевству, но из-за различных бедствий эта полезная мера была приостановлена. В 1149 году Людовик Младший, в связи с бедствием, постигшим крестоносцев, сделал то, на что не осмеливался ни один из его предшественников: он взимал со всех своих подданных по соли с фунта стерлингов с их дохода. Этот налог, составлявший двадцатую часть дохода, платила даже церковь, которая, к примеру, не пользовалась своими иммунитетами. Сорок лет спустя на совете, или *большом парламенте*, созванном Филиппом Августом, было принято решение о новом крестовом походе, и под названием "десятина Саладина" ежегодный налог был наложен на все имущество, как земельное, так и личное, всех, кто не принял крест и не отправился в Святую землю. Однако дворяне так яростно сопротивлялись этому, что король был вынужден заменить его общим налогом, который, хотя и был более продуктивным, но менее оскорбительным по способу сбора.

Вернувшись во Францию в 1191 году, Филипп Август обложил налогами всех - дворян, буржуа и духовенство, - чтобы продолжать великие войны, в которых он участвовал, и обеспечить первые платные войска, когда-либо известные во Франции. Он начал с того, что подтвердил огромные конфискации имущества евреев, изгнанных из королевства, а затем дал временное разрешение некоторым из самых богатых из них вернуться.

В то время евреи были единственными обладателями свободных средств, поскольку только они занимались торговлей и давали деньги в долг под проценты. Поэтому правительство с радостью отозвало их, чтобы иметь под рукой ценный ресурс, которым всегда можно было воспользоваться. Поскольку король не мог самостоятельно взимать налоги с вассалов феодалов, в экстренных случаях он созывал баронов, которые обсуждали с королем финансовые вопросы, и, когда необходимая сумма была определена, издавался приказ об

обложении, и бароны брали на себя сбор налогов. Налог всегда устанавливался выше, чем требовалось для нужд короля, и бароны, выплатив королю причитающееся, оставляли себе излишек, который делили между собой.

Таким образом, создание государственного дохода, собираемого за счет взносов всех слоев общества, с определенной суммой, которая должна храниться в резерве, относится к периоду правления Филиппа Августа. Годовой доход государства в то время составлял 36 000 марок или 72 000 фунтов серебра - около шестнадцати или семнадцати миллионов франков в современной валюте. Казна, хранившаяся в большой башне храма ([Fig. 262](#)), находилась в ведении семи парижских буржуа, а королевский клерк вел реестр поступлений и выплат. К моменту смерти Филиппа Августа эта казна, должно быть, была хорошо наполнена, ведь наследство этого монарха было весьма значительным. Одно из его последних желаний заслуживает упоминания: это официальный приказ, который он отдал Людовику VIII, использовать определенную сумму, оставленную ему для этой цели, исключительно и полностью на оборону королевства.

[Рис. 262.](#) - Башня Храма в Париже - с гравюры с топографией Парижа, хранящейся в Кабинете эстампов Национальной библиотеки.

Золотые монеты шестого и седьмого веков.

[Рис. 263.](#) -Меровей, сын Чилперика I.

[Рис. 264.](#) -Дагоберт I.

[Рис. 265.](#) -Клотарь III.

Серебряные монеты с восьмого по одиннадцатый век.

[Рис. 266.](#) - Пепин Коротышка.

[Рис. 267.](#) -Шарлемань.

[Рис. 268.](#) -Анрих I.

Золотые и серебряные монеты XIII века.

[Рис. 269.](#) --Золотой флорин Людовика IX.

[Рис. 270.](#) -Серебряный грош Тура Филиппа III.

Когда Людовик IX в 1242 году при Тайллебуре и Сенте разбил восставших против него вассалов, он поспешил упорядочить налоги с помощью специального кодекса, получившего название "*Эттаблисмент*". Введенные таким образом налоги распространялись на все население, и даже земли, принадлежавшие церкви, дома, которые дворяне не занимали сами, сельские владения и арендованные владения - все они облагались ими. Однако существовало два различных вида ставок: одна называлась *оккупационной*, а другая - *эксплуатационной*; и обе они взимались по реестру, который велся самым регулярным и систематическим образом. Древний обычай предусматривал взимание налога исключительно в следующих случаях: когда дворянин посвящал своего сына в рыцари или выдавал замуж свою дочь, когда ему приходилось платить выкуп, а также когда он отправлялся в поход против врагов Церкви или для защиты страны. Эти налоги назывались

l'aide aux quatre cas. В этот период деспотизм слишком часто брал верх над обычаями, и добрый король Людовик IX, наделив обычай законной силой, попытался вернуть его к истинным принципам справедливости и гуманности. Однако он не менее ревностно относился к своим личным привилегиям, особенно в том, что касалось чеканки монет (рис. [263 - 270](#)). Он настаивал на том, чтобы чеканка монет велась исключительно в его дворце, как во времена королей Карловингов, и требовал, чтобы каждая монета была изготовлена по определенному стандарту веса, который он сам установил. Таким образом он обеспечил себе исключительный контроль над монетным двором. Для различных населенных пунктов, городов или графств, непосредственно подчиненных короне, Людовик IX установил порядок взимания налогов. Честные люди избирались голосованием Генеральной ассамблеи, состоящей из представителей трех орденов - дворянства, духовенства и *государственной верхушки*, - для оценки налогообложения каждого человека; а сами эти заседатели облагались налогом по четыре человека из своего числа. Обычай взимания имущественных субсидий в каждой мелкой феодальной юрисдикции не мог быть отменен, несмотря на желание короля сделать это, из-за власти, которой все еще обладали дворяне. Дворянам запрещалось взимать пошлину по любому поводу, не проведя предварительно собрания вассалов и их арендаторов. Пошлины с дорог, мостов ([Fig. 271](#)), ярмарок и рынков, а также портовые сборы были сохранены, несмотря на то, что они мешали торговле, за исключением того, что кукуруза, перевозимая из одной провинции в другую, получала свободный проход. Освобождения от налогов, которые были куплены дорогой ценой, были отменены; дворяне были обязаны не направлять доходы, полученные от пошлин, ни на какие другие цели, кроме тех, для которых они были законно предназначены. Дворяне также были обязаны охранять дороги "от восхода до заката" и нести ответственность за грабежи, совершенные в отношении путешественников в их владениях.

Людовик IX, возместив стоимость товаров, которые были украдены по неосторожности его офицеров, сам показал пример уважения к закону. Те, кому было поручено собирать королевские сборы, а также мэры, в чьи обязанности входило хранение внесенных денег и получение налогов на различные предметы потребления, работали под наблюдением назначенных королем чиновников, осуществлявших финансовую юрисдикцию, которая позже превратилась в департамент или управление под названием Счетная палата. Налог, несколько похожий на десятину с фондов, взимался в пользу дворян с имущества, принадлежащего корпорациям или на основании хартии, чтобы компенсировать казне потери от пошлин за престолонаследие. Этот налог составлял примерно пятую часть стоимости имущества. Чтобы покрыть огромные расходы на два крестовых похода, Людовик IX, однако, был вынужден взимать два новых налога, называемых *децимами*, со своего и без того перегруженного народа. Однако не похоже, чтобы эти чрезмерные налоги вызывали отторжение у его подданных. Их мысли были полностью заняты паломничеством на Восток, и благочестивый монарх, несмотря на свои бесплодные жертвы и разорительные походы, заслужил для себя титул *Князя мира и справедливости*.

[Рис. 271.](#) - Платящий пошлину за проезд по мосту... С расписного окна в соборе Турнэ (XV век).

Со времен Людовика IX и до Филиппа ле Бея, который был самым экстравагантным из королей и в то же время самым изобретательным в сборе средств для государственной казны, финансовое движение в Европе укоренилось и в конце концов стало централизованным в Италии. Во Флоренции был представлен пример концентрации самых полных муниципальных привилегий, которые только мог пожелать великий процветающий город. Пиза, Генуя и Венеция привлекали часть европейской торговли к Адриатике и

Средиземноморью. Повсюду евреи и лангобарды - уже хорошо посвященные в таинственную систему кредитования и привыкшие давать деньги в долг - открывали банки и ломбарды, где драгоценности, бриллианты, блестящее оружие и всевозможная атрибутика сдавались князьями и вельможами в качестве залога для получения займов ([Рис. 272](#)).

Сборщики налогов (*maltôtiers*, название происходит от итальянского *mala tolta* - несправедливый налог), получатели или фермеры налогов, дорого платили за выполнение своего призвания, которое всегда было бесчестным, а иногда выполнялось с большой долей грубости и даже жестокости. Казна требовала от этих людей определенное количество *денье*, *оболов* или *пимт* (мелкая монета, разная по стоимости в каждой провинции) за каждую проведенную ими банковскую операцию и за каждый фунт проданных ими товаров, так как им и евреям было разрешено заниматься любыми видами торговли, не облагаясь никакими ставками, налогами, работами, военной службой или муниципальными пошлинами.

[Рис. 272.](#) - Вид древнего моста Смены - с гравюры топографии Парижа, хранящейся в Кабинете эстампов Национальной библиотеки.

Филипп ле Бель из-за своих бесконечных войн с королем Кастилии, а также с Англией, Германией и Фландрией часто оказывался в таком затруднительном положении, что вынужден был прибегать к чрезвычайным субсидиям, чтобы их вести. В 1295 году он обратился к своим подданным с просьбой о принудительном займе, а вскоре после этого бесстыдно потребовал от них выплатить сотую часть их доходов, а спустя совсем немного времени - еще одну пятидесятую часть. Король присвоил себе исключительное право снижать стоимость чеканки монет, из-за чего его стали называть *базовым монетчиком*, и ни один государь никогда не чеканил большее количество базовых денег. Он изменил стандарт или название текущей монеты, чтобы компенсировать вред, возникающий от незаконной чеканки монет знати, и особенно чтобы помешать подлому обороту евреев и лангобардов, которые иногда завладевали большей частью монеты и уродовали каждый кусок, прежде чем вернуть его в обращение; таким образом они нарушали всю денежную экономику королевства и обеспечивали себе огромные прибыли ([рис. 273 - 278](#)).

В 1303 году Филипп ле Бель изобрел налог *на* армию (*aide au leur*), который впоследствии был назван *aide de l'ost*, или армейский налог, чтобы собрать армию, не открывая своего кошелька. Он взимался без различия с герцогов, графов, баронов, дам, девиц, архиепископов, епископов, аббатов, капитулов, коллегий и, по сути, со всех сословий, будь то знатные или нет. Дворяне были обязаны предоставлять по одному рыцарю, конному, снаряженному и в полном вооружении, на каждые пятьсот марок земли, которыми они владели; те, кто не был дворянином, должны были предоставлять по шесть пеших воинов на каждые сто домохозяйств. Другим указом этого короля была предоставлена привилегия платить деньги вместо того, чтобы выполнять эти требования в отношении людей, и за каждого вооруженного рыцаря взималась сумма в 100 ливров - около 10 000 франков в современной валюте - и два соля - около десяти франков в день - за каждого солдата, которого кто-либо не смог предоставить. Эти меры вызвали возмущение во всей Франции, и в нескольких провинциях вспыхнули восстания: в Париже толпа разрушила дом Стефана Барбетта, хозяина монетного двора, и оскорбила короля в его дворце. Необходимо было энергично укреплять королевскую власть, и после значительных трудностей мир наконец был восстановлен, а Филипп, хотя и слишком поздно, узнал, что в вопросах налогообложения следует сначала с народом. В 1313 году впервые буржуазия, синдики или депутаты общин под названием *tiers état* - *третьей* порядок государства - были призваны

воспользоваться правом свободного голосования за помощь или субсидию, которую король сочтет нужным попросить у них. После этого памятного случая был издан эдикт, предписывающий взимать шесть дензнаков в фунте с каждого вида товаров, продаваемых в королевстве. Париж заплатил его без колебаний, в то время как в провинциях раздался недовольный ропот. Но в следующем году, когда король попытался повысить шесть дензнаков, утвержденных собранием 1313 года, до двенадцати, духовенство, дворянство и *государственные деятели* объединились, чтобы противостоять поборам правительства. Филипп ле Бель умер, уступив противодействию возмущенных подданных, и в последние минуты жизни рекомендовал своему сыну проявлять умеренность в налогообложении и честность в чеканке монет.

Золотые монеты XIV и XV веков.

[Рис. 273.](#) - Золотая монета. Филипп IV.

[Рис. 274.](#) -Малый Аигнель д'Ор. Карл IV.

[Рис. 275.](#) --Большой Аигнель д'Ор. Иоанн Добрый.

[Рис. 276.](#) --Franc à Cheval d'Or. Карл V.

[Рис. 277.](#) --Ecu d'Or. Филипп VI.

[Рис. 278.](#) --Salut d'Or. Карл VI.

После воцарения Людовика X. в 1315 году война с фламандцами была неизбежна, хотя королевская казна была абсолютно пуста. К сожалению, король, несмотря на советы своего отца, попытался систематически подделывать монету, а также начал взимать новые налоги, к большому разочарованию своих подданных. Опасаясь всеобщего восстания, он был вынужден отменить десятину, установленную для содержания армии, и пожертвовать управляющим финансами, Энгуараном де Мариньи, в угоду общественному негодованию, которое было направлено против него. Этот человек, не имея возможности защищаться, был судим чрезвычайной комиссией парламента за растрату государственных денег, приговорен к смерти и повешен на виселице Монфосона. Не рискнув созвать Генеральные штаты королевства, Людовик X. приказал сенешалям созвать провинциальные собрания и таким образом получил несколько субсидий, которые обещал возместить из доходов своих доменов. Духовенство даже позволило обложить себя налогами и закрыло глаза на растрату средств, которые должны были храниться в резерве для нового крестового похода. Взимались налоги на коммерческую франшизу и на обмен, которые платили евреи, лангобарды, тосканцы и другие итальянцы; судебные должности продавались с аукциона; торговое сословие покупало дворянские грамоты, как это уже было при Филиппе ле Беле; более того, начатое в 1298 году лишение крепостных прав было продолжено при условии уплаты налога, который варьировался в зависимости от средств каждого человека. Вследствие этой системы личное подневольное состояние было почти полностью отменено при Филиппе де Лонге, брате Людовика X.

Каждая провинция при правлении этого жадного и нуждающегося монарха требовала от короны каких-то уступок и почти всегда получала их в денежном эквиваленте. Нормандия и Бургундия, которых боялись больше других провинций из-за их беспокойствия, получили замечательные уступки. Базовая монета была изъята из обращения, а Людовик X. попытался

запретить право чеканки монет тем, кто нарушил мудрые законы Святого Людовика. В этот период возникла идея векселей.

Благодаря миру, заключенному с Фландрией, по которому эта страна выплатила государю тридцать тысяч флоринов золотом за недоимки по налогам, и, прежде всего, благодаря правилам экономии и порядка, от которых Филипп V, прозванный Длинным, никогда не отступал, отношение Франции полностью изменилось. Мы видим, что король начал реформу, сократив расходы на свое хозяйство. Он созвал вокруг себя Большой совет, который собирался ежемесячно для рассмотрения и обсуждения вопросов, представляющих государственный интерес; он разрешил только одно национальное казначейство для получения государственных доходов; он обязал казначеев составлять полугодовой отчет о своих счетах и ежедневный журнал поступлений и выплат; он запретил клеркам казначейства делать записи о поступлениях или расходах, какими бы незначительными они ни были, без полномочий и контроля бухгалтеров, которых он также заставил помогать в проверке сумм, полученных или выплаченных менялами ([Fig. 279](#)). Земледелие на коронных землях, королевские налоги, регистрация марок и тюремные пошлины продавались с аукциона, с соблюдением определенных правил в отношении гарантий. Судебные приставы и сенешали ежегодно отсылали свои счета в Париж, им не разрешалось отлучаться без разрешения короля, и им было официально запрещено под страхом конфискации или даже более сурового наказания спекулировать государственными деньгами. Операции казначейства в этот период всегда были сопряжены с величайшей тайной.

[Рис. 279.](#) - Обитель Счетной палаты во дворе дворца в Париже. С гравюры на дереве из "Универсальной космографии" Мюнстера, in folio: Basle, 1552.

[Рис. 280.](#) -Измерение соли. Факсимиле гравюры на дереве из "Ордонансов прево маршанов Парижа", фолио: 1500 г.

[Рис. 281.](#) - Плата за проезд под мостами Парижа. Факсимиле гравюры на дереве из "Ордонансов Парижского прево", лист 1500.

Создание центрального монетного двора для всего королевства, изгнание торговцев деньгами, которые в основном были итальянского происхождения, и конфискация их товаров, если обнаруживалось, что они действовали нечестно, ознаменовали приход к власти Карла ле Бея в 1332 году. Это начало было встречено как самое благоприятное, но вскоре экспортные пошлины, особенно на зерно, вино, сено, скот, кожу и соль, стали источником законных жалоб (рис. [280](#) и [281](#)).

Филипп VI, по фамилии *де Валуа*, более проницательный политик, чем его предшественник, почувствовал необходимость завоевать расположение народа, пощадив его частные состояния. Чтобы поставить государственные доходы на прочную основу, он собрал в 1330 году Генеральные штаты, состоявшие из баронов, прелатов и депутатов от главных городов, а затем, надеясь вызвать трепет у финансовых агентов, санкционировал арест надсмотрщика Пьера де Монтиньи, имущество которого было конфисковано и продано, что принесло в казну огромную сумму в 1 200 000 ливров, или около 100 000 000 франков в современной валюте. Долгая и страшная война, которую король был вынужден вести против англичан и которая закончилась Бретиньским договором в 1361 году, послужила поводом для введения чрезвычайно сурового налогообложения. Налоги на церковное имущество были возобновлены и сохранялись в течение нескольких лет; все напитки, продаваемые в городах, облагались налогом, и от четырех до шести дензнаков в фунте взималось со стоимости всех

товаров, продаваемых в любой части королевства. Налог на соль, который установил Филипп де Бель и который его преемник Людовик X. немедленно отменил по единодушному желанию народа, был снова введен Филиппом VI, и этот король, разрешив продавать соль, произведенную в его владениях, "нанес большую обиду всем слоям общества". Именно из-за этого Эдуард III, король Англии, в шутку назвал его автором *Салического* закона. Филипп де Валуа, когда только вззошел на престол, чеканил свои деньги по стандартному весу Святого Людовика, но через некоторое время он более или менее сплавил их. Делал он это тайно, чтобы иметь возможность изымать из обращения полноценные экземпляры и заменять их другими, в которых было меньше чистого металла, а их вес восполнялся дополнительным количеством сплава. Таким нечестным способом в казну государства была внесена значительная сумма.

Король Джон, сменив отца в 1350 году, обнаружил, что казна пуста, а ресурсы королевства исчерпаны. Тем не менее он был вынужден изыскивать средства для продолжения войны с англичанами, которые постоянно досаждали французам на их собственной территории. Налога на товары не хватало для этой войны, выплата государственных долгов, взятых правительством, была приостановлена, и государство было вынуждено признать свою несостоятельность. Налоги на монетные двory, называемые *сеньориями*, были доведены до крайних пределов, и король брал их с новой монеты, которую он увеличивал по своему усмотрению, в значительной степени сплавляя золото с неблагородными металлами. Пошлины на экспортируемые и импортируемые товары были увеличены, несмотря на жалобы, что торговля сокращается. Эти финансовые меры не были бы приняты народом, если бы король не позаботился о том, чтобы они были одобрены Генеральными штатами провинций, которые он ежегодно собирал. В 1355 году Генеральные штаты были созваны, и король, которому нужно было содержать тридцать тысяч солдат, попросил их обеспечить эти ежегодные расходы, оцениваемые в 5 000 000 *парижских ливров*, около 300 000 000 франков в современной валюте. Генеральные штаты, движимые великодушным чувством патриотизма, "распорядились ввести налог в восемь дензнаков с фунта стерлингов на продажу и передачу всех товаров и предметов торговли, за исключением наследства, который должны были платить продавцы, какого бы ранга они ни были, будь то церковники, дворяне или другие, а также налог на соль, который должен был взиматься во всем королевстве Франция". Король обещал, пока длится эта помощь, не взимать никаких других субсидий и чеканить хорошие и стерлинговые деньги - то есть *дензнаки* из чистого золота, *белой* или серебряной монеты, *биллона* или смешанного металла, а также *дензнаки* и *маилы* из меди. Собрание назначило разъездных агентов и трех инспекторов или суперинтендантов, которые имели в своем подчинении двух приемщиков и значительное число субколлекторов, чьи обязанности были определены со скрупулезной тщательностью. В это время король отказался от права конфискации, от прав на имущество, унаследованное или переданное по купле-продаже, обмену, дарению или завещанию, от права требовать военные сборы по прокламациям и выдавать принудительные займы, деспотический характер которых оскорблял всех. В следующем году, когда налог в восемь динаров был признан недостаточным и дорогостоящим в сборе, собрание заменило его налогом на имущество и доходы, варьирующимся в зависимости от имущества и доходов каждого человека.

Рис. 282. - Придворные, накапливающие богатства за счет бедняков - с миниатюры в "Трезоре Брунетто Латини", рукописи XIV века, хранящейся в библиотеке Арсенала в Париже.

Несмотря на эти дополнения, финансы находились в низком и неудовлетворительном состоянии, которое становилось все хуже и хуже с того рокового дня в Пуатье, когда король

Иоанн попал в руки англичан. Генеральные штаты были созваны Дофином, и, видя отчаянное положение, в котором оказалась страна, все классы свободно открыли свои кошельки. Дворяне, уже отдавшие свою кровь, отдали, кроме того, все свои феодальные повинности. Церковь выплатила полторы десятых, а буржуа проявили самое благородное бескорыстие и поднялись как один человек, чтобы найти средства для сопротивления общему врагу. Выкуп за короля был определен в три миллиона экю, почти тысячу миллионов франков, выплачиваемых в течение шести лет, а Бретиньи заключил мир, уступив треть территории Франции. Однако этот результат не мог не радовать, ведь "Франция была доведена до крайнего предела", - пишет летописец, - "и если бы что-то не привело к реакции, она должна была бы погибнуть безвозвратно".

Король Иоанн, благодарный за любовь и преданность, проявленные к нему его подданными в этих тяжелых обстоятельствах, вернулся из плена с торжественным намерением облегчить бремя, которое давило на них, и в результате начал со спонтанного сокращения огромного жалования, которое до сих пор получали сборщики налогов, и отмены пошлин на дорогах. Он также продал евреям по очень высокой цене право оставаться в королевстве и заниматься в нем любой торговлей, получив таким образом большую сумму денег. Он торжественно пообещал никогда больше не обесценивать монету и постарался справедливо разделить налоги. К сожалению, без государственных доходов обойтись было невозможно, и требовалось, чтобы королевский выкуп был выплачен в течение шести лет. Народ, с которого всегда можно было взимать налоги по своему усмотрению, платил изрядную долю: пятая часть из трех миллионов экю была получена от налога на соль, тринадцатая часть - от пошлины на продажу перебродивших спиртных напитков, а двенадцать дензнаков за фунт - от налога на стоимость всех провиантов, продаваемых и перепродаваемых в пределах королевства. Торговля была обложена новым налогом, называемым *imposition foraine*, - мера, наиболее пагубная для торговли и мануфактур страны, которые постоянно боролись под безжалостным гнетом казны. Королевский деспотизм не всегда мог укрыться под санкцией генеральных и провинциальных советов, и несколько провинций, которые решительно протестовали против этого акциза, были поставлены в равные условия с иностранными государствами в отношении транзита товаров из них. Другие провинции дополняли этот налог, и таким образом, из-за различий в порядках в разных местах, возникла сложная система освобождений и запретов, которая, хотя и была весьма пагубна для всей промышленности, в значительной степени оставалась в силе до 1789 года.

Когда Карл V, прозванный Мудрым, взошел на престол в 1364 году, Франция, разоренная бедствиями войны, тяжестью налогов, сокращением торговли и отсутствием внутренней безопасности, являла собой картину бедствий и запустения; кроме того, в разных частях королевства постоянно вспыхивали голод и различные эпидемии. Кроме того, страну непрерывно наводняли шайки грабителей, называвших себя *écorcheurs*, *routiers*, *tardvenus* и т. д., которых деревенские жители боялись даже больше, чем англичан. Карл V, прославившийся своей справедливостью, а также экономностью и предусмотрительностью, был способен установить порядок посреди такого всеобщего смятения. Поддержанный голосованием собрания, состоявшегося в Компьене в 1367 году, он отменил часть налога на соль, сократил число агентов казначейства, уменьшил их жалование и урезал их привилегии. Он расследовал все случаи растрат, чтобы положить конец мошенничеству, и настаивал на ежегодной ревизии отчетов о государственных расходах в нескольких департаментах. Он защищал торговлю, облегчал обмен и снижал, насколько это было возможно, ставки и налоги на тканые изделия и промышленные товары. Он разрешил евреям владеть накопительной собственностью и пригласил иностранных купцов торговать со страной. Впервые он потребовал, чтобы на всех золотых и серебряных изделиях стояли клейма, и

обратился ко всем старым золотым и серебряным монетам, чтобы благодаря новому и единообразному выпуску стоимость денег перестала быть фиктивной или переменной. В течение более чем столетия монеты так часто меняли название, стоимость и стандартный вес, что в одном из указов короля Иоанна мы читаем: "Человеку, платящему деньги в обычном порядке, было трудно понять, что он имеет в виду с одного дня на другой".

Возобновление военных действий между Англией и Францией в 1370 году, к сожалению, прервало поступательный и планомерный ход этих финансовых улучшений. Генеральные штаты, к которым король был вынужден обратиться за помощью, чтобы продолжать войну, постановили, что соль должна облагаться налогом в один соль с фунта, вино - тринадцатой частью стоимости, а в розницу - четвертой; что в городах должен быть установлен *фуаж*, или налог на очаг, в размере шести франков, а в деревне - двух франков,^В и что в городах, обнесенных стенами, должна взиматься пошлина на ввоз всего вина. Средства от налога на соль шли в особое распоряжение короля. В каждом округе акциз и соляной налог взимались под надзором назначенных королем клерков, которые регулировали начисления и штрафы, а также выносили решения в первой инстанции во всех спорных случаях. Сборщики налогов выбирались жителями каждого населенного пункта, но главные финансовые чиновники, в количестве четырех человек, назначались королем. Эта административная организация, созданная на прочной основе, ознаменовала собой создание полноценной финансовой системы. Ассамблея, которая таким образом передала управление всеми налоговыми вопросами от народа королю, состояла не из представителей трех сословий, а просто из людей с положением - прелатов, дворян и буржуа Парижа, в дополнение к ведущим магистратам королевства.

Отсюда и пошло выражение "дымовой фартинг".

Следующая выдержка из счетов от 15 ноября 1372 года интересна тем, что представляет собой фактический бюджет Франции при Карле V:....

Статья 18. Назначено на оплату вооруженных людей		50 000 франков.
" 19.	На оплату вооруженных людей и арбалетчиков нового формирования	42,000 "
" "	Для морских целей	8,000 "
" 20.	Для королевского дворца	6,000 "
" "	Поместить в королевскую казну	5,000 "
" 21.	Королю угодно, чтобы генеральный приемник имел ежемесячно для дел, ежедневно возникающих в палате	10,000 "
" "	Для уплаты долгов	10,000 "
Итого		131,000 "

Расчеты братьев Шерите-Дье по взысканию ролей

Миниатюра из "Счетной книги" Общества (XV век).

Таким образом, за год на расходы государства было выделено 131 000 франков в эю, что в нынешних деньгах составляет около 12 000 000 франков, из которых сумма в 5 000 франков, равная 275 000 франков в нынешних деньгах, была направлена на то, что мы можем назвать "Гражданским списком".

После смерти Карла V в 1380 году его старший сын Карл, будучи несовершеннолетним, был отдан под опеку своих дядей, и один из них, герцог д'Анжу, силой захватил регентство. Он захватил королевскую казну, которая была спрятана в замке Мелен, а также все сбережения умершего короля, и, вместо того чтобы использовать их для облегчения общего бремени налогообложения, впервые ввел пошлину на обычную пищу народа. Немедленно поднялся всеобщий крик негодования, и в Париже и крупных городах было оказано грозное сопротивление. Ораторы громко провозглашали общественные права, попираемые регентом и дядями короля; выражение чувств масс стало принимать форму открытого восстания, когда регентский совет сделал вид, что уступает, и новые налоги были подавлены или, во всяком случае, частично отменены. Успех восстания, однако, привел к тому, что народ стал требовать все больших уступок. Нападениям подверглись евреи и сборщики налогов. Некоторые из них были повешены или убиты, а их реестры разорваны; многие из первых подверглись жестокому обращению и изгнанию, несмотря на цену, которую они заплатили за жизнь в королевстве.

Собрание Штатов, созванное дядями короля в Париже, встало на сторону народа, в результате чего регент и его брат сделали вид, что признают справедливость требований, предъявленных им от имени народа, и, после того как они отменили налоги, порядок на некоторое время был восстановлен. Однако не успело это произойти, как, несмотря на торжественные обещания регентского совета, налоги были внезапно введены вновь, а право на их взимание было продано лицам, которые взимали их самым жестоким образом. В Париже вспыхнуло кровопролитное восстание, названное восстанием *майоранов*, и столица еще некоторое время оставалась во власти народа, вернее, буржуа, которые подговорили толпу действовать от их имени (1381-1382). Города Руан, Реймс, Труа, Орлеан, Блуа, многие места в Бовуазе, Шампани и Нормандии последовали примеру парижан, и невозможно сказать, до какой степени затянулось бы восстание, если бы не победа над фламандцами при Розбеке. Эта победа позволила дядям короля вновь войти в Париж в 1383 году и восстановить королевскую власть, в то же время заставив *майотанов* и их сообщников дорого заплатить за свое поведение. Были восстановлены акцизы, налог на очаг, налог на соль и различные другие поборы, которые были отменены или приостановлены; налоги на вино, пиво и другие бродильные напитки были снижены; хлеб облагался двенадцатью денье за фунт, а пошлина на соль была установлена в чрезмерном размере - двадцать франков золотом - около 1200 франков современными деньгами - за бочку весом шестьдесят центнеров. Некоторые уступки и компромиссы были сделаны в исключительных случаях в пользу Артуа, Дофине, Пуату и Сентонжа, в знак уважения к добровольным взносам этих провинций.

Рис. 283. - Убийство герцога Бургундии Иоанна Бесстрашного на мосту Монтеро в 1419 г. - факсимиле миниатюры в "Хрониках" Монстреле, рукописи XV в., хранящейся в библиотеке парижского Арсенала.

Ободренные успехом своего требовательного и произвольного правления, герцоги Анжуйский, Бургундский и Беррийский под предлогом необходимости денег на военные расходы вновь увеличили налоги с 1385 по 1388 год; налог на соль был поднят до сорока золотых франков, около 24 000 франков нынешних денег, за свиную голову. Церковники выплатили половину децима королю и несколько децимов папе, но это не предотвратило принудительного займа. К счастью, Карл VI. достиг совершеннолетия и занял пост короля; его дядя, герцог Бурбонский, призванный к управлению делами, восстановил относительный порядок в финансовых вопросах; но вскоре брат короля, герцог Орлеанский, захватил бразды правления и вместе со своей невесткой, Изабеллой Баварской, увеличил налоги намного больше тех, что ввел герцог д'Анжуйский. Герцог Бургундский, прозванный Иоанном Бесстрашным, чтобы удовлетворить свою личную ненависть к кузену, Людовику Орлеанскому, стал орудием сильного народного чувства, убив принца, когда тот возвращался с увеселительного мероприятия. Трагическая смерть герцога Орлеанского не больше облегчила бедствия Франции, чем смерть герцога Бургундского шестнадцать лет спустя - он, в свою очередь, стал жертвой заговора и был убит на мосту Монтеро в присутствии дофина ([Fig. 283](#)). Брак Изабеллы Французской с молодым королем Ричардом Английским, выкуп христианских пленников на Востоке, деньги, которые требовались императору Константинополя, чтобы остановить вторжение турок в Европу, жалование французской армии, которое теперь было постоянным, - все это неизбежно требовало новых субсидий, и деньги приходилось так или иначе собирать с французского народа. Бедствия достигли своего апогея, и хотя народ стонал под гнетом, он продолжал платить не только повышенные налоги на провизию и товары, а также дополнительный общий налог, но и подчиняться самым возмутительным конфискациям и грабежам государственных денег из казны. Государственные ассамблеи, состоявшиеся в Осере и Париже в 1412 и 1413 годах, осудили расточительность и недобросовестное управление казначеев, генералов, акцизников, получателей королевских пошлин и всех тех, кто принимал участие в управлении финансами; тем не менее, они утвердили налоги и приняли самые строгие правила в отношении их сбора. Для ликвидации чрезвычайных ситуаций, которые становились все более хроническими, были установлены чрезвычайные налоги, неуплата которых влекла за собой немедленное заключение неплательщика в тюрьму; от имени короля, который был безумен уже более пятнадцати лет, было разрешено обесценивание монеты и отчуждение некоторых частей королевства. Непрекращающиеся восстания буржуа, повторное появление англичан на французской земле, честолюбивое соперничество королевы Изабеллы Баварской в союзе с герцогом Бургундским против дофина, ставшего регентом, наконец, в 1420 году привели к заключению унижительного договора в Труа, по которому Генрих V, король Англии, должен был стать королем Франции после смерти Карла VI.

Этот договор в Труа стал причиной и поводом для огромных поборов с несчастных жителей завоеванной страны. Генрих V, который уже несколько раз обложил Нормандию поборами, прежде чем силой завладел тронem Франции, не пощадил и другие провинции и, заявляя о своих добрых намерениях по отношению к будущим подданным, добавил к налогам, которые и без того ложились тяжелым бременем на народ, новый общий налог в виде принудительного займа. Он также выпустил новую монету, сохранил многие налоги, особенно на соль и спиртные напитки, даже после того, как объявил о своем намерении отменить их.

В то же время дофин Карл, прозванный *Роем де Бурж*, поскольку он удалился со своим двором и свитой в центр королевства (1422), испытывал острую нехватку денег. Он отчуждал государственные доходы, взимал акцизы и субсидии в тех провинциях, которые оставались

верны его делу, и брал значительные займы у тех представителей церкви и дворянства, которые проявляли великодушную жалость к печальной судьбе короля и монархии. Однако многие, вместо того чтобы пожертвовать собой ради короля и страны, заключали с ним условия, пользуясь его положением. Наследник престола был вынужден во многих случаях уступать либо знатым особам, за чьи услуги он торговался, либо городам и аббатствам, чьей помощи он добивался. Иногда он перекупал влиятельные организации, такие как университеты и другие корпорации, предоставляя освобождение от налогов или привилегии в вопросах налогообложения и т. д. Таких случаев было так много, что можно сказать, что Карл VII действовал на основании частного договора о возвращении наследства своих отцов. Города Париж и Руан, а также провинции Бретань, Лангедок, Нормандия и Гиень вернулись к верности королю только на более или менее выгодных для себя условиях. Бургундия, Пикардия и Фландрия, которые были выведены из состава королевства Карла VII по Аррасскому мирному договору 1435 года, волей-неволей приняли финансовую систему, введенную герцогом Бургундским Филиппом Добрым.

[Рис. 284.](#) - Дом Жака Кёра в Бурже, ныне превращенный в Отель де Виль.

Карл VII отвоевал свое королевство не только оружием, но и правильной и мудрой политикой. Он, несомненно, имел основания быть благодарным за добродетель и преданность своих офицеров, но главным образом успехом своего дела он был обязан одному человеку, а именно своему казначею, знаменитому Жаку Керу, который обладал способностью всегда снабжать деньгами своего господина и в то же время обогащаться самому ([Рис. 284](#)). Таким образом, Карл VII, чьи финансы были восстановлены благодаря гению Жака Кёра, смог наконец триумфально вернуться в свою столицу, освободить Гиень, Нормандию и берега Луары от английского ига, вернуть короне часть ее прежних владений или открыть путь для их скорейшего возвращения, сместить дерзких узурпаторов с высоких государственных постов и добиться реального облегчения тех бед, которые его подданные так мужественно переносили. Он пресек мошенничество и вымогательство, осуществляемые под именем правосудия, положил конец продаже должностей, отменил ряд незаконно взимаемых тарифов, потребовал, чтобы счета получателей были представлены раз в два года, и, регулируя налогообложение, полностью направил его доходы на содержание и оплату армии. С этого времени налогообложение, бывшее феодальным и произвольным, стало фиксированным королевским налогом, который был самым надежным средством предотвращения грабежей и бесчинств солдат, которым на протяжении многих лет подвергались жители страны. Таким образом, были одержаны важные победы свободы над тираническим господством великих вассалов; но посреди всех этих улучшений нельзя не сожалеть о том, что ассессоры, которые со времен их создания Людовиком Святым избирались городами или корпорациями, теперь стали ставленниками короны.

Филипп Добрый, герцог Бургундский, облагал своих подданных лишь незначительными налогами: "Поэтому, - говорит Филипп де Коммин, - они стали очень богатыми и жили в большом комфорте". Но Людовик XI не стал ему подражать. Его первой заботой было восстановить в должности великого купца, ловкого финансиста Жака Кёра, которому, как и Жанне д'Арк, королевство было обязано своей свободой и которого Карл VII по самым презрительным причинам отстранил от власти, Людовик XI был бы очень рад доверить заботу о своих финансах другому Жаку Кёру, ибо, испытывая острую нехватку денег, он проедал доходы своего отца и, чтобы пополнить казну, увеличил налоги, ввел пошлину на ввоз вин, обложил налогом лиц, занимающих должности, и т. д. В результате вспыхнула революция, которая была утолена лишь в крови повстанцев. Таким образом, он продолжал силой оружия увеличивать и укреплять свою собственную королевскую власть за счет феодализма.

[Рис. 285.](#) - Почетная аменда Жака Кёра перед Карлом VII - факсимиле миниатюры "Хроники" Монстреле, рукопись XV века, хранится в Парижской национальной библиотеке.

Вскоре он столкнулся с противодействием *Лиги общественного благосостояния*, созданной крупными вассалами якобы для избавления от денежного бремени, угнетавшего народ, но на самом деле с тайным намерением восстановить феодализм и ослабить власть короля. Он не был достаточно силен, чтобы открыто противостоять этому, и, похоже, уступил, предоставив дворянам огромные привилегии, а сам согласился на управление своего рода советом из "тридцати шести нотаблей, назначенных для надзора за финансовыми делами". Однако, не признавая себя побежденным, он тут же принялся за работу, чтобы внести раскол в ряды своих врагов, чтобы иметь возможность их одолеть. Он проявил благосклонность к буржуа, которым он уже льстил, предоставив новые привилегии и отменив или уменьшив некоторые досадные налоги, на которые они жаловались. Тридцать шесть нотаблей, назначенных для контроля за его финансовым управлением, ничего не реформировали. Они были робки и послушны под хитрым взором короля и практически помогали ему в его замыслах; за несколько лет налоги были увеличены с 1 800 000 экю - около 45 000 000 франков нынешних денег - до 3 600 000 экю - около 95 000 000 франков. К концу царствования они превысили 4 700 000 экю - 130 000 000 франков нынешних денег. Людовик XI не тратил ничего на роскошь и удовольствия; он жил скупой, но содержал 110 000 человек под оружием и был готов пойти на самые большие жертвы, когда возникала необходимость увеличить территорию королевства или установить национальное единство. После своей смерти, 25 августа 1483 года, он оставил после себя королевство, значительно увеличившееся в площади, но в финансовом отношении почти разоренное. Когда Анна де Божо, старшая сестра короля, будучи несовершеннолетней, приняла бразды правления в качестве регентши, было немедленно выдвинуто требование возместить ущерб, которому министры финансов подвергли несчастный народ. Генеральный казначей Оливье ле Дэйи и генеральный прокурор Жан Дойат были почти сразу же принесены в жертву народному негодованию, шесть тысяч швейцарцев получили субсидии, пенсии, назначенные в предыдущее царствование, были отменены, и четвертая часть налогов была отменена. Удовлетворив таким образом общественное мнение, Генеральные штаты собрались. Буржуа проявили здесь большой практический здравый смысл, особенно в вопросах финансов; они доказали, что обложение было незаконным, а счета - фиктивными, так как в последних значилось только 1 650 000 ливров субсидий, тогда как они составляли в три раза больше. Было убедительно доказано, что акциз, налог на соль и доходы от государственных земель вполне достаточны для удовлетворения нужд страны и короны. Молодому королю Карлу на два года выделили только 1 200 000 ливров на личные нужды и 300 000 ливров на расходы по случаю его коронации. После роспуска Собрания королева-регентша нашла множество способов порадовать буржуа и народ в целом, нарушив обязательства, заключенные ею от имени короля, отменив налоги и, наконец, силой оружия уничтожив власть последних оставшихся вассалов короны.

[Рис. 286.](#) - Монетный двор. Факсимиле гравюры на дереве в переводе латинского труда Франциска Патриция "De l'Institution et Administration de la Chose Politique:" folio, 1520.

[Рис. 287.](#) - Получатель налогов - факсимиле гравюры на дереве в книге Дамхудера "Praxis Rerum Civilium".

Карл VIII в течение четырнадцати лет правления продолжал расточать государственные деньги. Его катастрофическая экспедиция по завоеванию Неаполитанского королевства вынудила его брать займы по ставке сорок два процента. За некоторое время до смерти он

признал свои ошибки, но продолжал тратить деньги без раздумий и ограничений на всевозможные расточительства, но особенно на строительство зданий. Во время его правления ежегодные расходы почти всегда удваивали доходы. В 1492 году они достигли 7 300 000 франков, что в пересчете на нынешние деньги составляет около 244 000 000 франков. Дефицит ежегодно восполнялся за счет общего налога, "который не платили ни дворяне, ни церковь, а получали исключительно от народа" (письма послов из Венеции).

Когда на престол взошел герцог Орлеанский под именем Людовика XII, к народу снова стали относиться с некоторым вниманием. Выбрав Жоржа д'Амбуаза премьером, а Флоримона Роберте - первым секретарем казначейства, он решительно проводил курс строгой экономии; он отказался требовать от своих подданных обычного налога за празднование радостного вступления в должность, налоги последовательно сокращались до суммы в 2 600 000 ливров, около 76 000 000 франков нынешних денег, налог на соль был полностью отменен, а вопрос о том, какой должна быть стандартная мера этой важной статьи, был решен на законодательном уровне. Сборщики налогов были вынуждены проживать в своих округах и представлять королевским комиссарам свои реестры, прежде чем приступить к сбору налога. Строгая дисциплина положила конец грабежам со стороны солдат ([Рис. 288](#)).

Несмотря на средства, полученные королем в результате залога части королевских владений, и несмотря на прекрасное управление Роберте, которому почти всегда удавалось погасить государственный дефицит без дополнительных налогов, в 1513 году, после нескольких разорительных экспедиций в Италию, пришлось занять под залог королевских владений 400 000 ливров, 10 000 000 франков нынешних денег, и собрать с акциза и других сборов и налогов сумму в 3 300 000 ливров, около 80 000 000 франков нынешних денег. Это привело нацию в некоторое расстройство, но оно было временным и мало ощутимым, поскольку торговля, как внутренняя, так и внешняя, значительно расширилась в то же время, а продажа коллекций, дворянских титулов, мест в парламенте и назначений на многочисленные судебные должности принесла в казну значительные суммы. Высшие классы прозвали короля *Ле Ройтеле*, потому что он был болезненным и маленького роста, скупым и экономным. Народ называл его своим "отцом и господином", и с тех пор его всегда называли отцом народа.

[Рис. 288.](#) - Деревня, разграбленная солдатами - факсимиле гравюры на дереве в "Ольденбургской хронике" Гамельмана in folio, 1599.

Золотые и серебряные монеты пятнадцатого и шестнадцатого веков.

[Рис. 289.](#) --Royal d'Or. Карл VII

[Рис. 290.](#) -Écu d'Argent à la Couronne. Людовик XI.

[Рис. 291.](#) --Écu d'Or à la Couronne. Карл VIII.

[Рис. 292.](#) --Écu d'Or au Porc-épic. Людовик XII.

[Рис. 293.](#) --Teston d'Argent. Франциск I.

[Рис. 294.](#) --Teston d'Argent au Croissant. Генрих II.

С административной и финансовой точки зрения правление Франциска I вовсе не было периодом возрождения или прогресса. Начало более рациональной финансовой системы скорее можно отнести к периоду правления Карла V; а хорошая финансовая организация связана с именами Жака Кёра, Филиппа Доброго, Карла XI и Флоримонда Роберте. В качестве примера можно привести тот факт, что финансисты того времени установили налоги на регистрацию всех видов, а также на марки и на продажи, которых до этого во Франции не существовало и которые были заимствованы у римских императоров. Им же принадлежит заслуга в том, что они впервые начали выплату государственного долга под названием "*вечная рента*" (*rentes perpetuelles*), которая в то время составляла восемь процентов. Во время этого блестящего и в то же время катастрофического правления дополнительные налоги были огромны, а продажа должностей приносила такой большой доход, что должность парламентского советника принесла 2000 золотых экю, или почти миллион франков в современной валюте. Приходилось добывать деньги любой ценой и у любого, кто мог бы их одолжить. Церковники, дворяне, буржуа - все отдавали свои тарелки и драгоценности, чтобы пополнить монетный двор, который продолжал чеканить деньги всех видов, а в связи с открытием Америки и разработкой золотых и серебряных рудников в этой стране драгоценные металлы хлынули в руки менял. Однако страна от этого не стала более процветающей, и люди часто испытывали недостаток даже в самых необходимых вещах. Король и двор поглощали все, тратили все ресурсы страны на свою роскошь и войны. Города, монастыри и корпорации были обязаны предоставлять определенное количество войск, пехоты или кавалерии. Благодаря учреждению лотереи и депозитного банка, монополии на рудники и налогам на импорт, экспорт и промышленные товары, в казну поступали огромные суммы, которые, постоянно истощаясь, требовали столь же постоянного пополнения. Франциск I исчерпал все источники кредита своей роскошью, капризами и войнами. Жан де Бон, барон де Семблансей, старый министр финансов, умер жертвой ложных обвинений в присвоении государственных средств. Роберте, занимавший пост вместе с ним, и Уильям Бошетель, сменивший его, были более удачливы: они так управляли делами казначейства, что, не встретив никаких юридических трудностей, смогли сосредоточить ответственность в своих руках, а не распределять ее по шестнадцати отделениям во всех частях королевства - система, сохранившаяся до наших дней. В те времена должность финансового суперинтенданта обычно находилась на коротком и быстром пути к виселице Монфокона.

[Рис. 295.](#) - Серебряный франк. Генрих IV.

ЗАКОН И ОТПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСУДИЯ.

Семья как источник власти.- Происхождение верховной власти у франков.- Законодательство варварства, очеловеченное христианством.- Право справедливости, присущее праву собственности.- Законы при Карле Великом.- Судебные формы.- Свидетели.- Дуэли и т.д.- Организация королевской юстиции при Людовике Святом.- Шатле и Парижский прораб.- Юрисдикция парламента, его обязанности и ответственность.- Бейлифики. Борьба между парламентом и Шатле.-Кодификация обычаев и нравов.-Купость чиновников.-Сравнение между парламентом и Шатле.

Среди древнего кельтского и германского населения, до того как греческие или римские нововведения прижились в их обычаях, все, даже политическая власть и законное владение землями, похоже, зависело от семей. Юлий Цезарь в своих "Комментариях" рассказывает, что "каждый год магистраты и князья выделяли участки земли семьям, а также объединениям лиц, имеющим общую цель, когда они считали нужным и в каком угодно объеме, хотя в следующем году те же власти заставляли их уходить и обосновываться в других местах". Мы снова находим семьи (*familiæ*) и объединения людей (*cognationes hominum*), о которых говорит Цезарь, в варварских законах и которые упоминаются в историях Средних веков под названиями *genealogiæ*, *faramanni*, *faræ* и т. д.; но степень родства (*parentela*), включенного под общим названием *семьи*, варьируется среди франков, лангобардов, вестготов и баварцев. В целом среди всех народов германского происхождения родство простиралось лишь до седьмой степени; среди кельтов оно определялось лишь общим происхождением, с бесконечными делениями племени на отдельные семьи. Среди германцев, от которых ведет свое происхождение современная Европа, мы находим только три основные группы, а именно: во-первых, собственно семья, состоящая из отца, матери, детей и боковых родственников всех степеней; во-вторых, вассалы (*ministeriales*) или слуги свободного класса; и, в-третьих, слуги (*mansionarii, coloni, liti, servi*) подневольного класса, прикрепленные к собственно семье ([Fig. 296](#)).

Домашнюю власть представлял мунд, или глава семьи, также называемый *rex* (король), который осуществлял особую власть над лицами и имуществом своих иждивенцев, фактически опеку, с определенными правами и прерогативами, и своего рода гражданскую и политическую ответственность, связанную с этим. Так, глава семьи, который отвечал за свою жену и детей, живших с ним, отвечал также за своих рабов и домашних животных. Эти первобытные люди дошли до такой степени в своем желании добиться справедливости во всех случаях нарушения закона, что глава семьи нес юридическую ответственность за любой ущерб, который мог быть нанесен луком или мечом любому из его иждивенцев, причем не обязательно, чтобы он сам владел этим оружием.

Задолго до начала эпохи Меровингов семья, чья сфера деятельности сначала была изолированной и индивидуальной, стала объединена в одну большую национальную ассоциацию, которая проводила официальные собрания в определенные периоды на *Мальберге* (холме Парламента). Только эти собрания обладали верховной властью в полном ее значении. Титулы, присвоенные отдельным вождям - *rex* (король), *dux* (герцог), *graff* (граф), *brenn* (генерал армии), - лишь определяли подразделения этой власти и применялись, последние исключительно к тем, кто занимался войной, а остальные - к тем, кто обладал судебными и административными функциями. Обязанность отправления правосудия была специально возложена на графов, которые должны были выяснять причины ссор между

сторонами и налагать наказания. В каждом округе и в каждом важном городе был свой граф; кроме того, при государе было несколько графов под названием графов дворца (*comites palatii*) - почетная должность, к которой очень стремились и которую очень желали из-за ее материальных и других условных преимуществ. Графы дворца совещались с государем по всем государственным вопросам и в то же время были его спутниками на охоте, пирах и религиозных обрядах; они выступали арбитрами в вопросах наследования короны; в период несовершеннолетия принцев они пользовались той же властью, которую конституция предоставляла совершеннолетним государям; они утверждали кандидатуры главных чиновников и даже епископов; Они давали советы по случаю предполагаемого союза между одним народом и другим, по вопросам, связанным с мирными или торговыми договорами, военными походами или обменом территориями, а также в связи с браком принца, и не несли никакой ответственности, кроме той, что естественно для лиц, занимающих столь высокое положение среди полуварварского общества. Сначала легаты (*legati*), а затем послы короля (*missi dominici*), епископы и герцоги или командующие армией обычно выбирались из высших придворных чинов, таких как графы дворца, в то время как *министеруалы*, составляющие второй класс королевских чиновников, занимали низшие, хотя и очень почетные и прибыльные должности административного и магистерского характера.

[Рис. 296.](#) - Семейства и варвары - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Basle, 1552.

При Меровингах правовой принцип власти был тесно связан с владением земельной собственностью. Однако разделение этой власти шло в ногу с этим объединением, и постоянное разорение одних дворян быстро увеличивало власть других, которые вбирали в себя утраченную власть своих более неудачливых собратьев, так что франкские короли поняли, что общество скоро выйдет из-под их власти, если они не найдут быстрого средства для исправления этого положения вещей. Именно тогда появились *Салический и Рипуарский законы*, которые подвергались последовательным пересмотрам и постепенным или внезапным изменениям, вызванным политическими переменами или растущими потребностями прелатов и знати. Но, отнюдь не ослабляя верховенства короля, национальные обычаи, собранные в кодекс, расширяли границы королевской власти и облегчали ее осуществление.

В 596 году Чилдеберт в сотрудничестве со своими *лейдами* постановил, что в будущем преступление изнасилования должно караться смертью, а судья округа (*pagus*), в котором оно было совершено, должен убить насильника и оставить его тело на общественной дороге. Он также постановил, что убийство должно постигнуть та же участь. "Справедливо, - цитируя слова закона, - чтобы тот, кто умеет убивать, научился умирать". Ограбление, засвидетельствованное семью свидетелями, также каралось смертной казнью, а судья, осужденный за то, что позволил бежать знатному, подвергался тому же наказанию, что и преступник. Наказание, однако, различалось в зависимости от должности преступника. Так, за несоблюдение воскресенья салиец платил штраф в пятнадцать солей, римлянин - семь с половиной солей, раб - три соля, или "за него платила его спина". В этот ранний период в варварский кодекс были внесены некоторые важные изменения: смертный приговор, вынесенный однажды, должен был быть приведен в исполнение, и никакие договоренности между заинтересованными сторонами не могли его отменить. Преступление больше не могло быть смягчено уплатой денег; даже грабеж, к которому в то время еще относились снисходительно, а за Рейном даже почитали, безжалостно карался смертью. Поэтому мы не можем найти более яркого свидетельства, чем это, об урезании привилегий франкской аристократии и о том, что суверенная власть продвигалась к абсолютной и бесконтрольной

власти над делами жизни и смерти. Почти незаметными шагами римское законодательство становилось все более гуманным и совершенным, христианство прививалось к варварству, разнузданность считалась преступлением, преступление становилось преступлением против короля и общества, и в каком-то смысле именно рукой короля преступники получали наказание.

Со времен крещения Хлодвиг церковь много занималась перестройкой уголовного кодекса; например, запрещались браки с невесткой, свекровью, теткой или племянницей; запрещались странствующие представления, ночные танцы, публичные оргии, которые раньше разрешались на пирах, как нечестивые. Во времена Клотера прелаты заседали в качестве членов верховного совета, который, строго говоря, был высшим судом страны, имевшим право отменять решения судей низших инстанций. Он выносил приговоры совместно с королем, и эти решения не подлежали обжалованию. Народ больше не имел права голоса при избрании магистратов, поскольку собрания *Мальберга* не собирались, за исключением чрезвычайных случаев, а все государственные и судебные дела были отданы на верховный и зачастую капризный арбитраж короля и его совета.

Пока мэры Австрийского и Бургундского дворцов назначались лишь временно, королевская власть не ослабевала, и государь оставался верховным судьей над своими подданными. Однако внезапно, после казни Брунехо, принесенного в жертву ненависти феодалов, должность мэра дворца стала пожизненной, и, как следствие, человек, занимающий этот пост, стал обладать практически верховной властью, а законные государи с этого времени практически перешли под власть будущих узурпаторов короны. Эдикт 615 года, участниками которого были церковная и государственная знать, по своим законам и обычаям полностью расходился с прежними эдиктами. Вновь заняв свои места во французской конституции, короли Меровингов, лишённые влияния и власти, были вынуждены в соответствии с германскими институтами вернуться к пассивной позиции, которую занимали их предшественники в лесах Германии, но у них уже не было, как у последних, престижа военной власти, позволявшего им сохранять положение судей или арбитров. Каноны Парижского собора, подтвержденные эдиктом короля, датированным 15 ноября 615 года, нарушили политическую и правовую систему, столь прочно устоявшуюся в Европе с V века. Королевская власть была лишена некоторых из своих наиболее ценных прерогатив, одной из которых было право выбирать епископов; светским судьям было запрещено привлекать церковников к суду; казначейству было запрещено захватывать наследственные имения с целью увеличения ставок и налогов; было постановлено, что евреи не должны привлекаться к сбору государственных налогов. По этим канонам судьи и другие государственные служащие стали ответственными, благодеяния, которые были изъяты у *леудов*, были восстановлены, королю было запрещено давать письменные распоряжения (*præcepta*) о похищении богатых вдов, молодых девиц и монахинь; было приказано приводить в исполнение смертную казнь в отношении тех, кто ослушается канонов собора. Так возникли два новых вида законодательства, одно церковное, другое гражданское, между которыми королевская власть, все более и более урезая свои полномочия, была вынуждена бороться на протяжении многих веков.

Среди германских народов право справедливости было присуще земельной собственности с древнейших времен, и это право относилось как к вещам, так и к людям. Это было покровительство (*patrocinium*) собственника, которое в конечном итоге привело к возникновению феодальной юрисдикции и сеньориальных и обычных прав в каждом домene. Из этого можно сделать вывод, что при двух первых династиях законы создавались отдельными людьми, и каждый лорд, так сказать, создавал свои собственные.

Право юрисдикции, по-видимому, было настолько неотъемлемо от права собственности, что землевладелец всегда мог положить конец вражде и личным ссорам, временно прекратить любую тяжбу и, издав свой *запрет*, остановить действие закона в своем ближайшем окружении - по крайней мере, в пределах определенной окружности своей резиденции. Это часто делалось во время семейного праздника, гражданской или религиозной церемонии. В таких случаях тот, кто нарушал *запрет* господина, должен был предстать перед его судом и заплатить штраф. Сеньор, который был слишком беден, чтобы создать суд достаточной силы и важности, обращался за помощью к своему верховному сеньору или уступал ему право правосудия; отсюда возникла поговорка: "Вотчина - это одно, а правосудие - другое".

В законах вестготов говорится о том, что дворяне содержали местные суды, подобные судам официального судьи, графа или епископа. Король Дагоберт требовал, чтобы государственные и частные судьи действовали сообща. В законе Ломбардии упоминаются помещики, которые в силу двойного титула дворянина и судьи брали на себя право защищать беглых рабов, укрывавшихся в их владениях. Согласно одной из статей Салийского закона, дворянин обязан отвечать за своего вассала перед графским судом. Отсюда следует вывод, что суд помещика осуществлялся без разбора в отношении крепостных, колонов, и вассалов, а статут 855 года ставит под его власть даже свободных людей, проживающих с другими лицами.

Из этих различных источников мы узнаем любопытный факт, который до сих пор оставался незамеченным историками, а именно, что между официальным судом графа и его подчиненных и частными судами существовало промежуточное законодательство, которое представляло собой своего рода третейский суд, осуществляемый соседями (*vicini*) без помощи судей графства, и наделенный своего рода властью, которая делала его решения обязательными.

Рис. 297. - Император Карл Великий, держащий в одной руке глобус, а в другой - меч - по миниатюре из реестров Парижского университета (архив министра общественных инструкций университета). Девиз "*In scelus exurgo, sceleris discrimina purgo*" написан на свитке вокруг меча.

Частные суды, однако, были ограничены в своей власти. Они не были ни абсолютно независимыми, ни верховными и безапелляционными. Все они вели свои дела примерно так же, как высшие, средние и низшие суды Средневековья; а над всеми этими инстанциями возвышалась юрисдикция короля. Узурпация церковных епископов и аббатов, которые, став временными лордами, приняли на себя внутреннюю юрисдикцию, была ограничена властью графов, и они были вынуждены еще больше уступить перед властью *missi dominici*, или официальных делегатов монарха. Карл Лысый, несмотря на огромные уступки феодализму и церкви, так и не отказался от права последней апелляции.

В течение всей эпохи Меровингов в марте месяце проходило общее и регулярное собрание народа - *маллус* (*mallus*). На нем собирались люди всех сословий, облаченные в доспехи; под председательством монарха обсуждались политические, торговые и судебные интересы, что, однако, не мешало проводить в экстренных случаях специальные собрания королевского двора (*curia regalis*). Этот двор формировал парламент (*parlamentum*), который сначала был исключительно военным, но со времен Хлодвиги состоял из франков, бургундцев, галло-римлян, а также феодалов и церковников. По мере того как феодальная система становилась все более организованной, созыв народных собраний становился все более необходимым, а отправление правосудия - все более сложным. Карл Великий

постановил, что ежегодно должны проводиться два *махле*, один в мае, другой осенью, и, кроме того, в каждом графстве должны собираться два ежегодных *плеяды* независимо от любых специальных *махле* и *плеяд*, которые ему будет угодно созвать. В 788 году император счел необходимым созвать три общих *плеяды*, и, кроме того, ему было угодно созвать своих великих вассалов, как духовных, так и светских, на четыре главных праздника в году. Можно утверждать, что идея о том, что королевская власть является центральным органом в вопросах общего права, возникла во времена правления Карла Великого ([Рис. 297](#)).

С тех пор власть королевской власти, основанная на законе, пустила столь глубокие корни, что сохранила свою силу, несмотря на слабость преемников великого Карла и неоднократные нарушения ее со стороны церкви и крупных вассалов короны ([Рис. 298](#)).

Авторитетные и ответственные действия трибунала, который представлял общество ([Рис. 299](#)), таким образом, заняли место бесконтрольной вражды частных лиц и семейных ссор, которые часто мстили с помощью виселицы, памятника, который можно было найти воздвигнутым почти на каждом углу. Нередко в те ранние времена необузданные страсти вождя какой-либо партии становились единственной причиной для вынесения наказания; часто такой человек объявлял себя единственным судьей и, не советуясь ни с кем, выносил приговор, и даже, используя свой меч или любое другое доступное орудие, выступал в роли собственного палача. Созданный таким образом трибунал осуждал дуэли, безжалостную войну между мужчиной и женщиной, между семьей и семьей, и его первой заботой было защитить не жизнь каждого отдельного человека, что было невозможно в те времена слепого варварства, а хотя бы его жилище. Незаметно святилище дома человека распространилось сначала на города-убежища, а затем и на определенные общественные места, такие как церковь, *махлум*, или место народных собраний, рынок, таверна и т. д. Далее требовалось, чтобы обвиняемый, независимо от того, виновен он или нет, оставался невредимым с момента совершения преступления до дня вынесения приговора.

[Рис. 298.](#) - Карловингский король в своем дворце, олицетворяющий Мудрость, обращенную ко всему человечеству - по миниатюре в рукописи IX века в Бургундской библиотеке Брюсселя, с рисунка графа Горация де Вьелькастеля.

[Рис. 299.](#) - Двор знати - факсимиле миниатюры в старинном поэтическом рыцарском романе, рукопись XIII века, хранящаяся в библиотеке Парижского Арсенала.

Это право мести, помимо того, что было ограничено по месту жительства, также подчинялось определенным правилам по времени. Воскресенье и главные праздники года, такие как Адвент, Рождественская неделя, а с этого времени до Богоявления, от Вознесения до дня Пятидесятницы, некоторые бдения и т. д., были случаями, когда право мести не могло быть осуществлено. "Власть короля, - говорит один умный и ученый писатель, - в определенной степени напоминала власть Бога и святых; в его компетенцию входило усмирение человеческих страстей; нравственной силой своей печати и руки он распространял мир на все великие пути сообщения, через леса, вдоль главных рек, по шоссе и обочинам и т. д. *Трев дю Дье* в 1035 году стал логическим применением этих гуманных принципов".

Не стоит думать, что в те времена правосудие отправлялось без формальностей, что не существовало регулярных промежутков между различными этапами, которые необходимо было пройти перед вынесением окончательного решения, и, как следствие, некой гарантии того, что принятые решения были тщательно обдуманы. Никого не судили без предварительного вызова в трибунал. При Карловингах, как и в прежние времена, сроки

проведения судебных заседаний регулировались луной. Предпочтение отдавалось дню, когда она входила в первую четверть или в полнолуние; повестки возвращались по лунам или четвертям лун, то есть каждый седьмой день. Повестка выдавалась четыре раза, после чего, если обвиняемый не являлся, он терял право на контрплюс или лишался иска.

Салический закон допускал только два вызова к графу, которые должны были выдаваться с интервалом в сорок ночей один от другого. Третья повестка, вызывавшая обвиняемого к королю, выдавалась через четырнадцать ночей, и если он не являлся до захода солнца на четырнадцатый день, его *отстраняли от должности*, конфисковывали имущество, и он лишался права на любое убежище.

Среди вестготов правосудие было одинаково абсолютным - от графа до сборщика десятины. У каждого магистрата был свой трибунал и своя особая юрисдикция. Эти судьи призывали к себе на помощь заседателей или коллег, либо *рахимбургов*, которые выбирались из свободных людей, либо провостов, либо *эчевинов* (*скабинов*), чье назначение носило официальный и постоянный характер. Скабины, созданные Карлом Великим, были первыми выборными магистратами. Их было семь человек на каждую скамью. Они одни готовили дела и выносили приговор. Граф или его делегат единолично председательствовал в суде и выносил приговор. Каждый вассал пользовался правом апелляции к государю, который со своим судом единолично решал споры между церковниками и дворянами, а также между частными лицами, находившимися под особой королевской защитой. Уголовные дела специально передавались на рассмотрение государя, *мисси* или графа Палатина. К графу Палатину обращались во всех случаях, когда под угрозой оказывался общественный мир, например, во время восстаний или вооруженных столкновений.

Еще во времена нашествия франков, баварцев и вестготов расследование дел начиналось с дознания, и, прежде чем прибегнуть к суду, они допрашивали свидетелей под присягой. Затем тому, кто клялся, верили и, соответственно, оправдывали. Такая система, несомненно, льстила человеческой правдивости, но, к сожалению, порождала злоупотребления; считалось, что их можно избежать, если призывать к присяге родных и близких обвиняемого, а затем требовать, чтобы они положили руку на распятие, на реликвии или на освященный сосуд. Эти свидетели, которых называли *conjuratores*, должны были подтвердить перед судьями не сам факт, а правдивость того, кто ссылался на их свидетельство.

Рис. 300. - Судебная дуэль. Истец открывает свое дело перед судьей. Миниатюра в "Cérémonies des Gages des Batailles", рукопись XV века в Национальной библиотеке Парижа.

Количество и респектабельность *конъюнктурищиков* варьировались в зависимости от важности спорного дела. Григорий Турский рассказывает, что король Гонтран, будучи подозрительным в отношении законности ребенка, который впоследствии стал Клотером II, его мать, Фредегонда, призвала к беспристрастному свидетельству некоторых дворян. Они, в количестве трехсот человек, с тремя епископами во главе (*tribus episcopis et trecentis viris optimis*), поклялись, или, как мы говорим, дали показания под присягой, и королева была объявлена невиновной.

Законы бургундов и англичан были более суровыми, чем законы германцев, так как предоставляли спорящим сторонам испытание боем. После применения испытаний раскаленным железом и обжигающей водой франки приняли судебный поединок (**Рис. 300**). Это налагалось сначала на спорящие стороны, затем на свидетелей, а иногда и на самих судей. Начиная с правления императора Оттона Великого в 967 году, к судебной дуэли, которая сначала ограничивалась самыми серьезными делами, стали прибегать почти во всех

исках, которые рассматривались в судах. От поединка не освобождались ни женщины, ни старики, ни дети, ни немощные люди. Когда человек не мог сам сражаться, ему приходилось предоставлять защитника, единственным занятием которого было принимать на себя чужие ссоры.

[Рис. 301.](#) - Судебный поединок. Бой рыцаря с собакой. Факсимиле миниатюры из романа "Макэр" XIII века (Библиотека Парижского Арсенала).

Экклезиасты были вынуждены, в том же калечащем случае, сражаться с заместителем. Чемпион или его заместитель, разумеется, должен был получить плату заранее. Если верить легенде о собаке Монтаржи, к судебному поединку, похоже, прибегали даже против животного ([Рис. 301](#)).

В XII веке Европа была разделена, так сказать, на две обширные судебные зоны: одна - южная, галло-римская и вестготская; другая - северная и западная, наполовину германская и наполовину скандинавская, англиканская или саксонская. Христианство установило общие связи между этими различными законодательствами и незаметно смягчило их исконную грубость, хотя они и сохранили элементы языческого и варварского происхождения. Приговоры еще не излагались в письменном виде: они хранились в памяти судей, которые их выносили; когда между заинтересованными сторонами возникал вопрос или спор относительно условий вынесенного решения, проводилось расследование, и суд выносил второе решение, называемое *recordatum*.

До тех пор пока королевский суд был передвижным, король возил с собой оригинальный текст закона в свитках (*rotuli*). Именно в результате захвата англичанами нескольких из них во время правления Филиппа Августа в 1194 году возникла идея сохранить текст всех законов в качестве государственного архива и открыть подлинные реестры решений по гражданским и уголовным делам. Еще во времена Карла Лысого ощущалось неудобство того, что верховный суд графов переезжает с места на место и не имеет специального места, где можно было бы давать указания о способах судопроизводства, заслушивания свидетелей, содержания обвиняемых под стражей и т. д. Один из прежних статуты предусмотрел эту возможную трудность, но, похоже, нет доказательств того, что до двенадцатого века были учреждены какие-либо постоянные суды. Короли, как и графы, устраивали суды под открытым небом у входа во дворец ([Рис. 302](#)) или в каком-нибудь другом общественном месте - например, под большим деревом, как это делал Святой Людовик в Венсенском лесу.

М. Десмазе в своих ценных исследованиях по истории Парижского парламента пишет: "В 1191 году Филипп Август, перед тем как отправиться в Палестину, учредил судебные приставы, которые проводили свои заседания раз в месяц; во время заседаний они заслушивали всех, кто имел жалобы, и выносили итоговое решение. Заседания бейлифов проводились в определенные сроки и в определенном месте; они состояли из пяти судей, причем король определял число и качество лиц, которые должны были принимать участие в обсуждении дела на каждом заседании. Королевский суд заседал только тогда, когда королю было угодно отдать ему приказ; он сопровождал короля, куда бы тот ни отправлялся, так что у него не было постоянного места жительства".

Людовик IX приказал объединить суды дворян с королевским судом, и ему удалось провести эту реформу. Судебные исполнители, являвшиеся прямыми делегатами суверенной власти, обрели авторитет, перед которым был вынужден склониться даже феодал, поскольку эта власть опиралась на народ, который в то время объединялся в корпорации, а эти корпорации

вновь объединялись в коммуны. При бейлифах сложилась система, принципы которой больше напоминали римское законодательство, чем право обычая, которое оно, тем не менее, соблюдало, а судебный процесс на дуэли полностью исчез. К расследованиям и апелляциям стали прибегать во всех видах судопроизводства, и Людовику IX удалось установить контроль над властью церковных судов, которые сильно злоупотребляли отлучением от церкви. Он также подавил произвольные и разорительные конфискации, которые дворяне несправедливо накладывали на своих вассалов.

[Рис. 302.](#) - Дворец, каким он был в XVI веке - по гравюре того периода, Национальная библиотека Парижа (Cabinet des Estampes).

Эдикт 1276 года очень четко установил юрисдикцию парламентов и бейлификов; он определил важные обязанности судебных приставов и в то же время указал, каким образом должно осуществляться судопроизводство; он также регулировал обязанности адвокатов, *мэтров*, аудиторов и защитников.

К уже существовавшим бейликам Людовик IX добавил четыре больших ассамблеи Вермандуа, Сенса, Сен-Пьер-ле-Мустье и Макона, "чтобы действовать в качестве судов окончательной апелляции на решение дворян". Филипп ле Бель пошел еще дальше: в 1287 году он предложил "всем, кто обладает мирской властью в королевстве Франция, назначить для осуществления гражданской юрисдикции судебного пристава, проректора и нескольких сержантов, которые должны быть мирянами, а не церковниками, а если в указанных должностях будут церковники, то сместить их". Кроме того, он приказал, чтобы все, чьи дела рассматривались в суде короля и светских судей королевства, были снабжены светскими поверенными; хотя капеллам, а также аббатствам и монастырям разрешалось быть представленными канониками. М. Десмазе добавляет: "Это фактически означало исключение церковников из судебных должностей, причем не только из судов короля, но и из судов знати, а также из всех мест, где существовала какая-либо мирская юрисдикция".

Во время своего воцарения Хью Капет был графом Парижа и наделен судебными полномочиями, которые он сложил с себя в 987 году на условиях, что его графство Париж после смерти наследников мужского пола его брата Эудеса должно вернуться к короне. В 1032 году был учрежден новый магистрат, названный Провостом Парижа, в обязанности которого входила помощь буржуа при аресте людей за долги. Этот чиновник совмещал в своем лице финансового и политического руководителя столицы, он также был главой дворянства графства, не зависел от губернатора и стоял выше судебных приставов и сенешалей. Он был старшим в городской магистратуре и полиции, предводителем городских войск, одним словом, префектом (*præfectus urbis*), как его называли при императоре Аврелиане, или первым магистратом Лютеции, как его еще называли при Клотере в 663 году. Ассессоры были связаны с пробургомистром, и вместе они образовывали трибунал, который впоследствии был известен как Шатле ([Рис. 303](#)), потому что они собирались в крепости, строительство которой приписывается Юлию Цезарю. Функции этого трибунала мало чем отличались от функций королевских *шателенов*: в его компетенцию входили ссоры между отдельными лицами, нападения, восстания, споры между университетами и студентами, а также общее неподобающее поведение (*ribaudailles*), в результате чего проректор получил народное прозвище *Roi des Ribauds*. Сначала его решение было окончательным, но очень скоро тем, кто находился под его юрисдикцией, было разрешено подавать апелляцию в парламент, и этот суд был обязан возвращать некоторые дела для вынесения решения в Шатле. Однако это делалось лишь в нескольких очень важных случаях, несмотря на частые апелляции к верховному арбитражу.

[Рис. 303.](#) - Большой Шатле в Париже - главный фасад напротив Пон-о-Шанж - факсимиле гравюры на меди работы Мериана в "Топографии Галлии" Целлера.

Помимо судов графов и бейлифов, учрежденных в некоторых крупных городах, существовали олдерменские или магистратские суды, которые скорее напоминали Шатле в Париже. Так, *капитул* Тулузы, старший олдермен Меца, бургомистр Страсбурга и Брюсселя имели в каждом из этих городов трибунал, который судил без апелляции и объединял в себе функции гражданского, уголовного и просто полицейского суда. В ряде мест на севере Франции существовали провсты, которые содержали суды с различными обязанностями, но в основном занимались поддержанием общественного порядка, а также пресечением споров и конфликтов, возникавших из-за привилегий, предоставляемых торговым корпорациям, значение которых, особенно во Фландрии, значительно возросло с XII века.

"По возвращении из-за границы Людовик IX занял место на скамье подсудимых и вершил правосудие рядом с добрым прокурором Парижа". Этим проректором был не кто иной, как ученый Этьенн Буало, в знак уважения к которому проректорство было объявлено *магистратским поручением*. Увеличение количества дел, которые выпали на долю проректора, особенно после расширения границ Парижа Филиппом Августом, привело к тому, что он был освобожден от обязанности собирать государственные налоги. Ему было разрешено обзавестись компетентными помощниками, которые занимались мелкими деталями, и ему было позволено пользоваться помощью *аудиторов-жуликов* (*juges auditeurs*). "Мы приказываем, чтобы их было восемь, - говорится в эдикте Филиппа ле Беля от февраля 1324 года, - четыре из них были церковниками и четыре мирянами, и чтобы они собирались на в Шатле два дня в неделю, чтобы рассматривать иски и дела в согласии с нашим проректором....". В 1343 году в состав суда проректора входили один королевский прокурор, один гражданский комиссар, два королевских адвоката, восемь советников и один уголовный комиссар, заседания которых проходили ежедневно в Шатле.

С 1340 года этот трибунал должен был выносить решения по всем делам университета, а с 6 октября 1380 года - по всем делам рынка соленой рыбы, которых было не меньше, так что его значение значительно возросло. К сожалению, в эту муниципальную юрисдикцию были внесены многочисленные злоупотребления. В 1313 и 1320 годах чиновники Шатле были отстранены от должности из-за поборов, в которых они были виновны, и король приказал провести расследование по этому вопросу. На нем присутствовали прокурор и два советника парламента, и Филипп де Валуа, приняв его решения, предписал новые статуты, которые, естественно, были составлены таким образом, чтобы показать недоверие, с которым относились к Шатле. Офицеры Шатле под присягой обещали подчиниться. Невежество и безнравственность светских чиновников, которые были заменены духовенством, вызвали большие волнения. Парламент уполномочил двух своих главных членов допросить офицеров Шатле. Двадцать лет спустя, получив новые жалобы, парламент постановил, что три квалифицированных советника, выбранные из его собственного состава, должны отправиться вместе с поверенным короля в Шатле, чтобы исправить злоупотребления и неформальности этого суда.

[Рис. 304.](#) - Суд короля, или Большой совет - факсимиле миниатюры в "Хрониках" Фруассара, рукопись XV века (ранее находилась во владении Карла V), в библиотеке Арсенала в Париже.

Во времена Филиппа ле Беля в действительности существовал только один парламент, и это был *королевский двор*. Его деятельность носила одновременно политический, административный, финансовый и судебный характер и, следовательно, была очень

сложной. Филипп ле Бель сделал его исключительно судебным органом, определил территориальные границы его власти и предоставил ему как судебному органу привилегии, направленные на укрепление его независимости и повышение его достоинства. Политические функции он возложил на Большой совет (*Conseil d'Etat*), финансовые вопросы - на счетную палату, а рассмотрение дел о ереси, завещаниях, наследствах и приданом - на прелатов. Но в противовес мудрому эдикту 1295 года он постановил, что евреи должны быть исключены из парламента, а прелаты - из дворца правосудия; этим он лишал правосудие способностей самых достойных представителей галликанской церкви. Но Филипп ле Бель и его преемники, постоянно враждуя то с аристократией, то с духовенством, хотели, чтобы великие судебные органы, издававшие эдикты, и городские или муниципальные магистраты, которые, будучи подлежащими переизбранию, набирались в основном из буржуа, были общим центром противостояния любой попытке узурпации власти, будь то со стороны церкви, дворянства или короны.

Великие дни Труа (*dies magni Trecenses*), ассамблеи древних графов Шампани и казначейство Нормандии также были организованы Филиппом ле Белем; кроме того, он разрешил содержать парламент в Тулузе, который он торжественно открыл лично 10 января 1302 года. Во время войны Парижский парламент заседал раз в год, в мирное время - дважды. В зависимости от обстоятельств, в течение года проходило два, три или четыре заседания казначейства Нормандии и два Больших дня Труа, трибуналов, которые были приложены к Парижскому парламенту и обычно возглавлялись одним из его делегатов, а иногда даже верховным главой этого высшего суда. На совете короля ([Fig. 304](#)) решалось, следует ли оставить дело на рассмотрение Парижского парламента или передать его либо в казначейство, либо в Большие дни Труа.

Поскольку этот передовой реформатор, Филипп ле Бель, умер, не успев укоренить созданные им институты, в течение многих лет, вплоть до эпохи Людовика XI, между Парижским парламентом и различными судами королевства - между графами и парламентом, между последним и королем - шел непрерывный конфликт за верховенство, который, не уменьшая достоинства короны, постепенно приводил к усилению влияния, которым обладали судьи. Сразу же после воцарения Луи ле Гутена в 1314 году началась реакция - высшее духовенство вновь вошло в парламент, но Филипп ле Лонг позаботился о том, чтобы миряне составляли большинство, и не допустил, чтобы в его Государственном совете титулованные советники были более многочисленны, чем юристы. Последним удалось полностью одержать верх благодаря тем услугам, которые они оказывали, и тому влиянию, которое давало им знание законов страны. Как на протяжении веков меч управлял платьем, так после освобождения буржуа юристы стали хозяевами административного и судебного мира; и, несмотря на то что они все еще находились в несколько более низком положении, чем пэры и бароны, только их мнение преобладало, и их решение часто сразу решало самые важные вопросы.

Эдикт, изданный в Валь-Нотре-Дам 11 марта 1344 года, увеличил число членов парламента, который с этого времени состоял из трех президентов, пятнадцати клерикальных советников, пятнадцати светских советников, двадцати четырех священнослужителей и шестнадцати мирян Следственного суда, а также пяти священнослужителей и шестнадцати мирян Суда петиций. Король заполнил вакантные места по рекомендации канцлера и парламента. Репортерам было предписано писать решения и приговоры, которые выносил суд, "крупными буквами и на большом расстоянии друг от друга, чтобы их было легче читать". Обязанности полиции в судах, охрана дверей и вообще внутреннее устройство присутствующих в судах и парламенте были возложены на швейцаров, "которые делили

между собой вознаграждение, выдаваемое им в силу их должности". Прежде чем адвокат был допущен к ведению дела, он должен был принести присягу и быть внесенным в реестр.

Созданный в то время парламент по своему характеру был схож со старым национальным представительным правительством при германцах и франках. На протяжении веков он защищал короля от неправомерного вмешательства духовной власти, защищал народ от деспотизма, но ему часто не хватало независимости и политической мудрости, и он не всегда отличался правильной оценкой людей и вещей. Этот трибунал, хотя и верховный над всеми государственными делами, иногда колебался перед угрозами министра или придворного фаворита, поддавался влиянию интриг и приспосабливался к предрассудкам времени. Мы видим, как в моменты ошибок и слепоты она осуждает выдающихся государственных деятелей и ведущих граждан, таких как Жак Кёр и Роберте, и отдает палачу выдающихся людей науки и образования, опередивших время, в которое они жили, за то, что их ложно обвинили в колдовстве, а также поступает подобным образом с несчастными маньяками, которые воображали, что имеют дело с дьяволом.

[Рис. 305.](#) - Суд над коннетаблем де Бурбоном перед пэрами Франции (1523 г.) - с гравюры Монфосона в "Французской монархии".

В XIV и XV веках все члены парламента входили в состав Государственного совета, который делился на Малый и Большой советы. Большой совет собирался только в экстренных случаях и для чрезвычайных и очень важных целей, Малый совет собирался каждый месяц, и его решения регистрировались. Отсюда возник обычай проводить аналогичную регистрацию в парламенте, подтверждая решения после того, как они были официально приняты. Самый древний эдикт, внесенный в реестр Парижского парламента, датируется 1334 годом и имеет очень важный характер. Он касается вопроса королевской власти и постановляет, что в духовных вопросах право верховенства принадлежит не столько папе, сколько королю. В связи с этим Филипп де Валуа приказал "своим друзьям и вассалам, которые будут присутствовать в следующем парламенте, и хранителям счетов, чтобы для вечной записи столь памятного решения оно было зарегистрировано в палатах парламента и хранилось для справок в Сокровищнице хартий". С этого времени "дела о жалобах и другие вопросы, касающиеся бенефиций, больше не обсуждались перед церковными судьями, а рассматривались в парламенте или в каком-либо другом светском суде".

Во время пленения короля Иоанна в Англии королевская власть значительно ослабла, а полномочия парламента и других органов магистратуры настолько возросли, что при Карле VI Парижский парламент дерзнул заявить, что королевский эдикт не может стать законом, пока он не будет зарегистрирован в парламенте. Этому смелому и, безусловно, новаторскому решению короли, тем не менее, не стали противиться, поскольку предвидели, что придет время, когда оно может дать им возможность отказаться от договора, вырванного у них в сложных обстоятельствах ([Рис. 306](#)).

Тесная связь, существовавшая между различными парламентами и их политическими функциями, - ведь им постоянно приходилось вмешиваться в акты правительства и соответствующие притязания провинций или трех орденов - естественно, увеличивала значение этой верховной магистратуры. Не раз короли были вынуждены раскаиваться в том, что сделали ее столь могущественной, и особенно это касалось парижского парламента. В этой ситуации интересно отметить, как действовали короли. Они незаметно урезали различные полномочия других судебных инстанций, ограничили власть Парижского парламента и пропорционально расширили юрисдикцию больших бейлифов, а также Шатле.

Провост Парижа был как помощником, так и опорой королевской власти, которая, тем не менее, держала его в своих руках. Шатле также был центром действия и силы, противодействовавшим в некоторых случаях парламентской оппозиции. Отсюда возникали самые непримиримые соперничество и разногласия между этими различными партиями.

[Рис. 306.](#) - Промульгация эдикта - факсимиле миниатюры в "Anciennetés des Juifs" (французский перевод из Иосифа), рукопись XV века, выполненная для герцога Бургундского (Библиотека Парижского Арсенала).

Любопытно заметить, с какой изобретательностью и готовностью парламент пользовался самыми ничтожными обстоятельствами или обвинениями, основанными на самых незначительных основаниях, чтобы вызвать офицеров Шатле к себе в коллегия по подозрению в уклонении от уплаты налогов или в посягательстве на религию, мораль или законы. Нередко этих офицеров и самого прокурора вызывали в ассамблею, чтобы они явились и принесли *почетную поправку*, несмотря на это, они сохраняли свои должности. Не раз офицера Шатле приговаривали к смерти и казнили, но король всегда отменял ту часть приговора, которая касалась конфискации имущества осужденного, доказывая тем самым, что на самом деле приговор был несправедлив, хотя по серьезным причинам королевская власть не могла спасти жертву от мстительной власти парламента. Гуго Обрио, проректор, был приговорен к пожизненному заключению на самых ничтожных основаниях, и он подвергся бы смертной казни, если бы Карл V отказался от него во время суда. Во время английской оккупации, в катастрофическое царствование Карла VI, парижский Шатле, участвовавший вместе с народом, продемонстрировал необычайную энергию и силу характера. Кровь многих его членов была пролита на эшафоте, и это обстоятельство должно навсегда остаться упреком для судей и тех, кто приводил в исполнение их жестокие приговоры, и долговечным венцом славы для самих мучеников.

Эдикт короля Джона, изданный после его возвращения из Лондона в 1363 году, незадолго до его смерти, четко определил обязанности парламента. Они должны были рассматривать дела, касающиеся пэров Франции, а также прелатов, капелланов, баронов, корпораций и советов, которые имели привилегию обращаться в верховный суд; рассматривать дела, связанные с поместьями, а также апелляции на действия губернатора Парижа, бейлифов, сенешалей и других судей ([Fig. 307](#)). Она не принимала во внимание второстепенные вопросы, но рассматривала все судебные споры, которые касались религии, короля или государства. Здесь следует отметить, что адвокатам разрешалось выступать только дважды по одному и тому же делу, и что они подвергались штрафу или, по крайней мере, замечанию, если были утомительны или предавались ненужным повторениям в своих ответах, и особенно если не придерживались фактов дела. После состязания им разрешалось письменно излагать "основные моменты, имеющие значение, а также доводы защиты их клиентов". Карл V. подтвердил эти распоряжения и постановления в отношении адвокатов и добавил другие, не менее важные, среди которых мы находим положение о предоставлении "юридической помощи бедным и нищим, которые обращаются к адвокатам". Эти постановления Карла также ограничивали время, в течение которого служители правосудия должны были выполнять свои дела под определенным страхом; они также провозглашали, что король больше не должен рассматривать незначительные дела, и, какими бы ни были правила суда, они запрещали председателям откладывать вынесение решений или препятствовать обычному ходу правосудия. Карл VI, прежде чем стать безумным, не меньше своего отца способствовал тому, что верховный суд королевства, а также Шатле и бейливики были поставлены на более прочную основу.

[Рис. 307.](#) - Бейливик - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Basle, 1552.

В пятнадцатом веке Парижский парламент был организован таким образом, что не требовал существенных изменений до 1789 года. В нем заседали дворянские, духовные и светские советники, почетные члены и *мэтры де Рекке*, которых было всего четыре; первый президент, который был верховным главой парламента, магистр большой палаты прошений и три председателя палаты, все они назначались пожизненно. Было пятнадцать магистров (*maistres*) или клерикальных советников и пятнадцать мирян, которые ежегодно утверждались королем при открытии сессии. Генеральный прокурор, несколько генеральных адвокатов и депутаты, составлявшие комитет или коллегия, составляли активную часть этого суда, вокруг которой группировались консультирующие адвокаты (*consilarii*), адвокаты, выступающие в суде (*proponentes*), адвокаты, которые были просто слушателями (*audientes*), ростовщики и сержанты, начальник которых при назначении становился членом дворянства.

Официальный костюм первого президента напоминал костюм древних баронов и рыцарей. Он носил алую мантию, подбитую горностаем, и черную шелковую шапочку, украшенную кистями. Зимой он надевал поверх мантии алую мантию, подбитую горностаем, на которой красовался его герб в виде щита. Эта мантия крепилась к левому плечу тремя золотыми шнурами, чтобы оставить свободной сторону меча, поскольку древние рыцари и бароны всегда сидели при дворе с мечом. Среди архивов лондонской мэрии мы находим в "отчете о въезде Генриха V, короля Англии, в Париж" (1 декабря 1420 года), что "первый президент был в королевском одеянии (*estoit en habit roial*), первый ашер предшествовал ему и носил меховую шапку; церковные сановники были одеты в голубые мантии и капюшоны, а все остальные в процессии - в алые мантии и капюшоны". Эта импозантная одежда, прекрасно гармонирующая с достоинством должности тех, кто ее носил, выродилась к пятнадцатому веку. Настолько, что указ Франциска I запретил судьям носить розовые "разрезанные рукава" или другие "расистские одежды".

В первые времена монархии судебные функции выполнялись безвозмездно; но существовал обычай дарить судьям подарки, состоявшие из сладостей, пряностей, слив и консервов, пока в последующий период, в 1498 году, когда судьи "предпочитали деньги сладостям", пишет канцлер Этьен Паскье, денежная стоимость пряностей и т. д. была установлена законом и стала обязательной. В счетах расходов, сохранившихся в национальных архивах, мы находим, что первый президент Парижского парламента получал тысячу *парижских ливров* в год, что составляет около ста тысяч франков по нынешнему курсу; три председателя палаты - пятьсот ливров, что равно пятидесяти тысячам франков; остальные вельможи упомянутого парламента - пять *солей парижских*, или шесть солей три денье - около двадцати пяти франков - в день только за те дни, в которые они заседали. Кроме того, они получали по две мантии в год. Прелаты, принцы и бароны, которых выбирал король, не получали жалованья - они *не получали никакого жалованья* (закон от 27 января 1367 года). Сенешали и верховные приставы, как и председатели палат, получали пятьсот ливров - пятьдесят тысяч франков. Им и судебным приставам низшего ранга было категорически запрещено получать деньги или вознаграждение от сторон по какому-либо делу, но им разрешалось принимать в один день прохладительные напитки и бутылки вина. Жалованье выплачивалось ежемесячно, но это не всегда происходило регулярно; иногда в этом был виноват король, а иногда - недоброжелательность финансовых начальников, получателей и плательщиков. Когда вина лежала на короле, парламент смиренно выносил протест или закрывал суд. Когда же, напротив, финансовый чиновник не выплачивал жалованье,

парламент посылал к нему судебного пристава и налагал на него определенные взыскания до тех пор, пока он не сделает этого. Вопрос о жалованье возникал часто. 9 февраля 1369 года "суду было предложено прослужить без всякого вознаграждения в течение одного парламента при том понимании, что король компенсирует это в другой раз, дворяне двора ответили, после частного обсуждения, что они готовы исполнить волю короля, но не могут делать это должным образом, не получая жалованья" (Реестр Парижского парламента).

В начале XV века размер вознаграждения не был увеличен. В 1411 году она была повышена для всего парламента до двадцати пяти тысяч ливров, что в пересчете по современному курсу составило почти миллион франков. Вследствие финансовых трудностей и всеобщего бедствия возобновился неприятный вопрос о требованиях выплаты жалованья с угрозами, что ход правосудия будет прерван, если оно не будет выплачено или не будет обещано. 2 октября 1419 года два советника и один ростовщик были посланы в дом одного из финансовых начальников с приказом потребовать выплаты жалованья суду. В октябре 1430 года правительство задолжало магистратам за два года. После бесполезных обращений к регенту и епископу Торуанскому, тогдашнему канцлеру Франции, парламент отправил двух своих членов к королю в Руан, который после долгих трудов добился "выплаты месячного жалованья при том понимании, что парламент должен провести свои заседания в апреле месяце". В июле 1431 года к королю отправилась еще одна депутация, "чтобы изложить ему нужды суда, а также то, что он уже некоторое время был пророчен и продолжает быть пророченным из-за неуплаты жалованья". После двух месяцев постоянных напоминаний, от которых депутаты получали только обещания, суд принял угрожающий вид; 11 января 1437 года он указал канцлеру на зло, которое возникнет, если парламент перестанет проводить свои заседания; и на этот раз канцлер объявил, что жалованье будет выплачено, хотя прошло шесть месяцев, и ни одного иска или практического шага в этом вопросе предпринято не было. Такое положение дел ухудшалось до 1443 года, когда король был вынужден обратиться к парламенту в качестве несостоятельного должника и, чтобы добиться списания части своего долга перед членами, гарантировать им часть соляных пошлин.

Карл VII, отвоевав свои государства, поспешил восстановить порядок. Прежде всего он занялся системой правосудия, парламентом, Шатле и бейликами; в апреле 1453 года, в согласии с принцами, прелатами, Государственным советом, судьями и другими авторитетными лицами, он составил общий закон в ста двадцати пяти статьях, который рассматривался как великая хартия парламента ([Fig. 308](#)). Согласно положениям этих статей, "советники должны заседать после обеда, чтобы разбирать мелкие дела. Заключение должны быть рассмотрены без промедления и не вступать ни с кем в общение, кроме как по особому разрешению. Дела должны быть тщательно рассмотрены в надлежащем порядке, ибо судам предписано вершить правосудие в отношении бедных так же быстро, как и в отношении богатых, поскольку для бедных заставлять себя ждать гораздо тяжелее, чем для богатых". Гонорары адвокатов были обложены налогом и уменьшены в размере. Гонорары адвокатов были снижены "до такой умеренности и справедливости, что не должно быть причин для жалоб". Судебные решения комиссаров были запрещены. Судебным приставам и сенешалям предписывалось проживать в пределах своих округов. Советникам предписывалось воздерживаться от всякого общения со сторонами наедине, а консультации между собой проводить тайно. Решения, вынесенные по искам, заносились в реестр и каждые два месяца представлялись президентам, которые в случае необходимости призывали протоколистов к ответу за неисполнение обязанностей. Репортеру предписывалось обращать внимание на любой затруднительный момент, возникающий при рассмотрении дела, а исполнение приговоров или решений поручалось судебным исполнителям.

В 1454 году король, в связи с трудностями в выплате регулярных частей обычного жалования членам парламента, учредил "плату после обеда" (*des gages d'après dînées*) в размере пяти парижских солей - более десяти франков на наши деньги - в день, которая выплачивалась тем членам совета, которые должны были провести второе слушание. Однако ситуация не сильно улучшилась; казалось, что ничего не происходит удовлетворительно, и члены парламента, лишённые своего жалования, были вынуждены заключить договор займа, чтобы начать судебное разбирательство с казначейством за неуплату причитающейся им суммы. В 1493 году годовое жалование парламента было увеличено до суммы в 40 630 ливров, что равнялось примерно 1 100 000 франков.

Рис. 308. - Верховный суд под председательством короля, который издает указ, регистрируемый ашером, - факсимиле миниатюры Камареу из "Сведений о королях", рукописи XV века, хранящейся в библиотеке парижского Арсенала.

Первый президент получал 4 ливра, 22 соли парижских - около 140 франков - в день; канцелярский советник - 25 солей парижских - около 40 франков - и светский советник - 20 солей - около 32 франков. Это было на пятую часть больше, чем в предыдущем году. Карл VIII, повышая вознаграждение членов первого суда королевства, напомнил им об их обязанностях, которыми слишком долго пренебрегали; он сказал им, что "из всех кардинальных добродетелей справедливость - самая благородная и самая важная"; он указал им на линию поведения, которой они должны были придерживаться. Советники должны были ежедневно присутствовать в своих палатах, начиная с дня святого Мартина и до Пасхи, до семи часов утра, а с Пасхи и до закрытия парламента - сразу после шести часов, без перерыва, под страхом наказания. Во время дебатов соблюдалось строгое молчание; им запрещалось занимать себя чем-либо, не относящимся к обсуждаемому делу. Среди множества других пунктов, по которым даны указания, отметим следующие: необходимость хранить в тайне обсуждаемые вопросы; запрет советникам получать прямо или косвенно что-либо в виде вознаграждения от сторон в любом деле; запрет всем поверенным получать какие-либо взятки или требовать больше, чем фактические расходы на поездку и другие справедливые издержки.

Таким образом, великая хартия Парламента, обнародованная в апреле 1453 года, была изменена, подтверждена и дополнена этим кодексом Карла VIII, мудрость которого не может быть слишком высоко оценена.

Магистратура верховных судов была менее благосклонна в предыдущее царствование. Людовик XI, этот осторожный и хитрый реформатор, запретив церковным судьям рассматривать дела, связанные с доходами от вакантных бенефиций, перестроил светские суды, но безжалостно уничтожил все, что оскорбляло его лично. По этой причине, как он сам говорил, он ограничил власть парламентов Парижа и Тулузы, учредив, в ущерб им, несколько других судебных инстанций и отдав предпочтение Шатле, где он был уверен, что всегда найдет тех, кто будет действовать вместе с ним против аристократии. Парламент не сдавался ни по доброй воле, ни без самого решительного сопротивления. Однако в конце концов он был вынужден уступить и принять некоторые эдикты, которые были ему крайне неприятны. Однако после смерти Людовика XI он отомстил и призвал тех, кто был его фаворитами и главными агентами, к ответу по уголовному обвинению, не иначе как за то, что они подвергли себя негодованию верховного суда.

Шатле в своих судебных функциях уступал парламенту, однако благодаря своему проректору, представлявшему парижских буржуа, приобрел значительное значение в глазах верховного

суда. Фактически на протяжении двух столетий провиант обладал привилегией управлять столицей как в политическом, так и в финансовом плане, командовать гражданским ополчением и быть главным магистратом города. В суде аудиенций был воздвигнут балдахин, под которым он восседал, что было отличием, которым не пользовался ни один другой судья и которое, по-видимому, было предоставлено исключительно ему, поскольку он восседал на месте *месье Сен-Луи* (Святого Людовика), *отправляющего правосудие перед добрыми людьми города Парижа*. Когда проректор был введен в должность, его торжественно проводили, надев шапку, в большую палату парламента в сопровождении четырех советников.

Рис. 309. - Суд барона - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Basle, 1552.

После церемонии вступления в должность он передал свою лошадь президенту, который приехал его принять. Его одежда состояла из короткой мантии с отложным воротником, шпаги и шляпы с перьями; он также нес служебный посох, богато украшенный серебром. В таком наряде он присутствовал в парламенте и помогал на приёмах у государя, где занимал место на самой низкой ступеньке трона, ниже великого камергера. Каждый день, за исключением старинного времени, он должен был присутствовать в Шатле, лично или через своего заместителя, точно в девять утра. Там он получал список заключенных, которые были арестованы накануне; после этого он посещал тюрьмы, улаживал дела разного рода, а затем осматривал город. Его юрисдикция распространялась на несколько судов, которые возглавляли восемь назначенных им депутатов или судей, ставших офицерами Шатле по указу Людовика XII в 1498 году. Впоследствии они получали свои назначения непосредственно от короля. Штат проректора дополняли два аудиторских судьи, один королевский поверенный, один регистратор и несколько судебных приставов.

Рис. 310. - Сержанты-армейцы XIV века, вырезанные из камня, из церкви Святой Екатерины дю Валь-дез-Эколье в Париже.

Приставы в Шатле делились на пять классов: *королевский сержант-оруженосец, сержанты де ла дузайн, сержанты булавы, или пешие сержанты, сержанты фьефа и конные сержанты*. Учреждение этих офицеров относится к началу XIV века, и первоначально они назначались провиантмейстером, а затем самим королем. Конные сержанты короля (**Рис. 310**) составляли его телохранителей; они находились в ведении не верховного констебля, а обычных судей, что доказывает их гражданскую принадлежность. Сержантов *де ла дузайн* было двенадцать, как следует из их названия, и все они состояли на службе у проректора; число пеших сержантов, которые были гражданскими лицами, постепенно увеличилось до двухсот двадцати уже в середине пятнадцатого века. Они действовали только во внутренних районах столицы и охраняли город, пригороды и прилегающие районы, в то время как конные сержанты должны были "следить за безопасностью сельских приходов и действовать на всей территории юрисдикции провианта и виконта Парижского".

В разгар перемен Средневековья, особенно после того, как коммуны стали свободными, все короли, которые чувствовали важность строгой системы правосудия, в частности Людовик Святой, Филипп ле Бель и Карл VIII, считали необходимым вести учет местных обычаев. Эдикт 1453 года предписывает "регистрировать обычаи в письменном виде, чтобы их могли рассмотреть члены большого совета парламента". Тем не менее, эта важная работа так и не

была выполнена должным образом, и Людовику XII принадлежит честь введения обычного права или права обычаев, а заодно и исправления различных способов процедуры, на которых основывались обычаи и обыкновения и которые стали необычайно устаревшими со времен эдикта 1302 года.

Ни один монарх не проявлял большей благосклонности к парламенту, чем Людовик XII. За семнадцать лет его правления мы ни разу не встречали жалоб от магистратов на то, что им не выплачивали своевременно жалование. Но в противовес этому, после воцарения Франциска I суд пожаловался на то, что ему не выплатили жалование за первый квартал. С этого момента претензии предъявлялись постоянно; постоянно происходили задержки или абсолютные отказы; члены суда ожидали "вознаграждения за свои услуги, чтобы абсолютно точно позволить им содержать свои семьи и домашние хозяйства". Таким образом, мы можем судить о состоянии различных мелких судов, которые, будучи менее влиятельными, чем верховные трибуналы, и особенно Парижский, были совершенно не в состоянии добиться того, чтобы их ропот был хотя бы заслушан соответствующими властями. Такое печальное положение вещей продолжалось и, по сути, усугублялось вплоть до ассамблеи Лиги, когда Майенн, глава лигистов, чтобы задобрить парламент, пообещал удвоить жалование, хотя и не смог выполнить свое обещание.

Рис. 311. - Суд низшей инстанции в Большом бейливики. Усыновление детей-сирот. Факсимиле гравюры на дереве в книге Ж. Дамхедера "Refuge et Garand des Pupilles, Orphelins:" Antwerp, J. Bellère, 1557.

К концу XVI века высший французский трибунал был представлен девятью высшими судами: парламентом Бордо, созданным 9 июня 1642 года; парламентом Бретани, который заменил древний *Гранд-Жур* в марте 1553 года и заседал поочередно в Нанте и Ренне; Парламент Дофине, учрежденный в Гренобле в 1451 году вместо Дельфийского совета; Парламент Бургундии, учрежденный в Дижоне в 1477 году, который занял место *Гранд-Жур* в Боне; подвижный Парламент Домб, созданный в 1528 году и состоявший одновременно из акцизного суда и счетной палаты; Парламент Нормандии, учрежденный Людовиком XII. учрежденный Людовиком XII в апреле 1504 года и призванный заменить Руанскую казну и древний герцогский совет провинции; Провансальский парламент, основанный в Эксе в июле 1501 года; Тулузский парламент, созданный в 1301 году; Парижский парламент, который превосходил все остальные по своему происхождению, древности, объему юрисдикции, количеству прерогатив и важности своих постановлений. В 1551 году Генрих II учредил, кроме этих судов, еще и суд низшей инстанции в каждом бейливики, в обязанности которого входило рассмотрение в апелляционном порядке всех дел, в которых речь шла о суммах менее двухсот ливров (**Рис. 311**). Кроме того, существовало отделение *Большого парламента*, периодически заседавшее в Пуатье, Байе и некоторых других центральных городах, чтобы подавлять эксцессы, которые иногда возникали из-за религиозных разногласий и политических споров.

Парижский парламент - или *Великий французский парламент*, как его называли Филипп V и Карл V в эдиктах от 17 ноября 1318 года и от 8 октября 1371 года, - состоял из четырех основных палат: Большой палаты, Следственной палаты, Уголовной палаты и Апелляционной палаты. В ее состав входили обычные советники, как духовные, так и светские, почетные советники, некоторые из которых были церковниками, а другие - дворянами, мастера дознания и значительное число офицеров всех рангов (**рис. 312 - 314**). Временами в ней было до двадцати четырех президентов, ста восьмидесяти двух советников, четырех почетных рыцарей, четырех магистров записей; при ней также находилась прокуратура,

состоявшая из королевского адвоката, генерального прокурора и депутатов, образуя таким образом собрание от пятнадцати до двадцати человек, называемое *коллегией*. Среди низших должностных лиц можно упомянуть двадцать шесть ашеров, четырех генеральных приемщиков трастовых денег, трех комиссаров по приему товаров, конфискованных в результате бедствия, одного казначея и казначея, трех контролеров, одного врача, двух хирургов, двух аптекарей, одна матрона, один сборщик штрафов, один инспектор имений, несколько содержателей трапезных, проживавших в пределах дворца, шестьдесят или восемьдесят нотариусов, четыре или пятьсот адвокатов, двести поверенных, а также реестры и заместители реестров. Вплоть до правления Карла VI. (1380--1422 гг.) члены парламента назначались на должность по поручению короля и обновлялись каждую сессию. С Карла VI до Франциска I эти назначения стали королевскими; но с этого времени, из-за того, что эта должность так часто становилась проституцией ради вознаграждения, она все больше и больше теряла свою репутацию.

[Рис. 312.](#) - Судья... С рисунка в "Пословицах, поговорках и т. д.", рукописи XV века, хранящейся в Императорской библиотеке Парижа.

Людовик XI сделал должность члена Парижского парламента постоянной, а Франциск I сохранил эту привилегию. В 1580 году верховная магистратура влила в государственную казну 140 000 000 франков, которые сейчас стоили бы в пятнадцать или двадцать раз больше, чтобы дать возможность депутатам постоянно сидеть *под флердоранжами* и получить наследственные привилегии. Наследственная передача должностей от отца к сыну нанесла тяжелый удар по популярности парламентского органа, который и без того сильно пострадал от позорных злоупотреблений, огромных пошлин, невежества некоторых членов и беспутных привычек многих других.

[Рис. 313.](#) -Адвокат. Из "Danse des Morts" из Базеля, гравированный Мерианом: in 4to, Frankfort, 1596.

[Рис. 314.](#) -Барристер... - Из "Дерева" в "Danse Macabre". Издание Гийо, 1490 год.

[Рис. 315.](#) - Ассамблея Провокации парижских купцов. Факсимиле гравюры на дереве в "Ordonnances Royaux de la Jurisdiction de la Prevoté des Marchands et Eschevinage de la Ville de Paris:" in small folio, goth. edition of Paris, Jacques Nyverd, 1528.

Шатле, напротив, был меньше вовлечен в интриги, меньше занимался политикой и ежедневно выносил решения по судебным делам, оказывая тем самым бесчисленные услуги в содействии общественному благосостоянию, сохраняя и даже увеличивая уважение, которым он пользовался с самого начала своего существования. В 1498 году Людовик XII потребовал, чтобы проректор обладал титулом доктора *in utroque jure*, а его служащие, которых он назначил пожизненно, были выбраны из числа самых выдающихся советников права. Это прекрасное решение принесло свои плоды. Уже в 1510 году были опубликованы "Уставы города, провинции и виконтства Парижа", которые были приняты с большой церемонией на торжественной аудиенции, состоявшейся 8 марта в епископском дворце, и переданы на хранение в архив Шатле ([Рис. 315](#)).

Парламент придерживался совершенно иной линии поведения, чем Шатле, который принимал политическое участие в религиозных конфликтах протестантизма и Лиги только для того, чтобы служить и защищать дело народа. Несмотря на приступы личной неприязни и бунтарские выходки, парламент почти неизменно оставался на стороне короля и двора. Он

всегда склонялся к абсолютному сохранению существующего положения вещей, вместо того чтобы следить за прогрессом и изменениями, которые требовало время. Она была сторонницей суровых мер, запугивания, а не мягкости и терпимости, и рано или поздно уступала предписаниям и наставлениям короля, хотя в то же время часто не одобряла акты, которые ее просили санкционировать.

[Рис. 316.](#) - Печать короля Чилперика, найденная в его гробнице в Турнэ в 1654 году.

ТАЙНЫЕ ТРИБУНАЛЫ.

Старик с горы и его последователи в Сирии.- Замок Аламонд, рай для ассасинов.- Карл Великий, основатель тайных трибуналов среди саксов.- Священный Вехми.- Организация трибунала *на Терре Руж* и методы, принятые в его процедурах.-Осуждение и исполнение приговоров.- Правда о свободных судьях Вестфалии.- Продолжительность и падение Вехмического трибунала.- Совет десяти в Венеции; его кодекс и секретные решения.- Конец Совета десяти.

В Средние века человеческая жизнь, как правило, не вызывала особого уважения; различные судебные учреждения - если не совсем тайные, то, по крайней мере, более или менее окутанные тайной - отличались чудовищным правом выносить самые суровые приговоры при закрытых дверях и исполнять их с непреклонной строгостью в отношении лиц, не имевших ни малейшей возможности защитить себя.

Вынося приговор тайно, они часто открыто наносили удары, столь же неожиданные и страшные, сколь и смертельные. Поэтому самые невинные и самые смелые трепетали при одном только имени *Свободных судей Тер-Руж*, учреждения, принявшего Вестфалию в качестве особой или, скорее, центральной области своей власти; *Совет десяти* осуществлял свою власть в Венеции и государствах республики; *ассасины* Сирии во времена Людовика Святого не раз вторгались в христианскую Европу. Тем не менее мы должны признать, что, какими бы ужасными ни были эти таинственные институты, всеобщее легкоеверие, грубое невежество масс и любовь к чудесному не в малой степени способствовали тому, чтобы сделать их еще более возмутительными и тревожными, чем они были на самом деле.

Марко Поло, знаменитый венецианский путешественник XIII века, говорит: "Мы расскажем о Старике с горы. Этого принца звали Алаодин. У него был прекрасный сад, полный всевозможных деревьев и плодов, в прекрасной долине, окруженной высокими холмами; вокруг этих насаждений располагались различные дворцы и павильоны, украшенные произведениями искусства из золота, картинами и мебелью из шелка. В них текли реки вина, а также молоко, мед и нежные потоки прозрачной воды. Он поселил там девиц необыкновенной красоты, наделенных великими чарами, которых научил петь и играть на всевозможных инструментах; они были одеты в шелка и золото и постоянно гуляли в этих садах и дворцах. Причины, по которым Старик приказал построить эти дворцы, были следующими. Магомет сказал, что те, кто подчинится его воле, попадут в рай и обретут там всевозможную роскошь, и этот принц хотел, чтобы в него поверили, что он пророк и сподвижник Магомета и что он имеет право посылать в рай кого пожелает. Никто не мог проникнуть в сад, потому что у входа в долину был построен неприступный замок, к которому можно было подойти только по крытому и тайному пути. Старик держал при себе несколько юношей от десяти до двадцати лет, выбранных из тех жителей холмов, которые казались ему способными носить оружие, смелыми и отважными. Время от времени он давал десяти или двенадцати из этих юношей определенный напиток, от которого они засыпали, и, когда они впадали в глубокое оцепенение, он выносил их в сад. Когда они просыпались, то видели все, что мы описали: их окружали юные девы, которые пели, играли на инструментах, ласкали их, играли во всевозможные игры и подносили им самые изысканные вина и яства ([Рис. 317](#)). Так что эти юноши, пресытившись такими удовольствиями, не сомневались, что находятся в раю, и охотно бы никогда больше не выходили из него.

"По истечении четырех или пяти дней Старец снова отправил их спать и велел вывести их из сада тем же путем, каким они были приведены. Затем он призвал их к себе и спросил, где они были. По твоей милости, господин, - ответили они, - мы были в раю". И тогда они в присутствии всех рассказали, что видели там. Этот рассказ вызывал изумление у всех, кто его слышал, и желание, чтобы и им повезло. Затем Старик официально объявлял присутствующим следующее: "Так гласит закон нашего пророка: все, кто сражается за своего Господа, попадают в рай; если выслушаетесь меня, то будете наслаждаться этим счастьем". Такими словами и планами этот принц настолько приучил их верить в него, что тот, кому он приказал умереть за свою службу, считал себя счастливым. Все вельможи или другие враги Старика Горы были преданы смерти убийцами, состоящими у него на службе, ибо никто из них не боялся смерти, если выполнял приказы и желания своего повелителя. Поэтому, каким бы могущественным ни был человек, если он был врагом Старика, его непременно ждал безвременный конец".

Рис. 317. - Замок Аламонд и его чары - факсимиле миниатюры из "Путешествий Марко Поло", рукопись XV века, хранящаяся в библиотеке. Век, в библиотеке Парижского Арсенала.

В своем рассказе, который мы дословно переводим с оригинала, написанного на древнефранцузском языке, почтенный путешественник приписывает происхождение этой необычной системы власти над умами людей принцу, который в действительности лишь поддерживал традиции своей семьи; ведь упомянутый здесь Аладин - не кто иной, как преемник знаменитого Хасана, сына Али, который в середине XI века воспользовался войнами, опустошившими Азию, чтобы создать себе королевство, состоящее из трех провинций - Туркестана, Джебея и Сирии. Хасан принял учение секты исмаилитов, которые претендовали на аллегорическое объяснение всех предписаний магометанской религии, отменили общественные богослужения и основали философское вероучение. Он сделал себя главным выразителем этого учения, которое своей простотой должно было привлечь к нему множество людей простых и искренних. Напав на войска султана Синдгара, он энергично и небезуспешно защищался, но, опасаясь пасть в неравной и затяжной борьбе с противником, более могущественным, чем он сам, прибегнул к хитрости, чтобы добиться мира. Он околдовал, или, скорее всего, очаровал, с помощью средств, аналогичных тем, о которых рассказывал Марко Поло, раба, который осмелился во время сна Синдгара воткнуть острый кинжал в землю у головы султана. Проснувшись, Синдгар был сильно встревожен. Через несколько дней после этого Хасан написал ему на : "Если бы у человека не было добрых намерений по отношению к султану, он мог бы вогнать кинжал, воткнутый в землю у его головы, в его грудь". После этого султан Синдгар заключил мир с вождем исмаилитов, династия которого просуществовала сто семьдесят лет.

Замок Аламонд, построенный на границе Персии, на вершине высокой горы, окруженной деревьями, после того как он стал обычной резиденцией Хасана, стал резиденцией его преемников. Поскольку на родном языке одно и то же слово означает и *принца*, и *старика*, крестоносцы, услышав его произношение, спутали эти два понятия и дали исмаилитскому принцу, в то время обитавшему в замке Аламонд, имя "*Старик с горы*", которое осталось известным в истории с тех пор, как сир де Жоанвиль опубликовал свои "Записки".

Древние авторы называют подданных Хасана, *Хащичини*, *Хайсисини*, *Ассисини*, *Ассасини*, различными формами одного и того же выражения, которое, по сути, перешло во французский язык со значением, напоминающим о кровавых подвигах исмаильтян. В поисках этимологии этого названия следует предположить, что *Haschichini* - это латинская трансформация арабского слова *Nachychu*, названия секты, о которой мы говорим, потому

что экстазы, во время которых они считали себя вознесенными в рай, производились с помощью *haschisch* или *haschischa*. Мы знаем, что этот опьяняющий препарат, добываемый из конопли, действительно производит самые странные и восхитительные галлюцинации на тех, кто его употребляет. Все путешественники, побывавшие на Востоке, сходятся во мнении, что его действие намного превосходит действие опиума. Мы, очевидно, должны приписать какому-то экстатическому видению предполагаемое существование заколдованных садов, которые Марко Поло описал на основе народных сказок и которые, конечно, никогда не существовали, кроме как в воображении молодых людей, которые были либо психически возбуждены после поста и молитвы, либо опьянены хаши, и поэтому на некоторое время убаюкивались мечтами о небесном блаженстве, которое, как они воображали, ожидало их под руководством Хасана и его потомков.

Рис. 318. - Старик с горы, отдающий приказы своим последователям - факсимиле миниатюры из "Путешествий Марко Поло", рукопись XV века (Библиотека Парижского Арсенала).

Хашишины, которых некоторые современные историки описывают как одержимых надеждой на будущее безграничное счастье, обязаны своей меланхоличной славой исключительно слепому повиновению, с которым они выполняли приказы своих вождей, и хладнокровию, с которым они искали благоприятный момент для выполнения своих кровавых миссий ([Рис. 318](#)). Старик Горы (мастер кинжалов, *magister cultellorum*, как его называет летописец Жак де Винтри) почти постоянно воевал с князьями-мусульманами, правившими от берегов Нила до границ Каспийского моря. Он постоянно выступал против них со сталью своих фанатичных эмиссаров; иногда, делая из убийств торговлю и товар, он за деньги заключал сделки с султанами или эмирами, желавшими избавиться от врага. Таким образом, исмаилиты предали смерти множество принцев и магометанских вельмож; но во время крестовых походов религиозное рвение подстрекало их против христиан, и они нашли не одну заметную жертву в рядах крестоносцев. Конрад, маркиз Монферратский, был убит ими; сам великий Салах-Эддин (Саладин) едва спасся от них; Ричард Кёр де Лев и Филипп Август были указаны убийцам Стариком, который впоследствии, узнав о грандиозных приготовлениях Людовика IX к Священной войне, осмелился послать двух своих последователей во Францию и даже в Париж с приказом убить монарха при дворе. Этот король, после того как во время своего пребывания в Палестине ему снова удалось спастись от убийственных попыток диких посланцев принца Аламонда, своим мужеством, стойкостью и добродетелями внушил этим фанатикам такое уважение, что их вождь, считая его покровителем небес, попросил его дружбы и преподнес ему подарки, среди которых был великолепный набор шахматных фигур из хрусталя, украшенных золотом и янтарем.

Преемники Хасана, на которых одновременно напали моголы под предводительством Хулайона и египтяне под командованием султана Бибарса, были покорены и лишены своих государств к середине XIII века; но еще долго после этого исмаилиты, либо потому, что их вожди стремились вернуть свою власть, либо потому, что они предоставили свои кинжалы в распоряжение какого-то иностранного врага, продолжали пользоваться дурной славой в истории. В конце концов секта вымерла или, по крайней мере, ушла в неизвестность и отказалась от своей убийственной профессии, которая так долго делала ее членов объектами ужаса.

Таким образом, мы увидели, как легион фанатиков на Востоке стал слепым и грозным орудием религиозного и политического вождя, который был не только амбициозен, но и мстителен. Если мы теперь обратимся к Германии, то почти в тот же период обнаружим там

местное учреждение, которое, хотя и сильно отличалось от кровавого суда Старика с Горы, имело столь же ужасный и таинственный характер. Однако мы не должны смотреть на него с той же точки зрения, поскольку, будучи основанным с целью поддержать и защитить создание регулярного социального государства, которое было одобрено и санкционировано государями и признано церковью, Временами он оказывал огромную услугу делу справедливости и гуманности в период, когда сила узурпировала право, когда бесчинства и преступления бесстыдных злодеев и мелких тиранов, засевших в своих неприступных крепостях, слишком часто становились законными только потому, что не было власти, которая могла бы им противостоять.

Тайный трибунал Вестфалии, который проводил свои заседания и выносил приговоры в закрытом режиме, исполнял свои постановления на месте, а его правила, законы и действия были окутаны глубокой тайной, несомненно, должен рассматриваться как одно из самых замечательных учреждений Средневековья.

Рис. [319 и 320](#) .--Герменсул или Ирменсул и Кродон, идолы древних саксов.--Факсимиле гравюры на дереве в "Annales Circuli Westphaliæ" Германа Штангефоля: в 4-х томах, 1656 г.-- Идол Герменсул, похоже, председательствовал в исполнительной юстиции, атрибуты которой он держит в своих руках.

Трудно сказать, в какой именно период было создано это грозное учреждение. Некоторые авторы, и среди них Себастьян Мюнстер, хотят, чтобы мы верили, что он был основан самим Карлом Великим. Они утверждают, что этот монарх, подчинив саксов своей власти и заставив их принять крещение, создал тайный трибунал, в обязанности которого входило следить за ними, чтобы они не вернулись к заблуждениям язычества. Однако саксы были неисправимы и, хотя и были христианами, все еще продолжали поклоняться своим идолам (рис. [319 и 320](#)), и по этой причине эти власти утверждают, что законы Вестфальского трибунала были основаны Карлом Великим. Хорошо известно, что с девятого по тринадцатый век вся часть Германии между Рейном и Везером страдала от полнейшей анархии. Вследствие этого и роста преступлений, которые оставались безнаказанными, энергичные люди установили строгую юрисдикцию, которая в определенной степени подавила эти варварские беспорядки и придала некоторую уверенность социальным связям; но сама тайна, которая придавала вес этому учреждению, заключалась в том, что его происхождение было неизвестно. В исторических документах он упоминается лишь в начале пятнадцатого века, и то бегло. Этот судебный орган получил название *Femgericht*, или *Vehmgericht*, что означает Вехмический трибунал. Происхождение слова *Fem*, *Vehm* или *Fam*, вызвавшее множество научных дискуссий, до сих пор остается под вопросом. Наиболее общепринятым является мнение, что оно происходит от латинского выражения - *vemi* (*vae mihi*), "горе мне!".

Особым владением, над которым верховенствовал трибунал Вехми, была Вестфалия, а страна, подчинявшаяся его законам, называлась *Terre Ruge*. За пределами этой *Terre Rouge* трибунал не собирался, но определить эти пределы с точностью было бы совершенно невозможно. Однако свободные судьи, взяв на себя право пресекать некоторые преступления, совершенные за пределами их территории, не раз вызывали к себе лиц, проживавших в различных частях Германии и даже в провинциях, далеких от Вестфалии. Нам не известны все места, где заседал вехминский трибунал; но самый знаменитый из них, послуживший образцом для всех остальных, проводил свои заседания под липой, перед крепостными воротами Дортмунда ([Рис. 321](#)). Там обычно собирались генеральные капитулы союза, а в некоторых случаях там можно было увидеть несколько тысяч свободных судей.

Каждый трибунал состоял из неограниченного числа свободных судей под председательством свободного графа, которому поручалось высшее управление вехмическим правосудием. *Свободное графство* обычно состояло из нескольких свободных трибуналов, или *фристулов*. Свободный граф, которого выбирал князь той территории, где заседал трибунал, имел два суда, один тайный, другой публичный. О публичных присягах, которые происходили не реже трех раз в год, объявляли за четырнадцать дней, и любой человек, проживающий в *графстве* и вызванный к свободному графу, обязан был явиться и ответить на все вопросы, которые ему могли задать. Требовалось, чтобы свободные судьи (которых обычно называют *femnoten*, то есть *мудрецами*, и которых, кроме того, писатели того времени обозначают самыми почетными эпитетами: "серьезные люди", "очень благочестивые", "с очень чистой моралью", "любители справедливости" и т. д.) были людьми, родившимися на свет.) должны были быть лицами, родившимися в законном браке и на немецкой земле; им не разрешалось принадлежать к какому-либо религиозному ордену или когда-либо самим быть вызванными в Вехминский трибунал. Они назначались свободными графами, но с одобрения их государей. Им не разрешалось занимать должность судьи до посвящения в тайны трибуналов.

[Рис. 321.](#) - Вид города Дортмунда в XVI в. - с гравюры на меди в "Theatrum Geographicum" П. Бертиуса.

Посвящение в свободные судьи сопровождалось необычайными формальностями. Кандидат являлся с обнаженной головой, становился на колени и, положив два пальца правой руки на обнаженный меч и на веревку, давал клятву придерживаться законов и обычаев святого трибунала, посвятить ему все свои пять чувств и не позволять соблазнить себя ни серебром, ни золотом, ни даже драгоценными камнями; отстаивать интересы трибунала "выше всего, освещенного солнцем, и всего, чего достигает дождь", и защищать их "от всего, что находится между небом и землей". Затем кандидату давали знак, по которому члены ассоциации узнавали друг друга. Этот знак так и остался неизвестным, и ничто, даже в делах вехмических архивов, не позволяет даже предположить, что это был за знак, и любая гипотеза на этот счет должна рассматриваться как неопределенная или ошибочная. Согласно одному из основополагающих уставов Терре Руж, член ордена, осужденный за выдачу секретов, приговаривался к самому жестокому наказанию; но у нас есть все основания утверждать, что этот приговор никогда не приводился в исполнение и даже не был вынесен в отношении свободного судьи.

[Рис. 322.](#) - Ландграф Тюрингии и его жена - факсимиле миниатюры из коллекции Миннезингера, рукопись XIV века.

Только в одном случае в четырнадцатом веке было выдвинуто подобное обвинение, и оно оказалось безосновательным.

Верхом измены считалось бы дать родственнику или другу малейший намек на то, что его преследуют или что он осужден Святым Вечем, чтобы он мог искать убежища в бегстве. Вследствие этого возникло всеобщее недоверие к любому человеку, принадлежащему к трибуналу, настолько, что "брат, - говорит один немецкий писатель, - часто боялся своего брата, и гостеприимство было уже невозможно".

Функции свободных судей заключались в том, чтобы ездить по стране, выискивая преступления, обличая их и подвергая немедленному наказанию любого злодея, пойманного на месте преступления (рис. [323](#) и [324](#)). Свободные судьи могли собираться, если их было не

менее семи, чтобы образовать трибунал; но мы слышали, что на одном собрании присутствовало до трехсот человек.

Рис. [323 и 324](#) .--Свободные судьи.--Факсимиле двух гравюр на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, 1552.

Ошибочно утверждают, что заседания вехмийских трибуналов проходили по ночам в глубине лесов или в подземных помещениях; но, судя по всему, все уголовные дела сначала слушались публично, а тайному суду могли быть подвергнуты только в том случае, если обвиняемый не смог ни публично оправдаться, ни явиться лично.

Если трое свободных судей заставляли злоумышленника за этим занятием, они могли схватить его, судить и вынести наказание на месте. В других случаях, когда трибунал считал, что должен преследовать человека, он вызывал его к себе. Повестка должна была быть написана без подчисток на большом листе пергамента и скреплена как минимум семью печатями - свободного графа и шести свободных судей; на этих печатях обычно изображался либо человек в полном вооружении с мечом, либо просто лезвие меча, либо другие аналогичные эмблемы (рис. [325](#) - [327](#)). Два свободных судьи лично вручали повестку, если речь шла о члене ассоциации; если же повестка касалась человека, не принадлежащего к вехмическому ордену, ее приносил присяжный гонец, который передавал ее в руки самому человеку или проносил в его дом. Срок, отведенный для явки, первоначально составлял шесть недель и три дня, но впоследствии этот срок был сокращен. Повестка в суд повторялась трижды, и каждый раз на ней ставилось все больше печатей свободных судей, чтобы удостовериться в законности документа. Обвиняемый, независимо от того, виновен он или нет, подлежал штрафу за неявку по первому вызову, если не мог доказать, что сделать это было невозможно. Если он не являлся по третьему вызову, его окончательно осуждали *en corps et en honneur*.

Рис. [325](#). - Печать Германа Лосекина, свободного графа Медебаха, в 1410 году.

Рис. [326](#). - Печать свободного графа Ганса Фольмара фон Тверна во Фрейенхагене в 1476-1499 гг.

Рис. [327](#). - Печать Иоганна Кроппа, свободного графа Когельнберга, в 1413 году.

Мы располагаем лишь несовершенными сведениями о формальностях, использовавшихся в вехмских трибуналах. Но мы знаем, что заседания были обставлены с определенной торжественностью и помпезностью. Обнаженный меч, символизирующий правосудие и напоминающий своей рукояткой крест нашего Спасителя, и веревка, символизирующая наказание, заслуженное виновным, лежали на столе перед председателем. Судьи были с обнаженными головами и руками, каждый носил плащ через плечо и не имел при себе никакого оружия.

Рис. [328](#). - Герцог Саксонский и маркиз Бранденбургский... Из "Theatrum Orbis Terrarum sive Tabula veteris Geographiae", in folio. Гравировано Виериксом по рисунку Жерара де Жода.

Истцу и ответчику разрешалось привести по тридцать свидетелей. Ответчик мог либо защищаться сам, либо поручить свое дело адвокату, которого он приводил с собой. Сначала любой свободный судья, выступавший ответчиком по иску, пользовался привилегией оправдываться под присягой; но когда обнаружилось, что этой привилегией злоупотребляют, все лица, независимо от должности, были вынуждены предстать перед

противоположной стороной. Свидетели, вызванные в суд как обвинителем, так и обвиняемым, должны были давать показания в соответствии с истиной, беспристрастно и добровольно. В случае, если обвиняемому не удавалось дать достаточно показаний, чтобы оправдать себя, прокурор требовал приговора в свою пользу от свободного графа, председательствующего в трибунале, который назначал одного из свободных судей для его оглашения. Если свободный судья не был уверен в виновности, он мог, принеся присягу, временно отказаться от своей должности, которая переходила ко второму, третьему или даже четвертому свободному судье. Если четыре свободных судьи не могли вынести решение, дело передавалось на другое заседание, так как приговор должен был вынести назначенный свободный судья на этом заседании.

Различные наказания за разные преступления оставлялись на усмотрение трибунала. В правилах об этом ничего не сказано, а лишь указано, что виновные будут наказаны "согласно авторитету тайной скамьи". *royale, то есть* смертная казнь, строго применялась во всех серьезных случаях, а самым распространенным способом казни было повешение (рис. [329](#), [330](#)).

Обвиняемый, не явившийся по третьему вызову, лишался всех прав, общего мира и общества всех христиан; по формулировке этого приговора, жена его считалась вдовой, дети - сиротами; шея его была брошена птицам небесным, тело - зверям полевым, "а душа его была предана Богу". По истечении одного года и одного дня, если виновный не являлся или не подтверждал своих общих прав, все его имущество конфисковывалось и присваивалось королем или императором. Если осуждение касалось князя, города или корпорации (ведь обвинения трибунала часто выносились против групп лиц), оно влекло за собой потерю всех почестей, власти и привилегий. Свободный граф, оглашая приговор, бросал на землю лежавшую перед ним веревку; свободные судьи плевали на нее, и имя преступника заносилось в книгу крови. Приговор держался в тайне; только обвинитель получал о нем письменное извещение, запечатанное семью печатями. Когда осужденный присутствовал, казнь происходила немедленно, и, по обычаю Средневековья, ее исполнение поручалось самому младшему из свободных судей. Члены вехмической ассоциации пользовались привилегией быть повешенными на семь футов выше, чем те, кто не был их соратником.

Однако приговоры вехмичей подлежали обжалованию: обвиняемый мог на заседании обратиться либо в так называемую имперскую палату, общую главу ассоциации, собиравшуюся в Дортмунде, либо (что было более распространенным обычаем) к императору или правителю страны, будь то король, принц, герцог или епископ, при условии, что эти власти принадлежали ассоциации. Пересмотр приговора мог быть поручен только членам трибунала, которые, в свою очередь, могли действовать только на территории Вестфалии. Осужденный мог также обратиться к генерал-лейтенанту императора или к великому магистру Святого Вехма, титул которого с самых отдаленных времен носил архиепископ Кельнский. Известны даже случаи обращения в соборы и к папам, хотя вехмическая ассоциация никогда не имела никаких связей или сношений с римским двором. Не стоит забывать и о весьма любопытной привилегии, которая в некоторых случаях оставалась у преступника в качестве последнего ресурса: он мог обратиться к императору и попросить приказ, согласно которому исполнение приговора должно было быть применено после отсрочки *в сто лет, шесть недель и один день*.

Рис. [329 и 330](#) ---Исполнение приговоров Тайного трибунала.--Факсимиле гравюр из "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Basle, 1552.

Генеральное собрание союза созывалось раз в год императором или его лейтенантом и собиралось в Дортмунде или Аренсберге, чтобы получить отчеты о делах, рассмотренных различными трибуналами Вехми, узнать об изменениях, произошедших среди членов ордена, принять свободных судей, рассмотреть апелляции и, наконец, принять решение о реформах, которые должны быть внесены в правила. Эти реформы обычно касались связи императорской власти с членами тайной юрисдикции и, как правило, предлагались императорами, которые ревниво следили за растущей властью ассоциации.

Из того, что мы показали на основании подлинных документов, мы понимаем, насколько неверна традиция или, скорее, популярная идея, что *Тайный трибунал* был собранием кровожадных судей, тайно совершавших акты простой жестокости, без каких-либо, кроме произвольных, законов. Напротив, очевидно, что это было регулярное учреждение, имевшее, правда, самую загадочную и сложную организацию, но действовавшее просто в силу правовых предписаний, которые были строго изложены и организованы в своего рода кодекс, воздававший честь мудрости тех, кто его создал.

Именно в конце XIV - начале XV веков вехмическая юрисдикция достигла наивысшей степени своего могущества; ее имя произносилось только шепотом и с трепетом; ее приказы принимались с немедленным подчинением, а наказания всегда обрушивались на виновных и тех, кто сопротивлялся ее власти. Не может быть сомнений в том, что Вестфальский трибунал предотвратил множество великих преступлений и общественных несчастий, поставив благотворный заслон дворянам, которые всегда были готовы поставить себя выше всех человеческих авторитетов, и наказав с безжалостной суровостью дерзость разбойников, которые в противном случае были бы поощрены к совершению самых дерзких деяний почти с уверенностью в безнаказанном бегстве. Но Священный Вехм, ослепленный внушенным ему ужасом, недолго оставался в стороне от самых экстравагантных проявлений власти и отступления от строгого пути, которым должны были ограничиваться его действия. Он созывал в свои трибуналы князей, которые открыто отрицали его власть, и города, которые не снисходили до выполнения его приказов. В XV веке свободные судьи состояли из людей, которых нельзя было назвать безупречно честными; многие лица сомнительной нравственности были возведены в это достоинство партийным влиянием и деньгами. На пристрастность и дух мести, которыми порой руководствовались их судьи, жаловались; их обвиняли в том, что они открыты для коррупции; и эти обвинения, похоже, были слишком обоснованными. Известно, что, согласно феодальной практике, установившейся в вельможной системе, каждый новый свободный судья обязан был сделать подарок свободному графу, принявшему его в орден; и свободные графы без колебаний превращали это в важный источник дохода для себя, допуская, по словам одного историка, "многих людей в качестве судей, которые в действительности заслуживали того, чтобы *их судили*".

[Рис. 331.](#) - Вид Кельна в XVI в. - с медной пластины в "Theatrum Geographicum" П. Бертиуса. Три большие звезды представляют, как предполагается, Три Лица Троицы, а семь малых - курфюрстов империи.

[Рис. 332.](#) - Немецкие рыцари (XV век). С пластины в "Жизни императора Максимилиана", гравированной Бургмайером по рисункам Альберта Дюрера.

Из-за самых вопиющих и наглых злоупотреблений властью древний авторитет этого учреждения постепенно все больше и больше расшатывался. Так, например, однажды в ответ на вызов, направленный императорским трибуналом в адрес некоторых свободных судей, трибунал Терре-Руж осмелился вызвать к себе императора Фридриха III, чтобы тот

ответил за такое неуважение. В другой раз некий свободный граф, завидуя одному из своих соратников, повесил его собственными руками во время охоты, утверждая, что его звание свободного судьи позволяет ему вершить правосудие без суда и следствия. С тех пор постоянно раздавались крики ужаса и негодования против судебного учреждения, которое таким образом трактовало свои обязанности, и вскоре государство взялось за подавление этих тайных трибуналов. Первая идея об этом возникла у курфюрстов империи на Тривском соборе в 1512 году. Однако архиепископу Кельнскому удалось парировать удар, создав генерального капитула ордена под предлогом необходимости реформы. Но, помимо того, что Святой Вехм был по сути своей порочен, он действительно исчерпал свой ресурс и постепенно терял силу по мере того, как на смену запутанной анархии Средневековья приходили более организованные и определенные социальные и политические государства, а князья и вольные города перенимали обычай отправлять правосудие лично или через регулярные трибуналы. Его процедуры, становясь все более упрощенными и строгими, с каждым днем вызвали все большее отвращение. По всей Германии ходила поговорка: "Сначала тебя вешают, а потом выясняют твою невиновность". Со всех сторон возникло противодействие юрисдикции свободных судей. Князья, епископы, города и горожане инстинктивно объединились, чтобы противостоять этому изжитому и вырождающемуся институту. Борьба была долгой и утомительной. Во время последних конвульсий угасающей Святой Вежи произошел не один кровавый эпизод, как со стороны самих свободных судей, так и со стороны их противников. Время от времени тайный трибунал подавал свежие признаки жизни и заявлял о своем существовании какой-нибудь ужасной казнью; а иногда его члены дорого платили за свои деяния. Так, в 1570 году четырнадцать свободных судей, которых схватил Каспар Швиц, граф Эттингенский, уже были связаны в мешки и их собирались утопить, когда толпа, сжалившись над их судьбой, попросила и добилась их освобождения.

Смертельный удар по трибуналу Вехми был нанесен его собственной рукой. Он осудил и казнил без всякой процедуры жителя Мюнстера, который скандалил в городе своим распутством. Его арестовали ночью, привели в небольшой лес, где его ждали свободные судьи, и приговорили к смерти без адвоката; после того как ему отказали в передышке даже на несколько часов, чтобы он мог примириться с небесами, его исповедовал монах, и палач на месте отрубил его голову от тела.

Рис. 333. - Внутренний двор Дворца дождей Венеции: Здания, в которых находятся кельи и ведуны... От Чезаре Вечеллио.

После этого трагического события, вызвавшего всеобщее возмущение, авторитет свободных судей постепенно падал, и, наконец, институт почти прекратил свое существование, ограничившись лишь периодическим вынесением решений по простым гражданским делам.

Говоря о произвольных казнях, тираническом и непримиримом правосудии, нельзя не упомянуть Совет Десяти Венеции. В некоторых отношениях он был более печально известен, чем Вехминский трибунал, осуществлял не менее таинственную власть и внушал не меньший ужас, хотя и в других странах.

Этот тайный трибунал был создан после восстания, вспыхнувшего в Венецианской республике 15 июня 1310 года. Сначала он был учрежден всего на два месяца, но после нескольких последовательных пророгаций 31 января 1311 года был утвержден на пять лет. В 1316 году он снова был назначен на пять лет, 2 мая 1327 года - еще на десять лет и, наконец,

был установлен навсегда. В XV веке власть Совета Десяти была укреплена и стала более энергичной благодаря учреждению государственных инквизиторов. Их было трое, они избирались Советом Десяти, и граждане, на которых падал голос, не могли отказаться от функций, которые таким образом спонтанно, а зачастую и неожиданно, возлагались на них. Власть государственных инквизиторов была объявлена "неограниченной".

Чтобы показать власть и образ действий этого ужасного трибунала, лучше привести несколько выдержек из свода правил, который он установил для себя в июне 1454 года.

В этом документе - несколько рукописных копий которого можно найти в публичных библиотеках Парижа - говорится: "Инквизиторы могут вести дело против любого человека, ни одно звание не дает права на освобождение от их юрисдикции. Они могут выносить любой приговор, даже смертный; только их окончательные приговоры должны быть вынесены единогласно. В их ведении находятся все тюрьмы и *тюрьмы-проводы* ([Рис. 333](#)). Они могут по своему усмотрению брать деньги из казны Совета Десяти, не отчитываясь за использование переданных в их руки средств.

"Работа трибунала всегда должна быть тайной; его члены не должны носить отличительного знака. Открытые аресты не производятся. Начальник судебных приставов (*sbirri*) должен избегать арестов по месту жительства, но стараться захватить преступника врасплох, вдали от его дома, и таким образом надежно передать его под *наблюдение* Дворца дождей. Когда трибунал сочтет необходимым умертвить кого-либо, казнь никогда не должна быть публичной; осужденный должен быть утоплен ночью в канале Орфано.

"Трибунал уполномочивает генералов, командующих на Кипре или в Кандии, в случае, если это необходимо для блага Республики, заставить любого патриция или другое влиятельное лицо в любой из этих венецианских провинций исчезнуть или быть тайно убитым, если такая мера сочтется им необходимой; но они должны отвечать за это перед Богом.

[Рис. 334](#). - Член Братства смерти, чьей обязанностью было сопровождать приговоренных к смерти... Из Чезаре Вечеллио.

"Если кто-либо из рабочих будет заниматься в чужой стране каким-либо искусством или ремеслом во вред Республике, ему будет приказано вернуться в свою страну; если он не подчинится, все его ближайшие родственники должны быть заключены в тюрьму, чтобы его привязанность к ним заставила его повиноваться. Если же он по-прежнему будет упорствовать в своем неповиновении, будут приняты тайные меры, чтобы предать его смерти, где бы он ни находился".

"Если венецианский дворянин откроет трибуналу предложения, сделанные ему каким-либо иностранным послом, то агент, за исключением самого посла, должен быть немедленно схвачен и утоплен".

"Если патриций, совершивший какое-либо злодеяние, укроется под защитой иностранного посла, он должен быть немедленно предан смерти".

"Если кто-либо из знатных в полном составе сената возьмется оспаривать власть Совета Десяти и будет упорствовать в нападках на него, ему будет позволено говорить без перерыва; немедленно после этого он будет арестован, и ему будут даны указания относительно его суда, чтобы он был судим обычными трибунами; если же это не помешает его действиям, он будет тайно предан смерти".

"В случае жалобы на одного из глав Совета Десяти, инструкции должны быть сделаны тайно, и, в случае вынесения смертного приговора, яд должен быть выбран агентом".

"Если кто-либо из недовольных дворян будет плохо отзываться о правительстве, ему прежде всего запрещается появляться в советах и общественных местах в течение двух лет. Если он не подчинится или повторит проступок по истечении двух лет, его утопят как неисправимого...." и т. д.

Легко понять, что для исполнения этих законов были приняты самые тщательные меры по организации системы шпионажа. За вельможами был установлен строгий надзор; тайна писем не соблюдалась; посол никогда не терялся из виду, и за его малейшими действиями внимательно следили. Любого, кто осмеливался поставить преграду на пути шпионов, нанятых Советом Десяти, сажали на дыбу и "заставляли впоследствии понести наказание, которое государственные инквизиторы сочтут подобающим". Целые страницы секретных уставов свидетельствуют о том, что ложь и мошенничество составляли основу всех дипломатических отношений венецианского правительства. Тем не менее Совет Десяти, созданный исключительно для наблюдения за безопасностью Республики, не мог вмешиваться в гражданские дела, а его членам запрещалось поддерживать какие-либо связи с иностранцами.

Рис. [335 и 336](#) .- Начальники Сбирри в секретной службе Совета Десяти... От Чезаре Вечеллио.

Список имен венецианских вельмож и знатных особ, ставших жертвами подозрительной тирании Совета Десяти и государственных инквизиторов, был бы очень длинным и не представлял бы особого интереса. Однако мы можем упомянуть о некоторых из них. В 1385 году Петр Джустиниани, а в 1388 году Стефан Моналеско были наказаны за тайные сделки с владыкой Падуи; в 1413 году Джон Ногарола за попытку поджечь Верону; в 1471 году Борромео Мемо за клеветнические речи в адрес падуанского подестата. Не только этот Борромео Мемо был наказан, но и три свидетеля преступления, которое ему вменялось, были осуждены на год заключения и три года изгнания, за то, что не разоблачили это деяние "между вечером и утром". В 1457 году Совет Десяти нападает на самого дожа, требуя отречения Франциска Фоскари. Столетием ранее он заставил дожа Марино Фальеро, осужденного за участие в заговоре с целью уничтожить влияние знати, быть казненным на той самой лестнице герцогского дворца, где обычно присягали на верность Республике.

От Чезаре Вечеллио.

Рис. [337](#) .- Дож Венеции. Костюм до XVI века.

Рис. [338](#) .-Дож Венеции в церемониальном костюме XVI века.

Как и Святой Вехм, Совет Десяти подорвал свой авторитет злоупотреблением властью. В 1540 году, без ведома Сената и вопреки четко установленному пределу своих полномочий, он заключил договор с турецким султаном Солиманом II. Сенат сначала не скрывал своего возмущения этим злоупотреблением властью, но в 1582 году принял меры, чтобы значительно ограничить полномочия Совета десяти, который с этого момента существовал только под именем.

Рис. [339](#) .- Печать свободного графа Генриха Бекмана из Медебаха. (1520--1533).

НАКАЗАНИЯ.

Усовершенствования жестокости наказания.- Питки для различных целей.- Вода, винтовые доски и дыба.- Палач.- Женщины- палачи.- Питки.- Аменда почетная.- Питка огнем, реальная и притворная.- Ауто-да-фе.-Раскаленный докрасна мангал или бассейн.- Отсечение головы.- Четвертование.- Колесо.- Гарочка.- Повешение.- Плеть.- Столб.- Аркебуза.- Щекотание.- Подкладывание.- Утопление.- Заключение в тюрьму.- Правила тюрем.- Железная клетка.- Свинцы Венеции.

"Очень печально, - говорит ученый М. де Виллегиль, - наблюдать бесконечное разнообразие пыток, существовавших с начала мира. На самом деле трудно осознать, насколько изобретательны были люди, изобретая новые пытки, чтобы доставить себе удовольствие видеть, как их собратья мучаются в самых ужасных страданиях".

Переходя к теме древних способов наказания, мы должны прежде всего сказать о пытках, которые, согласно принятому выражению, могут быть либо *предшествующими*, либо *подготовительными*: *предшествующими*, когда они состоят из пыток, которые осужденный должен был вынести перед смертной казнью; и *подготовительными*, когда они применяются для того, чтобы добиться от преступника признания в его преступлении или в преступлении его соучастников. Пытку также называли *обычной* или *чрезвычайной*, в зависимости от продолжительности или жестокости, с которой она применялась. В одних случаях пытка длилась пять или шесть часов подряд, в других - редко превышала час. Ипполит де Марсиллис, ученый и почтенный юрист из Болоньи, живший в начале XV века, упоминает четырнадцать способов применения пыток. Сжатие конечностей специальными инструментами или только веревками, вливание в тело обвиняемого воды, уксуса или масла, применение горячей смолы и голодание были самыми распространенными способами. Другие средства, которые применялись в большей или меньшей степени в зависимости от фантазии магистрата и мучителя или палача, отличались необыкновенной жестокостью. Например, подкладывание горячих яиц под подмышки; введение игральные кости между кожей и плотью; привязывание зажженных свечей к пальцам, чтобы их можно было съесть одновременно с воском; пускание воды по каплям с большой высоты на живот; а также обычай, который, по мнению писателей, занимающихся уголовными делами, был неопишуемой пыткой, - поливать ноги соленой водой и давать козам их лизать. Однако в каждой стране существовали особые обычаи относительно способов применения пыток.

Во Франции пытки также различались в зависимости от провинций, а точнее, от парламентов. Например, в Бретани преступника, привязанного к железному стулу, постепенно подвели к пылающей печи. В Нормандии при обычной пытке один большой палец зажимали в винт, а при экстраординарной - оба. В Аутене, после того как на ноги преступника надевали высокие сапоги из губчатой кожи, его привязывали к столу у большого костра и лили на сапоги кипятка, который проникал в кожу, разъедал плоть и даже растворял кости жертвы.

В Орлеане для обычной пытки обвиняемого раздевали догола, а руки крепко связывали за спиной, закрепив между ними кольцо. Затем с помощью веревки, привязанной к этому кольцу, беднягу, к ногам которого был привязан груз весом в сто восемьдесят фунтов, поднимали на определенную высоту от земли. Для необычной пытки, получившей в то время название *estrapade*, жертву с двумястами пятьюдесятью фунтами, прикрепленными к ногам, поднимали к потолку с помощью капители; затем ему позволяли несколько раз подряд

падать рывками до уровня земли, в результате чего у него полностью вывихивались руки и ноги ([Рис. 340](#)).

В Авиньоне обычная пытка заключалась в подвешивании обвиняемого за запястья, с тяжелым железным шаром у каждой ноги; для необычной пытки, которая в то время была широко распространена в Италии под названием *veglia*, тело растягивали горизонтально с помощью веревок, пропущенных через кольца, вклепанные в стену, и прикрепленных к четырем конечностям, единственной опорой для преступника было острое кола, вырезанного в форме ромба, который только касался конца задней кости. При этом всегда присутствовали врач и хирург, которые щупали пульс на висках пациента, чтобы иметь возможность определить момент, когда он больше не сможет терпеть боль.

[Рис. 340.](#) - Эстрапада, или Экстраординарный вопрос - факсимиле гравюры на дереве в работе Ж. Миллеуса "Praxis Criminis Persequendi." folio, Париж, 1541.

[Рис. 341.](#) - Пытка водой - факсимиле гравюры на дереве в работе Ж. Дамхудера "Praxis Rerum Criminalium:" in 4to, Antwerp, 1556.

В этот момент его развязывали, приводили в чувство горячими разжигающими средствами, давали восстанавливающие силы, и, как только он немного приходил в себя, его снова подвергали пытке, которая продолжалась таким образом шесть часов подряд.

В Париже долгое время применялась *пытка водой*; она была наиболее легко переносимой и наименее опасной. Человека, подвергавшегося ей, привязывали к доске, которая горизонтально опиралась на два топчана. С помощью рога, служившего воронкой, и в то время как ему зажимали нос, чтобы заставить его глотать, в рот медленно вливали четыре *кокемара* (около девяти пинт) воды; это было для обычной пытки. Для экстраординарной вливали вдвое больше воды ([Рис. 341](#)). Когда пытка заканчивалась, жертву развязывали, "и относили греться на кухню", - говорится в старом тексте.

В более поздний период предпочтение отдавалось *бродекинам*. Для этой пытки жертву усаживали в сидячем положении на массивную скамью, с крепкой узкой доской, закрепленной внутри и снаружи каждой ноги, которая была туго связана крепкой веревкой; затем молотком вбивали клинья между центральными досками; четыре клина при обычной пытке и восемь - при необычной. Нередко во время последней операции кости ног буквально лопались.

Бродекины, которые часто использовались для обычных пыток, представляли собой чулки из пергамента, в которые было достаточно легко засунуть ноги, когда они были мокрыми, но которые, когда их держали у огня, так сильно сжимались, что причиняли невыносимые муки носителю.

Какой бы способ пытки ни применялся, обвиняемый, прежде чем подвергнуться ей, должен был продержаться восемь или десять часов без еды. Дамхудер в своем знаменитом техническом труде под названием "Практика и энхиридион преступных дел" (1544) также рекомендует тщательно сбривать волосы с тела людей, собирающихся подвергнуться пытке, опасаясь, что они скрывают в себе некий контрчарм, который сделает их невосприимчивыми к телесной боли. Тот же автор также рекомендует, как правило, когда несколько человек "должны быть поставлены на дыбу" за одно и то же деяние, начинать с тех, от кого наиболее вероятно получить признание в первую очередь. Так, например, когда мужчина и женщина должны были страдать один за другим, он рекомендовал пытать сначала женщину, как более

слабую из двух; когда речь шла об отце и сыне, сына следовало пытаться в присутствии отца, "который, естественно, боится за сына больше, чем за себя". Таким образом, мы видим, что судьи были адептами искусства добавлять моральные пытки к физическим. Варварский обычай наказания пытками неоднократно осуждался Церковью. Уже в 866 году из письма папы Николая V к болгарам мы узнаем, что их обычай пытать обвиняемых считался противоречащим как божественному, так и человеческому закону: "Ибо, - говорит он, - признание должно быть добровольным, а не вынужденным. С помощью пыток невинный человек может довести себя до крайности, не дав никаких показаний; и в таком случае какое преступление для судьи! Или же человек может быть покорен болью и признать себя виновным, хотя он таковым не является, что влечет за собой столь же большой грех для судьи".

[Рис. 342.](#) - Вид палача при обезглавливании Иоанна Крестителя (XIII век).- Факсимиле миниатюры в Псалтири Святого Людовика. Рукопись хранится в Суверенном музее.

Выдержав *предыдущие* пытки, различные этапы которых выполнялись специальными мучителями или палачами, приговоренный наконец передавался в руки *maître des hautes oeuvres* - то есть палача, чья особая миссия заключалась в отправке преступников в мир иной ([Рис. 342](#)).

[Рис. 343.](#) - Швейцарский Великий Провост (XV век). С картины "Danse des Morts" из Базеля, гравированной Мерианом.

Палач занимал одинаковое положение не во всех странах. Если во Франции, Италии и Испании это страшное ремесло было в определенной степени одиозным, то в Германии, напротив, успешное исполнение определенного количества смертных приговоров вознаграждалось титулами и дворянскими привилегиями ([Рис. 343](#)). В Ройтлингене, в Суабии, последний из советников, допущенных в трибунал, должен был привести приговор в исполнение собственной рукой. Во Франконии эта мучительная обязанность ложилась на того советника, который последним взял жену.

Во Франции палач, иначе называемый *королевским присяжным мучителем*, был самым низким из служителей правосудия. Письма о его назначении, которые он получал от короля, должны были, тем не менее, регистрироваться в парламенте; но, как говорят, после того как он ставил на них печать, канцлер в знак презрения бросал их под стол. Палачу вообще запрещалось жить в черте города, за исключением тех случаев, когда он находился на территории, где располагался столб; а в некоторых случаях, чтобы его не перепутали в народе, его заставляли носить особый плащ, красный или желтый. С другой стороны, его обязанности обеспечивали ему определенные привилегии. В Париже он имел право на *грабеж*, который заключался в том, что он брал все, что мог держать в руках, с каждого груза зерна, которое привозили на рынок; однако, чтобы сохранить зерно от позорного контакта, он взимал свой налог деревянной ложкой. Он пользовался многими подобными правами в отношении большинства предметов потребления, независимо от того, что получал выгоду от нескольких налогов или штрафов, таких как пошлина на Пти-Пон, налог на иностранных торговцев, на суда, прибывающие с рыбой, на торговцев сельдью, водяным крессом и т. д.; штраф в пять су, который взимался с бродячих свиней (см. предыдущую главу), и т. д. И, наконец, помимо личного имущества осужденного, он получал ренту с магазинов и лавок, окружавших столб, в которых велась розничная торговля рыбой.

Похоже, что благодаря тому, что поступления от этих различных повинностей составляли значительный источник дохода, престиж богатства постепенно рассеял неблагоприятное впечатление, традиционно связанное с обязанностями палача. По крайней мере, у нас есть основания предполагать это, когда, например, в 1418 году мы видим, как парижский палач, который в то время был капитаном буржуазного ополчения, пришел в этом качестве, чтобы коснуться руки герцога Бургундского по случаю его торжественного въезда в Париж с королевой Изабеллой Баварской. Можно добавить, что народные поверья обычно приписывали палачу некие практические знания в области медицины, которые, как считалось, присущи самой профессии; ему приписывалось знакомство с некоторыми методами лечения, неизвестными врачам; люди шли покупать у него жир повешенных преступников, который считался чудесной панацеей. Можно также отметить, что в наши дни во многих странах до сих пор ходят легенды о мастерстве палача вправлять вывихнутые конечности.

[Рис. 344.](#) - Амендский почетный палач перед трибуналом - факсимиле гравюры на дереве в книге Ж. Дамхудера "Praxis Rerum Criminalium:" in 4to, Antwerp, 1556.

Не раз в XIII веке обязанности палача исполняли женщины, но только в тех случаях, когда речь шла об их собственном поле; ведь в указе Святого Людовика прямо говорится, что лиц, осужденных за богохульство, следует бить березовыми прутьями, "мужчин - мужчинами, а женщин - только женщинами, без присутствия мужчин". Однако терпели это недолго, так как известно, что вскоре наступил период, когда женщины были освобождены от обязанности, столь мало приспособленной к их физической слабости и моральной чувствительности.

Ученый писатель по уголовным делам Жозе Дамхудер, которого мы уже упоминали и которого мы возьмем в качестве нашего специального руководства при перечислении различных пыток, указывает тринадцать способов, которыми палач "осуществляет свои казни", и располагает их в следующем порядке:-- "огонь" -- "меч" -- "механическая сила" -- "четвертование" -- "колесо" -- "вилы" -- "виселица" -- "волочение" -- "пика" -- "отрезание ушей" -- "расчленение" -- "порка или избиение" -- и "столб".

[Рис. 345.](#) - Наказание огнем - факсимиле гравюры на дереве из "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Basle, 1552.

Но прежде чем перейти к деталям этой отвратительной темы, мы должны сказать, что, какому бы наказанию ни подвергался преступник, очень редко его исполнению не предшествовала *почетная поправка*, которая в некоторых случаях представляла собой отдельное наказание, но обычно была лишь прелюдией к самой пытке. *Почетная поправка*, которую называли *простой* или *короткой*, происходила без участия палача в камере совета, где осужденный, обнажив голову и стоя на коленях, должен был заявить, что "он ложно сказал или сделал что-то против власти короля или чести какого-то человека" ([Рис. 344](#)). Для *почетной поправки in figuris* - то есть публично - осужденный, в рубашке, босой, с веревкой на шее, за которым следовал палач, держа в руке восковую бумажку с весом, который точно указывался в вынесенном ему приговоре, но обычно составлял два или четыре фунта, становился на колени у дверей церкви, где громким голосом должен был признать свой грех и просить прощения у Бога и людей.

Когда преступника приговаривали к сожжению, на месте, специально предназначенном для казни, устанавливали кол, а вокруг него готовили кучу, состоящую из чередующихся слоев соломы и дерева и возвышающуюся примерно на высоту человеческого роста. Вокруг кола оставляли свободное пространство для жертвы, а также проход, по которому ее можно было подвести к нему. Раздевшись донага и облачившись в рубашку, намазанную серой, он должен был пройти к центру кучи через узкое отверстие, после чего его крепко привязывали к колу веревками и цепями. После этого в пустое пространство, через которое он проходил к колу, бросали опилки и солому, пока он не оказывался полностью покрыт ими; затем кучу обжигали со всех сторон сразу ([Рис. 345](#)).

Иногда приговор заключался в том, что преступника предавали огню только после того, как он был предварительно задушен. В этом случае мертвый труп сразу же клали на то место, где в противном случае находилась бы живая жертва, и наказание теряло свой ужас. Часто случалось, что палач, чтобы сократить страдания приговоренного, во время подготовки костра клал большой и острый железный прут среди охапок и напротив кола высотой в грудь, чтобы при разжигании костра прут быстро надвигался на жертву, нанося смертельный удар несчастному, которого в противном случае медленно сожрало бы пламя. Если, согласно приговору, прах преступника должен был быть развеян по ветру, то, как только удавалось подойти к центру горячей кучи, несколько пепелищ брали в совок и рассыпали в воздухе.

Не ограничиваясь сожжением живых, они предавали огню и тела тех, кто умер естественной смертью до того, как их казнили, как будто ожидаемая смерть не должна была спасти их от заслуженного наказания. Также в некоторых случаях, когда вина человека была доказана только после его смерти, его тело выкапывали и несли на костер для сожжения.

Наказание огнем всегда применялось в случаях ереси или богохульства. Испанская инквизиция применяла его так постоянно и жестоко, что выражение *auto-da-fé* (акт веры), странным образом извратившее свой первоначальный смысл, стало единственным, используемым для обозначения самого наказания. Во Франции в начале XIV века пятьдесят девять тамплиеров были сожжены одновременно за преступления ереси и колдовства. А три года спустя, 18 марта 1314 года, Жак Моле и еще несколько сановников ордена тамплиеров также погибли в пламени на оконечности острова Нотр-Дам, на том самом месте, где сейчас стоит конная статуя Генриха IV.

Всем известен тот факт, что судьи были признаны достаточно незаконными, чтобы приговорить Жанну д'Арк к смерти на костре как ведьму и еретичку. Ее казнь, состоявшаяся на рыночной площади Руана, примечательна одним малоизвестным обстоятельством, которое никогда не происходило ни по какому другому поводу. Когда предполагалось, что огонь, окружавший юную героиню со всех сторон, достиг ее и, несомненно, задушил, хотя и не прошло достаточно времени, чтобы он поглотил ее тело, часть пылающих дров была убрана, "чтобы устранить сомнения людей", и когда толпа убедилась, что видит ее в центре кучи, "прикованную к столбу и совершенно мертвую, палач заменил огонь....". В связи с этим следует отметить, что Джоан была обвинена в колдовстве, и люди были уверены, что пламя не причинит ей вреда и что она выйдет из кучи невредимой.

Наказание огнем не означало смерти на костре, поскольку существовало наказание такого рода, предназначенное специально для низких монетчиков и заключавшееся в бросании преступников в котел с обжигающей водой или маслом.

К категории наказаний огнем следует отнести и некоторые наказания, которые были, так сказать, лишь предварительными этапами более сурового наказания, например, серный костер, в котором сжигали руки отцеубийц или преступников, обвиненных в государственной измене. Сюда же следует добавить различные наказания, которые если и не влекли за собой смерть, то были не менее жестокими, такие как раскаленный мангал, *bassin ardent*, который ходили взад и вперед перед глазами преступника, пока они не уничтожались палящим жаром; а также процесс нанесения различных клейм на плоть, как неизгладимое клеймо, использование которого продолжается и по сей день.

В некоторых странах обезглавливание производилось с помощью топора, но во Франции оно обычно осуществлялось с помощью двуручного меча или глефы правосудия, которая была предоставлена палачу для этой цели ([Рис. 346](#)). Мы находим запись о том, что в 1476 году шестьдесят су Парижа были выплачены палачу Парижа "за покупку большого *эспандера*", используемого для обезглавливания приговоренных, и "за починку старого меча, который был поврежден и стал зазубренным во время исполнения приговора мессире Луи де Люксембургу".

[Рис. 346.](#) - Обезглавливание... Факсимиле миниатюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Базель, 1552.

Первоначально обезглавливанию подвергались без разбора все преступники, приговоренные к смерти; однако в более поздний период оно стало особой привилегией знати, которая подчинялась ему без какого-либо чувства унижения. Жертва - если только приговор не предписывал завязывать ей глаза в качестве позорного отягчения наказания - могла сама выбирать, закрывать ей глаза или нет. Он становился на колени на эшафоте, клал голову на колодку и отдавал себя в руки палача ([Рис. 347](#)). Мастерство палача обычно было таково, что голова почти всегда отделялась от тела с первого удара. Тем не менее, мастерство и практика иногда подводили, ведь известны случаи, когда наносилось до одиннадцати ударов, а иногда случалось, что меч ломался. Несомненно, именно желание избежать этого несчастья привело изобретению механического инструмента, известного сегодня под названием *гильотина*, который является лишь усовершенствованием сложного механизма, существовавшего гораздо дольше, чем принято считать. Уже в XVI веке современная гильотина существовала в Шотландии под названием "*Дева*", а английские историки рассказывают, что лорд Мортон, регент Шотландии во время несовершеннолетия Якова VI, построил ее по образцу аналогичной машины, которая уже давно использовалась в Галифаксе, в Йоркшире. Они добавляют, и народная традиция также придумала аналогичную историю во Франции, что этот лорд Мортон, который был изобретателем или первым, кто ввел этот вид наказания, сам первым испытал его на себе. Кроме того, гильотина очень точно описана в "Хрониках Жана д'Аутона", в рассказе о казни, которая состоялась в Генуе в начале XVI века. Две немецкие гравюры, выполненные около 1550 года Пенчем и Альдегревером, также изображают инструмент смерти, почти идентичный гильотине; тот же инструмент можно найти на барельефе того периода, который до сих пор находится в одном из залов Люнебургского трибунала в Ганновере.

[Обезглавливание Гийома де Помье.](#)

И его исповедника, в Бордо в 1377 году, по приказу лейтенанта короля Англии. *Хроники Фруассара*. No. 2644, Bibl. nat'le de Paris.

[Рис. 347.](#) - Публичные казни... Факсимиле гравюры на дереве в латинском труде Ж. Миллеуса "Praxis Criminis Persequendi": малый лист, Parisis, Simon de Colines, 1541.

Возможно, изобретение такой машины было вызвано желанием сократить физические страдания жертвы, а не продлевать их, как при древней системе. Однако трудно поверить, что средневековые судьи руководствовались какими-либо гуманными чувствами, когда мы узнаем, что для того, чтобы примирить уважение к *приличиям* с должным соблюдением целей правосудия, к наказанию в виде погребения заживо прибегали для женщин, которых нельзя было пристойно повесить на гильотине. В 1460 году женщина по имени Перетта, обвиненная в краже и получении краденого, была приговорена прокурором Парижа к "погребению заживо перед виселицей", и приговор был буквально приведен в исполнение.

Квартование можно по праву считать самым ужасным наказанием, изобретенным судебной жестокостью. Это наказание действительно уходит корнями в глубокую древность, но в более современные времена оно почти никогда не применялось, разве что к царевичам, которые рассматривались как совершившие самые страшные преступления. Почти во всех случаях жертва предварительно подвергалась различным сопутствующим пыткам: иногда ей отрубали правую руку, а изуродованный обрубок сжигали в котле с серой; иногда раскаленными щипцами рвали руки, бедра или грудь, а в раны заливали горячее масло, смолу или расплавленный свинец.

[Рис. 348.](#) - Демоны, применяющие пытку колесом... Факсимиле гравюры на дереве в "Большом Календере или Компосте Бергеров": малый лист, Труа, Николас ле Руж, 1529.

После этих ужасных предварительных действий к каждой из конечностей преступника привязывали веревку: по одной вокруг каждой ноги от ступни до колена и вокруг каждой руки от запястья до локтя. Затем эти веревки прикрепляли к четырем переколкам, к каждой из которых припрягали сильную лошадь, как для буксировки баржи. Сначала лошади делали короткие рывки, а когда агония вызывала душераздирающие крики несчастного, который чувствовал, что его конечности вывихнуты, но не сломаны, все четыре лошади внезапно разогнались кнутом в разные стороны, и таким образом все конечности напрягались в один момент. Если сухожилия и связки все еще сопротивлялись совместным усилиям четырех лошадей, палач помогал и делал несколько надрезов топором на каждом суставе. Когда, наконец, - а эта ужасная пытка часто длилась несколько часов - каждая лошадь отрывала по конечности, их собирали и клали рядом с отвратительным туловищем, которое часто еще подавало признаки жизни, и сжигали все вместе. Иногда приговаривали, что тело должно быть повешено на виселице, а конечности выставлены на воротах города или отправлены в четыре главных города на окраинах королевства. Когда это было сделано, "на каждой конечности была сделана надпись, в которой указывалась причина, по которой она была выставлена".

Колесо - это название, применяемое к пытке очень древнего происхождения, но в Средние века оно применялось к совсем другой пытке, чем та, что использовалась в старые времена. Современный инструмент можно было бы назвать крестом, поскольку он служил только для публичной демонстрации тела преступника, которому предварительно заживо переломали конечности. Эта пытка, датируемая не ранее времен Франциска I, описывается так: "Жертву сначала привязывали на спине к двум балкам, образующим крест Святого Андрея, каждая из конечностей была вытянута на руках. Под каждой конечностью были выдолблены два места на расстоянии около фута друг от друга, чтобы только суставы могли касаться дерева. Затем палач наносил по каждому углублению сильный удар квадратным железным прутком

шириной около двух дюймов с закругленной ручкой, таким образом ломая каждую конечность в двух местах. К восьми ударам, необходимым для этого, палач обычно добавлял два или три удара по груди, которые назывались *coups de grâce* и завершали эту ужасную казнь. Только после смерти изломанное тело клали на колесо, которое вращалось вокруг оси. Иногда, однако, приговор предписывал задушить приговоренного до того, как его сломают, что в таких случаях делалось путем мгновенного закручивания веревки вокруг шеи.

Удушение, осуществляемое таким образом, называлось "*garottинг*". Этот способ до сих пор используется в Испании и специально предназначен для знати. Жертву усаживают на эшафот, голову прислоняют к балке, а шею обхватывают железным ошейником, который палач внезапно затягивает сзади при помощи винта.

В течение нескольких столетий, вплоть до революции, повешение было самым распространенным способом казни во Франции; поэтому в каждом городе и почти в каждой деревне была постоянная виселица, которая, благодаря обычаю оставлять тела висеть, пока они не рассыплются в пыль, очень редко обходилась без нескольких трупов или скелетов, прикрепленных к ней. Эти виселицы, которые назывались *fourches patibulaires* или *justices*, потому что они представляли власть закона, обычно состояли из каменных столбов, соединенных на вершине деревянными траверсами, к которым тела преступников привязывались веревками или цепями. Виселицы, число столбов которых варьировалось в зависимости от воли властей, всегда располагались на обочине оживленных дорог и на возвышенности.

[Рис. 349.](#) - Виселица в Монфоконе - с гравюры "Топография Парижа" из собрания гравюр Национальной библиотеки.

Согласно установленному правилу, парижские виселицы, сыгравшие столь важную роль как в политической, так и в криминальной истории города, были возведены на возвышенности к северу от города, рядом с большой дорогой, ведущей в Германию. Монфокон, первоначальное название холма, вскоре стал названием самой виселицы. Это знаменитое место казни представляло собой тяжелую каменную кладку, состоящую из десяти или двенадцати слоев грубых камней, и образовывало ограждение размером сорок футов на двадцать пять или тридцать. В верхней части находилась платформа, на которую вела каменная лестница, вход на которую закрывала массивная дверь ([Fig. 349](#)). С трех сторон этой платформы возвышались шестнадцать квадратных столбов высотой около тридцати футов, сложенных из каменных блоков толщиной в фут. Эти столбы соединялись между собой двойными деревянными брусьями, в которые были вделаны железные цепи длиной в три фута с половиной, к которым были подвешены преступники. Внизу, на полпути между ними и помостом, были установлены другие брусья для той же цели. По длинным и прочным лестницам, прикрепленным к столбам, палач и его помощники могли подводить преступников или поднимать трупы, предназначенные для повешения. Наконец, в центре сооружения находилась глубокая яма - отвратительноеместилище разлагающихся останков преступников.

Можно легко представить себе странный и меланхоличный вид этой монументальной виселицы, если вспомнить, что к ней постоянно прикреплялись трупы, над которыми кормились тысячи ворон. Только в одном случае пришлось заменить *пятьдесят две* цепи, которые оказались бесполезными; счета города Парижа доказывают, что расходы на казни были более значительными, чем расходы на содержание гиббета, и этот факт легко понять, если вспомнить о частоте вынесения смертных приговоров в Средние века. Монфокон

использовался не только для казней, но и для обнажения трупов, которые привозили туда из различных мест казни во всех частях страны. Изуродованные останки преступников, которых варили, четвертовали или обезглавливали, также вывешивали там, заключив в кожаные или плетеные мешки. Часто они оставались висеть в течение длительного времени, как в случае с Пьером дез Эссартом, обезглавленным в 1413 году, останки которого были переданы его семье для христианского погребения после того, как он провисел на Монфоконе в течение трех лет.

Преступника, приговоренного к повешению, обычно везли к месту казни сидя или стоя в повозке, спиной к лошадям, рядом с ним находился его духовник, а за ним - палач. На шее у него было три веревки: две размером с мизинец, называемые *тортусами*, каждая из которых имела скользящий узел; третья, называемая *струей*, использовалась только для того, чтобы сдернуть жертву с лестницы и таким образом запустить ее в вечность ([Рис. 350](#)). Когда повозка подъезжала к подножию виселицы, палач сначала поднимался по лестнице спиной вперед, увлекая за собой преступника с помощью веревок и заставляя его идти в ногу с собой; добравшись до вершины, он быстро прикреплял две *муки* к кронштейну виселицы и толчком колена спускал преступника с лестницы, все еще держа *струю* в своей руке. Затем он поставил ноги на связанные руки осужденного и, подвешивая себя за руки к виселице, несколькими рывками добил свою жертву, обеспечив тем самым полное удушение.

Когда в приговоре встречаются слова "должен быть повешен, пока не наступит смерть", не следует думать, что они использовались просто для формы, поскольку в некоторых случаях судья приказывал исполнить приговор лишь настолько, чтобы доказать преступнику ужасные ощущения от повешения. В таких случаях жертву просто подвешивали на веревках, продетых под мышками, - этот вид демонстрации не был лишен опасности, если он слишком затягивался, поскольку вес тела так натягивал веревку вокруг груди, что кровообращение могло прекратиться. Многие преступники, провисевшие таким образом час, когда их спускали, были мертвы или пережили этот болезненный процесс лишь на короткое время.

[Рис. 350.](#) - Повешение под музыку. (Менестрель, приговоренный к виселице, получил разрешение, чтобы один из его товарищей сопровождал его на казнь и играл на своем любимом инструменте на лестнице виселицы) --Факсимиле гравюры на дереве в книге Мишо "Doctrinal du Temps Présent:" small folio, goth., Bruges, около 1490 года.

В другом месте (глава "*Привилегии и права, феодальные и муниципальные*") мы видели, что, когда преступник проходил перед монастырем *Филе-Дьё*, монахини этого заведения были обязаны принести ему стакан вина и три куска хлеба, и это называлось *le dernier morceau des patients*. От этого почти никогда не отказывались, и огромная толпа помогала в этой печальной трапезе. После этого процессия шла дальше, и, приблизившись к виселице, делала еще один привал у подножия каменного креста, чтобы преступник мог получить религиозные увещания от своего духовника. Как только казнь заканчивалась, духовник и служители правосудия возвращались в Шатле, где их ждала трапеза, предоставленная городом.

[Рис. 351.](#) - Вид пиллюи на рыночной площади Парижа в XVI веке, по рисунку неизвестного художника 1670 года.

Иногда преступников, в силу особой формулировки приговора, доставляли в Монфокон живыми или мертвыми на лестнице, прикрепленной за телегой. Это было отягчающим наказанием, которое называлось *traîner sur la claie*.

Наказание плетью применялось двумя способами: во-первых, под *стражей*, то есть внутри тюрьмы, и рукой самого тюремщика, в этом случае оно было просто исправлением; во-вторых, публично, когда его применение становилось не только позорным, но и болезненным. В последнем случае преступник шествовал по городу, раздетый до пояса, и на каждом перекрестке получал определенное количество ударов по плечам, наносимых общественным палачом тростью или узловатой веревкой.

Когда требовалось только заклеить преступника позором, его сажали *на столб*, который обычно представлял собой подобие эшафота, снабженного цепями и железными ошейниками, а спереди на нем изображался герб феодала. В Париже так называли круглую изолированную башню, построенную в центре рынка. Высота башни составляла шестьдесят футов, в толстых стенах были проделаны большие отверстия, в которых находилось горизонтальное колесо, способное вращаться на шарнире. Это колесо было пронизано несколькими отверстиями, сделанными так, чтобы в них можно было просунуть руки и голову преступника, который, проходя и проезжая перед глазами толпы, оказывался на виду и подвергался ее улюлюканью ([Fig. 351](#)). Столбы всегда располагались в наиболее посещаемых местах, таких как рынки, перекрестки и т.д.

Несмотря на длинное и страшное перечисление средневековых наказаний, мы далеко не исчерпали тему; ведь мы не сказали о нескольких более или менее жестоких наказаниях, которые применялись в разное время и в разных странах; таких, как *крестные муки*, специально применявшиеся против евреев; *аркебузада*, которая была хорошо приспособлена для осуществления быстрого правосудия над солдатами; *шатульон*, который приводил к смерти после самых сильных пыток; *пал* ([рис. 352](#)), *забрасывание живьем*, и, наконец, *утопление* - вид смерти, часто применявшийся во Франции. Отсюда и расхожее выражение - *gens de sac et de corde*, которое произошло от мешка, в который завязывали людей, приговоренных к смерти через погружение в воду..... Но теперь мы отвлечемся от этих ужасных сцен и рассмотрим несколько методов секвестра и устройства тюрем.

Излишне говорить, что в варварские времена жестокое и безжалостное чувство, побуждавшее законодателей усиливать ужасы пыток, также способствовало ухудшению участи заключенных. У каждого служителя закона была своя личная тюрьма, которая полностью подчинялась его воле и контролю ([Рис. 353](#)). Закон или обычай не предписывали никаких фиксированных правил для внутреннего управления тюрьмами. Однако можно не сомневаться, что эти тюрьмы были столь же малы, сколь и нездоровы, если судить по темнице на Рю де ла Таннери, которая в 1383 году принадлежала провизору, купцам и олдерменам Парижа. Хотя эта темница была всего одиннадцать футов в длину и семь футов в ширину, в ней часто содержалось от десяти до двадцати узников одновременно.

[Рис. 352.](#) -Empalement.- Факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Basle, 1552.

В одном только Париже было двадцать пять или тридцать специальных тюрем, не считая *vade in pace* различных религиозных общин. Самыми важными из них были Большой Шатле, Малый Шатле, Бастилия, Консьержери и Фор-л'Эвек, древняя резиденция церковной

юрисдикции епископа Парижского. Почти все эти места заключения содержали подземные камеры, почти полностью лишенные воздуха и света. В качестве примера можно привести *Шартрские басы* в Пти-Шатле, где при Карле VI было доказано, что ни один человек не мог провести целый день, не задохнувшись; и страшные камеры, вырытые на тридцать футов ниже поверхности земли, в тюрьме аббатства Сен-Жермен-де-Пре, крыша которых была настолько низкой, что в них не мог встать человек среднего роста, и где солома на постелях заключенных плавала на застойной воде, сочившейся через стены.

[Рис. 353.](#) - Тюрьма проректора - факсимиле гравюры на дереве из книги Ж. Дамхудера "Praxis Rerum Civilium".

Большой Шатле был одной из самых древних тюрем Парижа, и, вероятно, именно в ней содержалось наибольшее количество заключенных. По любопытному и произвольному обычаю, заключенные были вынуждены платить тюремный сбор при входе и выходе из этой тюрьмы, который варьировался в зависимости от их ранга и был установлен законом 1425 года. Из этого закона мы узнаем, как назывались различные места заключения, составляющие эту просторную муниципальную тюрьму. Заключенный в *Бовуар*, *Ла Мате* или *Ла Салль* имел право "получить кровать из собственного дома" и должен был только заплатить тюремщику за место; тот, кто был помещен в *Бушери*, *Бомон* или *Гризеш*, "закрытые тюрьмы", должен был заплатить четыре денье "за место"; Тот, кто был заключен в *Бове*, "лежал на циновках или на слоях камыша или соломы" (*gist sur nates ou sur couche de feurre ou de paille*); если он предпочитал, его могли поместить в *Пюи*, в *Гурден*, в *Беркуэй* или в *Облиетт*, где он платил не больше, чем в *Фоссе*. За это, несомненно, взималась наименьшая плата. Иногда, однако, заключенного оставляли между двумя дверями ("*entre deux huis*"), и тогда он платил гораздо меньше, чем в *Barbarie* или *Gloriette*. Точное значение этих диковинных названий нам уже не понять, несмотря на ужас, который они наводили в прошлом, но сама их странность дает нам основания предполагать, что тюремная система в те времена была подвержена самой одиозной рафинированности и самой жестокой жестокости.

Из различных достоверных источников мы узнаем, что в Большом Шатле существовало место, называемое *Шоссе д'Гипокрас*, в котором ноги заключенных постоянно находились в воде и где они не могли ни встать, ни лечь; а также камера, называемая *Фин д'аиз*, которая была ужасным вместилищем грязи, паразитов и рептилий; что касается *Фоссе*, то к ней не было лестницы, и заключенные спускались в нее с помощью веревки и шкива.

По закону 1425 года тюремщику не разрешалось класть на одну койку более *двух или трех* человек. Он был обязан давать "хлеб и воду" бедным заключенным, у которых не было средств к существованию; и, наконец, ему было предписано "держать большой каменный бассейн, который стоял на мостовой, полным воды, чтобы заключенные могли брать ее, когда захотят". Чтобы покрыть свои расходы, он брал с заключенных различную плату за посещение и постельные принадлежности, и ему было разрешено держать в тюрьме любого человека, который не заплатит ему. Право требовать уплаты этих сборов сохранялось даже после вынесения судьей постановления об освобождении заключенного.

[Рис. 354.](#) - Бастилия - со старинной гравюры с топографией Парижа, хранящейся в коллекции гравюр Национальной библиотеки.

Подземные камеры Бастилии ([Рис. 354](#)) мало чем отличались от камер Шатле. Здесь было несколько камер, дно которых напоминало перевернутую сахарницу, что не позволяло

узнику ни встать, ни даже принять сносное положение сидя или лежа. Именно в них король Людовик XI, равнодушный к грязным темницам, поместил двух малолетних сыновей герцога де Немура (обезглавленного в 1477 году), приказав, кроме того, дважды в неделю выводить их и бить березовыми прутьями, а в качестве высшей меры жестокости каждые три месяца удалять им один из зубов. Именно Людовик XI в 1476 году приказал возвести в одной из башен Бастилии знаменитую *железную клетку*, в которой Гийом, епископ Верденский, был заключен в тюрьму на четырнадцать лет.

В замке Лош также находилась одна из таких клеток, получившая название *Клетка Балуэ*, поскольку в ней был заключен кардинал Жан де ла Балуэ. Филипп де Коммин в своих "Записках" утверждает, что сам он пробовал ее в течение восьми месяцев. До изобретения клеток Людовик XI приказал сделать очень тяжелые цепи, которые пристегивались к ногам заключенных и крепились к большим железным шарам, называемым, по словам Коммина, маленькими дочерьми короля (*les fillettes du roy*).

[Рис. 355.](#) - Передвижная железная клетка - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера, in folio, Базель, 1552.

Тюрьма, известная под названием "Венецианские свинцы", имеет столь печальную известность, что достаточно простого упоминания о ней, и нам нет необходимости описывать ее. Что касается добровольного уединения, которому подвергались некоторые благочестивые люди в качестве актов крайней религиозной преданности, то здесь необходимо лишь упомянуть, что есть примеры, когда такое заточение было предписано законной властью. В 1485 году Рене де Вермандуа, вдова сквайра, была приговорена к сожжению за прелюбодеяние и убийство мужа; но, получив от короля прощение, парламент смягчил приговор, вынесенный прокурором Парижа, и постановил, что Рене де Вермандуа должна быть "заключена в стенах кладбища Святых-Иноков, в небольшом доме, построенном за ее счет, чтобы там она могла совершать покаяние и окончить свои дни". В соответствии с этим приговором преступницу с большой помпой проводили в приготовленную для нее камеру, а дверь заперли на два ключа, один из которых остался в руках церковного старосты (*marguillier*) церкви Святых Невинных, а другой был передан на хранение в канцелярию парламента. Пленница получала пищу из общественной благотворительности, и, как говорят, стала объектом почитания и уважения всего города.

[Рис. 356.](#) - Кошка-девятыхвостка. Факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера.

ЕВРЕИ.

Рассеяние евреев.- Еврейские кварталы в средневековых городах.- Римское *гетто*.- Древняя Прага.- Венецианская *Джудекка*.- Положение евреев.- Враждебность народа к ним.- Жестокое и досадное обращение государей.- Евреи Линкольна.- Евреи Блуа.- Миссия *Пастуро*.- Истребление евреев.- Цена, по которой евреи покупали индульгенции.- Знаки, установленные на них.- Здоровье, знания, промышленность и финансовые способности евреев.- Правила, касающиеся ростовщичества, практикуемые евреями.- Привязанность евреев к своей религии.

Болезненная и мрачная история начинается для еврейской расы с того дня, когда римляне захватили Иерусалим и изгнали его несчастных жителей, расу, по сути своей однородную, сильную, терпеливую и религиозную, ведущую свое происхождение с самого отдаленного периода патриархальных веков. Иудеи, гордившиеся титулом "народ Божий", были рассеяны, изгнаны и получили всеобщее осуждение ([Рис. 357](#)), несмотря на то что их летописи, собранные под божественным вдохновением Моисеем и священными писателями, послужили славным прологом к летописям всех современных народов и дали миру святую и божественную историю Христа, который, установив Евангелие, должен был стать возродителем всего рода человеческого.

Их храм разрушен, и толпа, которая когда-то теснилась под его портиком как стадо Бога живого, превратилась в жалкое племя, беспокойное и неспокойное в настоящем, но полное надежд на будущее. Еврейская *нация* нигде не существует, однако еврейский *народ* можно встретить повсюду. Они скитаются по лицу земли, их постоянно преследуют, угрожают и гонят. Казалось бы, существование потомства Израиля увековечено лишь для того, чтобы представить глазам христиан ясное и ужасное предупреждение о Божественном возмездии, особый и в то же время непреодолимый пример тех превратностей, которые только Бог может определить в жизни народа.

[Рис. 357.](#) - Изгнание евреев в царствование императора Адриана (135 г. н. э.): "Как Ираклий изгнал евреев из Иерусалима" -- факсимиле миниатюры из "Истории императоров", рукописи XV века, хранящейся в библиотеке Арсенала в Париже.

М. Деппинг, историк этой так долго проклинаемой расы, которая на протяжении веков была благословлена и благосклонна Богом, говорит: "Еврейская община в европейском городе в средние века напоминала колонию на острове или на далеком побережье. Изолированная от остального населения, она обычно занимала район или улицу, отделенную от города или района. Евреи, подобно отряду прокаженных, были оттеснены и сгруппировались в самом неудобном и самом нездоровом квартале города, столь же жалком, сколь и отвратительном. Там, в плохо построенных домах, ютилось это бедное и многочисленное население; в некоторых случаях высокие стены ограждали маленькие и темные узкие улочки квартала, занятого этой бранным расой, что препятствовало его расширению, хотя, в то же время, часто защищало жителей от ярости населения".

Чтобы составить представление о том, какими были еврейские кварталы в средневековых городах, необходимо посетить *гетто* Рима или древнюю Прагу. Последняя, в частности, во всех отношениях сохранила свой античный облик. Мы должны представить себе большой загон из убогих домов, построенных неравномерно, разделенных маленькими улочками без малейшей попытки соблюсти единообразие. Главная улица усеяна лавками, в которых

продается не только старая одежда, мебель и утварь, но и новые, сверкающие вещи. Жители этого квартала могут, не выходя за его пределы, приобрести все необходимое для материальной жизни. В этом квартале находится старая синагога - квадратное здание, изъеденное вековой грязью, покрытое таким слоем грязи и мха, что камень, из которого оно построено, почти не виден. В здании, унылом, как тюрьма, есть только узкие бойницы для окон и дверь, настолько низкая, что нужно наклониться, чтобы войти в нее. Внутри ведет темный проход, в который с трудом проникают воздух и свет. Несколько ламп борются с темнотой, а зажженные костры немного смягчают ледяную температуру этого подвала. Колонны то тут, то там поддерживают крышу, которая слишком высока и слишком темна, чтобы глаз посетителя мог ее различить. По бокам находятся темные и сырые помещения, где женщины помогают совершать богослужения, которые всегда проходят, согласно древнему обычаю, с причитаниями и странными жестами тела. Используемая книга Закона не менее почтенна, чем здание, в котором она находится. Похоже, что эта синагога не подвергалась ни малейшему ремонту или изменениям на протяжении многих веков. Сменяющие друг друга поколения, молившиеся в этом древнем храме, покоятся под тысячами могильных камней на кладбище, которое относится к той же дате, что и синагога, и составляет около лиги в окружности.

Париж никогда не имел, собственно говоря, постоянного *еврейского квартала*; правда, израильтяне селились по соседству с рынками и на некоторых узких улочках, которые в тот или иной период получили название *Жуивери* или *Вьель Жуивери (Старое еврейство)*; но они никогда не отличались от остального населения; у них было лишь отдельное кладбище, расположенное у подножия или, скорее, на склоне холма Сент-Женевьев. С другой стороны, большинство городов Франции и Европы имели свое *еврейство*. В некоторых странах колонии евреев пользовались определенными иммунитетами и защитой, что делало их жизнь менее опасной, а занятия - более оседлыми.

В Испании и Португалии евреям, вследствие того, что они неоднократно оказывались полезными королям этих двух стран, было разрешено вести торговлю и заниматься денежными спекуляциями за пределами своих кварталов; некоторые из них были возведены на ответственные должности, а некоторые даже терпимы при дворе.

В южных городах Франции, которые они обогащали торговлей и налогами и где они образовывали значительные общины, евреи пользовались покровительством знати. В Лангедоке и Провансе они покупали и продавали имущество, как христиане, - привилегия, которая не разрешалась им в других местах: это доказывают хартии и договоры, заключенные в XII и XIII веках, на которых подпись некоторых евреев выполнена еврейскими буквами. На папских землях, в Авиньоне, Карпентрасе и Кавайоне, у них были *бейли*, или консулы их нации. Евреи Руссильона во времена испанского владычества (XV век) управлялись двумя синдиками и писцом, избираемыми общиной. Последний взимал налоги, причитающиеся королю Арагона. В Бургундии они выращивали виноградники, что было довольно необычно, поскольку евреи обычно предпочитали города, где они могли образовывать более компактные группы, способные к взаимопомощи. Название *Сабат*, данное винограднику в окрестностях Макона, до сих пор указывает на местоположение их синагоги. Деревня *Муис*, входящая в состав коммуны Присси, обязана своим названием богатому израильтянину Моисею, который получил эту землю в качестве компенсации за деньги, одолженные графу Герфруа де Макон, которые тот не смог вернуть. В Вене, где у израильтян был особый квартал, до сих пор называемый *Еврейским*.

Рис. 358. - Евреи берут кровь у христианских детей для своих мистических обрядов - из иллюстрированного рисунка пером и чернилами в книге Кабала Авраама Еврея (Библиотека Арсенала, Париж).

На площади над ними был поставлен специальный судья, назначенный герцогом. Освобожденные от городских пошлин, они платили особый налог *poil*, а также вносили взносы, но наравне с христианскими вассалами, в чрезвычайные тарифы, военные налоги, дорожные расходы дворян и т. д. Эта община даже разбогатела настолько, что в конце концов заложила большую часть домов в городе.

В Венеции у евреев тоже был свой квартал - *Джудекка*, который до сих пор остается одним из самых мрачных в городе; но они не слишком заботились о таких пустяковых неудобствах, поскольку республика позволяла им заниматься банковским делом, то есть ссужать деньги под проценты; и хотя их неоднократно изгоняли, они всегда находили средства, чтобы вернуться и возобновить свою деятельность. Когда им было разрешено обосноваться в городах Адриатики, их присутствие не могло не раздражать христианских купцов, чьими конкурентами они были; но ни в Венеции, ни в итальянских республиках им не приходилось опасаться ни придворных интриг, ни ненависти торговых корпораций, которые были так сильны во Франции и в Германии.

Именно на севере Европы вражда к евреям была наиболее сильной. Христианское население постоянно угрожало еврейским кварталам, на которые общественное мнение указывало как на притоны и раковины беззакония. Считалось, что евреи гораздо более склонны к доктринам Талмуда, чем к законам Моисея. Как бы они ни скрывали свои познания, часть его догматов была раскрыта, и предполагалось, что она прививает право грабить и убивать христиан; именно смутному знанию этих одиозных предписаний Талмуда мы должны приписать готовность, с которой всегда приветствовались самые зверские обвинения в адрес евреев.

Кроме того, общественное сознание в те дни фанатизма, естественно, было наполнено глубокой антипатией к еврейским деистам. Когда ежегодно на Страстной неделе монахи и священники рассказывали с кафедры своим слушателям отвратительные подробности Страстей, в сердцах христиан разгоралось негодование против потомков судей и палачей Спасителя. И когда, выходя из церквей, возбужденные только что услышанными проповедями, верующие видели на картинах, на кладбищах и в других местах изображения тайны смерти нашего Спасителя, в которой евреи играли столь одиозную роль, едва ли был зритель, не испытывавший повышенной ненависти к осужденной расе. Поэтому во многих городах, даже если власти не принуждали их к этому, израильтяне считали благоразумным затвориться в своем квартале и даже в своих домах на всю Страстную неделю; ведь из-за общественного чувства, возбужденного в эти дни траура и покаяния, ложного слуха было вполне достаточно, чтобы дать народу предлог для насилия над евреями.

На самом деле, с самых первых дней христианства против израильтян постоянно выдвигалось определенное количество обвинений, то в одной стране, то в другой, которые всегда заканчивались тем, что на их головы обрушивались одни и те же несчастья. Самым распространенным и легко веримым был тот, который приписывал им убийство какого-нибудь христианского ребенка, якобы принесенного в жертву на Страстной неделе в знак их ненависти к Христу; и если это ужасное обвинение однажды произносилось и поддерживалось народным мнением, оно не переставало распространяться с поразительной быстротой. В таких случаях народная ярость, не всегда удовлетворенная

задержкой судебных решений, обрушивалась на первых же евреев, имевших несчастье попасть в руки своих врагов. Как только слышался шум, еврейский квартал закрывался; отцы и матери баррикадировались внутри вместе со своими детьми, прятали все богатства, которыми обладали, и с трепетом прислушивались к крикам толпы, которая вот-вот должна была их осадить.

[Рис. 359](#). - Тайное собрание евреев в доме раввина - факсимиле миниатюры из "Пелеринажа человеческой жизни", рукописи XIV века, хранящейся в Парижской национальной библиотеке.

В 1255 году в Линкольне внезапно распространилось сообщение о том, что ребенка по имени Хьюз заманили в еврейский квартал и там бичевали, распяли и пронзили копьями в присутствии всех израильтян района, которые были созваны и собрались, чтобы принять участие в этом ужасном варварстве. Король и королева Англии, возвращаясь из путешествия по Шотландии, прибыли в Линкольн как раз в то время, когда жители города были так взволнованы этим таинственным объявлением. Народ взывал к отмщению. Был отдан приказ судебным исполнителям и служащим короля отдать убийцу в руки правосудия, а в квартал, где затворились евреи, чтобы избежать враждебного отношения общества, немедленно ворвались вооруженные люди. Раввин, в доме которого, как предполагалось, пытали ребенка, был схвачен и сразу же приговорен к тому, чтобы его привязали к хвосту лошади и протащили по улицам города. После этого его растерзанное тело, которое было мертво лишь наполовину, повесили ([Рис. 359](#)). Многие евреи разбежались и спрятались во всех частях королевства, а тех, кто имел несчастье быть пойманным, бросили в цепи и повели в Лондон. В провинциях был отдан приказ сажать в тюрьму всех израильтян, обвиненных или даже заподозренных в том, что они принимали активное или косвенное участие в убийстве ребенка Линкольна; и подозрения в те дни быстро распространялись. За короткий промежуток времени восемнадцать израильтян в Лондоне разделили судьбу раввина их общины в Линкольне. Некоторые монахи-доминиканцы, проявившие милосердие и мужество, чтобы вступить за несчастных узников, навлекли на себя одиозную печать и были обвинены в том, что позволили развратить себя на деньги евреев. Семьдесят один узник содержался в лондонских темницах и, казалось, неминуемо должен был умереть, когда брат короля, Ричард, пришел к ним на помощь, заявив о своем праве на всех евреев королевства - праве, которое король заложил ему за ссуду в 5000 серебряных марок. Таким образом, несчастные пленники были спасены благодаря желанию Ричарда защитить свои ценные бумаги. История не знает, во что обошлась им свобода, но мы должны надеяться, что английским принцем руководило только чувство справедливости, а евреи нашли другие средства, кроме денег, чтобы выразить свою благодарность.

Вряд ли в Европе найдется страна, которая не рассказывала бы подобных историй. В 1171 году в Орлеане или Блуа произошло убийство ребенка, из-за которого несколько евреев были подвергнуты смертной казни. Обвинения такого ужасного характера постоянно возобновлялись в Средние века и имели очень древнее происхождение; мы слышим о них во времена Гонория и Феодосия Младшего; мы находим их воспроизведенными с такой же яростью в 1475 году в Тренте, где разъяренная толпа была возбуждена против евреев, которых обвинили в уничтожении ребенка двадцати девяти месяцев от роду по имени Симон. Рассказ о мученической смерти этого ребенка широко распространялся, и ксилографические изображения его свободно распространялись, что неизбежно усиливало, особенно в Германии, ужас, который вызывало в умах христиан отношение к проклятой нации ([Рис. 361](#)).

[Рис. 360.](#) - Младенец Ричард, распятый евреями в Понтуазе - факсимиле гравюры на дереве с рисунками Вольгемута в "Liber Chronicarum Mundi": большой лист, Нюрнберг, 1493 год.

Евреи давали повод для других обвинений, рассчитанных на поддержание этой ненависти; например, в осквернении освященного воинства, изувечивании распятия. Предание сообщает нам о чуде, которое произошло в Париже в 1290 году на улице Жарден, когда один еврей осмелился изуродовать и сварить освященную святыню. В память об этом чуде на этом месте была возведена часовня, которую впоследствии заменили церковь и монастырь Биллетт. В 1370 году жители Брюсселя были потрясены заявлениями одной еврейки, которая обвинила своих единоверцев в том, что они заставили ее нести пикс, полный украденных святынь, к евреям Кельна, чтобы подвергнуть их самым ужасным осквернениям. Женщина добавила, что евреи проткнули этих хозяев палками и ножами, и из них вылилось такое количество крови, что виновные были поражены ужасом и спрятались в своем квартале. Всех евреев заключили в тюрьму, подвергли пыткам и сожгли заживо ([Рис. 362](#)). Чтобы увековечить память о чуде кровоточащих хозяев, ежегодно устраивалось шествие, которое и послужило началом великой кермессе, или ежегодной ярмарки.

[Рис. 361.](#) - Мученичество Симона в Тренте - уменьшенное факсимиле гравюры Вольгемута в "Liber Chronicarum Mundi": большой лист, Нюрнберг, 1493 год.

В случае какого-либо непредвиденного несчастья или большой катастрофы, произошедшей с христианами, одиоз часто сваливали на евреев. Если крестоносцы терпели поражение в Азии, фанатики объединялись в группы, которые под именем *Пастуро* распространялись по стране, убивая и грабя не только евреев, но и многих христиан. В случае любой общей болезни, особенно во время эпидемий, евреев обвиняли в том, что они отравили воду в фонтанах и ямах, и в результате народ расправлялся с ними. Тысячи людей погибли таким образом, когда в XIV веке в Европе свирепствовала черная чума. Государи, медлившие с пресечением этих кровопролитных процессов, никогда не думали о возмещении ущерба еврейским семьям, которые так несправедливо пострадали.

[Рис. 362.](#) - Евреи Кельна, сожженные заживо - с гравюры на дереве в "Liber Chronicarum Mundi": большой лист, Нюрнберг, 1493 год.

На самом деле, в то время очень религиозно верили, что, презирая и держа под игом еврейский народ, изгнанный из Иудеи за убийство Иисуса Христа, исполняется воля Всевышнего, настолько, что большинство королей и князей считали себя абсолютными хозяевами над евреями, которые жили под их защитой. Все феодалы с презрением отзывались о *своих евреях*; они позволяли им обосноваться на своих землях, но при условии, что, став подданными и собственностью своего господина, последний будет получать от них максимальный доход.

Мы показали на примере, заимствованном из истории Англии, что евреи часто закладывались королями как земля. Но и это еще не все, ибо евреи, населявшие Великобританию во время правления Генриха III, в середине XIII века, не только были вынуждены признать, добровольно внеся большие суммы денег, услугу, которую оказал им брат короля, освободив их от обвинения в причастности к убийству ребенка Ричарда, но и закладная, материальным и пассивным обеспечением которой они являлись, стала причиной одиозных поборов с них. Король заложил их графу Корнуоллу за 5 000 марок, но они сами должны были погашать королевский кредит с помощью огромных налогов. Когда им удалось списать долг короля перед его братом, этот нуждающийся монарх снова заложил

их, но уже своему сыну Эдуарду. Вскоре после этого, когда сын восстал против отца, последний вернул себе евреев и, собрав по шесть старейшин от каждой из их общин, объявил им, что требует 20 000 серебряных марок, и приказал выплатить ему эту сумму в два установленных срока. Выплаты производились неукоснительно; тех, кто отставал, сажали в тюрьму, а должнику, просрочившему второй платеж, предъявляли иск на всю сумму. После смерти короля его преемник продолжил ту же систему тирании в отношении евреев. В 1279 году их обвинили в выпуске фальшивой монеты, и по этому неопределенному или вымышленному обвинению только в Лондоне было предано смерти двести восемьдесят мужчин и женщин. В графствах также было совершено множество казней, а многие невинные люди были брошены в темницы; наконец, в 1290 году король Эдуард, желавший обогатиться, завладев их имуществом, изгнал евреев из своего королевства. За некоторое время до этого английский народ предложил королю выплачивать ежегодный штраф за изгнание евреев из страны, но евреи перебили их и таким образом добились отмены эдикта об изгнании. Однако и в этот раз пощады не последовало, и евреи, числом шестнадцать тысяч, были изгнаны из Англии, а король наложил арест на их товары.

В тот же период Филипп ле Бель из Франции подал пример подобной системы преследования евреев, но, вместо того чтобы конфисковать все их имущество, он довольствовался пятой частью; его подданные, таким образом, почти обвинили его в великодушии.

[Рис. 363.](#) - Еврейский заговор во Франции - с миниатюры в "Пелеринаже человеческой жизни" (Императорская библиотека, Париж).

Евреи часто принимали меры предосторожности, покупая определенные права и привилегии у своего государя или феодала, под властью которого они жили; но, как правило, это были односторонние сделки, поскольку, не будучи защищены общими правами и составляя лишь небольшую часть населения, они ни в коем случае не могли полагаться на данные им обещания или привилегии, даже если они покупали их на свои деньги.

К неопределенности и раздражению от жизни, которая постоянно находилась под угрозой, добавлялся ряд досадных и личных оскорблений, даже в обычное время, когда они пользовались своего рода нормальной терпимостью. Почти повсеместно они были вынуждены носить на одежде видимый знак, например нашивку яркого цвета на плече или груди, чтобы их не принимали за христиан. По этой или другой причине они постоянно подвергались оскорблениям со стороны народа, и избавиться от них удавалось только путем уплаты самых огромных штрафов. Ничего не жалели, чтобы унижить и оскорбить их. В Тулузе они были вынуждены посылать своего представителя в собор в каждую Страстную пятницу, чтобы он мог там публично получить коробочкой по ушам. В Безье во время Страстной недели толпа имела право нападать на дома евреев с камнями. В 1160 году евреи откупились от этого права, заплатив определенную сумму виконту де Безье и пообещав ему и его преемникам ежегодный налог. Еврей, проходящий по дороге Этамп под башней Монлери, должен был заплатить обол; если у него была книга на иврите, он платил четыре денье, а если он нес с собой лампу, то два оболы. В Шатонеф-сюр-Луар проезжающий еврей должен был заплатить двенадцать дензнаков, а еврейка - шесть. Говорят, что в древности с евреев взимались различные поборы, при которых с ними обращались как со скотом, но это требует подтверждения. Во время карнавала в Риме их заставляли бежать в списках, под насмешки народа. Впоследствии это публичное безобразие было прекращено благодаря налогу в 300 экю, который депутация из гетто на коленях преподнесла городским магистратам, одновременно поблагодарив их за защиту.

Когда папа Мартин IV прибыл на Констанцкий собор в 1417 году, еврейская община, которая была столь же многочисленна, сколь и влиятельна в этом старом городе, пришла в большом количестве, чтобы преподнести ему книгу Закона ([Fig. 364](#)). Святой отец принял иудеев ласково и молил Бога открыть им глаза и вернуть их в лоно своей церкви. Мы также знаем, насколько милосердны были папы по отношению к евреям.

Перед лицом бедственного положения, в котором они находились, можно спросить, какой мощный мотив побуждал евреев жить среди народов, которые почти всегда обращались с ними как с врагами, и оставаться на милости государей, единственной целью которых было угнетать, грабить и подвергать их всевозможным досадам? Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что в своей особой склонности к зарабатыванию и накоплению денег они нашли, или, по крайней мере, надеялись найти, средство компенсации, с помощью которого их можно было заставить забыть о рабстве, которому они подвергались.

Среди них, особенно в южных странах, было несколько очень ученых людей, которые посвятили себя главным образом медицине; чтобы избежать борьбы с непреодолимыми предрассудками, они тщательно скрывали свою национальность и религию при занятиях этим искусством.

Рис. 364. - Еврейская процессия, идущая навстречу Папе на Констанцском соборе в 1417 г. - по миниатюре в рукописной хронике Ульри де Рейхенталя, хранящейся в библиотеке Базельского особняка в Швейцарии.

Чтобы не вызывать подозрений у своих пациентов, они выдавали себя за практиков из Ломбардии, Испании или даже Аравии; были ли они действительно умны или только притворялись таковыми в искусстве, которое в то время представляло собой соединение шарлатанства и самозванства, сказать трудно, но они приобрели богатство и славу на этой практике. Но была и другая наука, изучению которой они предавались с величайшим рвением и упорством и для которой они обладали в удивительной степени качествами, необходимыми для достижения успеха, и эта наука была наукой финансов. В делах, связанных с взысканием недоимок по налогам, с договорами о продаже товаров и продуктов промышленности, с обращением в доход роялти, с превращением опасных коммерческих предприятий в прибыльные или с накоплением крупных денежных сумм для использования государями или бедными вельможами, евреи всегда были под рукой, и на них всегда можно было рассчитывать. Они создавали капитал, ибо у них всегда были средства, которыми можно было распорядиться, даже в разгар самых ужасных общественных бедствий, и, когда все другие средства были исчерпаны, когда безуспешно прибегали ко всем способам наполнить пустые кошельки, прибегали к помощи евреев. Часто, из-за зависти, которую они вызывали, будучи известными как обладатели кладов золота, они подвергались многим опасностям, которые, тем не менее, преодолевали, подбадривая себя ненасытной любовью к наживе.

Немногие христиане в Средние века были склонны к спекуляциям, и они были особенно невежественны в финансовых вопросах, поскольку требование процентов по займам почти всегда рассматривалось как ростовщичество, и, следовательно, такие сделки были клеймены как позорные. Евреи были далеки от того, чтобы разделять эти высокодуховные предрассудки, и пользовались невежеством христиан, посвящая себя как можно больше предприятиям и спекуляциям, которые во все времена были отличительным занятием их расы. По этой причине мы видим, что евреи, занимавшиеся экспортной торговлей с XII по XV век, вели превосходный бизнес даже в торговых городах Средиземноморья. Говоря об

общении евреев с христианами Средневековья, мы можем в определенной степени применить то, что заметила леди Монтегю в 1717 году, сравнивая евреев Турции с мусульманами: "Первые, - говорит она, - монополизировали всю торговлю империи благодаря тесным связям, существующим между ними, а также лени и недостатку промышленности у турок. Ни одна сделка не заключается без их попустительства. Они являются лекарями и управителями всей знати. Легко представить себе единство, которое это придает нации, никогда не пренебрегающей малейшей прибылью. Они нашли способ сделать себя настолько полезными, что могут быть уверены в защите при дворе, кто бы ни был правящим министром. Многие из них чрезвычайно богаты, но они стараются не выставлять себя напоказ, хотя живут в величайшей роскоши".

[Рис. 365.](#) - Костюм итальянского еврея XIV века - с картины Сано ди Пьетро, хранящейся в Академии изящных искусств в Сиенне.

[Пасха евреев.](#)

Факсимиле миниатюры из мисселя XV века, украшенного росписью школы Ван Эйка. Bibl. de l'Arsenal, Th. lat., no 199.

Положение евреев на Востоке никогда не было таким шатким и трудным, как на Западе. Начиная с Парижского собора 615 года и до конца XV века дворяне, гражданские и церковные власти не допускали евреев к административным должностям; но постоянно случалось, что нехватка денег, против которой евреи всегда были готовы выступить, приводила к отмене или изменению этих произвольных мер. Более того, христиане не стеснялись расставаться со своими самыми ценными сокровищами и отдавать их в залог иудеям для получения денег в долг, когда те в них нуждались. Этот способ кредитования под залог, или ростовщичество, был особенно характерен для евреев в Европе в Средние века и являлся одновременно причиной их процветания и несчастья. Их процветания, потому что они ловко придумали стать обладателями всех монет; и их несчастья, потому что их ростовщические требования стали настолько пагубными для общественного благосостояния и часто требовались с такой бессовестной жестокостью, что люди нередко приходили в ярость, и совершались акты насилия, которые так же часто обрушивались на невинных, как и на виновных. Среди актов изгнания больше всего было таких, для которых не было иных мотивов, или, во всяком случае, не было иного предлога, кроме ростовщичества, которым занимались эти чужеземцы в провинциях и городах, где им было разрешено жить. Когда христиане узнавали, что эти алчные гости жестоко расправились с некоторыми бедными должниками и полностью лишили их имущества, когда они узнавали, что разоренные ростовщичеством должники все еще остаются пленниками в доме своих безжалостных кредиторов, всеобщее возмущение часто проявлялось в личных нападениях. Это чувство нередко разделяли и сами власти, которые, вместо того чтобы, согласно духу закона, одинаково справедливо относиться к чужеземцам и горожанам, часто принимали решения с пристрастием и даже с негодованием, а в некоторых случаях бросали евреев на произвол судьбы.

Ненависть народа к жадности евреев постоянно поддерживалась балладами, которые пелись и легендами, которые рассказывались на улицах городов и в деревнях, - балладами и легендами, в которых ростовщики изображались в отвратительных красках ([Рис. 366](#)). Самым знаменитым из этих народных сочинений, очевидно, было то, которое, должно быть, послужило Шекспиру идеей "*Венецианского купца*", поскольку в этой старой английской драме упоминается о сделке между евреем и христианином, который берет у него деньги в

долг с условием, что, если он не сможет вернуть их в определенный день, заимодавец будет иметь право срезать фунт плоти с его тела. Все то зло, которое люди говорили и думали о евреях в Средние века, кажется, сконцентрировано в Шейлоке английского поэта.

Тем не менее, процентная ставка по кредитам была установлена законом повсеместно и во все времена. Эта ставка варьировалась в зависимости от дефицита золота и всегда была достаточно высока, чтобы дать весьма значительную прибыль заимодавцам, хотя они слишком часто требовали гораздо более высокую ставку. По правде говоря, небольшое обеспечение, предлагаемое заемщиками, и произвольный способ, которым долги иногда аннулировались, увеличивали риски заимодавца и обычные трудности получения кредита. Во всех древних законодательных актах мы находим массу правил о размере денежного процента, разрешенного для евреев.

Рис. 366. - Легенда о еврее, вызывающем дьявола из сосуда с кровью. Факсимиле гравюры на дереве в "Histoires Prodigieuses" Буасто, 4to, Paris, Annet Briere, 1560.

В некоторых странах, особенно в Англии, были приняты меры предосторожности для регулирования договоров, заключенных между христианами и евреями. Один из департаментов Казначейства получал реестр этих договоров, которые таким образом приобретали юридическую ценность. Однако нередко английские короли по собственной воле выдавали освободительные грамоты лицам, задолжавшим евреям, и эти грамоты, которые часто были равносильны аннулированию всего долга, иногда даже фактически выкупались у государя. Упоминания о суммах, полученных королевской казной за освобождение должников или за то, что они могли вернуть свои заложенные земли без оплаты, до сих пор можно найти в реестрах лондонского казначейства; в то же время евреи, с другой стороны, также выплачивали королю крупные суммы, чтобы он мог позволить правосудию действовать в отношении влиятельных должников, которые имели задолженность и которых невозможно было побудить к оплате. Таким образом, мы видим, что если иудеи занимались ростовщичеством, то христиане, особенно короли и влиятельные вельможи, всячески обманывали иудеев и слишком часто были склонны продавать им самые незначительные уступки по большой цене. Действительно, христиане часто доходили до преследований, чтобы получить от них как можно больше; а евреи Средневековья мирились со всем, лишь бы обогатиться.

Рис. 367. - Вид и план Иерусалима - факсимиле рисунка на дереве в "Liber Chronicarum Mundi", большой лист, Нюрнберг, 1493 год.

Однако не следует думать, что при всех своих возможностях евреи занимались исключительно финансовыми вопросами. Когда им разрешали заниматься торговлей, они вполне могли стать ремесленниками или земледельцами. В Испании они проявили себя наиболее трудолюбивыми, и это королевство понесло большие потери в результате их изгнания из него. В какой бы стране они ни обосновались, евреи с ловкостью и успехом занимались большинством механических и ручных производств; но они не могли надеяться стать землевладельцами в странах, где они имели такой дурной запах и где обладание землей, не обеспечивая им никакой безопасности, не могло не вызывать зависти их врагов.

Если, как это бывает, восточные люди обладают серьезным складом ума, то легко понять, что евреи должны были быть еще более серьезными, поскольку они всегда были объектом ненависти и отвращения. В Талмуде мы находим трогательную аллегория. Каждый раз, когда создается человек, Бог приказывает своим ангелам привести душу к своему престолу и

приказывает этой душе пойти и вселиться в тело, которое должно родиться на земле. Душа огорчается и умоляет Высшее Существо избавить ее от этого мучительного испытания, в котором она видит только горе и страдания. Эту аллегория вполне можно применить к народу, которому повсюду приходится ожидать презрения, недоверия и ненависти. Поэтому израильтяне с энтузиазмом ухватились за надежду на приход Мессии, который должен вернуть им счастливые дни земли обетованной, и рассматривали свое отсутствие в Палестине лишь как мимолетное изгнание. "Но, - сказали им христиане, - этот Мессия уже давно пришел". "Увы!" - отвечали они, - "если бы Он появился на земле, разве мы до сих пор были бы несчастны?" Фульберт, епископ Шартрский, произнес три проповеди, чтобы обмануть евреев, пытаясь доказать им, что их Мессия - не кто иной, как Иисус Христос; но он проповедовал на ветер, потому что евреи упорно продолжали питать иллюзии, что Мессия еще не пришел.

Как бы то ни было, евреи, смешавшие тайны и нелепости Талмуда с древними законами и многочисленными правилами религии своих предков, находили в исполнении своих национальных обычаев и в праздновании своих таинственных церемоний самые приятные эмоции, особенно когда они могли предаваться им в спокойном уединении гетто; ведь во всех странах, где они жили разрозненно и изолированно среди христиан, они старались скрывать свое поклонение и проводить свои церемонии как можно более тайно.

Духовенство, стремясь обратить евреев в свою веру, неоднократно проводило с раввинами конференции спорного характера, которые часто приводили к ссорам и усугубляли положение еврейской общины. Если католическому прозелитизму удавалось полностью оторвать от израильского вероучения нескольких человек или несколько семей, то эти ревностные новообращенные разжигали в народе ужас перед своими бывшими единоверцами, раскрывая некоторые предписания Талмуда. Иногда удавалось обратить в свою веру целые массы евреев, но это происходило не столько благодаря убеждению с их стороны, сколько из-за страха перед изгнанием, грабежом или казнью.

Однако эти притворные обращения не всегда защищали их от опасности. В Испании инквизиция внимательно следила за обращенными евреями, и если они не оставались верны своей новой вере, то подвергались суровому наказанию. В 1506 году жители Абронтеса, города в Португалии, расправились со всеми крещеными евреями. Мануэль, король Португалии, запретил новообращенным продавать свои товары и покидать свои владения. Церковь не допускала их к церковным должностям, а когда им удавалось получить гражданскую работу, их принимали с недоверием. Во Франции парламенты пытались, демонстрируя справедливость, предотвратить упреки в адрес обращенных евреев за их прежнее состояние; но Людовик XII, когда ему было очень нужно, не побрезговал взимать с них особый налог. А в 1611 году мы снова видим, что они были несправедливо осуждены, и в форме *рескрипта королю и парламенту Прованса, в связи с большими семейными союзами новообращенных*, был сделан призыв к самым жестоким репрессиям против этой несчастной расы, "которая заслуживала только изгнания и конфискации своих товаров".

Рис. 368. - Еврейская церемония перед ковчегом - факсимиле гравюры, напечатанной в Труа.

Цыгане, бродяги, нищие и Кур де Чудес.

Первое появление цыган на Западе.- Цыгане в Париже.- Манеры и обычаи этих бродячих племен.- Прodelки капитана Карла.- Цыгане изгнаны королевским эдиктом.- Язык цыган.- Царство сленга.- Великий Коэср, вождь бродяг; его вассалы и подданные.- Разделения сленгского народа; его упадок и причины его возникновения.- Кур де Чудес.- Лагерь Рогнеса.- Хитрый язык, или сленг.- Иностранные жулики, воры и карманники.

В 1417 году жители стран, расположенных вблизи устья Эльбы, были встревожены прибытием незнакомцев, чьи манеры и внешность были далеко не самыми приятными. Эти страные путешественники взяли курс на Тевтонскую Ганзу, отправившись из Люнебурга: затем они проследовали в Гамбург, а затем, двигаясь с востока на запад вдоль Балтики, посетили вольные города Любек, Висмар, Росток, Штральзунд и Грайфсвальд.

Этих новых гостей, известных в Европе под именами *зингари*, *цигани*, *цыган*, *житанов*, *египтян* или *богемцев*, но на своем языке называвших себя *роми*, или *женоподобными*, насчитывалось около трехсот мужчин и женщин, кроме детей, которых было очень много. Они разделились на семь групп, все из которых шли по одному и тому же пути. Очень грязные, чрезмерно уродливые и отличающиеся смуглым цветом лица, эти люди имели своими предводителями герцога и графа, как их называли, великолепно одетых, которым они признавали верность. Некоторые из них ездили верхом, другие шли пешком. Женщины и дети передвигались на ношах и в повозках ([Рис. 369](#)). Если верить их собственному рассказу, причиной их скитаний стало возвращение к язычеству после предварительного обращения в христианскую веру, и в наказание за свой грех они должны были продолжать свой авантурный путь в течение семи лет. Они предъявили рекомендательные письма от различных князей, в том числе от Сигизмунда, короля римлян, и эти письма, подлинные или поддельные, обеспечили им радушный прием везде, куда бы они ни отправились. Ночью они разбивали лагерь в поле, потому что из-за привычки красть все, что им приглянется, они боялись, что их потревожат в городах. Однако прошло совсем немного времени, и многие из них были арестованы и преданы смерти за воровство, а остальные быстро разбежались.

[Рис. 369.](#) - Цыгане на марше. XV век Фрагмент старого гобелена в замке д'Эффиат, предоставлен М.А. Жюбиналь.

В течение следующего года мы находим их в Мейсене, в Саксонии, откуда они были изгнаны из-за грабежей и беспорядков, которые они совершали; затем в Швейцарии, где они прошли через страны Гризона, кантоны Аппенцель и Цюрих, остановившись в Аргови. Летописцы, упоминающие о них в то время, говорят об их вожде Мишеле как о герцоге Египта и рассказывают, что эти чужеземцы, называющие себя египтянами, притворились, что были изгнаны из своей страны султаном Турции и осуждены на семилетнее скитание в нужде и нищете. Эти летописцы добавляют, что они были очень честными людьми, которые неукоснительно следовали всем обычаям христианской религии; что они были бедно одеты, но у них в изобилии было золото и серебро; что они жили хорошо и платили за все, что имели; и что по истечении семи лет они ушли, чтобы вернуться домой, как они говорили. Однако, то ли потому, что значительная часть их осталась в пути, то ли потому, что в течение года к ним присоединились другие представители того же племени, в окрестностях Аугсбурга появился отряд из пятидесяти человек, сопровождаемый множеством отвратительных женщин и грязных детей. Эти бродяги выдавали себя за изгнанников из Нижнего Египта и притворялись, что владеют искусством предсказывать грядущие события. Вскоре

выяснилось, что в гаданиях и оккультных науках они разбираются гораздо меньше, чем в искусстве грабежа, мошенничества и обмана.

В следующем году подобная орда, называвшая себя сарацинами, появилась в Систероне, в Провансе; а 18 июля 1422 года летописец Болоньи упоминает о прибытии в этот город отряда чужеземцев под командованием некоего Андре, герцога Египта, состоявшего не менее чем из ста человек, включая женщин и детей. Они расположились лагерем внутри и снаружи ворот *ди Галиера*, за исключением герцога, который поселился на постоялом дворе *дель Ре*. В течение пятнадцати дней, которые они провели в Болонье, многие жители города пришли посмотреть на них, особенно на "жену герцога", которая, как говорили, умела предсказывать будущие события, рассказывать, что должно случиться с людьми, какова будет их судьба, количество их детей, будут ли они хорошими или плохими, и многое другое ([Fig. 370](#)). Однако мало кто из мужчин покидал дом так называемого герцога Египта без того, чтобы у них не украли кошельки, и лишь немногие женщины уходили, не разрезав юбки своих платьев. Египтянки ходили по городу группами по шесть-семь человек, и пока одни разговаривали с горожанами, рассказывая им о своих судьбах, или торговались в лавках, одна из них накладывала руку на все, что попадалось под руку. Таким образом было совершено так много грабежей, что магистрат города и церковные власти запретили жителям посещать лагерь египтян или вступать с ними в какие-либо сношения под страхом отлучения от церкви и штрафа в пятьдесят ливров. Кроме того, по странному закону возмездия, тем, кого ограбили эти чужеземцы, было разрешено грабить их в пределах стоимости украденных вещей. Вследствие этого болонцы вошли в конюшню, в которой находилось несколько лошадей египтян, и вывели одну из самых лучших. Чтобы вернуть его, египтяне согласились вернуть похищенное, и возмещение было произведено. Но, поняв, что в этой провинции они больше не могут принести себе пользы, они сняли палатки и отправились в Рим, в который, по их словам, они должны были отправиться не только для того, чтобы совершить паломничество, навязанное им султаном, изгнавшим их из их собственной земли, но и для того, чтобы получить от святого отца отпущение грехов.

[Рис. 370.](#) - Цыгане, гадающие... Факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Базель, 1552.

В 1422 году группа покинула Италию, и мы находим их в Базеле и в Суабии. Тогда, помимо императорских паспортов, которыми они до этого времени только и хвастались, они притворились, что имеют в своем распоряжении буллы, которые, по их словам, они получили от Папы. Они также изменили свою первоначальную историю и заявили, что являются потомками египтян, которые отказали в гостеприимстве Пресвятой Деве и Святому Иосифу во время их бегства в Египет: они также заявили, что в результате этого преступления Бог обрек их род на вечные страдания и изгнание.

Пять лет спустя мы находим их в окрестностях Парижа. "В воскресенье после середины августа, - говорится в "Журнале парижского буржуа", - в Париж прибыли двенадцать так называемых паломников, то есть герцог, граф и десять человек, все верхом; они сказали, что они очень хорошие христиане и что они прибыли из Нижнего Египта; ...а 29 августа, в годовщину обезглавливания святого Иоанна, появилась остальная часть группы. Однако им не позволили войти в Париж, а по приказу прокурора поселили в часовне Сен-Дени. Их было не более ста двадцати человек, включая женщин и детей. Они заявили, что, когда покидали свою страну, их было от тысячи до двенадцати сотен, но остальные погибли в дороге..... Пока они находились в часовне, никогда, даже во время благословения на ярмарке в Ландите, не собиралось такого количества людей, которые шли из Парижа, Сен-Дени и

других мест, чтобы увидеть этих чужестранцев. Почти у всех были проколоты уши, и в каждом по одному или два серебряных кольца, что в их стране, по их словам, является признаком знатности. Мужчины были очень смуглые, с курчавыми волосами; женщины - очень некрасивые, чрезвычайно смуглые, с длинными черными волосами, как конский хвост; их единственной одеждой был старый коврик, обвязанный вокруг плеча полоской ткани или веревкой ([Fig. 371](#)). Среди них было несколько гадалок, которые, заглядывая в руки людей, рассказывали им о том, что случилось или что должно случиться с ними, и таким образом часто сеяли раздор в семьях. Хуже того, либо с помощью магии, либо с помощью сатанинской службы, либо с помощью ловкости рук им удавалось опустошать кошельки людей, разговаривая с ними..... Так, по крайней мере, говорили все. Наконец слухи о них достигли ушей епископа Парижского. Он отправился к ним с францисканским монахом по имени Пти Якобин, который, по приказу епископа, обратился к ним с убедительной речью и отлучил от церкви всех, кто имел с ними дело, или тех, кто рассказывал им свои судьбы. Далее он посоветовал цыганам уходить, и в праздник Нотр-Дам они отбыли в Понтуаз".

[Рис. 371.](#) - Цыганская семья - факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Basle, 1552.

Здесь цыгане снова несколько изменили свою историю. Они сказали, что изначально были христианами, но в результате нашествия сарацинов были вынуждены отречься от своей религии; что впоследствии могущественные монархи пришли освободить их от ига неверных и постановили, что в наказание за отказ от христианской веры им нельзя будет возвращаться в свою страну до получения разрешения от Папы. Они заявили, что святой отец, к которому они отправились исповедовать свои грехи, приказал им в течение семи лет скитаться по миру, не ложась спать в постели, и при этом дал указание каждому епископу и каждому священнику, которых они встретят, предложить им десять ливров; указание, которому аббаты и епископы не спешили подчиняться. Эти странные паломники утверждали, что они были в пути всего пять лет, когда прибыли в Париж.

Уже достаточно сказано, чтобы показать, что, хотя цель их долгого паломничества была якобы благочестивой, египтяне или цыгане не замедлили дать людям, которых они посещали, истинную оценку своей сомнительной честности, и мы не думаем, что будет особенно интересно проследить шаг за шагом путь этой одиозной группы, которая с этого периода появлялась то в одной стране, то в другой, не только на севере, но и на юге, и особенно в центре Европы. Достаточно сказать, что их распри с властями или жителями стран, которые они имели несчастье периодически посещать, оставили многочисленные следы в истории.

7 ноября 1453 года от шестидесяти до восьмидесяти цыган, направлявшихся из Куртизоля, прибыли к входу в город Шеппе, расположенный неподалеку от Шалон-сюр-Марн. Незнакомцы, многие из которых имели при себе "копья, дротики и другие орудия войны", попросили гостеприимства, и мэр города сообщил им, "что не так давно некоторые из этой же компании или другие, очень похожие на них, останавливались в городе и были виновны в различных актах воровства". Цыгане упорствовали в своих требованиях, что вызвало негодование жителей, и вскоре они были вынуждены возобновить свой путь. Во время их невольного отступления их преследовали многие жители города, один из которых убил цыгана по имени Мартин де ла Барр; убийца, однако, получил помилование короля.

В 1532 году в Плейнпале, пригороде Женевы, несколько негодяев из банды цыган, насчитывавшей около трехсот человек, напали на нескольких офицеров, которые стояли на

посту, чтобы предотвратить их проникновение в город. Горожане поспешили к месту беспорядков. Цыгане удалились в монастырь монахов Августина, где и укрепились: буржуа осадили их и хотели устроить над ними жестокий суд, но вмешались власти, и около двадцати бродяг были арестованы, но попросили пощады и были отпущены на свободу.

[Рис. 372.](#) - Лагерь цыган - факсимиле медной пластины Калло.

В 1632 году жители Виарма в департаменте Лот-и-Гаронна напали на отряд цыган, которые хотели поселиться в этом городе. Все они были убиты, за исключением их вождя, которого взяли в плен, привели в парламент Бордо и приказали повесить. За двадцать один год до этого мэр и магистрат Бордо отдали приказ солдатам дозора арестовать цыганского вождя, который, затворившись в башне Вейринс в Мериньяке, разбойничал в окрестностях. 21 июля 1622 года те же магистраты приказали цыганам покинуть приход Эйсин в течение двадцати четырех часов под страхом наказания плетью.

Цыгане не часто прибегали к насилию или открыто сопротивлялись власти; чаще они прибегали к хитрости и коварству, чтобы достичь своей цели. Некий капитан Чарльз приобрел среди них большую репутацию благодаря хитроумным уловкам, которые он постоянно придумывал и которые его отряд брался воплотить в жизнь. Летописец того времени рассказывает, что с помощью определенных трав, которые он давал полуголодной лошади, он превращал ее в тучное и гладкое животное; затем лошадь продавали на одной из соседних ярмарок или рынков, но покупатель обнаруживал обман в течение недели, так как лошадь вскоре снова становилась худой, обычно болела и умирала.

Таллеман де Рео рассказывает, что однажды капитан Шарль и его сопровождающие расположились в деревне, куратор которой, будучи богатым и скупым, очень не любил своих прихожан. Куратор никогда не покидал своего дома, и цыгане не могли, таким образом, получить возможность ограбить его. В этом затруднении они притворились, что один из них совершил преступление и был приговорен к повешению в четверти лиги от деревни, куда они и отправились со всем своим добром. У подножия виселицы мужчина попросил духовника, и они отправились за куратором. Тот поначалу отказывался идти, но прихожане заставили его. Во время его отсутствия в его дом проникли цыгане, взяли пятьсот экю из его крепкого ящика и быстро вернулись к отряду. Как только негодяй увидел, что они возвращаются, он сказал, что обратился к королю *Маленького Египта*, на что капитан воскликнул: "Ах, предатель! Я так и думал, что он обратится". Они тут же собрали вещи, забрали пленника и успели удалиться от места происшествия, прежде чем куратор вернулся в свой дом.

Таллеман рассказывает еще об одном удачном трюке. Недалеко от Ройе, в Пикардии, цыган, укравший овцу, предложил ее мяснику за сто су (около шестидесяти франков на наши деньги), но мясник отказался дать за нее больше четырех ливров. Тогда мясник ушел, а цыган вытащил овцу из мешка, в который ее положил, и подложил вместо нее ребенка из своего племени. Он побежал за мясником и сказал: "Дай мне пять ливров, и мешок в придачу". Мясник заплатил ему деньги и ушел. Вернувшись домой, он открыл мешок и очень удивился, увидев выпрыгнувшего из него маленького мальчика, который в мгновение ока подхватил мешок и убежал. "Никогда еще бедняк не был так тщательно обманут, как этот мясник", - пишет Таллеман де Рео.

У цыган в запасе были тысячи других трюков, не уступающих тем, о которых мы только что рассказали, и в доказательство этого нам остается только сослаться на свидетельство

одного из представителей их собственного племени, который под именем Пешон де Руби опубликовал в конце XVI века "La Vie Génèreuse des Mattois, Guex, Bohémiens, et Cagoux". "Когда они хотят покинуть место, где остановились, они отправляются в направлении, противоположном тому, в котором идут, и, пройдя около полулиги, берут курс направо. У них самые лучшие и точные карты, на которых нанесены не только все города, деревни и реки, но и дома дворян и других людей; каждые десять дней они назначают места встречи в двадцати лигах от того места, откуда они отправились в путь Капитан передает каждому из вождей по три-четыре семьи в управление, и эти небольшие группы отправляются по разным дорогам к месту встречи. Тех, кто хорошо вооружен и одет, он отправляет с хорошим альманахом, на котором отмечены все ярмарки, и они постоянно меняют свое платье и лошадей. Поселившись в какой-нибудь деревне, они почти ничего не крадут в непосредственной близости от нее, но в соседних волостях грабят и разбойничают самым дерзким образом. Если они находят какую-то сумму денег, то сообщают об этом капитану и стремительно бегут из этого места. Они чеканят фальшивые деньги и пускают их в оборот. Они играют во всевозможные игры, покупают всевозможных лошадей, как здоровых, так и не очень, если им удастся заплатить за них своей собственной монетой. Когда они покупают еду, то в первый раз расплачиваются за нее хорошими деньгами, поскольку к ним питают такое недоверие; но, когда они собираются покинуть какой-нибудь район, они снова покупают что-нибудь, за что дают фальшивую монету, получая сдачу хорошими деньгами. Во время жатвы все двери от них закрыты; тем не менее они ухитряются с помощью отмычек и других инструментов проникать в дома, где крадут белье, плащи, серебро и любые другие движимые вещи, которые могут попасть им в руки. Они дают строгий отчет обо всем своему капитану, который получает свою долю от всего, что им достается, за исключением того, что они зарабатывают гаданием. Они очень ловко умеют заключать выгодные сделки; когда им становится известно, что в этом месте находится богатый купец, они переодеваются, вступают с ним в сношения и обманывают его, ... после чего переодеваются, обувают своих лошадей в обратную сторону, а обувь покрывают каким-нибудь мягким материалом, чтобы их не услышали, и галопом усакивают".

Рис. 373. - Цыган, который мыл руки в расплавленном свинце - факсимиле гравюры на дереве в "Histoires Merveilleuses" Пьера Буасто: in 4to, 1560.

В "Histoire Générale des Larrons" мы читаем, что бродяги, называемые цыганами, иногда показывали фокусы с кубками, иногда танцевали на канате, делали двойные сальто и совершали другие подвиги ([Fig. 373](#)), что доказывает, что эти искатели приключений использовали всевозможные способы добывания средств к существованию, не исключая и разбой на дорогах. Поэтому мы не должны удивляться, что почти во всех странах против этой опасной расы принимались очень суровые полицейские меры, хотя мы должны признать, что эти меры иногда носили варварский характер.

Запретив им, угрожая шестью годами на галерах, жить в Испании, Карл V приказал им покинуть Фландрию под страхом смерти. В 1545 году цыган, нарушивший приговор об изгнании, был приговорен судом Утрехта к порке до появления крови, вырезанию ноздрей, удалению волос, сбриванию бороды и пожизненному изгнанию. "Мы можем составить некоторое представление, - пишет немецкий историк Грельман, - о жалком состоянии цыган, исходя из следующих фактов: Многие из них, особенно женщины, были сожжены по собственному желанию, чтобы положить конец своему жалкому существованию; и мы можем привести случай с цыганом, который, будучи арестован, выпорот и препровожден на границу с угрозой, что если он снова появится в стране, то будет повешен, решительно вернулся после трех последовательных и подобных угроз, в трех разных местах, и умолял привести в

исполнение смертный приговор, чтобы освободить его от жизни в таком бедственном положении. На этих несчастных, - продолжает историк, - даже не смотрели как на людей, потому что во время охоты, состоявшей из членов небольшого немецкого двора, егеря без всякого стеснения убили цыганку, сосавшую ребенка, так же как они убили бы любого дикого зверя, который попался бы им на пути".

М. Франциск Мишель говорит: "Среди вопросов, которые возникают при рассмотрении существования этого удивительного народа, есть один, который, хотя и игнорируется, тем не менее представляет значительный интерес, а именно: как, имея странный язык, не похожий ни на один из используемых в Европе, цыгане могли быть поняты людьми, среди которых они появились впервые: недавно прибыв на запад, они не могли иметь тех переводчиков, которых можно найти только среди давно сложившегося народа, который имеет политические и торговые сношения с другими народами. Откуда же цыгане брали переводчиков? Ответ, как нам кажется, очевиден. Принимая в свои ряды всех, кого преступление, страх наказания, беспокойная совесть или очарование бродячей жизни постоянно бросали на их пути, они использовали их либо для того, чтобы найти дорогу в страны, о которых они не знали, либо для совершения грабежей, которые иначе были бы неосуществимы. Будучи сами адептами всевозможных дурных обычаев, они не замедлили заключить союз с распутными личностями, которые иногда действовали в согласии с ними, а иногда поодиночке, и которые всегда брали за образец для своей собственной организации организацию цыган."

Рис. 374. - Сироты, *калло*ты и семья Великого Коэстра... Из росписей и гобеленов из города Реймса, выполненных в XV веке.

Этот союз - управляемый уставами, честь составления которых была предоставлена некоему Раго, называвшему себя капитаном, - состоял из *матуа*, или точильщиков, *мерселотов*, или лоточников, которые были немногим лучше первых, *гуэ*, или бесчестных нищих, и множества других мошенников, составлявших порядок или иерархию *арго*, или сленгового народа. Их вождя называли *Великим Коэстром*, "бродягой, пустившимся на все уловки своего ремесла", - говорит М. Франциск Мишель, и часто заканчивавшим свои дни на дыбе или виселице. История донесла до нас рассказ о "жалком калеке", который сидел в деревянной миске, и который, пробыв Великим Коэстром три года, был заживо сломан на колесе в Бордо за свои преступления. Его называли *Roi de Tunes* (Тунис), и его тащили за собой две большие собаки. Один из его преемников, Великий коэстр по фамилии Анакреон, страдавший тем же недугом, а именно калекой, разъезжал по Парижу на осле и просил милостыню. Обычно он устраивал свой суд на Порт-о-Фуан, где восседал на своем троне, облаченный в мантию, сделанную из тысячи кусков. В каждой провинции у Великого Коэстра был лейтенант *сагоу*, в чьи обязанности входило посвящать учеников в секреты ремесла, а также присматривать в разных местах за теми, кого вождь вверял его заботам. Он рассказал об имуществе, которое он получил, осуществляя свое управление, о деньгах и одежде, которые он отобрал у *арготиров*, отказавшихся признать его власть. В качестве вознаграждения за свои обязанности кагу освобождались от всякой дани своему вождю; они получали свою долю имущества, отнятого у людей, которых по их приказу грабили, и могли просить милостыню, как им заблагорассудится. После кагу шли *архисуппоты*, которые, набираемые из самых низких слоев духовенства и других людей, занимавших более высокое положение, были, так сказать, учителями закона. На них возлагалась обязанность обучать менее опытных разбойников и определять язык сленга; в награду за хорошую и верную службу они имели право просить милостыню, не платя никакой платы своим начальникам.

[Рис. 375.](#) - Слепые и бедные больные святого Иоанна - с расписных висюлек и гобеленов в городе Реймсе, выполненных в XV веке.

Великий коэстр взимал налог в двадцать четыре су в год с молодых мошенников, которые ходили по улицам, притворяясь, что проливают слезы ([Рис. 374](#)), как "беспомощные сироты", чтобы вызвать общественное сочувствие. *Маркандиры* должны были платить эю; это были бродяги, одетые в неплохие дублеты, которые выдавали себя за купцов, разоренных войной, пожаром или ограбленных на дороге. *Малингрё* должен был заплатить сорок су; они были покрыты язвами, большинство из которых нанесли себе сами, или же притворялись, что у них какие-то опухоли, и заявляли, что собираются совершить паломничество к святому Меену в Бретани, чтобы вылечиться. *Пьеты*, или хромые, платили полэю и ходили с костылями. *Сабуле*, которых обычно называли *бедными больными святого Иоанна*, имели привычку часто посещать ярмарки и рынки или окрестности церквей; там, измазанные кровью и как бы с пеной у рта, с помощью куска мыла, который они туда клали, они боролись на земле, как в припадке, и таким образом получали значительную сумму милостыни. Таким образом, они платили самые большие взносы в коэстр ([Рис. 375](#)).

[Рис. 376.](#) - "*Руффы и Милларды*" - из росписи Реймского гобелена, выполненной примерно в XV веке.

Кроме них, были еще *каллоты*, которые либо болели мохнатой болезнью, либо притворялись таковыми и вносили в гражданский список своего начальника по семь десятков су; а также *кокильеры*, или притворные паломники святого Иакова или святого Михаила, и *губины*, которые, согласно поддельному свидетельству, которое они носили с собой, шли к святому Губерту или возвращались от него, после того как их укусила бешеная собака. *Полиссоны* платили два эю в коэстр, но зарабатывали немалую сумму, особенно зимой; благожелательные люди, тронутые их нуждой и полуголостью, давали им иногда дублет, иногда рубашку или какую-нибудь другую одежду, которую они, конечно, тут же продавали. *Франки-миту*, которые никогда не облагались налогом выше пяти су, были больными членами братства или, во всяком случае, притворялись таковыми; они перевязывали руки выше локтя, чтобы остановить пульс, и падали в обморок на общественных тротуарах. Нельзя не упомянуть также *руффе* и *миллардов*, которые группами ходили по деревне и просили милостыню ([Рис. 376](#)). *Каплуны* были кошельками, которые почти никогда не покидали городов и накладывали руки на все, что попадалось под руку. *Куртауды де бутанш* выдавали себя за рабочих, их можно было встретить повсюду с инструментами своего ремесла на спине, хотя они никогда ими не пользовались. *Новообращенные* притворялись, что на них произвели впечатление увещевания какого-нибудь прекрасного проповедника и они публично исповедовали веру; после этого они становились у дверей церкви как недавно обращенные католики и таким образом получали щедрые пожертвования.

Наконец, мы должны упомянуть *буров*, *наркуа*, или людей *маленького пламени*, которые в большинстве своем были старыми пенсионерами и просили милостыню на улицах от дома к дому, держа шпаги наготове ([Рис. 377](#)). Эти люди, которые временами вели шумную и роскошную жизнь, в конце концов восстали против Великого Коэстра и перестали считаться его подданными - шаг, который стал значительным потрясением для арготской монархии.

[Рис. 377.](#) - *Дрилла* или *Наркуа*... Из росписи виселиц из города Реймса (XV век).

[Рис. 378.](#) - Перспективный вид Парижа в 1607 г. - Факсимиле медной пластины Леонарда Готье. (Коллекция М. Генебо, Париж).

Была еще одна причина, которая в значительной степени способствовала уменьшению как власти, так и престижа этого эксцентричного государя, а именно: кошельки, ночные воры и дровосеки, не находя достаточных средств к существованию в своем ведомстве и видя, что арготье, напротив, всегда находились в более роскошном положении, пытались объединить грабеж с нищенством, что вызвало возмущение среди этих слоев общества. Архисуппоты и кагу сначала отказались от такого союза, но в конце концов были вынуждены принять всех, за исключением дровосеков, которые были полностью исключены. Поэтому в XVII веке, чтобы стать настоящим арготье, нужно было не только просить милостыню, как любой нищий, но и владеть мастерством кошелька и вора. Этим искусствам нужно было учиться в местах, которые служили обычным местом встреч самых отбросов общества и были известны как "*Курсы чудес*". Эти дома, или скорее курорты, были названы так, если верить писателю начала семнадцатого века: "Потому что мошенники... и другие, которые весь день были калеками, увечными, страдающими водянкой и всевозможными телесными недугами, возвращаются ночью домой, неся под мышкой говяжью вырезку, телячий или бараний окорок, не забывая привесить к поясу бутылку вина, А войдя во двор, отбрасывают костыли, возвращают себе здоровый и похотливый вид и, подражая древним вакханалиям, танцуют всевозможные танцы со своими трофеями в руках, пока хозяева готовят ужин. Можно ли найти большее чудо, чем то, которое можно увидеть в этом дворе, где увечные ходят прямо?"

В Париже было несколько *Курсов Чудес*, но самым знаменитым был тот, который со времен Совалья, необычного историка "*Древностей Парижа*", до середины XVII века сохранил это родовое название *par excellence* и существует по сей день ([Рис. 379](#)). Он говорит: "Это место значительных размеров, расположенное в нездоровом, грязном и неровном глухом переулке. Раньше он находился на окраине Парижа, а теперь - в одном из самых плохо построенных, грязных и труднодоступных кварталов города, между улицей Монторгейль, монастырем Филе-Дье и улицей Нев-Сен-Совер. Чтобы попасть туда, нужно пробираться по узким, тесным и боковым улочкам, а чтобы войти в него, нужно спуститься по извилистому и неровному склону. В этом месте я нашел глинобитный дом, наполовину засыпанный землей, очень шаткий от старости и гнили, площадью всего восемь метров; но в нем, тем не менее, живут около пятидесяти семей, на попечении которых находится большое количество детей, многие из которых краденые или незаконнорожденные..... Меня заверили, что в этом и других прилегающих домах проживает до пятисот больших семей. Как ни велик этот двор, раньше он был еще больше..... Здесь, не заботясь о будущем, каждый наслаждается настоящим; и вечером съедает то, что заработал за день с таким трудом, а часто и с такими ударами, ибо одно из основных правил Двора Чудес - никогда не откладывать ничего на завтра. Все, кто там живет, предаются крайней разнузданности; религия и закон полностью игнорируются..... Правда, внешне они, кажется, признают Бога; они установили в нише образ Бога-Отца, украденный ими из какой-то церкви, перед которым они ежедневно возносят определенные молитвы; но это только потому, что они суеверно воображают, что таким образом они освобождаются от необходимости выполнять обязанности христиан перед своим пастором и своим приходом, и даже освобождаются от греха вхождения в церковь с целью грабежа и срезания кошелеков".

[Рис. 379.](#) - Парижский двор чудес. Горбун Талебот, знаменитый мошенник XVII века... Со старой гравюры из коллекции гравюр в Национальной библиотеке Парижа.

Париж, столица королевства плутов, был не единственным городом, в котором существовал Двор чудес, ибо то тут, то там, особенно в Лионе и Бордо, мы находим следы этих привилегированных курортов плутов и воров, процветавших тогда под скипетром Великого Козэстра. Соваль утверждает, опираясь на свидетельства людей, заслуживающих доверия,

что в Сент-Анн-д'Орай, самом святом месте паломничества в Бретани, находящемся под надзором ордена реформированных монахов-кармелитов, было большое поле, называемое *Поле разбойников*. Оно было покрыто глинобитными хижинами; сюда ежегодно в главные торжественные праздники прибегал Великий Коэстр со своими офицерами и подданными, чтобы "провести свой государственный совет", то есть уладить и договориться о грабеже. На этих *государственных* собраниях, которые не всегда проходили в Сент-Анн д'Орай, присутствовали все подданные Великого Коэстра и выражали почтение своему господину и повелителю. Одни приходили и платили ему дань, которая полагалась им по уставу ремесла; другие отчитывались о том, что они сделали и сколько заработали за год. Если они плохо выполняли свою работу, он приказывал наказывать их телесно или материально, в зависимости от тяжести их проступков. Если он сам не управлял своим народом должным образом, его свергали, а преемника назначали путем аккламации.

На этих собраниях, как и на Курсах чудес, не говорили по-французски, а использовали странный и искусственный язык, называемый *жаргоном*,

Рис. 380. - Нищий, играющий на скрипке, и его жена, сопровождающая его с костями... Со старой гравюры XVII века.

язык матуаз, наркуа и т. д. Этот язык, который до сих пор используется под названием *арго*, или сленг, по большей части был заимствован из жаргона или сленга низших сословий. В значительной степени, по словам ученого филолога этого загадочного языка М. Франциска Мишеля, он состоял из французских слов, удлинённых или сокращённых; из пословичных выражений; из слов, выражающих символы вещей, а не сами вещи; из терминов, намеренно или ненамеренно изменённых по сравнению с их истинным значением; и из слов, похожих на другие слова по звучанию, но не имеющих того же значения. Так, рот называли *pantière*, от *rain* (хлеб), который в него клали; руки - *lyans* (связующие); бык - *cornant* (рогатый); кошелек - *fouille*, или *fouillouse*; петух - *horloge*, или часы; ноги - *des quilles* (девять штырей); *sy - rond*, или круглая вещь; глаза - *des luisants* (искры) и т. д. В жаргоне несколько слов также были заимствованы из древнего языка цыган, что свидетельствует о той роли, которую эти бродяги сыграли в формировании арготического сообщества. Например, рубашка называлась *лима*, горничная - *лиможер*, простыни - *лиманы* - слова, происходящие от цыганского слова *lima* - рубашка: они называли эку, *рускин* или *ругесм*, от *rujia* - общего слова, означающего деньги; богатый человек - *рупин*, дом - *турне*, нож - *чурин*, от *rup*, *turna* и *chori*, которые на цыганском языке означают соответственно серебро, замок и нож.

Из того, что мы рассказали о мошенниках и Курсах чудес, можно предположить, что Франция находится в особом положении; но это не так, поскольку Италия была гораздо хуже в этом отношении. Итальянцы называли мошенников *bianti*, или *ceretani*, и подразделяли их более чем на сорок классов, различные характеристики которых были описаны неким Рафаэлем Фрианоро. Нет необходимости говорить о том, что аналог более чем одного из этих классов можно найти в кратком описании Арготического королевства во Франции. Поэтому мы упомянем только те из них, которые были в большей степени итальянскими. Не следует забывать, что в южных странах, где религиозные суеверия были более заметны, чем в других местах, многочисленная семья мошенников без труда практиковала любые виды мошенничества, поскольку они доверяли различным проявлениям религиозного чувства для достижения своих целей. Так, *аффрати*, чтобы получить больше милостыни и подношений, ходили в одежде монахов и священников, даже совершали мессу и делали вид, что впервые исполняют свой священный долг. *Моргигери* шли за ослом, неся колокольчик и лампу, с ниткой бус в руках и спрашивая, как им заплатить за колокольчик, который они всегда

"только собирались купить". *Фелси* притворялись, что они боговдохновенны и наделены даром второго зрения, и объявляли, что в некоторых домах спрятаны сокровища, находящиеся под опекой злых духов. Они утверждали, что эти сокровища нельзя обнаружить без опаски, разве что с помощью постов и жертвоприношений, которые могли совершать только они и их братья, за что заключали сделку и получали от хозяев определенную сумму денег. *Аккатоси* заслуживают упоминания из-за ловкости, с которой они ухитрялись принимать вид пленников, недавно сбежавших из рабства. Тряся цепями, которыми, по их словам, они были связаны, бормоча нечленораздельные слова, рассказывая душераздирающие истории о своих страданиях и лишениях и демонстрируя следы ударов, которые они получили, они становились на колени, выпрашивая деньги, чтобы выкупить своих братьев или друзей, которых, по их словам, они оставили в руках сарацинов или турок. Мы должны упомянуть также *allacrimanti*, или плакальщиков, которые обязаны своим названием возможности проливать слезы по своему желанию; И *testatori*, которые, притворяясь тяжело больными и собирающимися умереть, вымогали деньги у всех, кому обещали оставить свое состояние, хотя, конечно, у них не было ни одного сына, которого они могли бы оставить после себя. Не стоит забывать и о *protobianti* (мастерах-изгоех), которые не стеснялись вызывать сострадание у своих товарищей ([Рис. 381](#)), и о *vergognosi*, которые, несмотря на свою бедность, хотели, чтобы их считали богатыми, и считали, что помощь им полагается только за то, что они знатные. На этом мы должны закончить, поскольку перечисление этих итальянских бродяг заняло бы слишком много времени. Что касается немецких ([рис. 382 и 383](#)), испанских и английских мошенников, то мы можем просто отметить, что среди них нет ни одного типа, который не встречался бы среди арготье во Франции или бианти в Италии. Поэтому, давая описание ростовщичества, практиковавшегося в этих двух странах в Средние века, мы, несомненно, представляем, каким оно было в других частях Европы.

[Рис. 381.](#) - Итальянский нищий - с гравюры Калло.

[Рис. 382 и 383](#) .--Немецкие нищие.--Факсимиле гравюры на дереве в "Универсальной космографии" Мюнстера: in folio, Basle, 1552.

Историю обычных грабителей и разбойников за этот долгий период описать сложнее; она содержит лишь разрозненные анекдоты более или менее интересного характера. Кроме того, вполне вероятно, что разбойники не всегда совершали свои грабежи поодиночке и рано поняли преимущества совместной деятельности. *Тафуры*, или *Халегрины*, о которых мы узнаем как о последователях Годфруа де Буйона во времена крестовых походов, в конце XI века, были ужасно плохими людьми, и современные авторы обвиняют их в разграблении гробниц и питании человеческой плотью. Поэтому неверные смотрели на них с величайшим ужасом, страшась больше их дикой свирепости, чем доблести крестоносцев. Последние, даже имея под своим командованием эти полчища тафуров, относились к ним с большим недоверием, и когда во время похода через Венгрию под защитой креста эти злодеи совершили грабеж, Годфруа де Буйон был вынужден просить о помиловании их у короля этой страны.

Древний поэт передал нам историю в стихах о подвигах монаха Юстаса, который, отбросив рясу, стал разбойником и бросил ее только для того, чтобы стать адмиралом Франции при Филиппе Августе. Он был убит под Сандвичем в 1217 году. У нас есть удовлетворительное доказательство того, что уже в XIII веке точильщики были весьма искусными мастерами своего дела, ведь хитроумные и забавные трюки, в которых они были виновны, вполне соответствуют самым искусным из тех, что сейчас зафиксированы в наших полицейских

отчетах. В течение двух последующих столетий наука о *пенсне* и *кроке* (щипцах и крючке), как ее тогда называли, только прогрессировала, и Пателин (персонаж комедии и несравненный тип ремесла и нечестности) никогда не испытывал недостатка в учениках, как и Вийон в подражателях. Мы знаем, что этот очаровательный поэт, который в то же время был искуснейшим вором, дважды едва избежал повешения. Современники приписывали ему поэму из двенадцати сотен стихов под названием "Французские репья", в которой описаны методы, используемые его компаньонами для получения вина, хлеба, мяса и рыбы без необходимости платить за них. Они представляют собой серию интересных историй, мораль которых можно понять из следующих строк:...

"C'est bien, disné, quand on eschappe
Не отчаиваться, не отрицать,
Et dire adieu an tavernier,
En torchant son nez à la nappe".

Смысл этой песельки, несколько расширенный, можно перевести так: "Хорошо ужинает тот, кто убегает, не заплатив ни гроша, и кто прощается с трактирщиком, вытирая нос о скатерть".

Наряду с этим стихотворением Ийона следует привести одно из более поздних - "Легенда мэтра Файфе", написанное Шарлем Будинье. Этот Фейфо был своего рода Вийоном Анжуйским, который преуспел во всех видах безрассудства и, возможно, научил этому даже самих цыган. Персонаж Панурга в "Пантагрюэле" - не что иное, как тип Файфея, увековеченный гением Рабле. Мы также должны упомянуть один из памфлетов Гийома Буше, написанный в конце XVI века, в котором дается очень забавный рассказ о ворах всех мастей, а также "Женскую историю Ларронов", в которой рассказывается множество удивительных историй об убийствах, грабежах и других злодеяниях, благодаря которым наши восхищенные предки были хорошо знакомы с героями Грива и Монфокона. Не следует думать, что в те времена жизнь разбойника, который занимался своим делом с какой-либо степенью ловкости и мастерства, не была сопряжена с опасностью, ведь самых безобидных конокрадов вешали без пощады, когда их ловили; страх перед такой участью, однако, не мешал *детям де ла Матте* творить чудеса.

Брантом рассказывает, что король Карл IX, имея любопытство и желая "узнать, как кошельки-стригуны исполняют свои искусства с таким мастерством и ловкостью", умолял капитана Ла Шамбра представить ему по случаю банкета и бала самых ловких кошельков-стригунов, предоставив им полную свободу демонстрировать свое мастерство. Капитан отправился в Кур де Чудес и привел десять самых искусных из этих воров, которых он представил королю. Карл, "после ужина и бала, пожелал осмотреть все награбленное и обнаружил, что они абсолютно точно заработали три тысячи экю, либо деньгами из кошельков, либо драгоценными камнями, жемчугом и другими украшениями; некоторые из гостей даже потеряли свои плащи, от чего король думал, что должен умереть от смеха". Король разрешил им оставить себе то, что они заработали за счет своих гостей, но запретил им "продолжать такую жизнь" под страхом повешения и велел зачислить их в армию, чтобы отплатить им за их ловкие подвиги. Можно смело утверждать, что из них получились никудышные солдаты.

[Рис. 384](#). - Выставщик странных животных (рукопись XII века, Королевская библиотека Брюсселя).

ЦЕРЕМОНИАЛЫ.

Происхождение современного церемониала.- Неопределенность французского церемониала до конца XVI века.- Посвящение королей Франции.- Коронация императоров Германии.- Посвящение дождей Венеции.- Брак дожа с морем.- Государственные записи государей.- Въезд Изабеллы Баварской в Париж.- Судебные палаты.- Церемониальные визиты между высокопоставленными лицами.- Траур.- Общественная вежливость.- Народные демонстрации и национальные празднества.- Новый год.- Местные праздники.- Почетные венки.- Торжественные церемонии.

Хотя общество в Средние века в целом было тесно сплочено, одушевлено одними и теми же чувствами и проникнуто одним и тем же духом, оно, как мы уже говорили, делилось на три больших класса, а именно: духовенство, дворянство и *лир-этак*. Эти классы, каждый из которых составлял отдельное тело в государстве, вели существование, свойственное только им, и представляли в своем коллективном качестве отдельную индивидуальность. Поэтому для каждого сословия существовал свой церемониал. Мы не будем пытаться подробно изложить бесчисленные законы этих трех видов церемониала; наше внимание будет направлено исключительно на их наиболее характерные обычаи, а также на их наиболее примечательные и интересные аспекты в целом. Мы должны полностью отбросить вопросы, касающиеся церемоний чисто религиозного характера, поскольку они в большей или меньшей степени связаны с традициями и обычаями Церкви и относятся к совершенно иному порядку вещей.

"Когда германцам и особенно франкам, - пишет ученый палеограф Валле де Виривилль, - удалось установить свое правление вместо римского, эти почти дикие народы и варварские вожди, стоявшие во главе их под титулом королей, обязательно заимствовали более или менее утонченные церемониальные обычаи, которыми владели покоренные ими народы. Поднятие избранного вождя или короля на щит и торжественное взятие оружия посреди племени - это, кажется, единственные следы публичных церемоний, которые мы можем обнаружить у грегоров. Чудесная демонстрация и внушительное величие политической иерархии Римской империи, особенно в ее внешнем устройстве, должно быть, поразили умы этих некультурных людей. Таким образом, мы видим, что франкские короли сразу после победы становились простыми и неуклюжими подражателями цивилизации, которую они разрушили". Хлодвиг, вернувшись в Тур в 507 году после победы над Аларихом, получил от императора Анастасия титулы *патриция* и *консула* и украсил себя пурпуром, хламидой и диадемой. Впоследствии тот же принцип подражания проявлялся во внутреннем и внешнем придворном церемониале, по мере того как он развивался в королевской особе. Карл Великий, стремившийся ко всему, что могло украсить и придать силу новой монархии, установил регулярный метод для общего и специального управления своей империей, а также для внутреннего устройства и дисциплины своего дворца. Мы уже упоминали об этой двойной организации (см. главы "Частная жизнь" и "Еда"), но здесь мы можем отметить, что, несмотря на эти древние тенденции к созданию фиксированного церемониала, пустяковые правила, которые сделали этикет наукой и законом, были введены постепенно, и только совсем недавно были установлены среди нас.

В 1385 году, когда король Карл VI женился на небезызвестной Изабелле Баварской, которой тогда едва исполнилось четырнадцать лет, он пожелал устроить для нее пышный въезд в Париж, пышность и блеск которого должны были соответствовать рангу и знатному

происхождению его юной невесты. Поэтому он попросил старую королеву Бланш, вдову Филиппа де Валуа, возглавить церемонию и провести ее в соответствии с обычаями былых времен. В отсутствие каких-либо установленных правил по этому вопросу она была вынуждена обратиться к официальным записям, то есть к "Хронике монастыря Сен-Дени". Первое воплощение правил, касающихся этих вопросов, используемых среди дворянства, появившееся во Франции под названием "Honneurs de la Cour", относится только к концу пятнадцатого века. Однако, судя по всему, даже тогда это не было общепризнанным среди дворянства основанием для церемониала, так как в 1548 году мы видим, что еще ничего не было определенно решено. Это очевидно из того факта, что когда король Анри III. пожелал узнать ранг и порядок старшинства принцев королевской крови, герцогов и графов, а также других принцев, баронов, дворян королевства, коннетаблей, маршалов Франции и адмиралов, и какое положение они занимали на важных государственных мероприятиях во время правления его предшественников, он поручил Жану дю Тилле, гражданскому регистратору Парижского парламента, найти в королевских архивах различные подлинные документы, которые могли бы пролить свет на этот вопрос и послужить прецедентом для будущего. На самом деле, именно Анри III в 1585 году учредил должность Великого магистра церемоний Франции, поручив ее Гийому Поту, родосскому дворянину, и эта должность на протяжении многих поколений оставалась наследственной в его семье.

Рис. 385. - Герб (XIV век). Миниатюра из "Chroniques de Saint-Denis" (Императорская библиотека Парижа).

Тем не менее, вопрос церемониала, и особенно вопрос старшинства, уже не раз занимал внимание государей не только в пределах их собственных государств, но и в связи с дипломатическими делами. Заседания соборов, на которые собирались послы всех христианских держав с делегатами католической церкви, не преминули вынести этот вопрос на решение. Папа Юлий II в 1504 году поручил Пьеру де Крассису, своему церемониймейстеру, опубликовать декрет, определяющий ранг, который должны занимать различные государи Европы или их представители; но мы должны добавить, что этот папский декрет никогда не получал санкции заинтересованных сторон, и что вопрос о старшинстве даже на самых незначительных государственных церемониях был в течение всего средневековья вечным источником тяжб в судах и ссор, которые слишком часто заканчивались кровопролитием.

Будет правильно, если мы поставим во главу политических церемоний те, что связаны с коронацией государей, которые были не только политическими, но и были обязаны своей высшей важностью и достоинством необходимому вмешательству церковной власти. Поэтому сначала мы расскажем об освящении и коронации королей Франции.

Пепин ле Бреф, сын Карла Мартела и основатель второй династии, был первым из французских королей, который был освящен по религиозному обряду миропомазания. Но способ его проведения в течение долгого времени претерпевал многочисленные изменения, прежде чем закрепился определенным законом. Так, Пепин, после первого посвящения в 752 году в Буассонском соборе архиепископом Майенским, был вновь посвящен вместе с двумя своими сыновьями Карлом Великим и Карломаном в 753 году в аббатстве Сен-Дени папой Стефаном III. Карл Великий был дважды помазан понтификом, сначала как король Ломбардии, а затем как император. Людовик Дебоннский, его непосредственный преемник, был освящен в Реймсе папой Стефаном IV в 816 году. В 877 году Людовик ле Бег получил отлучение и скипетр в Компьене из рук архиепископа Реймского. Шарль ле Простой в 893 году и Роберт I в 922 году были посвящены и коронованы в Реймсе; коронация Рауля в 923

году была проведена в аббатстве Сен-Медар де Суассон, а Людовика д'Аутремера в 936 году - в Лаоне. С момента воцарения короля Лотаря до воцарения Людовика VI. (называемого Ле Гро), посвящение королей Франции иногда происходило в Реймской митрополии, а иногда в других церквях, но чаще в первой. Людовик VI был освящен в Орлеанском соборе, и духовенство Реймса подало апелляцию против этого предполагаемого нарушения обычая и своих особых привилегий. Состоялась долгая дискуссия, в ходе которой были приведены титулы, которыми обладала Реймская церковь в период правления Хлодвиг, на исключительную честь посвящения в ней королей; и король Людовик Жён, сын Людовика Гроса, который сам был посвящён в Реймсе, обнародовал специальный указ по этому вопросу в ожидании посвящения своего сына, Филиппа Августа. Этот указ окончательно урегулировал права этой древней церкви и в то же время определил порядок, который должен был соблюдаться в будущем при церемонии освящения. С этого момента и до конца правления Бурбонов старшей линии короли неизменно посвящались, согласно законному обряду, в Реймской митрополии, за исключением Генриха IV, который был коронован в Шартре епископом этого города из-за гражданских войн, разделивших его королевство, и из-за которых ворота Реймса были закрыты для него.

Рис. 386. - Коронация Карла Великого - факсимиле миниатюры в "Chroniques de Saint-Denis", рукописи XIV века (Императорская библиотека Парижа).

Посвящение королей Франции всегда происходило в воскресенье. Накануне, по окончании вечерней молитвы, управление собором переходило к определенным королевским чиновникам, которым помогали обычные служащие. Вечером монарх приходил в церковь, чтобы поклониться и "в соответствии со своими религиозными чувствами провести часть ночи в молитве", и это действие называлось *la veillée des armes*. Между алтарем и большим нефом была воздвигнута большая платформа, на которой стоял трон. На нем, кроме короля и его государственных служащих, собрались двенадцать церковных пэров, а также те прелаты, которых король мог пригласить, и шесть светских пэров с другими офицерами и дворянами. На рассвете король отправил депутацию баронов в аббатство Святого Реми за святым сосудом, который представлял собой небольшой стеклянный сосуд, называемый *ампулой*, от латинского слова *ampulla*, содержащий святое масло, которое должно было использоваться при королевском помазании. По преданию, этот сосуд был принесен с небес голубем во время посвящения Хлодвиг. Четверо дворян оставались в аббатстве в качестве заложников на то время, пока аббат Сен-Реми, сопровождаемый монахами и баронами, шел процессией в собор, чтобы поставить священный сосуд на алтарь. Аббат Сен-Дени во Франции должен был таким же образом с большой пышностью привезти из Реймса и положить рядом со святым сосудом королевские знаки отличия, которые хранились в сокровищнице его монастыря и находились там со времен правления Карла Великого. Они состояли из короны, меча в ножнах, золотых шпор, золоченого скипетра, жезла, украшенного рукояткой из слоновой кости в виде руки, сандалий из голубого шелка, расшитых флердоранжами, мантии или *далматика* и *суркота*, или королевской мантии, в виде плаща без капюшона. Король, сразу же поднявшись с постели, вошел в собор и тут же принес клятву поддерживать католическую веру и привилегии церкви, а также отправлять доброе и беспристрастное правосудие по отношению к своим подданным. Затем он подошел к подножию алтаря и снял с себя часть одежды, обнажив голову и облачившись в тунику с отверстиями на груди, на плечах, на локтях и посередине спины; эти отверстия были закрыты серебряными айгулетами. Затем архиепископ Реймский извлек меч из ножен и передал его королю, который передал его главному офицеру, присутствовавшему при этом. Затем прелат приступил к религиозной части церемонии освящения и, взяв золотой иглой каплю чудодейственного масла из святого сосуда, смешал ее со святым маслом из своей церкви.

Сделав это и сев в позу освящения, он помазал стоявшего перед ним на коленях короля в пять различных частей тела, а именно: на лоб, на грудь, на спину, на плечи и на суставы рук. После этого король поднялся и с помощью своих офицеров облачился в королевские одежды. Архиепископ последовательно вручил ему кольцо, скипетр и жезл правосудия, а напоследок возложил на его голову корону. В этот момент двенадцать пэров выстроились в группу, причем светские пэры были в первом ряду, непосредственно вокруг государя, и, подняв руки к короне, на мгновение задержали ее, а затем проводили короля на трон. Посвящающий прелат, отложив митру, опускался на колени у ног монарха и приносил клятву верности, его примеру следовали остальные пэры и их вассалы, присутствовавшие при этом. В то же время возглас "*Vive le Roi!*", произнесенный архиепископом, был трижды повторен за пределами собора герольдами, которые крикнули его собравшейся толпе. Последние ответили: "*Нозэль! Нозэль! Noel! Noel!*" и хватались за мелкие деньги, бросаемые им офицерами, которые в то же время кричали: "*Largesse, largesse aux manants!*". Каждая часть этой церемонии сопровождалась благословениями и молитвами, форма, которая была зачитана из службы освящения по приказу епископа, а завершалось все возвращением гражданской и религиозной процессии, которая составляла *кортеж*. Когда государь женился, его супруга вместе с ним участвовала в церемониях посвящения, символической инвеституры и коронации; но она принимала участие в почестях, оказываемых королем, лишь в ограниченной степени, что должно было означать, что королева обладает менее широкой властью и менее возвышенным положением.

Рис. 387. - Далматика и сандалии Карла Великого, знаки отличия королей Франции при их коронации, хранящиеся в сокровищнице аббатства Сен-Дени.

Не менее интересны церемонии, сопровождавшие восшествия на престол императоров Германии (**Рис. 388**), которые были урегулированы указом, обнародованным императором Карлом IX в 1356 году на Нюрнбергском сейме. Согласно условиям этого указа, который до сих пор хранится в архивах Франкфорта-на-Майне и известен как "*золотая булла*" (*bulle d'or*), поскольку на нем стоит печать из чистого золота, в случае смерти императора архиепископ Майенский созывал в назначенный день принцев-выборщиков империи, которых на протяжении всего средневековья оставалось семь, "в честь, - говорится в булле, - семи подсвечников, упомянутых в Апокалипсисе". Эти курфюрсты, занимавшие по отношению к императору то же положение, что и двенадцать пэров по отношению к королю Франции, были архиепископами Майенским, Тревским и Кельнским, королем Богемии, графом Палатином Рейнским, герцогом Саксонским и маркграфом Бранденбургским. В назначенный день месса Святого Духа была должным образом отслужена в церкви Святого Варфоломея во Франкфурте - городе, в котором почти всегда проходили не только выборы императора, но и его коронация, хотя можно было бы предположить, что для подобных церемоний была выбрана Экс-ла-Шапель. Курфюрсты присутствовали на службе, а после ее окончания удалялись в ризницу церкви в сопровождении своих чиновников и секретарей. У них было тридцать дней на обсуждение, но по истечении этого срока им не разрешалось "есть хлеб или пить воду", пока они не придут к согласию, по крайней мере, большинством голосов. Вновь избранный принц, по сути, сначала был просто *королем римлян*, и этот титул часто носили люди, которые были просто выдвинуты на этот пост голосом курфюрстов или в результате политических комбинаций. Для того чтобы получить всю полноту власти и полномочий, король римлян должен был получить посвящение в религию и корону. Церемонии, принятые на этом торжестве, были очень похожи на те, что использовались при посвящении королей Франции, а также при возведении на престол всех христианских принцев. Богослужение совершил архиепископ Кельнский, возложивший корону на голову избранного государя, которого он посвятил в императоры. Символы его власти были

переданы ему курфюрстами, после чего он был провозглашен: "*Сезар, священнейшее, вечно августейшее Величество, Император Священной Римской империи народа Германии*".

Рис. 388. - Костюм императоров при коронации со времен Карла Великого - с гравюры в работе под названием "*Insignia Sacre Majistatis Cæsarum Principum*". Франкфорт, 1579, in folio.

Затем императорский *кортеж* вышел из церкви Святого Варфоломея, прошел через весь город и остановился у ратуши (называемой *Рёмер*, в память о благородном имени Рима), где великолепный банкет, приготовленный в *Кайзерсале* (зале Цезарей), ожидал главных участников этой величественной церемонии.

В тот момент, когда император ступил на порог *Рёмера*, курфюрст Саксонии, главный маршал империи, верхом на лошади на полной скорости поскакал к куче овса, которая была навалена посреди площади. Держа в одной руке серебряную мерку, а в другой - скребок из того же металла, каждый из которых весил шесть марок, он наполнил мерку овсом, разровнял ее скребком и передал наследственному маршалу. Оставшуюся часть кучи с шумом растащили люди, ставшие свидетелями этого аллегорического представления. Затем граф Палатин, как главный сенешаль, приступил к выполнению своей роли в церемонии, которая заключалась в том, чтобы поставить перед императором, сидевшим за столом, четыре серебряных блюда, каждое весом в три марки. Король Богемии, как главный дворецкий, поднес монарху вино и воду в серебряном кубке весом в двенадцать марок; затем маркграф Магдебургский преподнес ему серебряный таз того же веса для омовения рук. Три других курфюрста, или архиканцлера, за свой счет предоставили серебряный жезл весом в двенадцать марок, к которому один из них подвешивал печати империи. Наконец, император, а вместе с ним и императрица, если он был женат, принцы и курфюрсты садились за отдельные столы на банкет, где их ожидали соответствующие офицеры. На другом столе или помосте были расставлены императорские знаки отличия. Церемония завершалась на улице всеобщим ликованием: играли фонтаны, раздавали вино, пиво и другие напитки, разводили гигантские костры, на которых жарили целых быков, под открытым небом ставили столы с закусками, за которые мог сесть любой желающий, словом, были предусмотрены все щедроты и развлечения. Таким образом, на протяжении многих веков по этому случаю устраивались народные гуляния.

Рис. 389. - Императорская процессия - с гравюры "Торжественный въезд Карла V и Климента VII в Болонью" Л. де Кранаха, с фрески Брусасорчи из Вероны.

Венецианские дожи, как и императоры Германии и некоторые другие главы государств, отличались от других христианских государей тем, что вместо того, чтобы занимать свой высокий пост по наследственному или божественному праву, они назначались на него путем выборов. В Венеции конклав, состоящий из сорока выборщиков, назначаемых гораздо более многочисленным корпусом людей, занимающих высокое положение, избирал дожа, или президента *самой безмятежной республики*.

С того дня, когда Лорана Тьеполо, сразу после его избрания в 1268 году, с триумфом пронесли венецианские моряки, вошло в обычай устраивать аналогичную оvation в честь любого вновь избранного дожа. Для этого рабочие порта усадили нового дожа в великолепный паланкин и с большой помпой пронесли его на своих плечах по площади Сан-Марко. Но еще одна, более характерная церемония отличала эти выборы. В день Вознесения дож, войдя в великолепную галерею под названием "*Буцентавр*", изящно оснащенную и

сверкающую золотом и драгоценными вещами, пересек Большой канал, вышел за пределы города и в окружении морского *кортежа*, сопровождаемого музыкальными оркестрами, проследовал на расстояние около лиги от города по Адриатическому заливу. Затем патриарх Венеции благословил море, а дож, взяв штурвал, бросил в воду золотое кольцо со словами: "О море! Я обручаюсь с тобой во имя и в знак нашего истинного и вечного суверенитета". Тотчас же воды усыпали цветами, крики радости и хлопанье в ладоши смешались со звуками всевозможных музыкальных инструментов, а великолепное небо Венеции улыбалось этой поэтической сцене.

Большая часть главных церемоний Средневековья приобретала, благодаря различным сопутствующим и местным обстоятельствам, характер грандиозности, способный произвести впечатление на умы населения. В этих памятных случаях демонстрация исторических памятников, традиционных символов, реликвий и т. д. заставляла вспомнить самые знаменитые события национальной истории - события, уже обладавшие престижем древности и почитанием народа. Так, в память об освящении королей Венгрии была использована настоящая корона святого короля Стефана; при освящении королей Англии - настоящее кресло Эдуарда Исповедника; при освящении императоров Германии - императорские знаки отличия, которыми пользовался Карл Великий; при освящении королей Франции в определенный период была изготовлена рука правосудия Святого Людовика, о которой уже упоминалось.

Рис. 390. - Стандарты церкви и империи - редуцировано с гравюры "Въезд Карла V и Климента VII в Болонью" Лукаса де Кранаха, выполненной с фрески Брусасорчи из Вероны.

После посвящения Церковью и духовной властью государям оставалось лишь вступить в фактическое владение своими владениями и, так сказать, подданными. Этот положительный акт суверенитета часто сопровождался другим классом церемоний, называемых *радостным вступлением*, или *публичным вступлением*. Эти церемонии, о которых историки сохранили множество свидетельств и которые в большинстве своем были весьма разнообразны по своему характеру, естественно, происходили в столице. Мы ограничимся пересказом рассказа древнего летописца Ювенала де Урсина о въезде в Париж королевы Изабеллы Баварской, жены Карла VI, который был любопытным образцом публичных празднеств такого рода.

Рис. 391. - Торжественная процессия дождей, Венеция (XVI в.) - редуцировано с одной из четырнадцати гравюр, изображающих эту церемонию, созданных и выгравированных Дж.

"В 1389 году король пожелал, чтобы королева публично въехала в Париж, о чем он сообщил жителям, дабы они приготовились к этому. И на каждом перекрестке были установлены различные *histoires* (исторические изображения, картины или *tableaux vivants*), а также фонтаны, источающие воду, вино и молоко. Жители Парижа в огромном количестве вышли встречать королеву вместе с бургомистром купцов, крича "*Ноэль!*". Мост, по которому она проезжала, был покрыт голубой тафтой, расшитой золотыми флер-де-лис. В тот момент, когда королева проходила по мосту, с одной из башен Нотр-Дама на мост через отверстие в голубой тафте спустился человек небольшого веса, одетый в облик ангела, и возложил на ее голову прекрасную корону. Сделав это, он удалился через указанное отверстие тем же способом, и таким образом создано впечатление, что он возвращается на небо по собственной воле. Перед Большим замком находилась великолепная площадка,

украшенная лазурным гобеленом, который должен был изображать *литанию правосудия*; она была очень большой и богато украшенной. В центре ее стоял очень большой, чисто белый искусственный олень, его рога были позолочены, а шею опоясывала золотая корона. Он был так искусно устроен, что его глаза, рога, рот и все конечности приводились в движение человеком, который находился внутри его тела. На шее оленя висело королевское оружие - три золотых флердоранжа на лазурном щите..... Рядом с оленем лежал большой меч, красивый и яркий, не обнаженный; когда королева проходила мимо, оленя заставляли взять меч в правую переднюю лапу, держать его прямо и размахивать им. Королю доложили об этих приготовлениях, и он сказал Савуази, который был одним из приближенных к нему: "Савуази, я убедительно прошу тебя сесть на хорошего коня, а я поеду позади тебя, и мы так оденемся, чтобы никто нас не узнал, и пойдем смотреть на въезд моей жены". И хотя Савуази всеми силами старался отговорить его, король настоял на своем и приказал сделать это. Тогда Савуази поступил так, как приказал король, переоделся, как мог, и сел на мощного коня, а король поехал за ним. Они проехали через весь город, и им удалось добраться до Шастеле в то время, когда мимо проходила королева. Там была большая толпа, и Савуази расположился как можно ближе, а со всех сторон стояли сержанты с толстыми березовыми жезлами, которые, чтобы не дать толпе надавить и повредить площадку, где находился олень, изо всех сил били жезлами. Савуази постоянно пытался подойти ближе и ближе, а сержанты, которые не знали ни короля, ни Савуази, отбивались от них, и король получил несколько очень сильных и метких ударов по плечам. Вечером, в присутствии дам, дело было обсуждено, стали шутить, и даже сам король смеялся над полученными ударами. Королева при въезде была усажена на подстилку и очень роскошно одета, так же как и фрейлины и фрейлины. Это было поистине великолепное зрелище, и если бы кто-нибудь захотел описать наряды дам, рыцарей и оруженосцев, а также тех, кто сопровождал королеву, то это заняло бы много времени. После ужина начались пение и танцы, которые продолжались до рассвета. На следующий день проводились турниры и другие спортивные состязания" ([Рис. 392](#)).

Въезд Карла Седьмого в Париж

Миниатюра из "*Хроники Монстреле*" в Bibl. nat. de Paris, № 20 861 "Костюмы XVI века".

[Рис. 392.](#) - Турниры в честь въезда королевы Изабеллы в Париж - из миниатюры в "Хрониках" Фруассара, рукопись XV века (Парижская национальная библиотека).

[Рис. 393.](#) - Заседание суда, проведенное королем Филиппом де Валуа 8 апреля 1332 года для суда над Робером, графом д'Артуа - по эскизу пером и тушью в оригинальной рукописи (Арх. империи).

В ходе этого простого и наглядного описания было упомянуто о *lit de justice* (место правосудия). Все судебные или законодательные собрания, на которых король считал своим долгом присутствовать, обозначались таким образом; когда король приходил туда просто как наблюдатель, их чаще называли *plaidoyers*, и в этом случае никаких изменений в обычную процедуру не вносилось; но когда король председательствовал, они назывались *conseils*, и в этом случае требовалась особая церемония. На самом деле под *судебной палатой* ([Рис. 393](#)), или *судом пар*, мы понимаем суд, состоящий из высших должностных лиц короны и исполнительной власти государства, в обязанности которых входило решать, должен ли пэр Франции предстать перед судом по уголовному обвинению; серьезно обсуждать политические вопросы, представляющие особый интерес; или регистрировать во имя абсолютного суверенитета короля любой важный указ. Мы знаем, какую важную и, можно

сказать, даже роковую роль играли эти торжественные мероприятия, которые постоянно повторялись под разными предлогами в последние дни монархии. Эти суды всегда проходили с впечатляющей пышностью. Государь обычно созывал на них принцев королевской крови и офицеров своего дома; члены парламента занимали свои места в алых мантиях, председатели - в шапках и мантиях, а секретари суда - в официальной одежде. Верховный канцлер, первый камергер и прокурор Парижа сидели у ног короля. Канцлер Франции, председатели и советники парламента занимали барную стойку, а судебные исполнители находились в коленопреклоненной позе.

Упомянув таким образом собрания знатных особ, собеседования государей ([Fig. 394](#)) и прием послов - не описывая их подробно, что заняло бы больше места, чем мы имеем в нашем распоряжении, - мы перейдем к теме особого церемониала, принятого дворянством, взяв в качестве руководства стандартную книгу "Honneurs de la Cour", составленную в конце XV века знаменитой Алиенорой де Пуатье. Помимо своих собственных наблюдений, она приводит наблюдения своей матери, Изабель де Соуза, которая сама лишь продолжила дело другой знатной дамы, Жанны д'Харкур, вышедшей замуж в 1391 году за графа Вильгельма де Намюра, и считавшейся лучшим авторитетом в королевстве Франция. Это собрание придворных обычаев представляет собой своего рода семейный дневник, охватывающий три поколения и насчитывающий более ста лет.

Несмотря на любопытный и интересный характер этой книги и авторитет, которым она обладает по данному вопросу, мы, к большому сожалению, не можем сделать больше, чем заимствовать из нее несколько отрывков; но и этих, тщательно отобранных, несомненно, будет достаточно, чтобы дать некоторое представление о нравах и обычаях дворянства в XV веке и проиллюстрировать законы этикета, признанным кодексом которых она являлась.

В одной из первых глав работы излагается этот фундаментальный закон французского церемониала, а именно: "Согласно традициям и обычаям Франции, женщины, каким бы возвышенным ни было их положение, будь они даже дочерьми короля, занимают место рядом со своими мужьями". По случаю бракосочетания короля Карла VII с Марией Анжуйской в 1413 году, хотя, вероятно, никогда не собиралось вместе столько принцев и знатных дам, мы видим, что на банкете только дамы ужинали с королевой, "и ни один кавалер не сидел с ними". В этой связи можно отметить, что до правления Франциска I не было принято, чтобы представители обоих полов были вместе в обычном общении при дворе; и мы уже отмечали в другом месте (см. главу "Частная жизнь"), что этот отход от древнего обычая оказал значительное влияние не только на нравы, но и на государственные дела.

[Рис. 394.](#) --Интервью короля Карла V с императором Карлом IV в Париже в 1378 г. -- Факсимиле миниатюры в описании этого интервью, рукопись XV в., хранящаяся в библиотеке Парижского Арсенала.

Автор "Придворной чести" особо упоминает об уважении, которое королева Мария Анжуйская оказала герцогине Бургундской, когда та была в Шалоне в Шампани в 1445 году: "Герцогиня приехала со всей своей свитой, верхом и в каретах, во двор особняка, где находились король и королева, и там сошла, ее первая фрейлина выступала в качестве носильщика поезда. Месье де Бурбон подал ей правую руку, а кавалеры пошли впереди. Таким образом ее провели в зал, служивший преддверием апартаментов королевы. Там она остановилась и послала месье де Креки спросить у королевы, угодно ли ей войти..... Когда герцогиня подошла к двери, она взяла шлейф своего платья у дамы, которая его несла, и

пустила его по земле, а когда вошла, опустилась на колени, а затем адъютансом прошествовала на середину комнаты. Там она совершила то же повиновение и направилась прямо к королеве, которая стояла у подножия своего трона. Когда герцогиня совершила очередной акт почтения, королева продвинулась на два-три шага, и герцогиня упала на колени; тогда королева положила руку ей на плечо, обняла ее, поцеловала и велела подняться".

Затем герцогиня подошла к Маргарите Шотландской, жене дофина, впоследствии Людовика XI, "которая находилась в четырех или пяти футах от королевы", и оказала ей те же почести, что и королеве, хотя дофина, казалось, хотела помешать ей преклонить перед ней колени. После этого она повернулась к королеве Сицилии (Изабелле де Лотарингской, жене Рене Анжуйского, шурина короля), "которая находилась в двух-трех футах от Дофины", и просто поклонилась ей, и то же самое сделала с другой принцессой, мадам де Калабр, которая была еще более отдаленно связана с королевской кровью. Затем королева, а за ней и дофина, поцеловали трех фрейлин герцогини и жен кавалеров. То же самое герцогиня сделала с дамами, сопровождавшими королеву и дофину, "но из тех, что принадлежали королеве Сицилии, герцогиня не поцеловала ни одной, так как королева не поцеловала своей". И герцогиня не хотела идти позади королевы, ибо говорила, что герцог Бургундский ближе к короне Франции, чем король Сицилии, а также что она дочь короля Португалии, который был больше короля Сицилии".

Далее из подробностей подобного приема мы узнаем, что в те времена этикет не регулировался законами вежливости в современном понимании, поскольку добровольное уважение, оказываемое мужчинами представительницам прекрасного пола, во многом зависело от социального положения. Так, во время визита

Рис. 395. - Въезд Людовика XI в Париж - факсимиле миниатюры в "Хрониках" Монстреле, рукопись XV века (Императорская библиотека Парижа).

Людовик XI, тогда еще дофин, прибыл ко двору в Брюсселе, куда он отправился в поисках убежища от гнева отца, а герцогини Бургундская, Шаролезская и Клевская, его ближайшие родственницы, проявили по отношению к нему все знаки покорности и низости, которые он мог бы получить от вассала. Дофин, правда, пожелал избежать этого почтения, и дискуссия на эту тему продолжалась "более четверти часа"; наконец он взял герцогиню Бургундскую за руку и увел ее, чтобы прервать церемонии, "о которых так много говорила мадам". Это, однако, не помешало принцессам, когда они удалились, преклонить колени в знак уважения к сыну короля Франции.

Мы уже видели, что герцогиня Бургундская, собираясь предстать перед королевой, забрала свой шлейф у носильщика, чтобы нести его самой. При этом она лишь следовала общему принципу, согласно которому в присутствии вышестоящего лица человек, какого бы высокого ранга он ни был, не должен сам принимать почести и в то же время оказывать их другому. Так, герцог и герцогиня при дворе накрывали все вещи, которыми пользовались за столом, - отсюда современное выражение *mettre le couvert* (накрывать скатертью) - даже умывальник и *каденции*, своего рода футляр, в котором хранились кубки, ножи и другие столовые принадлежности; но когда они принимали короля, все эти знаки превосходства убирались, согласно этикету, со стола, за которым они сидели, и передавались как акт уважения к присутствующему государю.

В книге дамы Алиенор, в серии статей, на которые мы ограничимся лишь упоминанием, очень подробно рассказывается о внутреннем устройстве комнат, в которых рождались принцы и другие знатные дети. Формальности, соблюдаемые в этих случаях, были столь же любопытны, сколь и сложны; и дама Алиенор с сожалением наблюдала, как они выходят из употребления, "из-за чего, - говорит она, - мы опасаемся, что владения больших дворянских домов становятся слишком большими, как признают все, а сутяжничество или сокрытие рождения, чтобы избавиться от слишком большого количества детей, становится все более распространенным".

Следующей темой, на которую мы обратим внимание, является траур. Король никогда не носил черный цвет для траура, даже по своему отцу, только алый или фиолетовый. Королева носила белое и не покидала своих покоев целый год. Отсюда название "замок", "дом" или "*тур де ла Рейн Бланш*", которое до сих пор носят многие здания Средневековья, поскольку овдовевшие королевы жили в них в течение первого года своего вдовства. В случаях траура различные приемные комнаты дома завешивались черным. В глубоком трауре, например, по мужу или отцу, дама не носила ни перчаток, ни драгоценностей, ни шелка. Голову покрывал низкий черный головной убор со шлейфом, называемый *шаперонами*, *барбетам*, *кувреша*ми и *туретами*. Герцогиня и жена рыцаря или баннерета, уходя в траур, оставались в своих апартаментах в течение шести недель; первая в течение всего этого времени, находясь в глубоком трауре, лежала весь день на кровати, покрытой белой простыней; вторая же, по истечении девяти дней, вставала и до окончания шести недель оставалась сидеть перед кроватью на черной простыне. Дамы не присутствовали на похоронах своих мужей, хотя обычно присутствовали на похоронах своих отцов и матерей. По старшему брату носили такой же траур, как и по отцу, но не ложились, как описано выше.

Рис. 396. - "Как король-атлант преподносит меч герцогу Бурбонскому". Из миниатюры в "Турнуа короля Рене", рукописи XV века (Императорская библиотека Парижа).

В повседневном общении друг с другом короли, принцы, герцоги и герцогини называли друг друга *месье* и *мадам*, добавляя христианское имя или имя сословия. Начальник, говорящий или пишущий нижестоящему, мог добавить к его или ее титулу родства *beau* или *belle*; например, *mon bel oncle*, *ma belle cousine*. Люди низшего сословия, представляясь друг другу, не говорили: "Месье Жан, ма бель танте" - "Мистер Джон, позвольте представить вам мою тетю", - а просто: "Жан, ма танте". Глава дома занимал свое место под балдахин или *доссеретом* (**Fig. 396**), который он уступал только своему государю, когда имел честь его развлекать. "Таковы, - говорит в заключение Алиенор, - правила этикета, которые соблюдаются в Германии, во Франции, в Неаполе, в Италии и во всех других цивилизованных странах и королевствах". Здесь можно заметить, что этикет, зародившись во Франции, распространился по всем христианским странам, а когда он, так сказать, натурализовался среди последних, то приобрел устоявшееся положение, которое сохранил более прочно, чем во Франции. В этой последней стране только с XVII века, особенно при Людовике XIV, придворный этикет действительно стал наукой и почти разновидностью соблюдения религии, к мелочам которой относились так же внимательно, как к священным обрядам, хотя они нередко носили самый детский характер, а их пышность и точность часто вызвали невыносимое раздражение. Но, несмотря на вечную смену времен и обычаев, французская нация всегда отличалась благородством и достоинством, сдобренными здравым смыслом и элегантностью.

Если мы теперь обратимся к *государственному сословию*, к тому классу, которому, по известному выражению, "суждено было стать всем, после того как долгое время на него

смотрели как на ничто", то заметим, что и там обычаи и традиции имели большое значение для церемоний разного рода. Присутствие представителей среднего класса не только придавало, так сказать, печать величия праздникам аристократического и религиозного характера, но, кроме того, сам народ устраивал множество всевозможных церемоний, в которых этикет был ничуть не менее строг, чем в придворных. Разнообразие гражданских и народных церемоний настолько велико, что для полного объяснения их характерных особенностей потребовался бы большой том, иллюстрированный многочисленными гравюрами. Простое перечисление различных общественных праздников, каждый из которых обязательно сопровождался отдельным церемониалом, заняло бы много времени, если бы мы попытались изложить его даже в самом кратком виде.

[Рис. 397.](#) - Вступление короля де л'Эпинетт в Лилле в XVI веке - с миниатюры в рукописи библиотеки Руана.

Помимо многочисленных церемоний чисто религиозного характера, а именно шествия *Fête-Dieu* на Рогатовой неделе, а также праздников суеверного и бурлескного характера, таких как *des Fous, de l'Ane, des Innocents* и других подобных, столь популярных в Средние века, о которых мы подробнее расскажем ниже, мы хотели бы упомянуть о военных или гимнастических праздниках. Среди них были так называемые шествия *конферансье де л'Аркебуз, лучников, папегаутов, короля Эпинета* в Лилле ([Рис. 397](#)) и *форестьеров* в Брюгге. Были и так называемые праздники, характерные для определенных мест, например, праздник *Беора*, праздник *Галатских полей* в Эпинале, праздник *Лабуреров* в Монтелимаре, праздник *Ги-ан-Нефа* в Анжу. Также *майские* праздники, *снопа, весны, роз, костров святого Иоанна* и т. д. Затем были исторические или памятные праздники, такие как праздники *Жеана Ройса* в Дюнкерке, *Гаяна* в Дуэ и т. д. также *Гуэ де Сен-Максим* в Рье в Провансе, шествия *Жанны д'Арк* в Орлеане, *Жанны Ашетт* в Бове; и, наконец, многочисленные праздники общественных корпораций, таких как *Экольеры, Нации, Университеты*; также праздники *Лендита, Сен-Шарлеманя, Баия роз в Парламенте*; литературные праздники *риторических палат* Пикардии и Фландрии, *Клеманс Изор* в Тулузе, *Капитолия* в Риме и т. д.; празднества, посвященные *проповедям, занятиям и делам* корпорации рабочих; и, наконец, *покровительственные праздники*, называемые также *ассамблеями, дюкассами, фоли, фуарами, кермессами, пардонами* и т. д.

Из этого простого перечисления легко понять, какую бесполезную задачу мы должны были бы на себя возложить, если бы только взяли за столь обширную и сложную тему. Помимо бесконечного разнообразия деталей, обусловленных местными условиями, в которых были учреждены эти церемонии, которые повсеместно отмечались в определенные периоды, их устройство регулировалось и направлялось неким общим принципом. Почти все эти праздники и общественные ликования, которые в определенной степени составляли общую основу народных церемоний, имели много общего друг с другом. Однако есть некоторые особенности, менее известные и более яркие, чем остальные, которые заслуживают упоминания, и на этом мы завершим эту часть нашей темы.

[Рис. 398.](#) - Представление балета перед Анри III и его двором в галерее Лувра. Факсимиле гравюры на меди "Балет де ла Ройн" Бальтазара де Божойе (фолио, Париж, Мамерт Патиссон, 1582 г.).

Те обряды, церемонии и обычаи, которые наиболее часто соблюдаются и которые наиболее упорно сохраняют свое место среди нас, далеко не современного происхождения. Так, обычай весело отмечать начало нового года или посвящать отдельные дни празднику до сих

пор повсеместно соблюдается во всех странах мира. Практика посылать подарки в *Новый год* встречается как у цивилизованных народов Востока, так и в нашей стране. В Средние века близкие друзья принцев, особенно королей Франции, получали рождественские подарки, за которые считали себя обязанными отплатить сполна. В Англии такие обмены щедростью также на Рождество. В России в день Пасхи люди, встречаясь на улице, приветствуют друг друга словами "Христос воскрес!". Эти и многие другие обычаи, несомненно, дошли до нас из первых веков христианства. То же самое можно сказать и об огромном количестве обычаев более или менее локального характера, которые соблюдались в разных странах на протяжении веков. В прежние времена в Оксенбахе (Вюртемберг) во время карнавала женщины устраивали пир, на котором их ждали мужчины, а после его окончания они превращались в своего рода суд пленарной индульгенции, из которого мужчины были единодушно исключены и заседали в суде друг над другом. В Рамерупте, небольшом городке в Шампани, каждый год 1 мая двадцать жителей отправлялись в прилегающую деревушку Сен-Реми, охотясь на ходу. Их называли *дураками Рамеру*, и говорили, что самый большой дурак возглавляет группу. Жители Сен-Реми были обязаны принять их безвозмездно, снабдить их, а также их лошадей и собак всем необходимым, отслужить для них мессу, терпеть все нелепые капризы капитана и его отряда, а также снабдить их *прекрасным и красивым рогатым бараном*, которого с триумфом вели обратно. По возвращении в Рамерупт они с криками бросились к дверям куратора, фискального прокурора и сборщика налогов, а после изобретения пороха пустили фейерверк. Затем они отправились на рыночную площадь, где танцевали вокруг барана, украшенного лентами. Несомненно, это пережиток праздников древнего язычества.

Еще более любопытная церемония, происхождение которой, как нам кажется, можно отнести к дионисийским праздникам язычества, до сих пор соблюдается в Безье. Она носит названия *Праздника Пепезуха*, *Триумфа Безье* или *Праздника Каритатов* или *Харитэ*. В нижней части улицы Франсез в Безье можно увидеть статую, которая, несмотря на увечья, которым она подверглась, все еще отчетливо несет следы древнего произведения самого изысканного периода искусства. Эта статуя изображает Пепезуха, жителя Безье, который, согласно несколько сомнительной традиции, доблестно защищал город от готов, или, как говорят некоторые, от англичан; ее происхождение, таким образом, не может быть позже XIII века. В день Вознесения, когда отмечается праздник Пепезуха, по городу прошла огромная процессия. Особенно выделялись три замечательные машины: первая - огромный деревянный верблюд, который ходил с помощью механизма, двигая конечностями и челюстями; вторая - галера на колесах, полностью укомплектованная людьми; третья - повозка, на которой был установлен передвижной театр. Процессию составляли консулы и другие городские власти, корпорации торговцев, перед которыми шли пасторы, кузнецы на лошадях, все с соответствующими знаками отличия и знаменами. Двойную колонну, состоящую из юношей и девушек, держащих в руках белые обручи, украшенные лентами и разноцветными лентами, предваряла девушка, увенчанная цветами, полузакрытая и несущая корзину. Эта блестящая процессия шествовала под звуки музыки, и на определенных расстояниях молодые пары обоих полов останавливались, чтобы с помощью своих обручей выполнить различные фигуры, которые назывались *танцем Трелей*. Машины также время от времени останавливались в различных местах. Верблюд был особенно , чтобы войти в церковь Святой Афродизы, потому что, по преданию, апостол впервые приехал на верблюде, чтобы проповедовать Евангелие в этой стране, и там же принял пальму мученичества. Прибыв к статуе Пепезуха, молодые люди украсили ее гирляндами. Когда дошли до городской площади, театр остановился, как древняя машина Фесписа, и актеры в подражание Аристофану угостили народ несколькими комическими шутками. С галеры

молодые люди бросали сахарные сливы и сладости, которые зрители возвращали в таком же изобилии. Завершали шествие несколько мужчин, увенчанных зелеными листьями, которые несли на головах буханки хлеба, которые вместе с другими продуктами, находившимися на галере, раздавали бедным жителям города.

В Германии и во Франции на публичных приемах королей, принцев и знатных особ было принято предлагать им вина, которые производились в данной местности и обычно продавались в городе. В Лангре, например, эти вина помещали в четыре оловянных сосуда, называемых *cimaises*, которые можно увидеть и сейчас. Они назывались винами *льва*, *обезьяны*, *овцы* и *свиньи* - символические названия, выражавшие различные степени или стадии опьянения, которые, как предполагалось, они могли вызвать: лев - храбрость, обезьяна - хитрость, овца - добрый нрав, свинья - зверство.

В заключение приведем из превосходного труда М. Альфреда Михельса о голландской и фламандской живописи сокращенное описание процессии торговых корпораций, состоявшейся в Антверпене в 1520 году, в воскресенье после дня Вознесения. "Присутствовали все торговые корпорации, каждый член был одет в свой лучший костюм". Перед каждой гильдией развевалось знамя, а сразу за ним несли огромную зажженную восковую бумагу. На длинных серебряных трубах, флейтах и барабанах звучала маршевая музыка. По двое в ряд маршировали ювелиры, живописцы, каменщики, вышивальщицы по шелку, скульпторы, плотники, лодочники, рыбаки, мясники, курьеры, драпировщики, пекари, портные и люди всех других профессий. Затем шли арбалетчики, аркебузиры, лучники и т. д., одни пешие, другие конные. За ними шли различные монашеские ордена; далее следовала толпа роскошно одетых буржуа. Особенно привлекала внимание многочисленная компания вдов, одетых в белое с головы до ног; они составляли своего рода сестринство, соблюдая определенные правила и добывая себе средства к существованию различными видами ручного труда. Каноники собора и другие священники шли в процессии в своих великолепных шелковых одеяниях, сверкающих золотом. Двадцать человек несли на плечах огромную фигуру Богородицы с младенцем Спасителем на руках, великолепно украшенную. В конце процессии шли колесницы и корабли на колесах. В процессии были различные группы, представляющие сцены из Ветхого и Нового Завета, такие как *приветствие ангелов*, *посещение волхвов*, которые явились верхом на верблюдах, *бегство в Египет* и другие известные исторические происшествия. На последней машине изображен дракон, которого ведет Святая Маргарита с великолепной уздечкой, а за ним следуют Святой Георгий и несколько блестяще одетых рыцарей.

[Рис. 399.](#) - Сандал и бускин Карла Великого. Из аббатства Сен-Дени.

Костюмы.

Влияние античного костюма.-Костюм в V веке.-Прически.-Костюмы во времена Карла Великого.-Происхождение современной национальной одежды.-Головные уборы и бороды: Время Святого Людовика.-Прогресс в одежде: Брюки, шлемы, туфли, пальто, плащи, накидки.- Изменения в моде на обувь и капюшоны.- *Ливреи*, плащи и накидки.- Приговоры против экстравагантных мод.- Женское платье: Платья, чепцы, головные уборы и т.д.- Исчезновение древних платьев.- Облегающие платья.- Общий характер одежды при Франциске I.- Единообразие одежды.

Древние носили только длинные одежды, и до того момента, когда появились варварские племена Севера, или, скорее, до вторжения этих странствующих народов в Римскую империю, мужская и женская одежда мало чем отличалась. Греки почти не меняли свой стиль одежды на протяжении веков; римляне же, став хозяевами мира, частично переняли одежду и вооружение завоеванных ими народов, считая их улучшением своих собственных, хотя первоначальный стиль одежды был изменен незначительно (рис. [400](#) и [401](#)).

Римский наряд состоял из двух одежд - нижней, или *туники*, и верхней, или *плаща*; последняя была известна под разными названиями - *хламида*, *тога*, *паллиум*, но, несмотря на эти названия, между ними почти не было заметного различия. Простая туника с рукавами, которая соответствует нашей рубашке, по форме напоминала современную блузку и называлась по-разному. *Чиридота* - туника с длинными и большими рукавами, азиатского происхождения; *манулеата* - туника с длинными и узкими рукавами до запястий; *таларис* - туника, доходившая до ступней; *пальмата* - государственная туника, расшитая пальмами, орнамент которых часто встречался и в других частях одежды. *Лацерна*, *лоена*, *кукулла*, *хламида*, *сагум*, *палудаментум* - верхняя одежда, более или менее грубая, полная или скудная, обычно короткая, была аналогом наших плащей, мантий и т. д. и делалась как с капюшоном, так и без него. Женская изобретательность придумала множество разновидностей туник и плащей, а также других предметов одежды, которые служили элегантными аксессуарами туалета, но существенных изменений в национальном костюме не произошло, как не изменилась и форма многочисленных видов обуви. Вторжения варваров привели к революции как в одежде, так и в социальном положении людей, и именно со времени этих вторжений мы можем отсчитывать, так сказать, историю современной одежды; ведь римский костюм, который был в употреблении одновременно с костюмом франков, гуннов, вандалов, готов и т. д., подвергался различным изменениям вплоть до IX века. Впоследствии эти изменения усилились настолько, что к XIV веку первоначальный тип полностью исчез.

Рис. [400](#) и [401](#) .--Галло-римские костюмы.--Из барельефов, обнаруженных в Париже в 1711 году под хором Нотр-Дам.

Вполне естественно, что люди, живущие в умеренном климате и носящие оружие только на службе государству, должны были довольствоваться одеждой, которую они могли носить, не закутываясь слишком плотно. Северные народы, напротив, рано научились защищать себя от суровости климата, в котором они жили. Таким образом, одежда, известная у них как *braies*, а у парфян как *sarabara*, несомненно, дала начало тем одежам, которые мы называем *chausses*, *haut-de-chausses*, *trousses*, *grègues*, *culottes*, *pantalons* и так далее. У этих странствующих людей были и другие причины предпочитать короткую и плотно прилегающую одежду длинной и полной, а именно: врожденная драчливость, заставлявшая

их всегда быть под оружием, привычка жить в лесах и чащах, любовь к погоне и обычай носить доспехи.

Древние греки и римляне в городах всегда ходили с голой головой, а в деревне, чтобы защититься от прямых солнечных лучей, носили головные уборы, очень похожие на наши круглые шляпы, сделанные из войлока, плетеного камыша или соломы. Другие европейские народы того же периода также ходили с голой головой или носили шапки из шкур животных, не имевшие регулярного стиля, и с формой которых мы мало знакомы.

Обувь и головные уборы определенного стиля относятся к гораздо более современному периоду, как и многочисленные разновидности женского платья, которые во все времена и во всех странах были известны под общим названием *халатов*. Пояс использовался лишь изредка, и его применение зависело от обстоятельств; женщины пользовались им так же, как и мужчины, поскольку в те времена он никогда не прикреплялся к платью. Большое отличие современного женского костюма заключается в том, что пояс является частью платья, что позволяет получить длинную или короткую талию, в зависимости от требований моды. Таким же образом произошла полная революция в мужском костюме: были введены свободные или облегающие, длинные или короткие рукава.

Мы начнем наш исторический очерк с пятого века, в этот период мы можем проследить смешение римского и варварского костюма - а именно, сочетание длинной, бесформенной одежды с той, которую носили германцы, и которая сопровождалась плотно прилегающими брайсами. Так, на лежащей статуе, украшающей гробницу Хлодвиг в церкви аббатства Святой Женевиевы, король представлен в *тунике* и *тоге*, но, кроме того, галло-римская цивилизация подарила ему облегающие брайсы, похожие на то, что мы сейчас называем панталонами. Кроме того, его туника скреплена поясом, что, впрочем, не было новшеством в его время, поскольку женщины тогда носили длинные платья, скрепленные на талии поясом. В его обуви нет ничего примечательного, поскольку мы видим, что туфли, или закрытые сандалии, носили с самых отдаленных времен почти все народы (рис. [402](#) и [403](#)).

[Рис. 402.](#) - Костюм короля Хлодвиг (VI в.) - со статуи на его гробнице, ранее находившейся в аббатстве Святой Женевиевы.

[Рис. 403.](#) - Костюм короля Чилдеберта (VII в.) - со статуи, ранее находившейся в трапезной аббатства Сен-Жермен-де-Пре.

Плащ претендует на столь же древнее происхождение. Главное, на что стоит обратить внимание, - это количество орнамента, которым франки украшали свои пояса и каймы туник и плащей. Эту моду они позаимствовали у императорского двора, который, будучи переведенным из Рима в Константинополь в третьем веке, не замедлил перенять роскошь драгоценных камней и других богатых украшений, широко распространенных среди восточных народов. Следуя примеру Горация де Вьелькастеля, ученого автора истории костюма Франции, мы можем заявить, что очень трудно, если вообще возможно, определить точный костюм во времена ранних Меровингов. Первые авторы, которые затрагивали эту тему, говорили о ней очень туманно или, не будучи современниками тех времен, о которых они писали, могли описывать только по традиции или по слухам. Те памятники, на которых предположительно представлен ранний костюм, почти все относятся к более позднему времени, когда художники, будь то скульпторы или живописцы, не были очень точны в своих представлениях о костюме, и даже, казалось, воображали, что до их времени не могло существовать другого стиля, кроме того, с которым они были знакомы ежедневно. Чтобы

быть как можно более точными, хотя, в конце концов, мы можем говорить только гипотетически, мы не можем сделать ничего лучше, чем вспомнить, с одной стороны, что Тацит говорит о германцах, что они "были почти голыми, за исключением короткой и плотной одежды вокруг талии и маленького квадратного плаща, который они перекидывали через правое плечо", и, с другой стороны, перенестись в воображении к древнеримскому костюму. Кроме того, мы можем обратить внимание на любопытное описание франков, данное Сидуаном Аполлинером, который говорит: "Они связывали свои льняные или светло-коричневые волосы надо лбом в некое подобие хохолка, а затем заставляли их падать за голову, как конский хвост. Лицо было чисто выбрито, за исключением двух длинных усов. Они носили одежду из ткани, плотно прилегающую к телу и конечностям, и широкий пояс, к которому подвешивали свои мечи". Но это зарисовка, сделанная в то время, когда франкская раса была известна галлам только благодаря своим племенам мародеров, чьи набеги время от времени наводили ужас и страх на все страны, которые они посещали. С того момента, как бескультурные племена древней Германии официально вступили во владение территорией, отошедшей к римлянам, они проявили желание перенять более мягкие нравы завоеванного народа. "В подражание своему вождю, - рассказывает выдающийся антиквар М. Жюль Кишера, - франки не раз сбрасывали военный плащ и кожаный пояс и надевали тогу римского достоинства. Не раз их льняные волосы демонстрировались с выгодой, струясь по императорской мантии, а золото рыцарей, пурпур сенаторов и патрициев, триумфальные короны, фасции, словом, все, что Римская империя придумала для демонстрации своего величия, способствовало увеличению величия наших предков".

Рис. [404 и 405](#) .- Святые в костюмах VI-VIII веков... С миниатюр в старых рукописях Королевской библиотеки Брюсселя (рисунки графа Г. де Вьелькастеля).

Однако следует особо отметить одно большое и характерное различие между римлянами и франками, а именно - моду носить длинные волосы, которая никогда не была принята римлянами и которая в течение всей первой династии была отличительным знаком королей и знати среди франков. Греческий историк Агафий говорит: "Сыновья франкских королей никогда не стригут волосы на голове. С ранней юности их волосы изящно ниспадают на плечи, они разделены на лбу и одинаково падают на обе стороны; это дело, которому они уделяют особое внимание". Кроме того, нам рассказывают, что они посыпали их золотой пылью и заплетали в небольшие ленты, которые украшали жемчугом и драгоценными металлами.

В то время как высокопоставленные лица отличались длинными и струящимися волосами, народ носил их более или менее короткими, в зависимости от степени свободы, которой он обладал, а крепостные полностью обривали голову. У знатных и свободных сословий было принято клясться своими волосами, а вырвать волос и подарить его человеку считалось верхом вежливости. Летописец Фредегер рассказывает, что Хлодвиг вырвал волос, чтобы оказать честь святому Жермеру, епископу Тулузы, и преподнес его ему; после этого придворные поспешили подражать своему государю, и почтенный прелат вернулся домой с рукой, полной волос, в восторге от лестного приема, оказанного ему при дворе франкского короля. В эпоху Меровингов самым большим оскорблением, которое можно было нанести свободному человеку, было прикосновение к нему бритвой или ножницами. Королей и принцев публично унижали, обривая им головы и отправляя в монастырь; после восстановления их прав и власти им всегда позволяли отрастить волосы. Мы также можем сделать вывод, что сохранению волос придавалось большое значение даже при королях

второй династии, поскольку Карл Великий в своих Капитуляриях приказывает удалять волосы в качестве наказания за некоторые преступления.

Франки, верные своему древнему обычаю носить длинные волосы, постепенно отказались от бритья лица. Сначала они оставляли лишь небольшой хохолок на подбородке, но постепенно позволили ему увеличиться, и в шестом и седьмом веках свободные люди приняли обычную форму бороды. Среди духовенства преобладал обычай брить корону головы, подобно тому, как это принято в некоторых монашеских орденах в наши дни. Священники долгое время носили бороды, но перестали это делать, когда они вошли в моду среди мирян (рис. [406, 407](#)). Поэтому художники и скульпторы совершают серьезную ошибку, изображая прелатов и монахов тех времен с большими бородами.

Насколько нам позволяют судить монументальные реликвии тех далеких времен, одежда, которую носил Хлодвиг, претерпела лишь незначительные изменения в течение первой династии; но во время правления Пипина и Карла Великого произошли значительные перемены, вызванные дружественными или враждебными контактами между франками и южными народами. Примерно в это время в королевстве появились шелковые ткани, а высшие классы, чтобы отличаться от низших, оторочили свои одежды дорогими мехами (см. главу "Торговля").

Рис. 406 и 407 .- Костюм прелатов с восьмого по десятый век - по миниатюрам из "Миссала святого Григория", хранящегося в Парижской национальной библиотеке.

Мы уже говорили (см. главу "Личная жизнь"), что Карл Великий, который всегда отличался простотой вкусов, решительно выступал против этих новых проявлений роскоши, которые, по его мнению, могли принести вред. "Какая польза от этих плащей?" - говорил он; "В постели они не могут укрыть нас, на лошади не могут защитить ни от дождя, ни от ветра, а когда мы сидим, они не могут уберечь наши ноги ни от холода, ни от сырости". Сам он обычно носил большую тунику из шкуры выдры. Однажды его придворные отправились с ним на охоту, одетые в великолепные одежды по южной моде, которые сильно порвались от бриаров и обагрились кровью убитых ими животных. "О, глупцы!" - сказал он им на следующий день, показывая свою тунику, которую слуга только что вернул ему в идеальном состоянии, просто высушив ее у огня и растерев руками. "Чья одежда ценнее и полезнее? Моя, за которую я заплатил всего су (около двадцати двух франков нынешних денег), или ваша, которая стоила так много?" С тех пор, когда этот великий король отправлялся в поход, его приближенные, даже самые богатые и влиятельные, не осмеливались появляться в какой-либо одежде, кроме той, что была сделана из кожи, шерсти или сукна; если бы они в таких случаях появлялись в шелках и украшениях, он резко упрекал их и считал трусами или слабоумными, а значит, непригодными для того дела, которым ему предстояло заниматься.

Тем не менее этот монарх, столь строго запрещающий роскошь в повседневной жизни, устраивал самые пышные представления по случаю политических или религиозных праздников, когда императорское достоинство, которым он был наделен, требовало пышных церемоний и богатства нарядов.

Во время правления других королей Карловингов, в разгар политических неурядиц, внутренних войн и социальных беспорядков, у них не было ни времени, ни склонности к изобретению новых мод. Памятники второй половины IX века доказывают, что национальная одежда почти не претерпела изменений со времен Карла Великого, а в одежде знати все еще ощущалось влияние римских традиций, особенно в праздничные дни (рис. [408](#) - 411).

На миниатюре большой MS. Библии, подаренной канониками Сен-Мартина Турского в 869 году Карлу Лысому (Национальная библиотека Парижа), мы видим короля, сидящего на своем троне в окружении сановников двора и солдат, одетых по римской моде. Монарх одет в плащ, который, похоже, сделан из золотой ткани и прикреплен к плечу ремнем или лентой, продетым через застежку; плащ вышит красным цветом на золотом фоне; туника красновато-коричневая, а туфли светло-красные, отделанные золотой нитью. В том же манускрипте есть еще одна картина, изображающая четырех женщин, слушающих речь пророка. Из нее мы узнаем, что женский костюм того времени состоял из двух туник, нижняя из которых была длиннее, но менее вместительна, чем другая: рукава первой спускались до запястий и были заплетены во множество складок, в то время как рукава второй распахивались и доходили только до локтя. Нижняя часть, шея и края рукавов отделаны орнаментом, талию опоясывает пояс чуть выше бедер, а длинная вуаль тонкой работы, застегнутая на голове, покрывает плечи и свисает до ног, полностью скрывая волосы, так что длинные косы, спадающие вперед, очевидно, не были тогда в моде. Нижняя одежда этих четырех женщин - все они носят черные туфли, которые, вероятно, были сделаны из сафьяна - разных цветов, в то время как платья или верхние туники - белые.

Рис. 408. - Костюм ученого эпохи Карловингов (святой Матфей писал свое Евангелие под вдохновением Христа) - из миниатюры в рукописи IX века в Бургундской библиотеке в Брюсселе (рисунок графа Х. де Вьелькастеля).

Несмотря на то, что при династии Карловингов бритая голова всегда считалась позором и бесчестьем, не следует думать, что высшие классы продолжали носить длинные волосы в стиле Меровингов. После правления Карла Великого вошло в моду сбривать волосы над лбом, пробор при этом расширялся, а волосы укладывались так, чтобы они не опускались ниже середины шеи. При Карле Лысом, чья фамилия доказывает, что он не был приверженцем длинных волос, этот обычай перестал использоваться или был отменен, и мужчины брили большую часть головы, сохраняя лишь своего рода шапку волос, растущую на макушке. Именно в этот период мы впервые видим, как носят *капот*. Этот распространенный вид головного убора, сделанный из меха животных или шерстяных тканей, продолжали носить на протяжении многих веков, и почти до сегодняшнего дня. Изначально это была лишь разновидность шапочки, легкая и очень маленькая, но постепенно она увеличивалась в размерах и последовательно закрывала уши, шею и, наконец, даже плечи.

В течение X века в одежде обоих полов не произошло больших изменений. "Ничто не было более простым, чем головной убор женщин, - говорит М. Жюль Кишера, - ничто не было менее изученным, чем их манера носить волосы; ничто не было более простым и в то же время более тонким, чем их белье. Элегантный вид их одежды напоминает одежду греческих и римских женщин. Иногда их платья были настолько облегающими, что демонстрировали все изящество их форм, в то время как в других случаях они были настолько высокими, что полностью закрывали шею; последние назывались *cottes-hardies*. *Komm-харду*, который во все времена был частью одежды французских женщин и который часто носили и мужчины, представлял собой длинную тунику, доходившую до пят, застегнутую на талии и закрытую на запястьях. Королевы, принцессы и знатные дамы носили в дополнение длинный плащ, подбитый горностаем, или тунику с рукавами или без них; часто их платье состояло из двух туник и вуали или драпировки, которая накидывалась на голову и ниспадала впереди и сзади, таким образом полностью окружая шею."

Рис. 409. - Костюм ученого.

[Рис. 410.](#) - Костюм епископа или аббата.

Факсимиле миниатюр в рукописи девятого века ("Библия Сакра"), хранящейся в Королевской библиотеке Брюсселя.

Нельзя сказать, что до конца одиннадцатого века в одежде произошли какие-либо серьезные изменения. Обычная одежда из толстых тканей и грубых шерстяных материалов была очень прочной и долговечной, и ее нелегко было испортить; кроме того, в некоторых провинциях, придерживающихся старых обычаев, было принято передавать одежду, особенно праздничную и церемониальную, по наследству от отца к сыну, в третьем или четвертом поколении. Норманны, пришедшие из Скандинавии в конце X века, в 970 году н. э., со своими короткими одеждами и почтовыми плащами, сначала переняли одежду французов и продолжали делать это во всех ее различных изменениях. В следующем веке, обнаружив, что саксы и бритты в Англии одеты в одежду своих предков, слегка измененную римским стилем одежды, они начали вносить большие изменения в свою манеру одеваться. Они все больше и больше отказывались от римской моды и принимали костюмы, похожие на те, что были во Франции в тот же период.

[Рис. 411.](#) - Костюм Карла Простого (X век) - с миниатюры в "Роях Франции" Дю Тилле, рукопись XVI века (Императорская библиотека Парижа).

Прежде чем продолжить нашу историю средневековой одежды, мы должны предупредить замечание, которое не преминет сделать читатель, а именно, что мы, кажется, занимаемся исключительно одеждой королей, королев и других знатных особ. Но мы должны ответить, что, хотя мы и можем составить довольно точные представления об одежде высших классов в эти отдаленные периоды, мы не обладаем никакой достоверной информацией об одежде низших классов, и что письменные документы, а также скульптуры и картины почти бесполезны в этом вопросе. Тем не менее, мы можем предположить, что одежда мужчин низших слоев общества всегда была короткой и облегающей, состоящей из *braies*, или облегающих кальсон, в основном из кожи, облегающих туник, *сайонов* или дублетов, а также накидок или плащей из грубой коричневой шерсти. Туника ограничивалась на талии поясом, к которому подвешивались нож, кошелек, а иногда и рабочие инструменты. Головным убором людей, как правило, была простая шапка из толстой грубой шерстяной ткани или войлока, а часто и из овечьей шкуры. В XII веке по головному убору определяли ранг или социальное положение человека. Для знатных людей шапка делалась из бархата, для бедняков - из обычной ткани. *Корнет*, который всегда был придатком к шапке, был сделан из ткани, с помощью которого шапку можно было закрепить или поправить на голове. *Мортира*, или круглая шапочка, появилась в первые века и меняла форму и материал в соответствии с различными изменениями моды; но юристы высокого положения продолжали носить ее почти в первоначальном виде, и она стала похожа на профессиональный значок судей и адвокатов.

На миниатюрах того времени мы видим Карла Доброго, графа Фландрии, умершего в 1127 году, в шапке с острием на макушке, к которому прикреплен длинный шнурок, и козырьком, закрученным спереди. Похожий головной убор, но без околыша и с острием, повернутым влево, можно увидеть на портрете Жоффруа ле Бея, графа де Мэн, в 1150 году. Примерно в тот же период Аньес де Бодеман изображена в чепце из льна или ткани, с ворсинками, свисающими на плечи; она одета в мантию, застегнутую на талии, с длинными лентами, прикрепленными к рукавам у запястий. Королева Ингебург, вторая жена Филиппа Августа, также носила облегающее платье, застегивающееся у воротника круглой пряжкой, и две

ленты из ткани, образующие подобие ожерелья; она также использовала длинный плащ и закрытые туфли, которые тогда начали делать остроносыми. Робер, граф де Дрё, живший в тот же период, также одет почти в точности как королева, несмотря на разницу в поле и ранге; его мантия, однако, спускается только до колена, а пояс не имеет подвесок спереди. Королева изображена с длинными и струящимися волосами, а граф - с коротко остриженными.

[Рис. 412.](#) - Костюм короля Людовика ле Жене - миниатюра "Короля Франции" работы Дю Тилле (XVI век), хранящаяся в Парижской национальной библиотеке.

[Рис. 413.](#) - Королевский костюм... Из миниатюры в рукописи XII века, хранящейся в Бургундской библиотеке, Брюссель.

Женщины, в дополнение к головному убору, часто носили широкую ленту, которая завязывалась под подбородком и создавала видимость своеобразной оправы для лица. Представители обоих полов носили цветные ленты на обуви, которые завязывались вокруг лодыжек, как у сандалий, и показывали форму стопы.

Борода, которую в полном объеме носили в начале двенадцатого века, с течением времени изменялась как по форме, так и по длине. Сначала она была подстрижена точечно и прикрывала только конец подбородка, но затем появилась мода носить ее так, чтобы она соединялась с усами. В конце концов, при Людовике Жене ([Рис. 412](#)) усы вышли из моды. Бороды стали носить только деревенские люди, которые, по мнению современных историков, хотели сохранить "память о своем участии в крестовых походах". В конце века все подбородки были выбриты.

Крестовые походы также привели к повсеместному использованию кошелька, который подвешивался к поясу с помощью шнура из шелка или хлопка, а иногда и металлической цепочки. Во времена Священной войны он стал эмблемой, характерной для паломников, которые перед отправлением в Палестину получали из рук священника крест, посох паломника и кошелек.

Теперь мы переходим ко времени Людовика IX. (рис. 414 - 418), этого доброго короля, который, по свидетельству его историков, обычно одевался очень просто, но, несмотря на свою обычную скромность и бережливость, в торжественных случаях не стеснялся проявлять пышность, которую требовало занимаемое им царственное положение. "Иногда, - рассказывает сир де Жуанвиль, - он выходил в свой сад, одетый в пальто из верблюжьей шерсти, сюртук из льняной шерсти без рукавов, черный шелковый плащ без капюшона и шляпу, отороченную павлиньими перьями. В другое время он был одет в халат из голубого шелка, сюртук и мантию из алого атласа и хлопчатобумажную шапочку".

Сюртук (*sur-cotte*) сначала носили только женщины, но вскоре его стали носить оба пола: первоначально это была большая одежда с рукавами, которую накидывали на верхнюю часть халата (*cotte*), отсюда и название - *sur-cotte*. Очень скоро его стали делать без рукавов - несомненно, как замечает М. Кишера, чтобы нижняя одежда, сделанная из более дорогого материала, была видна; затем, с той же целью и для того, чтобы не мешать нормальному движению конечностей, сюртук был поднят выше бедер, а проймы для рук сделаны очень большими.

[Рис. 414.](#) - Костюм принцессы, одетой в плащ, подбитый мехом... С миниатюры XIII века.

[Рис. 415.](#) - Костюм Уильяма Мальгенесте, королевского егеря, как он изображен на его гробнице, ранее находившейся в аббатстве Лонг-Понт.

Во время посвящения Людовика IX в 1226 году дворяне носили шапку (*мортиру*), отороченную мехом; епископы носили накидку и митру, а также несли посох. Людовик IX в возрасте тринадцати лет изображен на картине, выполненной в 1262 году (Сент-Шапель, Париж), с короткими волосами, в красной бархатной шапочке, тунике, а поверх нее - плащ, открытый на груди, с длинными рукавами, которые разрезаны для продевания рук; этот плащ, или сюртук, оторочен горностаем спереди и имеет вид того, что мы сейчас называем меховой шалью. На юном короле длинные рукава и обувь, похожая по форме на высокие тапочки. На той же картине королева Маргарита, его жена, одета в платье с узким лифом, открытым на бедрах, с длинными и узкими рукавами; на ней также плащ, расшитый флердоранжами, длинные рукава которого разрезаны и окаймлены горностаем; что-то вроде капюшона, намного больше головы, а поверх него вуаль, которая проходит под подбородком, не касаясь лица; туфли длинные и, кажется, очень плотно облегают ноги.

[Рис. 416.](#) - Костюмы XIII века: Тристан и прекрасная Исеулт... Из миниатюры в романе "Тристан", рукопись XIV века (Императорская библиотека Парижа).

С этого времени стали носить платья с облегающими лифами; поверх них женщины надевали облегающую куртку, доходившую чуть ниже бедер, часто отороченную мехом, если платье было богато украшено, и саму богато украшенную, если платье было простым. Они также стали заплетать волосы, которые ниспадали по бокам лица до шеи, и обильно украшали их жемчугом, золотыми или серебряными украшениями. Жанна, королева Наваррская, жена Филиппа ле Бея, изображена в остроконечном чепце, на откинутых краях которого волосы собраны в густые локоны по обе стороны лица; на груди - оборка, свернутая в две точки; платье, застегнутое спереди на ряд пуговиц, имеет длинные и узкие рукава, с небольшой прорезью у запястий, закрывающейся пуговицей; наконец, поверх всего королева носит нечто вроде второй мантии в виде плаща, рукава которого широко разрезаны посередине.

В конце XIII века роскошь при дворе Франции достигла своего апогея: на платье щедро тратили золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни. На свадьбе Филиппа III, сына Людовика Святого, кавалеры были одеты в алое, а дамы - в золотую ткань, расшитую и отделанную золотыми и серебряными кружевами. Также были надеты массивные пояса из золота и чашечки, сверкающие тем же дорогим металлом. Более того, это великолепие и показуха (см. главу "Частная жизнь") не ограничивались только двором, поскольку, как мы видим, они распространялись и на буржуазию, так как Филипп ле Бель своим эдиктом 1294 года попытался ограничить эту экстравагантность, которая в глазах всего мира имела особую тенденцию стирать или, по крайней мере, скрывать все различия по рождению, званию и состоянию. В то время богатство изо всех сил стремилось стать единственным стандартом одежды.

По мере приближения к XIV веку - эпохе Средневековья, когда после многочисленных изменений моды и борьбы с древними римскими и германскими традициями современный национальный костюм, кажется, наконец, принял устоявшийся и нормальный характер, - мы считаем правильным сделать некоторый обзор, чтобы определить природу различных элементов, которые время от времени участвовали в формировании моды на одежду. Чтобы придать больший вес нашим замечаниям, мы приведем почти слово в слово несколько страниц из превосходной работы, опубликованной М. Жюлем Кишератом по этому вопросу.

"К 1280 году, - говорит он, - одежда мужчины - не мужчины в том смысле, в каком это слово употреблялось тогда, что означало *крепостного*, а того, кому было позволено пользоваться человеческими привилегиями, то есть церковника, буржуа или дворянина - состояла из шести необходимых частей: *braies*, или бриджей, чулок, туфель, пальто, сюртука, или *кота-харди*, и *chaperon*, или головного убора. К этим предметам те, кто хотел одеться более элегантно, добавляли на тело рубашку, на плечи - мантию, а на голову - шляпу, или *фронт*."

[Рис. 417.](#) - Костюмы простых людей в XIV веке: Итальянский садовник и дровосек... С двух гравюр из коллекции Боннарта.

Брайи, или *брайи*, были своего рода кальсонами, обычно вязаными, иногда из шерстяного материала или шелка, а иногда даже из выделанной кожи". Наши предки заимствовали эту часть одежды у древних галлов; только галльские брайи спускались до лодыжки, а брайи XIII века доходили только до икры. Они застегивались выше бедер с помощью пояса, называемого *брайер*.

"Под *chausses* подразумевалось то, что мы сейчас называем длинными чулками или шлангами. Чулки были того же цвета и материала, что и брайеры, и держались за счет того, что нижняя часть брайеров натягивалась на них и завязывалась шнурком.

"Обувь делалась из различных видов кожи, качество которой зависело от способа дубления, и была либо из обычной кожи, либо из кожи, похожей на сафьян, который мы знаем как сафьян, и называлась *cordouan* или *cordua* (отсюда происходит слово *cordouannier*, которое теперь стало *cordonnier*). Обувь обычно делалась остроносой; этой моде на *poulaines*, или польские остроносые туфли, следовали во всей Европе в течение почти трехсот лет, и, когда она впервые появилась, Церковь была настолько оскандалена ею, что едва не попала в каталог ересей. Впоследствии вкус к преувеличенной длине острия несколько изменился, но стал настолько закоренелым, что тенденция к возвращению остроносых туфель к прежним абсурдным крайностям проявлялась постоянно. Заостренные туфли постепенно становились длиннее во время борьбы, которая велась в царствование Филиппа ле Беля между церковью и государством.

"Кроме туфель, существовали также *estiviaux*, названные так от *estiva* (летняя вещь), потому что, будучи обычно сделанными из бархата, парчи или другого дорогого материала, они могли носиться только в сухую погоду.

"Плащ (*cotte*) соответствовал тунике древних, он представлял собой блузу с узкими рукавами. Эти рукава были единственной открытой частью, остальные были полностью закрыты сюртуком, или *cotte-hardie*, название, происхождение которого неясно. По форме сюртук несколько напоминал мешок, в котором в более поздний период были сделаны большие прорезы на руках, а также на бедрах и на груди, через которые проступали богатые меха и атласы, которыми он был обшит..... Обычным материалом для сюртука богатых людей было сукно, либо алое, либо синее, либо красновато-коричневое, либо два или более этих цветов, смешанных вместе; а для бедных - льняная шерсть или фустиан. Дворяне, принцы или бароны, когда держали двор, носили сюртуки того цвета, который соответствовал их гербам, вышитым на них, а мелкие дворяне, посещавшие дома великих, говорили о себе как об одежде такого-то и такого-то дворянина, потому что тот, чье покровительство они добивались, обязан был снабжать их сюртуками и мантиями. Они были любимого цвета их покровителя и назывались ливреей (*livrée*), поскольку их раздача (*livraison*) происходила

дважды в год. С тех пор это слово осталось в употреблении, но с другим значением; однако оно настолько близко к первоначальному значению, что его родство очевидно".

[Рис. 418.](#) - Костюм английских слуг в XIV в. - Из рукописей Британского музея.

[Рис. 419.](#) - Костюм Филиппа Доброго, с капюшоном и "кокардой" - с миниатюры в рукописи того времени.

Интересный анекдот, связанный с этим обычаем, можно найти в хрониках Мэтью Париса. Когда Людовик Святой, к ужасу всех своих вассалов и низших слуг, решил принять крест, ему удалось путем благочестивого мошенничества объединить с собой в своем обете придворных вельмож. Заготовив определенное количество мантий к Рождеству, он вышел на каждой над правым плечом маленький белый крест и приказал раздать их вельможам утром в день праздника, когда они собирались идти к мессе, которая совершалась за некоторое время до восхода солнца. Каждый придворный получал мантию, подаренную королем, у дверей своей комнаты и надевал ее в темноте, не замечая белого креста; а когда наступал день, он, к своему великому удивлению, видел эмблему, которую носил его сосед, не зная, что сам он тоже ее носит. "Они были удивлены и позабавлены, - говорит английский историк, - обнаружив, что король таким благочестивым образом заманил их в ловушку". Поскольку было бы неприлично, позорно и даже недостойно с их стороны снять эти кресты, они от души смеялись и говорили, что добрый король, начав как охотник за паломниками, нашел новый способ ловить людей".

"Шаперон, - добавляет М. Кишера, - был национальным головным убором древних французов, как и кукуль, который был его образцом, у галлов. Мы можем представить его внешний вид по сходству с домино, которое сейчас носят на маскарадных балах. Во времена правления Филиппа ле Бея форма кукуля была сильно изменена либо за счет уменьшения накидки, либо за счет удлинения капюшона, который всегда был достаточно длинным, чтобы падать на плечи. При первом из этих изменений шаперон больше не повязывался на шею, его нужно было удерживать на голове чем-то более прочным. По этой причине его стали надевать на подкладку или валик, что превратило его в обычный чепец. Материал сшивали таким образом, чтобы он принимал определенные складки, которые располагались в виде затяжек, рюшей или в форме петушиного гребня; последний фасон, называемый *кокардой*, был особенно в моде ([Рис. 419](#)) - отсюда происхождение французского эпитета *coquard*, который сейчас выражается словом *dandy*.

"Шляпы были самых разных форм. Их делали из разных видов войлока, из кожи выдры или козы, из шерсти или хлопка. Выражение *chapeau de fleurs* (шляпа цветов), которое постоянно встречается в древних произведениях, означало не какую-либо форму шляпы, а просто корону из незабудок или роз, которая была неотъемлемой частью одежды на балах и праздниках вплоть до правления Филиппа де Валуа (1347). Фронтоньоны (*fronteaux*), разновидность филе из шелка, покрытого золотом и драгоценными камнями, вытеснили *chapeau de fleurs*, так как имели преимущество не выцветать. Их достоинством также было то, что они были гораздо дороже и, таким образом, служили средством установления еще более заметных различий в социальном положении их носителей.

[Рис. 420.](#) - Костюмы богатой буржуазии, крестьянки и знатной дамы XIV в. - из различных расписных окон в церквях Мулена (Бурбонне).

Святая Екатерина в окружении Александрийских докторов.

Миниатюра из *Бревиария* кардинала Гримани, приписываемая Мемлингу.

Библия Сен-Марк, Венеция.

(С копии, принадлежащей месье Амбруазу Фирмин-Дидо).

"Мантии были двух видов: одна была открыта спереди и спадала на спину, а ремень, пересекавший грудь, удерживал ее на плечах; другая, обхватывавшая тело, как колокол, была разрезана с правой стороны и перекидывалась назад через левую руку; она была сделана с меховым воротником, вырезанным в форме палантина. Эта последняя передалась нам, и ее носят наши судьи под названием *тоге* и *эпитоге*.

"Очень часто ошибаются, полагая, что рубашка - предмет одежды современного изобретения; напротив, она очень древняя, и ее появление в обиходе - единственное, что в ней нового.

"Наконец, мы должны упомянуть о *накидке*, которая всегда считалась необходимым предметом одежды. *Накидка* была единственной защитой от плохой погоды в тот период, когда зонтики и крытые кареты были неизвестны. Иногда ее называли *chape de pluie*, по причине того, для чего она применялась, и она состояла из большой накидки с рукавами и была полностью непромокаемой. Ее носил за хозяином его слуга, которого за эту услугу называли *porte-chape*. Нет нужды говорить, что простые люди носили его сами, либо перекинув через спину, либо сложив под мышкой".

Если мы теперь обратимся к женскому одеянию, то обнаружим в нем все составные части мужского наряда, и почти все они носят те же названия. Следует, однако, отметить, что женские плащи и сюртуки часто волочились по земле; что шляпа, которая обычно называлась *souvre-chef* и состояла из каркаса из проволоки, покрытого материалом, который был вышит или отделан кружевом, не имела конической формы; и, наконец, что *шаперон*, который всегда делался с завязками, или *chausse*, никогда не переворачивался так, чтобы образовать чепец. Мы можем добавить, что использование *souvre-chef* не продолжалось до середины XIV века, когда женщины приняли обычай носить любой головной убор, который они выбирали, волосы удерживались шелковой сеткой или *крепином*, прикрепленным либо к передней части, либо к металлической косынке, либо ограничивались вуалью из очень легкого материала, называемой *mollequin* ([Рис. 420](#)).

[Рис. 421.](#) - Костюмы молодого дворянина и буржуа в XIV веке - с витража в церкви Сен-Уан в Руане и с витража в Мулене (Бурбонне).

С помощью нашего опытного гида мы достигли периода (конец XIII века), хорошо подходящего для этого общего исследования одежды наших предков, поскольку вскоре после этого мужская одежда, по крайней мере, и особенно одежда молодых придворных, стала наиболее смехотворной и даже непристойно преувеличенной. До такой степени, что серьезные бедствия постигли французскую нацию в это время, а ее мода оказала значительное влияние на весь континент Европы, современные историки без колебаний считают эти общественные несчастья провиденциальным наказанием, обрушившимся на Францию за ее позорную экстравагантность в одежде.

"Мы должны верить, что Бог допустил это как справедливый суд над нами за наши грехи, - говорят монахи, редактировавшие "Большую хронику Сен-Дени" в 1346 году, во время злополучной битвы при Кресси, - хотя не нам судить. Но то, что мы видим, мы свидетельствуем; ибо гордыня была очень велика во Франции, и особенно среди знати и прочих, то есть гордыня знати и любостяжание. Также было много неподобающего в одежде, и это распространялось по всей Франции. У некоторых одежда была настолько короткой и тесной, что для ее надевания и раздевания требовалась помощь двух человек, а когда их раздевали, казалось, что с них сдирают кожу. Другие носили платья, завязанные на поясице, как женщины; у некоторых были вырезанные в виде точек по всему периметру шапероны; у одних были наколки из одной ткани, у других - из другой; а у некоторых головные уборы и рукава доходили до земли, и они больше походили на конных бандитов, чем на что-либо другое. Учитывая все это, неудивительно, что Бог использовал короля Англии в качестве бича, чтобы исправить излишества французского народа".

И это не единственное свидетельство нелепых и экстравагантных вкусов того злополучного периода. Один писатель с негодованием говорит о *козлиных бородах* (с двумя точками), которые, казалось, вносили последний штрих нелепости в и без того гротескный облик даже самых серьезных людей того времени. Другой восклицает против экстравагантной роскоши драгоценностей, золота и серебра, а также против ношения перьев, которые тогда впервые появились в качестве аксессуаров как мужского, так и женского наряда. Некоторые порицают, и не без оснований, нелепую моду превращать древний кожаный пояс, предназначенный для поддержки талии, в некое подобие тяжелой мягкой ленты, усыпанной позолоченными украшениями и драгоценными камнями, и, очевидно, придуманной специально для того, чтобы обременять носящего ее человека. Другие современные авторы, и среди них папа Урбан V. и король Карл V. ([Рис. 422](#)), выступают против *poulaines*, которые как никогда вошли в моду, и которые считались правильными только тогда, когда они были сделаны как своего рода приложение к ноге, размером по крайней мере вдвое больше ее длины, и украшены самым причудливым образом. Папа предал это уродство анафеме как "насмешку над Богом и святой Церковью", а король запретил мастерам изготавливать их, а своим подданным - носить. Все это ничто в сравнении с пышной экстравагантностью, проявленной в мехах, которая была самой возмутительной и разорительной, и о которой мы не могли бы составить представление, если бы не сведения в некоторых королевских документах, из которых мы узнаем, что для пошива двух полных костюмов для короля Джона было использовано не менее шестисот семидесяти шкур куниц. Также утверждается, что герцог Беррийский, младший сын этого монарха, приобрел почти десять тысяч таких же шкур в далекой северной стране, чтобы отделать всего пять мантий и столько же сюртуков. Читаем также, что на мантию, сшитую для герцога Орлеанского, внука того же короля, потребовалось две тысячи семьсот девяносто горностаевых шкурок. Излишне говорить, что из-за такого большого потребления шкурки можно было купить только по самым экстравагантным ценам; например, пятьдесят шкурок стоили около ста франков (или около шести тысяч в современной валюте), показывая, на какие огромные расходы шли те, кто хотел идти в ногу с роскошью того времени ([Рис. 424](#)).

[Рис. 422.](#) - Костюм Карла V, короля Франции, со статуи, ранее находившейся в церкви Селестен, Париж.

[Рис. 423.](#) - Костюм Жанны де Бурбон, жены Карла V. - со статуи, ранее находившейся в церкви Селестен, Париж.

Мы уже видели, что Карл V. использовал свое влияние, которое, к сожалению, было весьма ограниченным, в попытках сдержать экстравагантность моды. Этот монарх не просто издал законы против неуместных или неприличных и нелепых нарядов; он сам никогда не носил ничего, кроме длинного и просторного костюма, который был наиболее подходящим и который был принят в предыдущем веке. Его примеру, правда, мало кто последовал, но, тем не менее, он привел к тому счастливому результату, что сторонники коротких и обтягивающих платьев, словно внезапно охваченные инстинктивной скромностью, приняли верхнюю одежду, целью которой, казалось, было скрыть нелепые моды, от которых у них не хватало смелости избавиться. Эта тяжелая и некрасивая туника, называемая *хауссом*, состояла из двух широких полос более или менее дорогого материала, которые, начинаясь от шеи, опускались сзади и впереди, таким образом почти полностью скрывая переднюю и заднюю части лица, и позволяя видеть нижнюю одежду только через прорезы, которые, естественно, открывались с каждой стороны.

Стоит отметить тот факт, что в то время как мужские наряды, в силу развращенности вкуса, дошли до крайних пределов экстравагантности, женское платье, напротив, благодаря упорному стремлению к достойной и элегантной простоте, приобрело такой характер, что сочетало в себе все наиболее одобренные моды женского костюма, которые были в ходу в прежние эпохи.

Статуя королевы Жанны де Бурбон, жены Карла V., ранее установленная вместе со статуей ее мужа в церкви Селестен в Париже, дает наиболее точное представление об этом очаровательном костюме, к которому постоянно прибегают наши художники, когда хотят изобразить какие-либо поэтические сцены французского средневековья ([Рис. 423](#)).

[Рис. 424.](#) - Костюмы буржуа или купца, дворянина и придворной дамы или богатой буржуазии с головным убором (*escoffion*) XV века - с расписного окна этого периода в Мулене (Бурбонне) и с картины на дереве того же периода в музее Ключи.

Этот костюм, не отличаясь по стилю от костюма XIII века, поскольку состоял из схожих элементов, тем не менее отличался элегантностью, которая до сих пор была неизвестна. Пальто, или нижняя одежда, которая раньше показывалась только через неудобные проемы, теперь выгодно демонстрировала гармоничные очертания фигуры благодаря большим проемам в шинели. Сюртук, удерживаемый на плечах двумя узкими лентами, превратился в подобие широкой и шлейфовой юбки, которая величественно драпировала нижнюю часть тела; и, наконец, был изобретен внешний корсет, который представлял собой нечто вроде короткой мантии, спадающей спереди и сзади, не скрывая ни одного из тонких очертаний бюста. Этот новый предмет одежды, который удерживался на своем месте в середине груди стальной втулкой, покрытой богатым кружевом, обычно изготавливался из меха зимой и из шелка летом. Если мы обратимся к многочисленным миниатюрам в рукописях этого периода, где изящество костюма подчеркивается используемыми цветами, то поймем, какое разнообразие и богатство эффектов можно было продемонстрировать, не отступая от самой строгой простоты.

Еще одно слово о женском головном уборе. Мода носить накладные волосы продолжала пользоваться большим спросом в середине XIV века, порождая всевозможные хитроумные комбинации, которые, однако, всегда допускали, чтобы волосы были разделены ото лба до затылка на две равные массы и заплетены или завиты над ушами. Снова были приняты сетки и головные уборы, которые, позволяя демонстрировать массу накладных волос, скрывали конский волос или набивные пуховики. И, наконец, появился *эскофион* - тяжелый валик,

который, будучи надетым на шапку, также подбитую, создавал самые неуклюжие, возмутительные и некрасивые формы ([Рис. 424](#)).

В начале XV века мужское платье было еще очень коротким. Оно состояло из своего рода плотного жилета, застегивающегося на бирки, и очень плотно облегающих бриджей, которые демонстрировали очертания фигуры. Чтобы казаться шире в плечах, носили искусственные накладки, называемые *махойтрами*. Волосы укладывали на лбу в локоны, которые закрывали брови и глаза. Рукава были разрезаны, туфли вооружены длинными металлическими остриями, а конусообразная шляпа с вывернутым ободком была украшена золотыми цепями и различными драгоценностями. Во времена правления Карла VI дамы все еще носили длинные шлейфы к своим платьям, которые они носили заправленными под мышку, если только у них не было пажей или официанток (см. главу "Церемониал"). Однако наметилась тенденция к укорачиванию этих неудобных шлейфов, а также длинных свисающих и расшитых или окаймленных рукавов. С другой стороны, платья дам, становясь короче, отделялись самым дорогим образом. Их головные уборы состояли из очень больших валиков, увенчанных высоким коническим чепцом под названием *хеннин*, введение которого во Франции приписывают королеве Изабелле Баварской, жене Карла VI. Именно в этот период они начали обнажать шею и носить ожерелья.

[Рис. 425.](#) --Итальянские костюмы XV века: Нотариус и Сбирро... С двух гравюр из коллекции Боннарта.

[Рис. 426.](#) -Костюмы жены механика и богатого буржуа во второй половине XV века.-Из окон собора Мулен (Бурбонне).

При Людовике XI этот костюм, которому уже следовали и который был принят величайшими рабами моды, стал более распространенным.

"В этом году (1487), - пишет летописец Монстреле, - дамы перестали носить шлейфы, заменив их отделкой из гребня, меха куницы, бархата и других материалов шириной около восемнадцати дюймов; некоторые носили на голове валики высотой почти два фута, по форме напоминающие круглый колпак, который закрывался сверху. Другие носили их ниже, с вуалью, свисающей с макушки и доходящей до ног. Другие носили необычайно широкие шелковые ленты, с изящными пряжками такой же ширины, и великолепные золотые ожерелья с различными узорами.

"Примерно в это же время мужчины стали носить более короткую одежду, чем когда-либо, ее делали плотно прилегающей к телу, как одевают обезьян, что было очень позорно и нескромно; рукава их плащей и дублетов были разрезаны, чтобы показать их прекрасные белые рубашки. Они носили волосы такой длины, что они скрывали их лицо и даже глаза, а на голове у них были матерчатые колпаки высотой почти в фут и более. Они также носили, в зависимости от фантазии, великолепные золотые цепи. Рыцари и оруженосцы, и даже варлеты, носили шелковые или бархатные дублеты; и почти все, особенно при дворе, носили *roulaines* длиной девять дюймов и более. Они также носили под дублетами большие накладки (*mahoitres*), чтобы казаться обладателями широких плеч".

При Карле VIII мантия, отороченная мехом, была открыта спереди, ее ложные рукава были разрезаны вверху, чтобы пропускать руки нижнего пальто. Шапочка подворачивалась; бриджи или длинные рукава делались плотно прилегающими. На смену туфлям с пуленеями пришел вид больших мягких туфель из черной кожи, круглых или квадратных в носках и

обшитых по всей ноге цветной материей; эта мода была завезена из Италии, и во Франции ее преувеличивали так же сильно, как раньше преувеличивали пуленеи. Женщины продолжали носить конические чепцы (*hennins*) большой высоты, покрытые огромными вуалями; их платья были сделаны с плотно облегающими телами, которые таким образом демонстрировали очертания фигуры (рис. [427](#) и [428](#)).

При Людовике XII королева Анна изобрела низкий головной убор - или, скорее, он был изобретен для нее - состоящий из полос бархата или черного или фиолетового шелка поверх других полос белого льна, которые окружали лицо и ниспадали на спину и плечи; большие рукава платьев имели как бы вывернутые края, с обрезками огромной ширины. Мужчины носили короткие туники, плетеные и затянутые на талии. Верхняя часть одежды мужчин и женщин была выкроена в форме квадрата на груди и плечах, как большинство фигур на картинах Рафаэля и современных художников.

Итальянское кружево из золотых нитей.

Шифр и герб Генриха III. (XVI век.)

[Рис. 427.](#) - Костюм Шарлотты Савойской, второй жены Людовика XI - с картины того периода, ранее находившейся в замке Бурбон-л'Аршамбо, коллекция месье де Кедевиля в Париже. Гербы Людовика XI и Шарлотты изображены позади картины.

[Рис. 428.](#) - Костюм Марии Бургундской, дочери Карла Смелого, жены Максимилиана Австрийского (конец XV века). Со старой гравюры, хранящейся в коллекции Императорской библиотеки в Париже.

Введение итальянской моды, которая в действительности мало чем отличалась от уже принятой, но демонстрировала лучший вкус и большую элегантность, относится к знаменитой экспедиции Карла VIII в Италию (рис. [429](#) и [430](#)). Полные и собранные или пышные рукава, придававшие значительную грациозность верхней части тела, пришли на смену *махоитрам*, от которых отказались со времен Людовика XI. Короткая и декоративная мантия, широкополая шляпа, украшенная перьями, и рукава, за которые они получили название *trousses*, составляли мужской наряд в конце XV века. Женщины носили платья, плотно прилегающие к фигуре, вышитые, отделанные кружевами и покрытые золочеными украшениями; рукава были очень большими и открытыми, и в большинстве своем они все еще придерживались тяжелого и некрасивого головного убора королевы Анны Бретанской. Главной особенностью женской одежды того времени была ее полнота; мужская, наоборот, за исключением мантии или верхней одежды, обычно была тесной и очень скудной.

Мы видим, что четкое разделение между древней и современной одеждой произошло уже в шестнадцатом веке; фактически можно сказать, что наши современные моды берут свое начало примерно в это время. Именно в этом веке мужчины стали носить одежду, плотно прилегающую к телу, шинели с узкими рукавами, фетровые шляпы с более или менее широким околышем, закрытые туфли и сапоги. Женщины также носили платья, плотно прилегающие к фигуре, с узкими рукавами, низко надвинутые шляпы и богато отделанные подъюбки. Эти наряды, полностью отличающиеся от античных, представляют собой как бы общий тип, из которого впоследствии возникли бесконечные разновидности мужского и женского платья; и нет сомнений, что мода будет постоянно меняться взад и вперед, то возвращаясь к своему первоначальному образцу, то отступая от него.

Рис. [429 и 430](#) .- Костюмы молодых дворян при дворе Карла VIII, до и после экспедиции в Италию... Из миниатюр в двух рукописях того периода, хранящихся в Парижской национальной библиотеке.

В XVI веке дамы носили юбки своих платьев, затянутые на талии и открытые спереди, очень широкие, демонстрируя нижнюю часть очень богатого нижнего подъюбника, который доходил до земли, полностью скрывая ноги. Это, как и рукава с затяжками, ниспадающие кругами до запястий, было полностью итальянской модой. Волосы часто закручивали в валики, украшали драгоценными камнями, а сверху надевали маленький чепчик, кокетливо сдвинутый набок или на макушку и украшенный золотыми цепочками, драгоценными камнями и перьями. Тело платья всегда было длинным и заостренным спереди. Мужчины носили плащи примерно такого же покроя: рукава на туловище были узкими, а вокруг талии - пышными. Они носили плащ, который доходил только до бедер и всегда был сильно украшен; на голове они носили гладкую или ребристую шапочку, а плащ украшал небольшой вертикальный воротник. После первой половины XVI века этот воротник был заменен высоким накрахмаленным рюшем, который удерживался проволокой; дамы носили его еще больше, когда он имел вид открытого веера на шее.

Если мы окинем ретроспективным взглядом многочисленные изменения в костюме, которые мы попытались описать в этом торопливом очерке, то обнаружим, что среди европейских народов в Средние века существовал лишь один общий стандарт моды, который время от времени менялся в зависимости от обычаев каждой страны и особенностей каждой расы. В Италии, например, одежда всегда сохраняла определенную величественность, напоминая о том, что влияние античности еще не совсем утрачено. В Германии и Швейцарии одежда, как правило, имела тяжелый и массивный вид, в Голландии - еще более (рис. [436 и 437](#)). Англия равномерно изучала своего рода инстинктивную элегантность и уместность. Любопытно, что Испания неизменно придерживалась тяжеловесности, свойственной Германии, либо потому, что там все еще преобладал готический элемент, либо потому, что валлонская мода имела для нее особую привлекательность в силу ассоциаций и общей привычки. Франция тогда, как и сейчас, была непостоянной и капризной, фантазийной и колеблющейся, но не от безразличия, а потому, что всегда была готова заимствовать из любой местности все, что ей нравилось. Однако она никогда не забывала наложить свой собственный отпечаток на все, что перенимала, и таким образом делала любую моду по сути французской, даже если она только что позаимствовала ее у Испании, Англии, Германии или Италии. Во всех этих странах мы видели и до сих пор видим целые провинции, придерживающиеся какого-то древнего костюма, из-за чего они полностью отличаются по характеру от остальной части нации. Это объясняется просто тем, что в соседних местах мода устарела, ведь каждый местный костюм, который верно и неукоснительно сохраняется в любом сообществе, находящемся на расстоянии от центра политических действий или правительства, должен был быть изначально привезен туда знатными людьми страны. Так, головной убор Анны Бретанской до сих пор является головным убором крестьянок Пенуэта и Лабревака, а *хеннин* Изабеллы Баварской - головным убором Нормандии.

Рис. [431](#). - Костюмы дворянина или очень богатого буржуа, буржуа или купца, а также знатной дамы или богатой буржуазии времен Людовика XII - из миниатюр в рукописях того периода, хранящихся в Императорской библиотеке Парижа.

Рис. [432](#). - Костюм богатой буржуазии и благородной или знатной особы времен Франциска I. - Из окна в церкви Сент-Уэн в Руане работы Ганьера (Национальная библиотека Парижа).

Несмотря на то, что тема достигла пределов, отведенных ей самой природой этой работы, мы считаем целесообразным несколько выйти за их пределы, чтобы вкратце указать на последнее связующее звено между современными модами и модами прежних эпох.

Рис. [433 и 434](#) .- Костюмы дам и фрейлин при дворе Екатерины Медичи - по Чезаре Вечеллио.

При Франциске I костюмы, заимствованные из Италии, оставались почти неизменными ([Рис. 432](#)). При Анри II. (Рис. [433 и 434](#)), и особенно после смерти этого принца, вкус к фривольности достиг огромного прогресса, и стиль одежды, вошедший в обиход, казалось, день ото дня терял те немногие следы достоинства, которыми он обладал ранее.

Екатерина Медичи ввела во Франции моду на рюши, а в начале XIV века Мария Медичи - на маленькие воротнички. Платья, обтягивающие талию, стали делать очень полными в районе бедер, с помощью больших мягких валиков, и они были еще более увеличены, под названием *vertugadins* (испорченное от *vertu-gardiens*), чудовищным расположением мягкой китовой кости и стали, которые впоследствии превратились в нелепые *paniers*, которые носили почти до начала нынешнего века; и эта мода, похоже, снова войдет в моду.

[Рис. 435](#). - Костюм джентльмена французского двора конца XVI века - факсимиле миниатюры в "Ливре поэзии", рукописи, посвященной Генриху IV.

При последних Валуа мужское платье было коротким, куртка - остроконечной и отороченной по кругу маленькими пиками, бархатная шапочка - отороченной айгретом, борода - остроконечной, жемчужина висела на левом ухе, а на плече носили маленький плащ или мантию, доходившую только до пояса. Повсеместно использовались перчатки из надушенной кожи. Дамы носили длинные, полные и очень дорогие платья, которые практически не изменились во время правления Генриха IV. В этот период мужские высокие рукава стали длиннее и полнее, особенно в Испании и Низких странах, а мода на большие мягкие сапоги из саржи или черного сафьяна стала всеобщей, поскольку они были очень удобными.

Можно отметить, что костюм буржуа долгое время оставался почти неизменным, даже в городах. Так и не приняв ни облегающих рукавов, ни шаровар, они носили легкую джеркину, большой плащ и фетровую шляпу, которую англичане сделали конической и с широким околышем.

В начале семнадцатого века высокие рукава, которые носили северные народы, обильно украшенные, превратились в *кюлоты*, которые были полными и открытыми у колен. Таким образом, между нижней и верхней частью рукава неожиданно возникло разделение, как будто одежда, покрывающая нижние конечности, была разрезана на две части, и тогда обязательно были изобретены подвязки. Фетровая шляпа почти во всей Европе превратилась в колпак, точно повторяющий форму головы, с широким плоским околышем, закрученным на одну сторону. К сапогам и туфлям, которые до этого времени были плоскими и с одной подошвой, добавились высокие каблуки..... Два столетия спустя по всей Европе произошли ужасные социальные потрясения, после которых мужская одежда стала убогой, некрасивой, простой и более жалкой, чем когда-либо; в то время как женское платье, мода на которое постоянно менялась изо дня в день, стало изящным и элегантным, хотя слишком часто приближалось к экстравагантному и абсурдному.

Рис. [436 и 437](#) .- Костюмы немецкой буржуазии в середине XVI века. Рисунки, приписываемые Гольбейну.

[back](#)

In epiphania domini ad
 niat: non di: Domine la.
 dia: nec Deo iudicemus!
 ¶ absolute incipiat rēdo:
 āāā: Afferte domino filij rei:
 adorare dñm in aula scīa eius!

THE QUEEN OF SHEBA BEFORE SOLOMON.

(Gothic of 13th century.)

Fac-simile of a miniature from the *Beauport* of the cardinal Grimani, attributed to Memling. Bibl.
 of S. Marc, Venice. (From a copy in the possession of M. Ambroise Firmin-Didot.)

The King receives the sceptre towards the Queen, and seeing her admiration of her person and her gifts; the ladies
 attend the Queen and five of the King's courtiers stand on his right hand.

[back](#)

Figs. 1 and 2.—Costumes of the Franks from the Fourth to the Eighth Centuries, collected by H. de Vielcastel, from original Documents in the great Libraries of Europe.

[back](#)

Fig. 3.—Costumes of Roman Soldiers.

Fig. 4.—Costume of German Soldiers.

From Miniatures on different Manuscripts, from the Sixth to the Twelfth Centuries.

[back](#)

Figs. 1 and 2.—Costumes of the Franks from the Fourth to the Eighth Centuries, collected by H. de Vielcastel, from original Documents in the great Libraries of Europe.

[back](#)

Fig. 3.—Costumes of Roman Soldiers.

From Miniatures on different Manuscripts, from the Sixth to the Twelfth Centuries.

Fig. 4.—Costume of German Soldiers.

[back](#)

Fig. 3.—Costumes of Roman Soldiers.

From Miniatures on different Manuscripts, from the Sixth to the Twelfth Centuries.

Fig. 4.—Costume of German Soldiers.

[back](#)

Fig. 3.—Costumes of Roman Soldiers.

From Miniatures on different Manuscripts, from the Sixth to the Twelfth Centuries.

Fig. 4.—Costume of German Soldiers.

[back](#)

Fig. 5.—Costumes of Slaves or Serfs, from the Sixth to the Twelfth Centuries, collected by H. de Vielcastel, from original Documents in the great Libraries of Europe.

[back](#)

Fig. 5.—Costumes of Slaves or Serfs, from the Sixth to the Twelfth Centuries, collected by H. de Vielcastel, from original Documents in the great Libraries of Europe.

[back](#)

Fig. 6.—King or Chief of Franks armed with the Scramasax, from a Miniature of the Ninth Century, drawn by H. de Vielcastel.

[back](#)

Fig. 6.—King or Chief of Franks armed with the Scramasax, from a Miniature of the Ninth Century, drawn by H. de Vielcastel.

[back](#)

Fig. 7.—The King of the Franks, in the midst of the Military Chiefs who formed his *Treuste*, or armed Court, dictates the Salic Law (Code of the Barbaric Laws).—Fac-simile of a Miniature in the “Chronicles of St. Denis,” a Manuscript of the Fourteenth Century (Library of the Arsenal).

[back](#)

Fig. 7.—The King of the Franks, in the midst of the Military Chiefs who formed his *Treuste*, or armed Court, dictates the Salic Law (Code of the Barbaric Laws).—Fac-simile of a Miniature in the “Chronicles of St. Denis,” a Manuscript of the Fourteenth Century (Library of the Arsenal).

[back](#)

Fig 8 —Charles, eldest Son of King Pepin, receives the News of the Death of his Father and the Great Feudalists offer him the Crown —Costumes of the Court of Burgundy in the Fifteenth Century —Fac simile of a Miniature of the “History of the Emperors’ (Library of the Arsenal)

[back](#)

Fig. 9.—Portrait of Charlemagne, whom the Song of Roland names the King with the Grizzly Beard.—Fac-simile of an Engraving of the End of the Sixteenth Century.

[back](#)

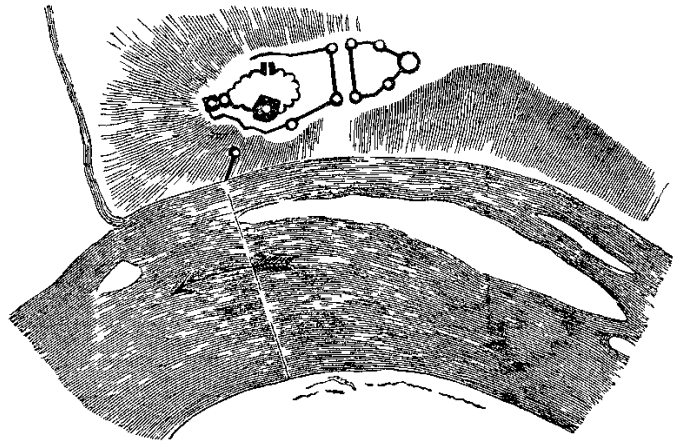
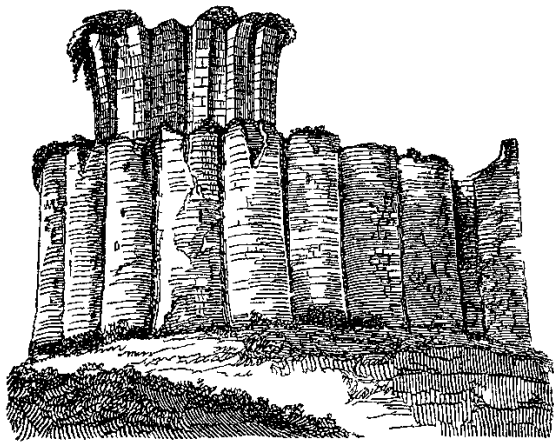
Fig 8 —Charles, eldest Son of King Pepin, receives the News of the Death of his Father and the Great Feudalists offer him the Crown —Costumes of the Court of Burgundy in the Fifteenth Century —Fac simile of a Miniature of the “History of the Emperors” (Library of the Arsenal)

[back](#)

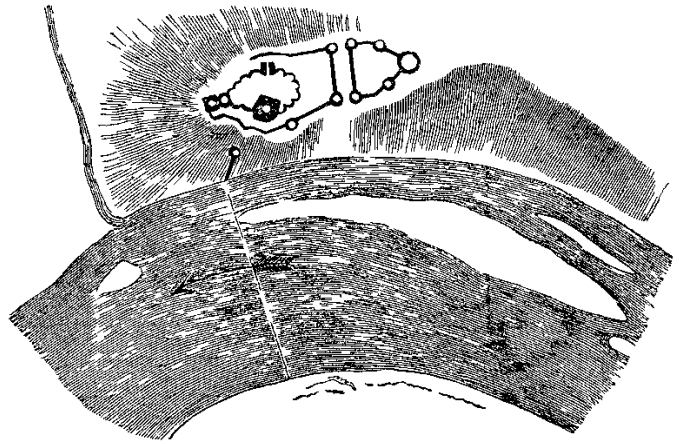
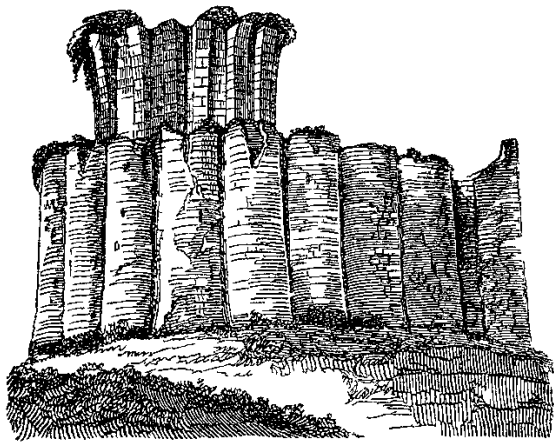
Fig. 9.—Portrait of Charlemagne, whom the Song of Roland names the King with the Grizzly Beard.—Fac-simile of an Engraving of the End of the Sixteenth Century.

[back](#)

Figs. 10 and 11 —Present State of the Feudal Castle of Château-Gaillard aux Andelys, which was considered one of the strongest Castles of France in the Middle Ages, and was rebuilt in the Twelfth Century by Richard Cœur de Lion

[back](#)

Figs. 10 and 11 —Present State of the Feudal Castle of Château-Gaillard aux Andelys, which was considered one of the strongest Castles of France in the Middle Ages, and was rebuilt in the Twelfth Century by Richard Cœur de Lion

[back](#)

Fig 12.—Knights and Men-at-arms, cased in Mail, in the Reign of Louis le Gros, from a Miniature in a Psalter written towards the End of the Twelfth Century.

[back](#)

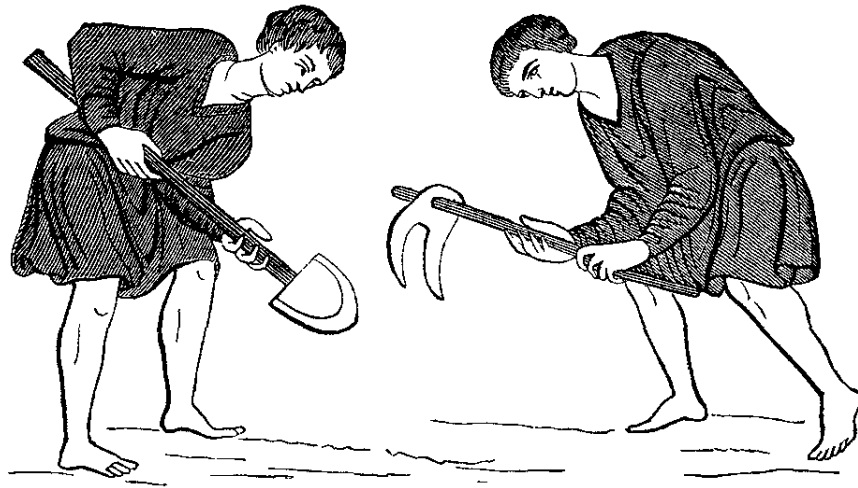

Fig. 13.—Labouring Colons (Twelfth Century), after a Miniature in a Manuscript of the Ste. Chapelle, of the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 14.—Labouring Colons (Twelfth Century), after a Miniature in a Manuscript of the Ste. Chapelle, of the National Library of Paris.

[back](#)

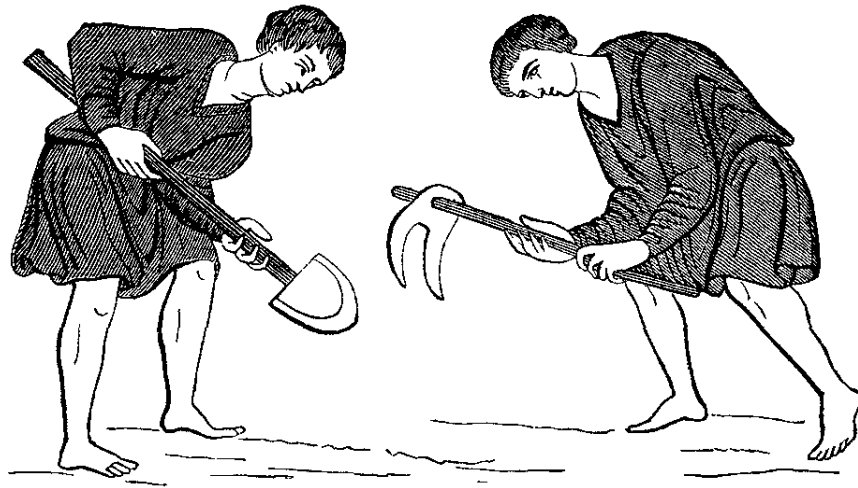

Fig. 13.—Labouring Colons (Twelfth Century), after a Miniature in a Manuscript of the Ste. Chapelle, of the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 14.—Labouring Colons (Twelfth Century), after a Miniature in a Manuscript of the Ste. Chapelle, of the National Library of Paris.

[back](#)

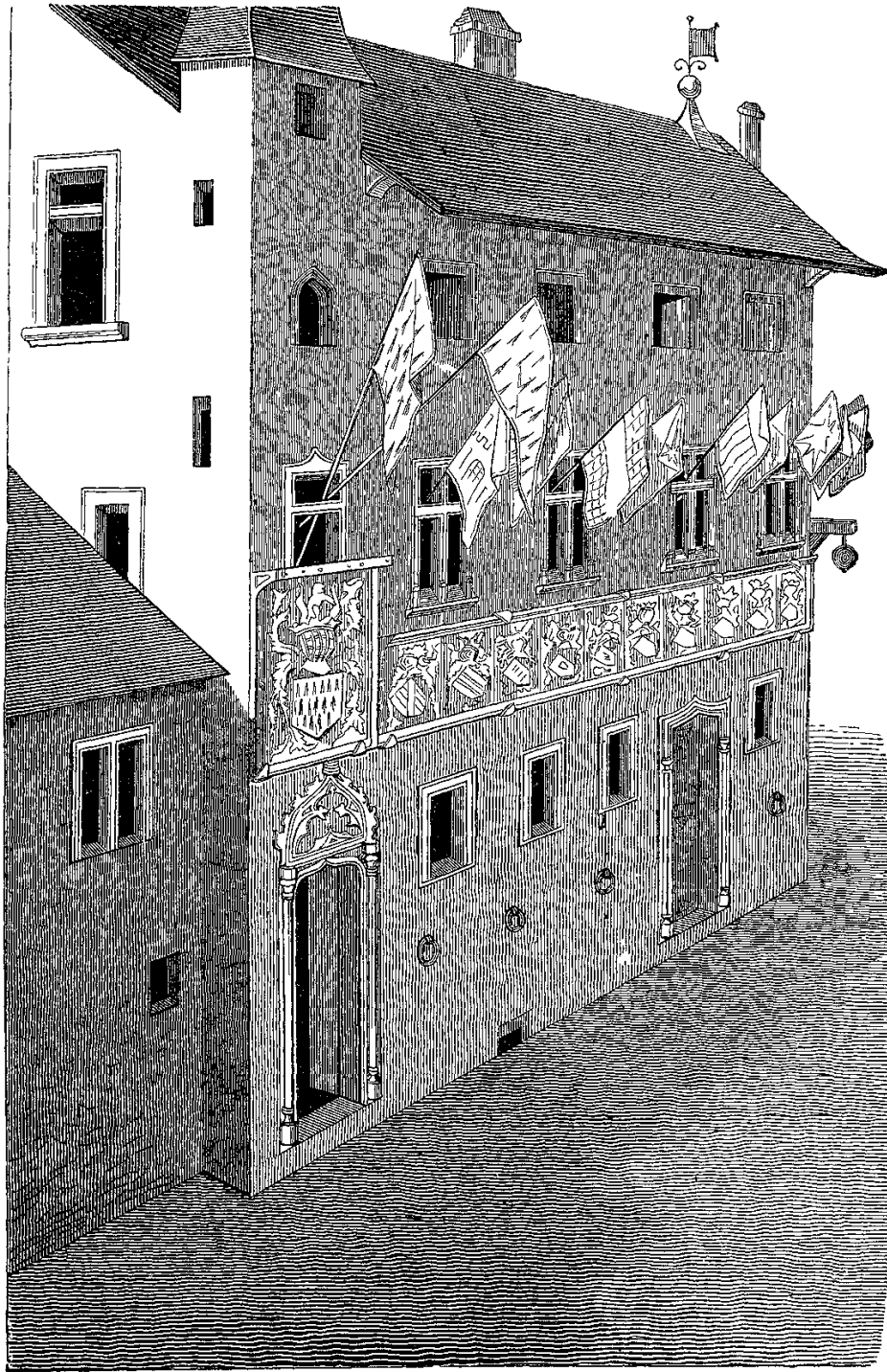

Fig. 15.—The Lords and Barons prove their Nobility by hanging their Banners and exposing their Coats-of-arms at the Windows of the Lodge of the Heralds.—After a Miniature of the “Tournaments of King René” (Fifteenth Century), MSS. of the National Library of Paris.

[back](#)

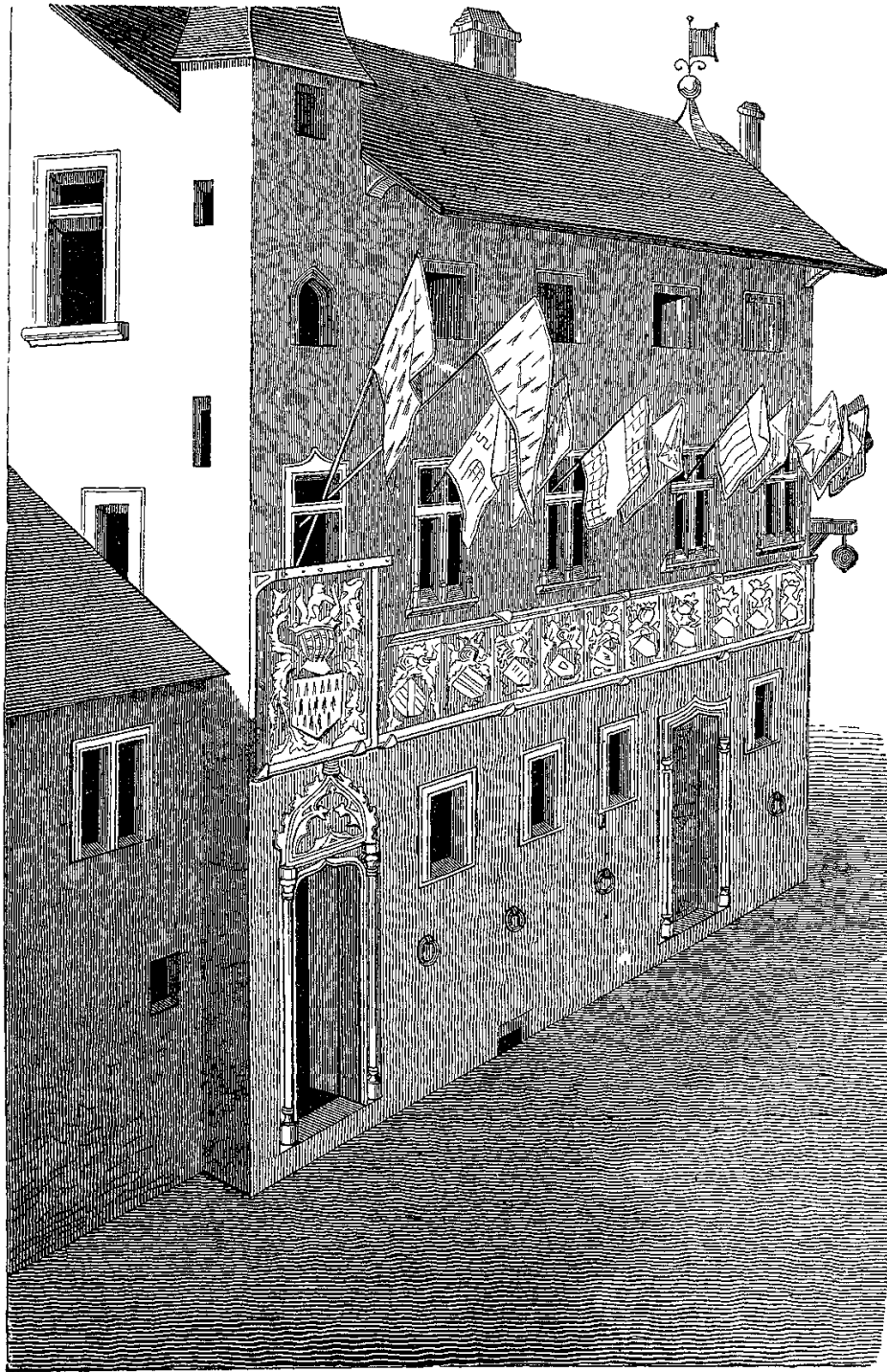

Fig. 15.—The Lords and Barons prove their Nobility by hanging their Banners and exposing their Coats-of-arms at the Windows of the Lodge of the Heralds.—After a Miniature of the “Tournaments of King René” (Fifteenth Century), MSS. of the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 16 —Knight in War-harness, after a Miniature in a Psalter written and illuminated under Louis le Gros.

[back](#)

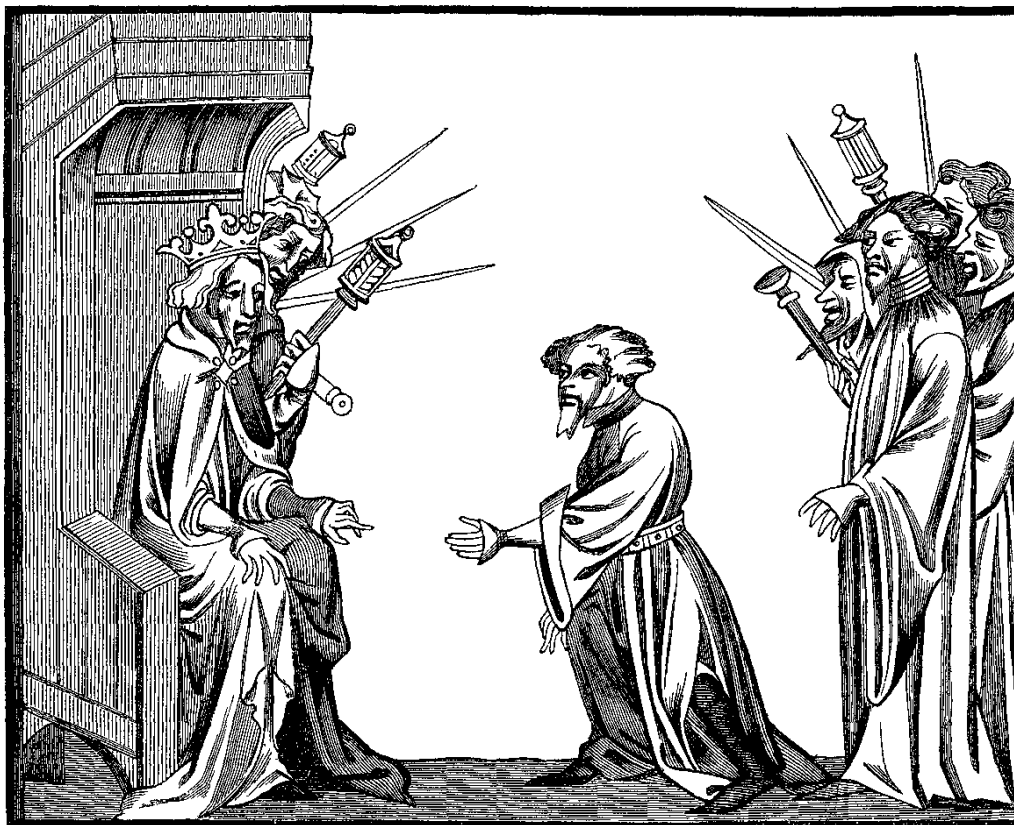

Fig. 17.—King Charlemagne receiving the Oath of Fidelity and Homage from one of his great Feudatories or High Barons.—Fac-simile of a Miniature in Cameo, of the “Chronicles of St. Denis.” Manuscript of the Fourteenth Century (Library of the Arsenal).

[back](#)

Fig. 16 —Knight in War-harness, after a Miniature in a Psalter written and illuminated under Louis le Gros.

[back](#)

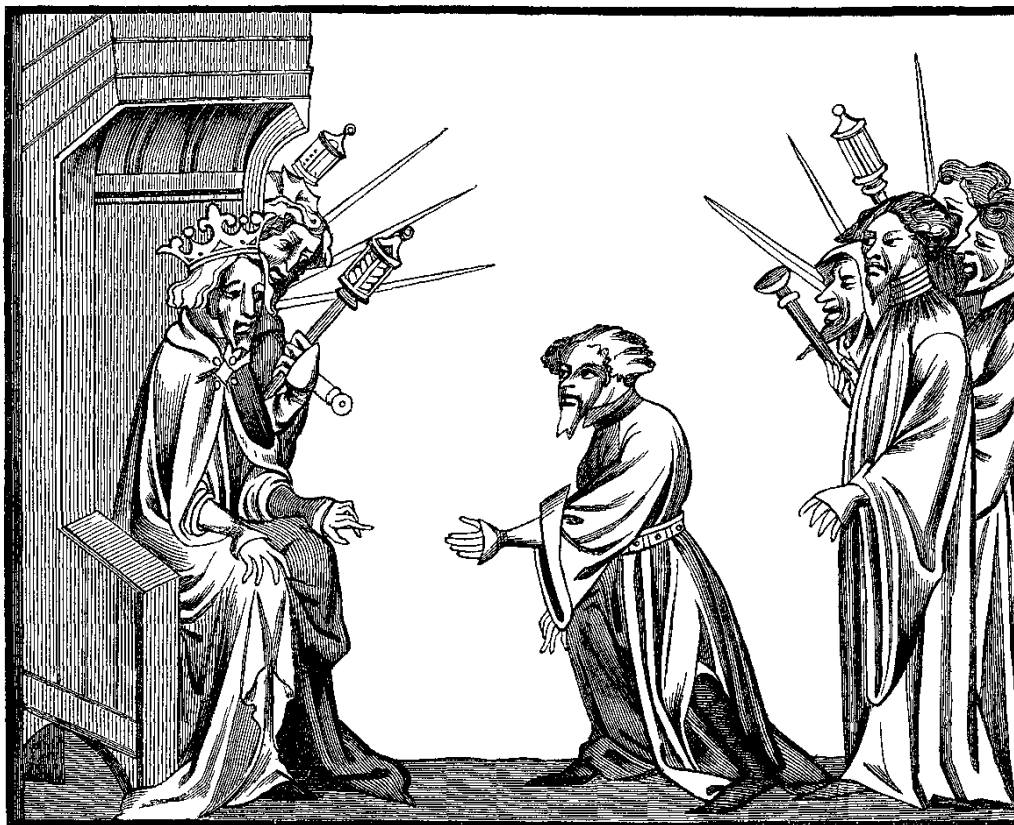

Fig. 17.—King Charlemagne receiving the Oath of Fidelity and Homage from one of his great Feudatories or High Barons.—Fac-simile of a Miniature in Cameo, of the “Chronicles of St. Denis.” Manuscript of the Fourteenth Century (Library of the Arsenal).

[back](#)

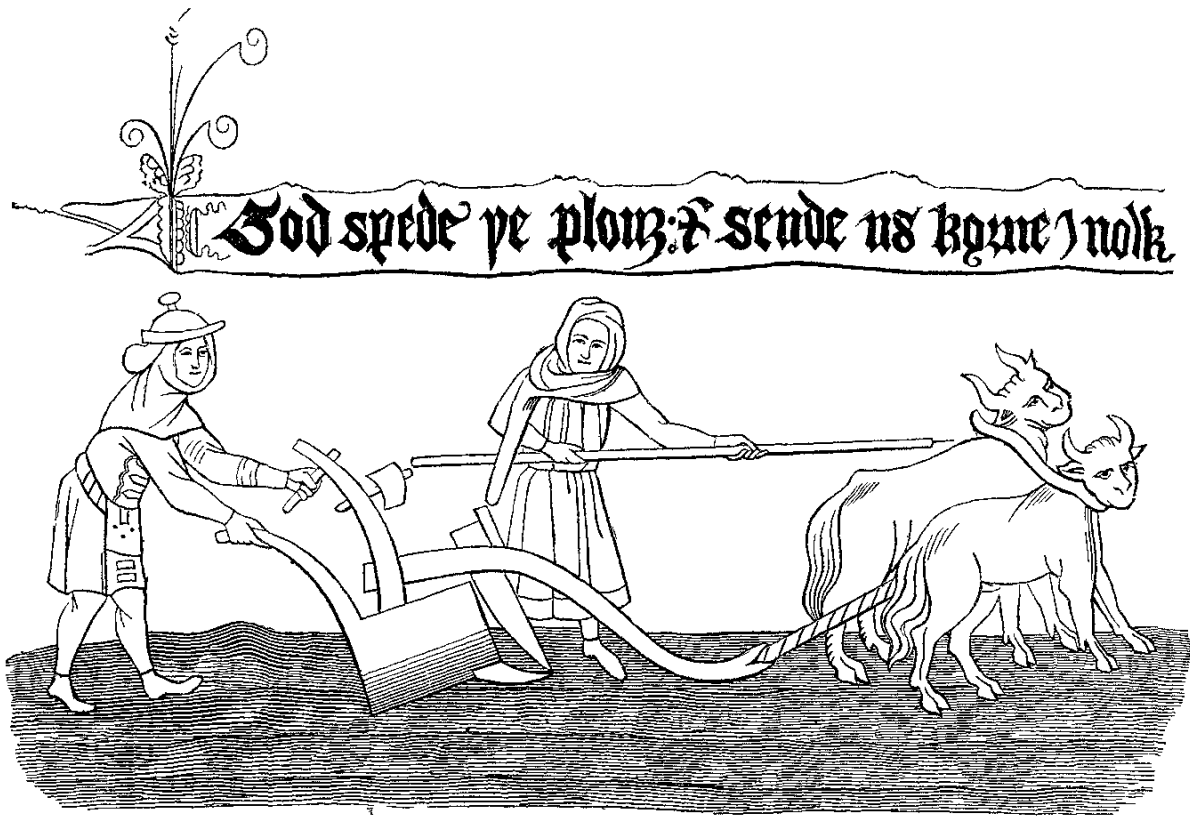

Fig. 18.—Ploughmen.—Fac-simile of a Miniature in a very ancient Anglo-Saxon Manuscript published by Shaw, with legend “God Spede ye Plough, and send us Korne enow.”

[back](#)

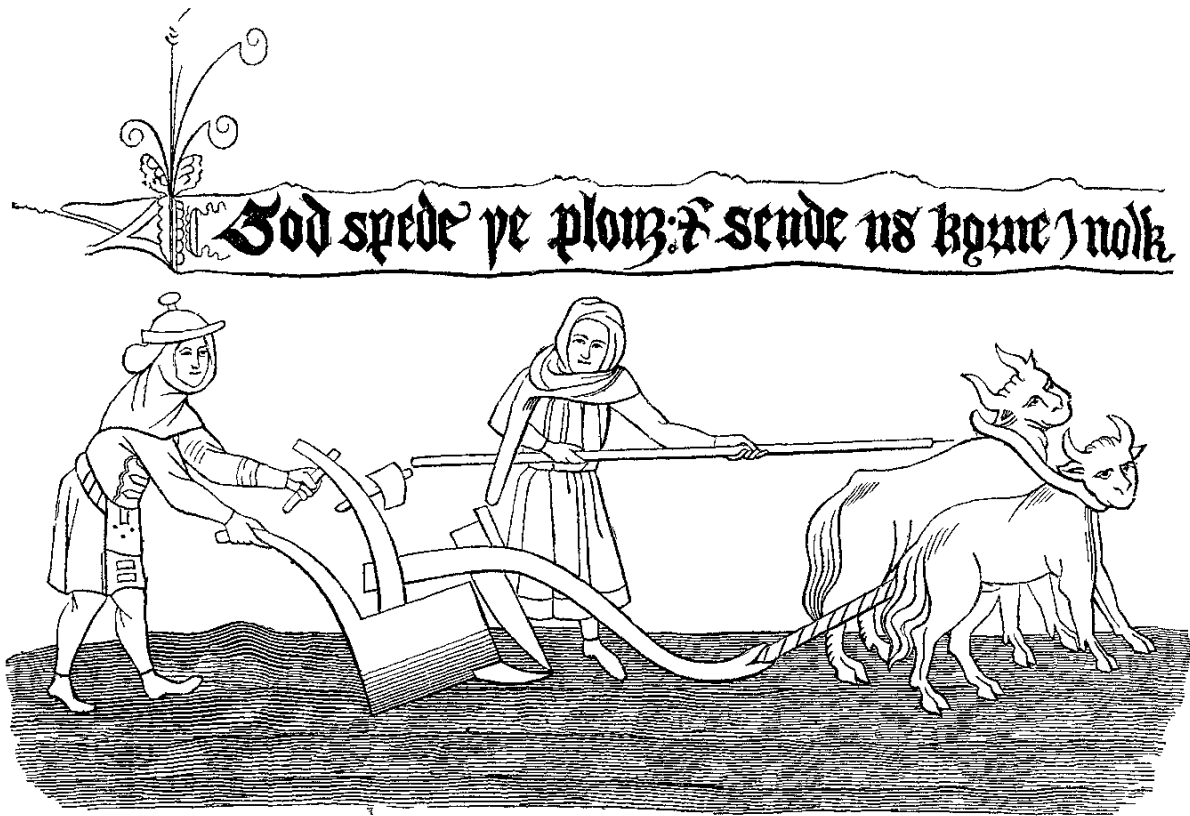

Fig. 18.—Ploughmen.—Fac-simile of a Miniature in a very ancient Anglo-Saxon Manuscript published by Shaw, with legend “God Spede ye Plough, and send us Korne enow.”

[back](#)

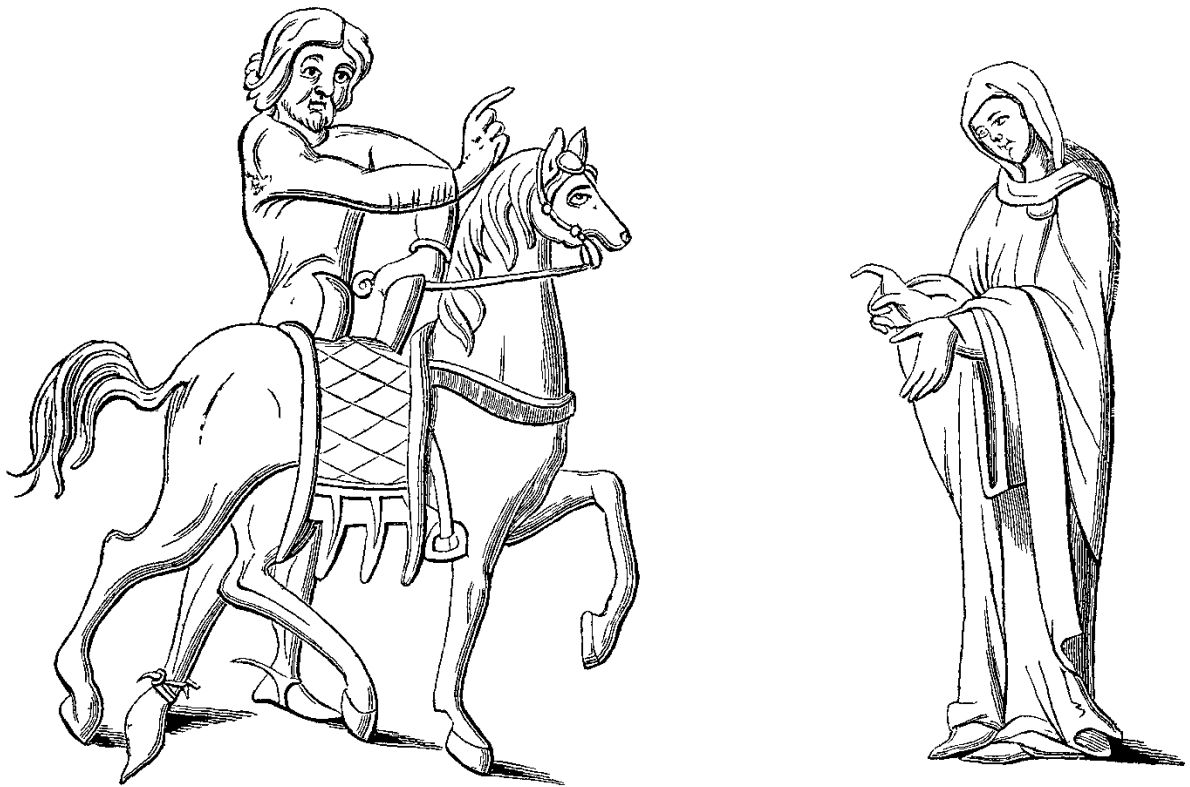

Fig. 19.—Serf or Vassal of Tenth Century, from Miniatures in the “Dialogues of St. Gregory,”
Manuscript No. 9917 (Royal Library of Brussels).

[back](#)

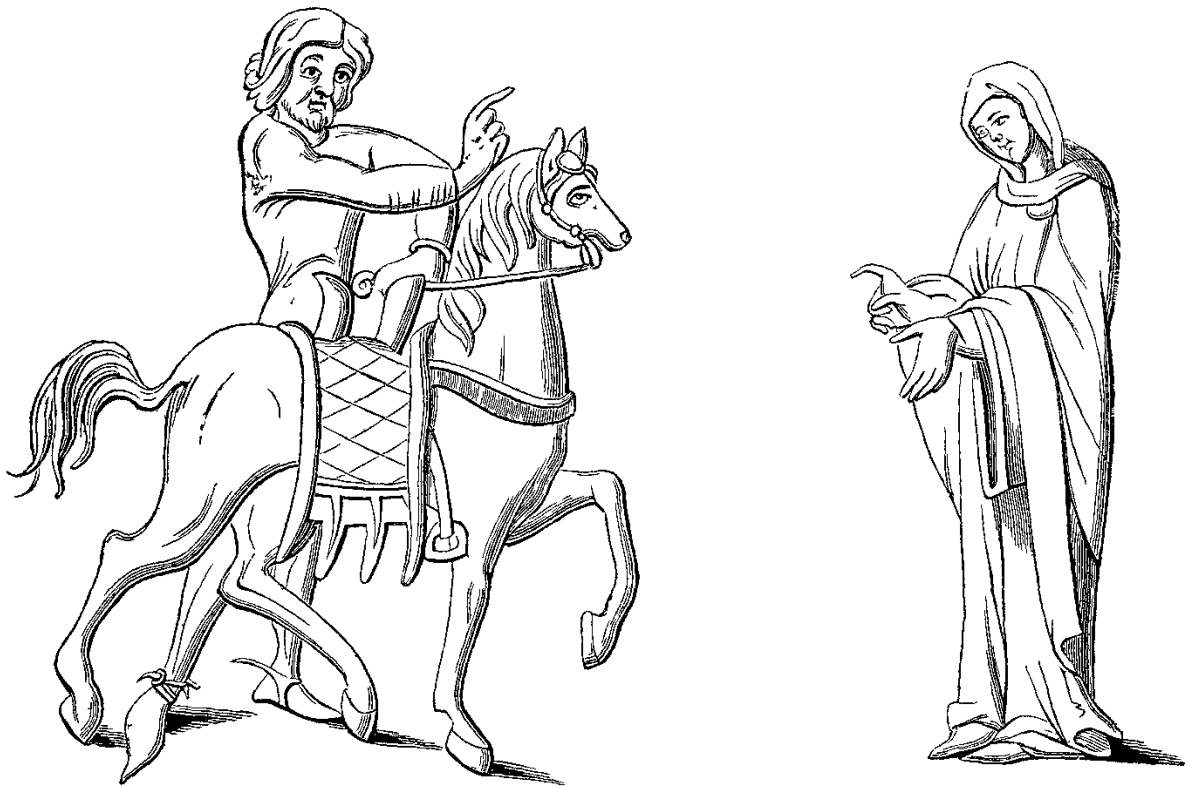

Fig. 19.—Serf or Vassal of Tenth Century, from Miniatures in the “Dialogues of St. Gregory,”
Manuscript No. 9917 (Royal Library of Brussels).

[back](#)

Fig. 20.—Bourgeois at the End of Thirteenth Century.—Fac-simile of Miniature in Manuscript No. 6820, in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 20.—Bourgeois at the End of Thirteenth Century.—Fac-simile of Miniature in Manuscript No. 6820, in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 21.—Costume of a Vilain or Peasant, Fifteenth Century, from a Miniature of “La Danse Macabre,” Manuscript 7310 of the National Library of Paris.

[back](#)

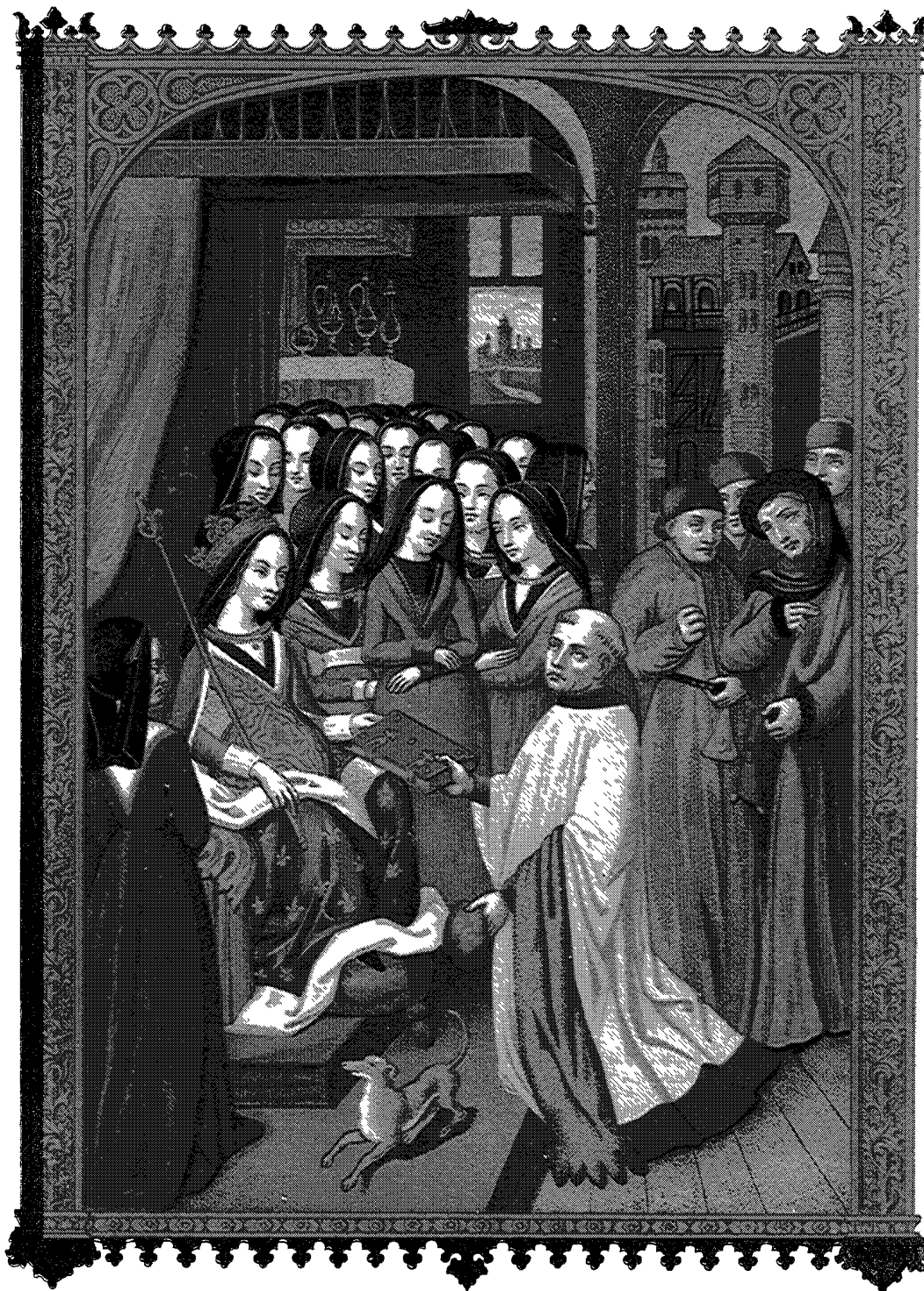
Fig. 21.—Costume of a Vilain or Peasant, Fifteenth Century, from a Miniature of “La Danse Macabre,” Manuscript 7310 of the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 22.—Italian Nobleman of the Fifteenth Century. From a Playing-card engraved on Copper about 1460 (Cabinet des Estampes, National Library of Paris).

[back](#)

THE COURT OF MARY OF ANJOU, WIFE OF CHARLES VII.

Her chaplain the learned Robert Blondel presents her with the allegorical Treatise
of the "*Twelve Perils of Hell.*"

Which he composed for her (1455).

Fac-simile of a miniature from this work. Bibl. de l'Arsenal, Paris.

[back](#)

Fig. 22.—Italian Nobleman of the Fifteenth Century. From a Playing-card engraved on Copper about 1460 (Cabinet des Estampes, National Library of Paris).

[back](#)

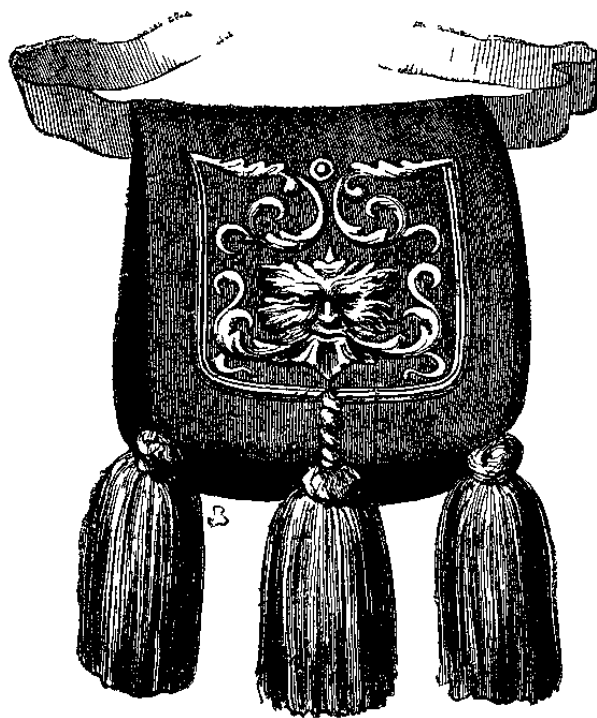

Fig. 23.—Alms Bag taken from some Tapestry in Orleans, Fifteenth Century

[back](#)

Figs. 24 and 25.—Varlet or Squire carrying a Halberd with a thick Blade; and Archer, in Fighting Dress, drawing the String of his Crossbow with a double-handled Winch.—From the Miniatures of the “Jouvencel,” and the “Chroniques” of Froissart, Manuscripts of the Fifteenth Century (Imperial Library of Paris).

[back](#)

Fig. 26.—Flemish Peasants at the Cattle Market.—Miniature of the “Chroniques de Hainaut.” Manuscripts of the Fifteenth Century, vol. ii. fol. 204 (Library of the Dukes of Burgundy, Brussels).

[back](#)

Fig. 26.—Flemish Peasants at the Cattle Market.—Miniature of the “Chroniques de Hainaut.” Manuscripts of the Fifteenth Century, vol. ii. fol. 204 (Library of the Dukes of Burgundy, Brussels).

[back](#)

Fig. 27.—Nobleman in Hunting Costume, preceded by his Servant, trying to find the Scent of a Stag.—From a Miniature in the Book of Gaston Phoebus (“Des Deduitz de la Chasse des Bestes Sauvages”).—Manuscript of the Fourteenth Century (National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 27.—Nobleman in Hunting Costume, preceded by his Servant, trying to find the Scent of a Stag.—From a Miniature in the Book of Gaston Phoebus (“Des Deduitz de la Chasse des Bestes Sauvages”).—Manuscript of the Fourteenth Century (National Library of Paris).

[back](#)

Fig 28 —Jean Jouvenel des Ursins, Provost of the Merchants of Paris, and Michelle de Vitry, his Wife, in the Reign of Charles VI —Fragment of a Picture of the Period, which was in the Chapel of the Ursins, and is now in the Versailles Museum

[back](#)

Fig 28 —Jean Jouvenel des Ursins, Provost of the Merchants of Paris, and Michelle de Vitry, his Wife, in the Reign of Charles VI —Fragment of a Picture of the Period, which was in the Chapel of the Ursins, and is now in the Versailles Museum

[back](#)

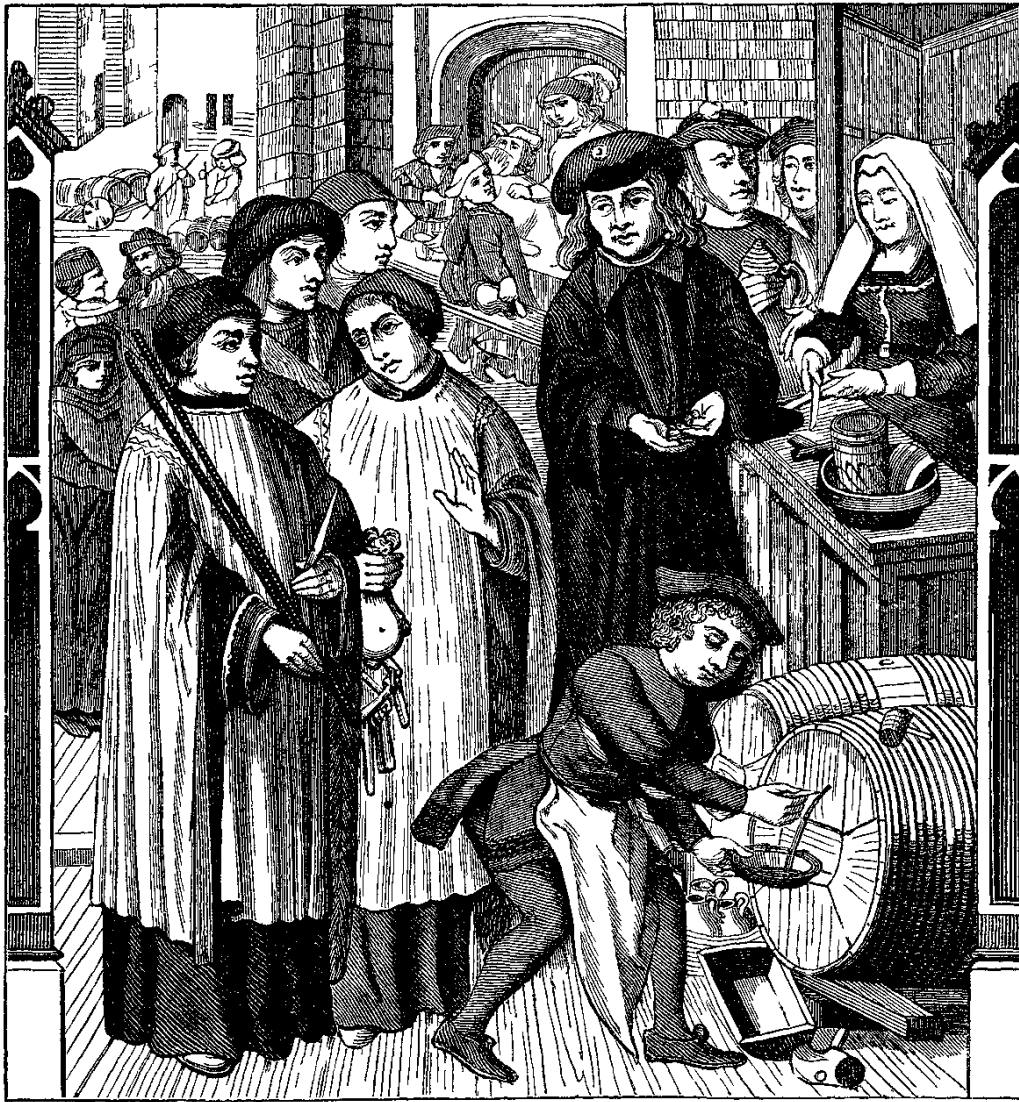

Fig 29 —Dues on Wines, granted to the Chapter of Tournai by King Chilperic —From the Windows of the Cathedral of Tournai, Fifteenth Century.

[back](#)

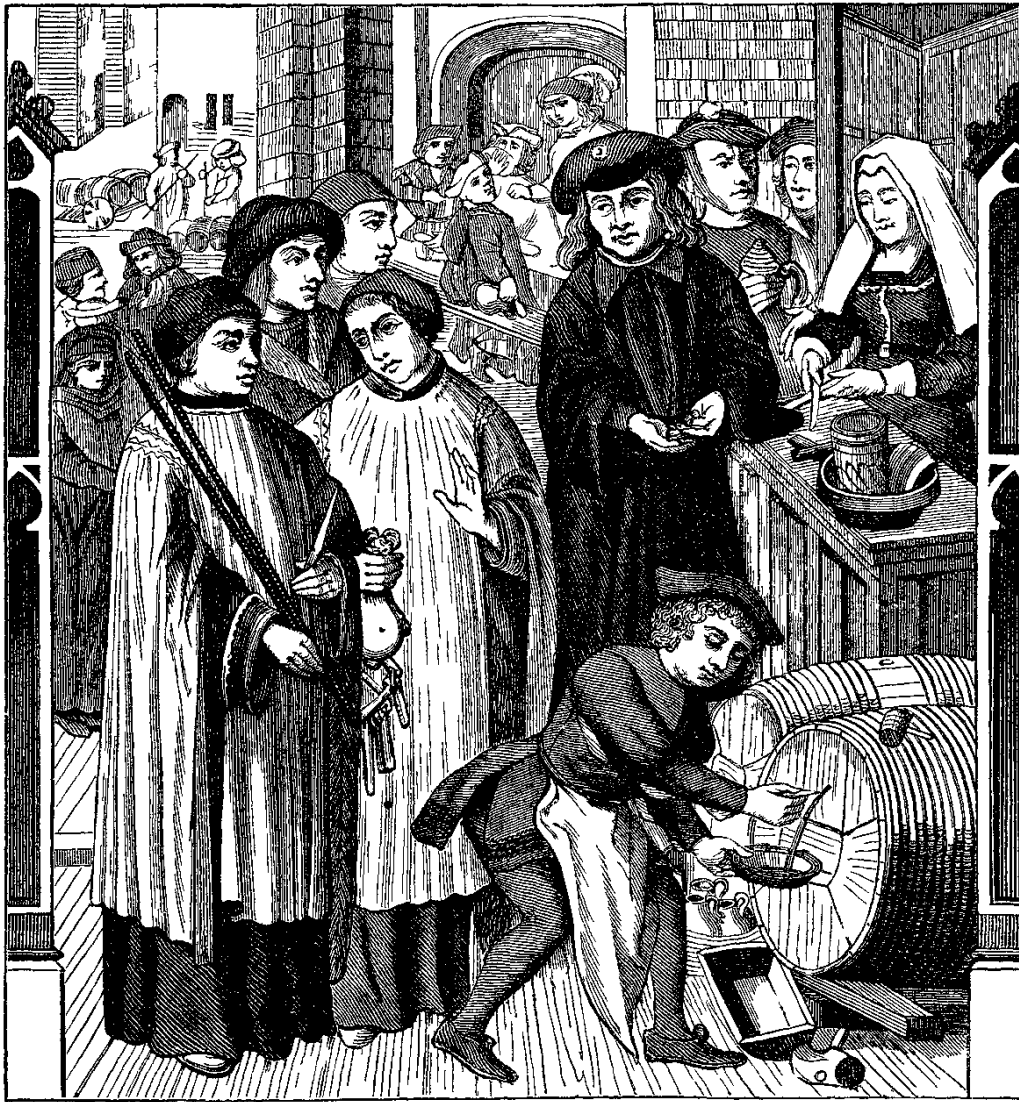

Fig 29 —Dues on Wines, granted to the Chapter of Tournai by King Chilperic —From the Windows of the Cathedral of Tournai, Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 30.—The Bishop of Tournai receiving the Tithe of Beer granted by King Chilpéric.—From the Windows of the Cathedral of Tournai, Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 30.—The Bishop of Tournai receiving the Tithe of Beer granted by King Chilpéric.—From the Windows of the Cathedral of Tournai, Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 31.—Fellows of the University of Paris haranguing the Emperor Charles IV. in 1377.—From a Miniature of the Manuscript of the “Chroniques de St. Denis,” No. 8395 (National Library of Paris).

[back](#)

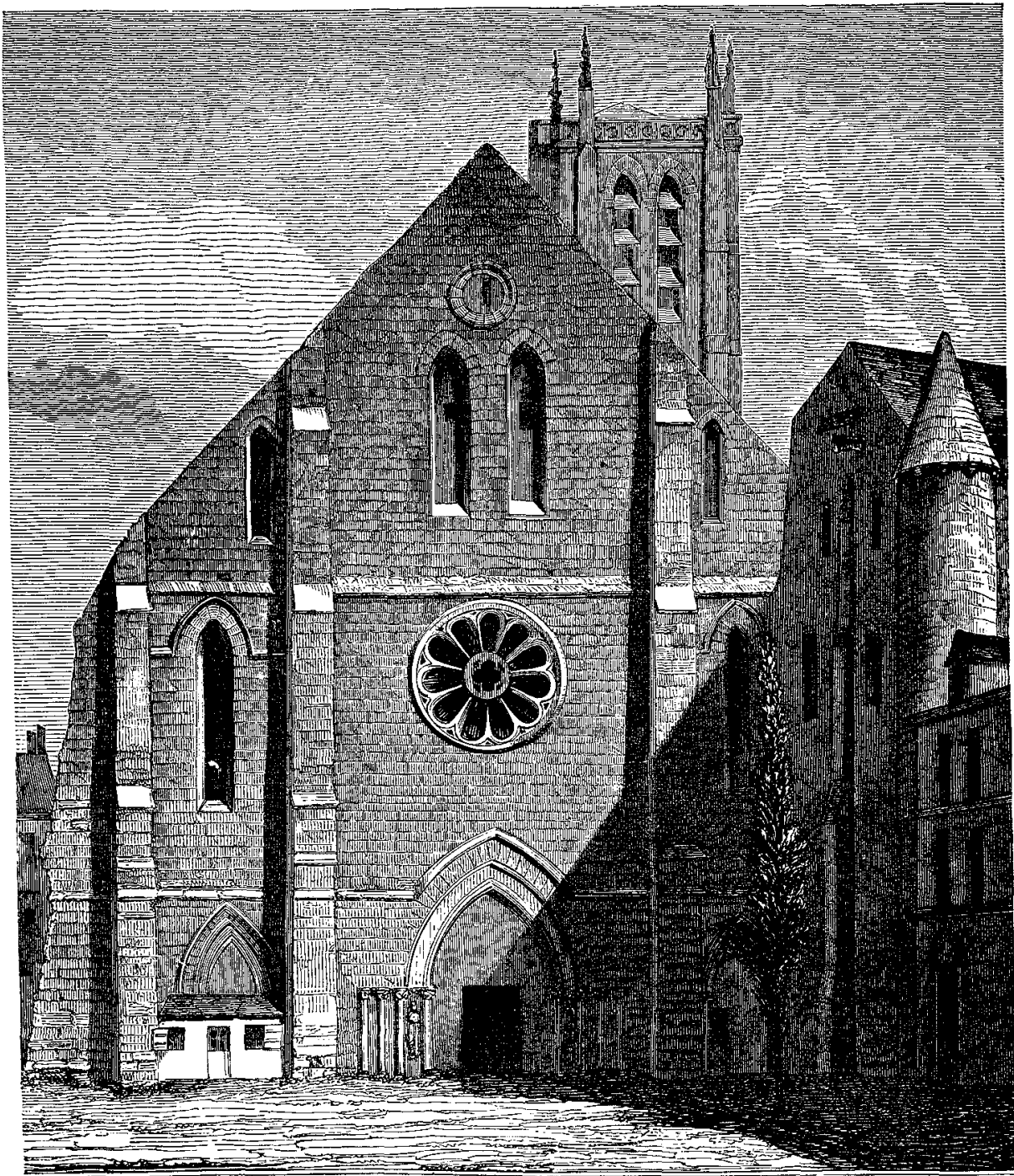

Fig. 32.—Front of the Ancient Church of the Abbey of Sainte-Geneviève, in Paris, founded by Clovis, and rebuilt from the Eleventh to Thirteenth Centuries.—State of the Building before its Destruction at the End of the Last Century.

[back](#)

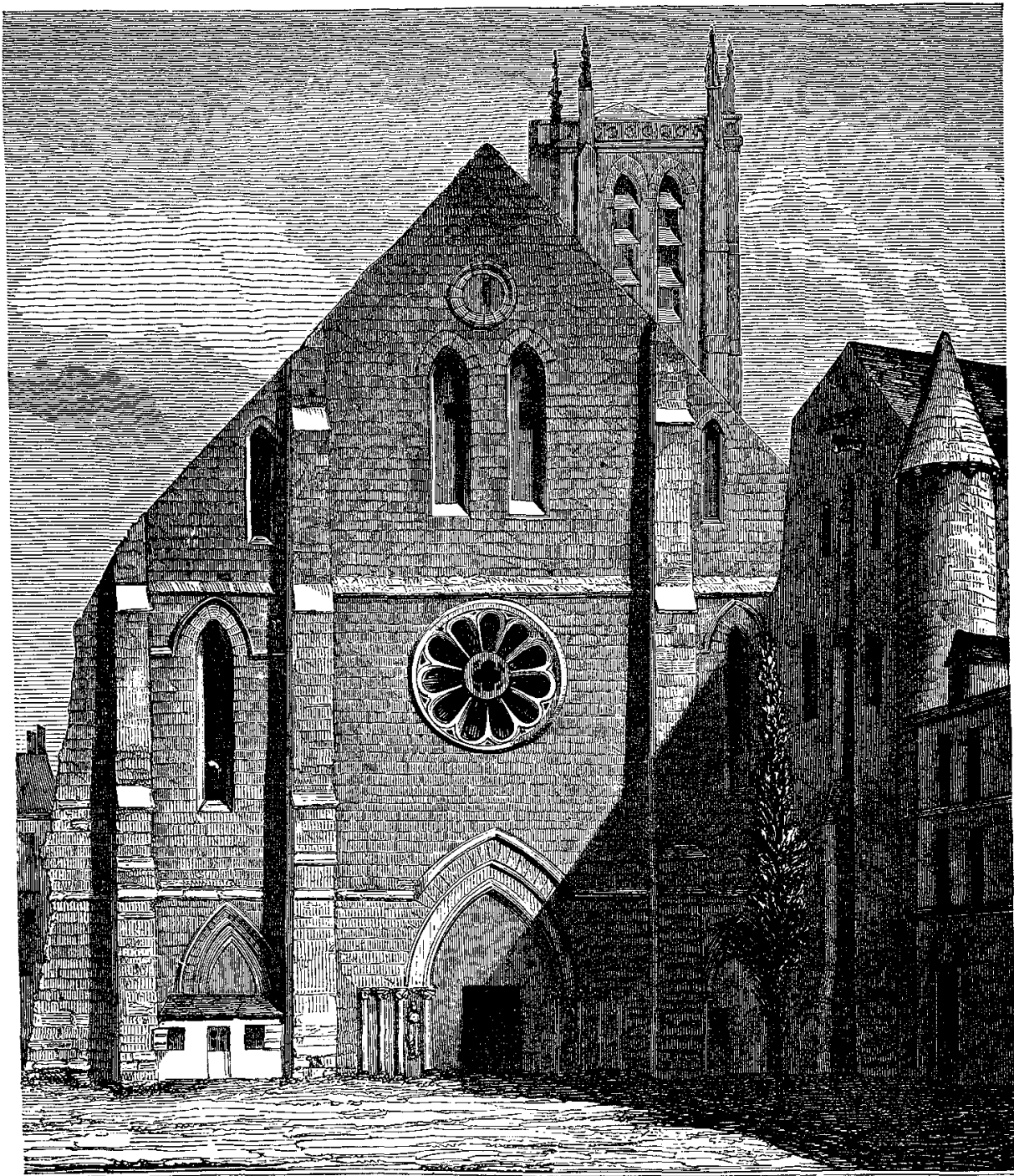

Fig. 32.—Front of the Ancient Church of the Abbey of Sainte-Geneviève, in Paris, founded by Clovis, and rebuilt from the Eleventh to Thirteenth Centuries.—State of the Building before its Destruction at the End of the Last Century.

[back](#)

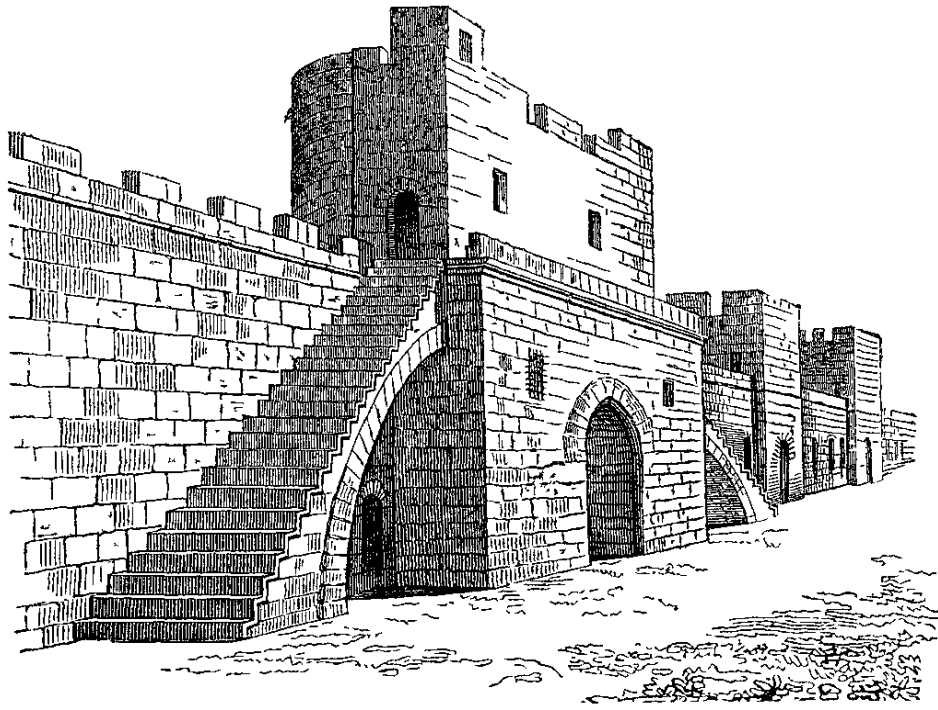
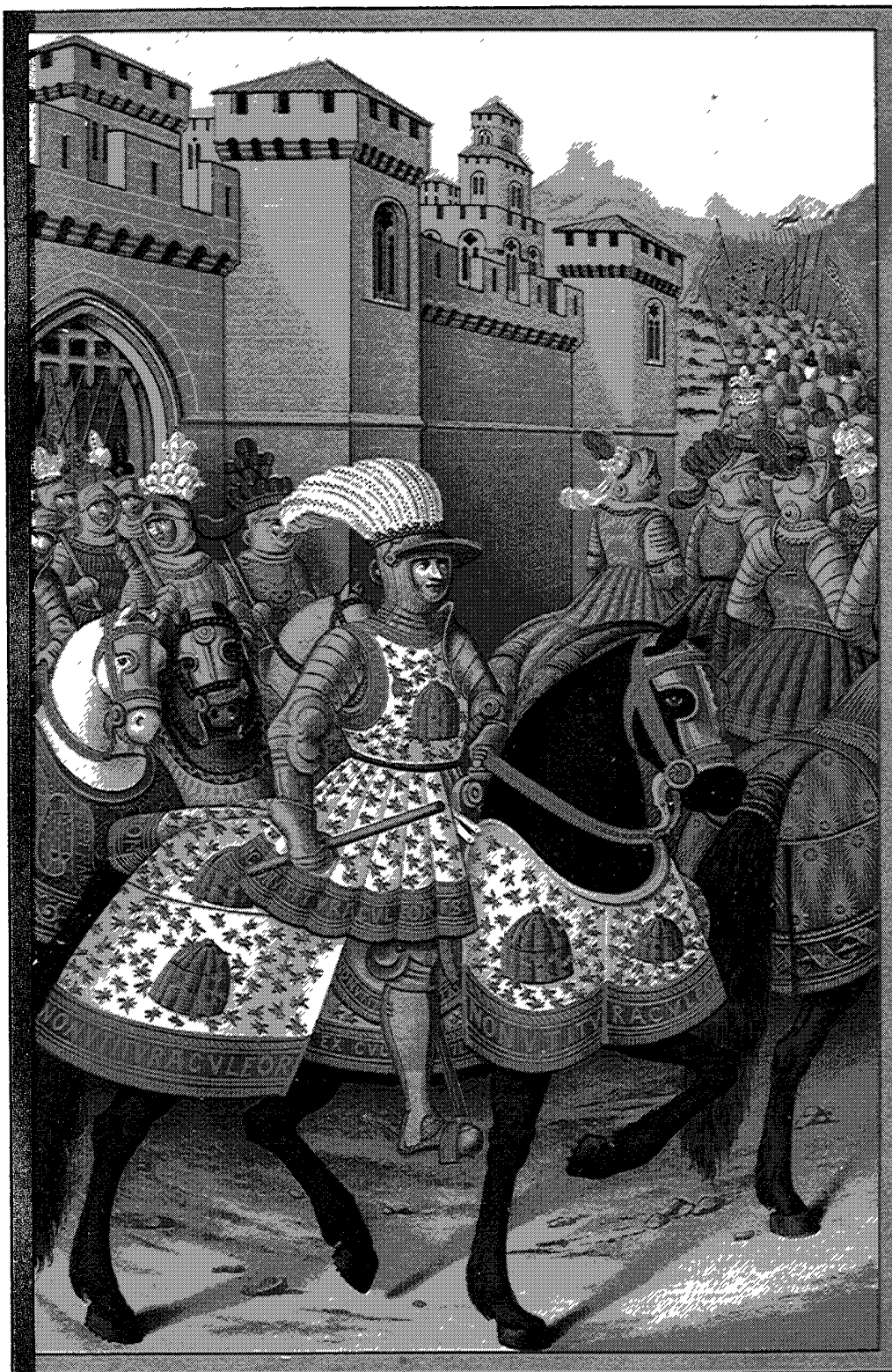

Fig. 33.—Ramparts of the Town of Aigues-Mortes, one of the Municipalities of Languedoc.

[back](#)

LOUIS XII LEAVING ALEXANDRIA ON THE 24th OF APRIL 1507,

To chastise the city of Genoa.

From a miniature by Jean Marot. No 5094, Bibl. nat^{le} de Paris.

[back](#)

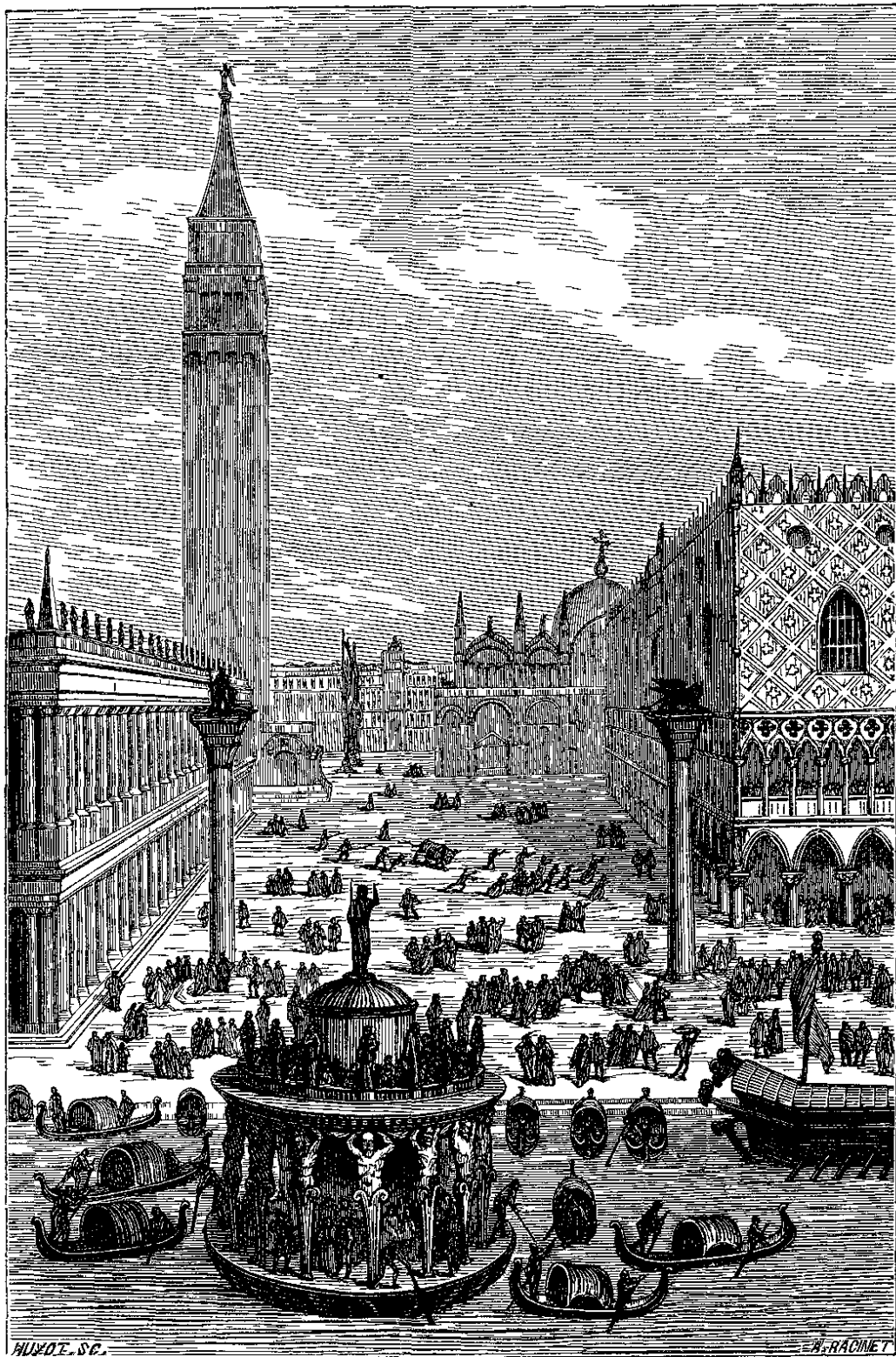

Fig. 34 —View of St. Mark's Place, Venice, Sixteenth Century, after Cesare Vecellio.

[back](#)

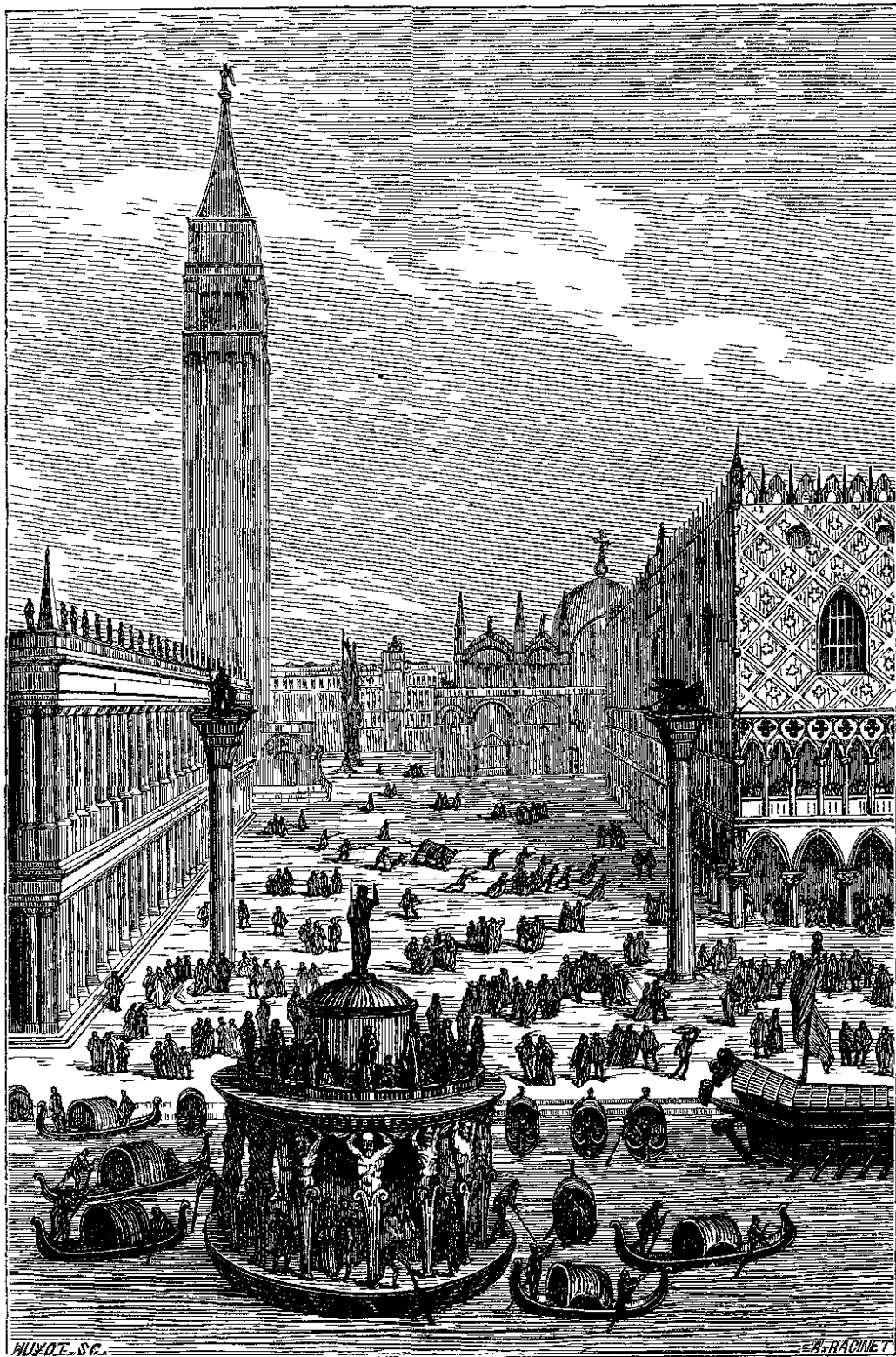

Fig. 34 —View of St. Mark's Place, Venice, Sixteenth Century, after Cesare Vecellio.

[back](#)

Fig. 35.—William, Duke of Normandy, accompanied by Eustatius, Count of Boulogne, and followed by his Knights in arms.—Military Dress of the Eleventh Century, from Bayeux Tapestry said to have been worked by Queen Matilda.

[back](#)

Fig. 35.—William, Duke of Normandy, accompanied by Eustatius, Count of Boulogne, and followed by his Knights in arms.—Military Dress of the Eleventh Century, from Bayeux Tapestry said to have been worked by Queen Matilda.

[back](#)

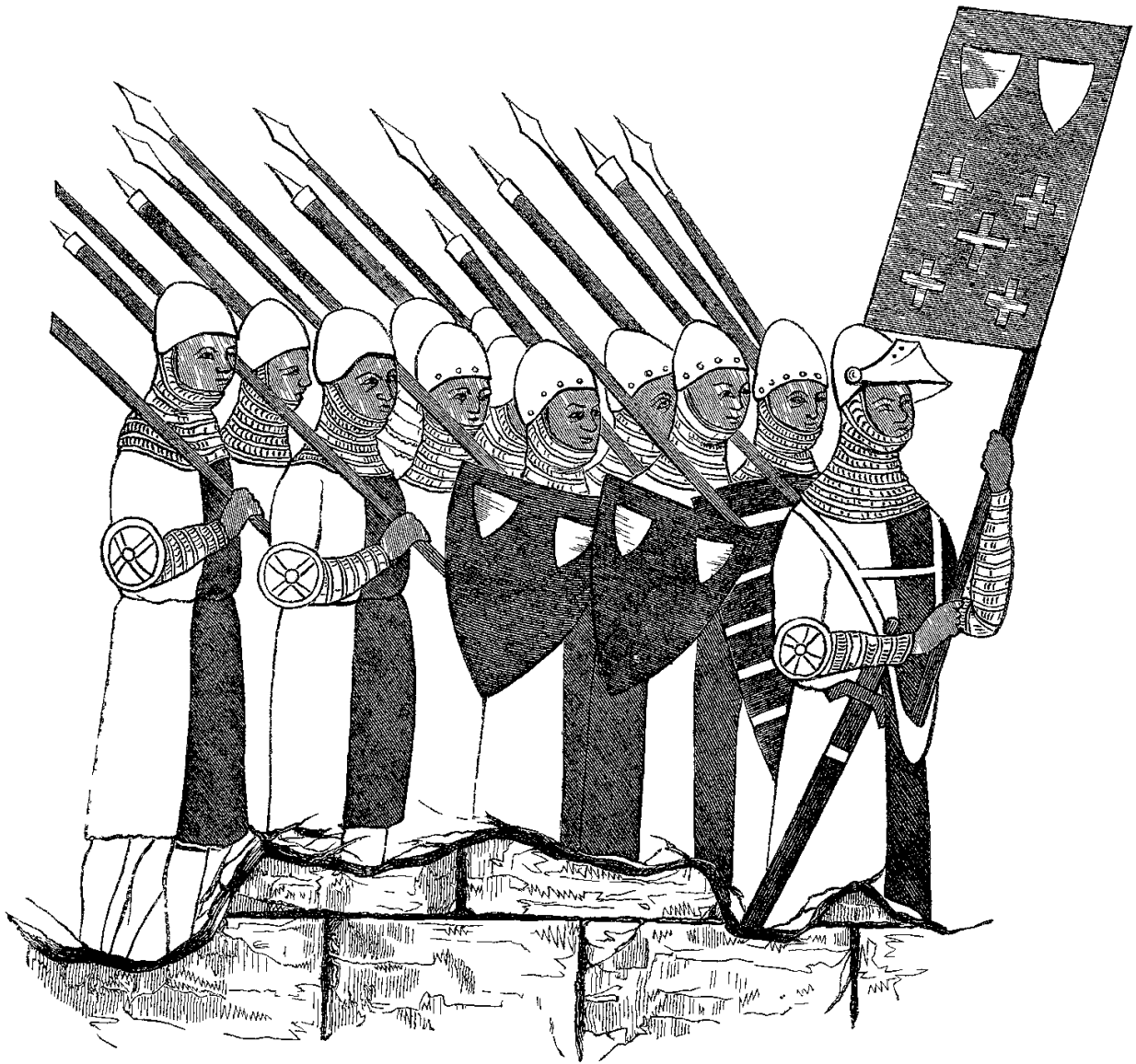

Fig. 36.—Civic Guard of Ghent (Brotherhood of St. Sebastian), from a painting on the Wall of the Chapel of St. John and St. Paul, Ghent, near the Gate of Bruges.

[back](#)

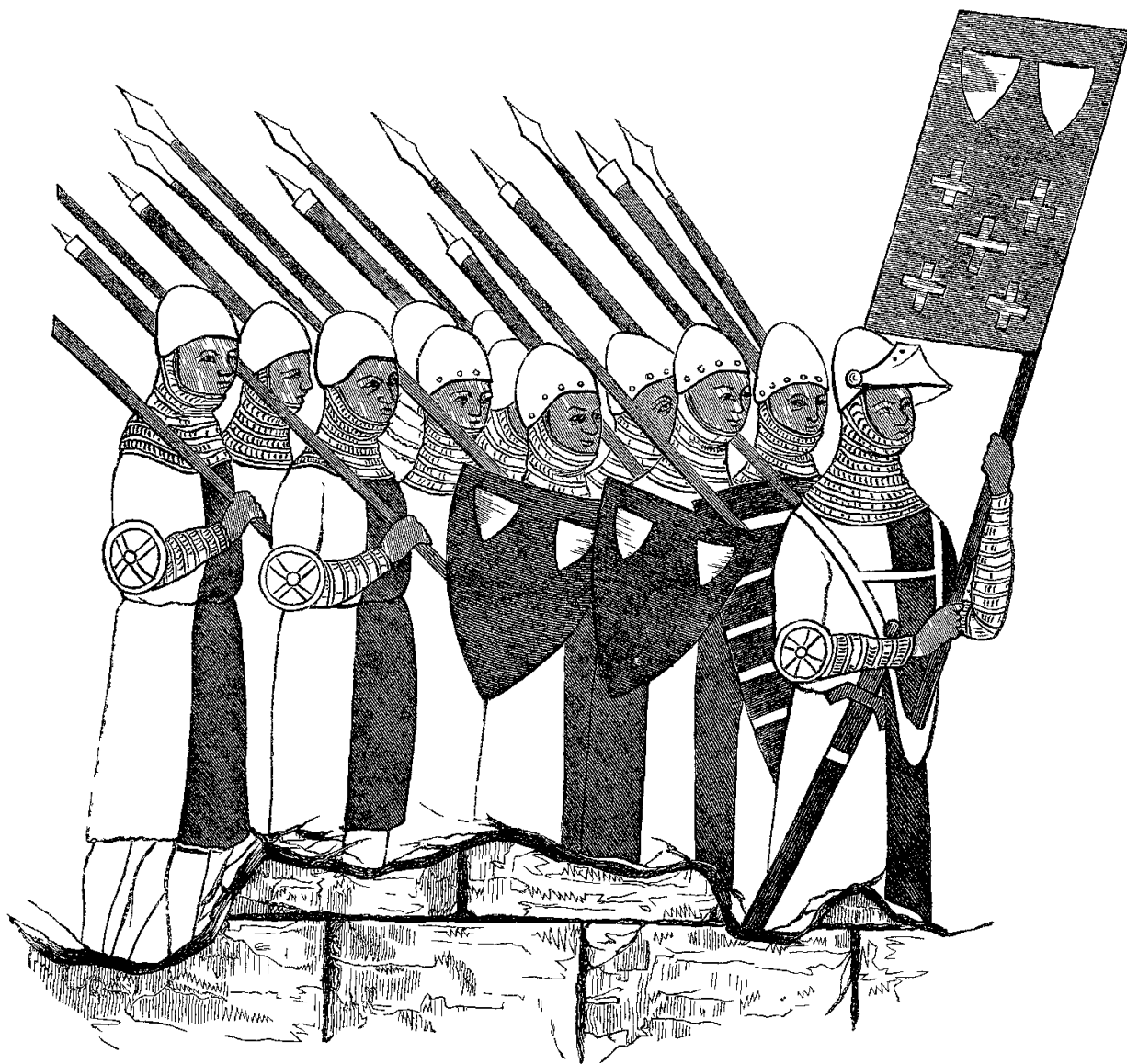

Fig. 36.—Civic Guard of Ghent (Brotherhood of St. Sebastian), from a painting on the Wall of the Chapel of St. John and St. Paul, Ghent, near the Gate of Bruges.

[back](#)

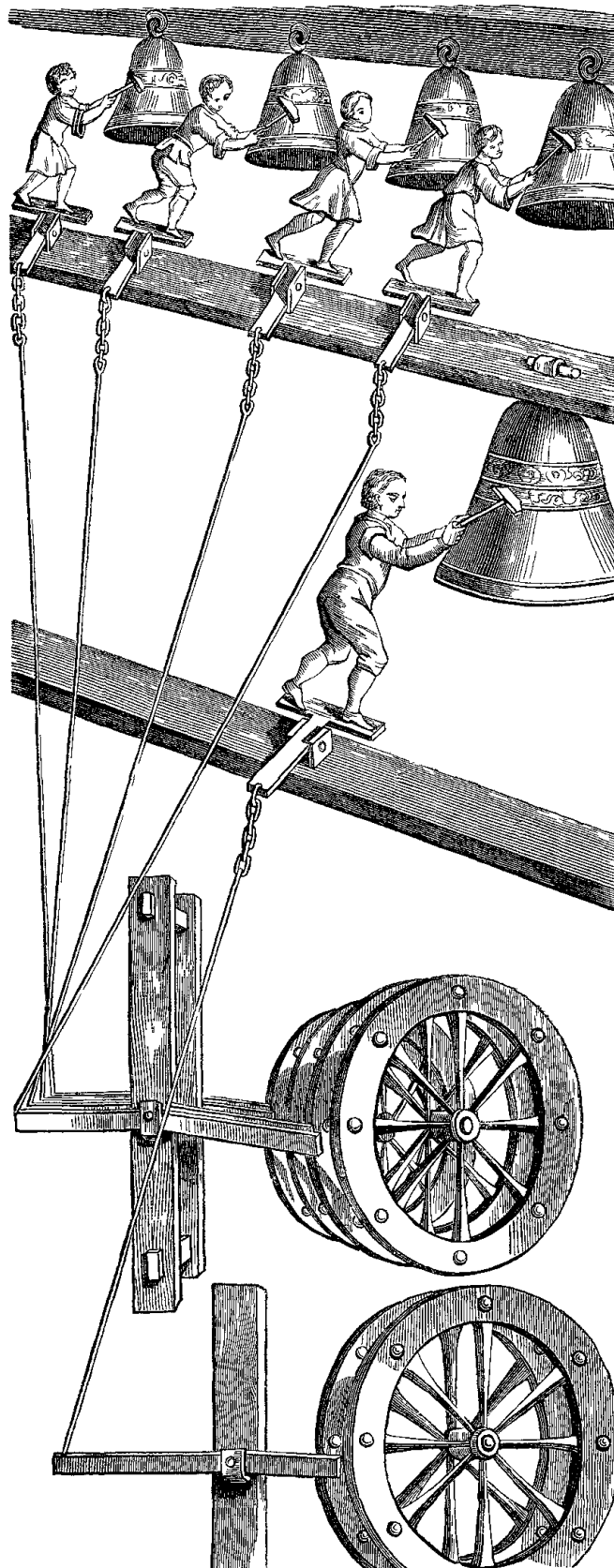

Fig. 37.—Chimes of the Clock of St. Lambert of Liège.
[back](#)

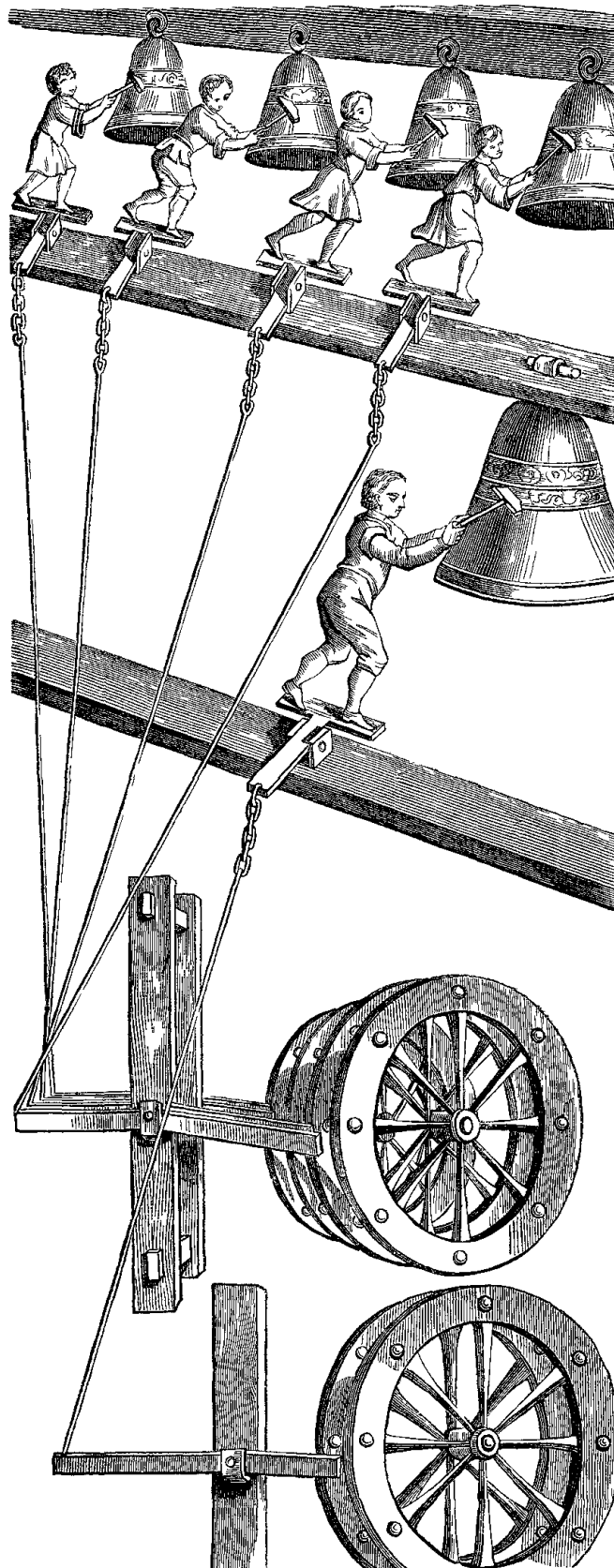

Fig. 37.—Chimes of the Clock of St. Lambert of Liège.
[back](#)

Fig 38 —The Deputies of the Burghers of Ghent, in revolt against their Sovereign, Louis II, Count of Flanders, come to beg him to pardon them, and to return to their Town, 1397 — Miniature from Froissart, No 2644 (National Library of Paris)

[back](#)

Fig. 39.—Bailliage, or Tribunal of the King's Bailiff.—Fac-simile of an Engraving on Wood in the Work of Josse Damhoudere, "Praxis Rerum Civilium" (Antwerp, 1557, in 4to.).

[back](#)

Fig. 39.—Bailliage, or Tribunal of the King's Bailiff.—Fac-simile of an Engraving on Wood in the Work of Josse Damhoudere, "Praxis Rerum Civilium" (Antwerp, 1557, in 4to.).

[back](#)

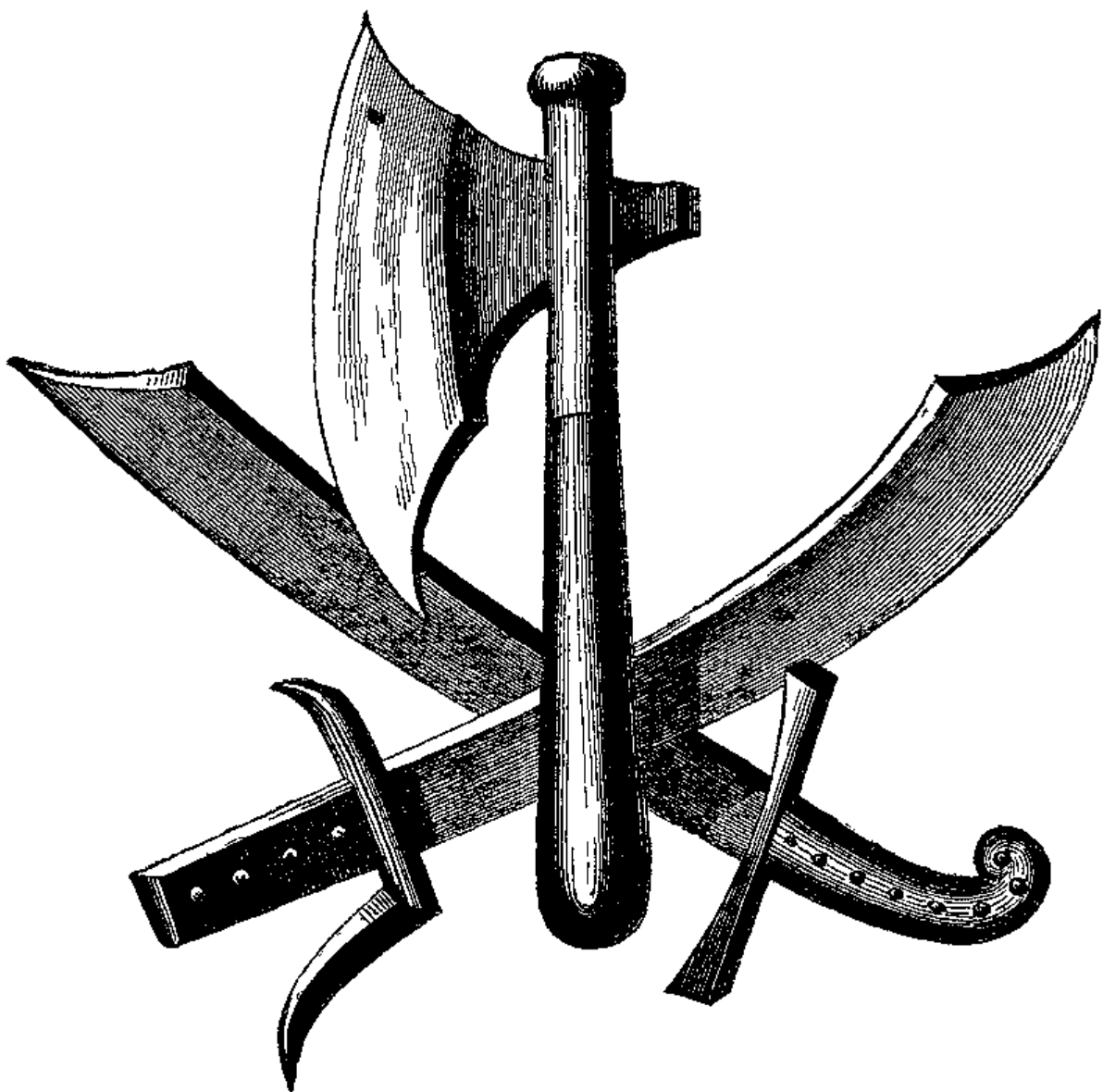

Fig. 40.—Various Arms of the Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 41.—St. Remy, Bishop of Rheims, begging of Clovis the restitution of the Sacred Vase taken by the Franks in the Pillage of Soissons.—Costumes of the Court of Burgundy in the Fifteenth Century.—Fac-simile of a Miniature on a Manuscript of the “History of the Emperors” (Library of the Arsenal).

[back](#)

Fig. 41.—St. Remy, Bishop of Rheims, begging of Clovis the restitution of the Sacred Vase taken by the Franks in the Pillage of Soissons.—Costumes of the Court of Burgundy in the Fifteenth Century.—Fac-simile of a Miniature on a Manuscript of the “History of the Emperors” (Library of the Arsenal).

[back](#)

Fig. 42.—Costumes of the Women of the Court from the Sixth to the Tenth Centuries, from Documents collected by H. de Vielcastel, in the great Libraries of Europe.

[back](#)

Fig. 43.—Queen Frédégonde, seated on her Throne, gives orders to two young Men of Térouanne to assassinate Sigebert, King of Austrasia.—Window in the Cathedral of Tournai, Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 44.—Costumes of the Nobility from the Seventh to the Ninth Centuries, from Documents gathered by H. de Vielcastel from the great Libraries of Europe.

[back](#)

Fig. 45.—Costumes of the Ladies of the Nobility in the Ninth Century, from a Miniature in the Bible of Charles the Bold (National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 45.—Costumes of the Ladies of the Nobility in the Ninth Century, from a Miniature in the Bible of Charles the Bold (National Library of Paris).

[back](#)

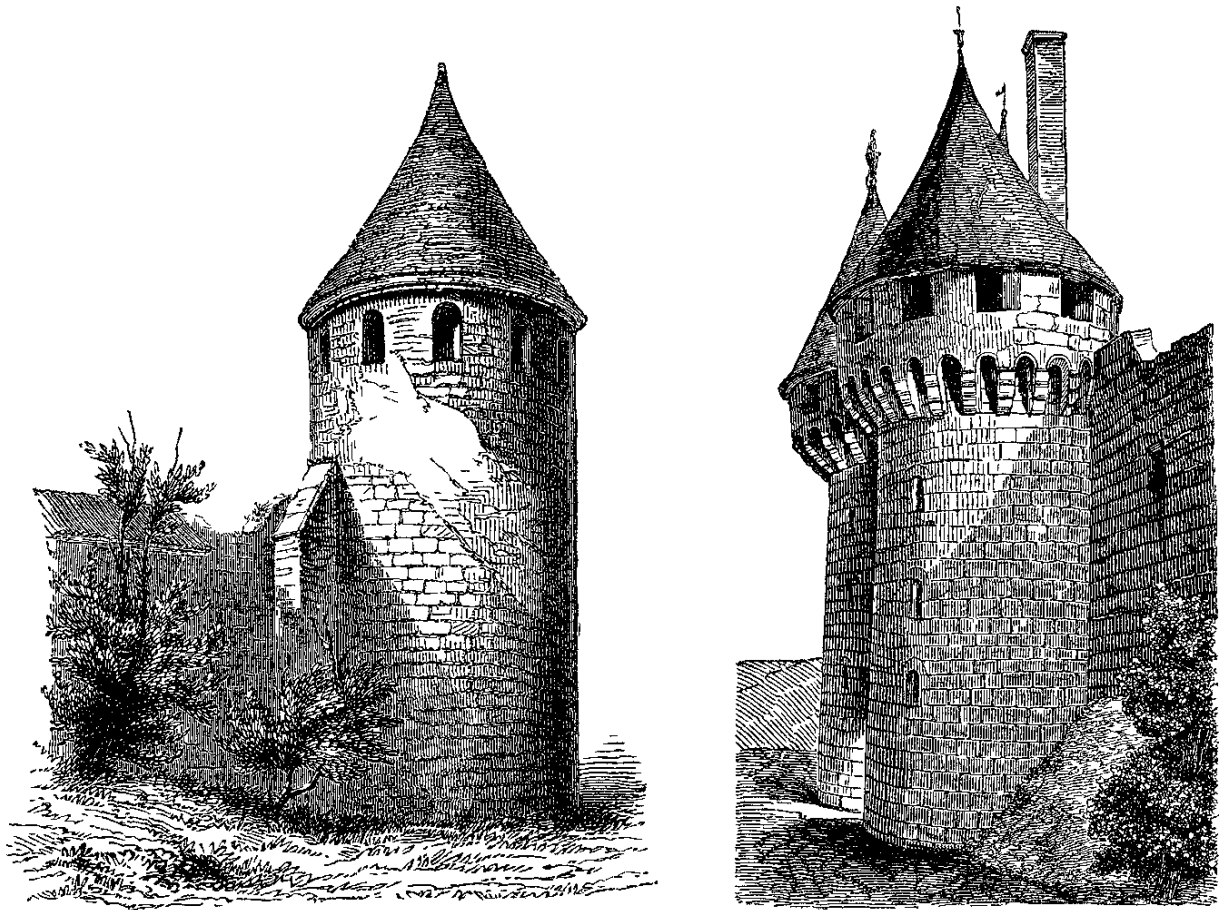

Fig. 46.—Towers of the Castle of Sémur, and of the Castle of Nogent-le-Rotrou (Present Condition).—Specimens of Towers of the Thirteenth Century.

[back](#)

Fig. 47.—Woman under the Safeguard of Knighthood, allegorical Scene.—Costume of the End of the Fifteenth Century, from a Miniature in a Latin Psalm Book (Manuscript No. 175, National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 48.—Court of Love in Provence in the Fourteenth Century (Manuscript of the National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 47.—Woman under the Safeguard of Knighthood, allegorical Scene.—Costume of the End of the Fifteenth Century, from a Miniature in a Latin Psalm Book (Manuscript No. 175, National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 48.—Court of Love in Provence in the Fourteenth Century (Manuscript of the National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 49.—King David playing on the Lyre, surrounded by four Musicians.—Costumes of the Thirteenth Century (from a Miniature in a Manuscript Psalter in the Imperial Library, Paris).

[back](#)

Fig. 49.—King David playing on the Lyre, surrounded by four Musicians.—Costumes of the Thirteenth Century (from a Miniature in a Manuscript Psalter in the Imperial Library, Paris).

[back](#)

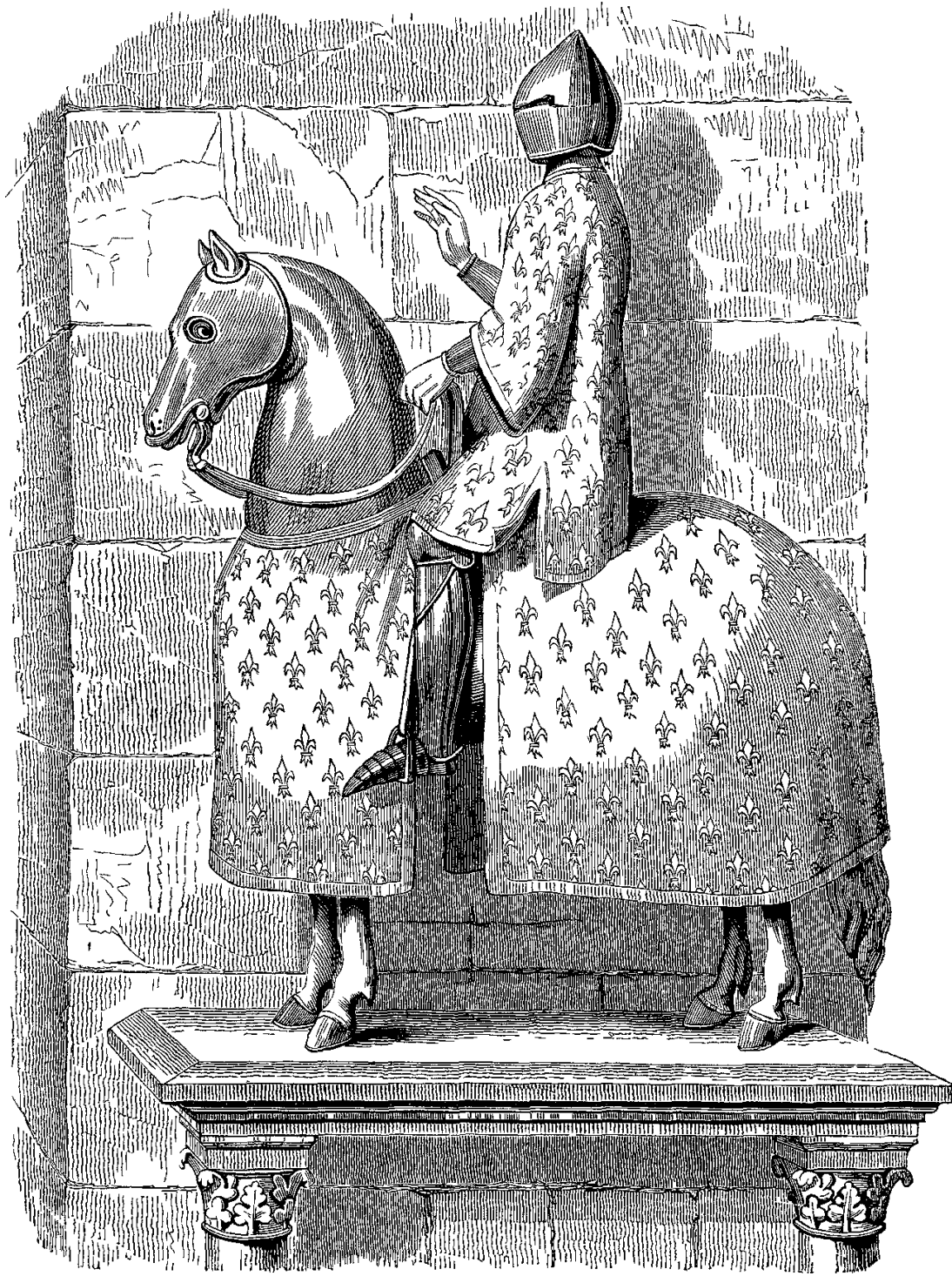

Fig. 50.—King Philip le Bel in War-dress, on the Occasion of his entering Paris in 1304, after having conquered the Communes of Flanders.—Equestrian Statue placed in Notre Dame, Paris, and destroyed in 1772.—Fac-simile of a Woodcut from Thevet's "Cosmographie Universelle," 1575.

[back](#)

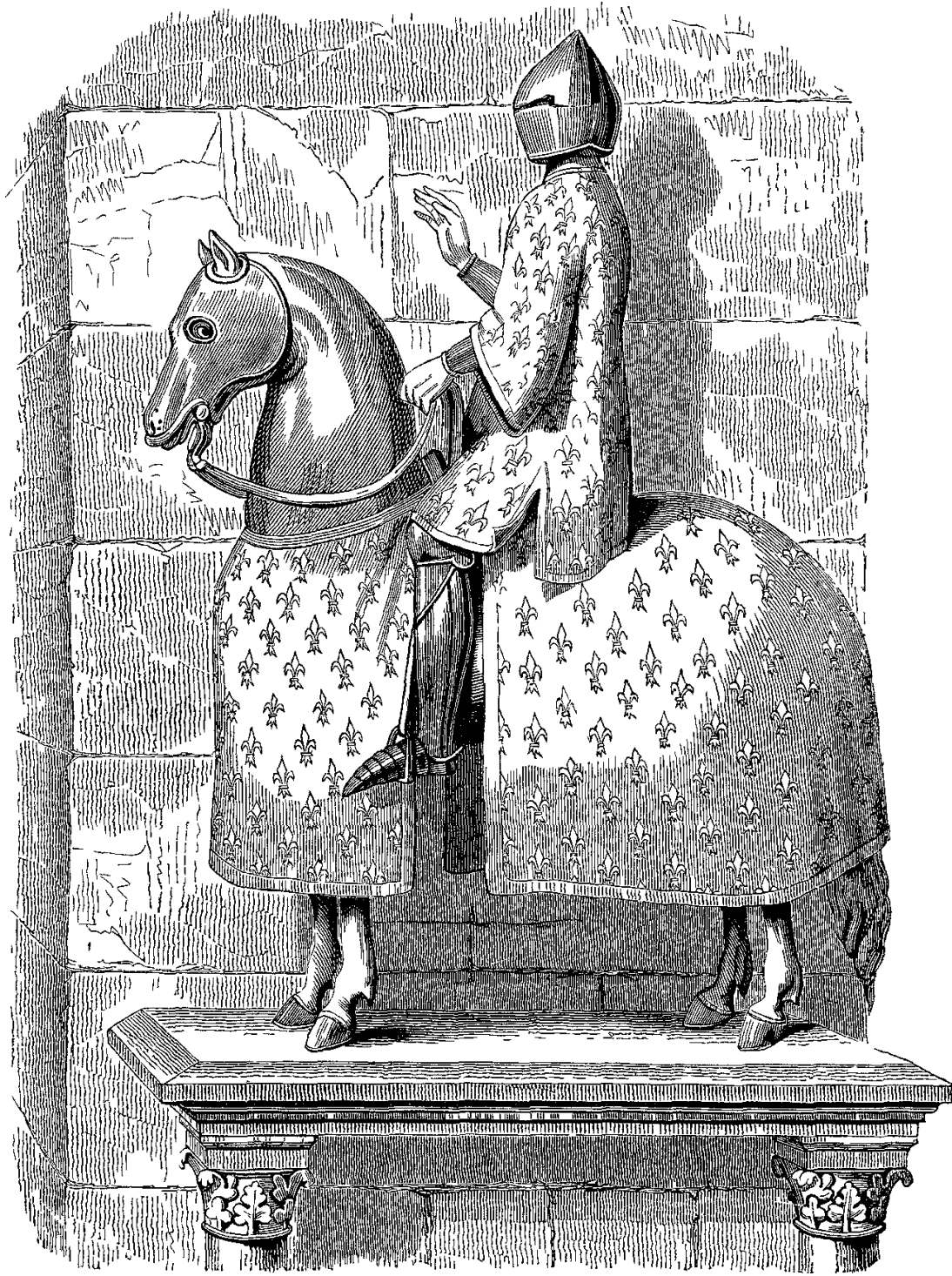

Fig. 50.—King Philip le Bel in War-dress, on the Occasion of his entering Paris in 1304, after having conquered the Communes of Flanders.—Equestrian Statue placed in Notre Dame, Paris, and destroyed in 1772.—Fac-simile of a Woodcut from Thevet's "Cosmographie Universelle," 1575.

[back](#)

Fig 51 —The Knight and his Lady —Costumes of the Court of Burgundy in the Fourteenth Century , Furnished Chamber —Miniature in “Othea,” Poem by Christine de Pisan (Brussels Library)

[back](#)

Fig 51 —The Knight and his Lady —Costumes of the Court of Burgundy in the Fourteenth Century , Furnished Chamber —Miniature in “Othea,” Poem by Christine de Pisan (Brussels Library)

[back](#)

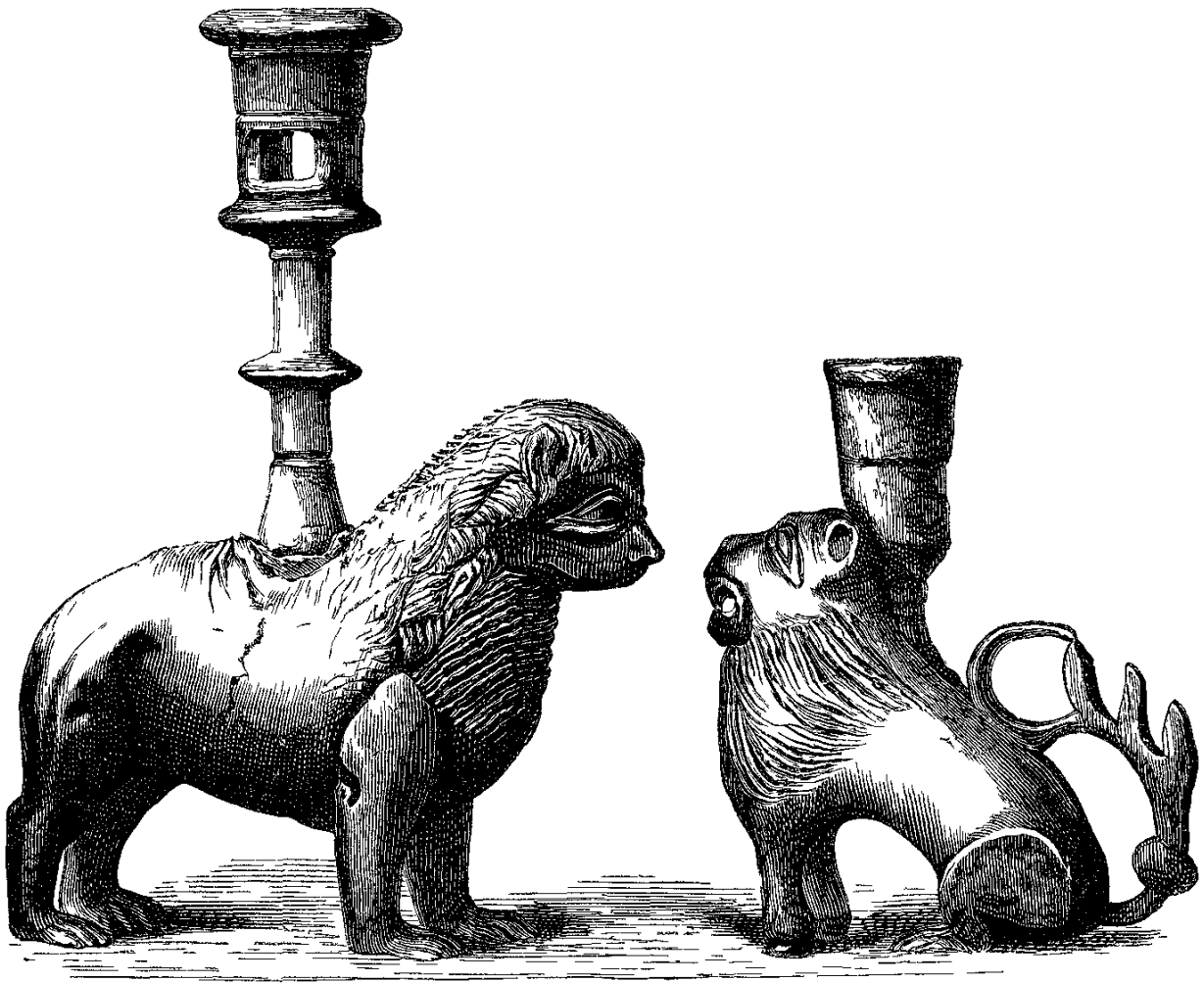

Fig. 52.—Bronze Chandeliers of the Fourteenth Century (Collection of M. Ach Jubinal).

[back](#)

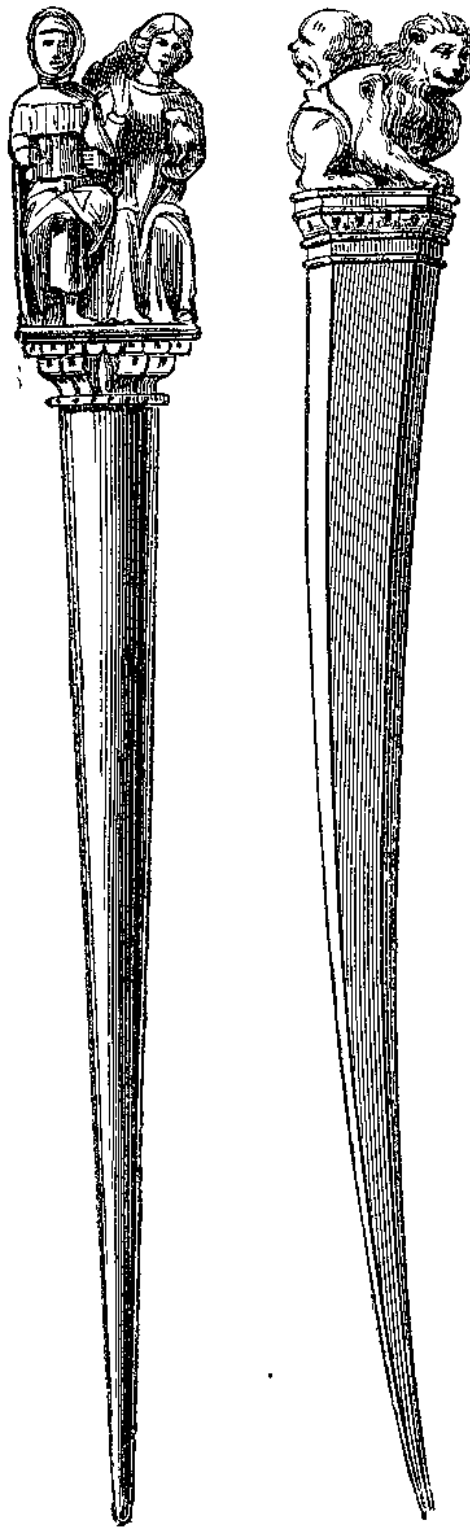

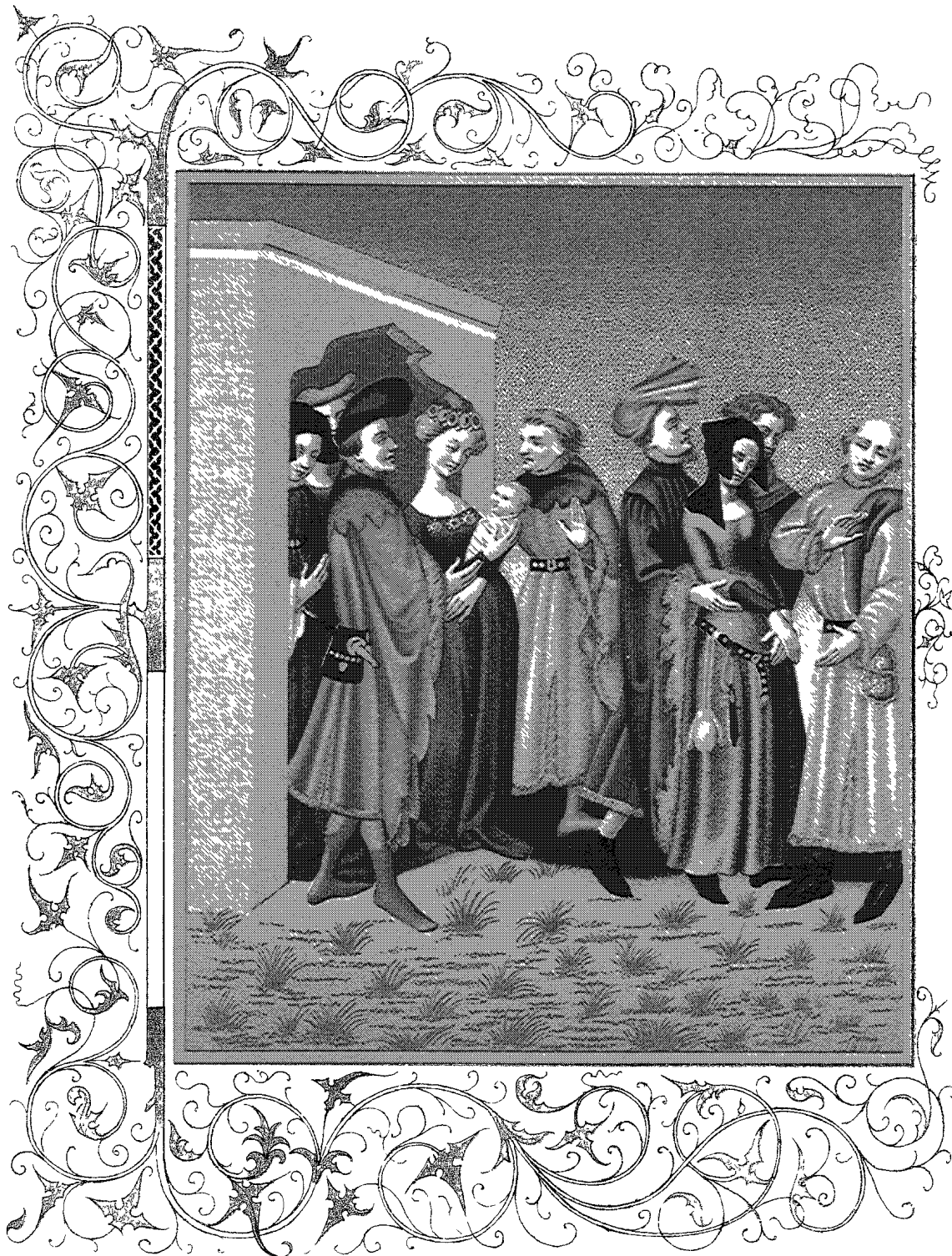
Fig. 53.—Styli used in writing
in the Fourteenth Century.

[back](#)

Fig. 54—Dress of Noble Ladies and Children in the Fourteenth Century.—Miniature in the “Merveilles du Monde” (Manuscript, National Library of Paris).

[back](#)

A YOUNG MOTHER'S RETINUE.

Representing the Parisian costumes at the end of the fourteenth century.

Fac-simile of a miniature from the latin *Terence* of King Charles VI.

From a manuscript in the Bibl. de l'arsenal.

[back](#)

Fig. 54—Dress of Noble Ladies and Children in the Fourteenth Century.—Miniature in the “Merveilles du Monde” (Manuscript, National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 55.—Noble Lady and Maid of Honour, and two Burgesses with Hoods (Fourteenth Century), from a Miniature in the “Merveilles du Monde” (Manuscript in the Imperial Library of Paris).

[back](#)

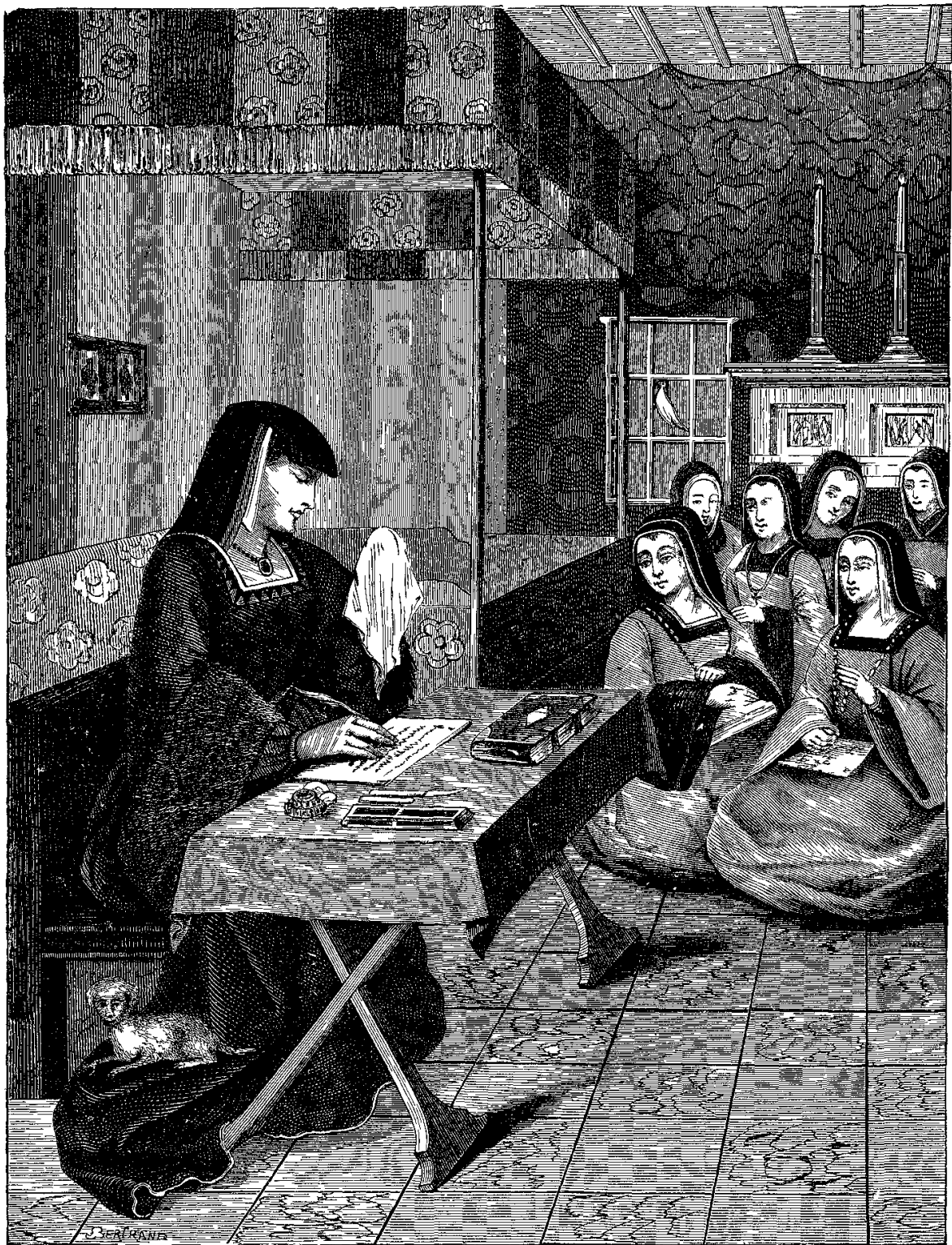

Fig 56 —Court of the Ladies of Queen Anne of Brittany, Miniature representing this lady weeping on account of the absence of her husband during the Italian war —Manuscript of the “*Epistres Envoyées au Roi*” (Sixteenth Century), obtained by the Coislín Fund for the Library of St Germain des Pres in Paris, now in the Library of St Petersburg

[back](#)

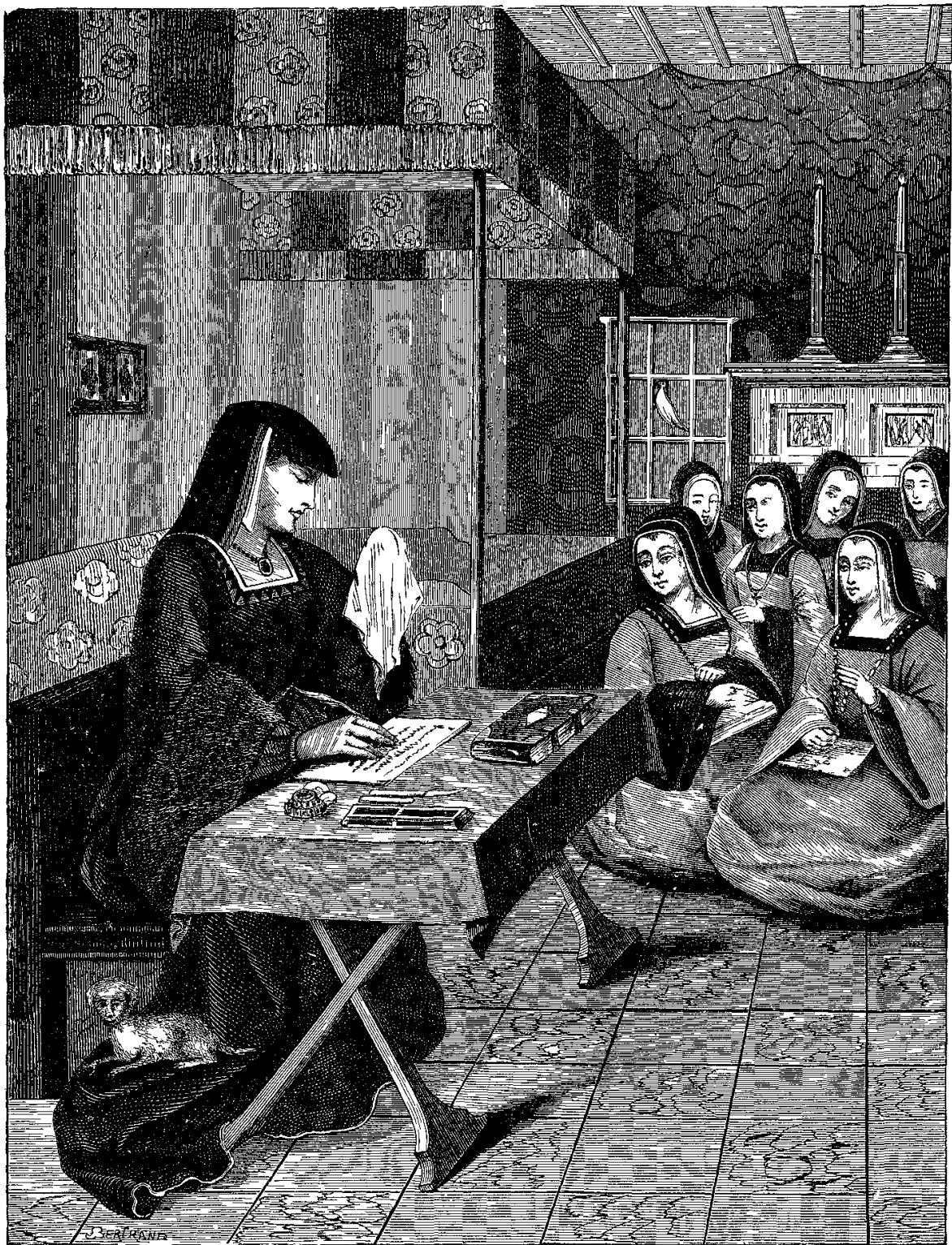

Fig 56 —Court of the Ladies of Queen Anne of Brittany, Miniature representing this lady weeping on account of the absence of her husband during the Italian war —Manuscript of the “*Epistres Envoyées au Roi*” (Sixteenth Century), obtained by the Coislín Fund for the Library of St Germain des Pres in Paris, now in the Library of St Petersburg

[back](#)

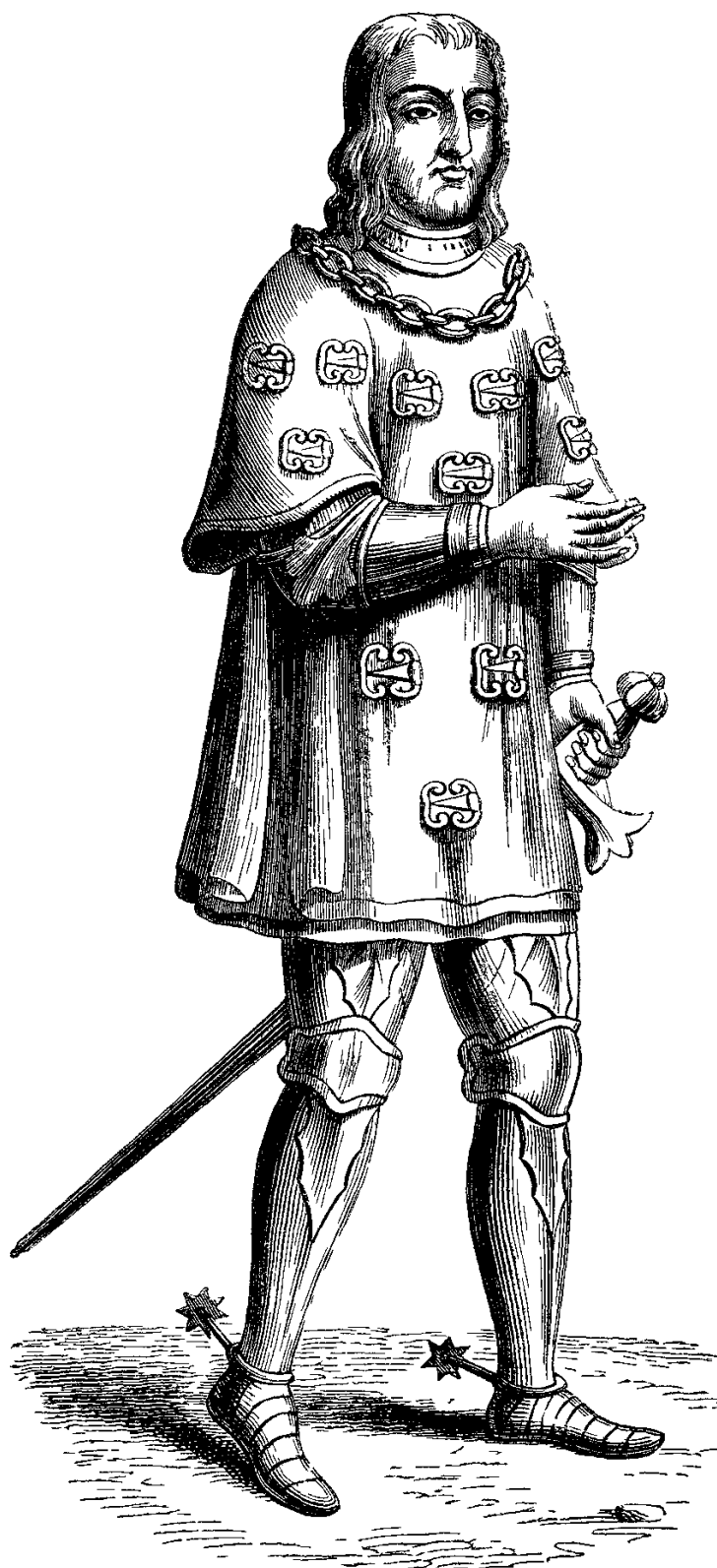

Fig. 57 —Louis de Mallet, Lord of Graville, Admiral of France, 1487, in Costume of War and Tournament, from an Engraving of the Sixteenth Century (National Library of Paris, Cabinet des Estampes).

[back](#)

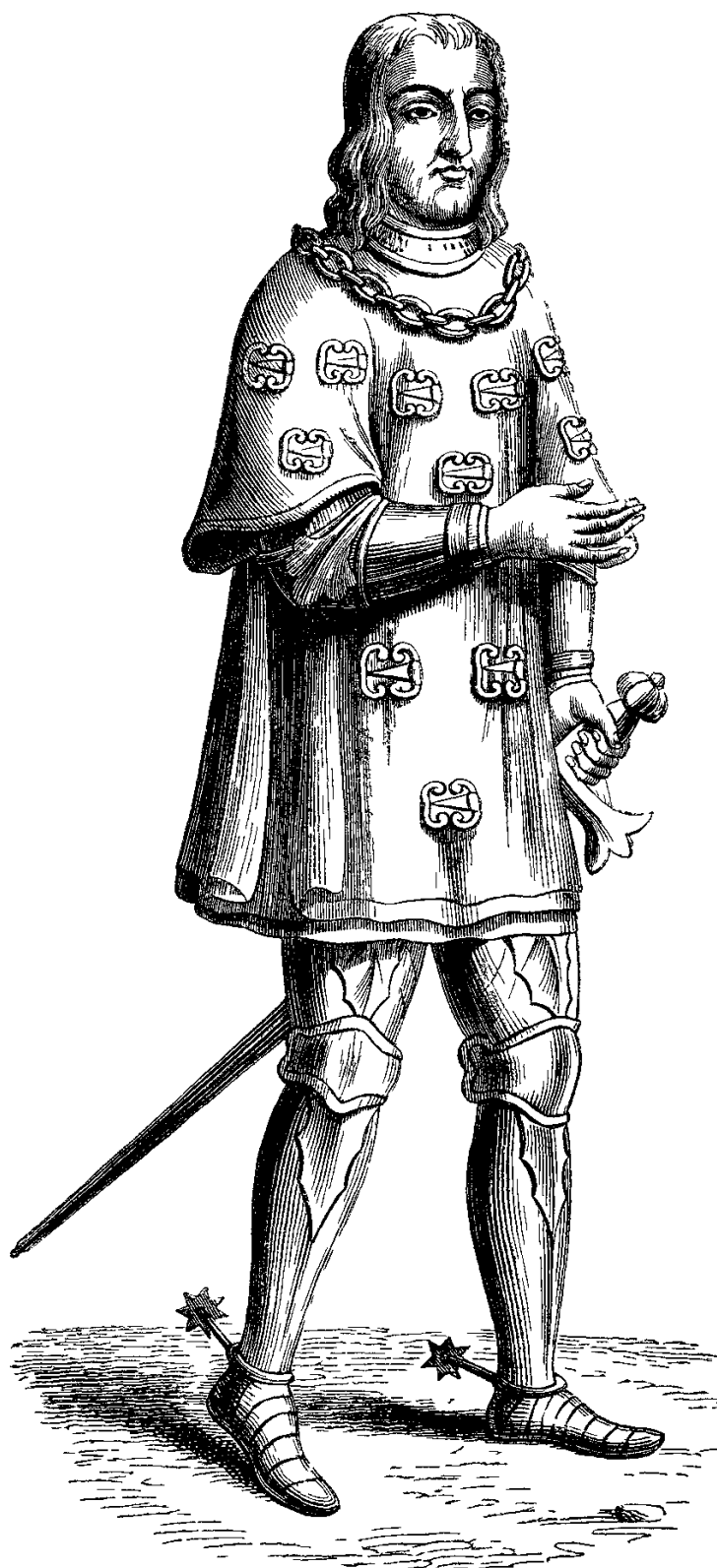

Fig. 57 —Louis de Mallet, Lord of Graville, Admiral of France, 1487, in Costume of War and Tournament, from an Engraving of the Sixteenth Century (National Library of Paris, Cabinet des Estampes).

[back](#)

Fig 58 —Burgess of Ghent and his Wife, in ceremonial Attire, kneeling in Church, from a painted Window belonging to a Chapel in that Town (Fifteenth Century).

[back](#)

Fig. 59.—The new-born Child, from a Miniature in the “*Histoire de la Belle Hélaine*”
(Manuscript of the Fifteenth Century, National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 59.—The new-born Child, from a Miniature in the “*Histoire de la Belle Hélaine*”
(Manuscript of the Fifteenth Century, National Library of Paris).

[back](#)

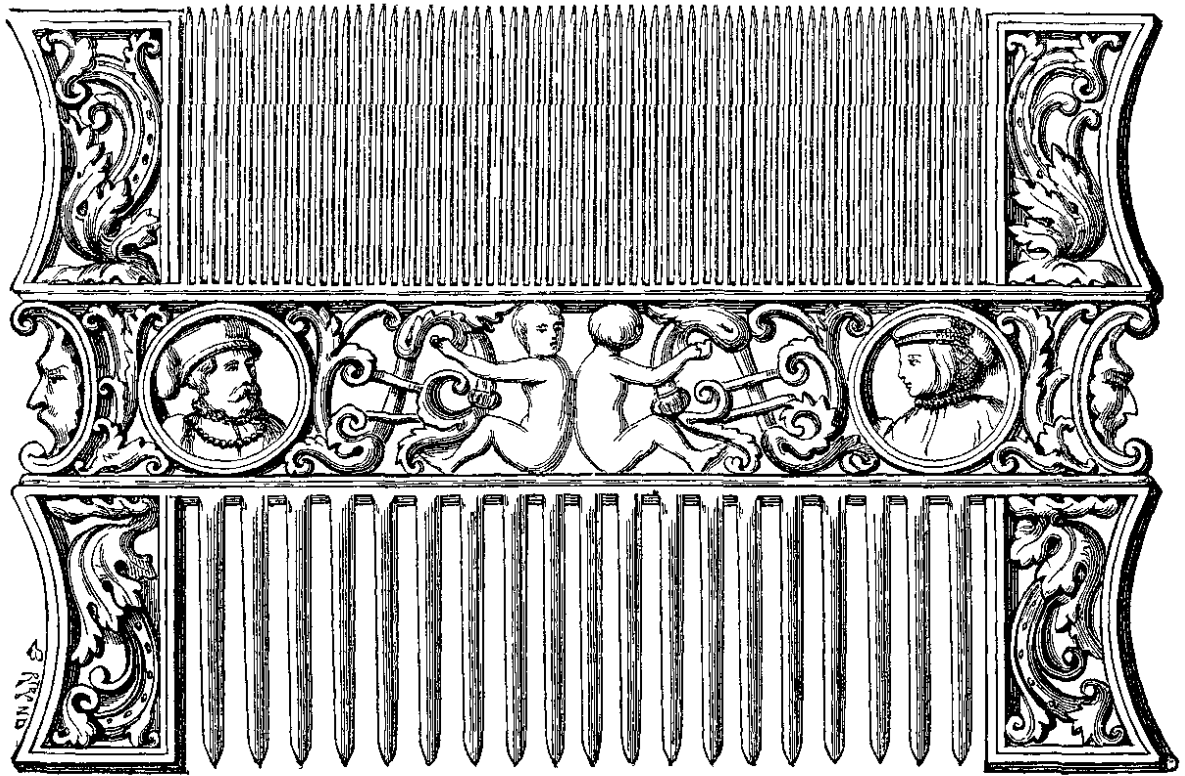

Fig 60 —Sculptured Comb, in Ivory, of the Sixteenth Century (Sauvageot Collection)

[back](#)

Fig. 61.—Dress of Maidservants in the Thirteenth Century.—Miniature in a Manuscript of the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 61.—Dress of Maidservants in the Thirteenth Century.—Miniature in a Manuscript of the National Library of Paris.

[back](#)

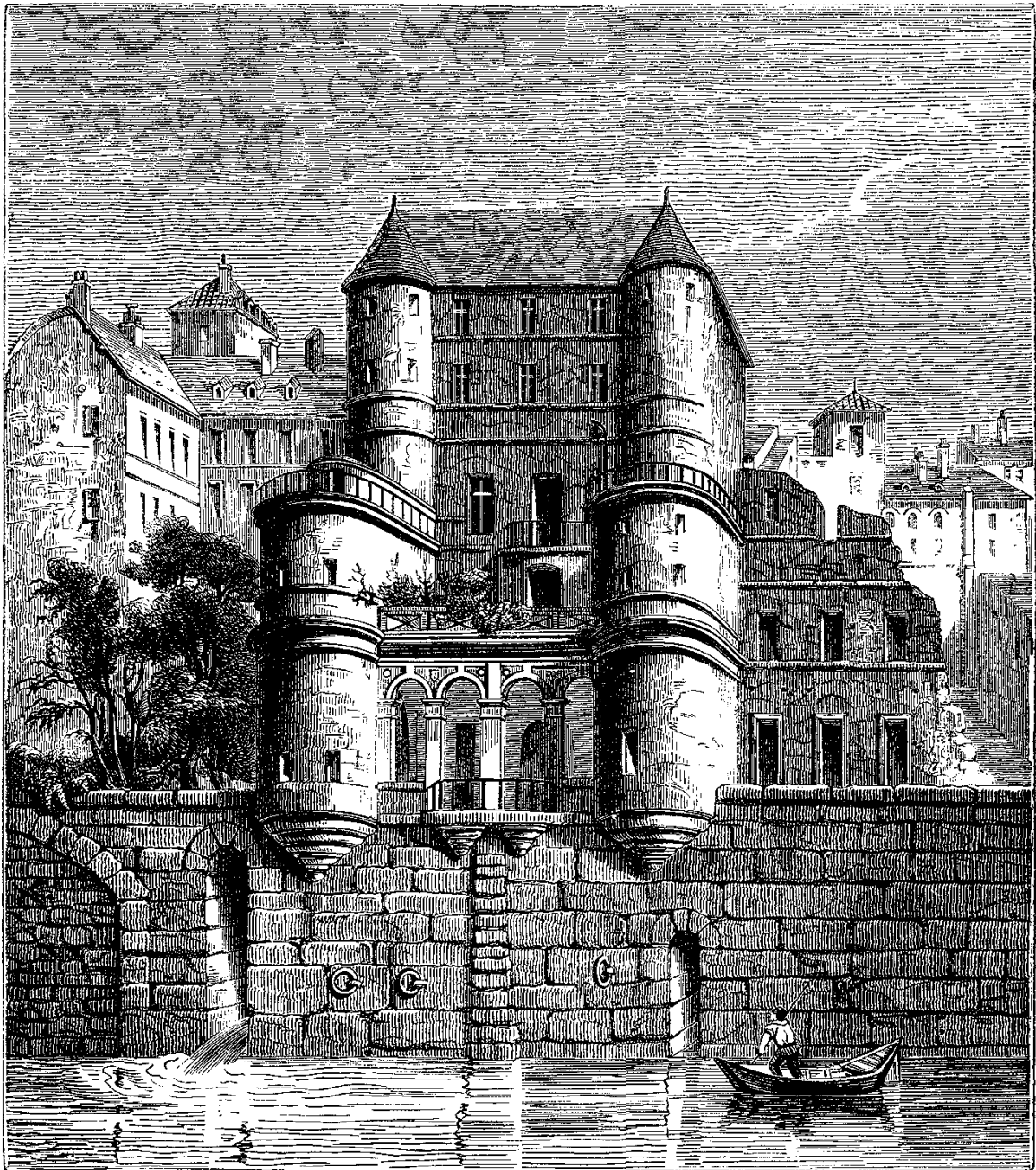

Fig. 62.—Hôtel des Ursins, Paris, built during the Fourteenth Century, restored in the Sixteenth, and now destroyed.—State of the North Front at the End of the last Century.

[back](#)

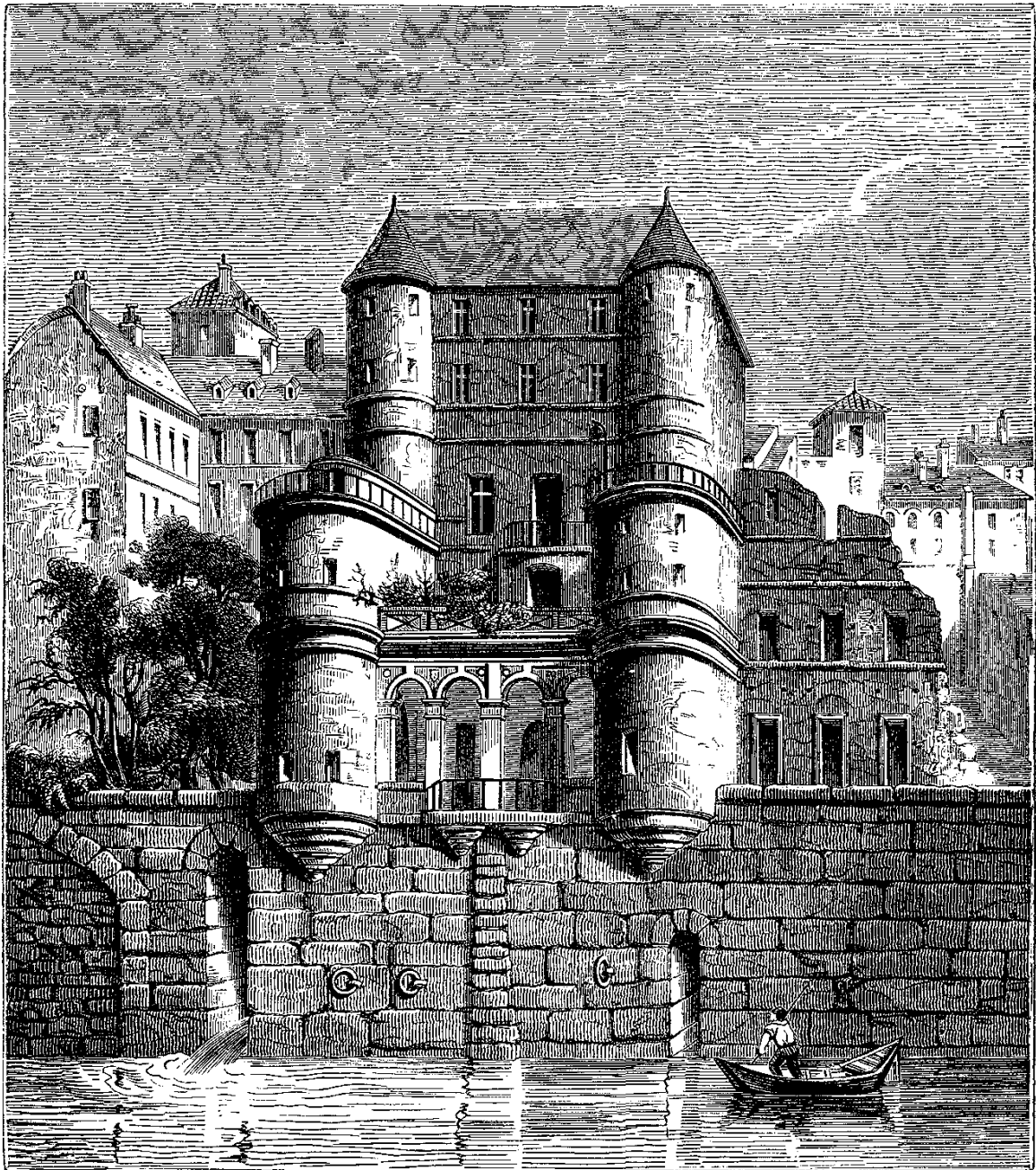

Fig. 62.—Hôtel des Ursins, Paris, built during the Fourteenth Century, restored in the Sixteenth, and now destroyed.—State of the North Front at the End of the last Century.

[back](#)

Fig. 63.—Nicholas Flamel and Pernelle, his Wife, from a Painting executed at the End of the Fifteenth Century, under the Vaults of the Cemetery of the Innocents, in Paris.

[back](#)

Fig. 63.—Nicholas Flamel and Pernelle, his Wife, from a Painting executed at the End of the Fifteenth Century, under the Vaults of the Cemetery of the Innocents, in Paris.

[back](#)

Fig. 64.—Country Life —Fac-simile of a Woodcut in a folio Edition of Virgil, published at Lyons in 1517.

[back](#)

Fig. 64.—Country Life —Fac-simile of a Woodcut in a folio Edition of Virgil, published at Lyons in 1517.

[back](#)

Fig. 65.—Sedentary Occupations of the Peasants.—Fac-simile from an Engraving on Wood, attributed to Holbein, in the “Cosmographie” of Munster (Basle, 1552, folio).]

[back](#)

Fig. 66.—Villains before going to Work receiving their Lord's Orders.—Miniature in the "Propriétaire des Choses."—Manuscript of the Fifteenth Century (Library of the Arsenal, in Paris).

[back](#)

Fig. 66.—Villains before going to Work receiving their Lord's Orders.—Miniature in the "Propriétaire des Choses."—Manuscript of the Fifteenth Century (Library of the Arsenal, in Paris).

[back](#)

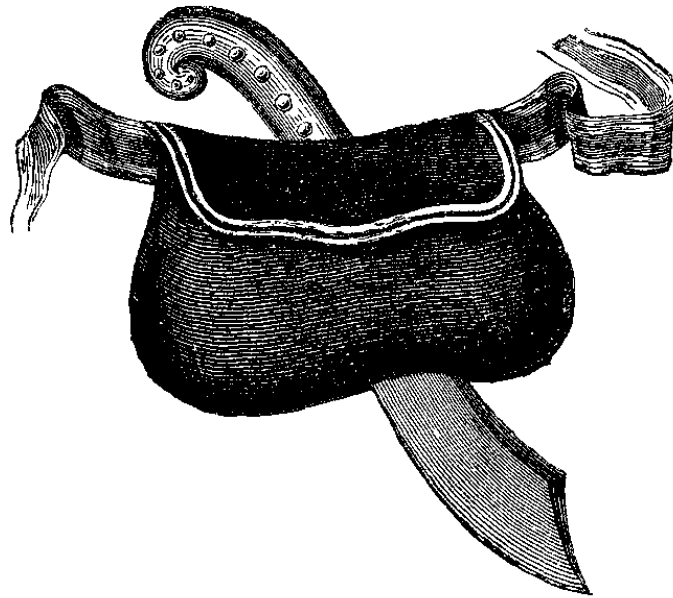

Fig. 71.--Purse or Leather Bag, with Knife or Dagger of the Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 65.—Sedentary Occupations of the Peasants.—Fac-simile from an Engraving on Wood, attributed to Holbein, in the “Cosmographie” of Munster (Basle, 1552, folio).]

[back](#)

Fig. 67.—The egotistical and envious Villain.—From a Miniature in “*Proverbes et Adages, &c.*,” Manuscript of the La Vallière Fund, in the National Library of Paris, with this legend :

“*Attrapez y sont les plus fins :
Qui trop embrasse mal estraint.*”

(“The cleverest burn their fingers at it,
And those who grasp all may lose all.”)

[back](#)

Fig. 67.—The egotistical and envious Villain.—From a Miniature in “*Proverbes et Adages, &c.*,” Manuscript of the La Vallière Fund, in the National Library of Paris, with this legend :

“*Attrapez y sont les plus fins :
Qui trop embrasse mal estraint.*”

(“The cleverest burn their fingers at it,
And those who grasp all may lose all.”)

[back](#)

Fig. 68.—The covetous and avaricious Villain.—From a Miniature in “Proverbes et Adages, &c.,”
Manuscript in the National Library of Paris, with this legend :

“Je suis icy levant les yeulx
En ce haut lieu des attendens,
En convoitant pour avoir mieulx
Prendre la lune avec les dens.”

(“Even on this lofty height
We yet look higher,
As nothing will satisfy us
But to clutch the moon.”)

[back](#)

Fig. 69.—Village Feast.—Fac-simile of a Woodcut of the “Sandrin ou Verd Galant,” facetious Work of the End of the Sixteenth Century (edition of 1609).

[back](#)

Fig. 69.—Village Feast.—Fac-simile of a Woodcut of the “Sandrin ou Verd Galant,” facetious Work of the End of the Sixteenth Century (edition of 1609).

[back](#)

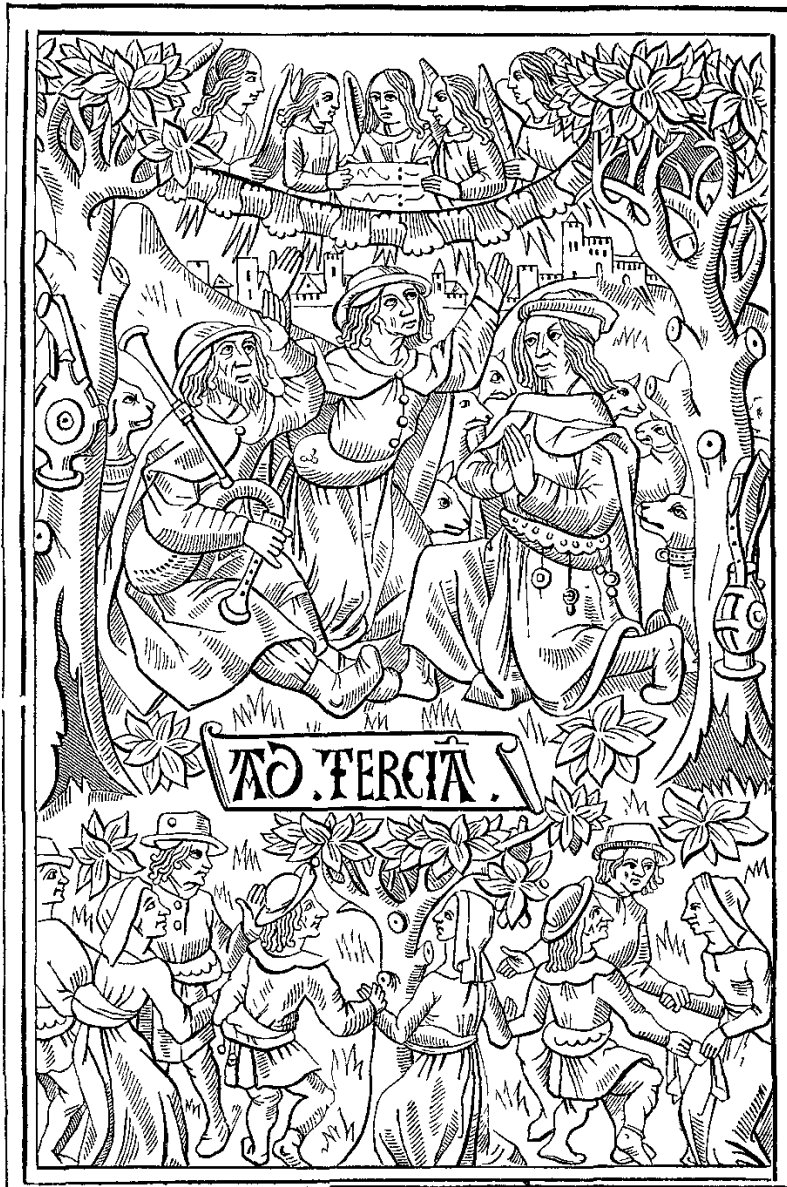

Fig. 70.—The Shepherds celebrating the Birth of the Messiah by Songs and Dances.—Fifteenth Century.—Fac-simile of an Engraving on Wood, from a Book of Hours, printed by Anthony Verard.

[back](#)

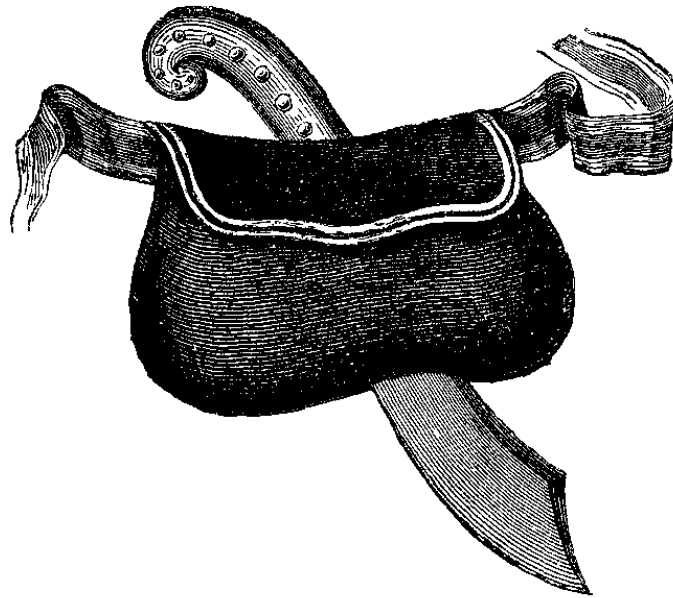
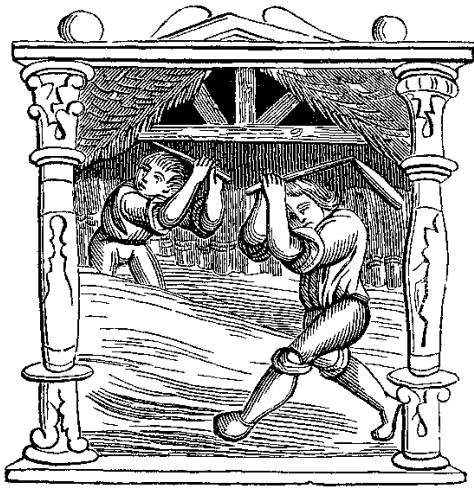

Fig. 71.--Purse or Leather Bag, with Knife or Dagger of the Fifteenth Century.

[back](#)

Figs 72 and 73.—Corn threshing and Bread-making —Miniatures from the Calendar of a Book of Hours —Manuscript of the Sixteenth Century.

[back](#)

Fig. 74.—The Miller.—From an Engraving of the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig. 74.—The Miller.—From an Engraving of the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig. 75.—The Baker.—From an Engraving of the Sixteenth Century, by J. Amman.
[back](#)

Fig. 75.—The Baker.—From an Engraving of the Sixteenth Century, by J. Amman.
[back](#)

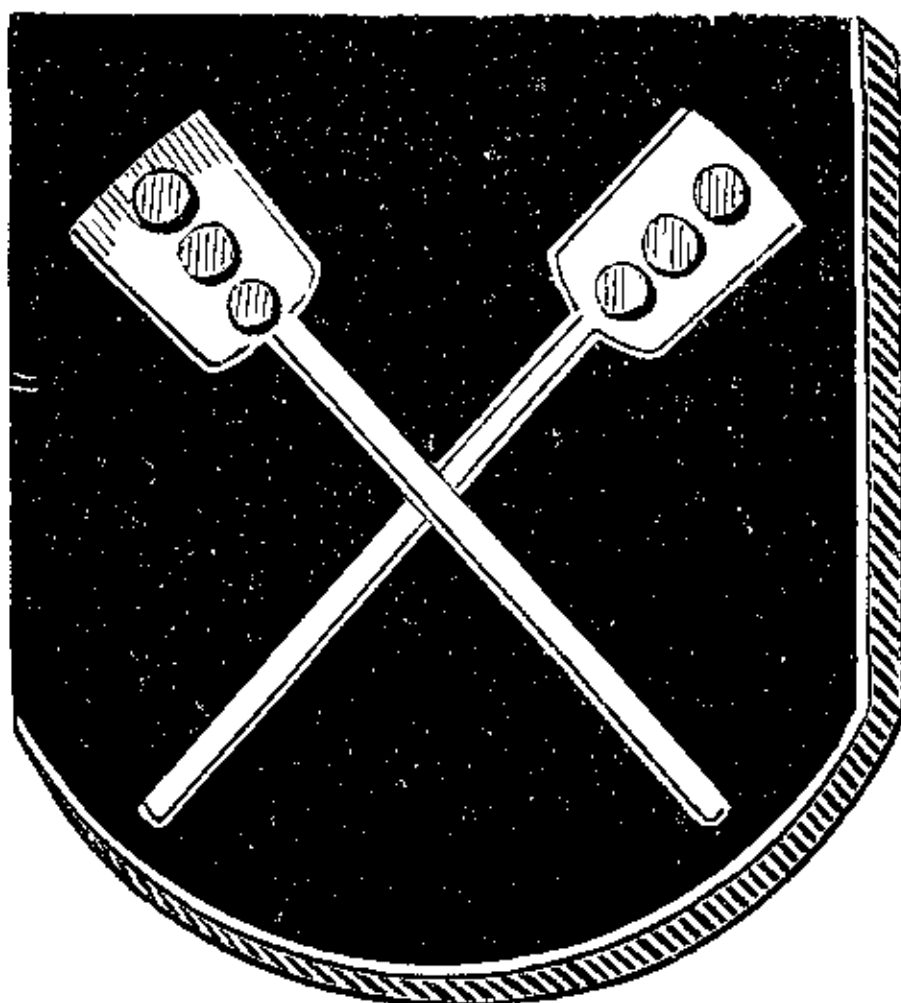

Fig. 76 —Banner of the Corporation
of Bakers of Paris.

[back](#)

Fig. 77.—Banner of the Corporation
of Bakers of Arras.

[back](#)

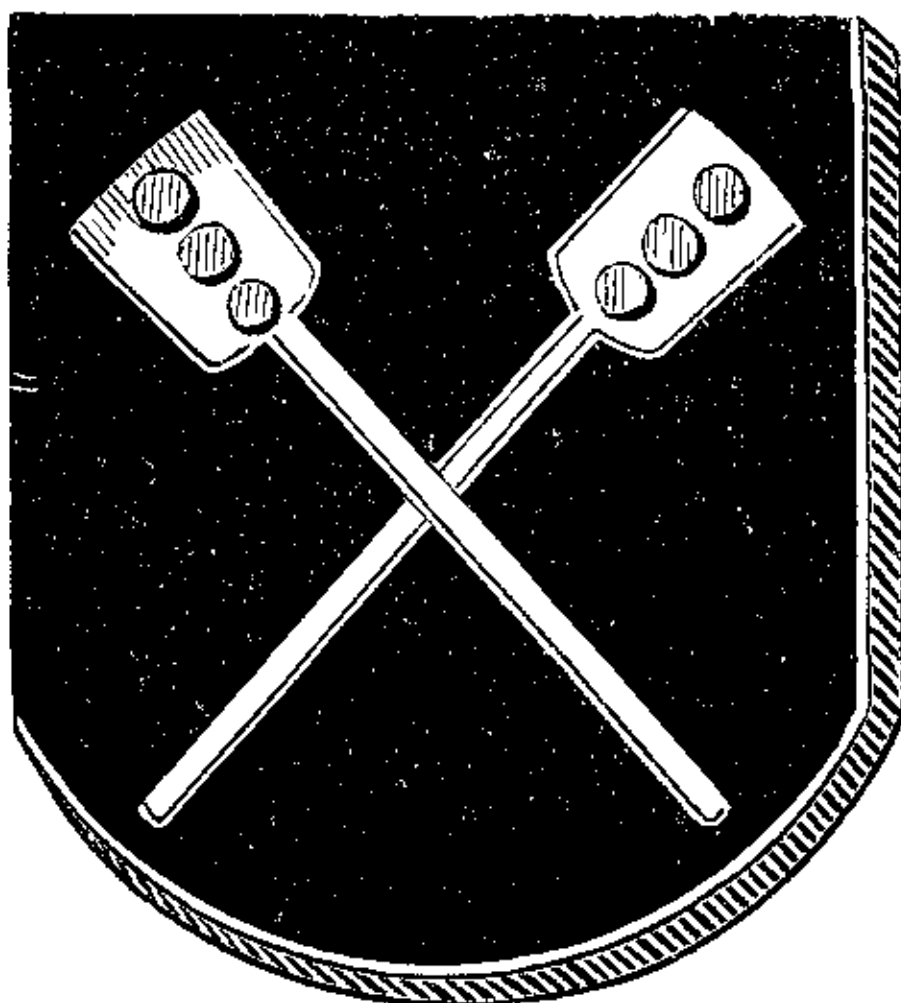

Fig. 76 —Banner of the Corporation
of Bakers of Paris.

[back](#)

Fig. 77.—Banner of the Corporation
of Bakers of Arras.

[back](#)

Fig 78 —Cultivation of Grain in use amongst the Peasants, and the Manufacture of Barley and Oat Bread.—Fac-simile of a Woodcut in an edition of Virgil published at Lyons in 1517.

[back](#)

Fig 78 —Cultivation of Grain in use amongst the Peasants, and the Manufacture of Barley and Oat Bread.—Fac-simile of a Woodcut in an edition of Virgil published at Lyons in 1517.

[back](#)

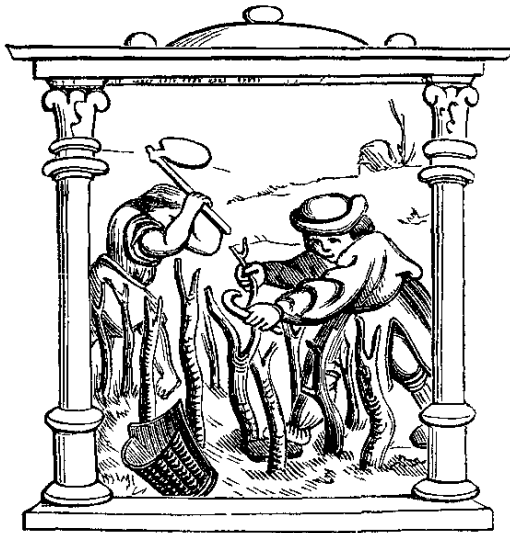
Fig. 79.—Coat-of-arms of the Grain-measureers of Ghent, on their Ceremonial Banner, dated 1568.

[back](#)

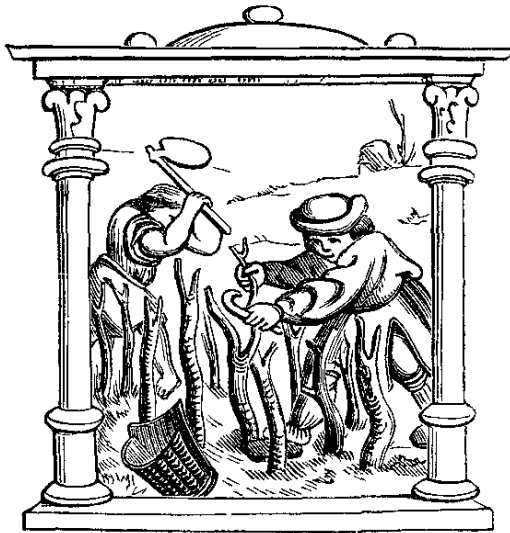
Fig. 80.—Cultivation of Fruit, from a Miniature of the “Propriétaire de Choses” (Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris).

[back](#)

Figs. 81 and 82.—Culture of the Vine and Treading the Grape.—Miniatures taken from the Calendar of a Prayer-Book, in Manuscript, of the Sixteenth Century.

[back](#)

Figs. 81 and 82.—Culture of the Vine and Treading the Grape.—Miniatures taken from the Calendar of a Prayer-Book, in Manuscript, of the Sixteenth Century.

[back](#)

Fig. 83.—The Winegrower, drawn and engraved in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig. 83.—The Winegrower, drawn and engraved in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig. 84.—Swineherd.

Fig. 85.—A Burgess at Meals.

Miniatures from the Calendar of a Book of Hours.—Manuscript of the Sixteenth Century.

[back](#)

Fig. 84.—Swineherd.

Fig. 85.—A Burgess at Meals.

Miniatures from the Calendar of a Book of Hours.—Manuscript of the Sixteenth Century.

[back](#)

Fig. 86.—Stall of Carved Wood (Fifteenth Century), representing the Proverb, “Margaritas ante Porcos,” “Throwing Pearls before Swine,” from Rouen Cathedral.

[back](#)

Fig. 87.—The Pork-butcher (*Charcutier*).—Fac-simile of a Miniature in a Charter of the Abbey of Solignac (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 88.—The Holy Ox.—Celtic Monument found in Paris under the Choir of Notre-Dame in 1711, and preserved in the Musée de Cluny et des Thermes.

[back](#)

Fig. 87.—The Pork-butcher (*Charcutier*).—Fac-simile of a Miniature in a Charter of the Abbey of Solignac (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 88.—The Holy Ox.—Celtic Monument found in Paris under the Choir of Notre-Dame in 1711, and preserved in the Musée de Cluny et des Thermes.

[back](#)

Fig. 89.—The Butcher and his Servant, drawn and engraved by J. Amman (Sixteenth Century).

[back](#)

Fig. 89.—The Butcher and his Servant, drawn and engraved by J. Amman (Sixteenth Century).

[back](#)

Figs. 90 and 91.—Seal and Counter-Seal of the Butchers of Bruges in 1356, from an impression on green wax, preserved in the archives of that town.

[back](#)

Figs. 90 and 91.—Seal and Counter-Seal of the Butchers of Bruges in 1356, from an impression on green wax, preserved in the archives of that town.

[back](#)

Fig. 92.—The Fowlerer, drawn and engraved in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig. 92.—The Fowlerer, drawn and engraved in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig. 94.—The Poultry-dealer.—Fac-simile of an Engraving on Wood, after Cesare Vecellio.

[back](#)

Fig. 93.—Barnacle Geese.—Fac-simile of an Engraving on Wood, from the “Cosmographie Universelle” of Munster, folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 94.—The Poultry-dealer.—Fac-simile of an Engraving on Wood, after Cesare Vecellio.

[back](#)

Fig 95 —State Banquet —Serving the Peacock —Fac-simile of a Woodcut in an edition of Virgil,
folio, published at Lyons in 1517

[back](#)

Fig 95 —State Banquet —Serving the Peacock —Fac-simile of a Woodcut in an edition of Virgil,
folio, published at Lyons in 1517

[back](#)

Fig. 96.—“The way to skin and cut up a Stag.”—Fac-simile of a Miniature of “Phœbus, and his Staff for hunting Wild Animals” (Manuscript of the Fifteenth Century, National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 96.—“The way to skin and cut up a Stag.”—Fac-simile of a Miniature of “Phœbus, and his Staff for hunting Wild Animals” (Manuscript of the Fifteenth Century, National Library of Paris).

[back](#)

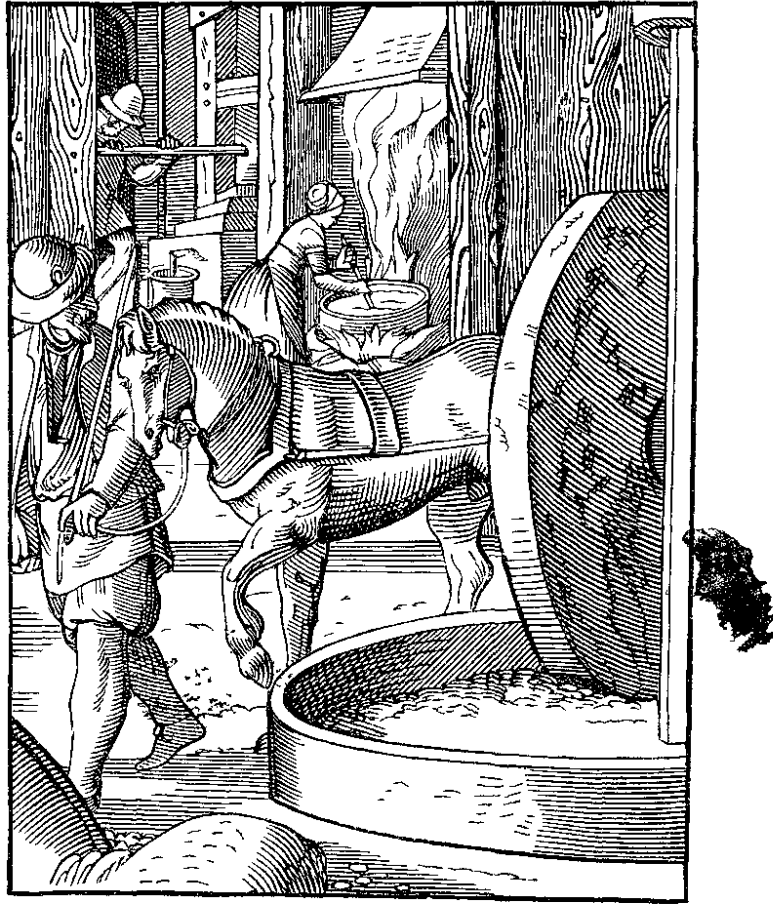

Fig. 97.—The Manufacture of Oil, drawn and engraved by J. Amman in the Sixteenth Century.

[back](#)

Fig. 98.—A Dealer in Eggs.—Fac-simile of a Woodcut, after Cesare Vecellio, Sixteenth Century.

[back](#)

Fig. 98.—A Dealer in Eggs.—Fac-simile of a Woodcut, after Cesare Vecellio, Sixteenth Century.

[back](#)

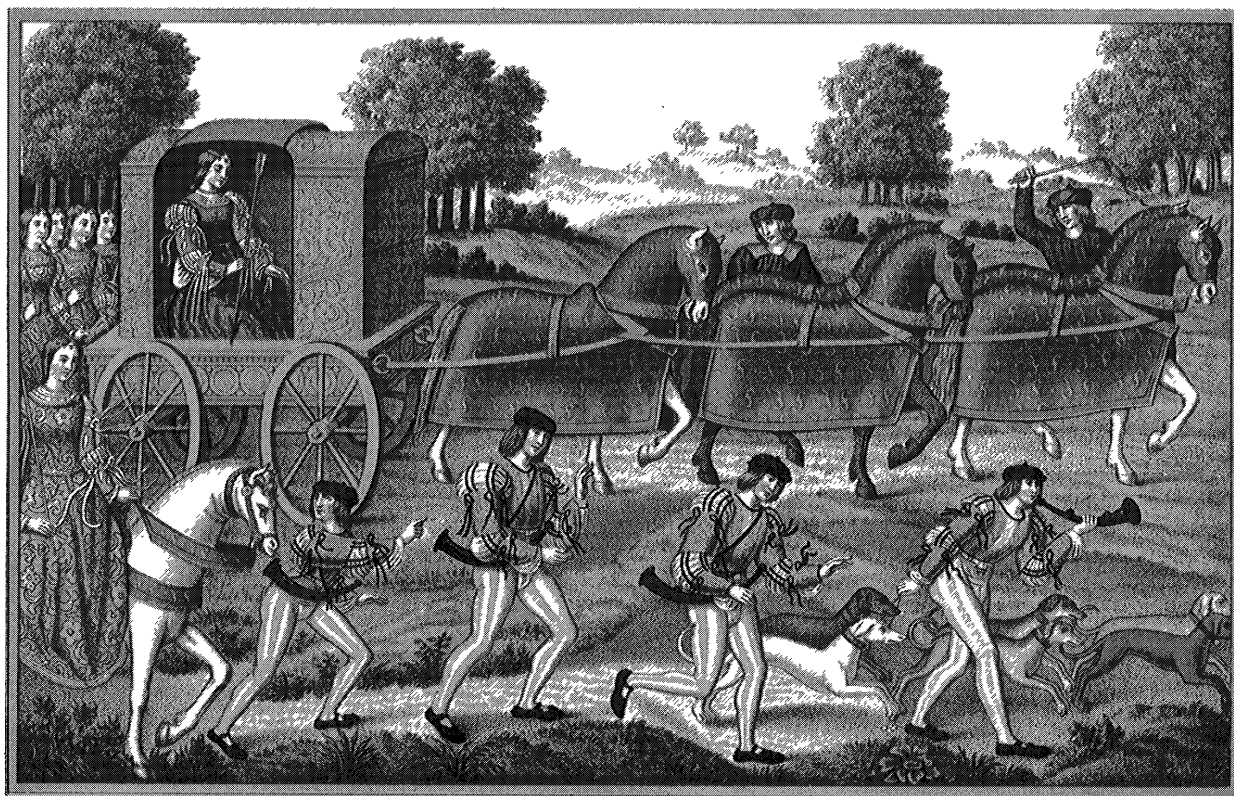

TABLE SERVICE OF A LADY OF QUALITY.

Fac simile of a miniature from the *Romance of Renaud de Montauban*, a ms. of fifteenth century.

Bibl. de l'Arsenal

[back](#)

LADIES HUNTING.

Costumes of the fifteenth century. From a miniature in a ms. copy of *Ovid's Epistles*, N° 7231 bis, Bibl. nat^l de Paris.

[back](#)

Fig 99 —Manufacture of Cheeses in Switzerland —Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster, folio, Basle, 1549.

[back](#)

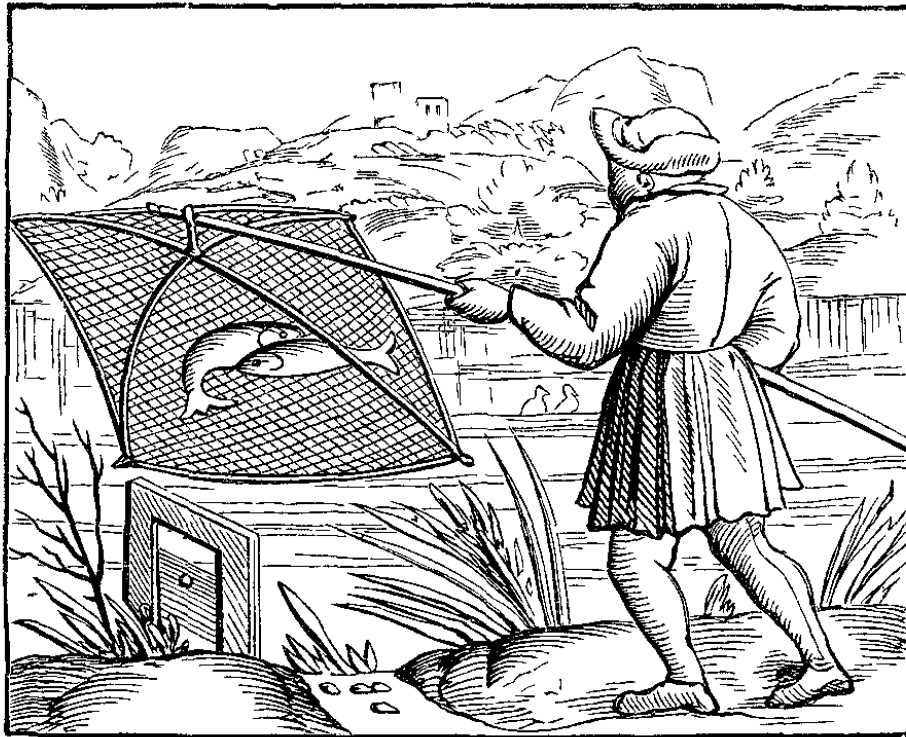

Fig. 100.—The Pond Fisherman.—Fac-simile of a Woodcut of the “Cosmographie Universelle” of Munster, folio, Basle, 1549.

[back](#)

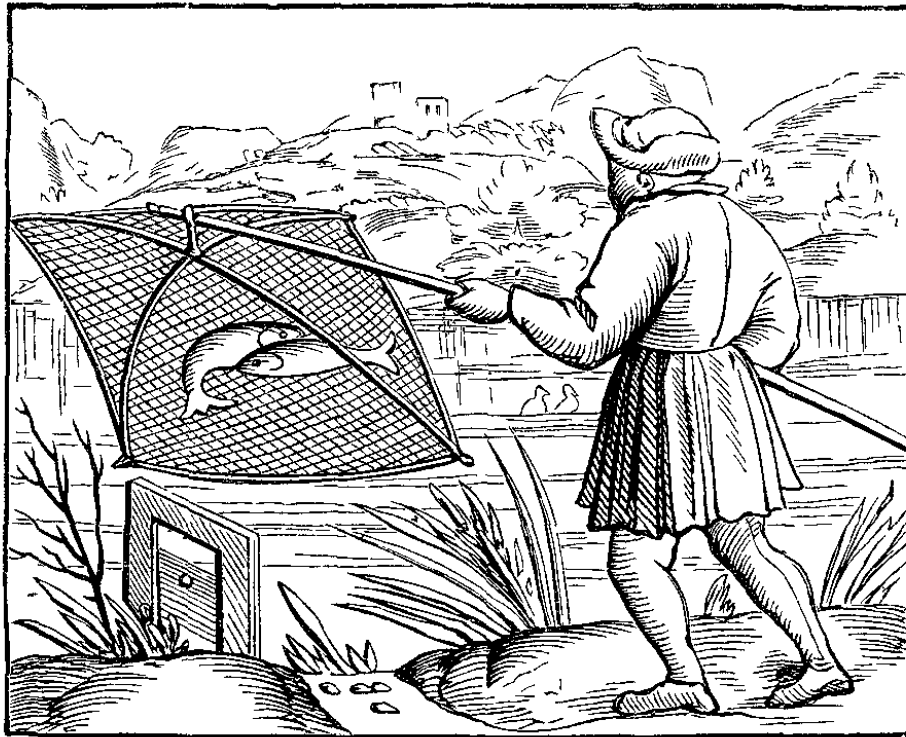

Fig. 100.—The Pond Fisherman.—Fac-simile of a Woodcut of the “Cosmographie Universelle” of Munster, folio, Basle, 1549.

[back](#)

Fig. 101.—The River Fisherman, designed and engraved, in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

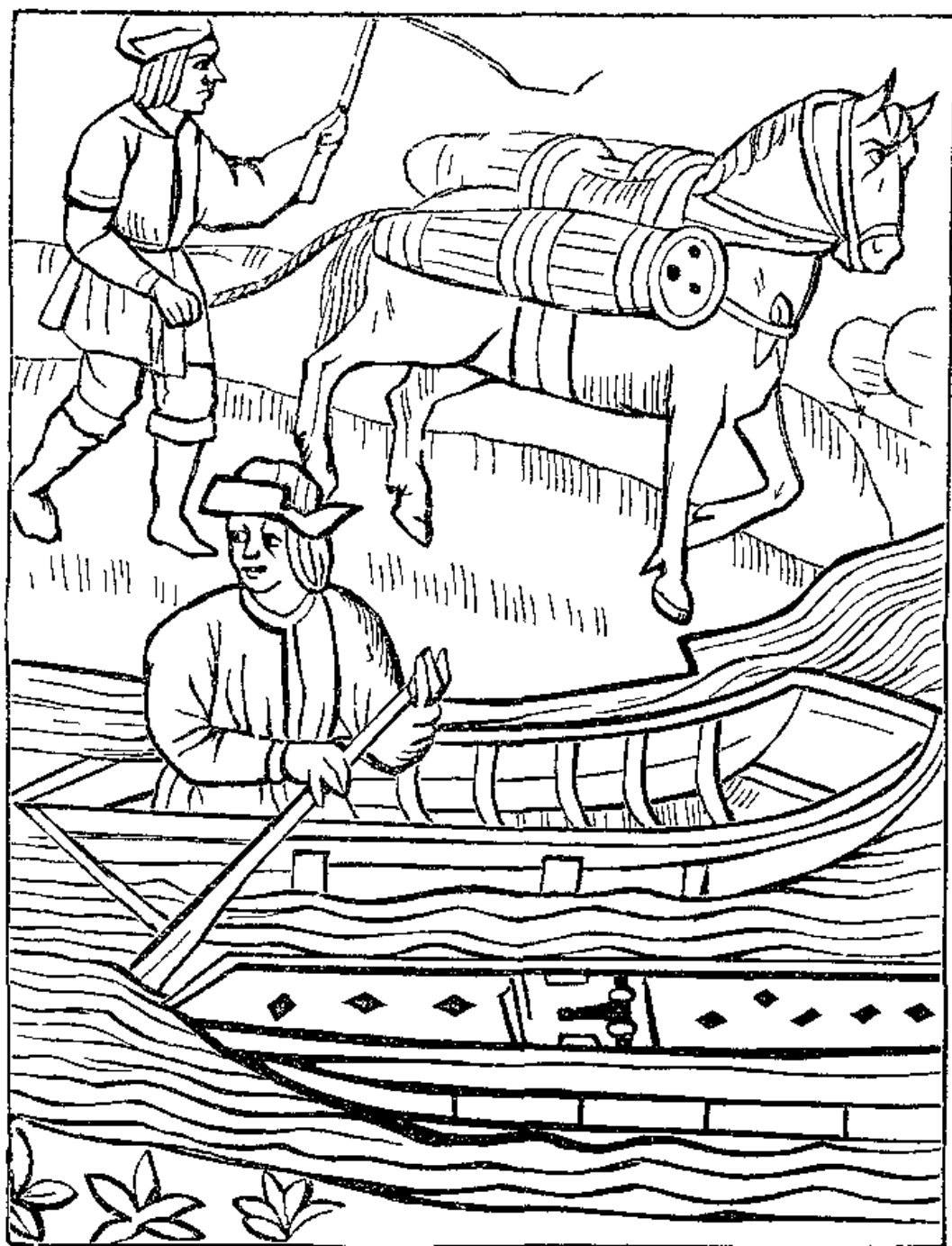

Fig. 102.—Conveyance of Fish by Water and Land.—Fac-simile of an Engraving in the Royal Statutes of the Provostship of Merchants, 1528.

[back](#)

Fig. 101.—The River Fisherman, designed and engraved, in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

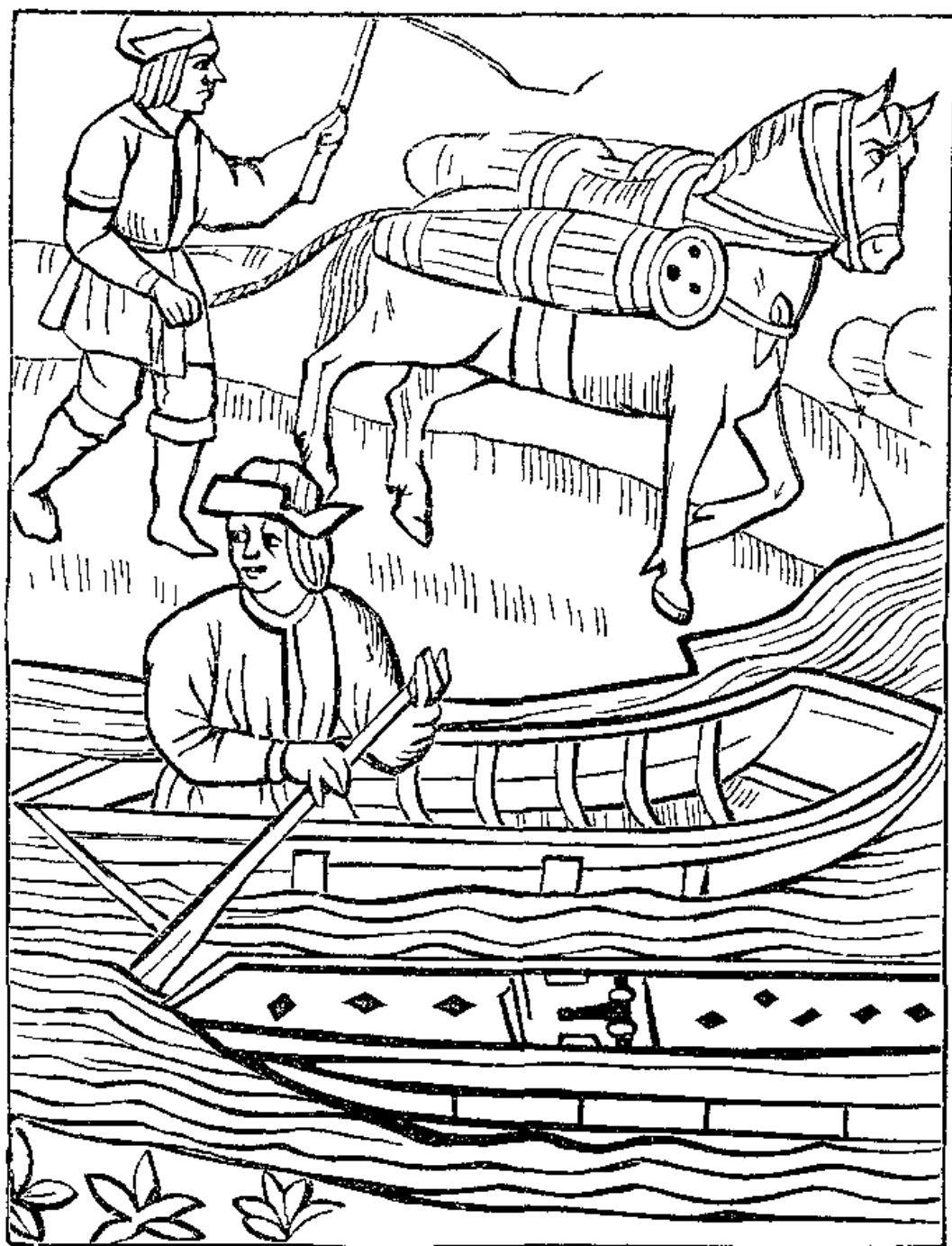

Fig. 102.—Conveyance of Fish by Water and Land.—Fac-simile of an Engraving in the Royal Statutes of the Provostship of Merchants, 1528.

[back](#)

Fig 103 —A Votive Altar of the Nautes Parisiens, or the Company for the Commercial Navigation of the Seine, erected in Lutetia during the reign of Tiberius —Fragments of this Altar, which were discovered in 1711 under the Choir of the Church of Notre-Dame, are preserved in the Museums of Cluny and the Palais des Thermes

[back](#)

Fig 103 —A Votive Altar of the Nautes Parisiens, or the Company for the Commercial Navigation of the Seine, erected in Lutetia during the reign of Tiberius —Fragments of this Altar, which were discovered in 1711 under the Choir of the Church of Notre-Dame, are preserved in the Museums of Cluny and the Palais des Thermes

[back](#)

Fig. 104.—The Great Drinkers of the North.—Fac-simile of a Woodcut of the “Histoires des Pays Septentrionaux,” by Olaus Magnus, 16mo., Antwerp, 1560.

[back](#)

Fig. 104.—The Great Drinkers of the North.—Fac-simile of a Woodcut of the “Histoires des Pays Septentrionaux,” by Olaus Magnus, 16mo., Antwerp, 1560.

[back](#)

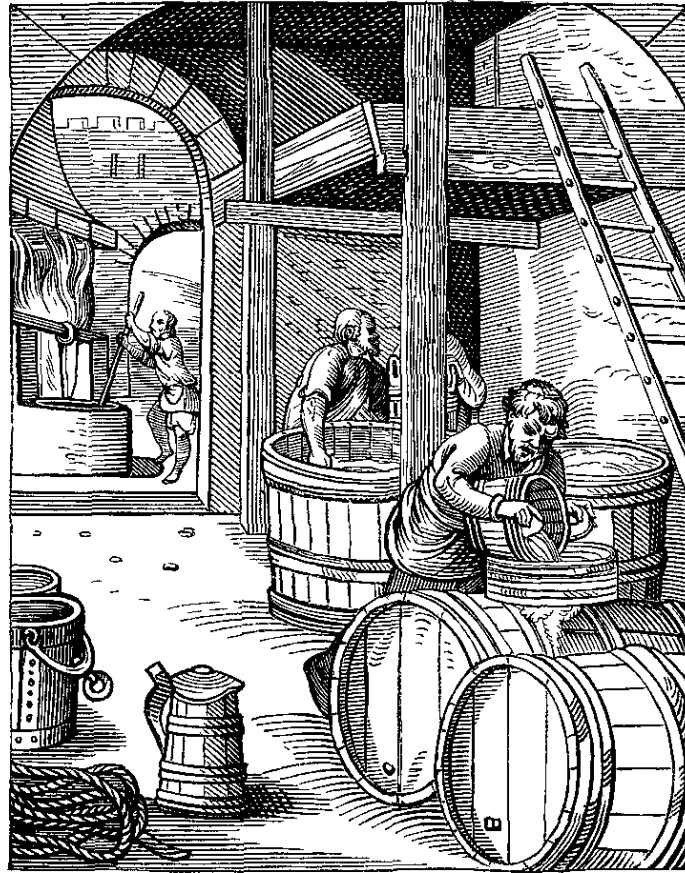

Fig. 105.—The Brewer, designed and engraved, in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

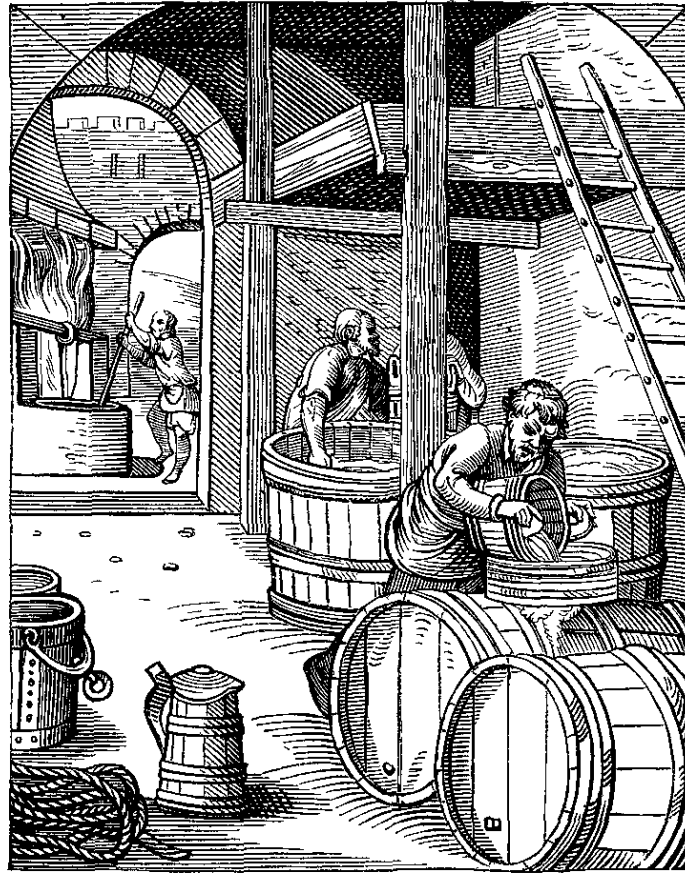

Fig. 105.—The Brewer, designed and engraved, in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig 106 —The Vintagers, after a Miniature of the “Dialogues de Saint Giegoire” (Thirteenth Century).—Manuscript of the Royal Library of Brussels.

[back](#)

Fig 106 —The Vintagers, after a Miniature of the “Dialogues de Saint Giegoire” (Thirteenth Century).—Manuscript of the Royal Library of Brussels.

[back](#)

Fig 107 —Interior of an Hostelry —Fac-simile of a Woodcut in a folio edition of Virgil, published at Lyons in 1517.

[back](#)

Fig 107 —Interior of an Hostelry —Fac-simile of a Woodcut in a folio edition of Virgil, published at Lyons in 1517.

[back](#)

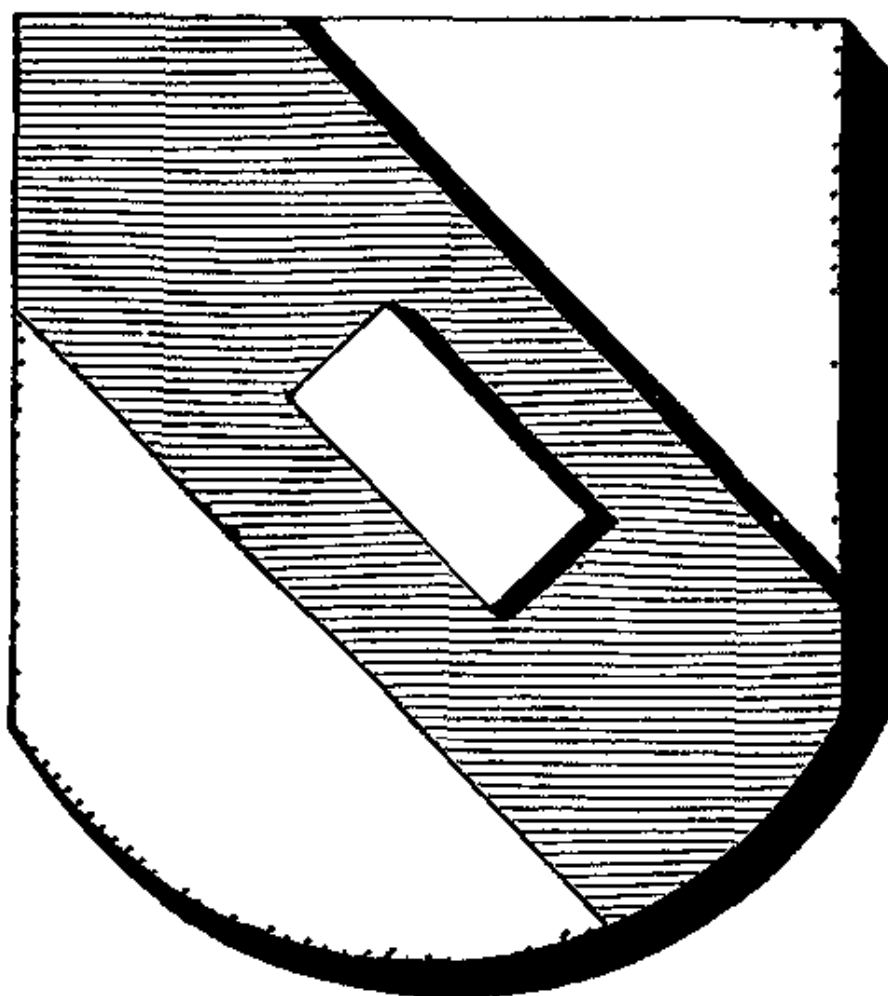

Fig 108 —Banner of the Corporation of the
Publichouse keepers of Montmedy.

[back](#)

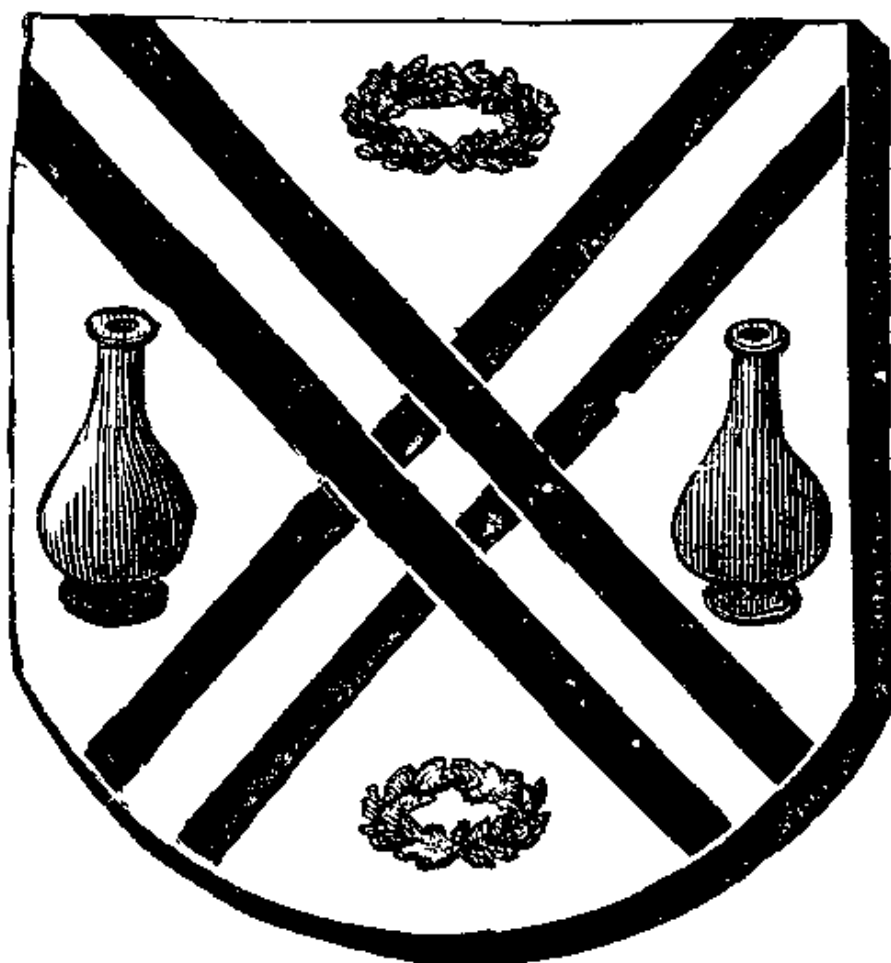

Fig 109 —Banner of the Corporation of the
Pubhchouse keepers of Tonnerie

[back](#)

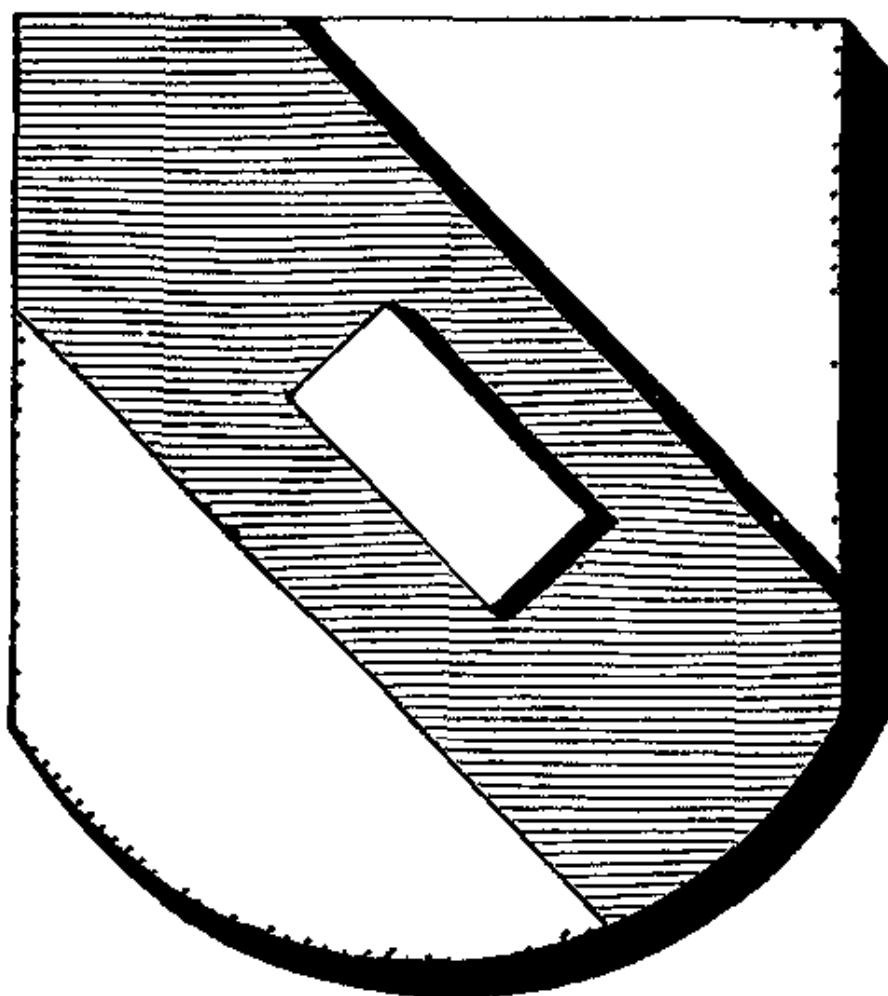

Fig 108 —Banner of the Corporation of the
Publichouse keepers of Montmedy.

[back](#)

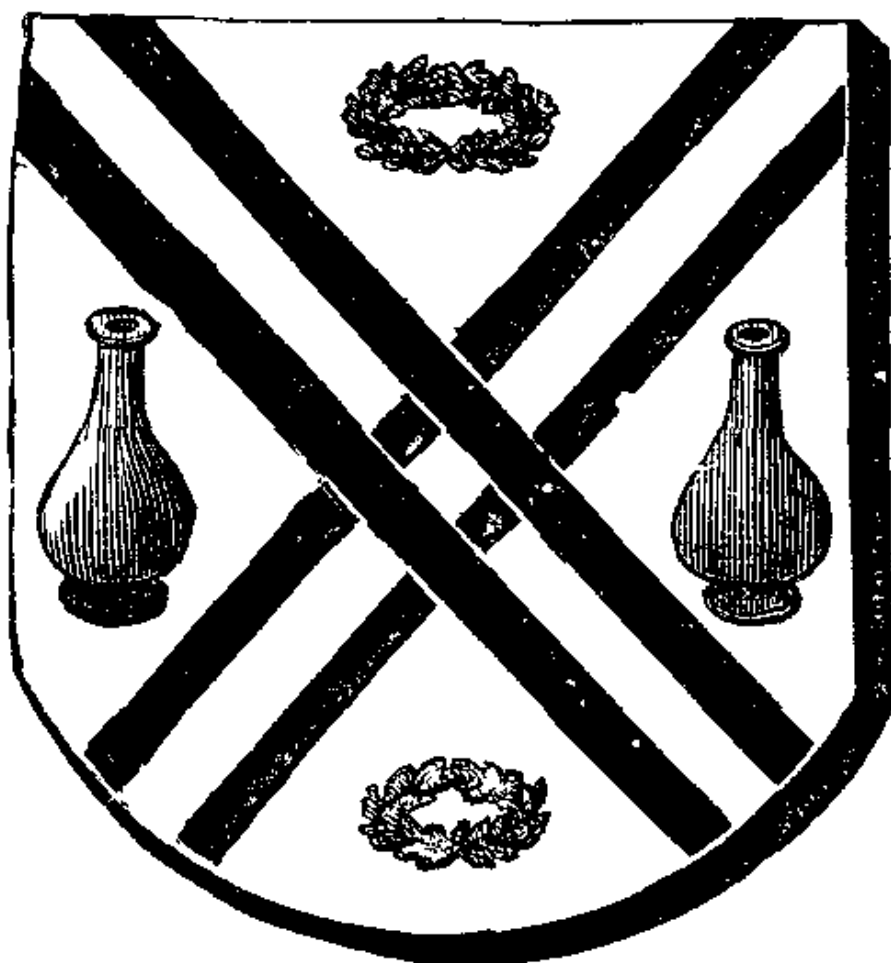

Fig 109 —Banner of the Corporation of the
Pubhchouse keepers of Tonnerie

[back](#)

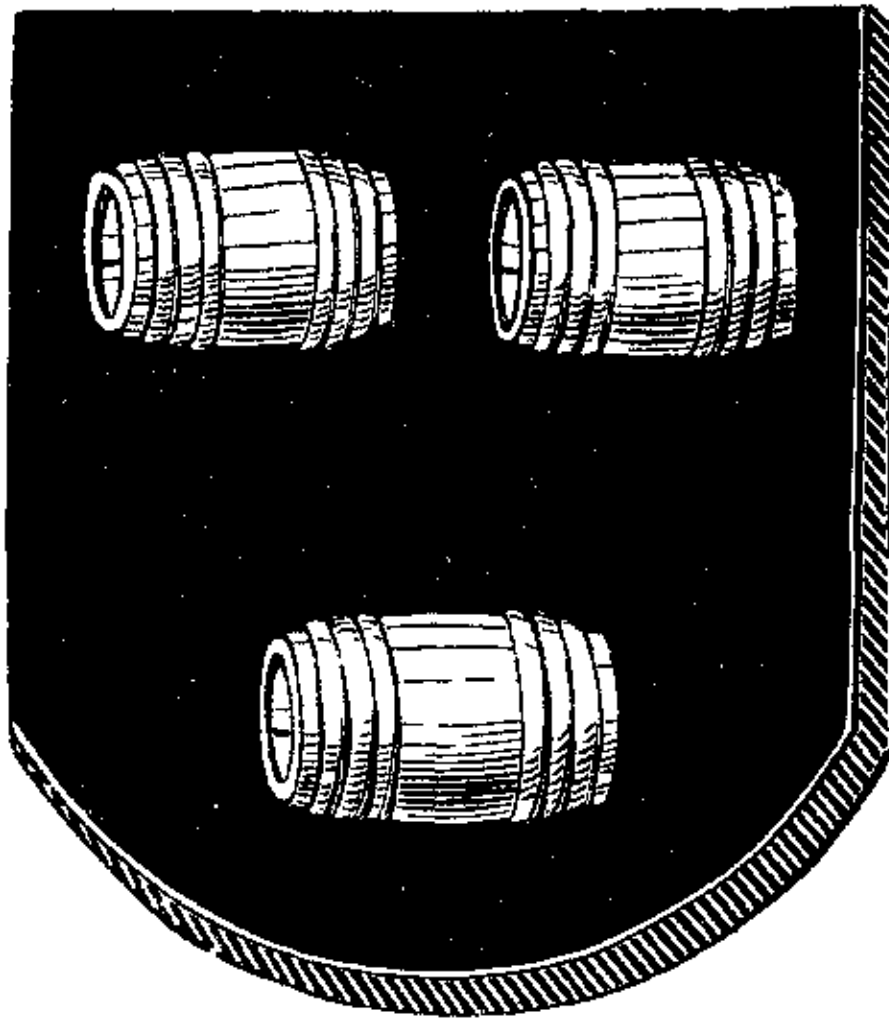

Fig 110.—Banner of the Coopers
of Bayonne.

[back](#)

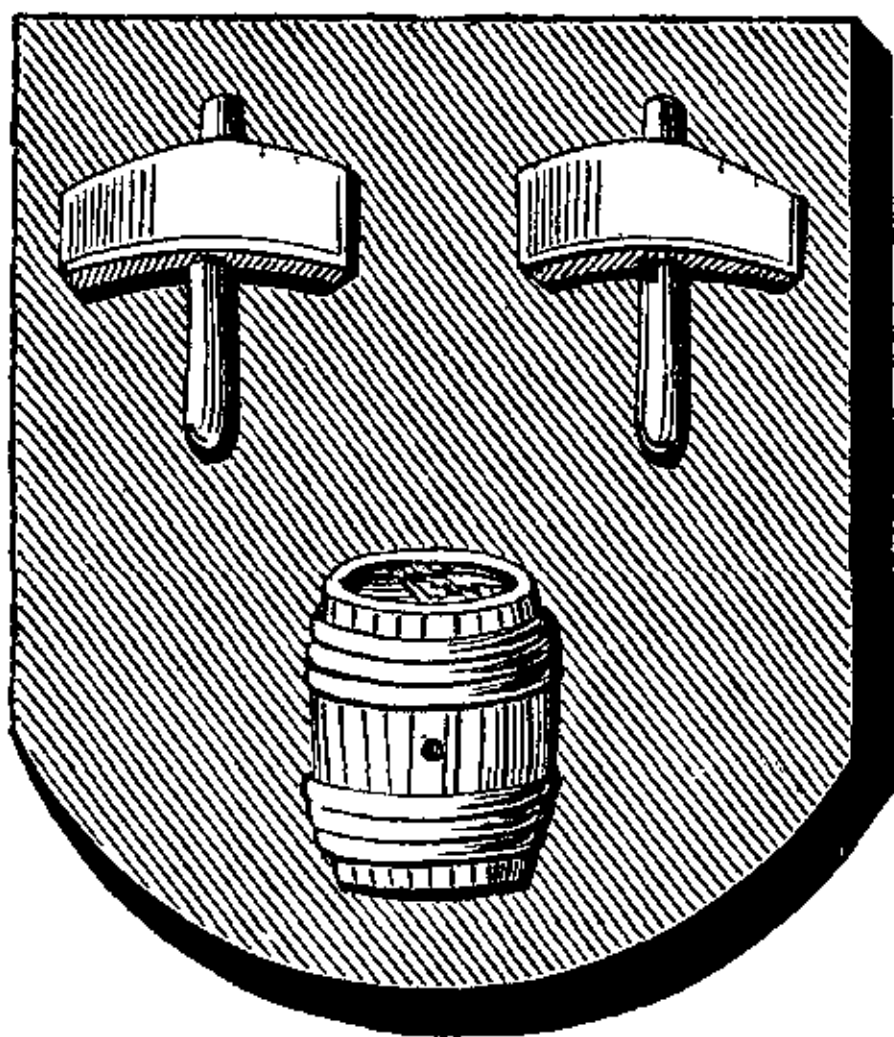

Fig. 111.—Banner of the Coopers
of La Rochelle.

[back](#)

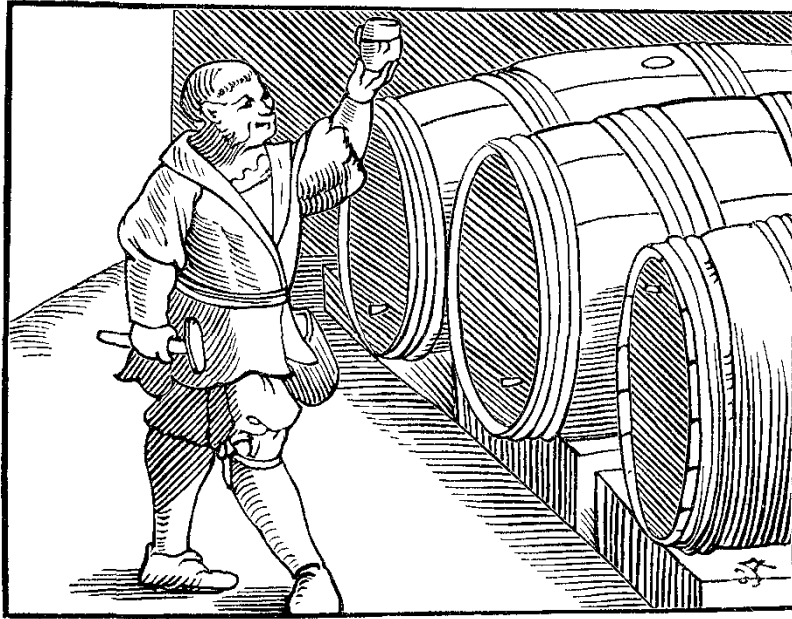

Fig. 112.—Butler at his Duties.—Fac-simile from a Woodcut in the “*Cosmographie Universelle*,” of Munster, folio, Basle, 1549.

[back](#)

Fig. 113.—Interior of a Kitchen of the Sixteenth Century.—Fac-simile from a Woodcut in the
“*Calendarium Romanum*” of Jean Staëffler, folio, Tübingen, 1518. -

[back](#)

Fig. 114.—Coppersmith, designed and engraved in the Sixteenth Century by J. Amman.

[back](#)

Fig. 115.—Kitchen and Table Utensils: —1, Carving-knife (Sixteenth Century) ; 2, Chalice or Cup, with Cover (Fourteenth Century) ; 3, Doubled-handled Pot, in Copper (Ninth Century) ; 4, Metal Boiler, or Tin Pot, taken from “L’Histoire de la Belle Helaine” (Fifteenth Century) ; 5, Knife (Sixteenth Century) ; 6, Pot, with Handles (Fourteenth Century) ; 7, Copper Boiler, taken from “L’Histoire de la Belle Helaine” (Fifteenth Century) ; 8, Ewer, with Handle, in Oriental Fashion (Ninth Century) ; 9, Pitcher, sculptured, from among the Decorations of the Church of St. Benedict, Paris (Fifteenth Century) ; 10, Two-branched Candlestick (Sixteenth Century) ; 11, Cauldron (Fifteenth Century).

[back](#)

Fig. 116.—Interior of a Kitchen.—Fac-simile from a Woodcut in the “*Calendarium Romanum*” of J. Staëffler, folio, Tübingen, 1518.

[back](#)

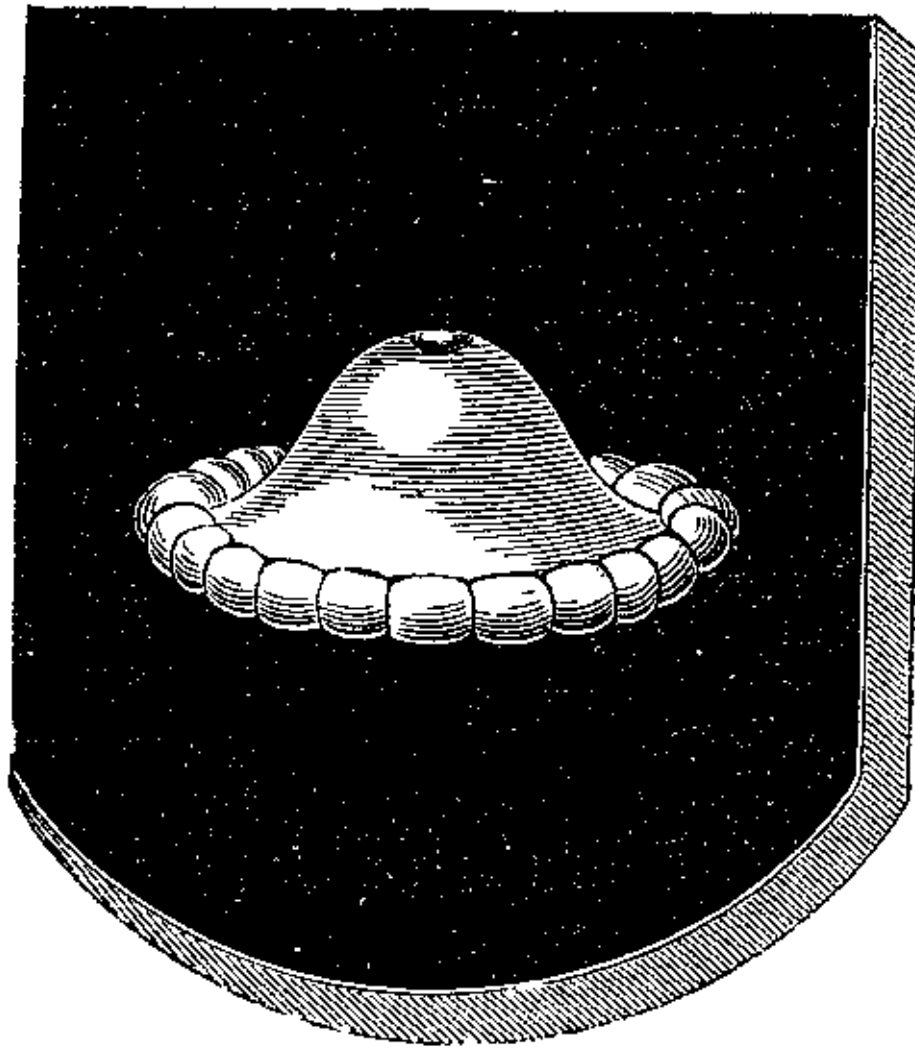

Fig. 117.—Banner of the Corporation of
Pastrycooks of Caen.

[back](#)

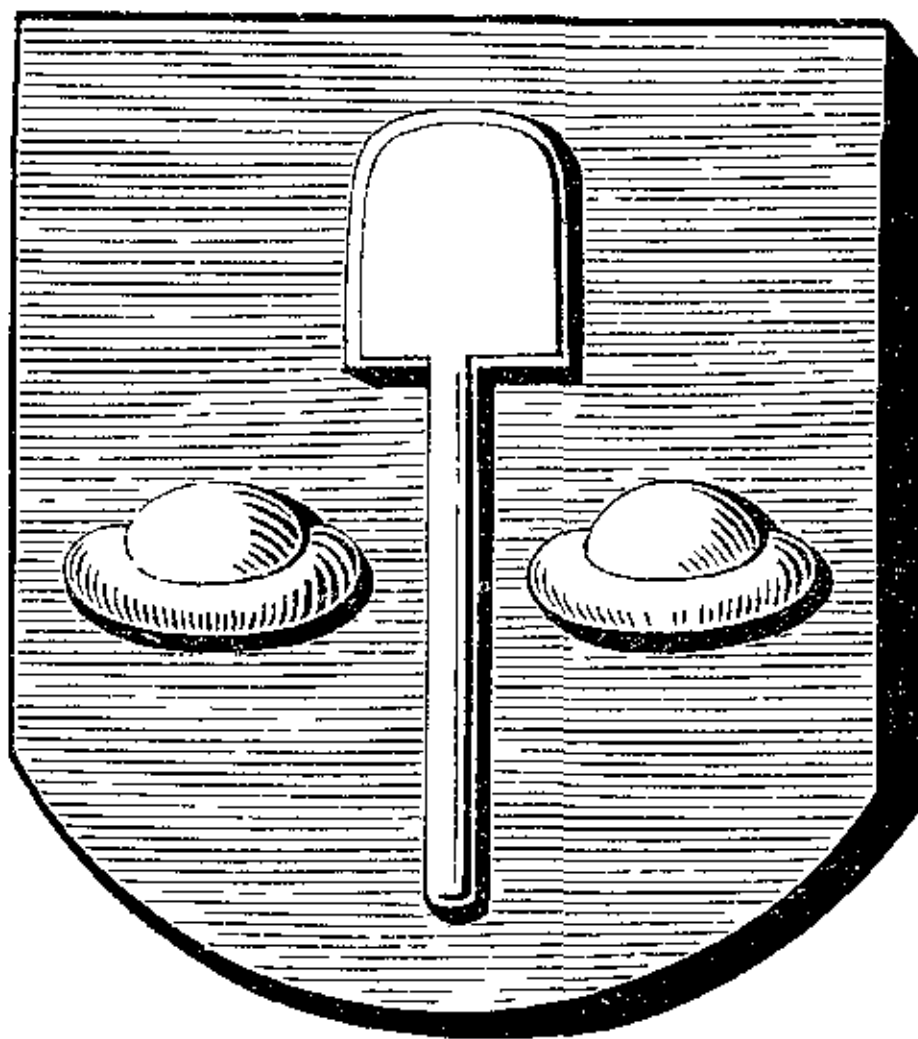

Fig. 118.—Banner of the Corporation of Pastrycooks of Bordeaux.

[back](#)

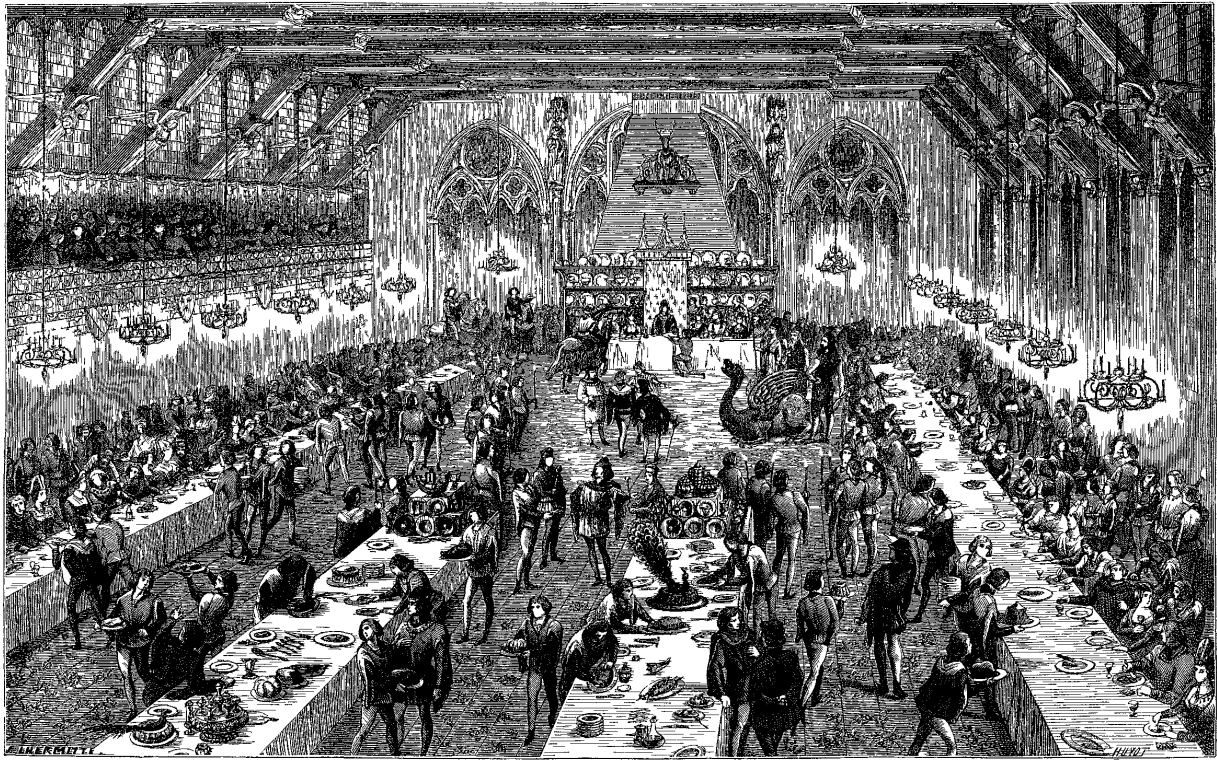

Fig. 130 —Grand Ceremonial Banquet at the Court of France in the Fourteenth Century, archaeological Restoration from Miniatures and Narratives of the Period.
From the "Dictionnaire du Mobilier Français" of M. Viollet-Leduc

[back](#)

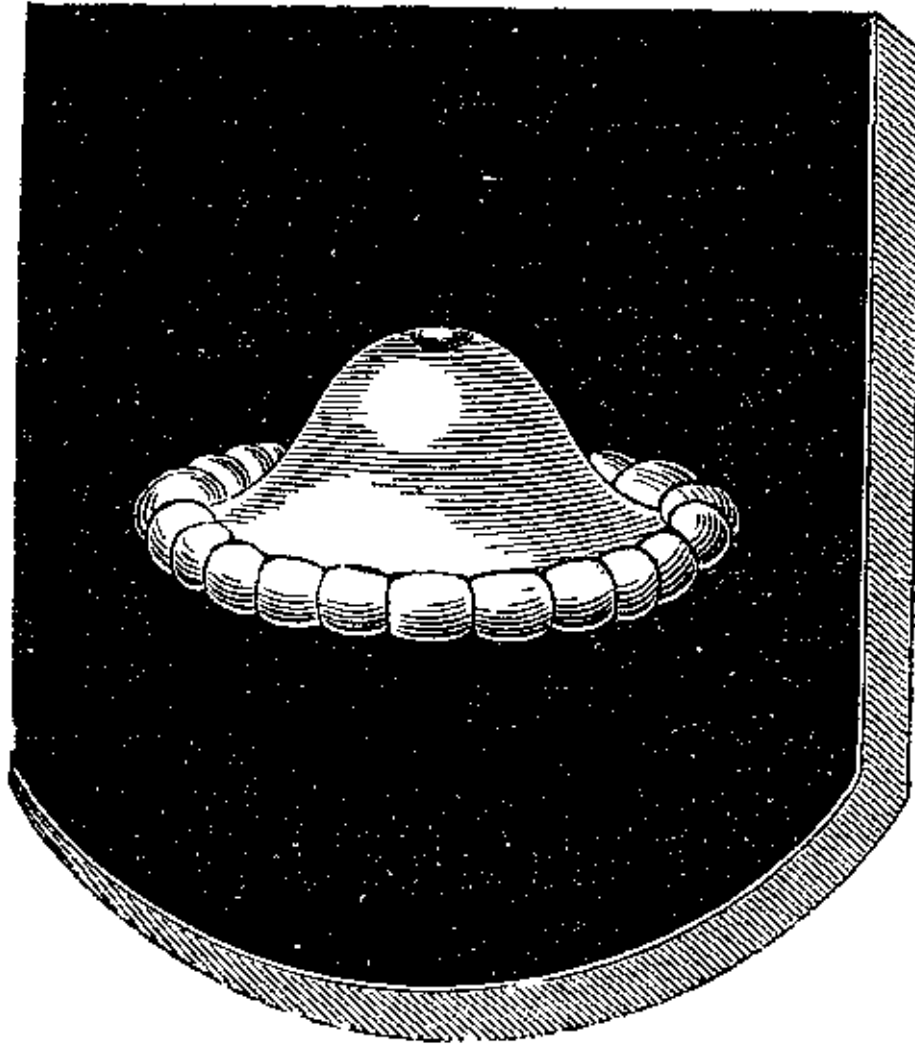

Fig. 117.—Banner of the Corporation of
Pastrycooks of Caen.

[back](#)

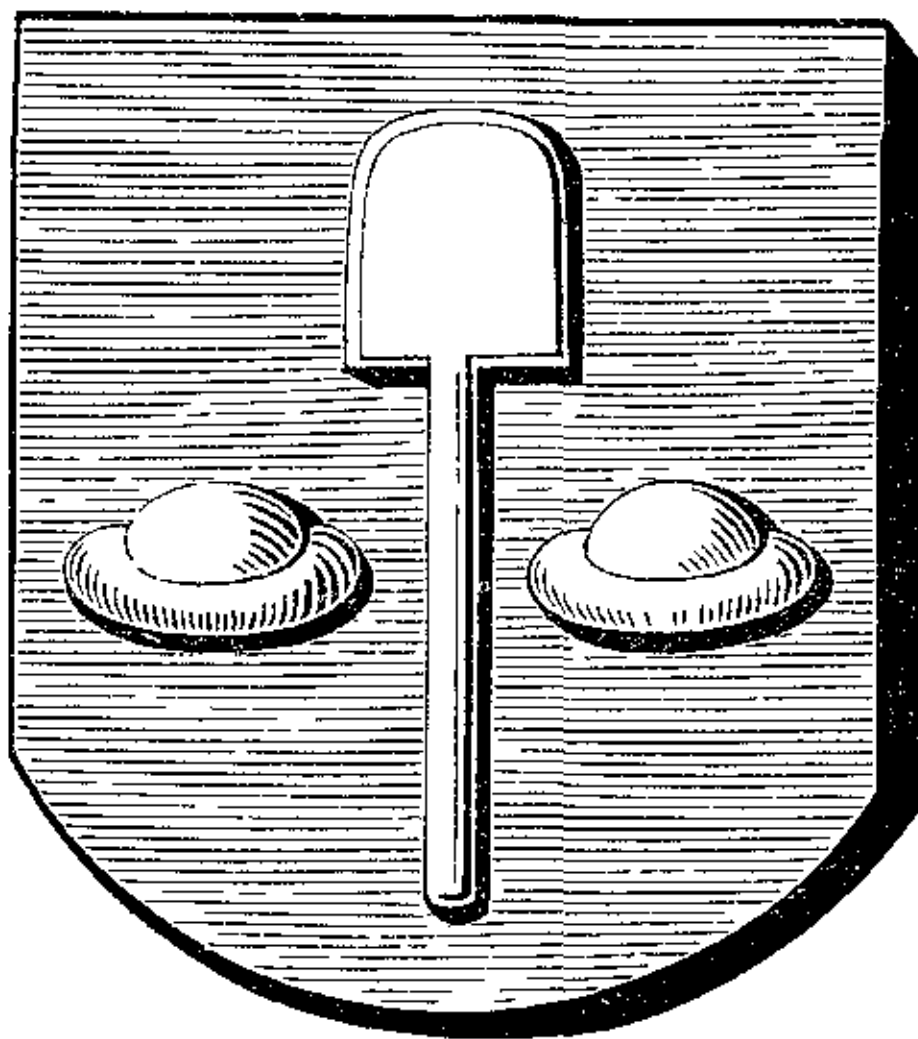

Fig. 118.—Banner of the Corporation of Pastrycooks of Bordeaux.

[back](#)

Fig. 119.—Interior of Italian Kitchen.—Fac-simile of a Woodcut in the Book on Cookery of Christoforo di Messisburgo, “*Banchetti compositioni di Vivende*,” 4to., Ferrara, 1549.

[back](#)

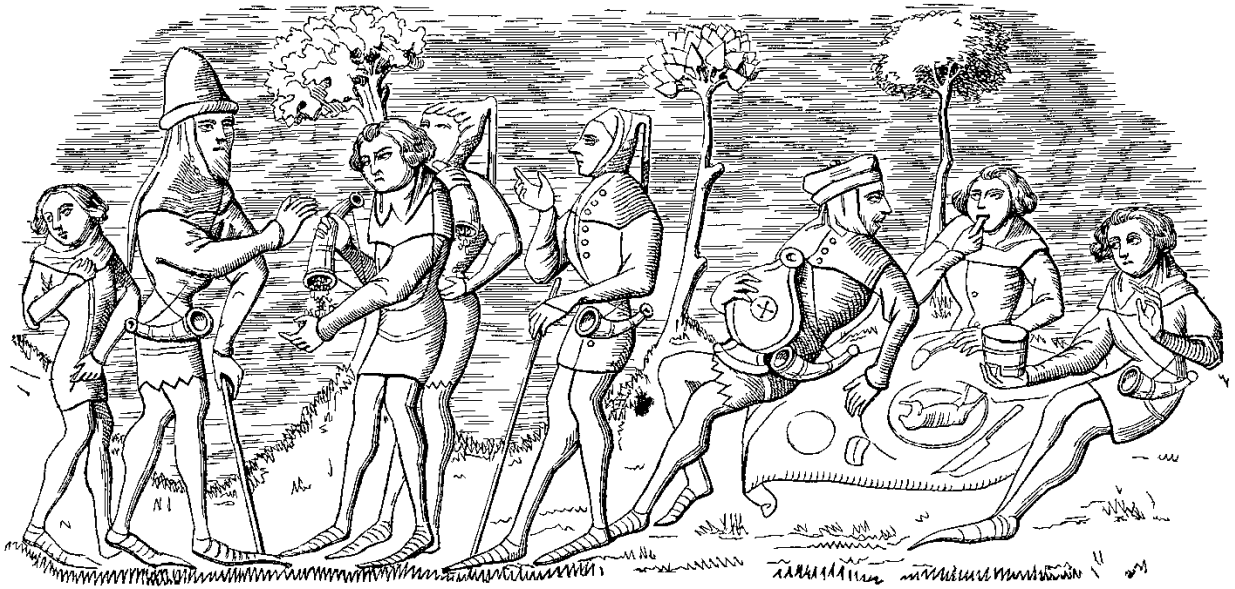

Fig 120 —Hunting-Meal —Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “*Livre du Roy Modus*” (National Library of Paris)

[back](#)

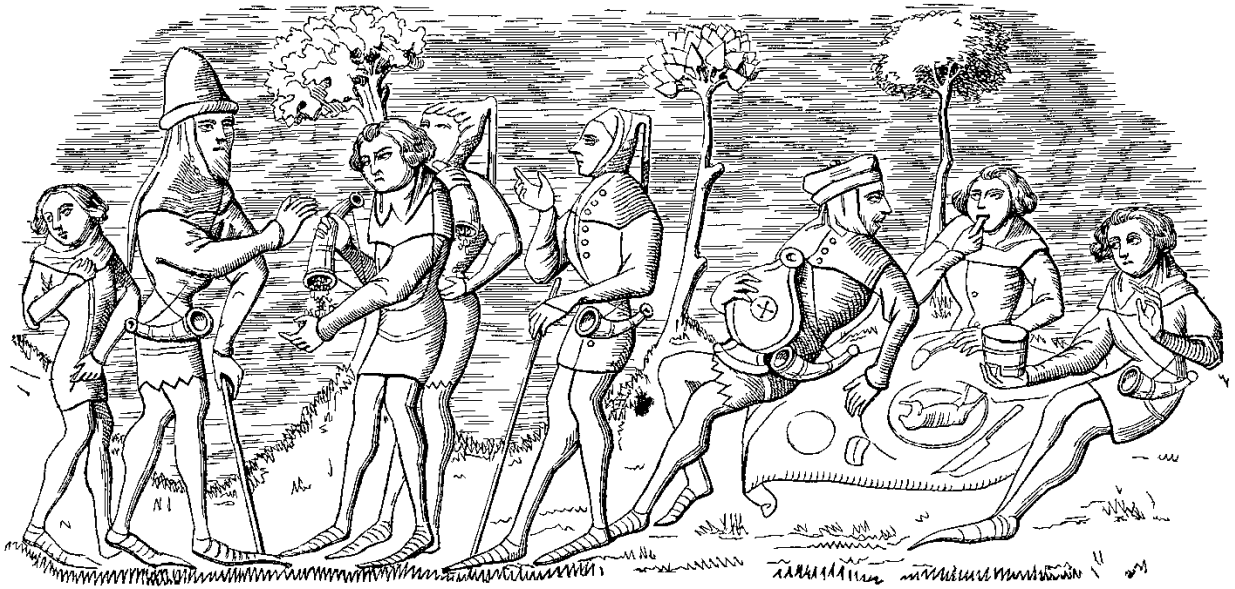

Fig 120 —Hunting-Meal —Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “*Livre du Roy Modus*” (National Library of Paris)

[back](#)

Fig. 121.—Shop of a Grocer and Druggist, from a Stamp of Vriese (Seventeenth Century).

[back](#)

Fig. 121.—Shop of a Grocer and Druggist, from a Stamp of Vriese (Seventeenth Century).

[back](#)

Fig. 122.—The Cook, drawn and engraved, in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig. 122.—The Cook, drawn and engraved, in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

Fig. 123.—The *Issue de Table*.—Fac-simile of a Woodcut in the Treatise of Christoforo di Messisburgo, “Banchetti compositioni di Vivende,” 4to., Ferrara, 1549.

[back](#)

Fig. 123.—The *Issue de Table*.—Fac-simile of a Woodcut in the Treatise of Christoforo di Messisburgo, “Banchetti compositioni di Vivende,” 4to., Ferrara, 1549.

[back](#)

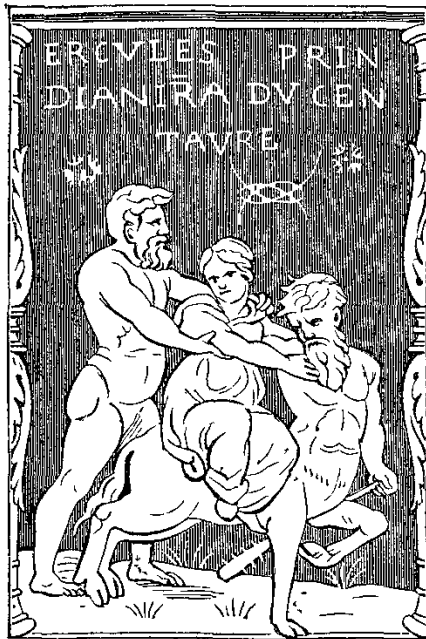
Fig. 121.—Shop of a Grocer and Druggist, from a Stamp of Vriese (Seventeenth Century).

[back](#)

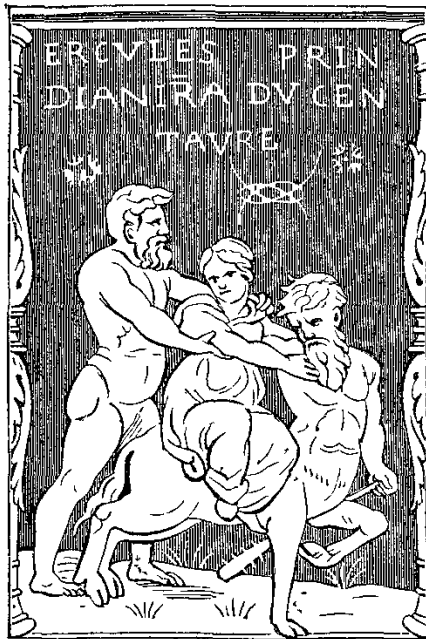
Fig. 125.—Officers of the Table and of the Chamber of the Imperial Court: Cup-bearer, Cook, Barber, and Tailor, from a Picture in the “Triomphe de Maximilien I.,” engraved by J. Resch, Burgmayer, and others (1512), from Drawings by Albert Durer.

[back](#)

Figs. 126 and 127.—Sides of an Enamelled Salt-cellar, with six facings representing the Labours of Hercules, made at Limoges, by Pierre Raymond, for Francis I.

[back](#)

Figs. 126 and 127.—Sides of an Enamelled Salt-cellar, with six facings representing the Labours of Hercules, made at Limoges, by Pierre Raymond, for Francis I.

[back](#)

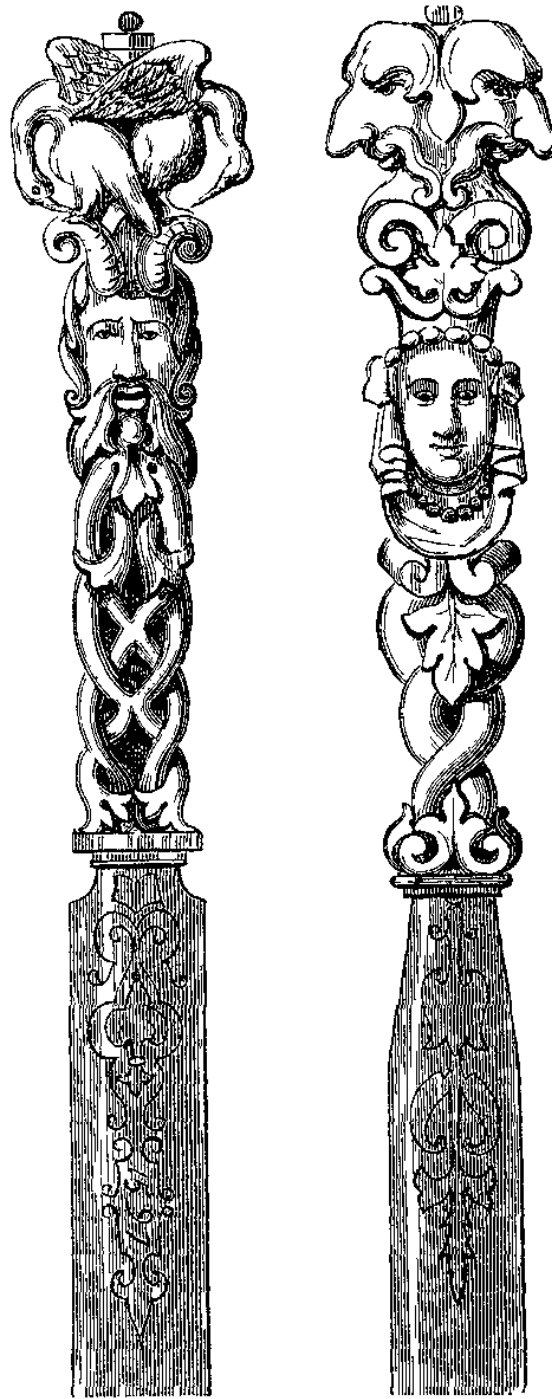

Fig 128 —Knife handles in Sculptured Ivory, Sixteenth Century
(Collection of M Becker, of Frankfort)

[back](#)

Fig 128 —Knife handles in Sculptured Ivory, Sixteenth Century (Collection of M Becker, of Frankfort)

Fig 129 —Nut crackers, in Boxwood, Sixteenth Century (Collection of M Achille Jubinal)

[back](#)

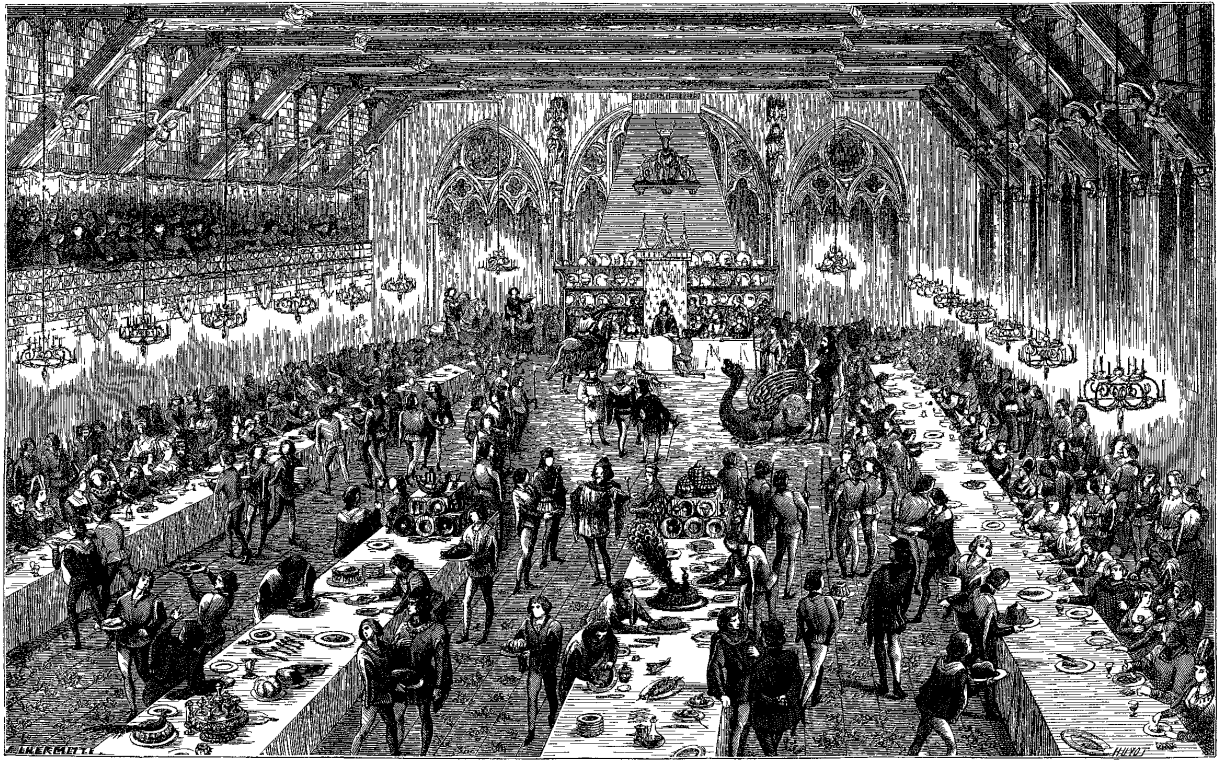

Fig. 130 —Grand Ceremonial Banquet at the Court of France in the Fourteenth Century, archaeological Restoration from Miniatures and Narratives of the Period.
From the "Dictionnaire du Mobilier Français" of M. Viollet-Leduc

[back](#)

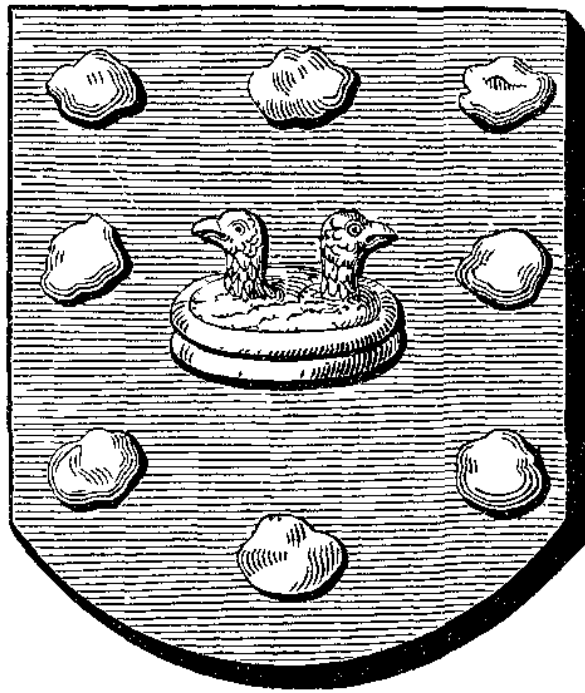

Fig. 131 —Banner of the Corporation of Pastrycooks of Tonnerre.

[back](#)

Fig 132 —Gaston Phœbus teaching the Art of Venery —Fac simile of a Miniature of “Phœbus and his Staff for Hunting Wild Animals and Birds of Prey” (Manuscript, Fifteenth Century, National Library of Paris)

[back](#)

Fig 132 —Gaston Phœbus teaching the Art of Venery —Fac simile of a Miniature of “Phœbus and his Staff for Hunting Wild Animals and Birds of Prey” (Manuscript, Fifteenth Century, National Library of Paris)

[back](#)

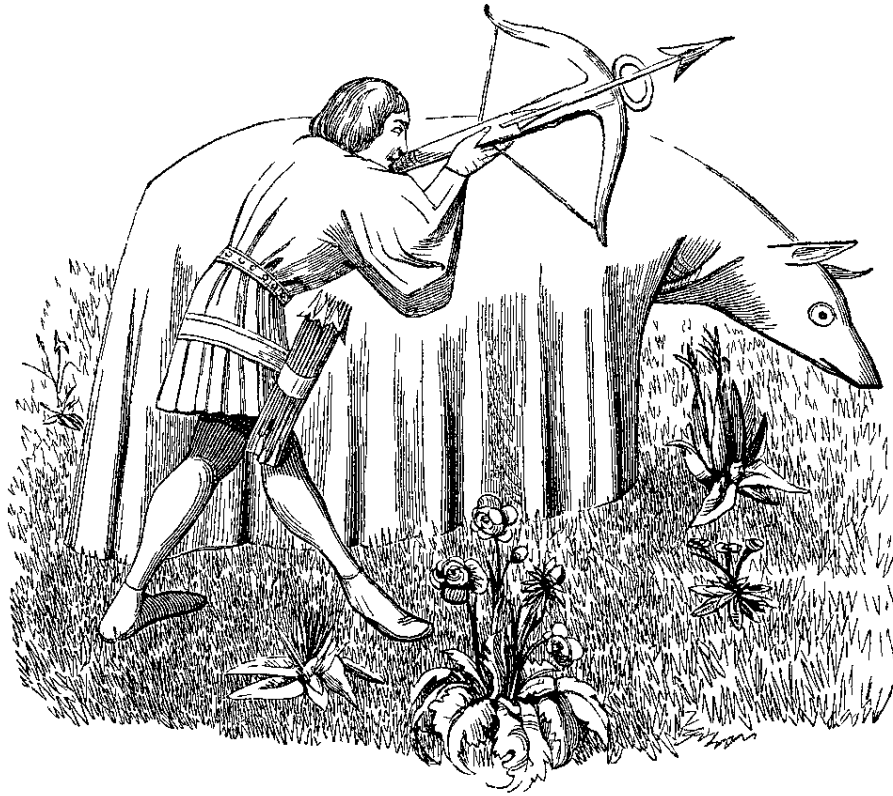

Fig. 133.—“How to carry a Cloth to approach Beasts.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century).

[back](#)

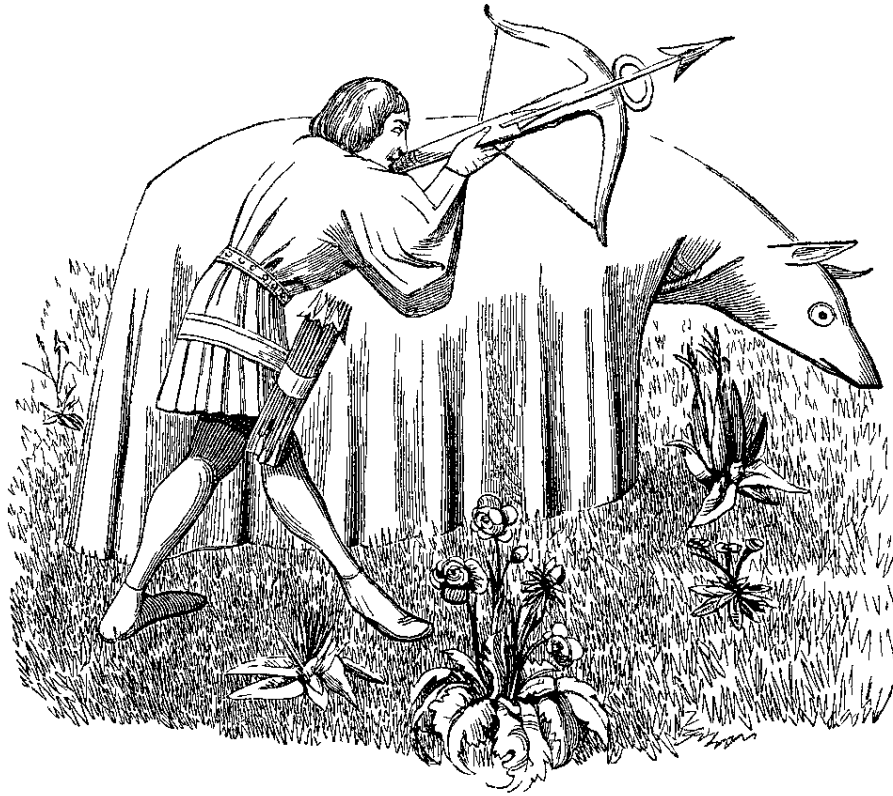

Fig. 133.—“ How to carry a Cloth to approach Beasts.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century).

[back](#)

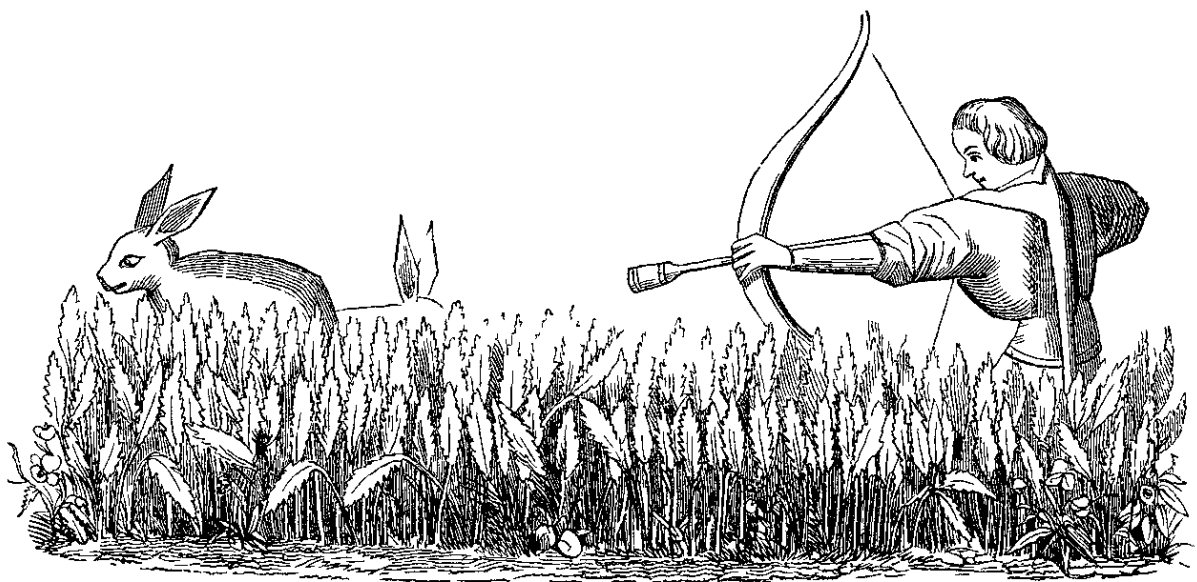

Fig. 134.—“ How to allure the Hare.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century).

[back](#)

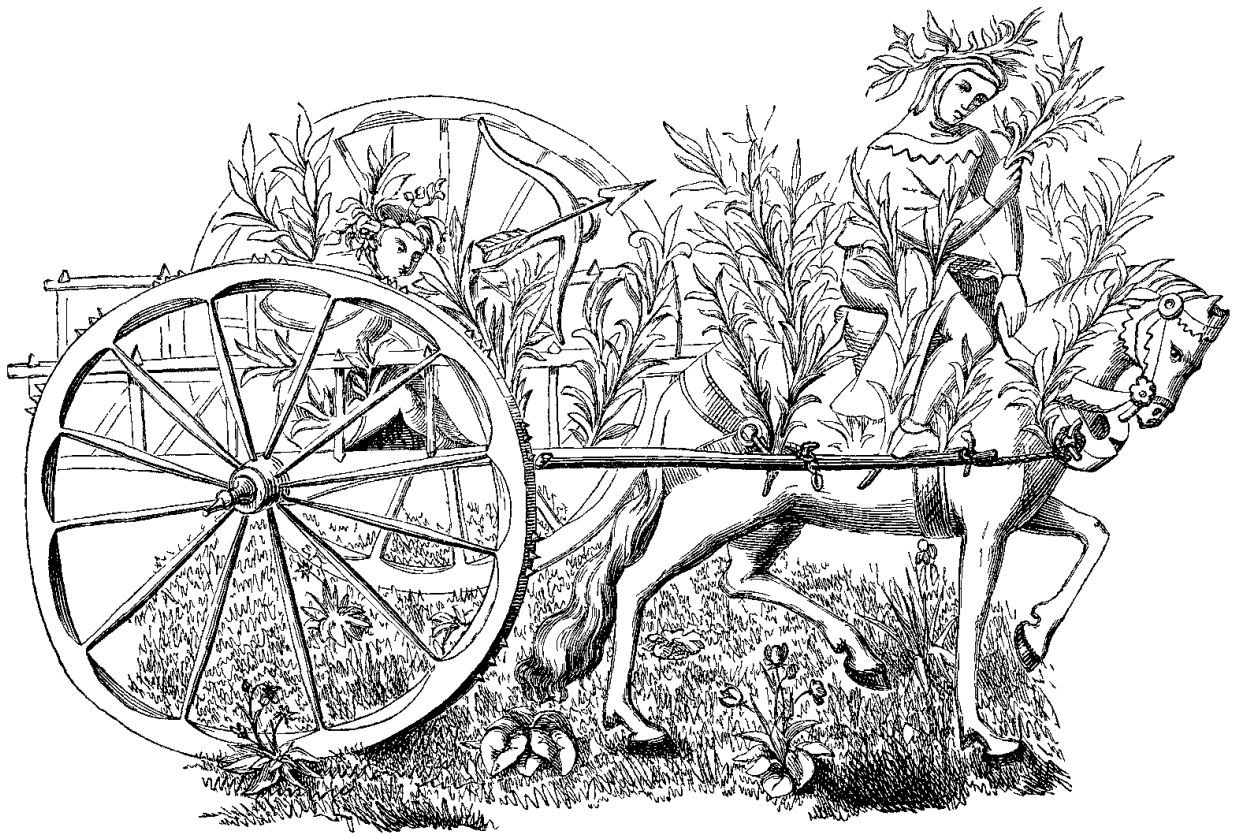

Fig. 135.—“How to take a Cart to allure Beasts.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century).

[back](#)

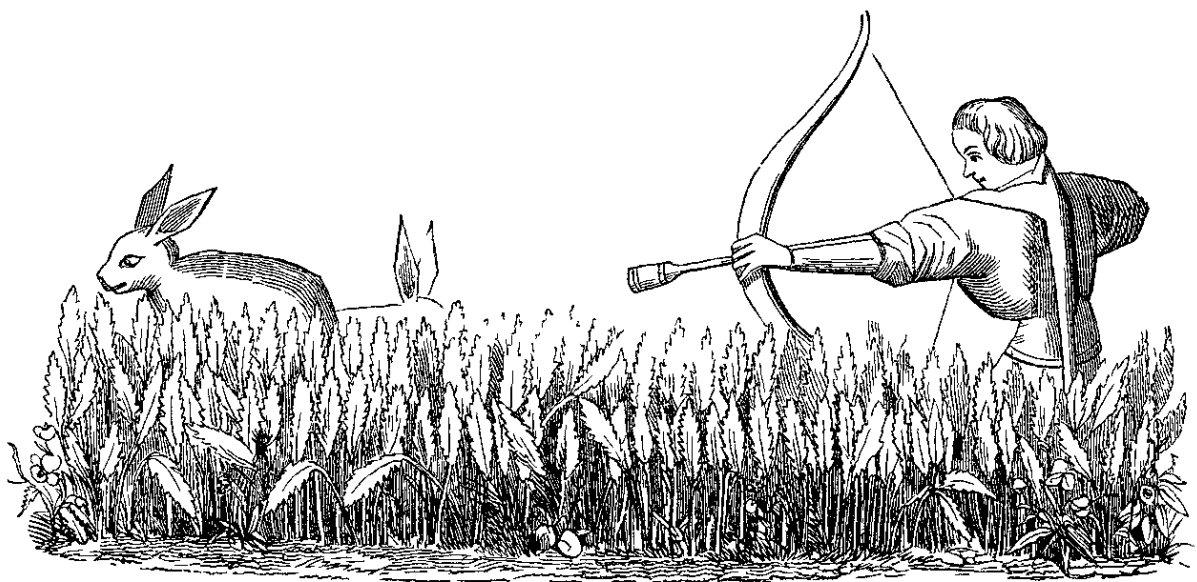

Fig. 134.—“ How to allure the Hare.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century).

[back](#)

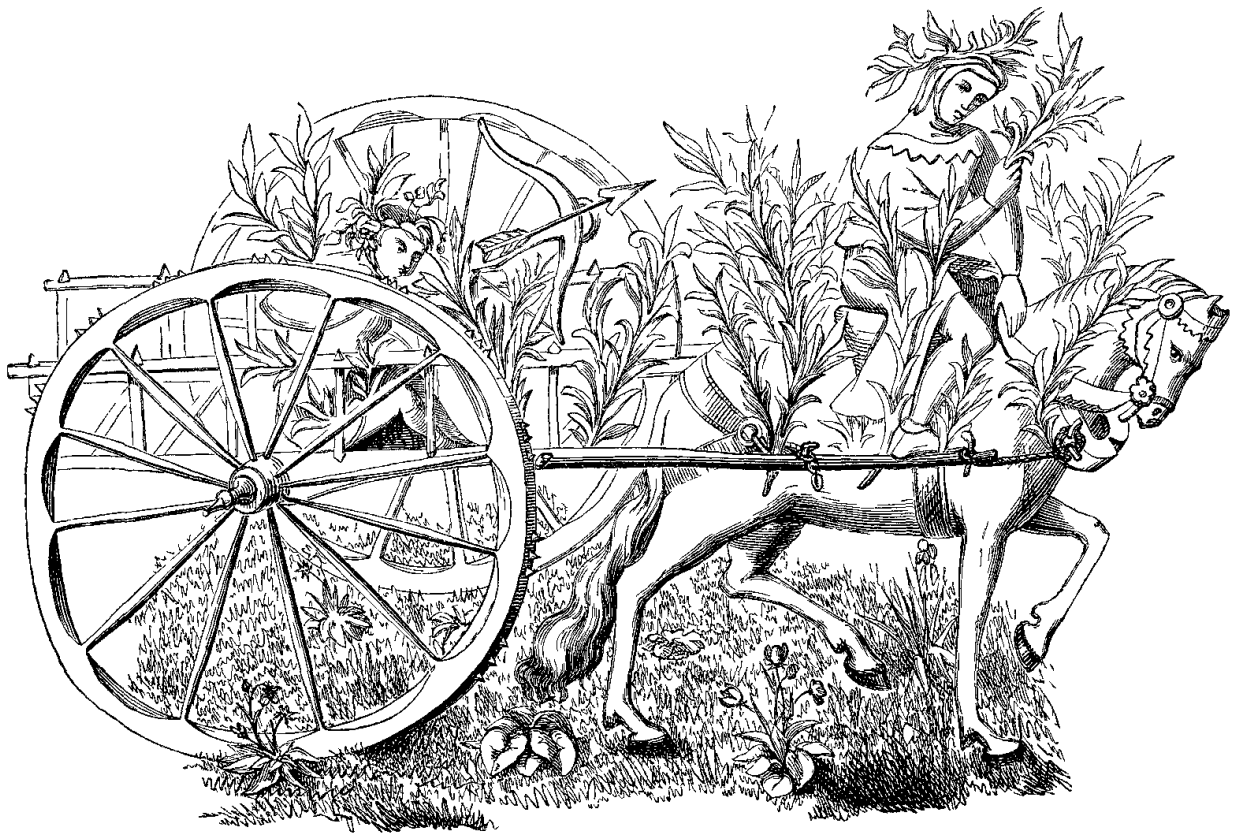

Fig. 135.—“How to take a Cart to allure Beasts.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century).

[back](#)

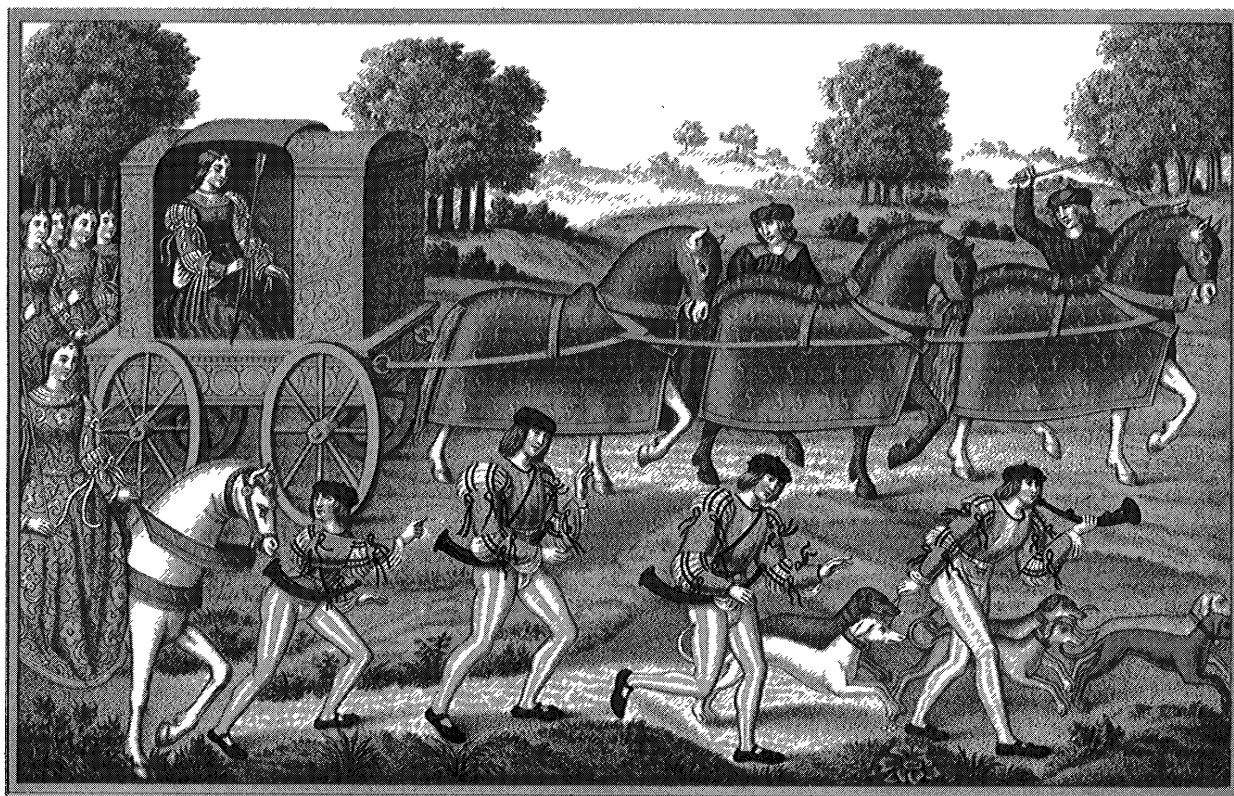
Fig 136.—“How to shout and blow Horns.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century).

[back](#)

Fig 136.—“How to shout and blow Horns.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century).

[back](#)

LADIES HUNTING.

Costumes of the fifteenth century. From a miniature in a ms. copy of *Ovid's Epistles*. N° 7231 bis. Bibl. nat^{le} de Paris.

[back](#)

Fig. 137.—German Sportsman, drawn and engraved by J. Amman in the Sixteenth Century.

[back](#)

Fig. 137.—German Sportsman, drawn and engraved by J. Amman in the Sixteenth Century.

[back](#)

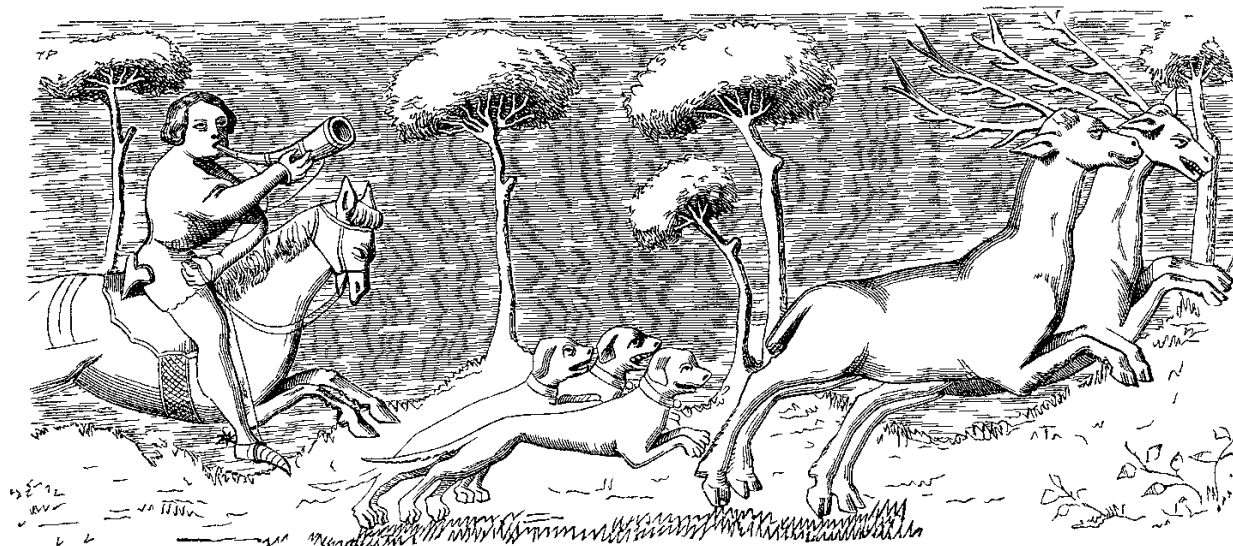

Fig 138—"Nature and Appearance of Deer, and how they can be hunted with Dogs"—
Fac simile of a Miniature in the "Livre du Roy Modus"—Manuscript of the Fourteenth
Century (National Library of Paris)

[back](#)

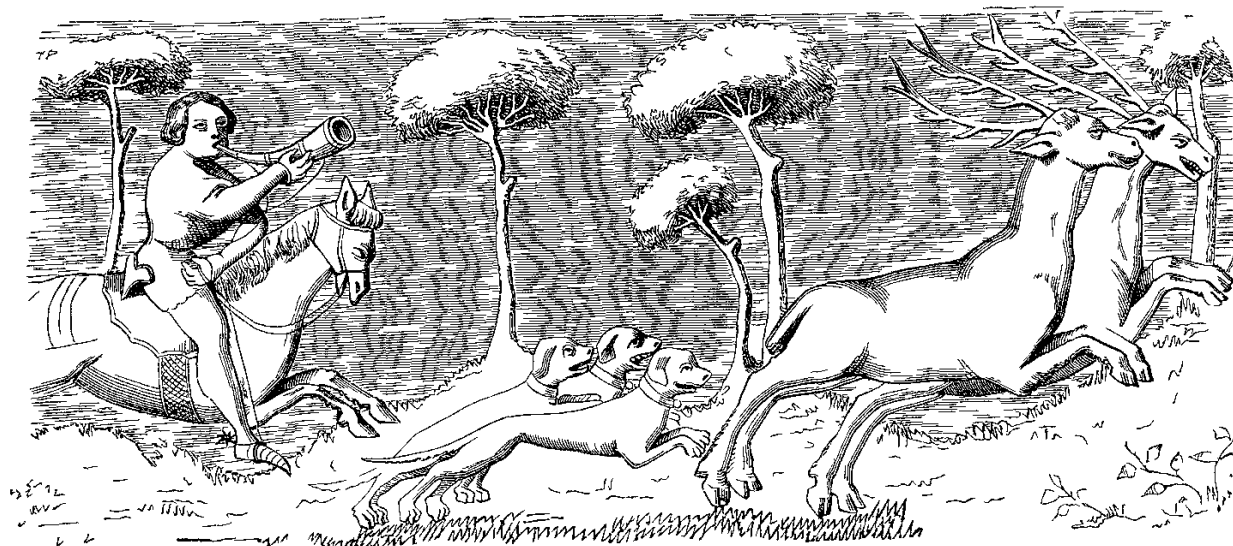

Fig 138 —“Nature and Appearance of Deer, and how they can be hunted with Dogs ’—
Fac simile of a Miniature in the “Livre du Roy Modus ”—Manuscript of the Fourteenth
Century (National Library of Paris)

[back](#)

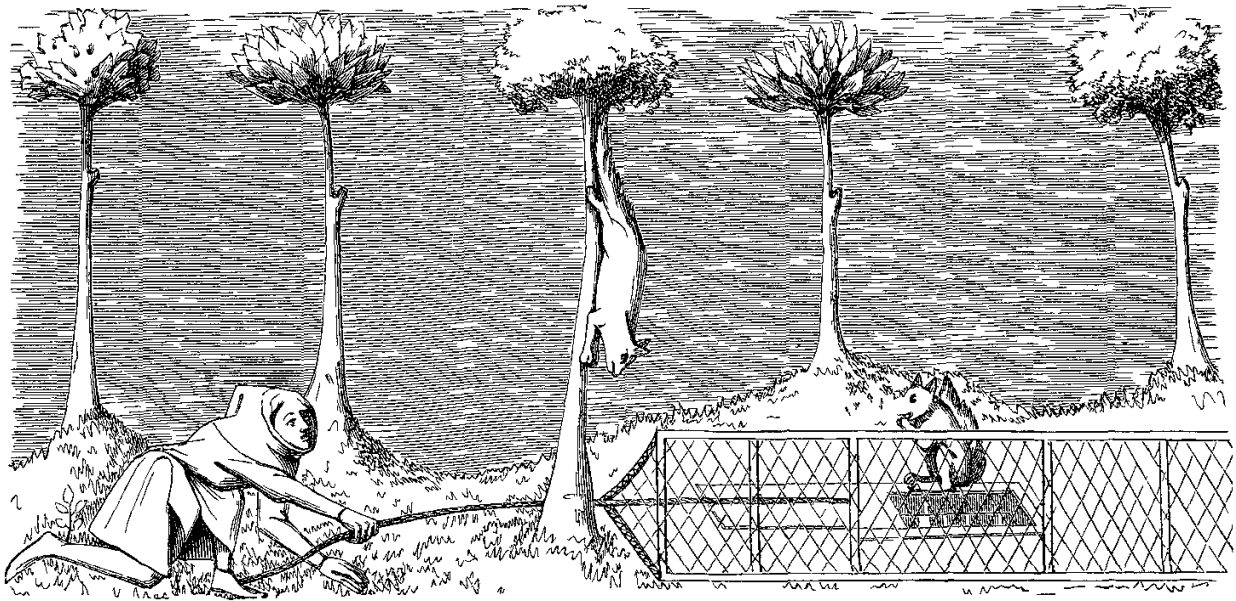

Fig 139 —“ The Way to catch Squirrels on the Ground in the Woods ”—Fac-simile of a Miniature
in the Manuscript of the “ Livre du Roy Modus ” (Fourteenth Century)

[back](#)

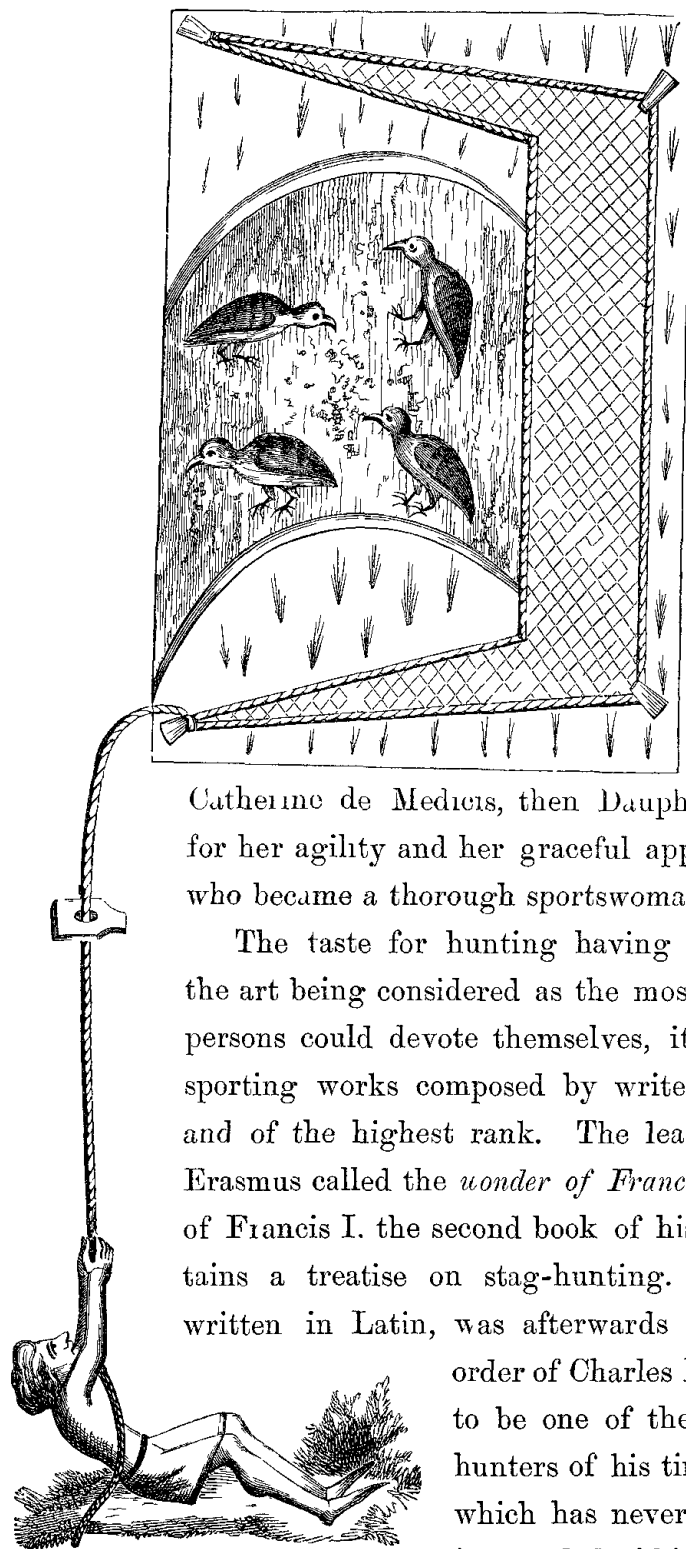

Fig 140 — "The Way of catching Partridges with an Osier Net-work Apparatus"—Fac-simile of Miniature in the "Livre du Roy Modus."

Catherine de Medicis, then Dauphin for her agility and her graceful appearance who became a thorough sportswoman.

The taste for hunting having become the art being considered as the most persons could devote themselves, it sporting works composed by writers and of the highest rank. The learned Erasmus called the *wonder of France*, of Francis I. the second book of his contains a treatise on stag-hunting.

written in Latin, was afterwards translated into French by the order of Charles IX to be one of the hunters of his time which has never been recorded of him on horseback and down a stag. The authorship of which

[back](#)

Fig 141 —“ Kennel in which Dogs should live, and how they should be kept ”—Fac-simile of a Miniature in Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century)

[back](#)

Fig. 142 —Hunting with the Leopard, from a Stamp of Jean Stradan (Sixteenth Century)

[back](#)

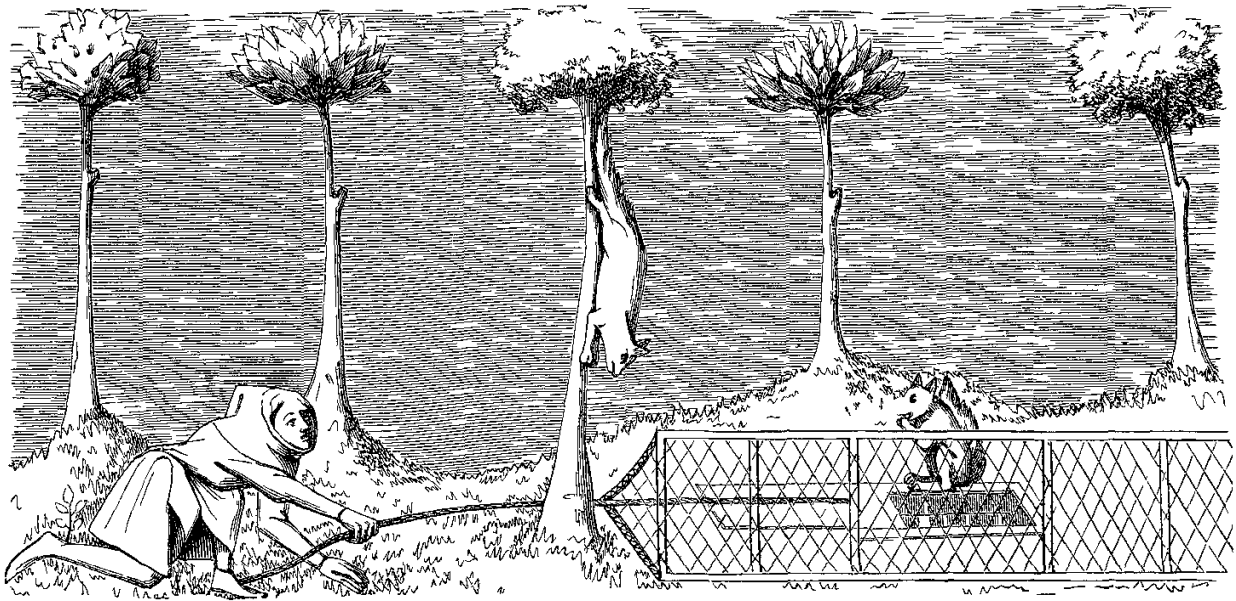

Fig 139 —“ The Way to catch Squirrels on the Ground in the Woods ”—Fac-simile of a Miniature
in the Manuscript of the “ Livre du Roy Modus ” (Fourteenth Century)

[back](#)

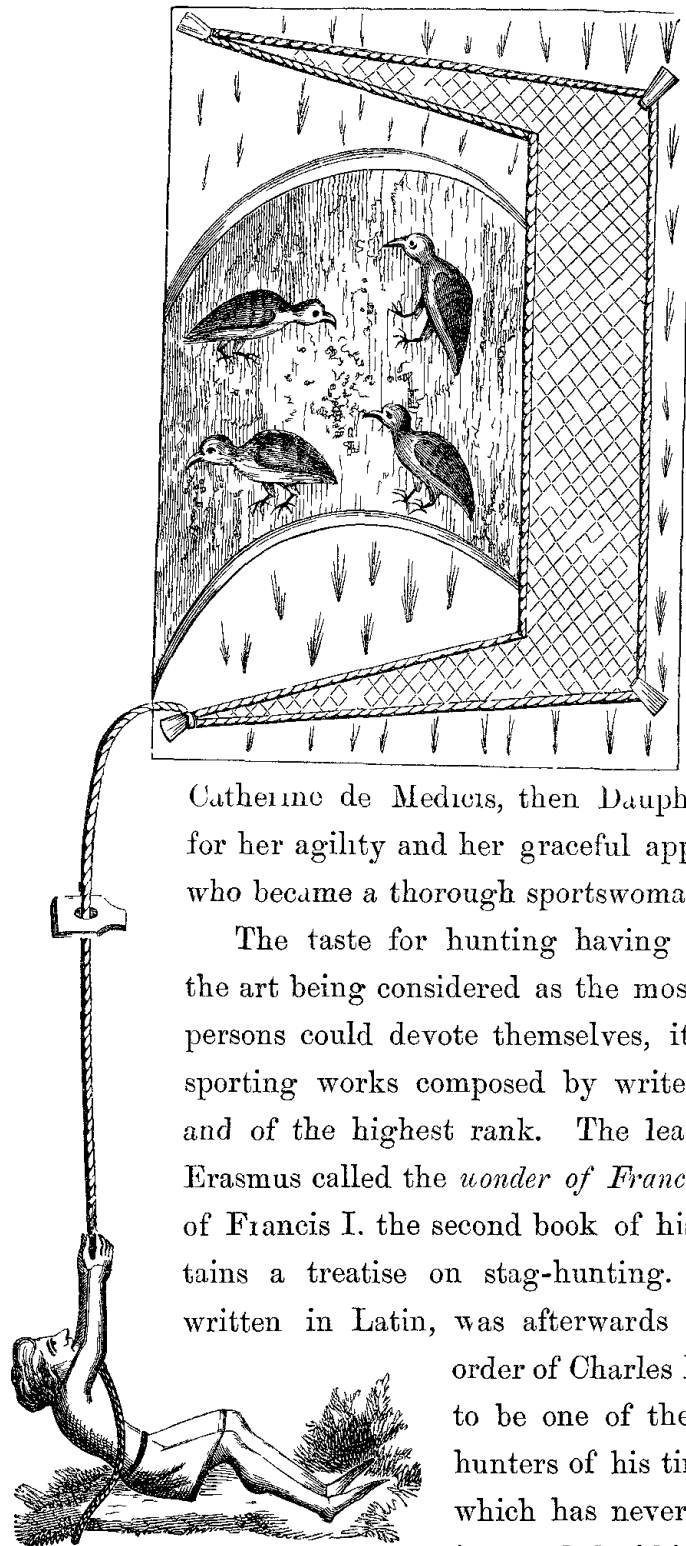

Fig 140 — "The Way of catching Partridges with an Osier Net-work Apparatus"—Fac-simile of Miniature in the "Livre du Roy Modus."

Catherine de Medicis, then Dauphin for her agility and her graceful appearance who became a thorough sportswoman.

The taste for hunting having become the art being considered as the most persons could devote themselves, it sporting works composed by writers and of the highest rank. The learned Erasmus called the *wonder of France*, of Francis I. the second book of his contains a treatise on stag-hunting.

written in Latin, was afterwards translated into French by order of Charles IX to be one of the hunters of his time which has never been recorded of him on horseback and down a stag. The authorship of which

[back](#)

Fig 141 —“ Kennel in which Dogs should live, and how they should be kept ”—Fac-simile of a Miniature in Manuscript of Phœbus (Fifteenth Century)

[back](#)

Fig. 142 —Hunting with the Leopard, from a Stamp of Jean Stradan (Sixteenth Century)

[back](#)

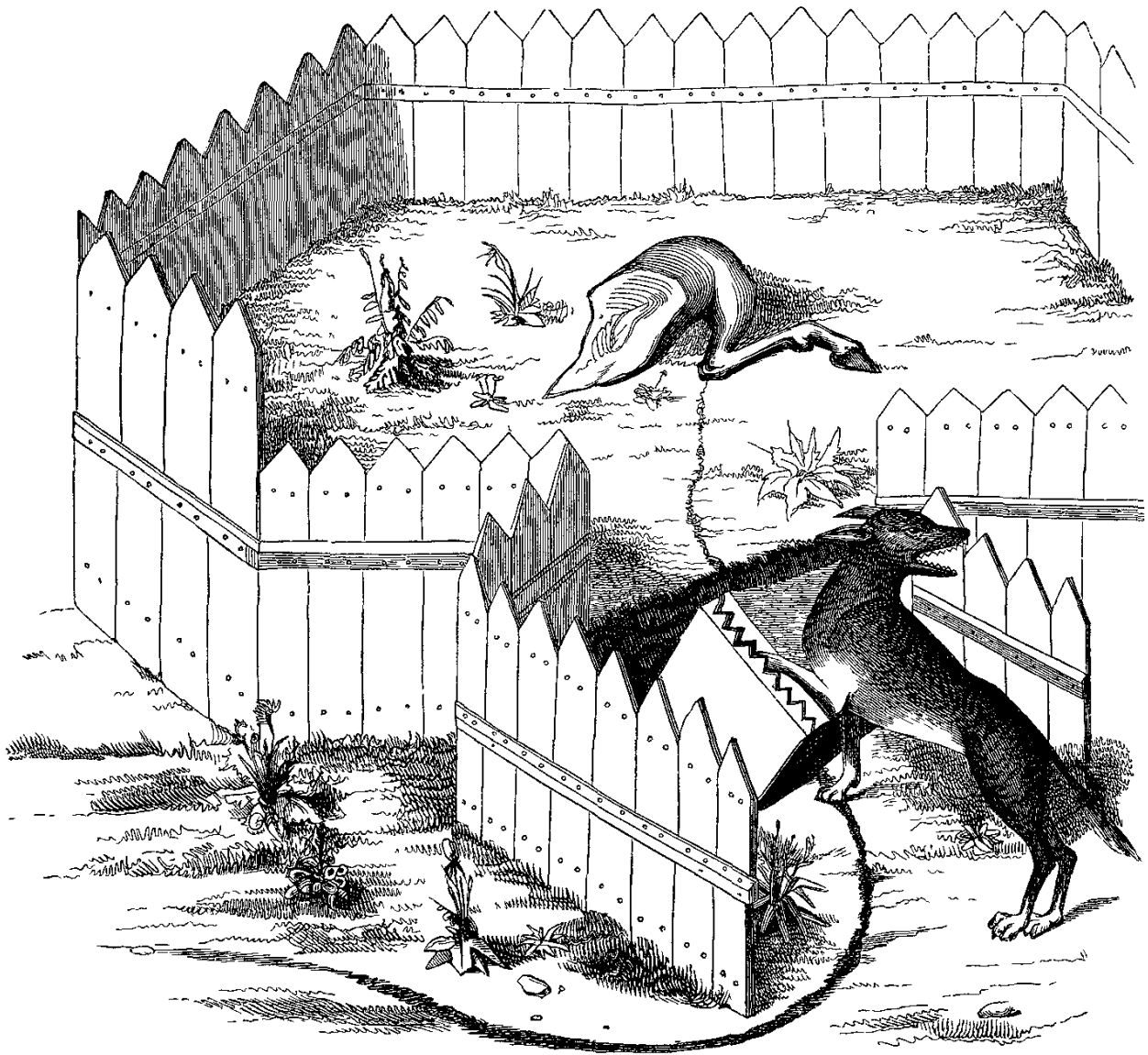

Fig. 143.—“How Wolves may be caught with a Snare.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phoebus (Fifteenth Century).

[back](#)

Fig. 147 —A Noble of Provence (Fifteenth Century).—Bonnart's "Costumes from the Tenth to the Sixteenth Century."

[back](#)

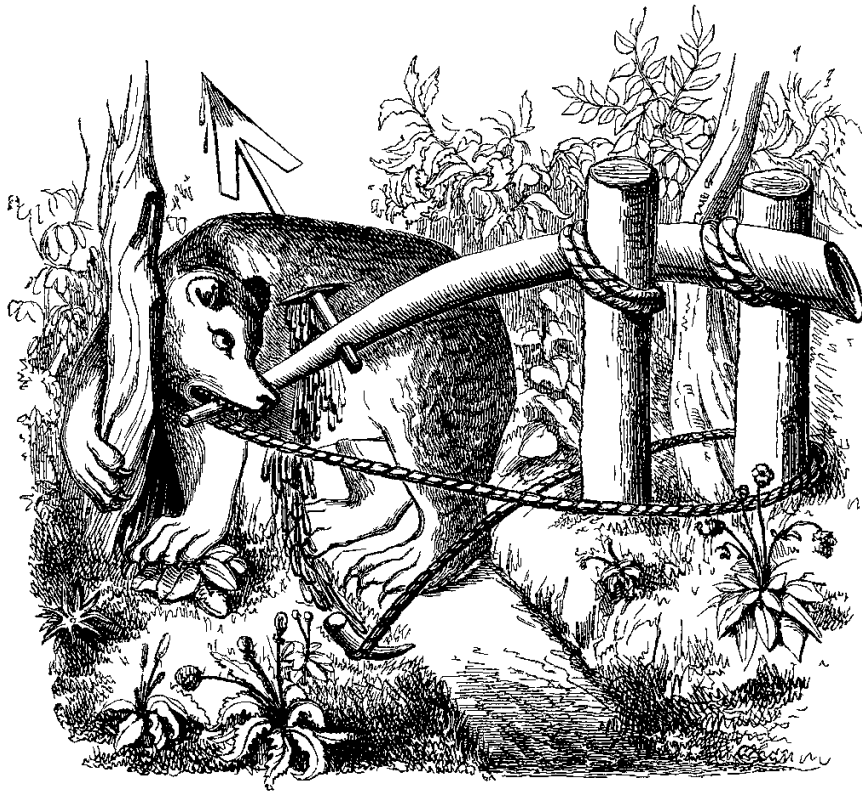

Fig 144 —“How Bears and other Beasts may be caught with a Dart. ’—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phoebus (Fifteenth Century)

[back](#)

Fig. 145 — Olifant, or Hunting-horn, in Ivory (Fourteenth Century).—From an Original existing in England.

[back](#)

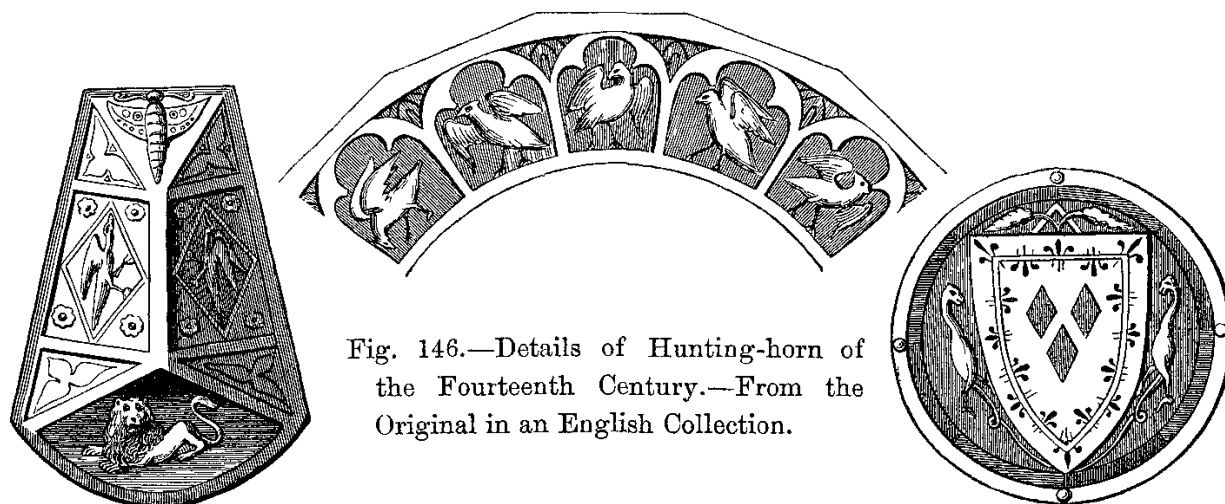
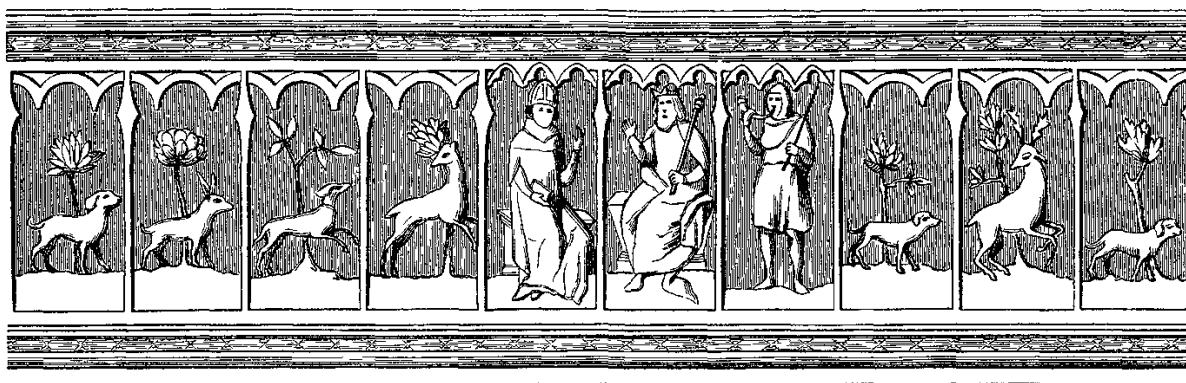

Fig. 146.—Details of Hunting-horn of the Fourteenth Century.—From the Original in an English Collection.

[back](#)

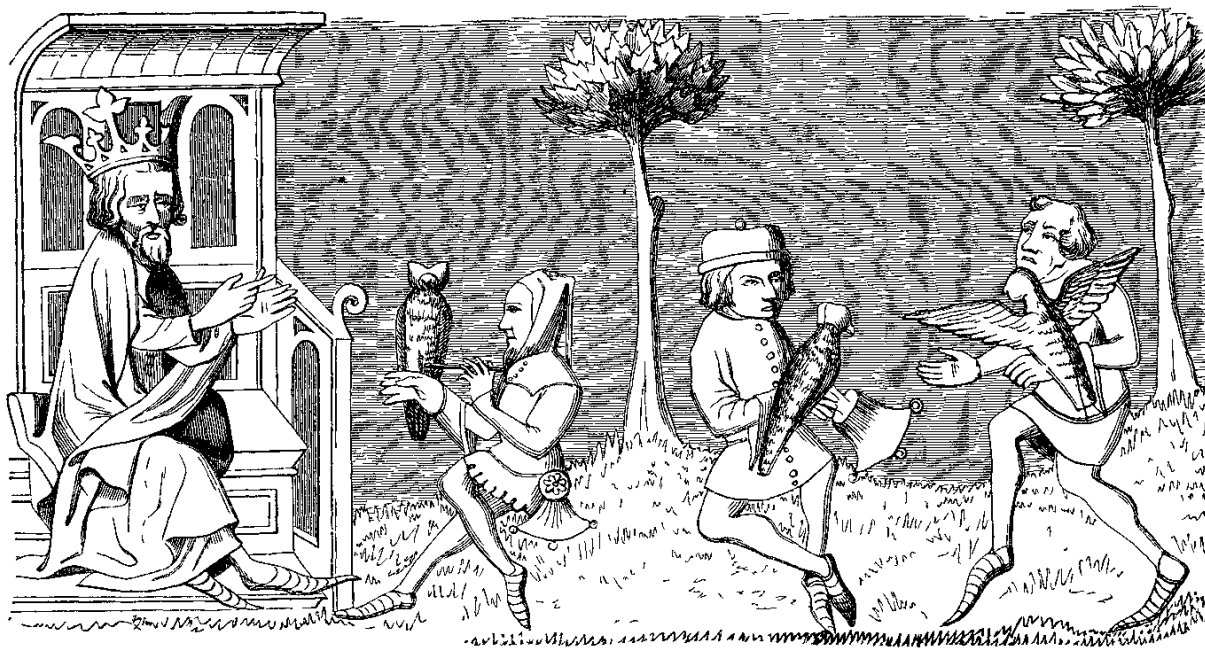

Fig. 148.—King Modus teaching the Art of Falconry.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of “*Livre du Roy Modus*” (Fourteenth Century).

[back](#)

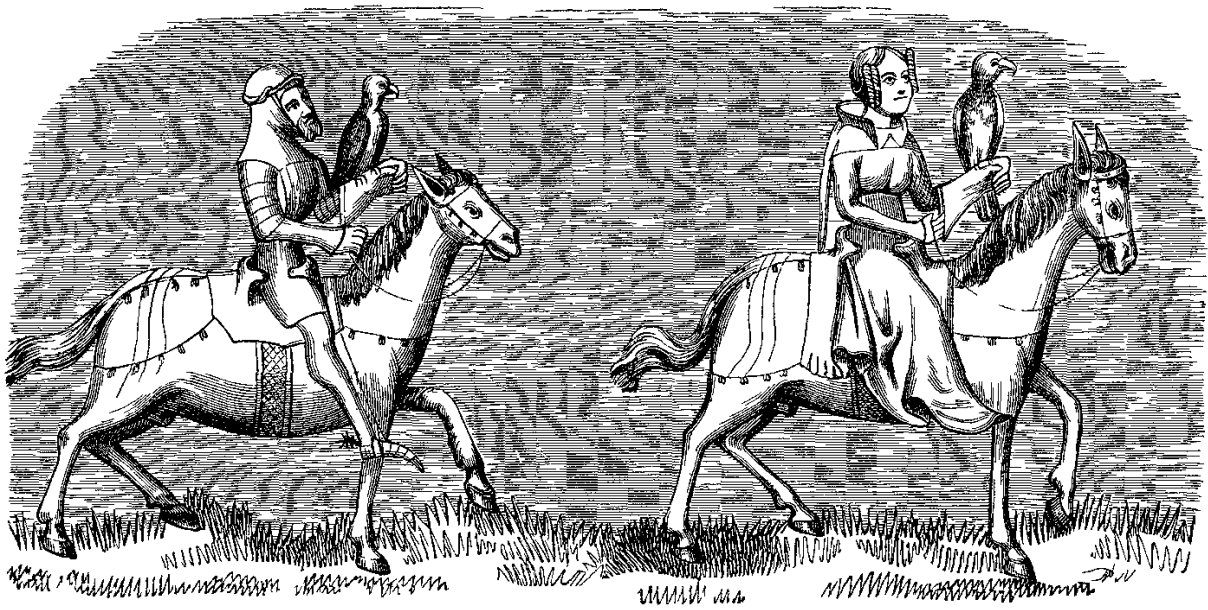

Fig 150 —Lady setting out Hawking — Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of
“Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 147 —A Noble of Provence (Fifteenth Century).—Bonnart's "Costumes from the Tenth to the Sixteenth Century."

[back](#)

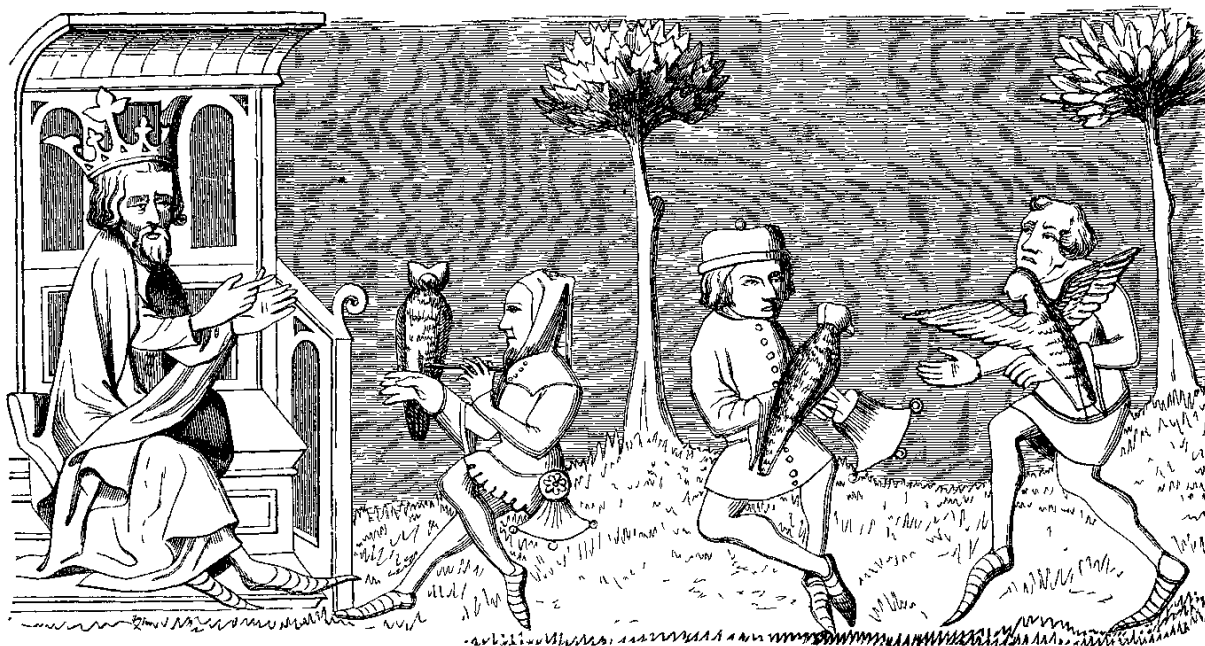

Fig. 148.—King Modus teaching the Art of Falconry.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

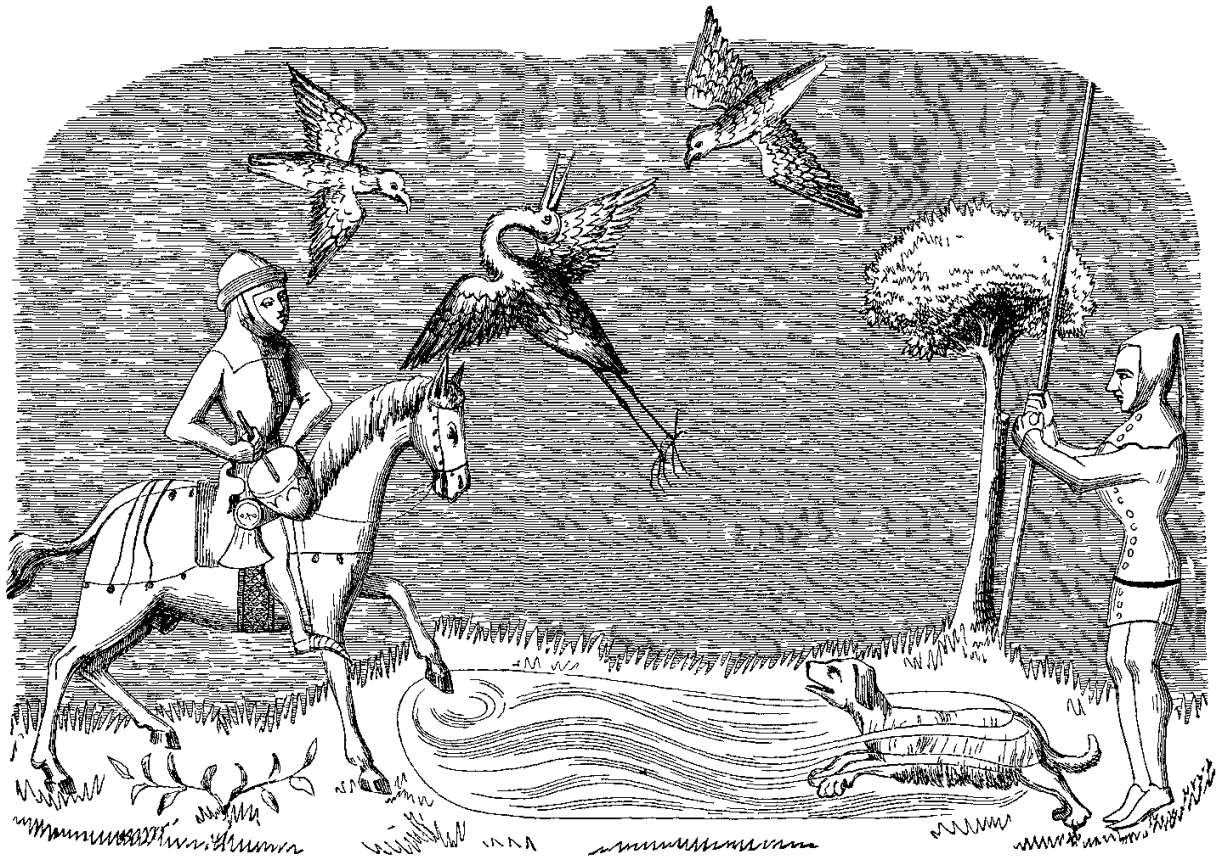

Fig. 159.—Heron-hawking.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “*Livre du Roy Modus*” (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 149.—Falconers dressing their Birds.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of
“ Livre du Roy Modus ” (Fourteenth Century).

[back](#)

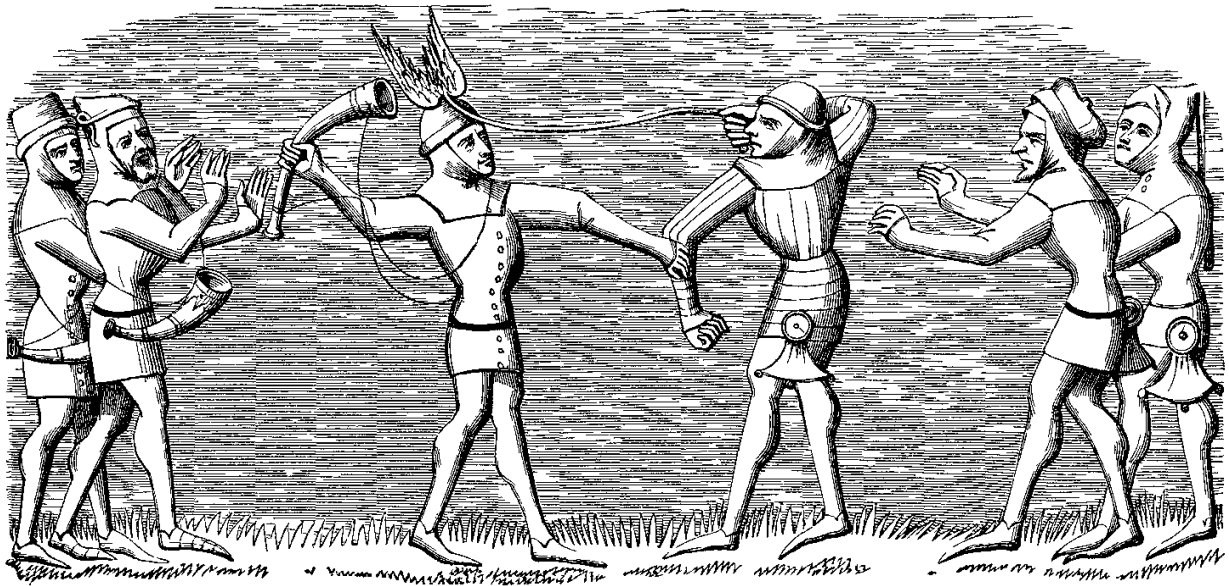

Fig 120 —Varlets of Falconry —Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of “Livre
du Roy Modus (Fourteenth Century)

[back](#)

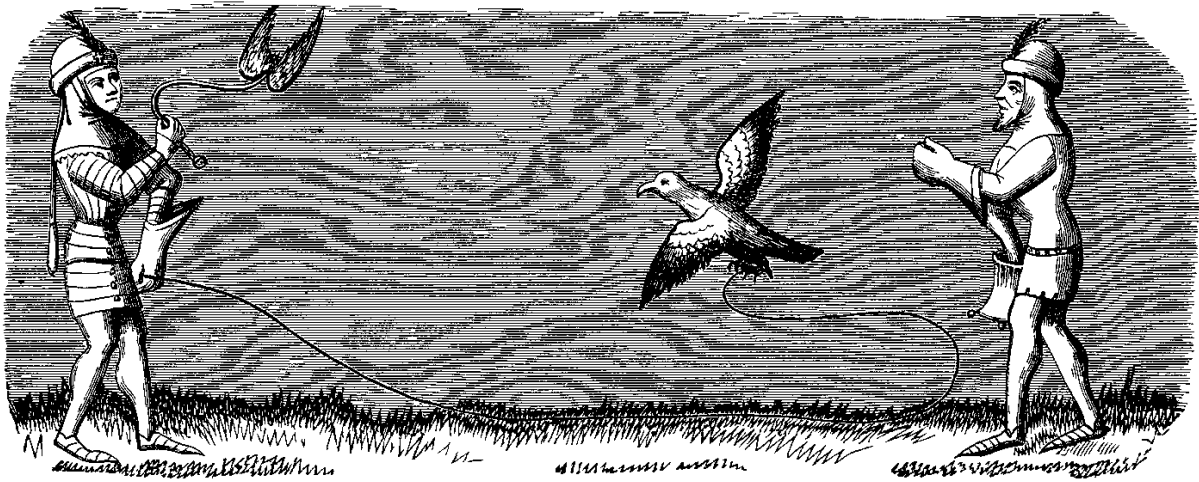

Fig. 151.—“How to train a New Falcon.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

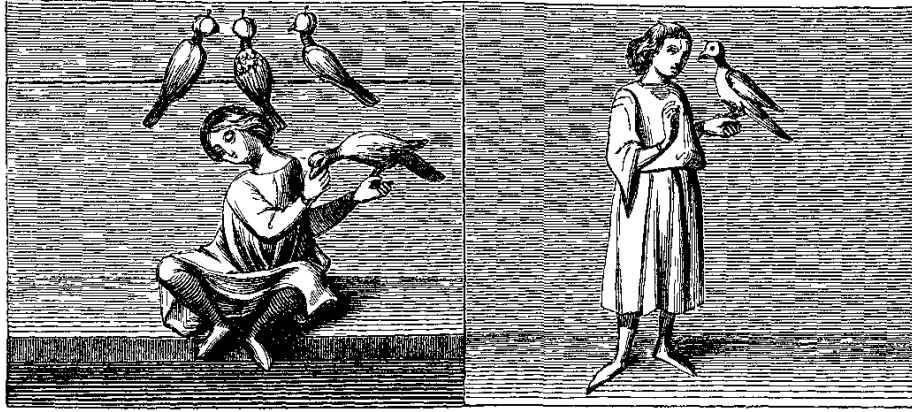

Fig. 152.—Falconers.—Fac-simile from a Miniature in Manuscript of the Thirteenth Century, which treats of the “Cour de Jaime, Roi de Maiorque.”

[back](#)

Fig. 156.—Dress of
the Falconer (Thir-
teenth Century).—
Sculpture of the
Cathedral of Rouen.

[back](#)

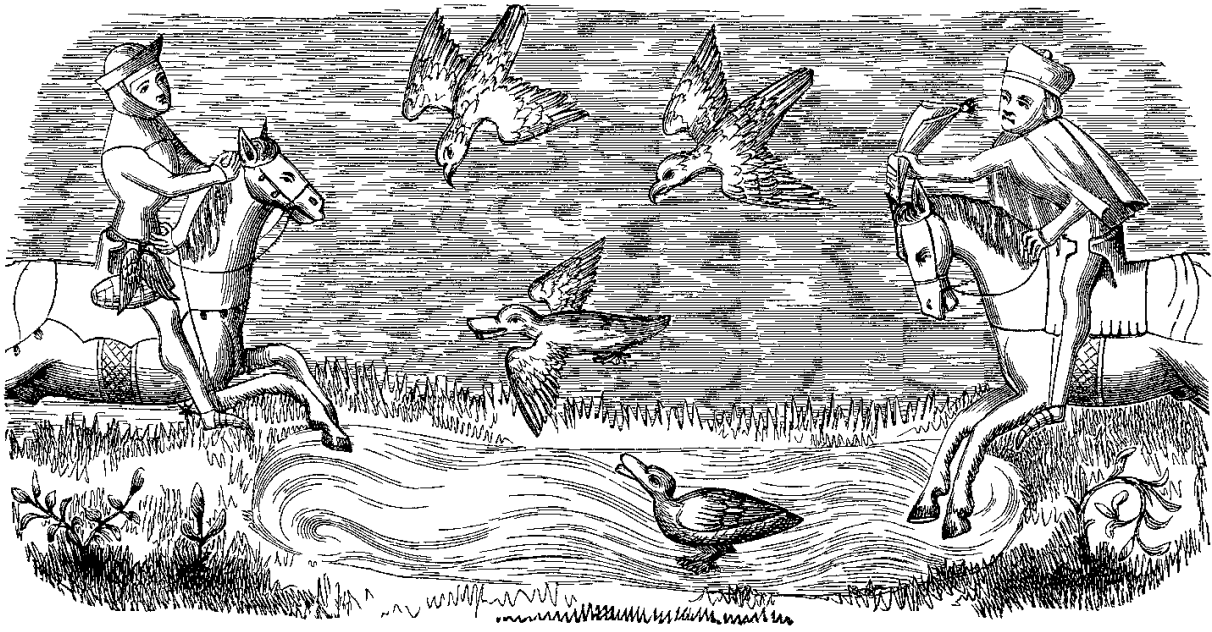

Fig 153 —“How to bathe a New Falcon.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century)

[back](#)

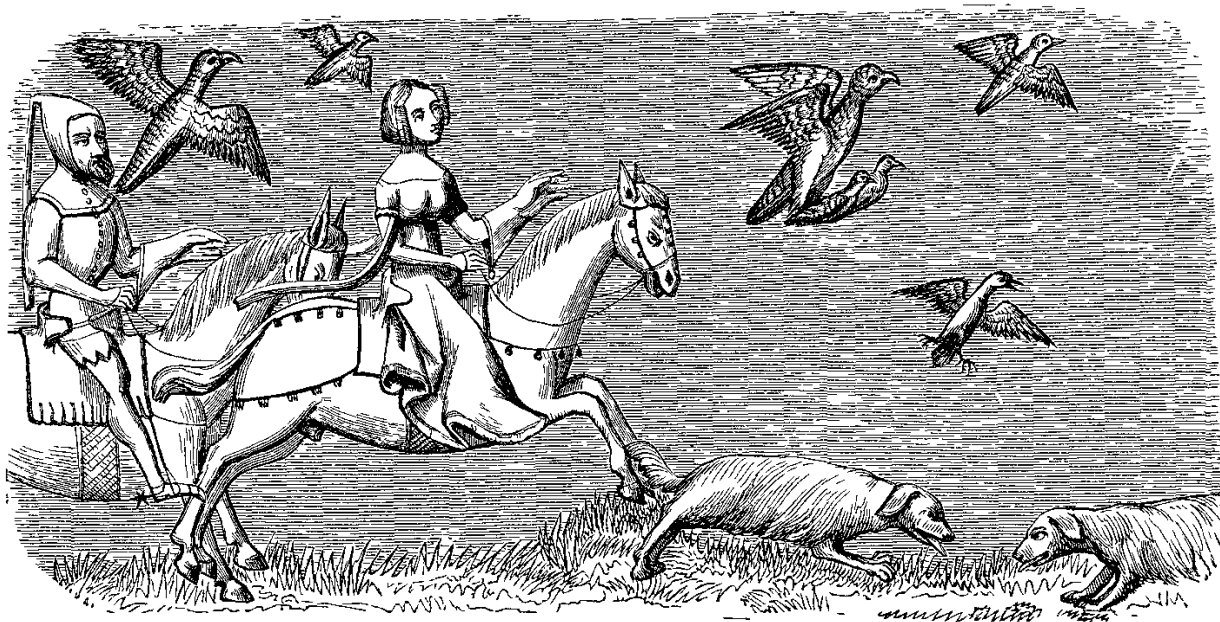

Fig. 154.—“ How to make Young Hawks fly.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

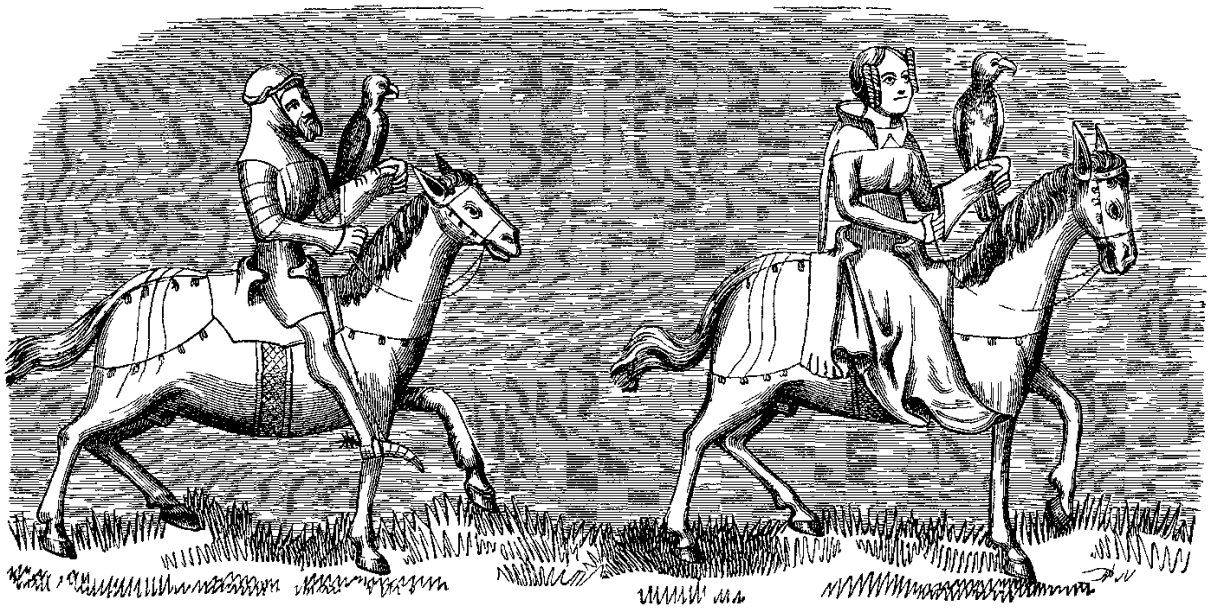

Fig 150 —Lady setting out Hawking — Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of
“Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 156.—Dress of
the Falconer (Thir-
teenth Century).—
Sculpture of the
Cathedral of Rouen.

[back](#)

Fig. 157.—Diseases of Dogs and their Cure.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of Phoebus (Fourteenth Century).

[back](#)

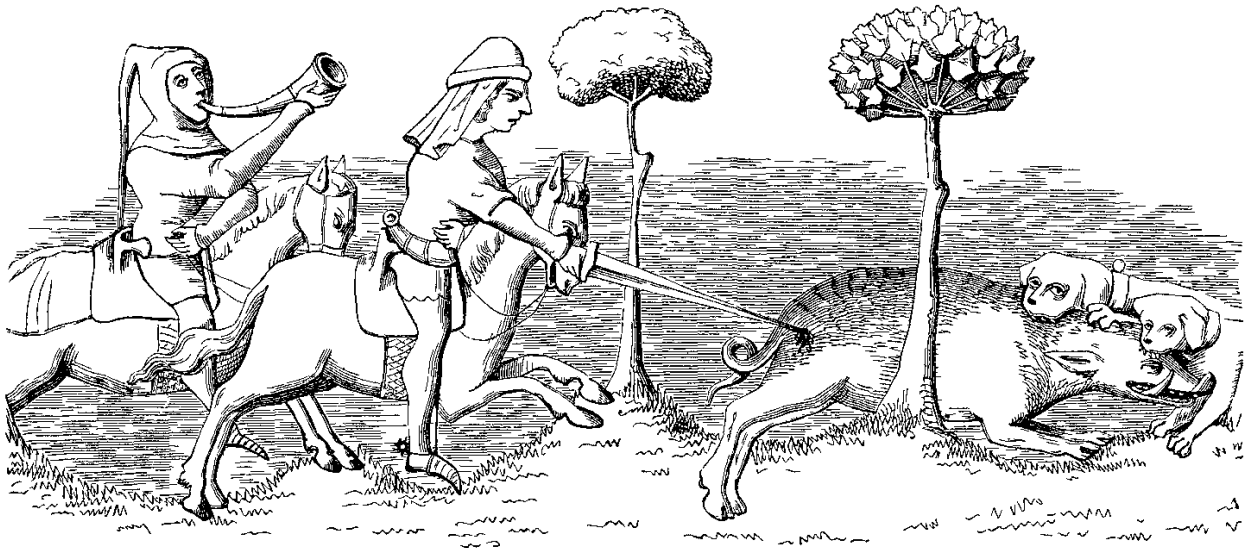

Fig. 160.—Sport with Dogs.—“How the Wild Boar is hunted by means of Dogs.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “*Livre du Roy Modus*” (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 158.—German Falconer, designed and engraved, in the Sixteenth Century, by J. Amman.

[back](#)

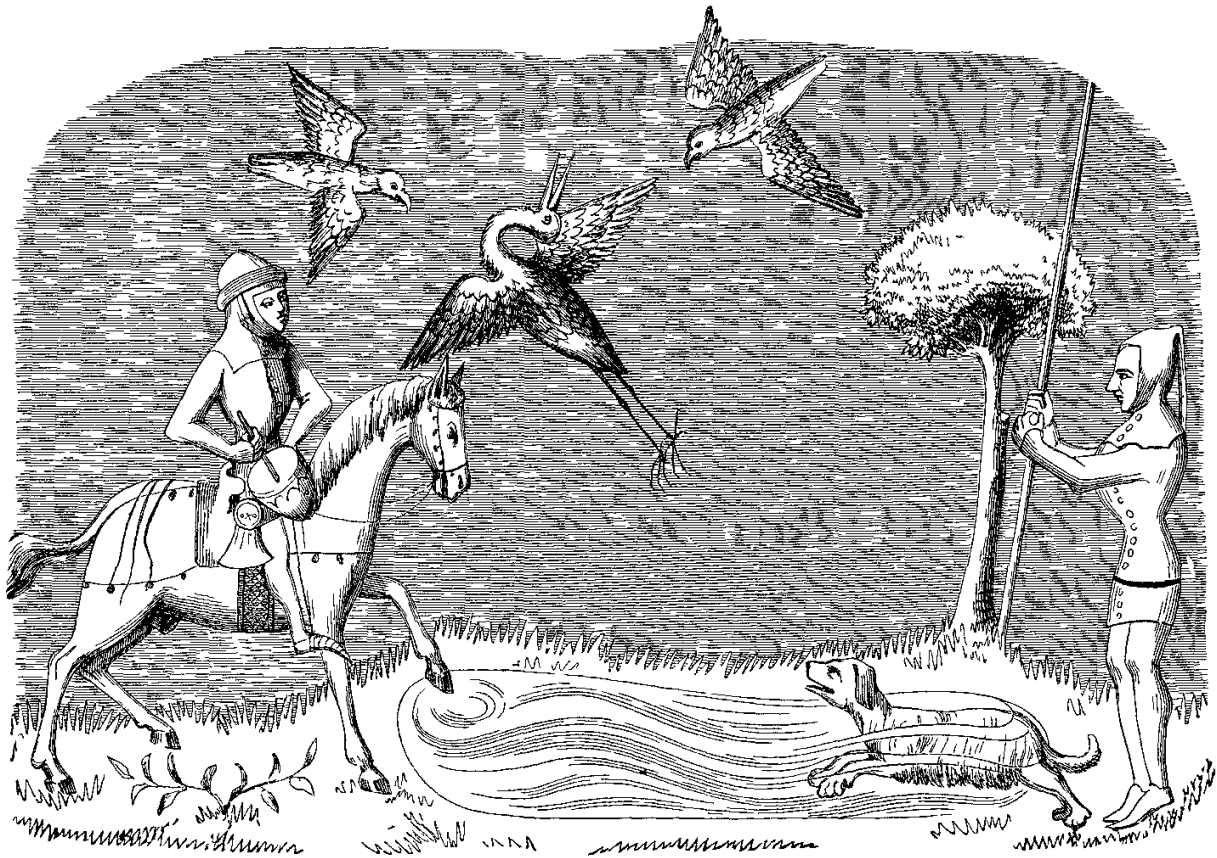

Fig. 159.—Heron-hawking.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “*Livre du Roy Modus*” (Fourteenth Century).

[back](#)

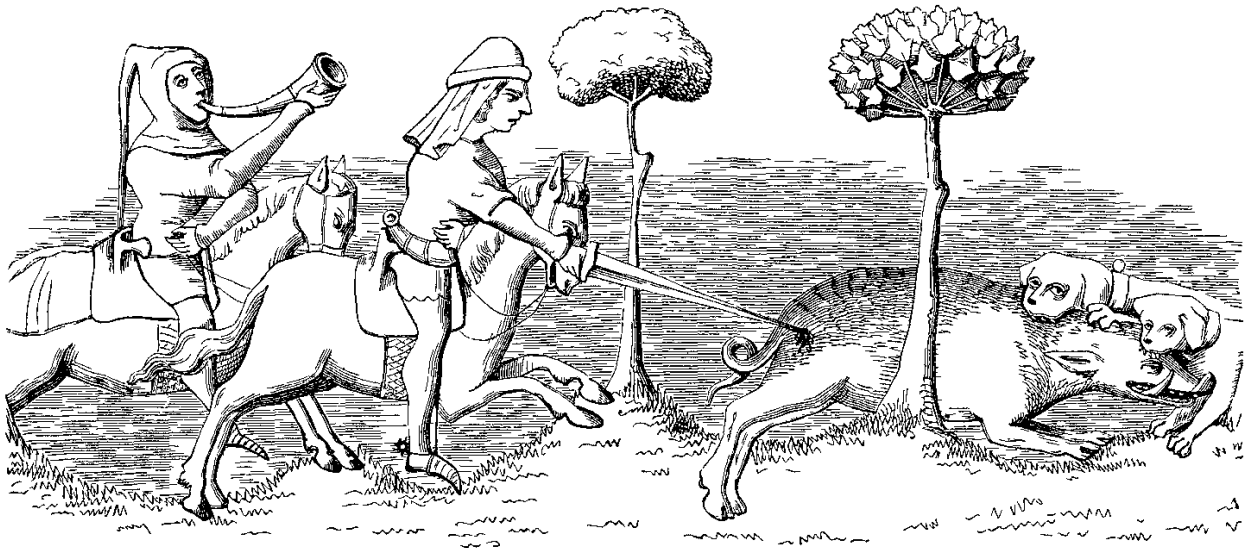

Fig. 160.—Sport with Dogs.—“How the Wild Boar is hunted by means of Dogs.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “*Livre du Roy Modus*” (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 161.—Bird-piping.—“The Manner of Catching Birds by piping.”—Fac-simile of Miniature in the Manuscript of the “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

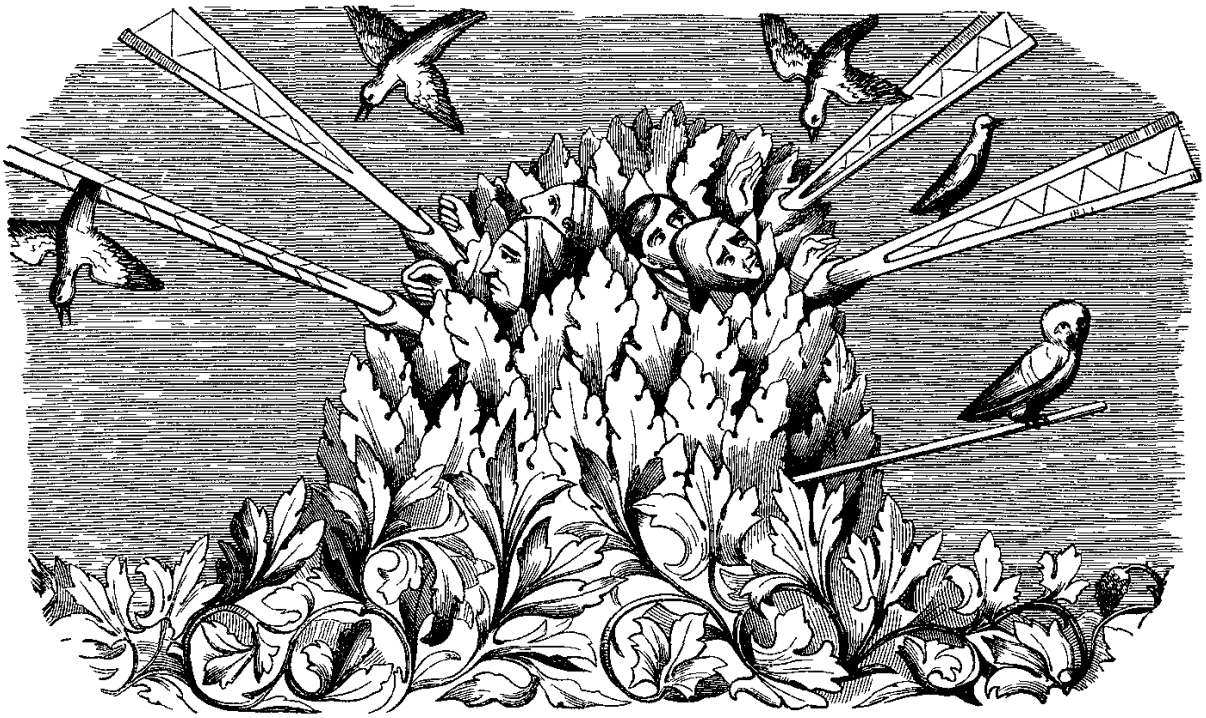

Fig. 162.—Bird-catching with a Machine like a Long Arm.—Fac-simile of Miniature in the Manuscript of the “*Livre du Roy Modus*” (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 161.—Bird-piping.—“The Manner of Catching Birds by piping.”—Fac-simile of Miniature in the Manuscript of the “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

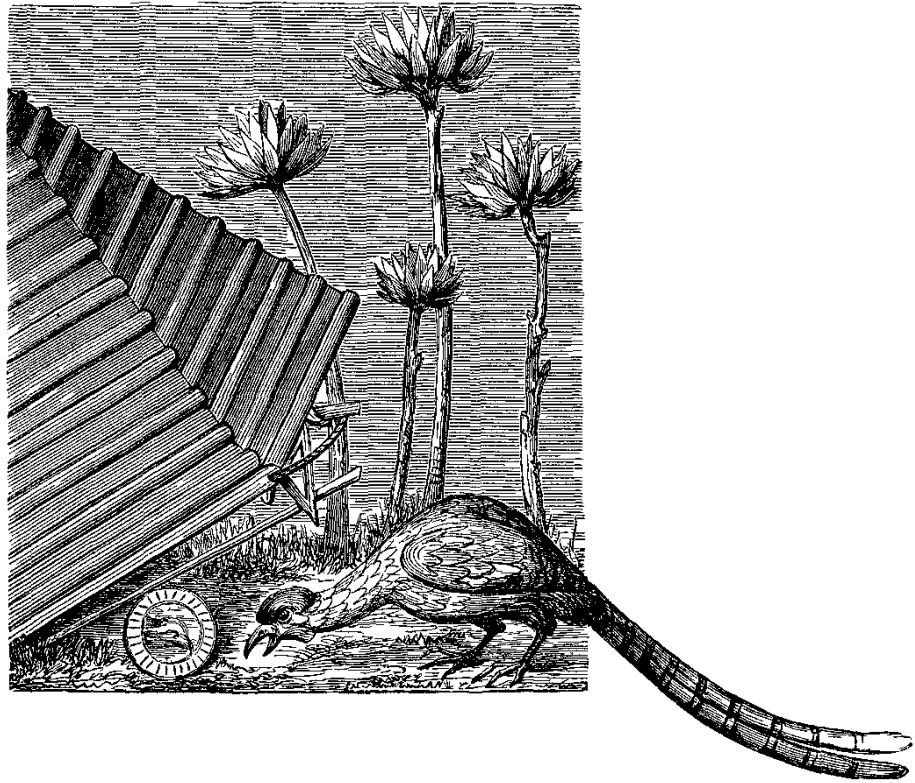

Fig. 163.—Pheasant Fowling. —“Showing how to catch Pheasants.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 164 —The Mode of catching a Woodcock.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

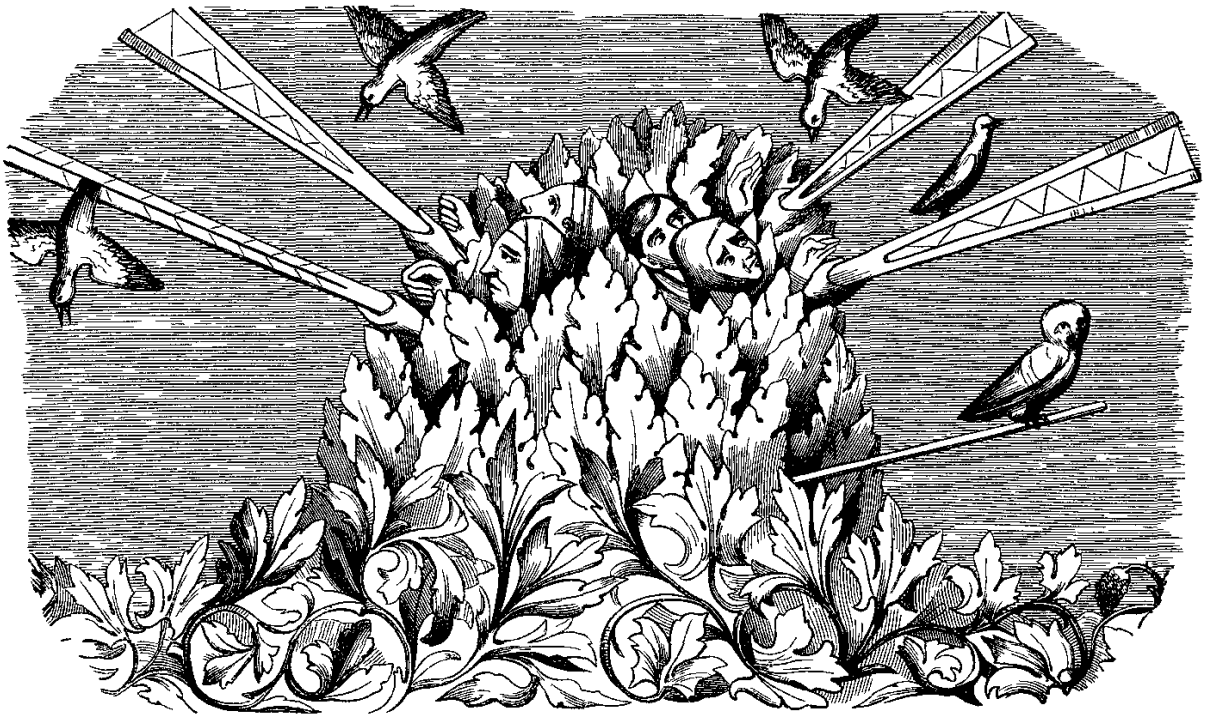

Fig. 162.—Bird-catching with a Machine like a Long Arm.—Fac-simile of Miniature in the Manuscript of the “*Livre du Roy Modus*” (Fourteenth Century).

[back](#)

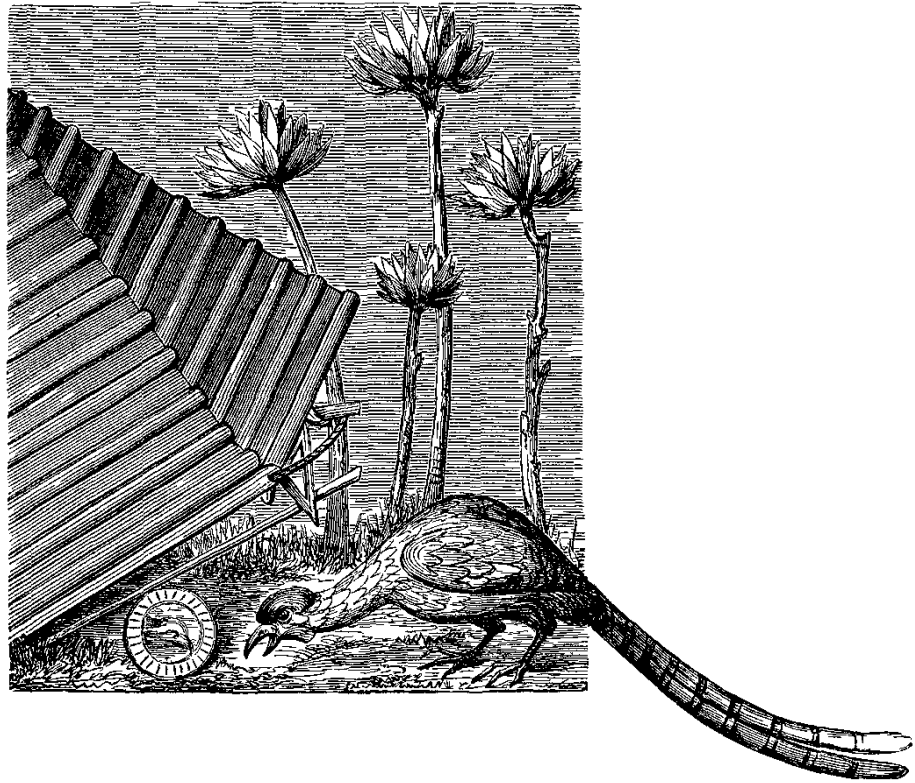

Fig. 163.—Pheasant Fowling. —“Showing how to catch Pheasants.”—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 164 —The Mode of catching a Woodcock.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “Livre du Roy Modus” (Fourteenth Century).

[back](#)

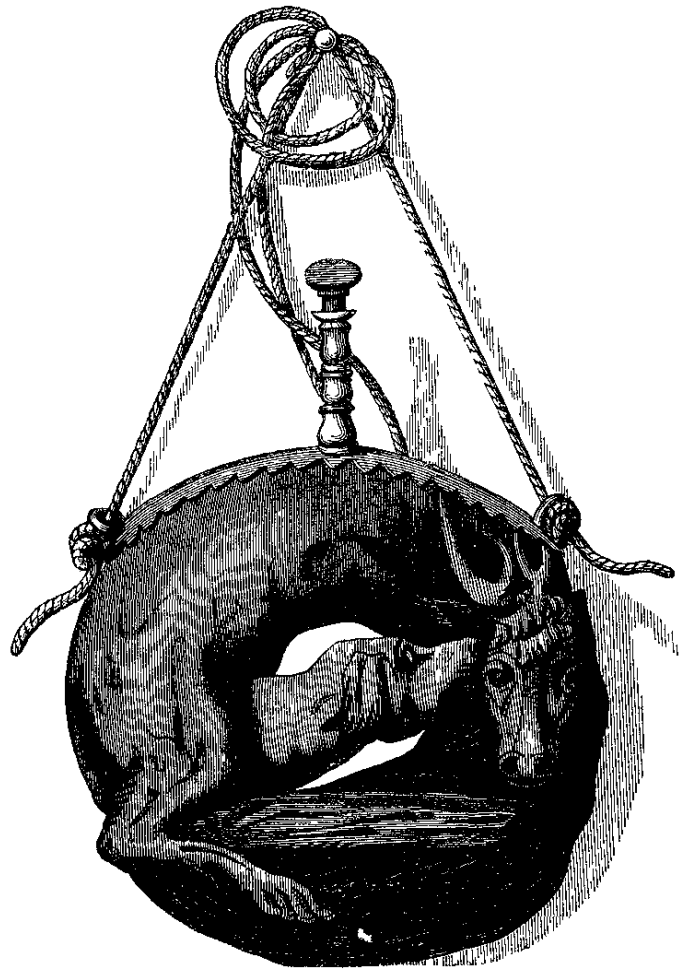

Fig. 165.— Powder-horn.— Work of the Sixteenth Century (Artillery Museum of Brussels).

[back](#)

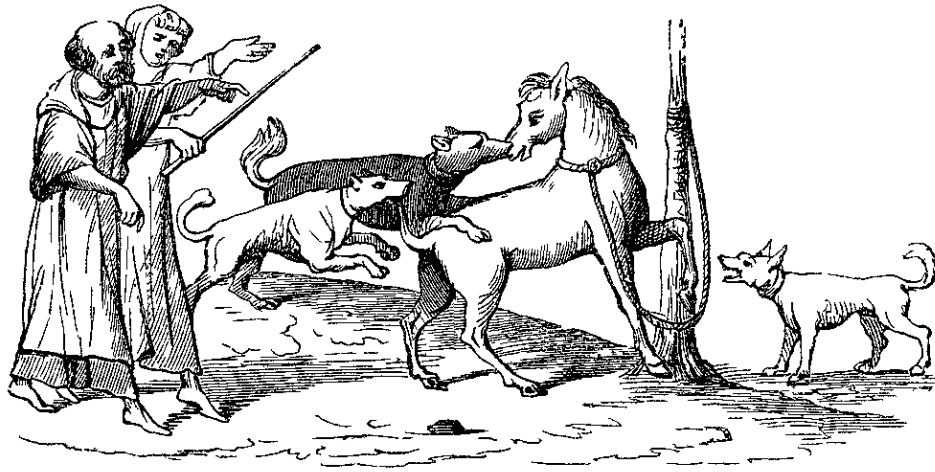

Fig 166.—Fight between a Horse and Dogs.—Fac-simile of a Manuscript in the British Museum (Thirteenth Century).

[back](#)

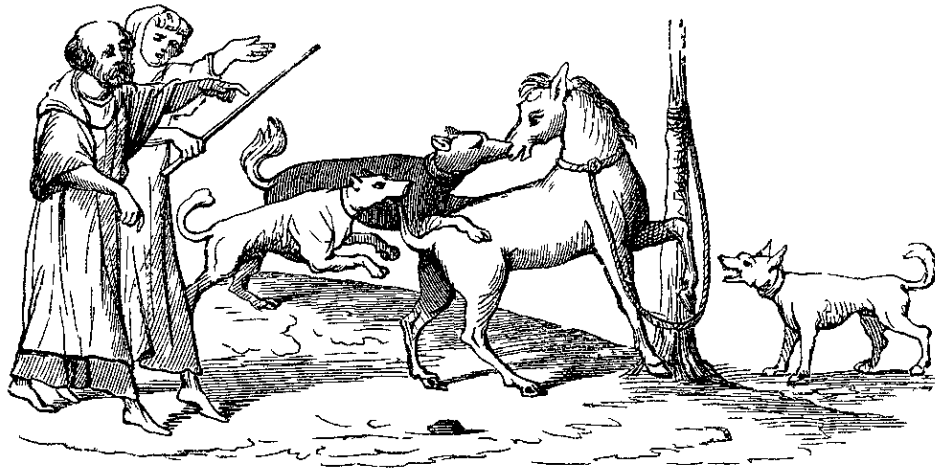

Fig 166.—Fight between a Horse and Dogs.—Fac-simile of a Manuscript in the British Museum (Thirteenth Century).

[back](#)

Fig 167 —Merchants and Lion-keepers at Constantinople —Fac-simile of an Engraving on Wood from the “Cosmographie Universelle” of Thevet folio, 1575.

[back](#)

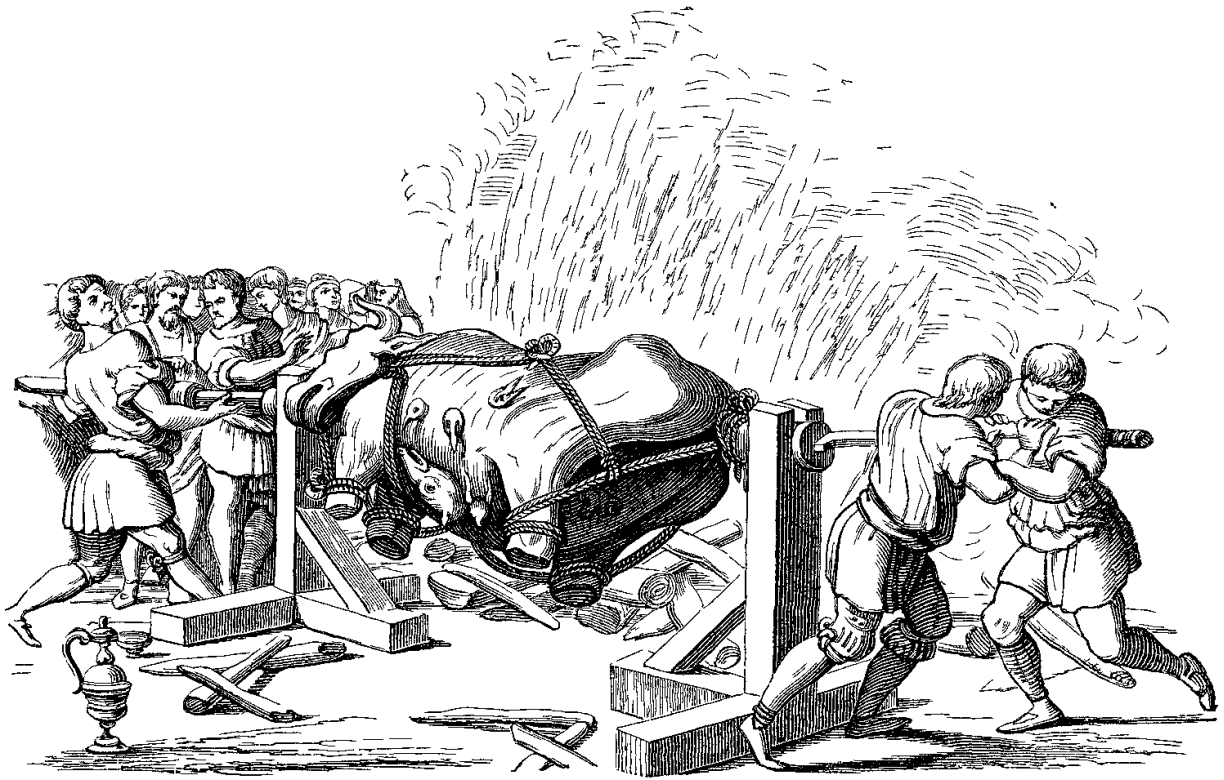

Fig. 168 —Free Distribution of Bread, Meat, and Wine to the People—Reduced Copy of a Woodcut of the Solemn Entry of Charles V and Pope Clement VII into Bologna, in 1530.

[back](#)

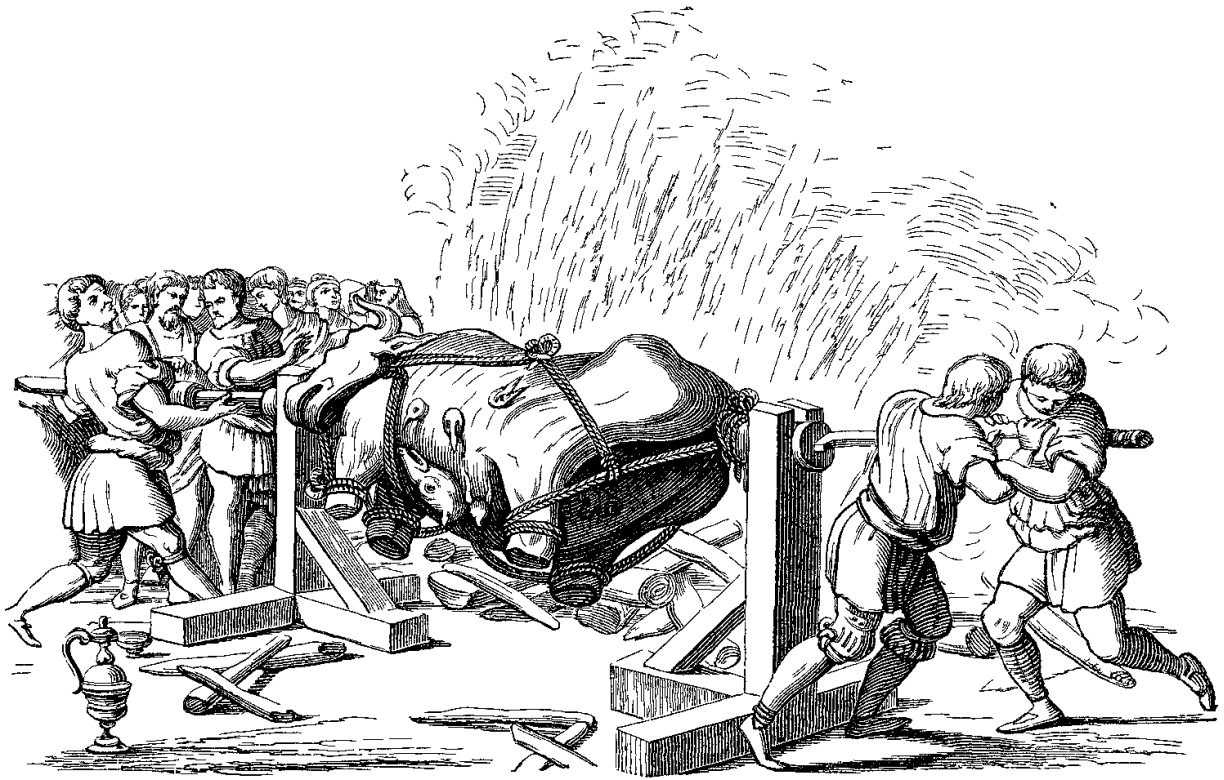

Fig. 168 —Free Distribution of Bread, Meat, and Wine to the People—Reduced Copy of a Woodcut of the Solemn Entry of Charles V and Pope Clement VII into Bologna, in 1530.

[back](#)

Fig. 169.—Feats in Balancing.—Fac-simile of a Miniature in a Manuscript in the Bodleian Library at Oxford (Thirteenth Century).

[back](#)

Fig. 169.—Feats in Balancing.—Fac-simile of a Miniature in a Manuscript in the Bodleian Library at Oxford (Thirteenth Century).

[back](#)

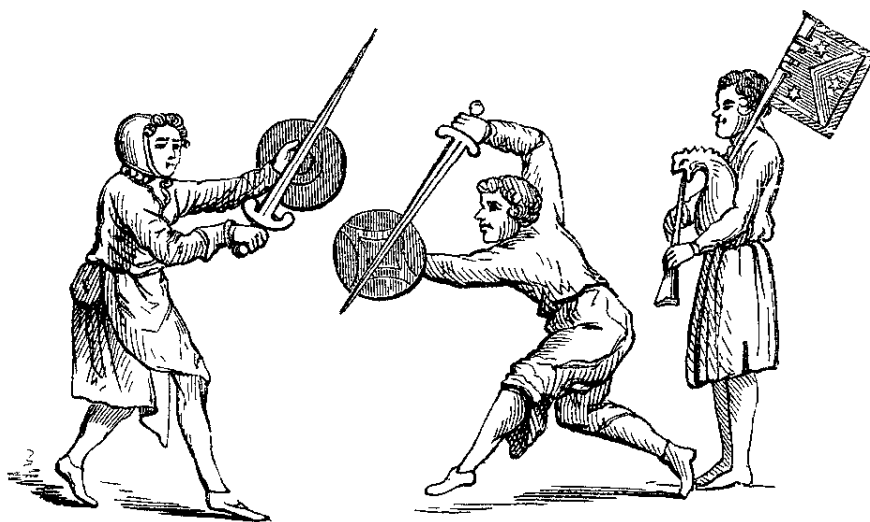

Fig. 170.—Sword-dance to the sound of the Bagpipe.—Fac-simile of a Manuscript in the British Museum (Fourteenth Century).

[back](#)

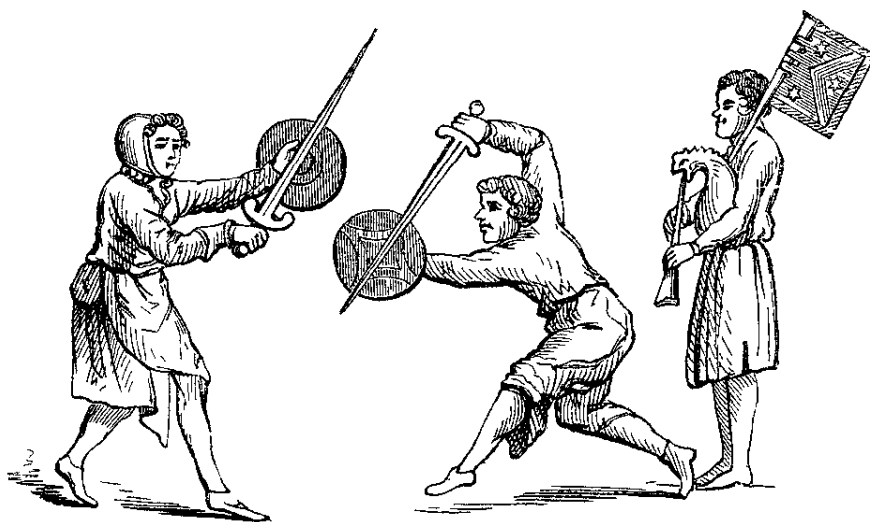

Fig. 170.—Sword-dance to the sound of the Bagpipe.—Fac-simile of a Manuscript in the British Museum (Fourteenth Century).

[back](#)

Fig. 171.—Jugglers exhibiting Monkeys and Bears.—Fac-simile of a Manuscript in the British Museum (Thirteenth Century).

[back](#)

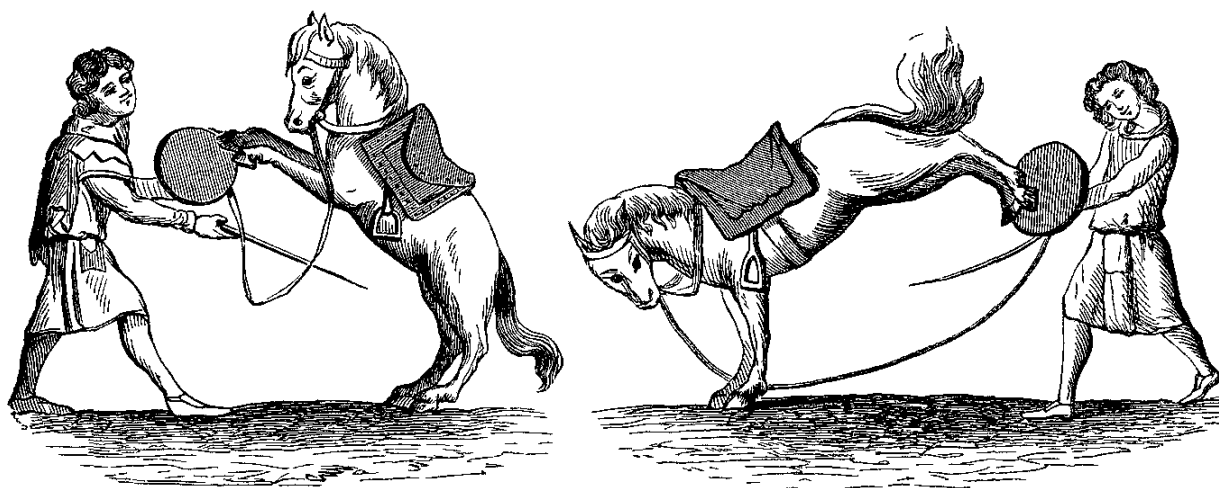

Fig. 172.—Equestrian Performances.—Fac-simile of a Miniature in an English Manuscript of the Thirteenth Century.

[back](#)

Fig. 171.—Jugglers exhibiting Monkeys and Bears.—Fac-simile of a Manuscript in the British Museum (Thirteenth Century).

[back](#)

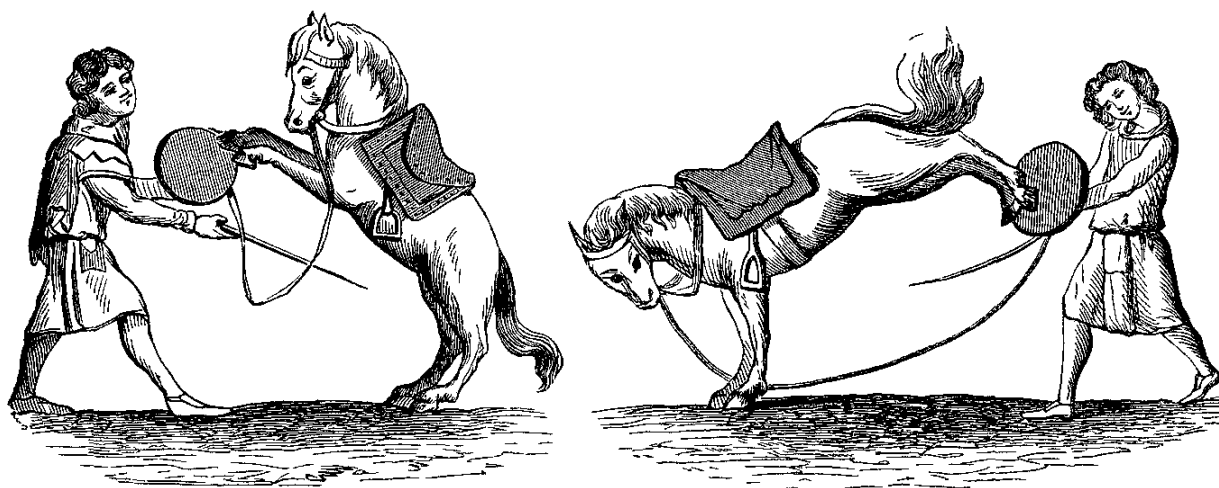

Fig. 172.—Equestrian Performances.—Fac-simile of a Miniature in an English Manuscript of the Thirteenth Century.

[back](#)

Fig. 173.—Jugglers performing in public.—From a Miniature of the Manuscript of “Guarin de Loherane” (Thirteenth Century).—Library of the Arsenal, Paris.

[back](#)

Fig. 173.—Jugglers performing in public.—From a Miniature of the Manuscript of “Guarin de Loherane” (Thirteenth Century).—Library of the Arsenal, Paris.

[back](#)

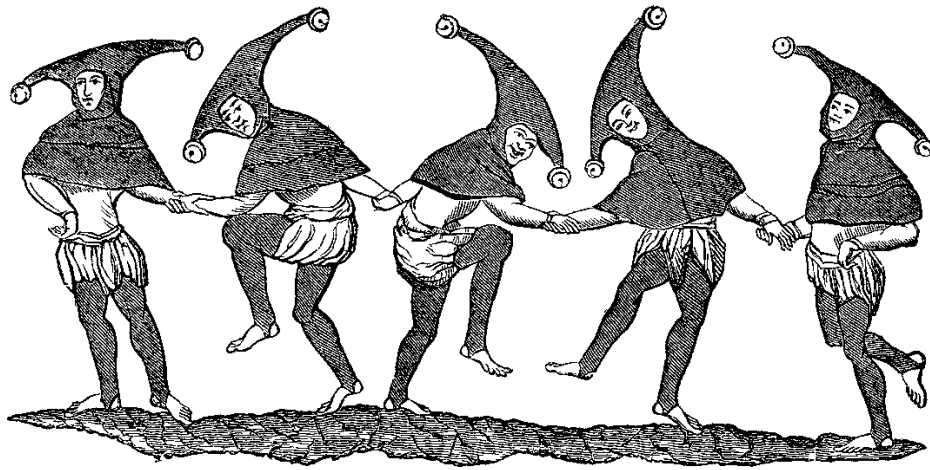

Fig. 174.—Dance of Fools.—Fac-simile of a Miniature in Manuscript of the Thirteenth Century in the Bodleian Library of Oxford.

[back](#)

Fig. 175.—Court Fool.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: folio (Basle, 1552).

[back](#)

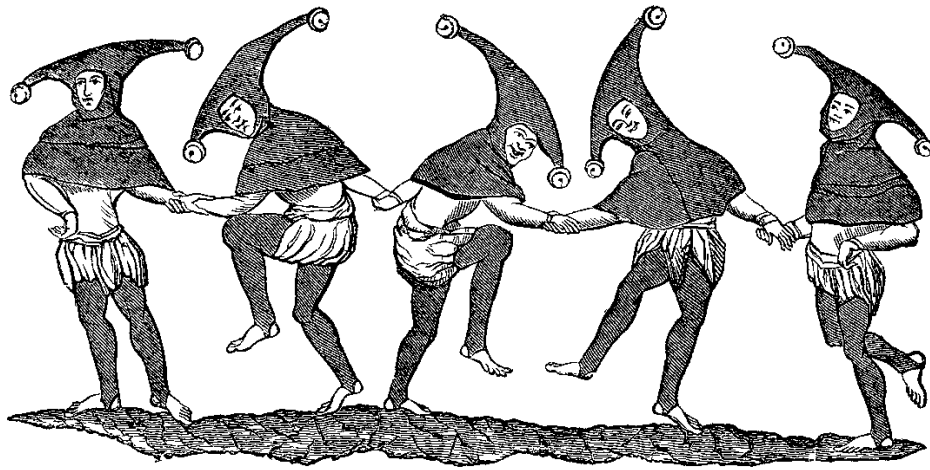

Fig. 174.—Dance of Fools.—Fac-simile of a Miniature in Manuscript of the Thirteenth Century in the Bodleian Library of Oxford.

[back](#)

A COURT-FOOL, OF 15th CENTURY.

Fac-simile of a miniature from a ms. in the Bibl. de l'Arsenal, Th. lat., n° 125.

[back](#)

Fig. 175.—Court Fool.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: folio (Basle, 1552).

[back](#)

Fig 176 —Fireworks on the Water, with an Imitation of a Naval Combat—Fac simile of an Engraving on Copper of the “Pyrotechnie” of Hanzelet le Lorrain 4to (Pont à-Mousson, 1630)

[back](#)

Fig 176 —Fireworks on the Water, with an Imitation of a Naval Combat—Fac simile of an Engraving on Copper of the “Pyrotechnie” of Hanzelet le Lorrain 4to (Pont à-Mousson, 1630)

[back](#)

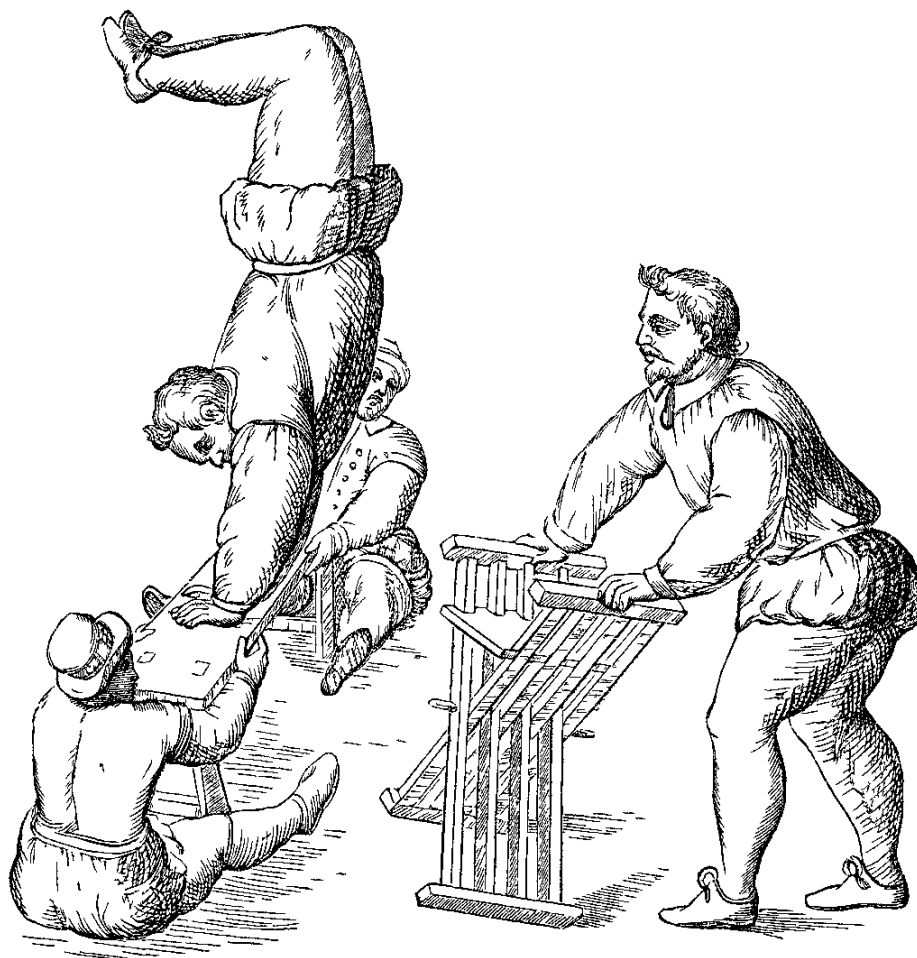

Fig. 177.—Somersaults.—Fac-simile of a Woodcut in “Exercises in Leaping and Vaulting,”
by A. Tuccaro : 4to (Paris, 1599).

[back](#)

Fig. 178.—The Spring-board.—Fac-simile of a Woodcut in “Exercises in Leaping and Vaulting,” by A. Tuccaro : 4to (Paris, 1599).

[back](#)

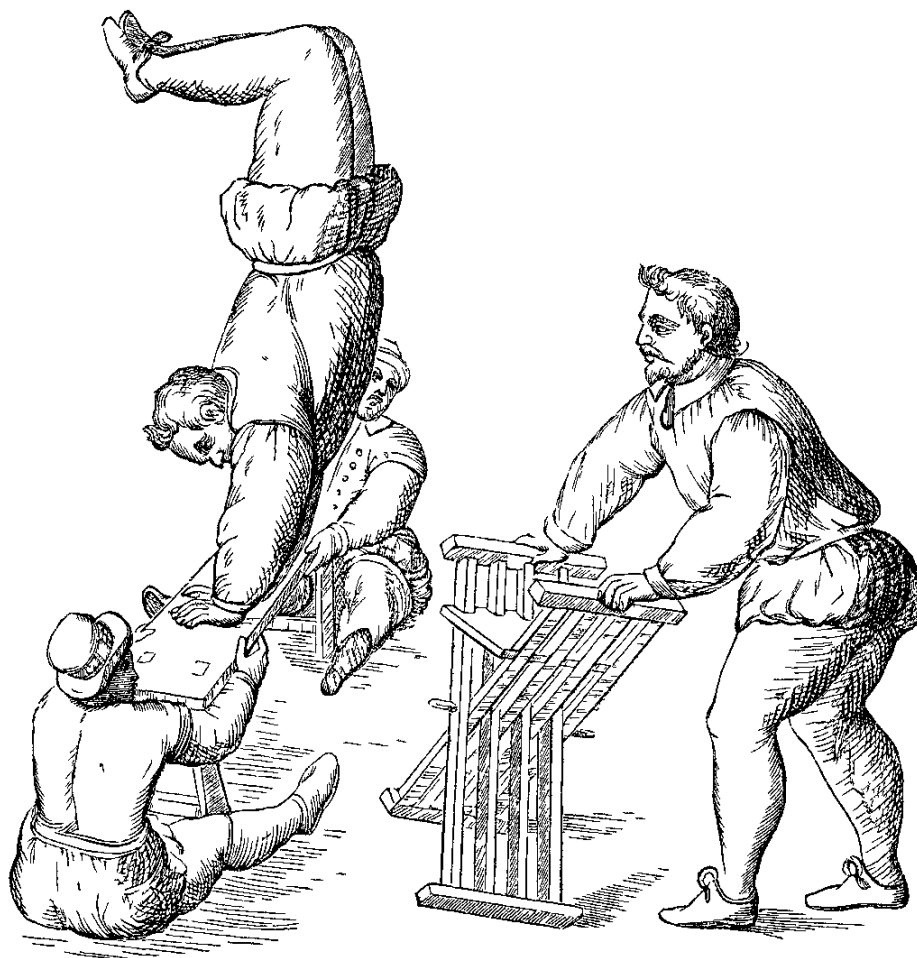

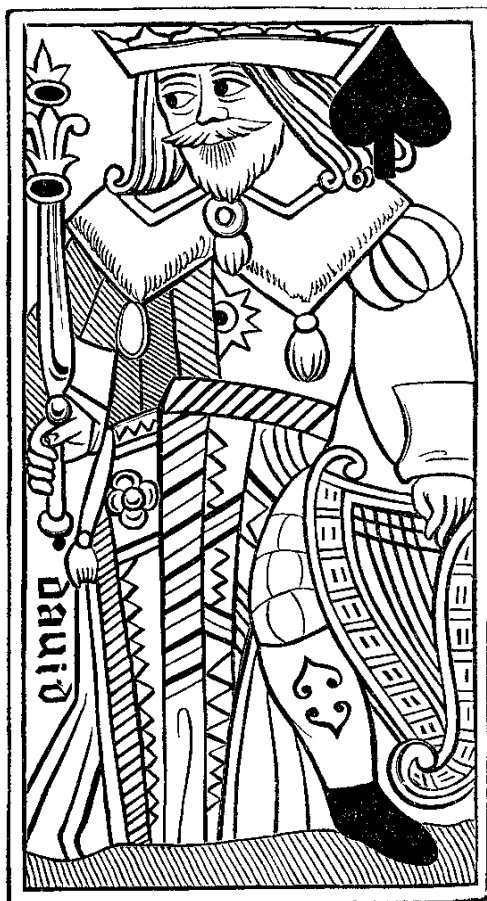
Fig. 177.—Somersaults.—Fac-simile of a Woodcut in “Exercises in Leaping and Vaulting,”
by A. Tuccaro : 4to (Paris, 1599).

[back](#)

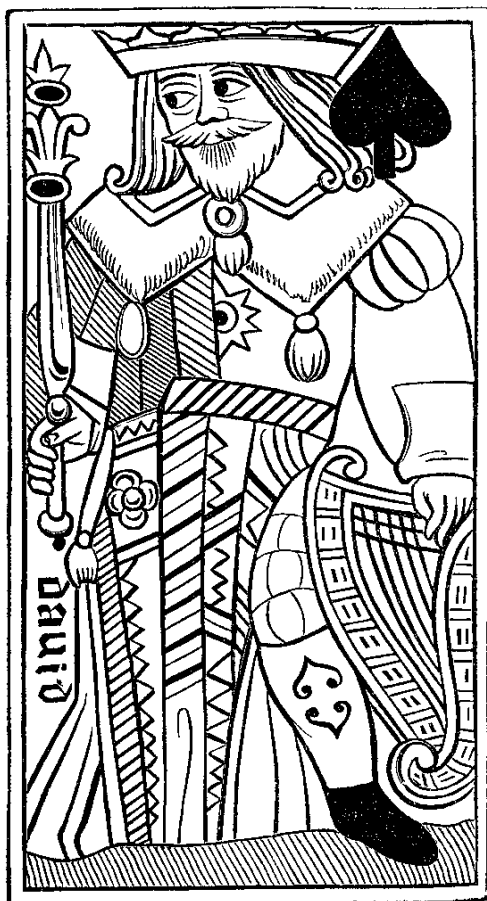
Fig. 178.—The Spring-board.—Fac-simile of a Woodcut in “Exercises in Leaping and Vaulting,” by A. Tuccaro : 4to (Paris, 1599).

[back](#)

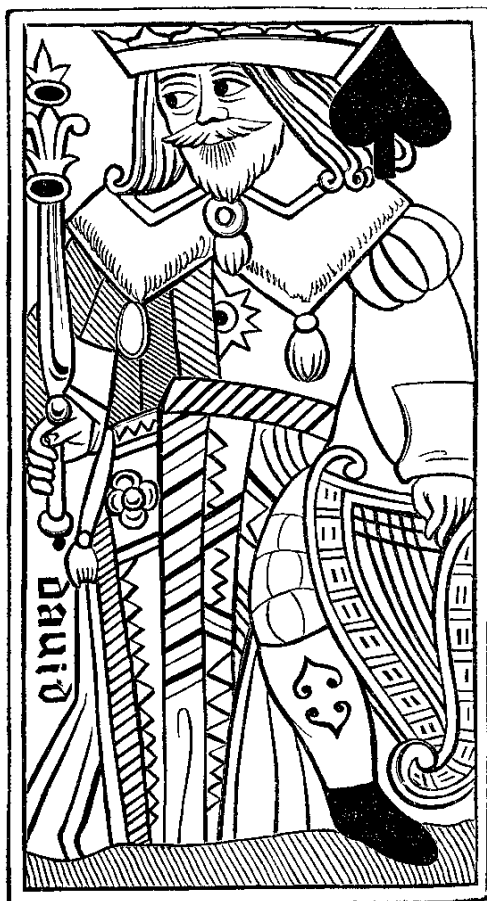
Figs. 179 and 180.—French Cards for a Game of Piquet, early Sixteenth Century.—Collection of the National Library of Paris.

[back](#)

Figs. 179 and 180.—French Cards for a Game of Piquet, early Sixteenth Century.—Collection of the National Library of Paris.

[back](#)

Figs. 179 and 180.—French Cards for a Game of Piquet, early Sixteenth Century.—Collection of the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 181.—Allegorical Scene of one of the Courts of Love in Provence —In the First Compartment, the God of Love, Cupid, is sitting on the Stump of a Laurel-tree, wounding with his Darts those who do him homage, the Second Compartment represents the Love Vows of Men and Women.—From the Cover of a Looking-glass, carved in Ivory, of the end of the Thirteenth Century.

[back](#)

THE CHESS-PLAYERS.

After a miniature of "*The Three Ages of Man*", a ms. of the fifteenth century attributed to Estienne Porchier. (Bibl. of M. Ambroise Firmin-Didot.)

The scene is laid in one of the saloons of the castle of Plessis-les-Tours, the residence of Louis XI: in the player to the right, the features of the king are recognisable.

[back](#)

Fig. 181.—Allegorical Scene of one of the Courts of Love in Provence —In the First Compartment, the God of Love, Cupid, is sitting on the Stump of a Laurel-tree, wounding with his Darts those who do him homage, the Second Compartment represents the Love Vows of Men and Women.—From the Cover of a Looking-glass, carved in Ivory, of the end of the Thirteenth Century.

[back](#)

Fig. 182.—Dancers on Christmas Night punished for their Impiety, and condemned to dance for a whole Year (Legend of the Fifteenth Century).—Fac-simile of a Woodcut by P. Wohlge-muth, in the "Liber Chronicorum Mundi : " folio (Nuremberg, 1493).

[back](#)

Fig. 182.—Dancers on Christmas Night punished for their Impiety, and condemned to dance for a whole Year (Legend of the Fifteenth Century).—Fac-simile of a Woodcut by P. Wohlge-muth, in the “*Liber Chronicorum Mundi* :” folio (Nuremberg, 1493).

[back](#)

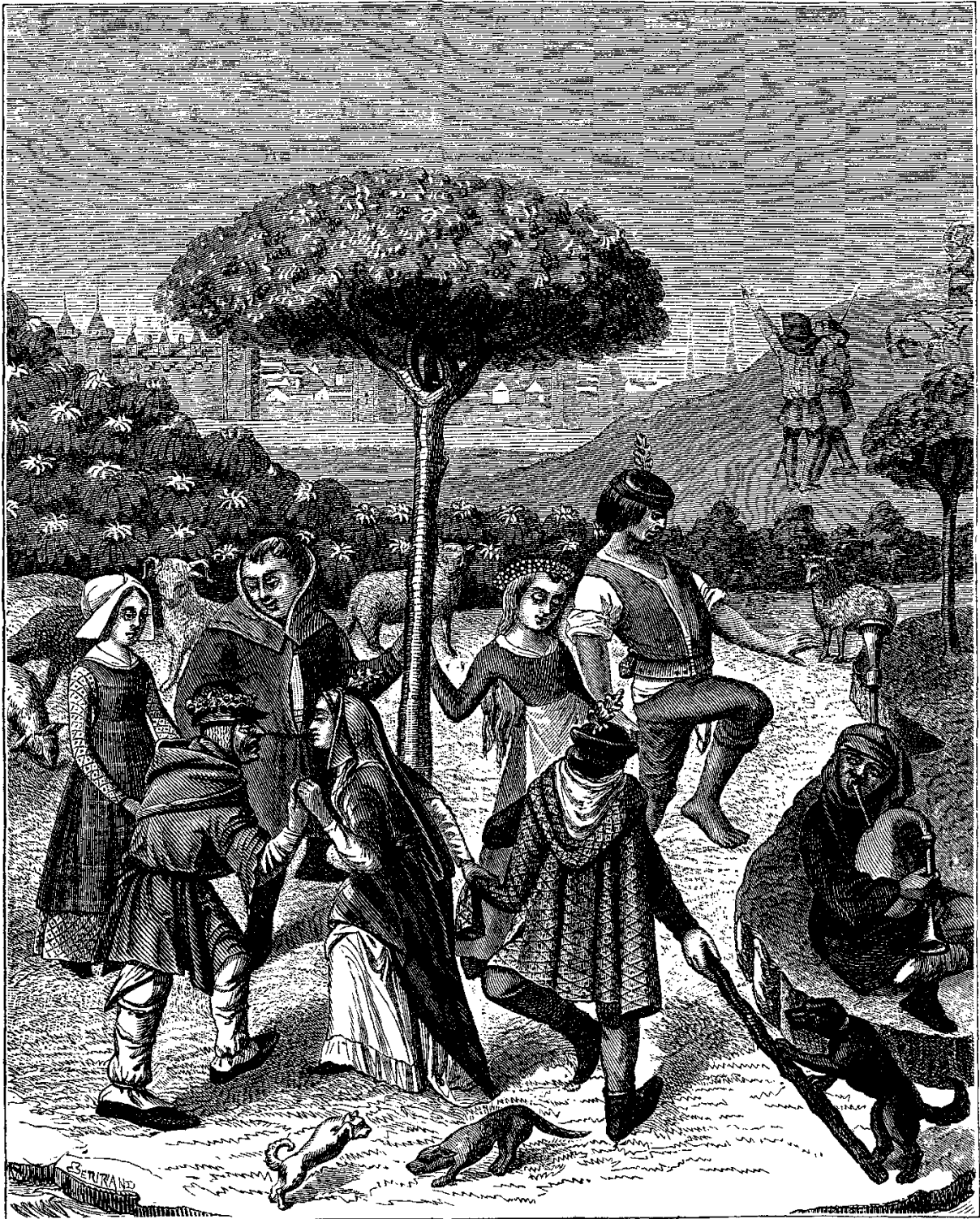

Fig. 183. —Peasant Dances at the May Feasts.—Fac-simile of a Miniature in a Prayer-book of the Fifteenth Century, in the National Library of Paris.

[back](#)

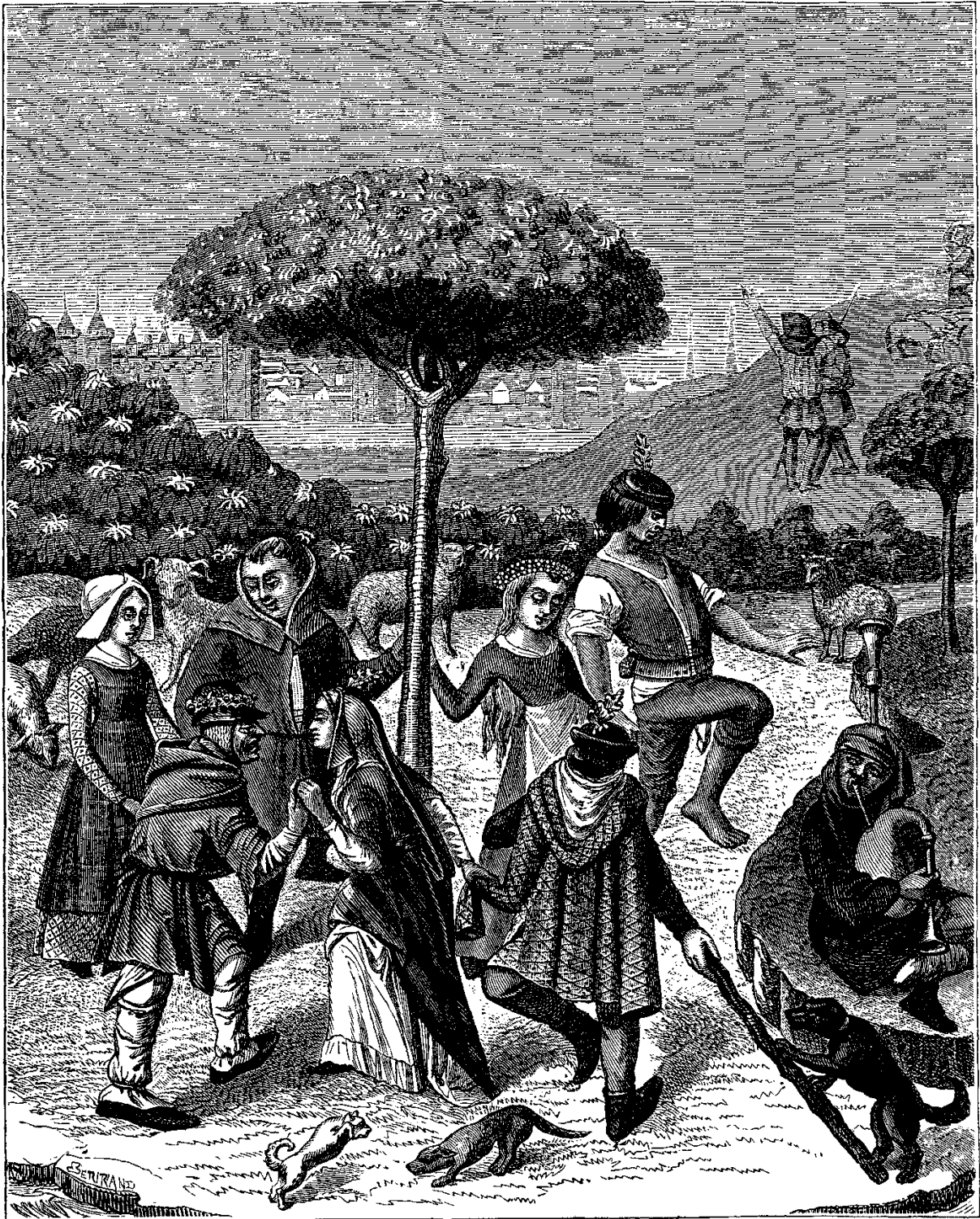

Fig. 183. —Peasant Dances at the May Feasts.—Fac-simile of a Miniature in a Prayer-book of the Fifteenth Century, in the National Library of Paris.

[back](#)

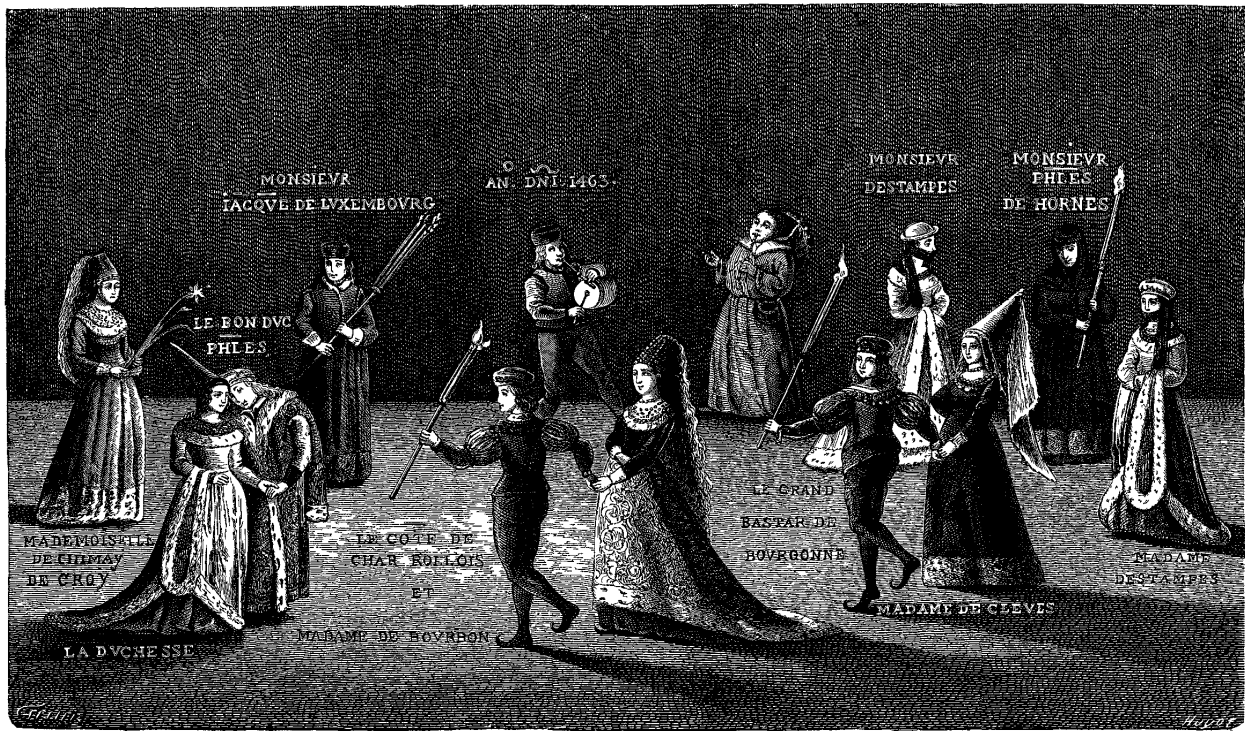

Fig. 184.—Dance by Torchlight, a Scene at the Court of Burgundy.—From a Painting on Wood of 1463, belonging to M. H. Casterman, of Tournai (Belgium).

[back](#)

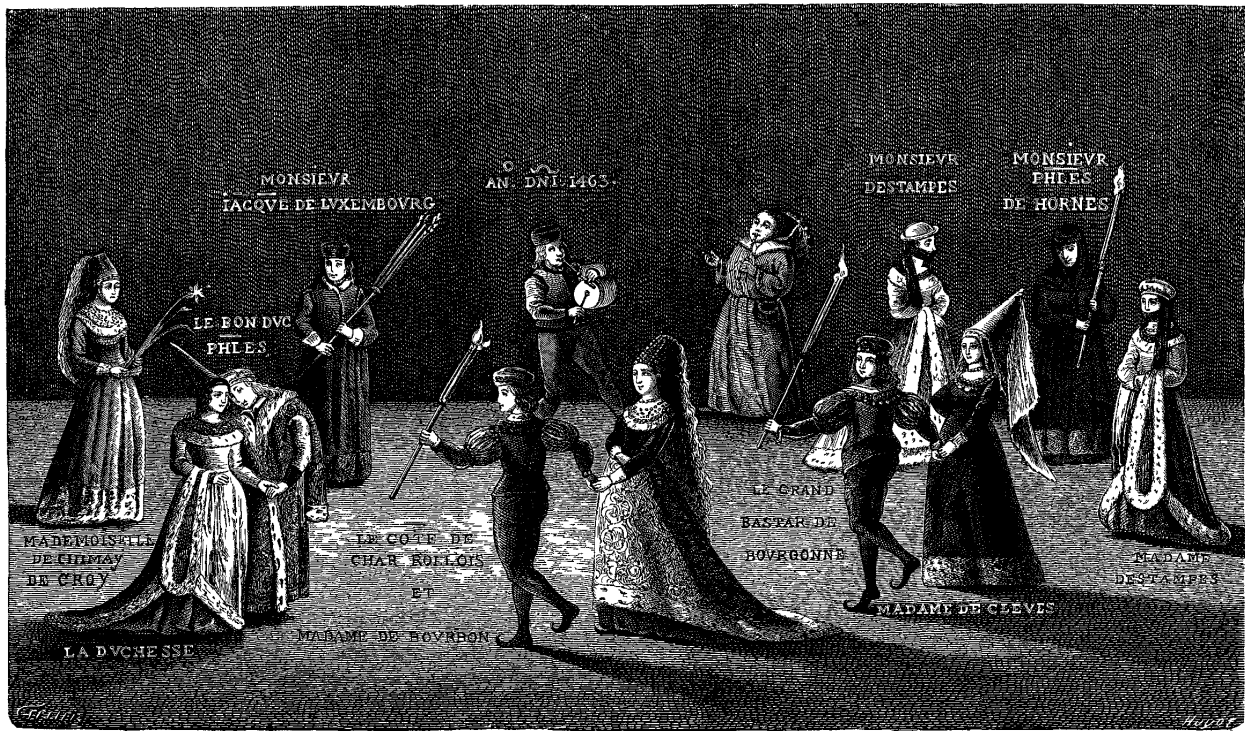

Fig. 184.—Dance by Torchlight, a Scene at the Court of Burgundy.—From a Painting on Wood of 1463, belonging to M. H. Casterman, of Tournai (Belgium).

[back](#)

Fig. 185.—The Burning Ballet.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the “Chroniques” of Froissart (Fifteenth Century), in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 185.—The Burning Ballet.—Fac-simile of a Miniature in the Manuscript of the "Chroniques" of Froissart (Fifteenth Century), in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 186.—Musicians accompanying the Dancing.—Fac-simile of a Wood Engraving in the “Orchésographie” of Thoinot Arbeau (Jehan Tabourot): 4to (Langres, 1588).

[back](#)

Fig. 187 —The Dance called “La Gaillarde.”—Fac-simile of Wood Engravings from the “Orchésographie” of Thoinot Arbeau (Jehan Tabourot): 4to (Langres, 1588).

[back](#)

Fig. 188.—The Game of Bob Apple, or Swinging Apple.—Manuscript of the Fourteenth Century, in the British Museum.

[back](#)

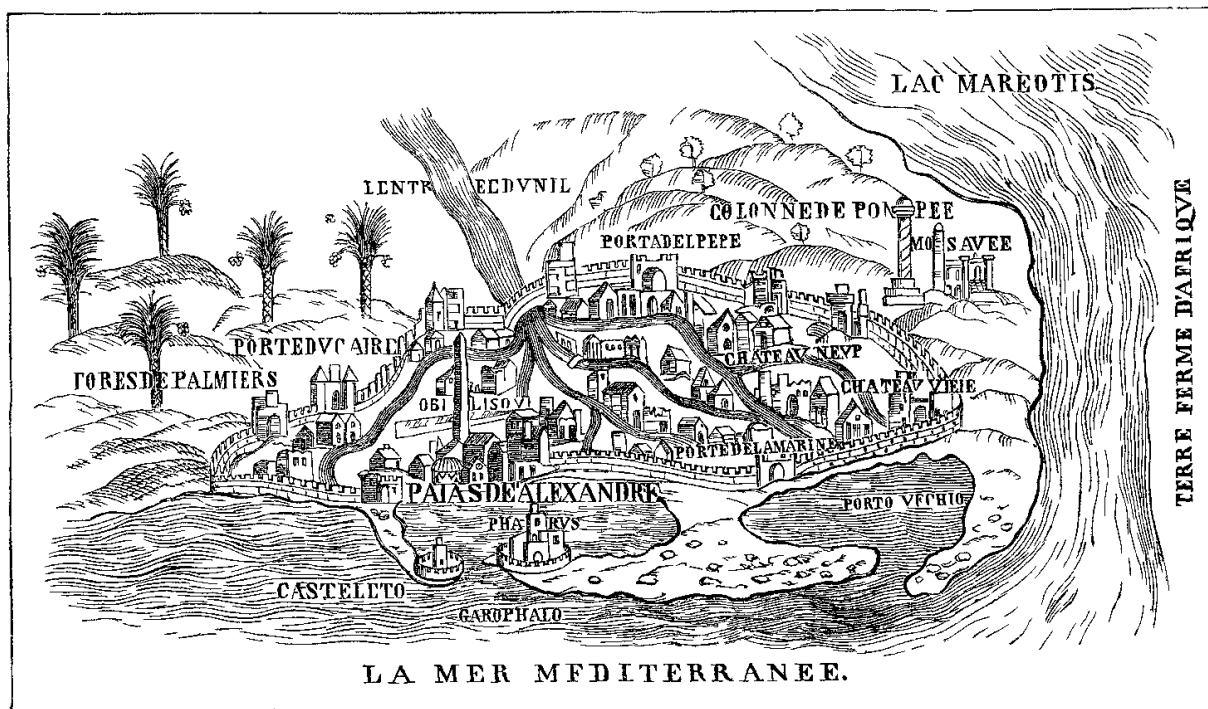

Fig 189 —View of Alexandria in Egypt, in the Sixteenth Century —Fac-simile of a Woodcut in the Travels of P. Belon, "Observations de Plusieurs Singularitez, ' &c 4to (Paris, 1588).

[back](#)

Fig 190 —Transport of Merchandise on the Backs of Camels —Fac-simile of a Woodcut in the
“Cosmographie Universelle,” of Thevet folio, 1575

[back](#)

Fig 190 —Transport of Merchandise on the Backs of Camels —Fac-simile of a Woodcut in the
“Cosmographie Universelle,” of Thevet folio, 1575

[back](#)

Fig 191 —Trade on the Sea-ports of the Levant —After a Miniature in a Manuscript of the Travels of Marco Polo (Fifteenth Century), Library of the Arsenal of Paris

[back](#)

Fig 191 —Trade on the Sea-ports of the Levant —After a Miniature in a Manuscript of the Travels of Marco Polo (Fifteenth Century), Library of the Arsenal of Paris

[back](#)

Homme mortel vivant au monde est compare a navire sur mer ou riviere peril-
leuse portant riche marchandise/ lequel sil peult venir au port que le marchand
desire il sera heurteux & riche. La navire quant entre en mer iusques a fin de son voya-
ge est en grand peril destre noyee ou prise des ennemis/ Car en mer sont tousiours
perils. Tel est le corps de l'homme vivant au monde/ la marchandise quil porte
est son ame/ Les Vertus & bonnes oeuvres. Le port est paradis/ Auquel qui y par-
vient est souverainement riche/ La mer est le monde plain de vices et pechez-
que qui fault a le passer est en peril & danger perdre corps & ame/ destre noyee en la mer infer-
nale/ dont dient par sa grace nous vueille garder. Amen, *

Fig. 192.—Merchant Vessel in a Storm.—Fac-simile of a Woodcut in the “Grand Calendrier et Compost des Bergers,” in folio: printed at Troyes, about 1490, by Nicolas de Rouge.

* “Mortal man, living in the world, is compared to a vessel on perilous seas, bearing rich merchandise, by which, if it can come to harbour, the merchant will be rendered rich and happy. The ship from the commencement to the end of its voyage is in great peril of being lost or taken by an enemy, for the seas are always beset with perils. So is the body of man during its sojourn in the world. The merchandise he bears is his soul, his virtues, and his good deeds. The harbour is paradise, and he who reaches that haven is made supremely rich. The sea is the world, full of vices and sins, and in which all, during their passage through life, are in peril and danger of losing body and soul and of being drowned in the infernal sea, from which God in His grace keep us! Amen.”

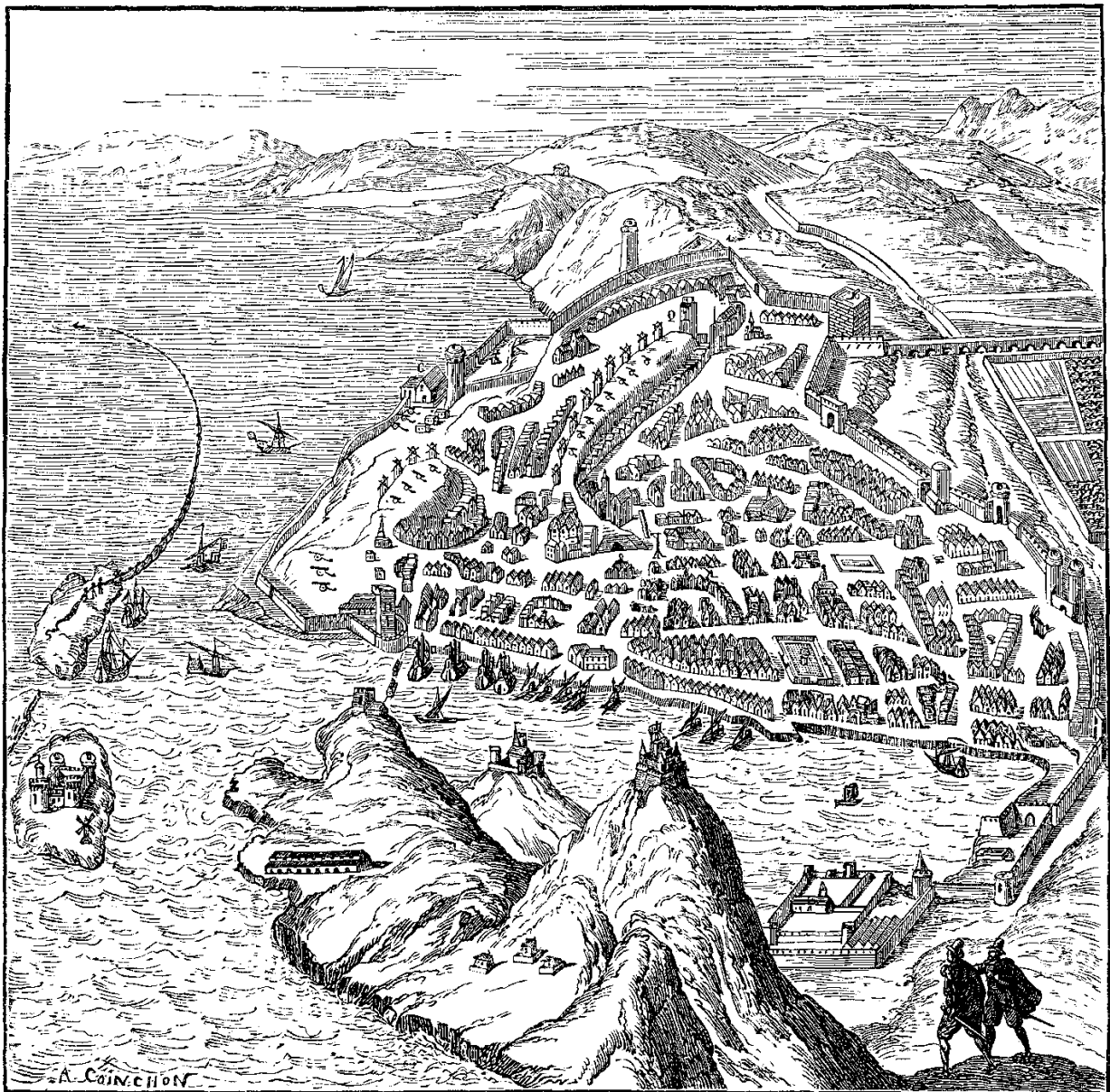

Fig. 193.— View and Plan of Marseilles and its Harbour, in the Sixteenth Century.—From a Copper-plate in the Collection of G. Bruin, in folio : “Théâtre des Citez du Monde.”

[back](#)

Homme mortel vivant au monde est compare a navire sur mer ou riviere peril-
 leuse portant riche marchandise! lequel sil peult venir au port que le marchand
 desire il sera heurteux & riche. La navire quant entre en mer iusques a fin de son voya-
 ge est en grand peril destre noyee ou prise des ennemis! Car en mer sont tousiours
 perils. Tel est le corps de l'homme vivant au monde! la marchandise quil porte
 est son ame! Les Vertus & bonnes oeuvres. Le port est paradis! Auquel qui y par-
 vient est souverainement riche! La mer est le monde plain de vices et pechez.
 que qui fault a le passer est en peril & dangier perdre corps & ame! destre noye en la mer infer-
 nale! dont dient par sa grace nous vueille garder. Amen, *

Fig. 192.—Merchant Vessel in a Storm.—Fac-simile of a Woodcut in the “Grand Calendrier et
 Compost des Bergers,” in folio: printed at Troyes, about 1490, by Nicolas de Rouge.

* “Mortal man, living in the world, is compared to a vessel on perilous seas, bearing rich mer-
 chandise, by which, if it can come to harbour, the merchant will be rendered rich and happy. The
 ship from the commencement to the end of its voyage is in great peril of being lost or taken by an
 enemy, for the seas are always beset with perils. So is the body of man during its sojourn in the
 world. The merchandise he bears is his soul, his virtues, and his good deeds. The harbour is
 paradise, and he who reaches that haven is made supremely rich. The sea is the world, full of
 vices and sins, and in which all, during their passage through life, are in peril and danger of
 losing body and soul and of being drowned in the infernal sea, from which God in His grace keep
 us! Amen.”

[back](#)

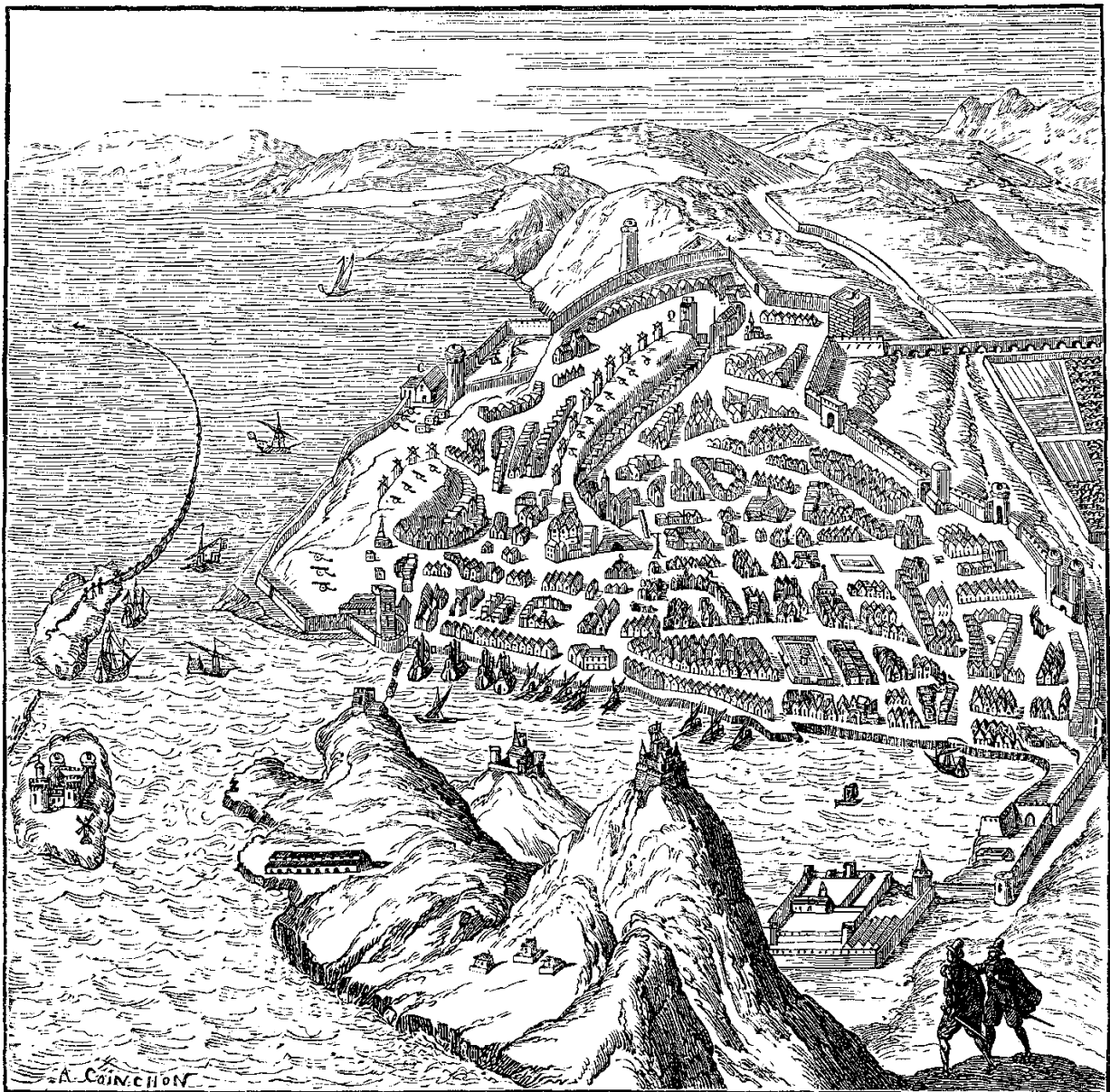

Fig. 193.— View and Plan of Marseilles and its Harbour, in the Sixteenth Century.—From a Copper-plate in the Collection of G. Bruin, in folio : “Théâtre des Citez du Monde.”

[back](#)

Fig. 194.—Whale-Fishing.—Fac-simile of a Woodcut in the “*Cosmographie Universelle*” or Thevet, in folio: Paris, 1574.

[back](#)

Fig. 195.—Measurers of Corn in Paris.

Fig. 196.—Hay Carriers.

Fac-simile of Woodcuts from the "Royal Orders concerning the Jurisdiction of the Company of Merchants and Shrievalty in the City of Paris," in small folio goth. : Jacques Nyverd, 1528.

[back](#)

Fig. 194.—Whale-Fishing.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” or Thevet, in folio: Paris, 1574.

[back](#)

Fig. 195.—Measurers of Corn in Paris.

Fig. 196.—Hay Carriers.

Fac-simile of Woodcuts from the "Royal Orders concerning the Jurisdiction of the Company of Merchants and Shrievalty in the City of Paris," in small folio goth. : Jacques Nyverd, 1528.

[back](#)

Fig. 195.—Measurers of Corn in Paris.

Fig. 196.—Hay Carriers.

Fac-simile of Woodcuts from the "Royal Orders concerning the Jurisdiction of the Company of Merchants and Shrievalty in the City of Paris," in small folio goth. : Jacques Nyverd, 1528.

[back](#)

Fig. 201.—Standard Weight in Brass of the Fish-market at Mans : Sign of the Syren (End of the Sixteenth Century).

[back](#)

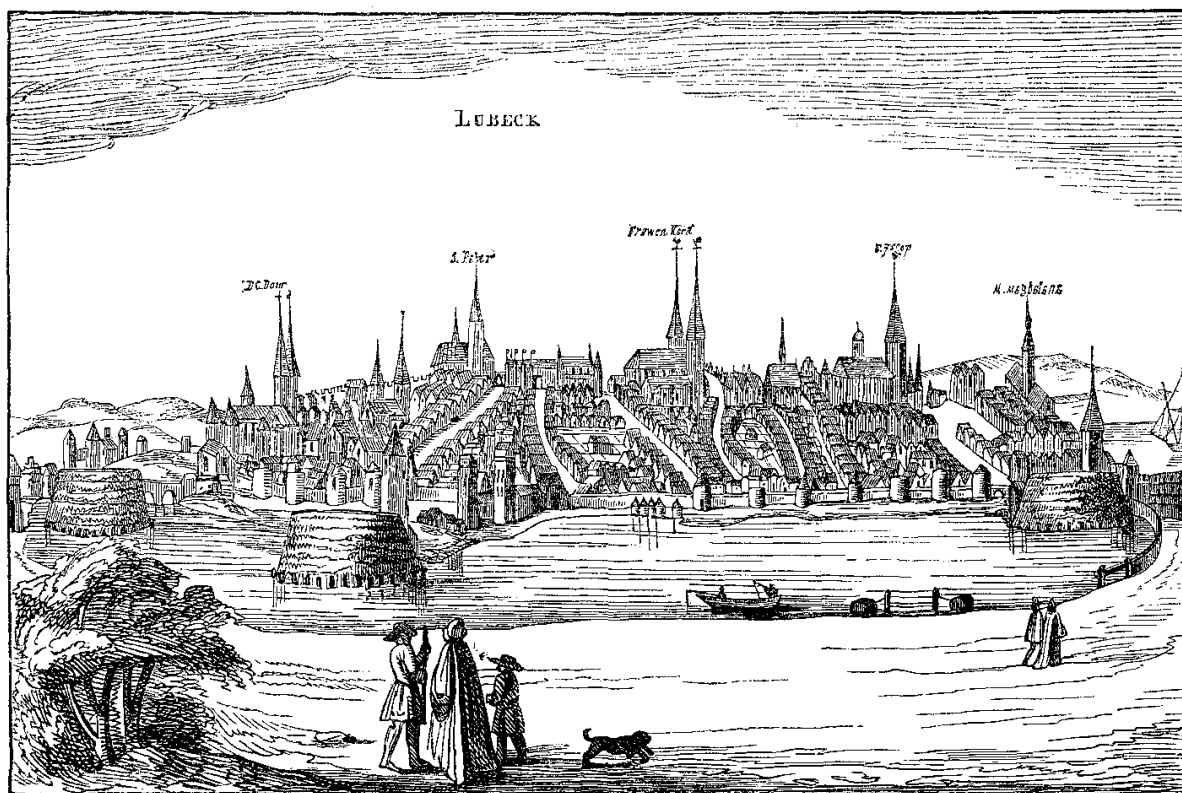

Fig. 197.—View of Lubeck and its Harbour (Sixteenth Century).—From a Copper-plate in the Work of P. Bertius, “*Commentaria Rerum Germanicarum*,” in 4to: Amsterdam, 1616.

[back](#)

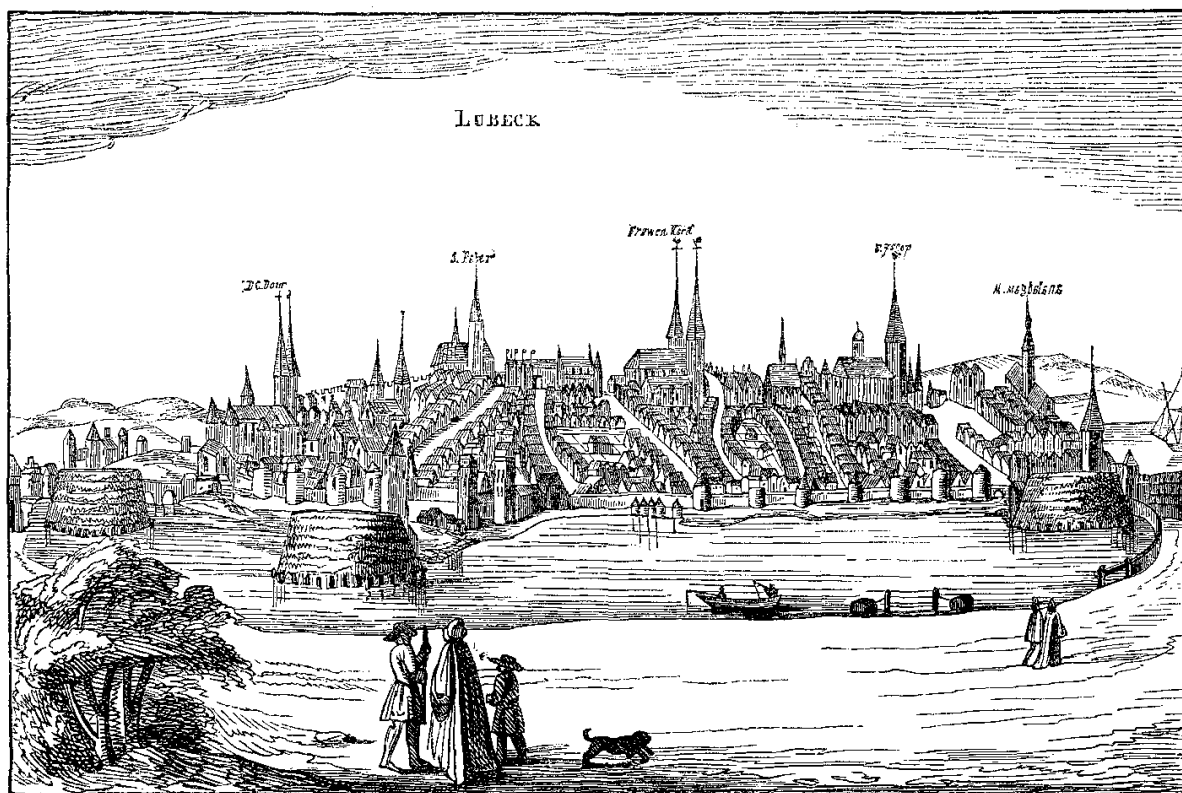

Fig. 197.—View of Lubeck and its Harbour (Sixteenth Century).—From a Copper-plate in the Work of P. Bertius, “*Commentaria Rerum Germanicarum*,” in 4to: Amsterdam, 1616.

[back](#)

Fig 198 —Execution of the celebrated pirate Störtebeck and his seventy accomplices, in 1402, at Hamburg —From a popular Picture of the end of the Sixteenth Century (Hamburg Library).

[back](#)

Fig 198 —Execution of the celebrated pirate Störtebeck and his seventy accomplices, in 1402, at Hamburg —From a popular Picture of the end of the Sixteenth Century (Hamburg Library).

[back](#)

Fig. 199.—Discovery of America, 12th of May, 1492.—Columbus erects the Cross and baptizes the Isle of Guanahani (now Cat Island, one of the Bahamas) by the Christian Name of St. Salvador.—From a Stamp engraved on Copper by Th. de Bry, in the Collection of “Grands Voyages,” in folio, 1590.

[back](#)

Fig. 199.—Discovery of America, 12th of May, 1492.—Columbus erects the Cross and baptizes the Isle of Guanahani (now Cat Island, one of the Bahamas) by the Christian Name of St. Salvador.—From a Stamp engraved on Copper by Th. de Bry, in the Collection of “Grands Voyages,” in folio, 1590.

[back](#)

Fig. 200.—Medal to commemorate the Association of the Merchants of the City of Rouen.

[back](#)

Fig. 200.—Medal to commemorate the Association of the Merchants of the City of Rouen.

[back](#)

Fig. 201.—Standard Weight in Brass of the Fish-market at Mans : Sign of the Syren (End of the Sixteenth Century).

[back](#)

Genz d' metier.

Fig 202.—Craftsmen in the Fourteenth Century —Fac-simile of a Miniature of a Manuscript in the Library of Brussels.

[back](#)

Genz d' metier.

Fig 202.—Craftsmen in the Fourteenth Century —Fac-simile of a Miniature of a Manuscript in the Library of Brussels.

[back](#)

merchants:-

Fig. 203.—Merchants or Tradesmen of the Fourteenth Century.—Fac-simile of a Miniature in a Manuscript of the Library at Brussels.

[back](#)

merchants:-

Fig. 203.—Merchants or Tradesmen of the Fourteenth Century.—Fac-simile of a Miniature in a Manuscript of the Library at Brussels.

[back](#)

Fig. 204.—Seal of the United Trades of Ghent (End of the Fifteenth Century).

[back](#)

Fig. 204.—Seal of the United Trades of Ghent (End of the Fifteenth Century).

[back](#)

Fig. 205.—Seal of the Corporation of Carpenters of St. Trond (Belgium)—From an Impression preserved in the Archives of that Town (1481).

[back](#)

Fig. 213.—Funeral Token of
the Corporation of Carpen-
ters of Maestricht.

[back](#)

Fig. 205.—Seal of the Corporation of Carpenters of St. Trond (Belgium)—From an Impression preserved in the Archives of that Town (1481).

[back](#)

Fig. 206.—Seal of the Corporation of Shoemakers of St. Trond, from a Map of 1481, preserved in the Archives of that Town.

[back](#)

Fig. 207.—Seal of the Corporation of Wool-weavers of Hasselt (Belgium), from a Parchment Title-deed of June 25, 1574.

[back](#)

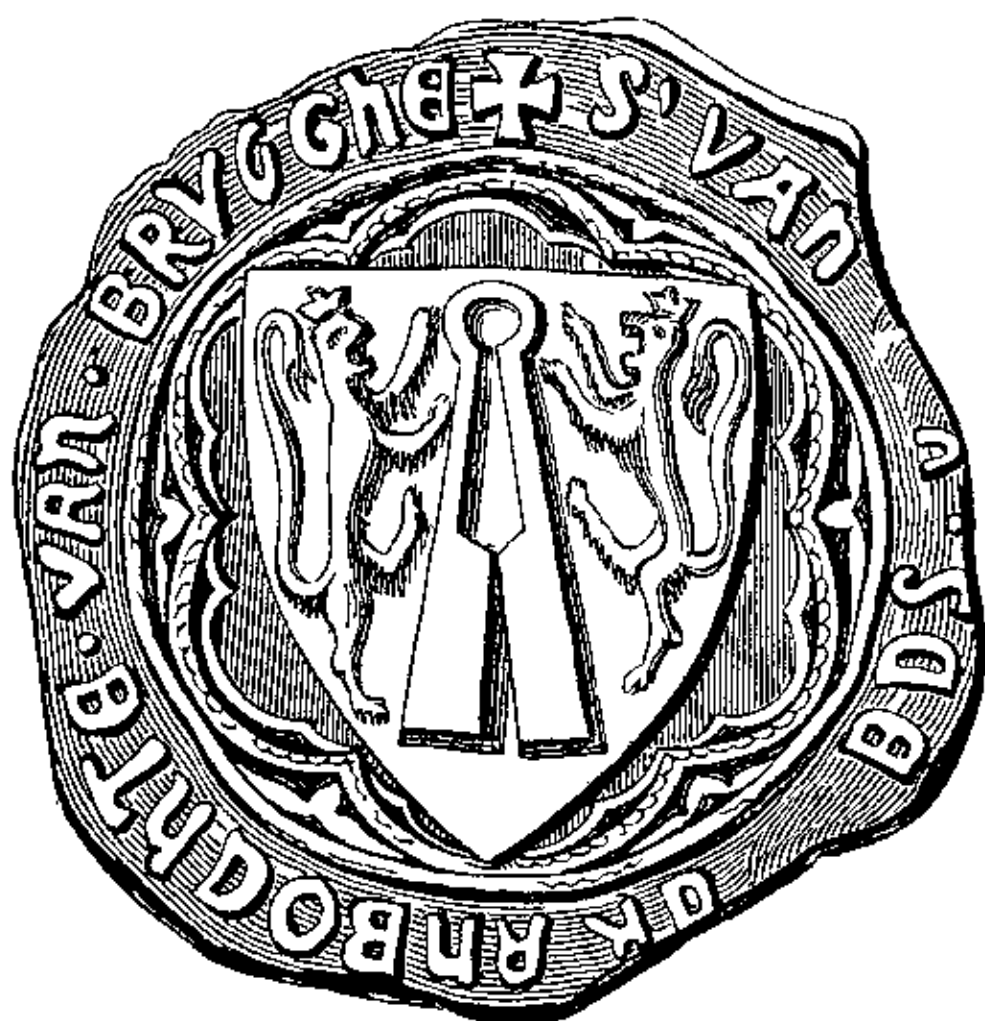

Fig. 208.—Seal of the Corporation of Clothworkers of Bruges (1356).—From an Impression preserved in the Archives of that Town.

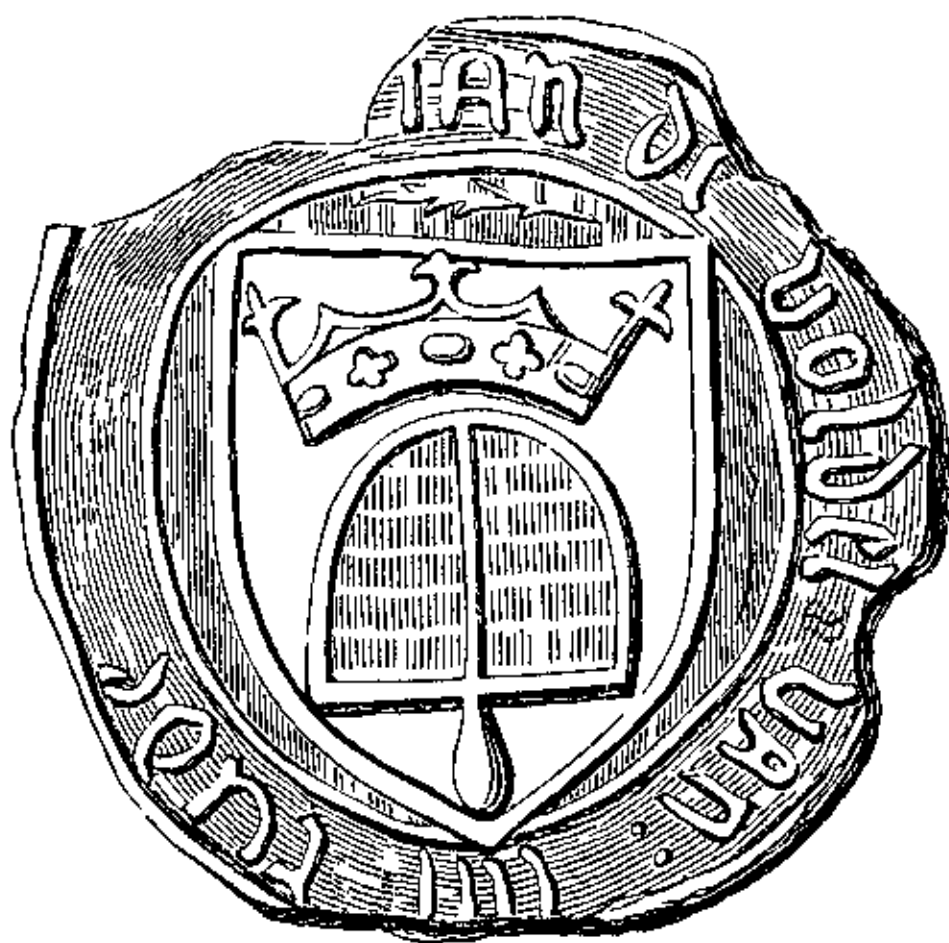

Fig. 209.—Seal of the Corporation of Fullers of St. Trond (about 1350).—From an Impression preserved in the Archives of that Town.

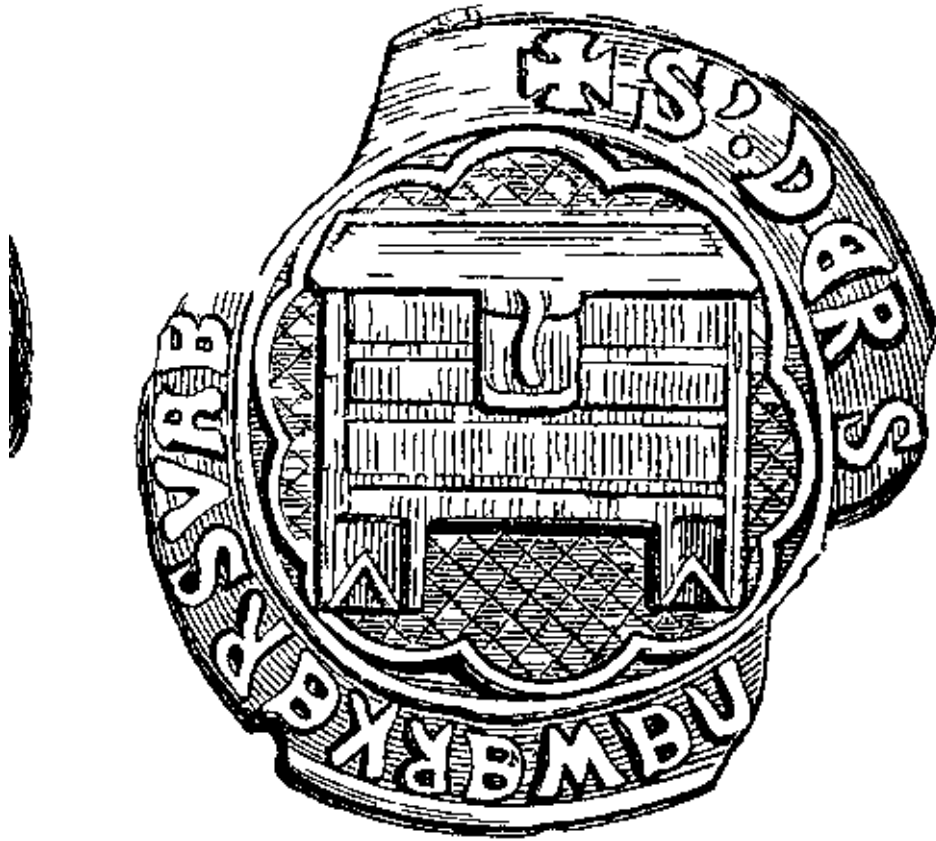

FIG. 210.—Seal of the Corporation of Joiners of Bruges (1356).—From an Impression preserved in the Archives of that Town.

[back](#)

Fig. 211.—Token of the Corporation of Carpenters of Maestricht.

[back](#)

Fig. 212.—Token of the Corporation of Carpenters of Antwerp.

[back](#)

Fig. 213.—Funeral Token of
the Corporation of Carpen-
ters of Maestricht.

[back](#)

Fig. 214.—Cloth worker.

[back](#)

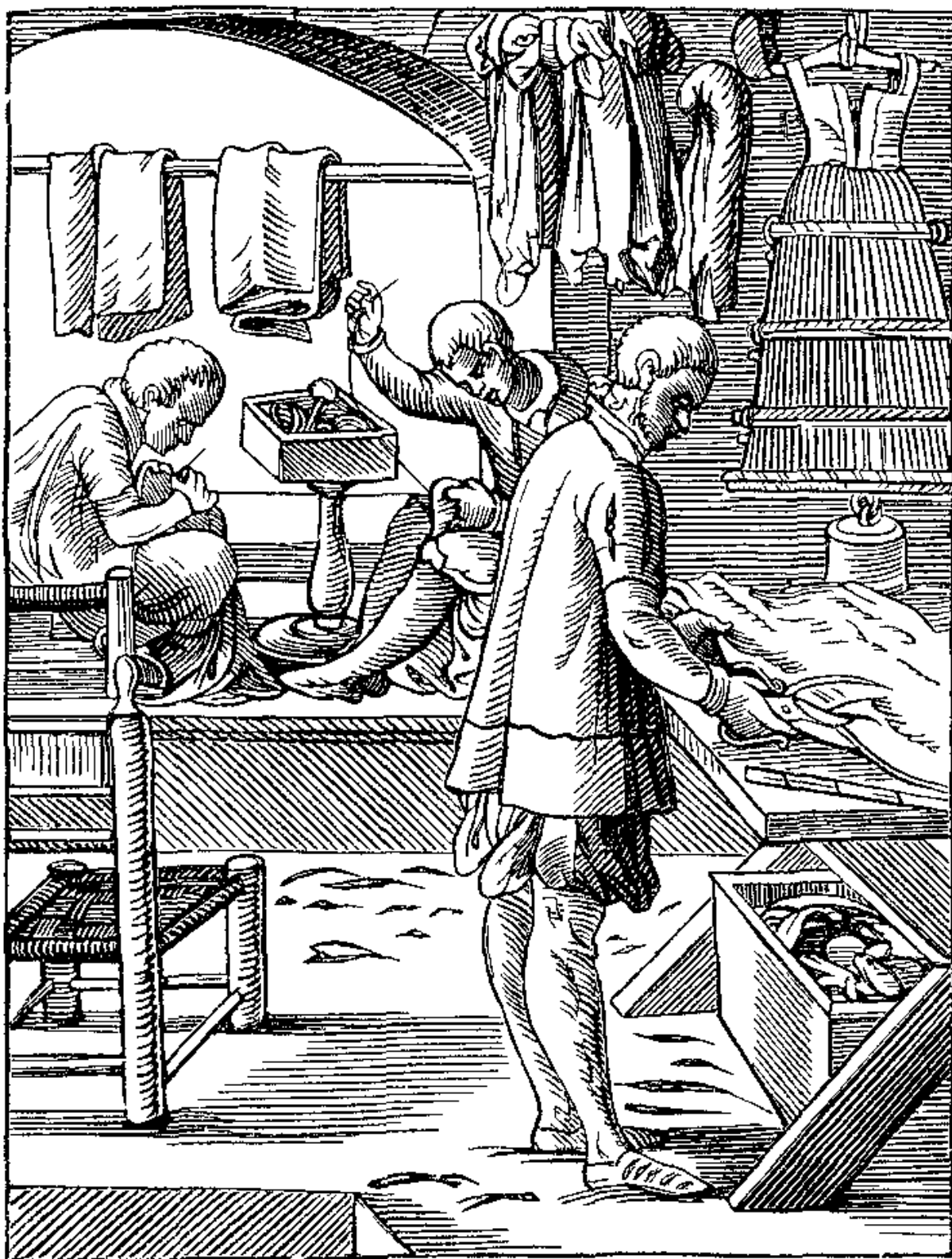

Fig. 215.—Tailor

[back](#)

Fig. 216 —Hatter

[back](#)

Fig. 217.—Dyer.

[back](#)

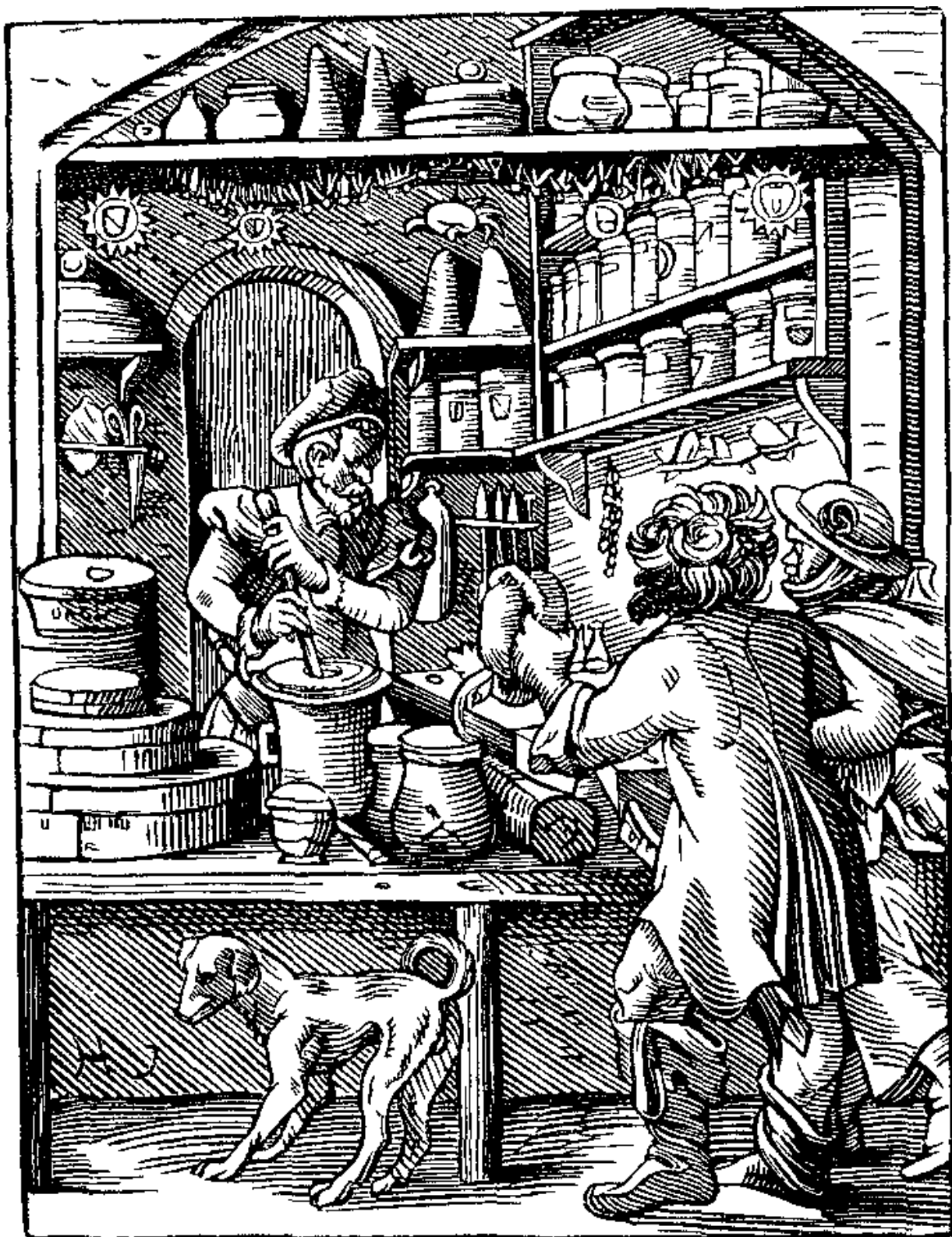

Fig 218 —Druggist

[back](#)

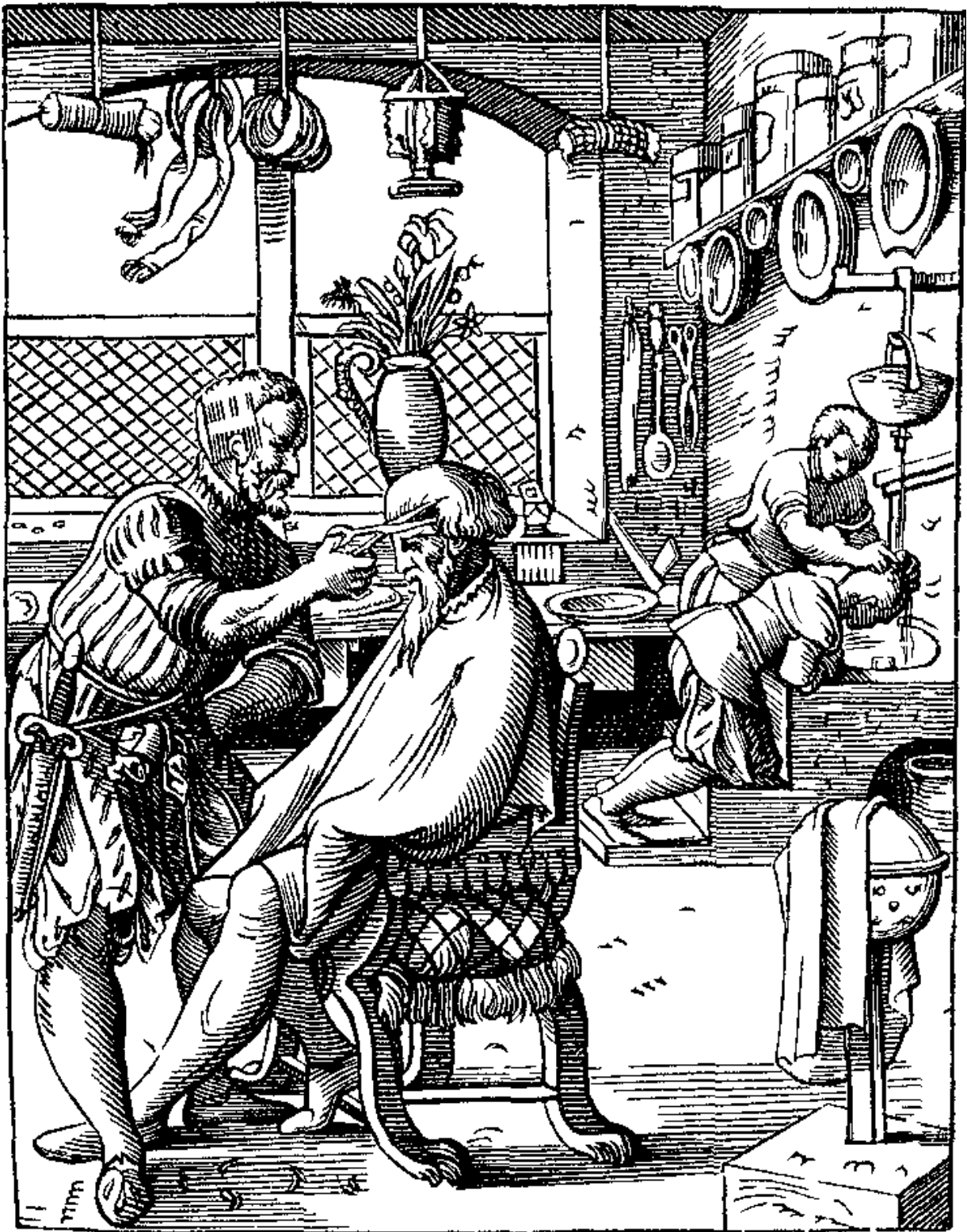

Fig 219 —Barber

[back](#)

Fig. 220 — Goldsmith

[back](#)

Fig 221 —Goldbeater

[back](#)

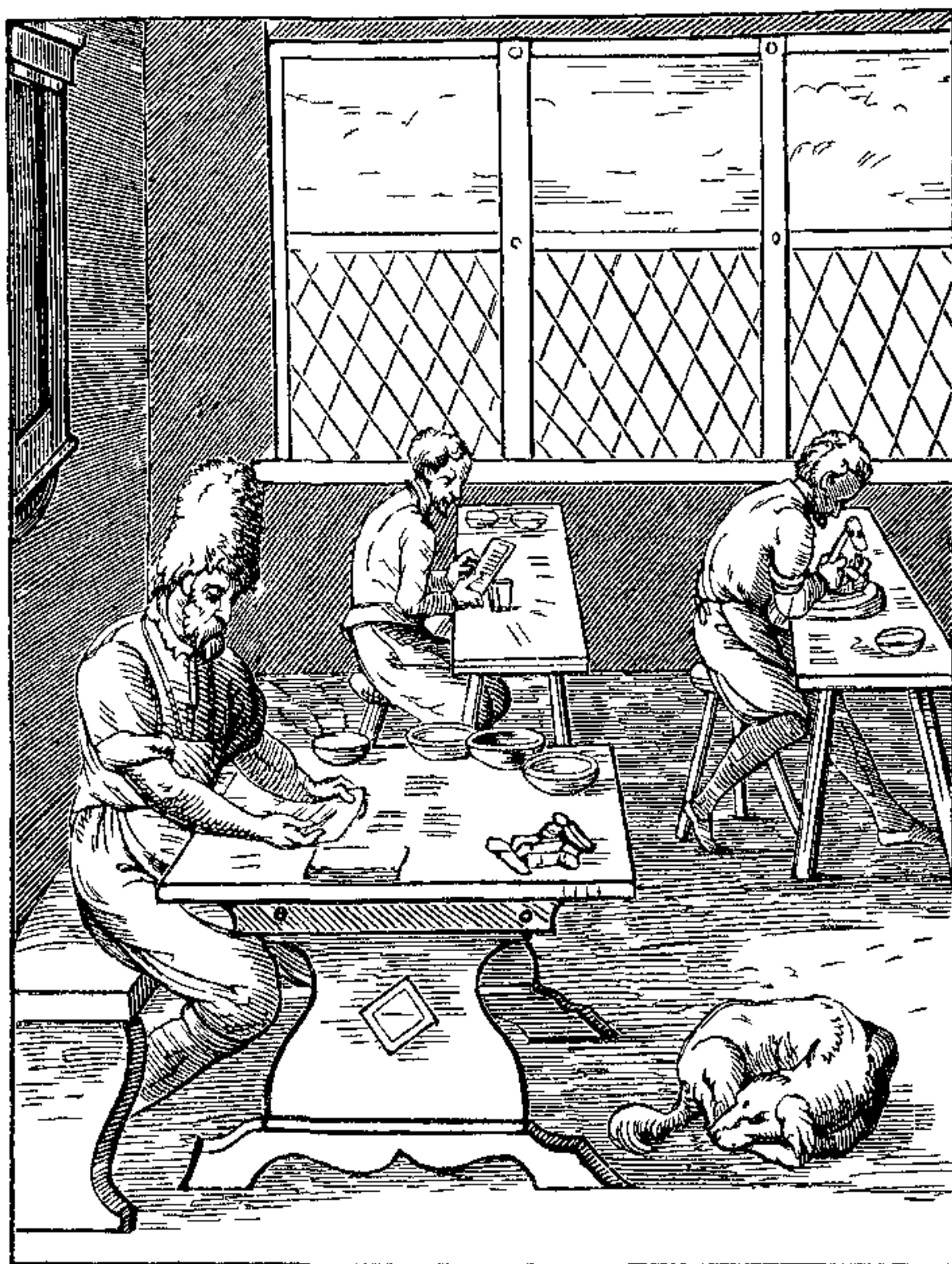

Fig. 222.—Pin and Needle Maker

[back](#)

Fig. 223.—Clasp-maker.

[back](#)

Fig 224.—Wire-worker.

[back](#)

Fig. 225 — Dice-maker.

[back](#)

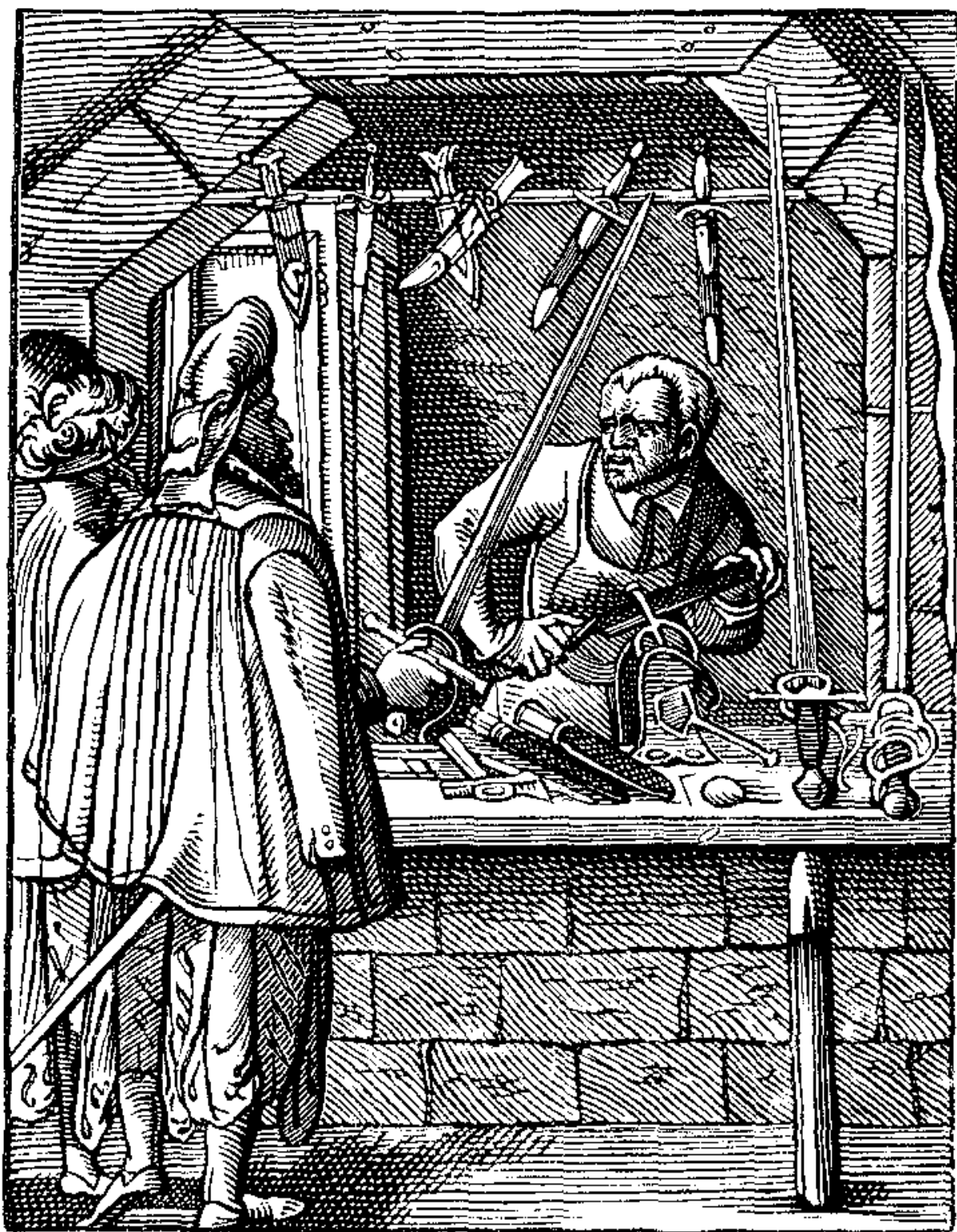

Fig. 226.—Sword-maker.

[back](#)

Fig. 227.—Armourer.

[back](#)

Fig. 228.—Spur-maker.

[back](#)

Fig. 229.—Shoemaker.

[back](#)

Fig. 230.—Basin-maker.

[back](#)

Fig. 231.—Tinman

[back](#)

Fig. 232.—Coppersmith.

[back](#)

FIG. 233 — Bell and Cannon Caster.

[back](#)

Fig. 234.—Group of Goldsmiths preceding the *Chasse de St. Marcel* in the Reign of Louis XIII.—
From a Copperplate of the Period (Cabinet of Stamps in the National Library of Paris).

[back](#)

Fig. 234.—Group of Goldsmiths preceding the *Chasse de St. Marcel* in the Reign of Louis XIII.—
From a Copperplate of the Period (Cabinet of Stamps in the National Library of Paris).

[back](#)

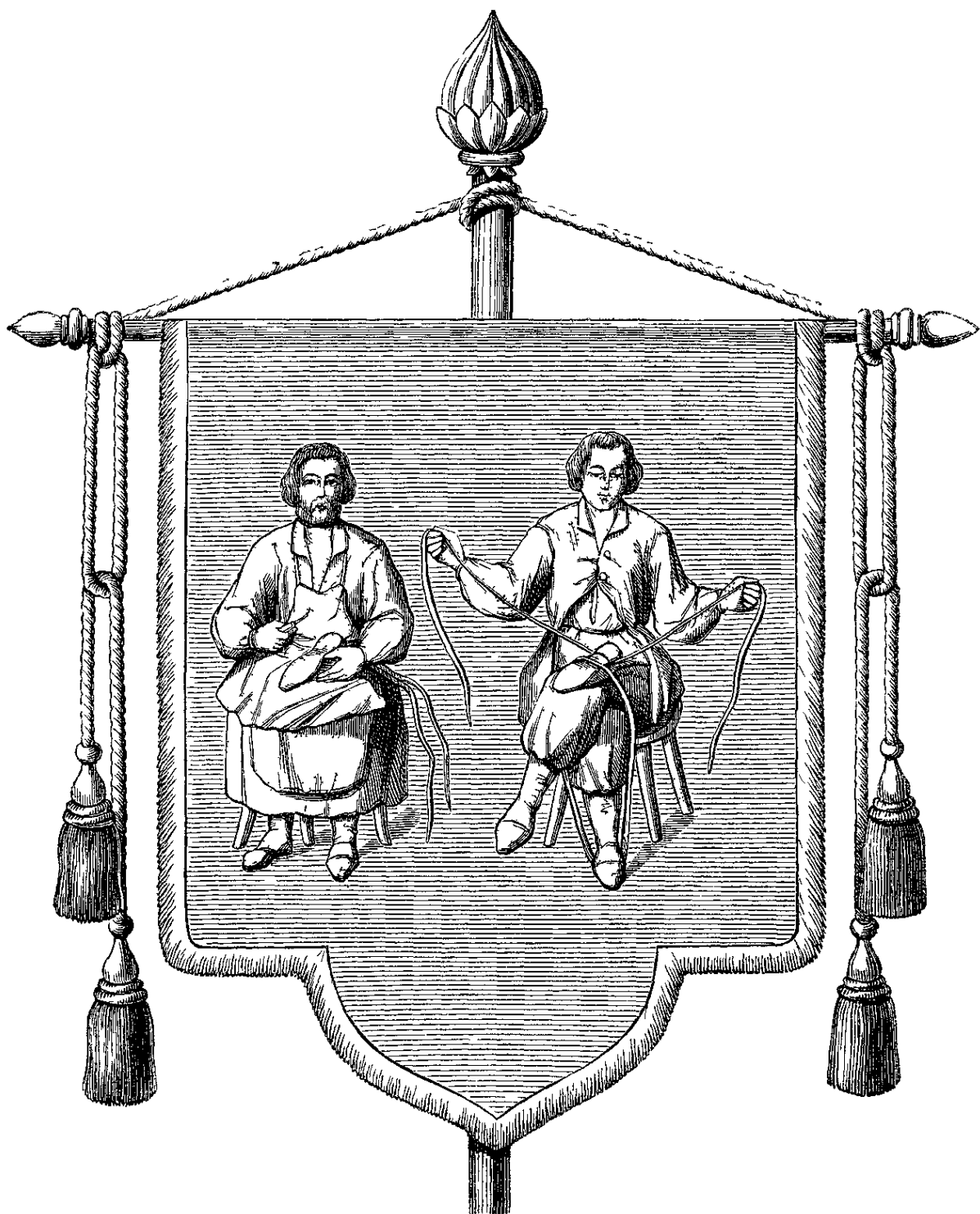

Fig. 235.—Banner of the Corporation of the United Boot and Shoe Makers of Issoudun.

[back](#)

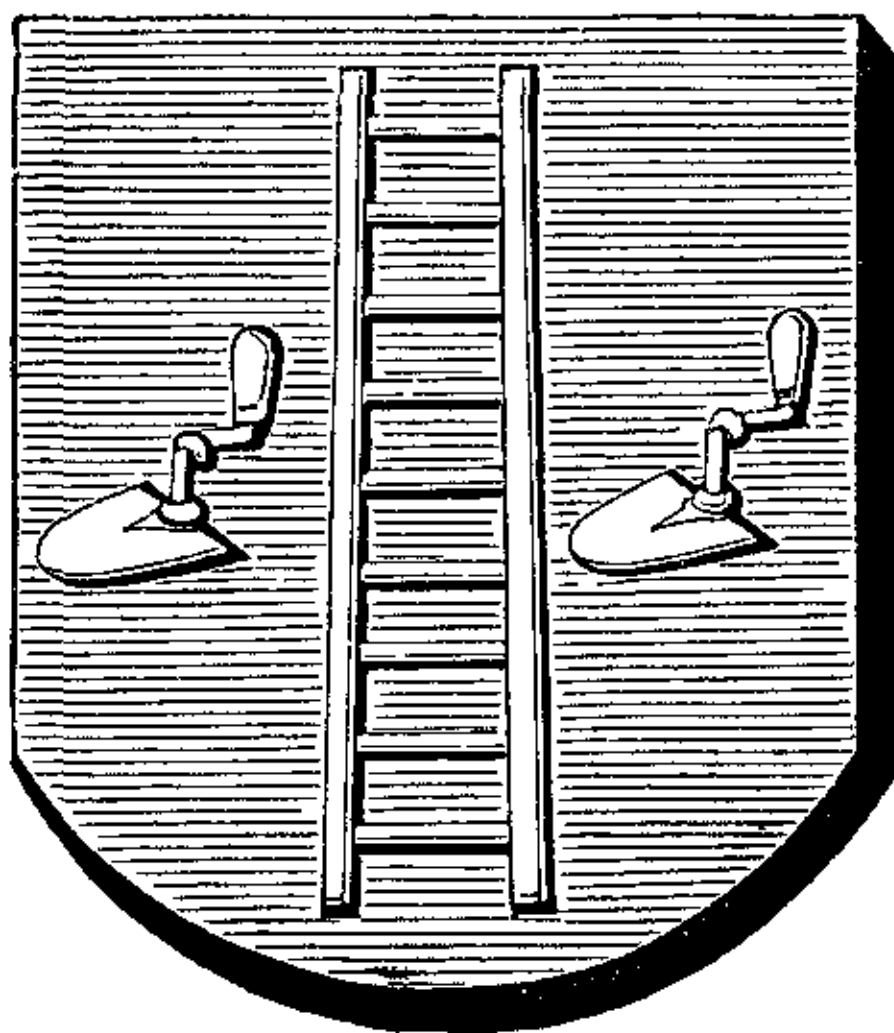

Fig. 236.—Banner of the Tilers of Paris, with the Armorial Bearings of the Corporation.

[back](#)

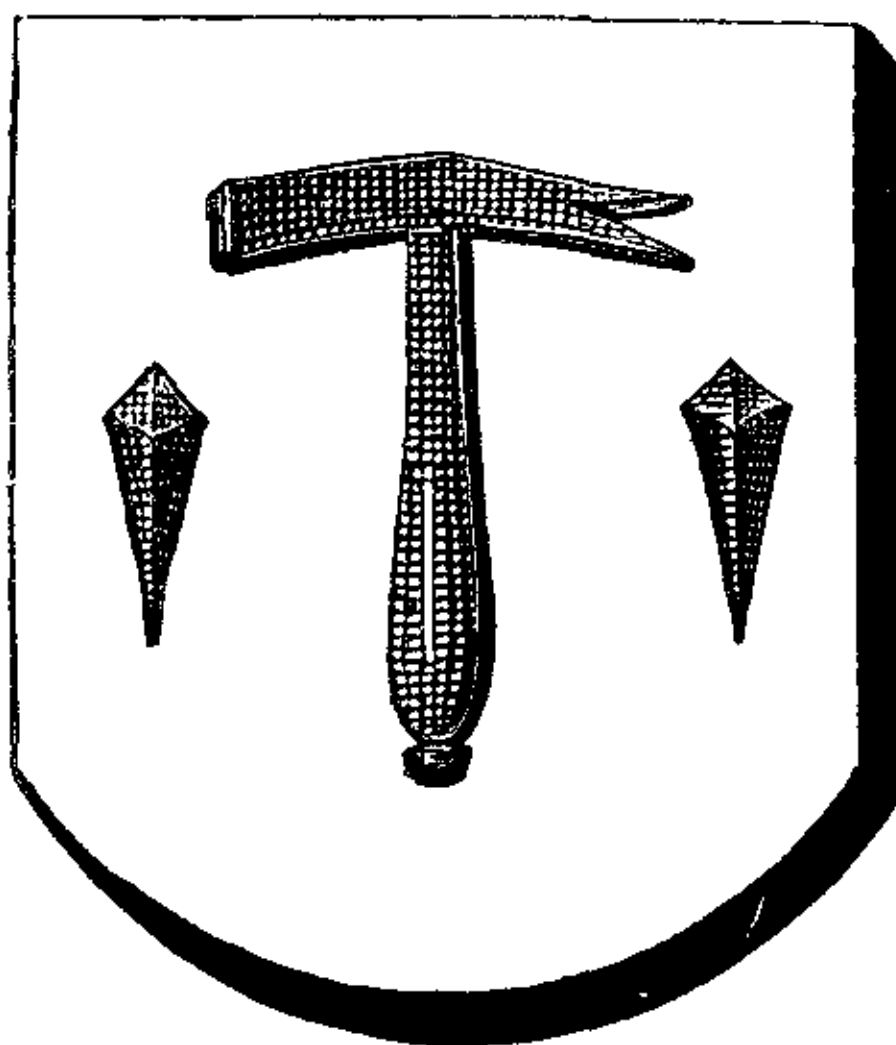

Fig. 237.—Banner of the Nail-makers of Paris, with Armorial Bearings of the Corporation.

[back](#)

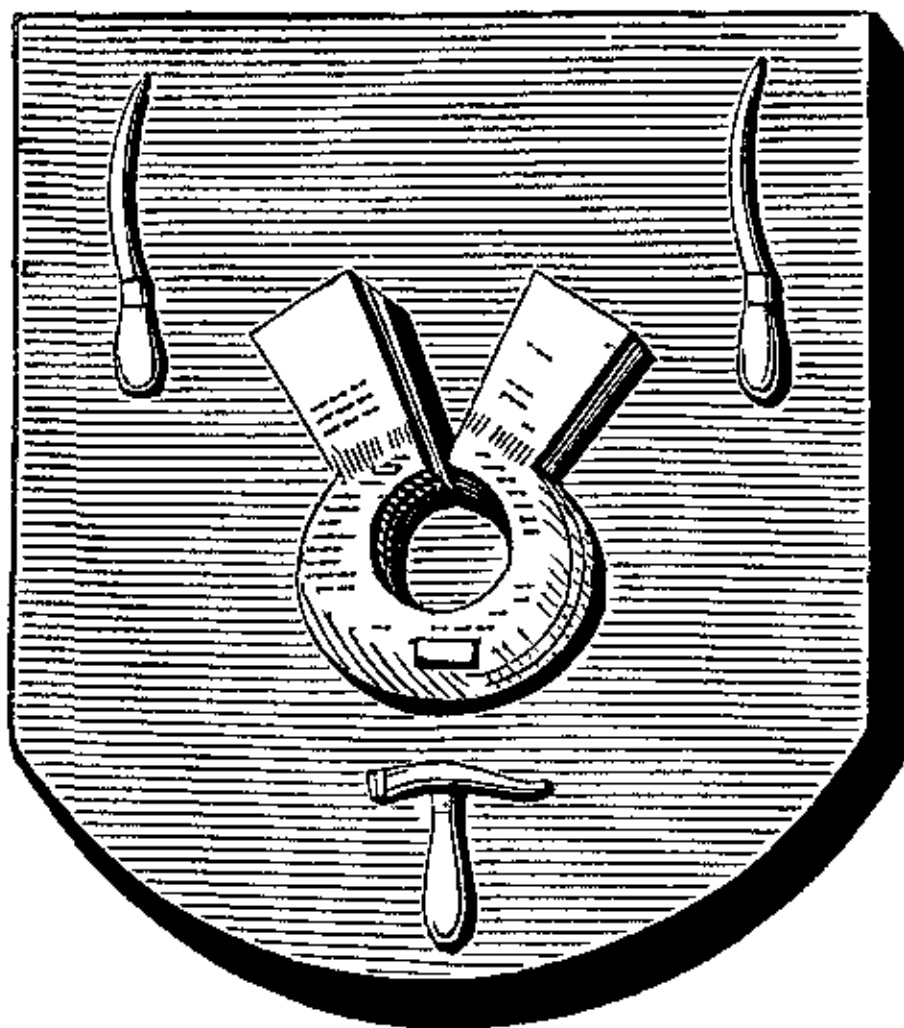

Fig 238 —Banner of the Harness-makers of Paris, with the Armorial Bearings of the Corporation.

[back](#)

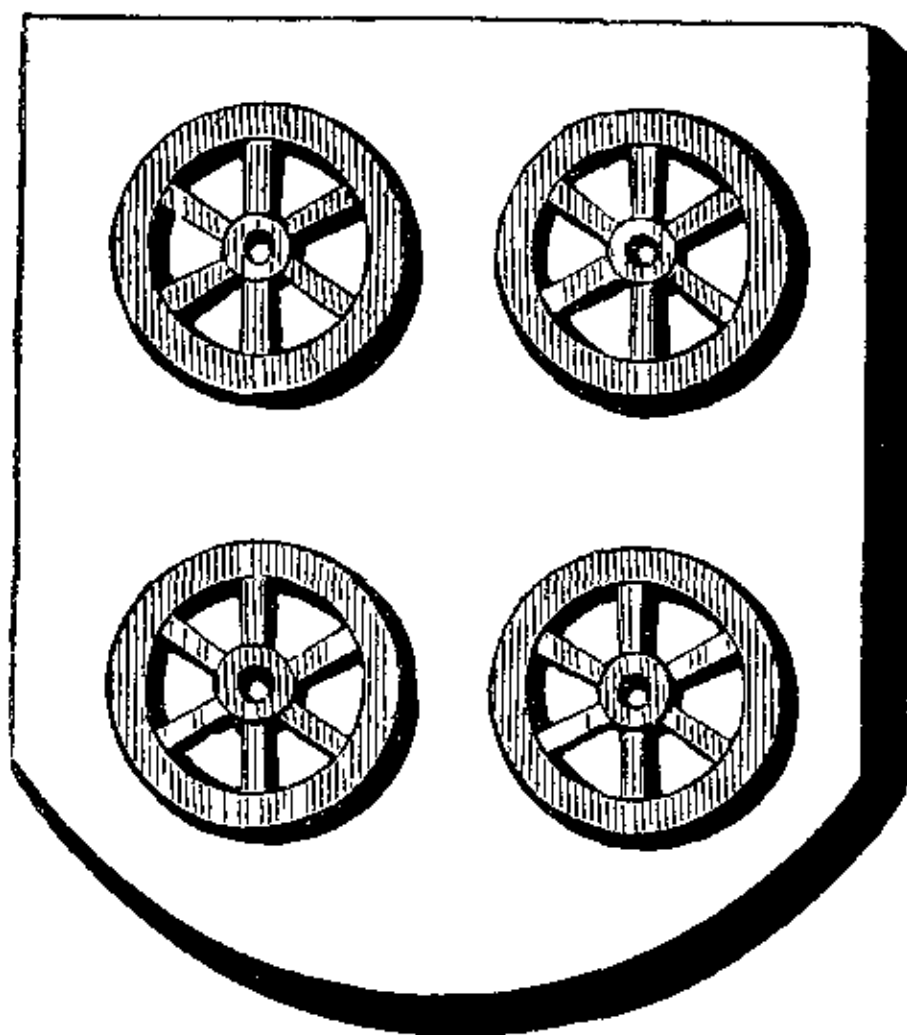

Fig 239.—Banner of the Wheelwrights of Paris, with the Armoral Bearings of the Corporation.

[back](#)

Fig. 240 —Banner of the Tanners of Vic, with the Patron Saint of the Corporation.

[back](#)

Fig. 241 —Banner of the Weavers of Poulon, with the Patron Saint of the Corporation.

[back](#)

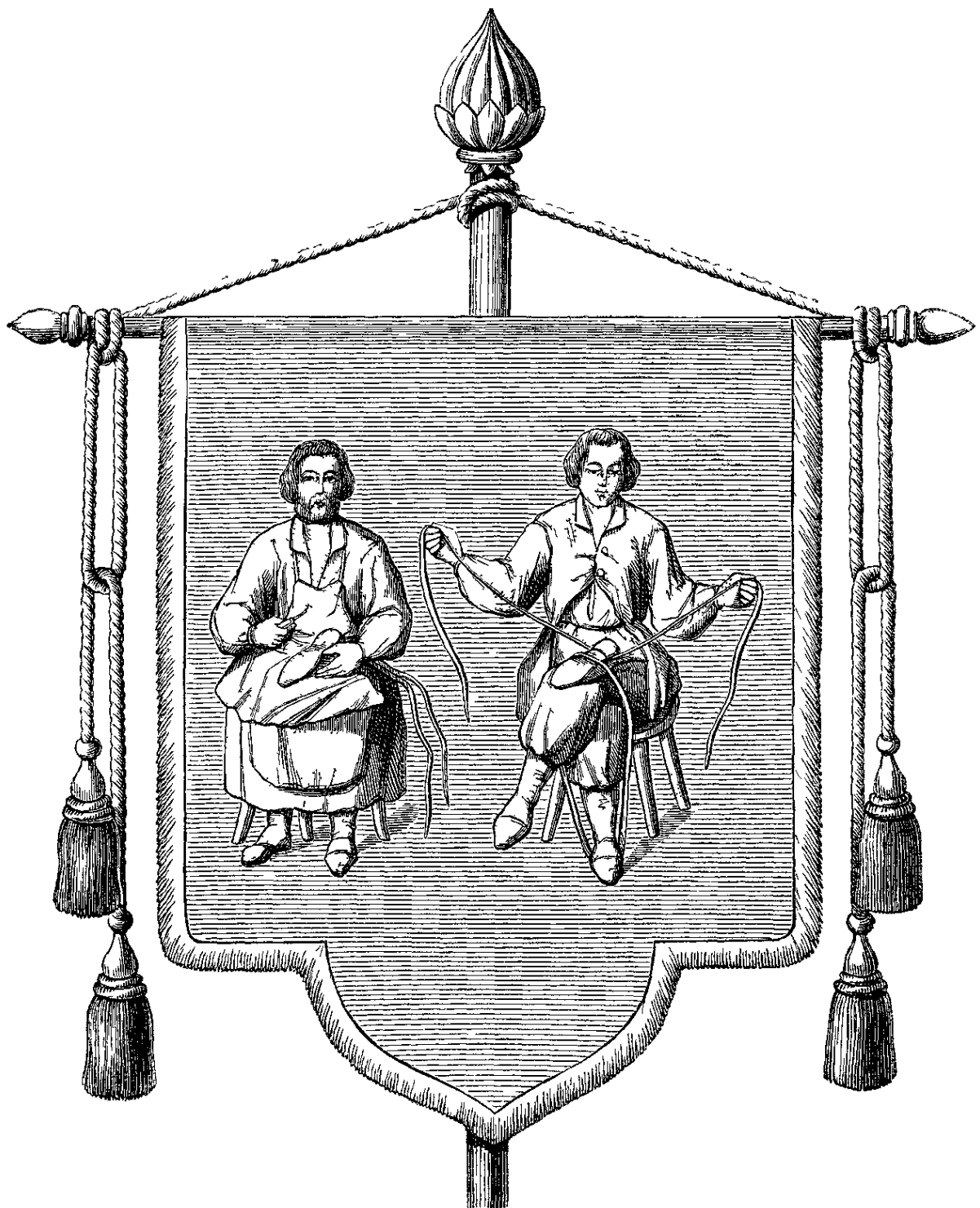

Fig. 235.—Banner of the Corporation of the United Boot and Shoe Makers of Issoudun.

[back](#)

Fig. 241 —Banner of the Weavers
of Poulon, with the Patron
Saint of the Corporation.

[back](#)

Fig. 242.— Ceremonial Dress of an Elder and a Juror of the Corporation of Old Shoemakers of Ghent

[back](#)

Fig. 242.— Ceremonial Dress of an Elder and a Juror of the Corporation of Old Shoemakers of Ghent

[back](#)

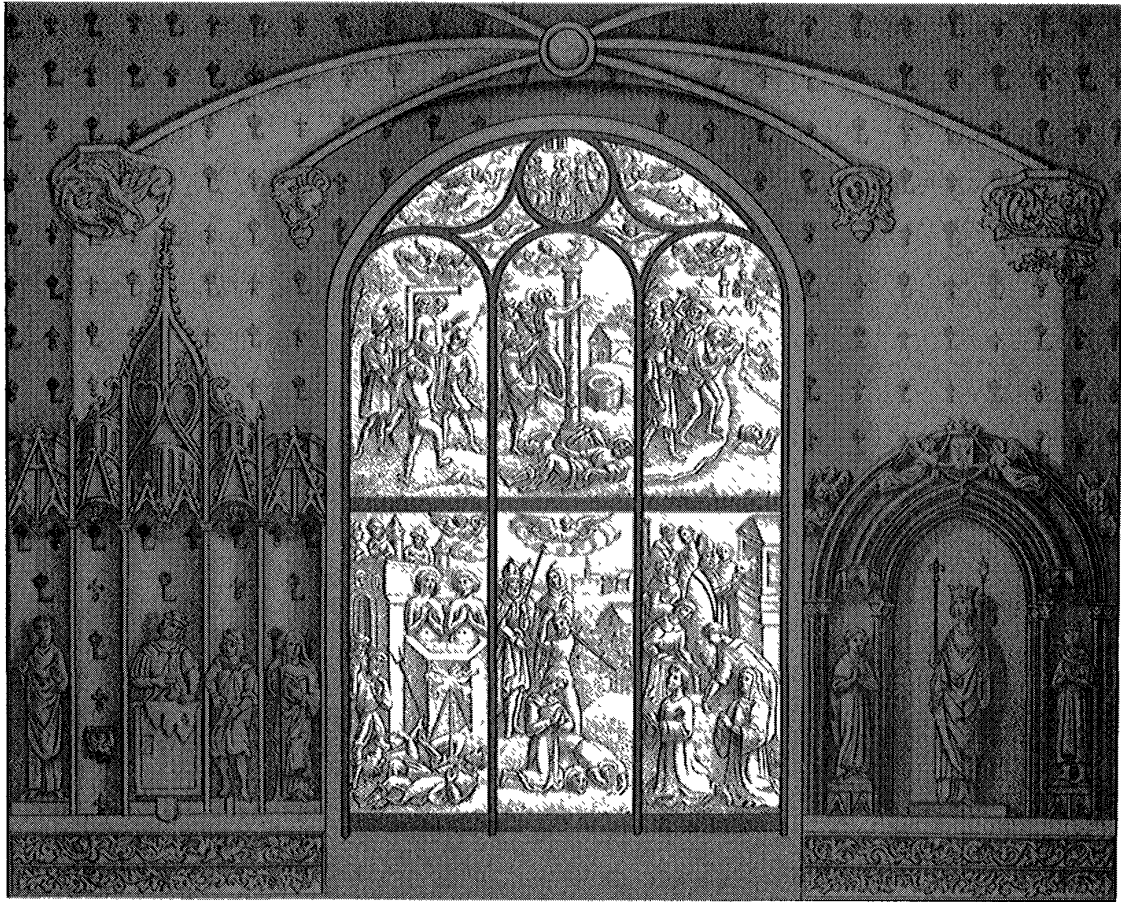

FIGURE 1. THE 'FÊTE DES CONFRÈRES' (16th century).

Source: The tapestry was purchased by the Royal Academy of Painting and Sculpture of the church of the 'Compagnie des Anglois' (16th century) from the *Fête des confrères*, Bibliothèque de Paris.

[back](#)

Fig. 243.—Bootmaker's Apprentice working at a Trial-piece.—From a Window of the Thirteenth Century, published by Messrs. Cahier and Martin

[back](#)

Fig. 243.—Bootmaker's Apprentice working at a Trial-piece.—From a Window of the Thirteenth Century, published by Messrs. Cahier and Martin

[back](#)

Fig. 244.—Carpenter's Apprentice working at a Trial-piece.—From one of the Stalls called *Miséricordes*, in Rouen Cathedral (Fifteenth Century).

[back](#)

Fig. 244.—Carpenter's Apprentice working at a Trial-piece.—From one of the Stalls called *Miséricordes*, in Rouen Cathedral (Fifteenth Century).

[back](#)

Fig. 245.—Staircase of the Office of the Goldsmiths of Rouen (Fifteenth Century). The Shield which the Lion holds with his Paw shows the Arms of the Goldsmiths of Rouen (Present Condition).

[back](#)

Fig. 246.—Shops under Covered Market (Goldsmith, Dealer in Stuffs, and Shoemaker).—From a Miniature in Aristotle's "Ethics and Politics," translated by Nicholas Oresme (Manuscript of the Fifteenth Century, Library of Rouen).

[back](#)

Oit. In alle de ghene die In gheve 'I dekē
 en ghesuorn. Spandez. dē. Jaze. p. m. l. p.

④	Corneis de hout	Dekē	ll
⑤	xpristoffels + vā + houe		ll
⑥	hoep + claus		ll
⑦	heuen + allient		ll

Fig. 247.—Fac-simile of the first six Lines on the Copper Tablet on which was engraved, from the year 1470, the Names and Titles of those who were elected Members of the Corporation of Goldsmiths of Ghent.

[back](#)

Fig. 246.—Shops under Covered Market (Goldsmith, Dealer in Stuffs, and Shoemaker).—From a Miniature in Aristotle's "Ethics and Politics," translated by Nicholas Oresme (Manuscript of the Fifteenth Century, Library of Rouen).

[back](#)

Fig. 248.—Elder and Jurors of the Tanners of the Town of Ghent in Ceremonial Dress.—Fac-simile of a Miniature in a Manuscript of the Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 249.—Companion Carpenter.—Fragment of a Woodcut of the Fifteenth Century, after a Drawing by Wohlgemüth for the “Chronique de Nuremberg.”

[back](#)

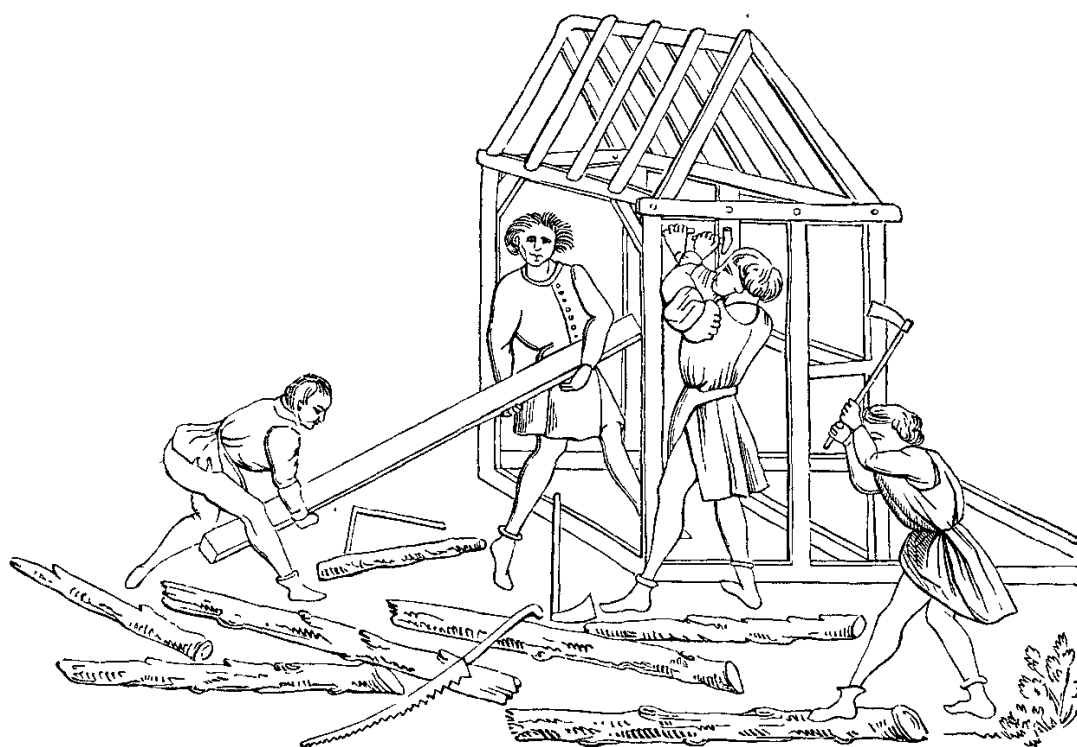

Fig. 250.—Carpenters.—Fac-simile of a Miniature in the “Chroniques de Hainaut,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Burgundy Library, Brussels.

[back](#)

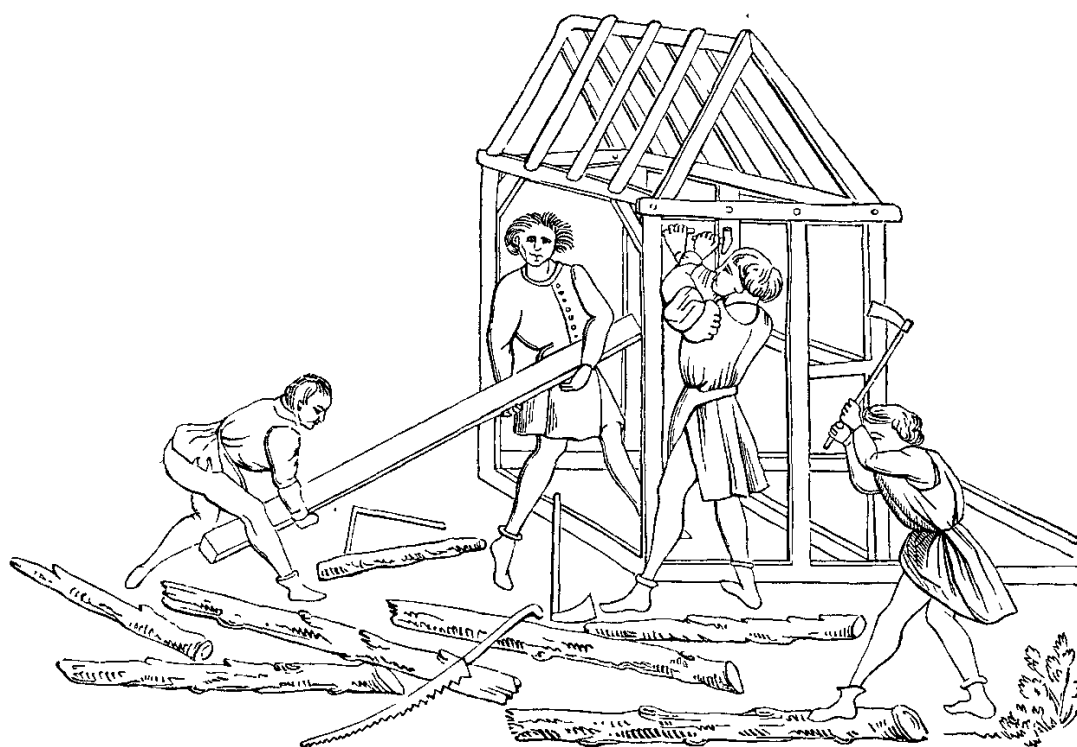

Fig. 250.—Carpenters.—Fac-simile of a Miniature in the “Chroniques de Hainaut,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Burgundy Library, Brussels.

[back](#)

Fig 251 —Painting commemorative of the Union of the Merchants of Rouen at the End of the Seventeenth Century.

[back](#)

Fig 251 —Painting commemorative of the Union of the Merchants of Rouen at the End of the Seventeenth Century.

[back](#)

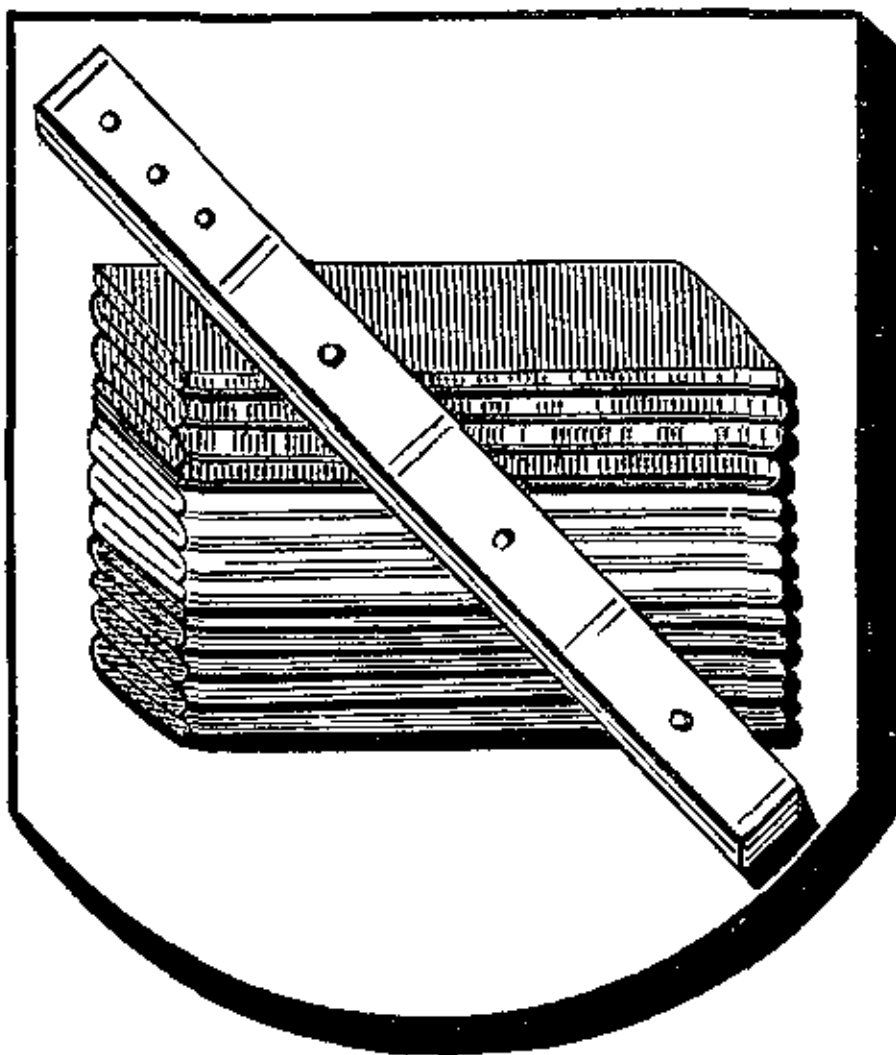

Fig 252 —Banner of the Drapers of Caen.

[back](#)

Fig. 253.—The Extraction of Metals.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster, folio : Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 254.—Tomb of Chilperic.—Sculpture of the Eleventh Century, in the Abbey of St. Denis.

[back](#)

Fig. 254.—Tomb of Chilperic.—Sculpture of the Eleventh Century, in the Abbey of St. Denis.

[back](#)

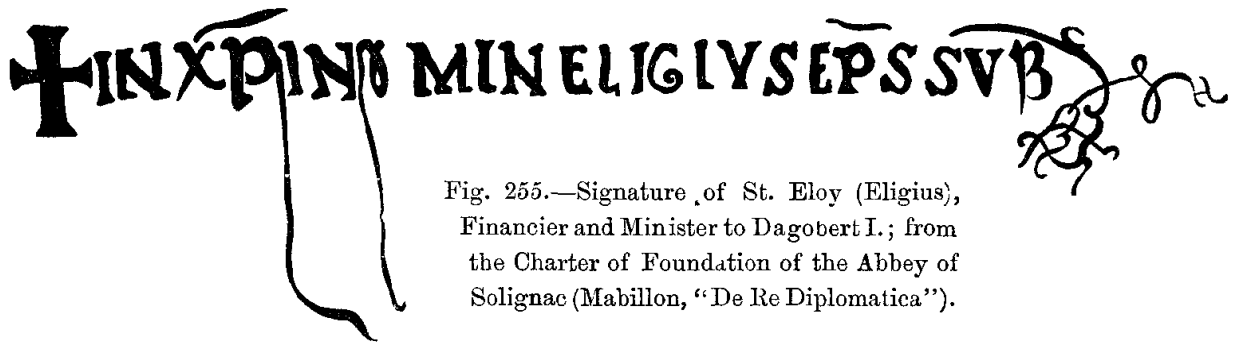

Fig. 255.—Signature of St. Eloy (Eligius),
Financier and Minister to Dagobert I.; from
the Charter of Foundation of the Abbey of
Solignac (Mabillon, “De Re Diplomatica”).

[back](#)

Fig. 256.—PARISINNA CEVE FII. Head of Dagobert with double diadem of pearls, hair hanging down the back of the neck. *Rev.*, DAGOBERTVS REX. Cross; above, omega; under the arms of the cross, ELIGI.

[back](#)

Fig. 259 —MON. PALATI. Head of King. *Rev.*,
SCOLARE. I.A. Cross with anchor; under
the arms of the cross, ELIGI.

[back](#)

Fig. 256.—PARISINNA CEVE FII. Head of Dagobert with double diadem of pearls, hair hanging down the back of the neck. *Rev.*, DAGOBERTVS REX. Cross; above, omega; under the arms of the cross, ELIGI.

[back](#)

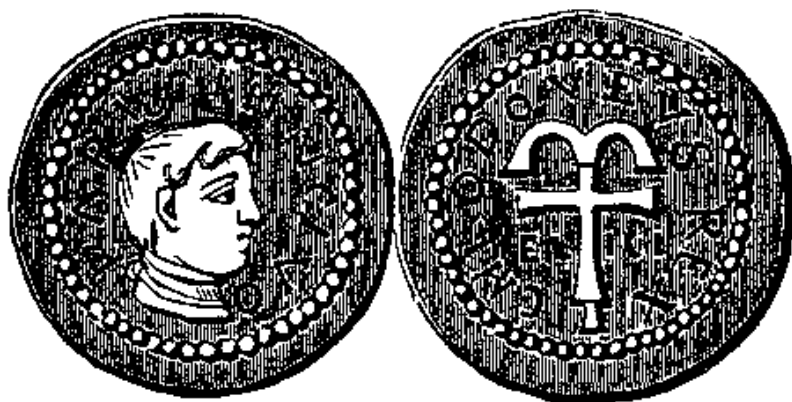
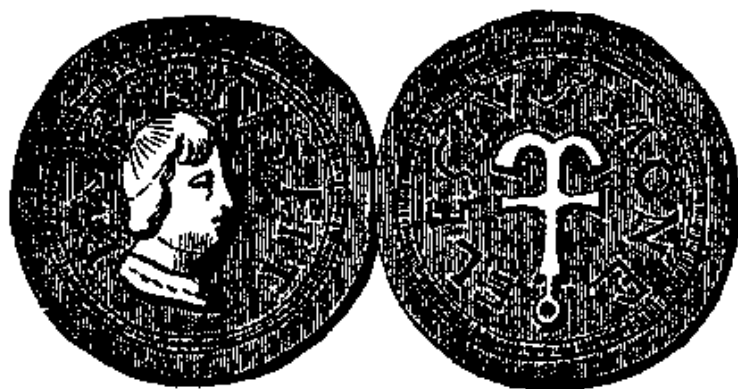

Fig. 257.—PARISSIN. CIV. Head of Clovis II., with diadem of pearls, hair braided and hanging down the back of the neck. *Rev.*, CHLODOVEVS REX. Cross with anchor; under the arms of the cross, ELIGI.

[back](#)

Fig, 258.—PARISIENSIS FIT. Head of King. *Rev.*,
ELIGIUS MONE. Cross ; above, omega ; under,
a ball.

[back](#)

Fig. 259 —MON. PALATI. Head of King. *Rev.*,
SCOLARE. I.A. Cross with anchor; under
the arms of the cross, ELIGI.

[back](#)

Fig. 260.—Toll on Markets levied by a Cleric —From one of the Painted Windows of the Cathedral of Tournay (Fifteenth Century)

[back](#)

Fig. 260.—Toll on Markets levied by a Cleric —From one of the Painted Windows of the Cathedral of Tournay (Fifteenth Century)

[back](#)

Fig. 261.—Sale by Town-Crier. *Preco*, the Crier, blowing a trumpet; *Subhastator*, public officer charged with the sale. In the background is seen another sale, by the Bellman.—Fac-simile of a Woodcut in the Work of Josse Damhoudere, "Praxis Rerum Civilium," 4to: Antwerp, 1557.

[back](#)

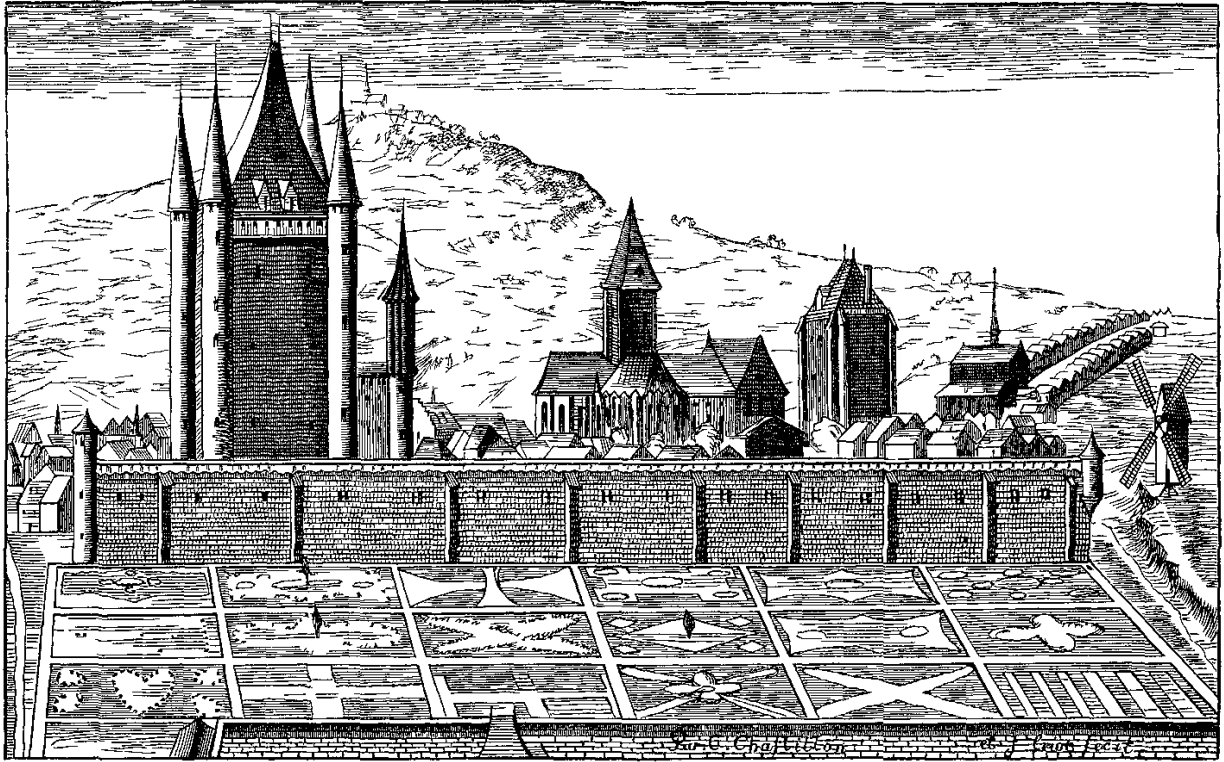

Fig 262 —The Tower of the Temple, in Paris —From an Engraving of the Topography of Paris, in the Cabinet des Estampes, of the National Library

[back](#)

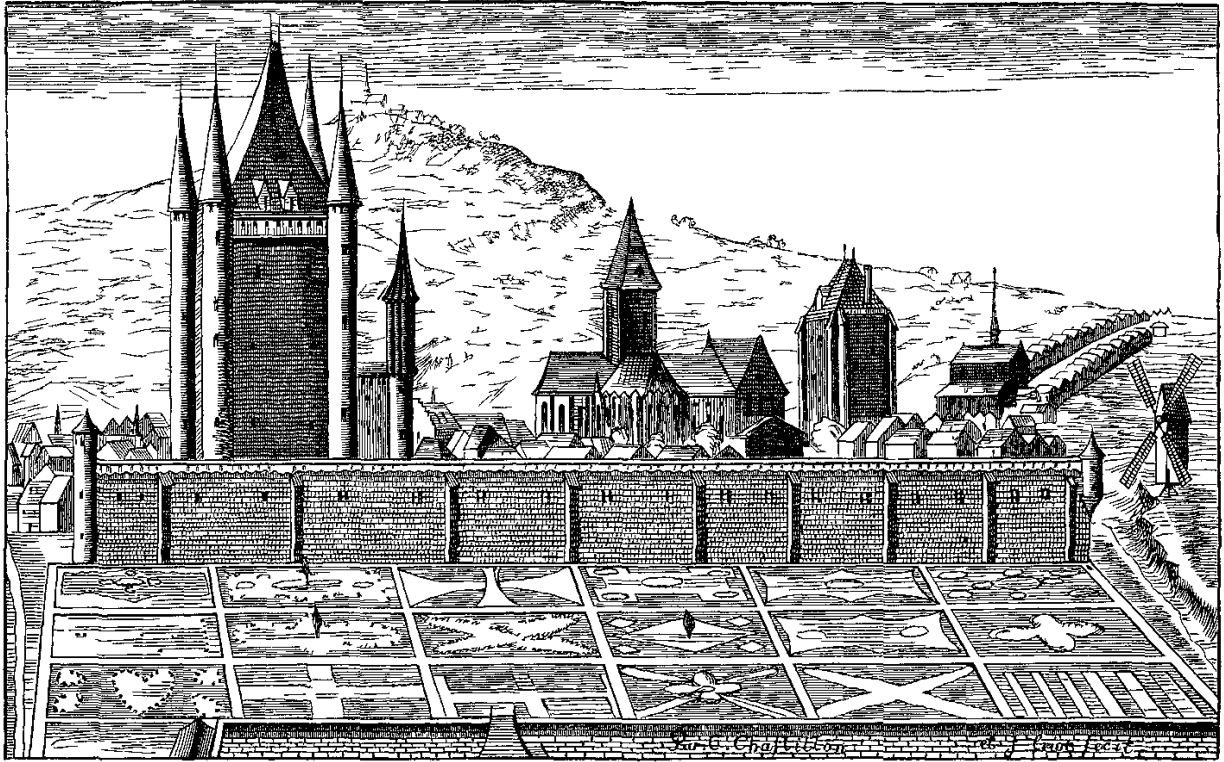

Fig 262 —The Tower of the Temple, in Paris —From an Engraving of the Topography of Paris, in the Cabinet des Estampes, of the National Library

[back](#)

Fig. 263.—Mérovée, Son of
Chilperic I.

[back](#)

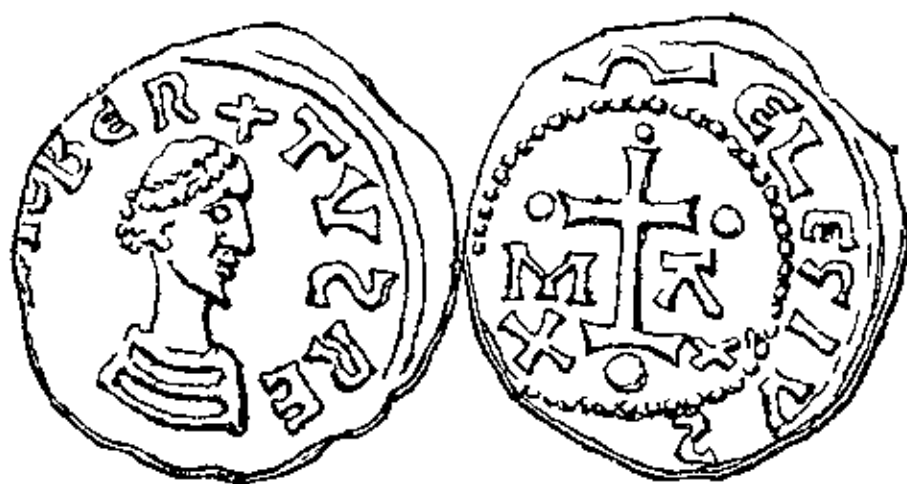

Fig. 264.—Dagobert I.

[back](#)

Fig. 265 —Clotaire III.

[back](#)

Fig 266.—Pepin the Short.

[back](#)

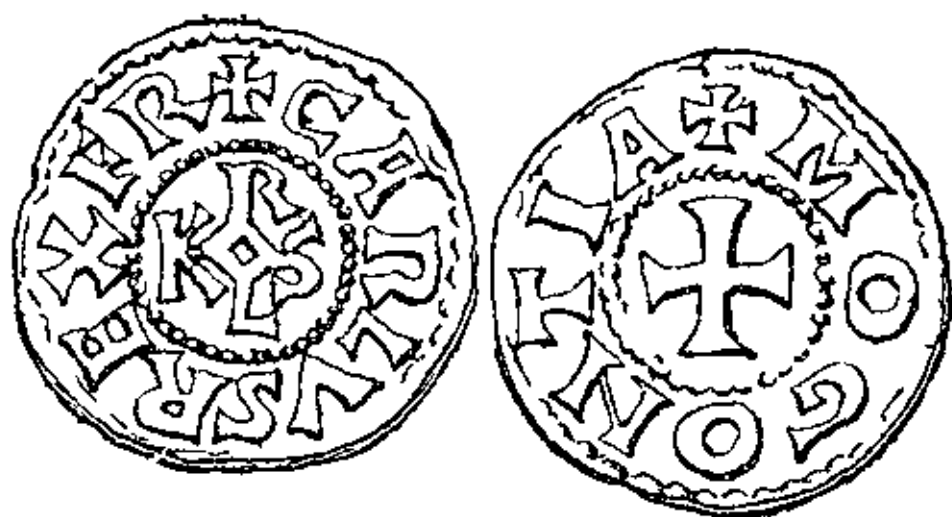

Fig. 267.—Charlemagne.

[back](#)

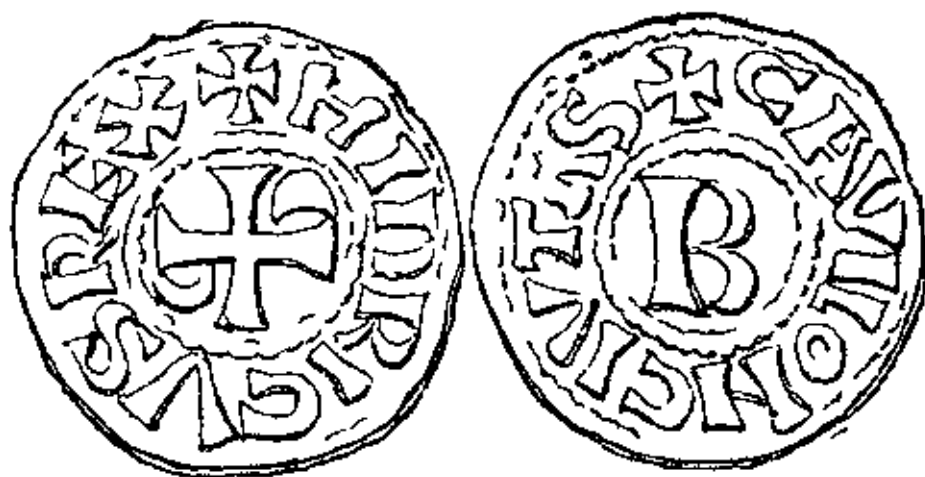

Fig. 268.—Henri I.

[back](#)

Fig. 269.—Gold Florin of Louis IX.

[back](#)

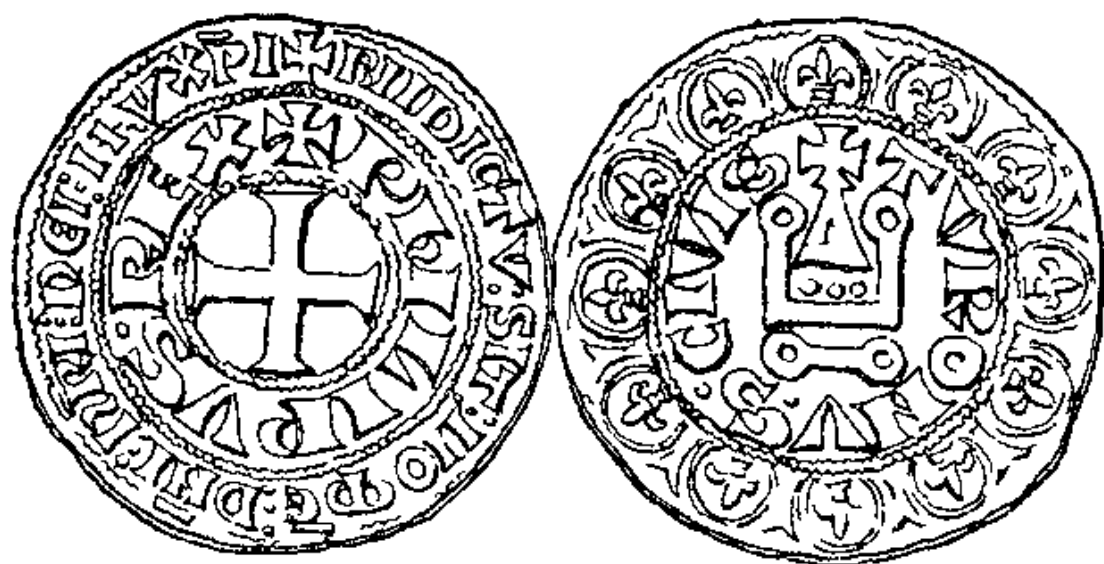

Fig. 270.—Silver Gros of Tours.—Philip III.

[back](#)

Fig. 263.—Mérovée, Son of
Chilperic I.

[back](#)

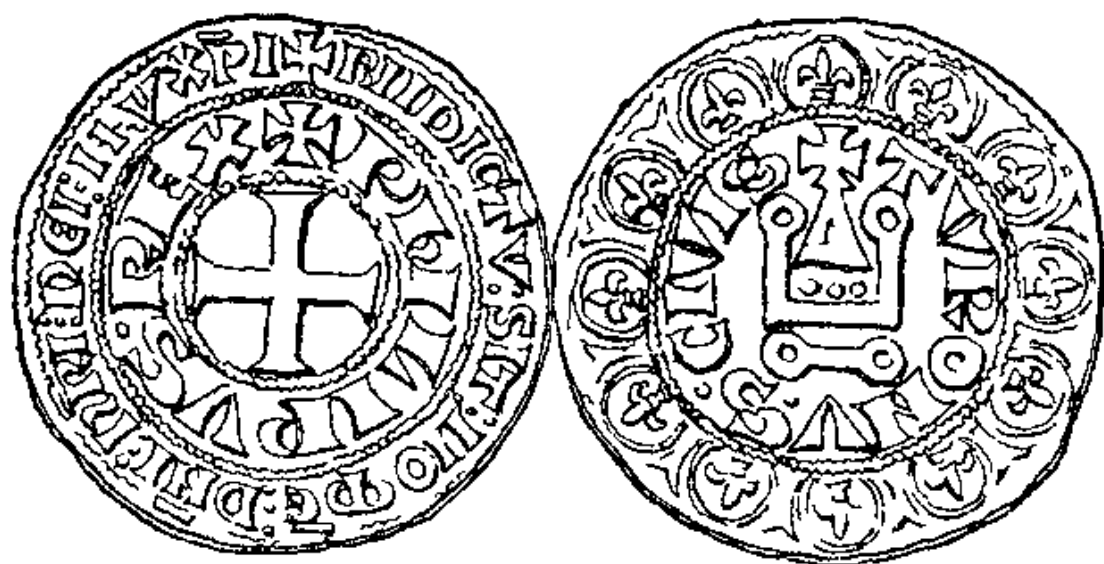

Fig. 270.—Silver Gros of Tours.—Philip III.

[back](#)

Fig 271 —Paying Toll on passing a Bridge —From a Painted Window in the Cathedral of Tournay (Fifteenth Century).

[back](#)

Fig 271 —Paying Toll on passing a Bridge —From a Painted Window in the Cathedral of Tournay (Fifteenth Century).

[back](#)

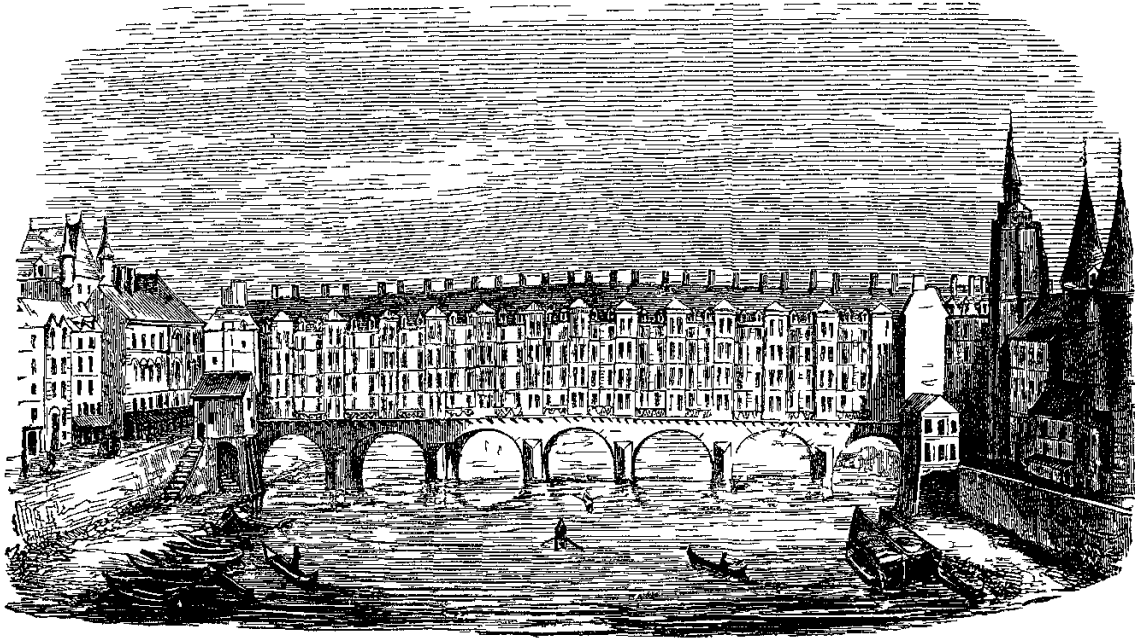

Fig 272 —View of the ancient Pont aux Changeurs —From an Engraving of the Topography of Paris, in the Cabinet des Estampes, of the National Library.

[back](#)

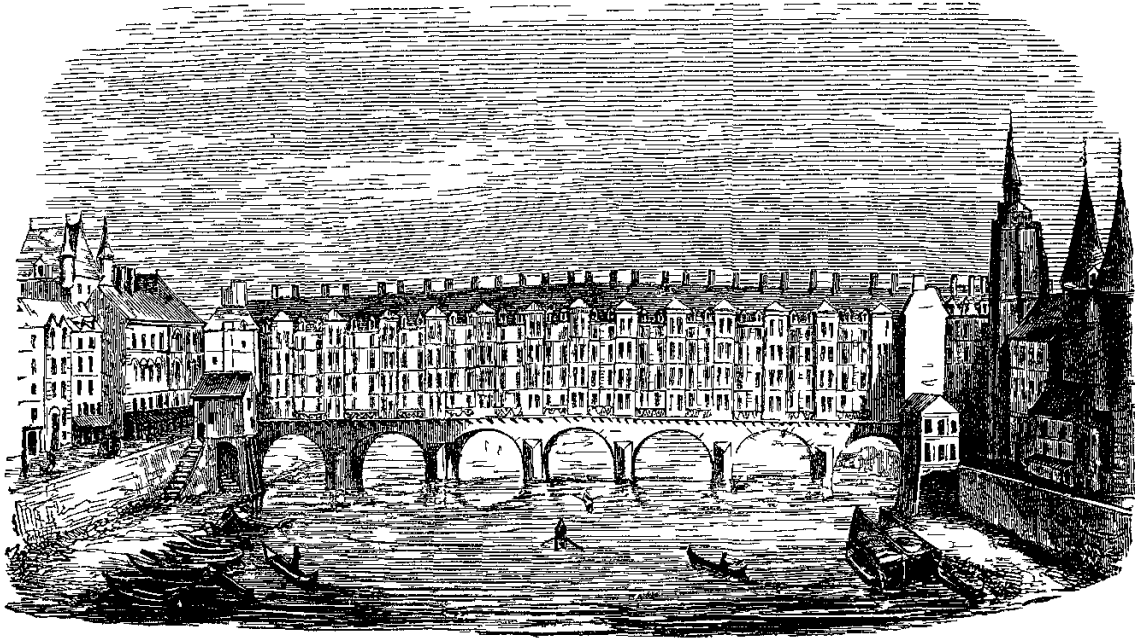

Fig 272 —View of the ancient Pont aux Changeurs —From an Engraving of the Topography of Paris, in the Cabinet des Estampes, of the National Library.

[back](#)

Fig. 273.—Masse d'Or. Philip IV.

[back](#)

Fig. 278.—Salut d'Or. Charles VI.

[back](#)

Fig. 273.—Masse d'Or. Philip IV.

[back](#)

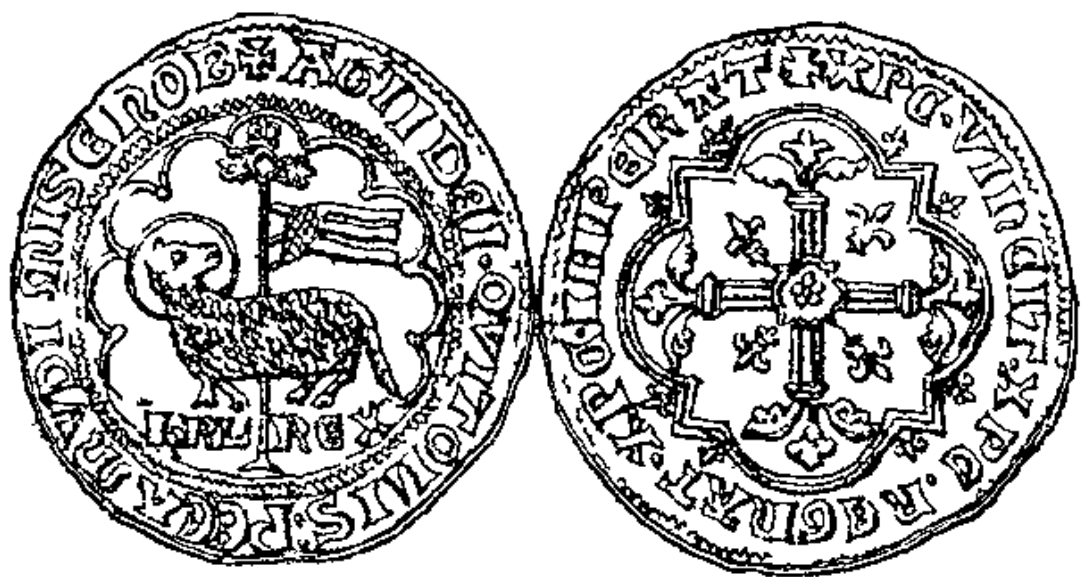

Fig. 274.—Small Aignel d'Or. Charles IV.

[back](#)

Fig. 275.—Large Aignel d'Or. John the Good.

[back](#)

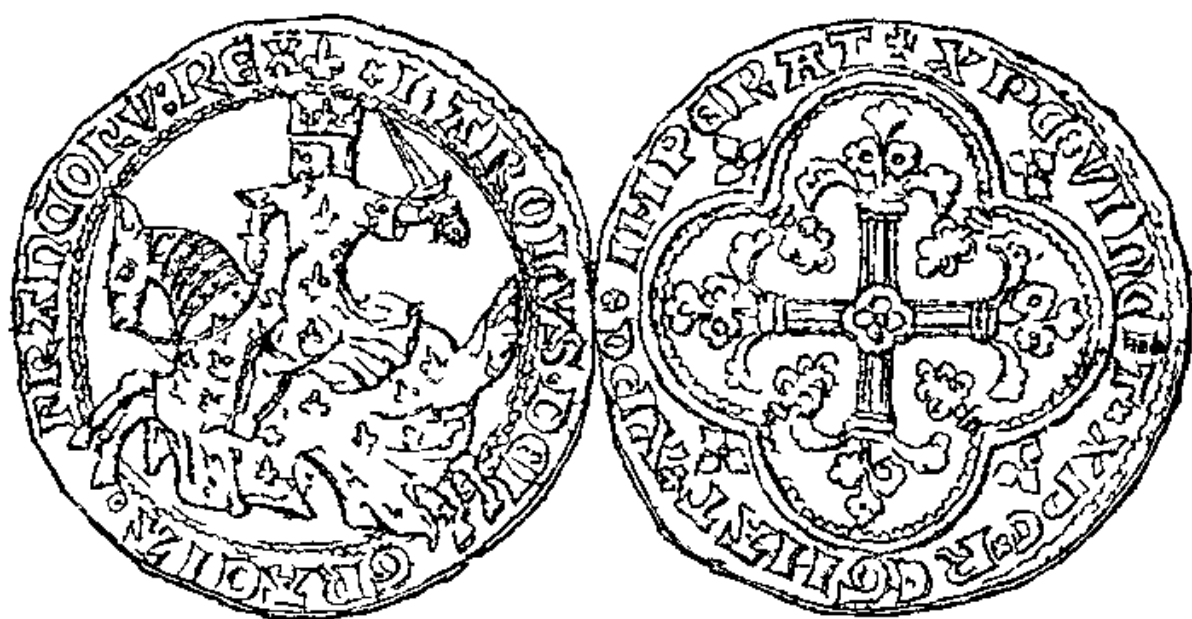

Fig 276.—Franc à Cheval d'Or. Charles V.

[back](#)

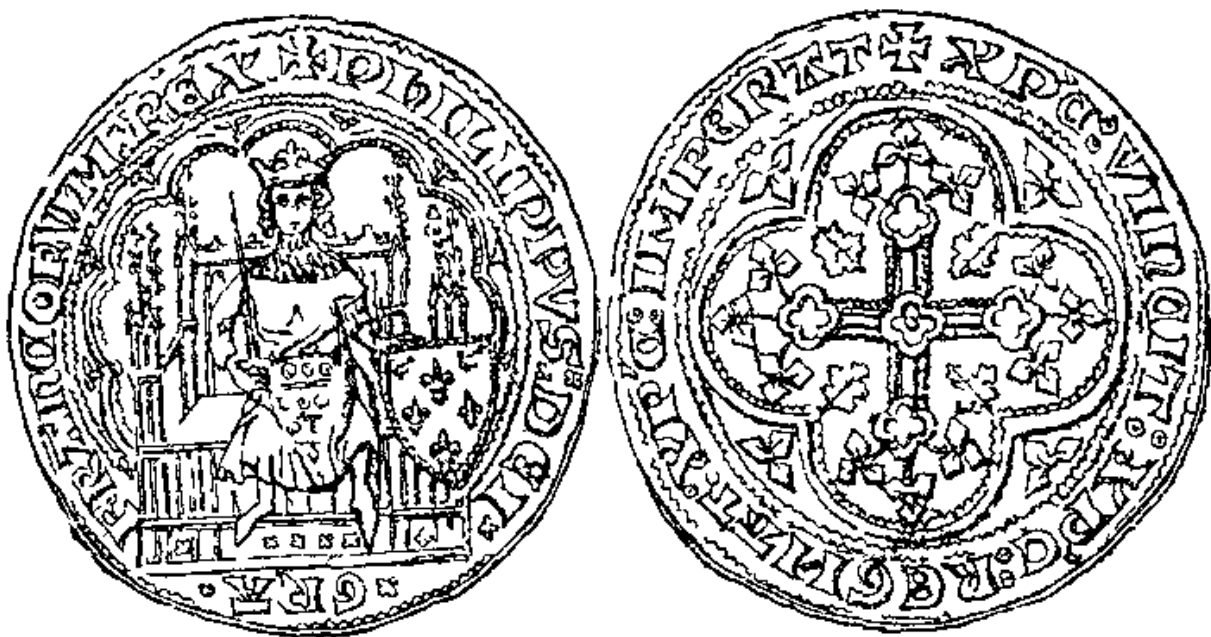

Fig. 277.—Ecu d'Or. Philip VI.

[back](#)

Fig. 278.—Salut d'Or. Charles VI.

[back](#)

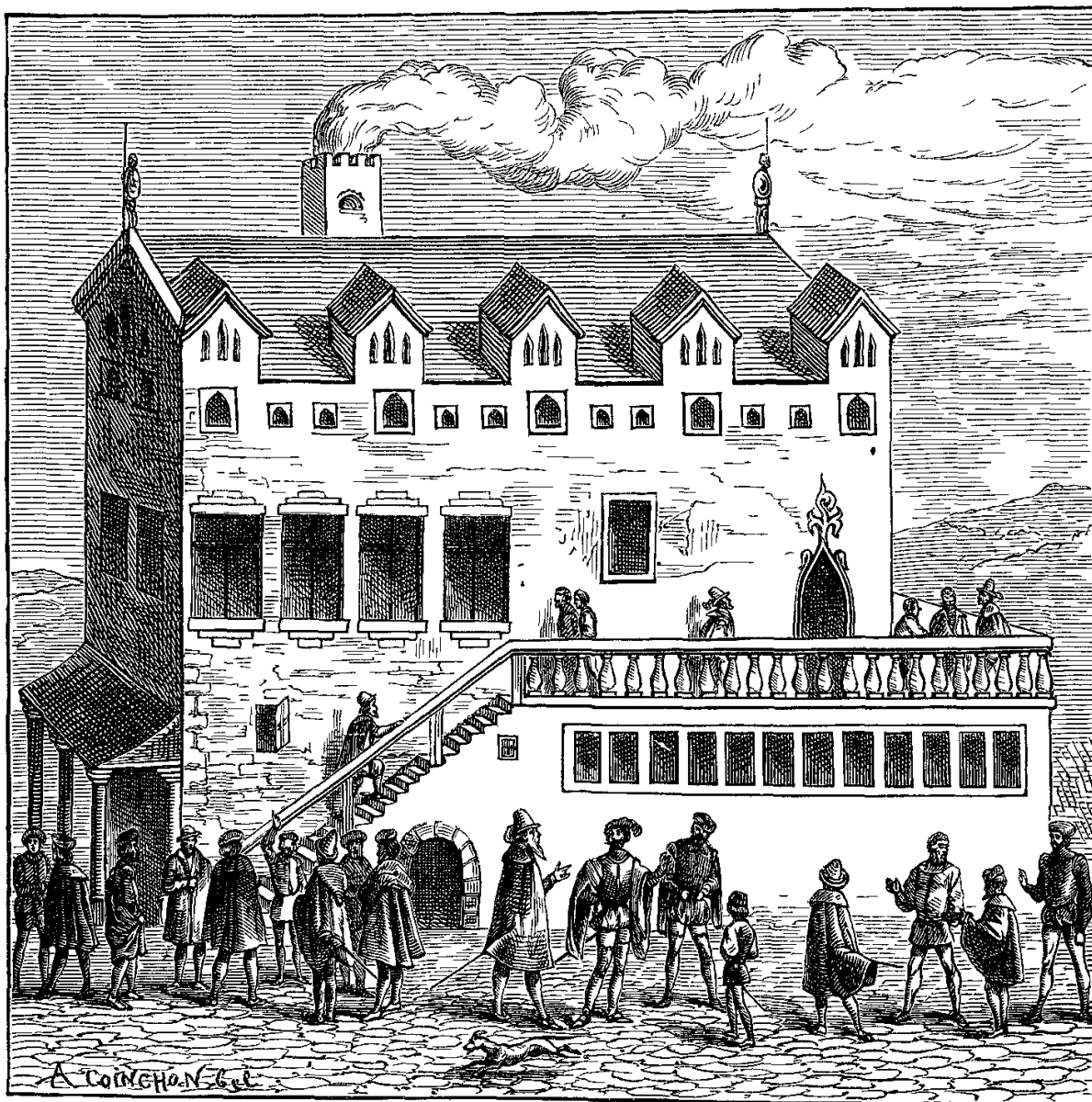

Fig. 279.—Hotel of the Chamber of Accounts in the Courtyard of the Palace in Paris. From a Woodcut of the “Cosmographie Universelle” of Munster, in folio : Basle, 1552.

[back](#)

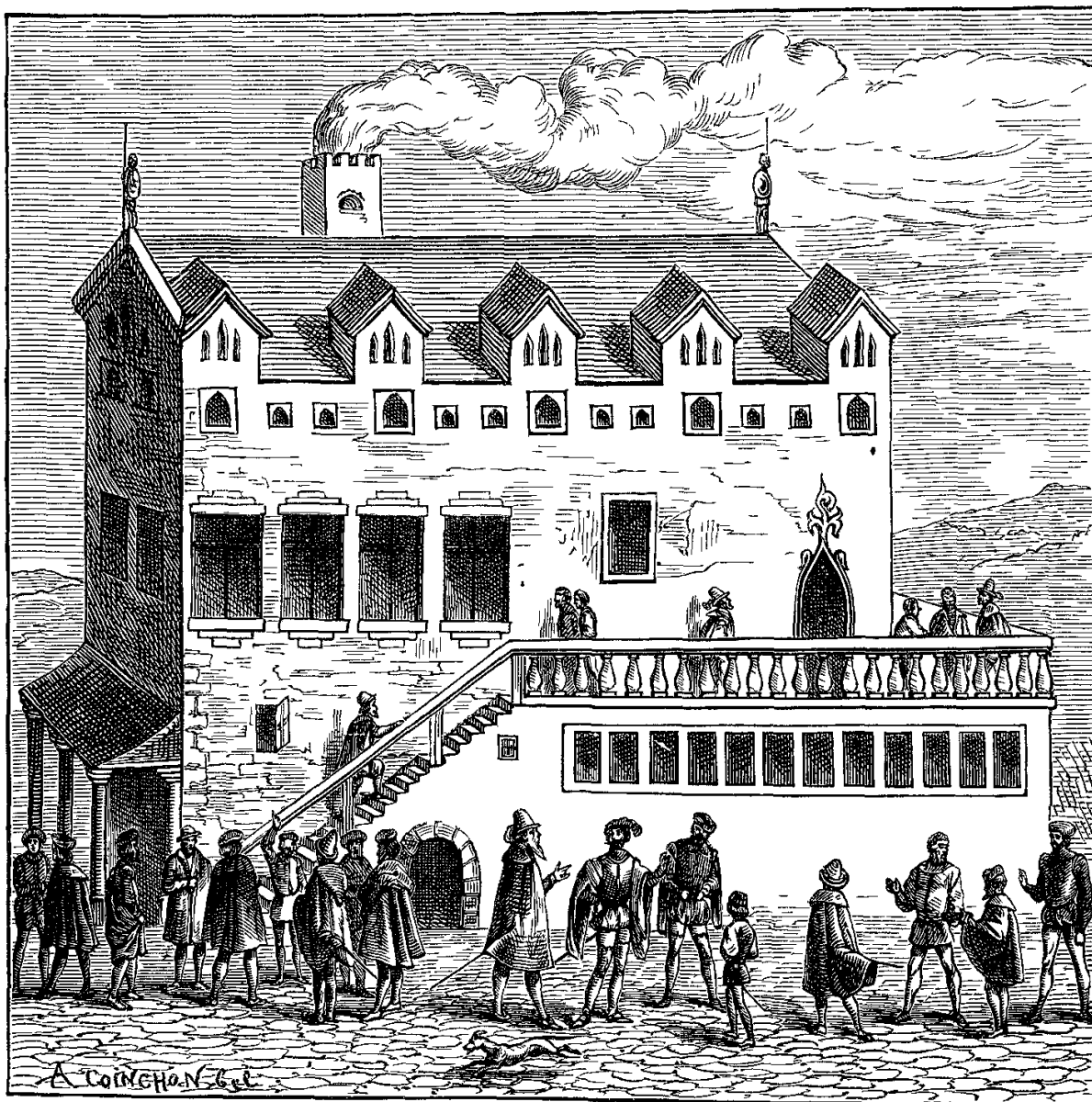

Fig. 279.—Hotel of the Chamber of Accounts in the Courtyard of the Palace in Paris. From a Woodcut of the “Cosmographie Universelle” of Munster, in folio : Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 280.—Measuring Salt.—Fac-simile of a Woodcut of the “Ordonnances de la Prevosté des Marchands de Paris,” in folio : 1500.

[back](#)

Fig. 281.—Toll under the Bridges of Paris.—
Fac-simile of a Woodcut of the “Ordonnances
de la Prevosté des Marchands de Paris,” in
folio: 1500.

[back](#)

Fig. 280.—Measuring Salt.—Fac-simile of a Woodcut of the “Ordonnances de la Prevosté des Marchands de Paris,” in folio : 1500.

[back](#)

Fig. 281.—Toll under the Bridges of Paris.—
Fac-simile of a Woodcut of the “Ordonnances
de la Prevosté des Marchands de Paris,” in
folio: 1500.

[back](#)

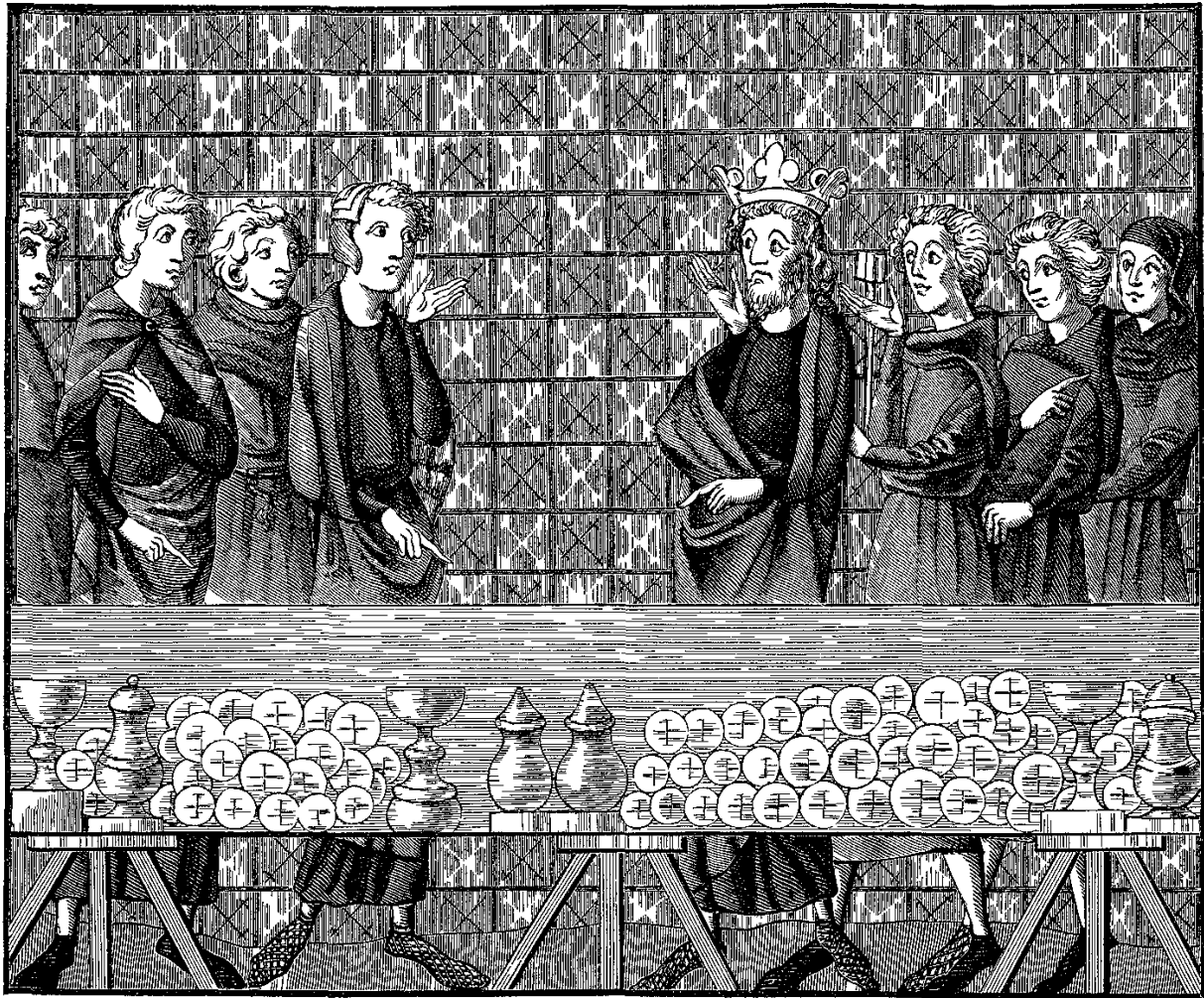

Fig 282 —The Courtiers amassing Riches at the Expense of the Poor —From a Miniature in the
‘Tresor’ of Brunetto Latini, Manuscript of the Fourteenth Century, in the Library of the
Arsenal, Paris

[back](#)

STATEMENT OF ACCOUNTS BY THE BROTHERHOOD OF ST. MICHAEL AND ST. GILBERT, OF THE RECTORY OF ROLES (1482).

A miniature from the "Livre des comptes" of the Society of St. Michael and St. Gilbert.

[back](#)

Fig. 283.—Assassination of the Duke of Burgundy, John the Fearless, on the Bridge of Montreuil, in 1419.—Fac-simile of a Miniature in the “Chronicles” of Monstrelet, Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

Fig. 283.—Assassination of the Duke of Burgundy, John the Fearless, on the Bridge of Montreuil, in 1419.—Fac-simile of a Miniature in the “Chronicles” of Monstrelet, Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

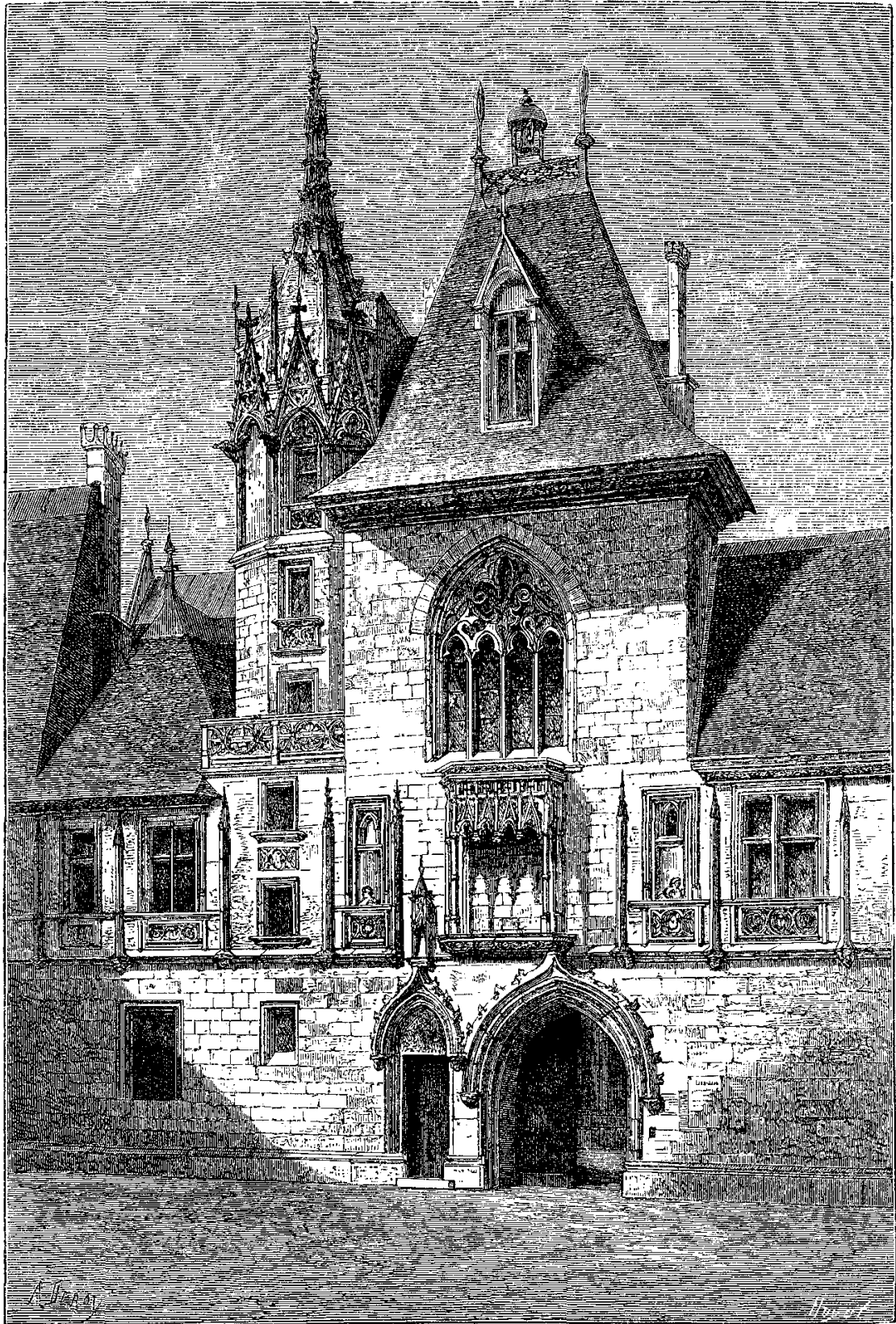

Fig. 284.—The House of Jacques Cœur at Bourges, now converted into the Hôtel de Ville.

[back](#)

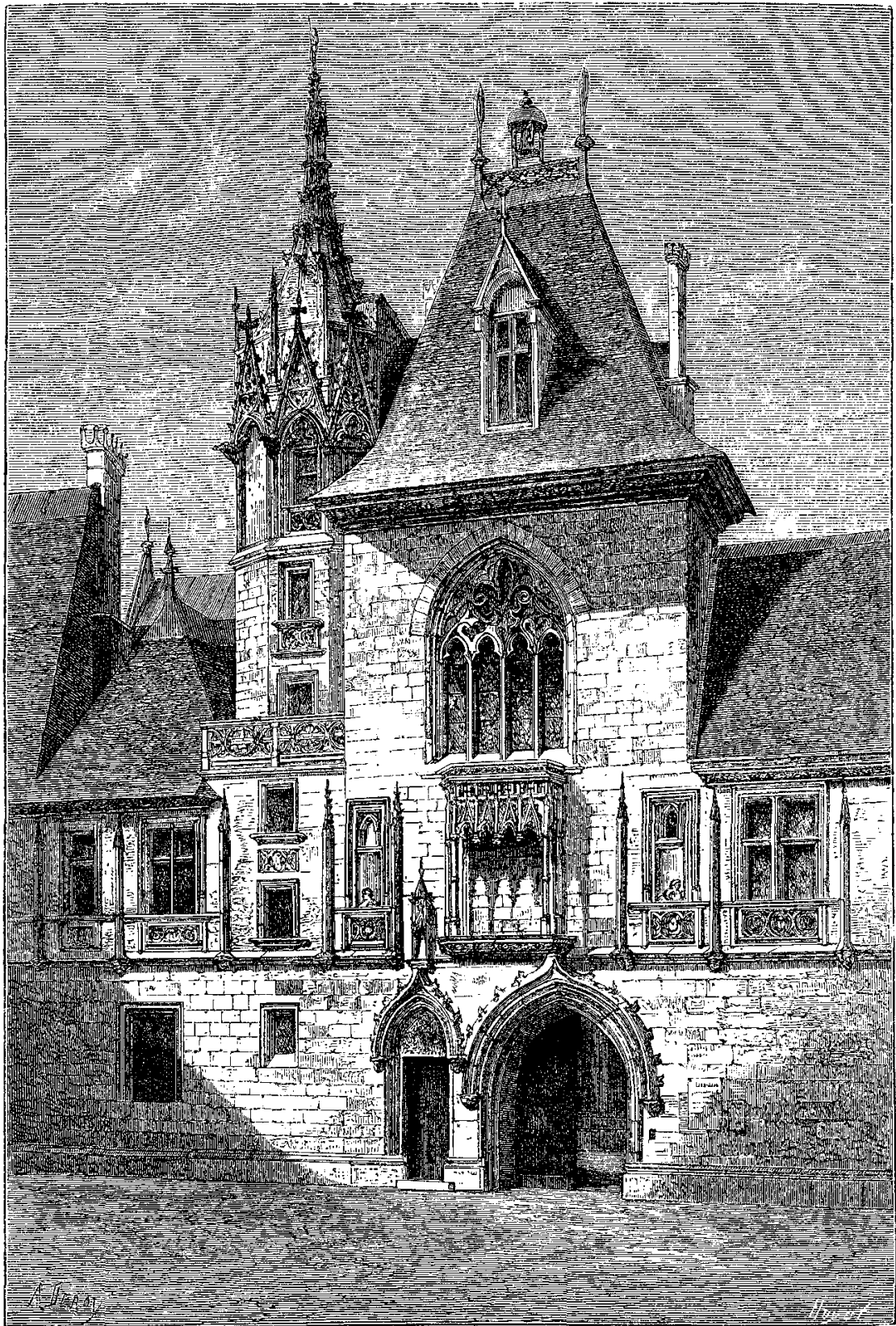

Fig. 284.—The House of Jacques Cœur at Bourges, now converted into the Hôtel de Ville.

[back](#)

Fig 285 — *Amende honorable* of Jacques Cœur before Charles VII — Fac-simile of a Miniature of the “Chroniques” of Monstrelet, Manuscript of the Fifteenth Century, in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 286.—The Mint.—Fac-simile of a Woodcut in the Translation of the Latin Work of Francis Patricius, “De l’Institution et Administration de la Chose Politique:” folio, 1520.

[back](#)

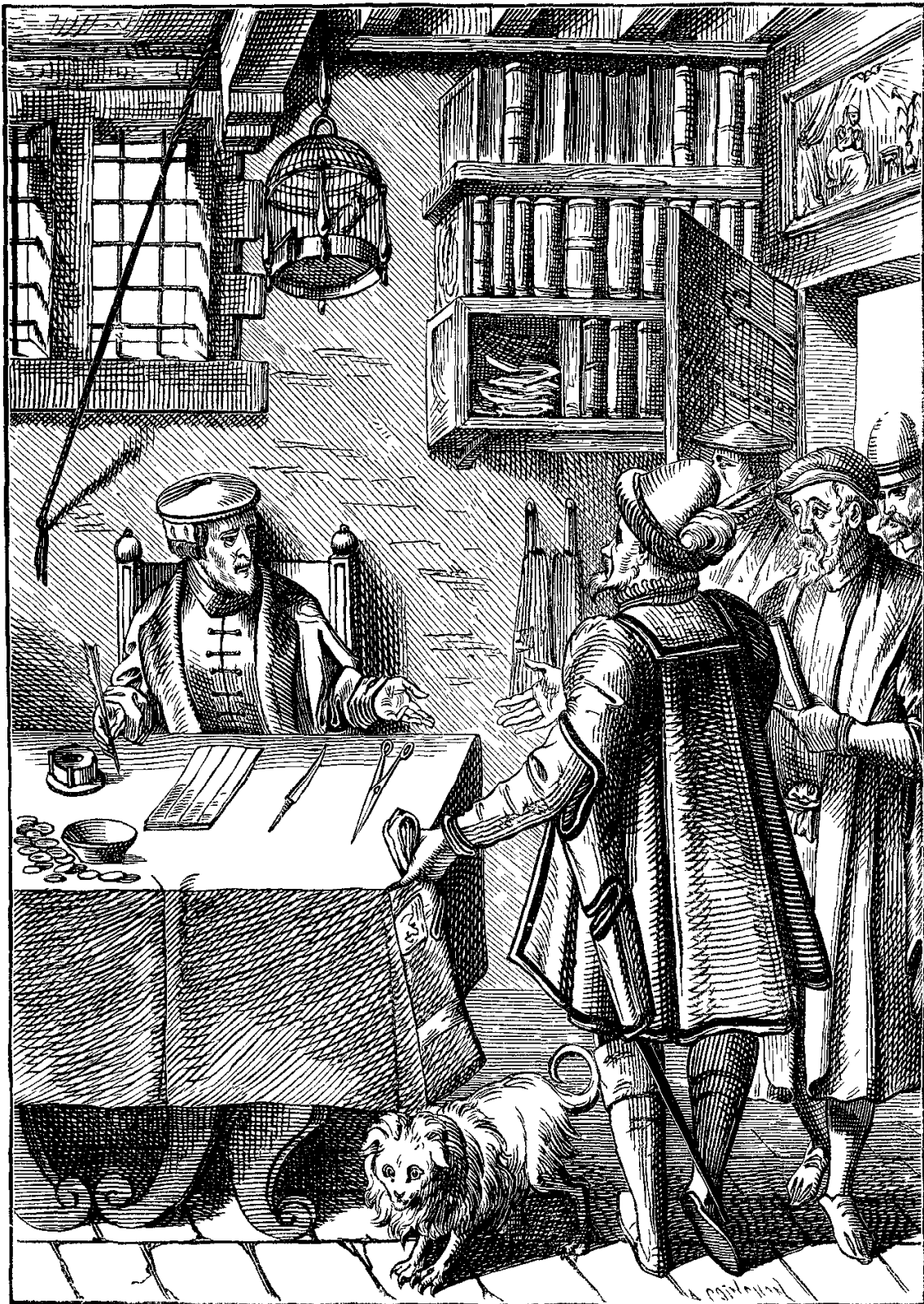

Fig. 287.—The Receiver of Taxes.—Fac-simile of a Woodcut in Damhoudere's "Praxis Rerum Civilium."

[back](#)

Fig. 288 —A Village pillaged by Soldiers.—Fac simile of a Woodcut in Hamelmann's
"Oldenburgisches Chronicon." in folio, 1599.

[back](#)

Fig. 288 —A Village pillaged by Soldiers.—Fac simile of a Woodcut in Hamelmann's
"Oldenburgisches Chronicon." in folio, 1599.

[back](#)

Fig. 289.—Royal d'Or. Charles VII. F

[back](#)

Fig. 290.—Écu d'Argent à la Couronne. Louis XI.

[back](#)

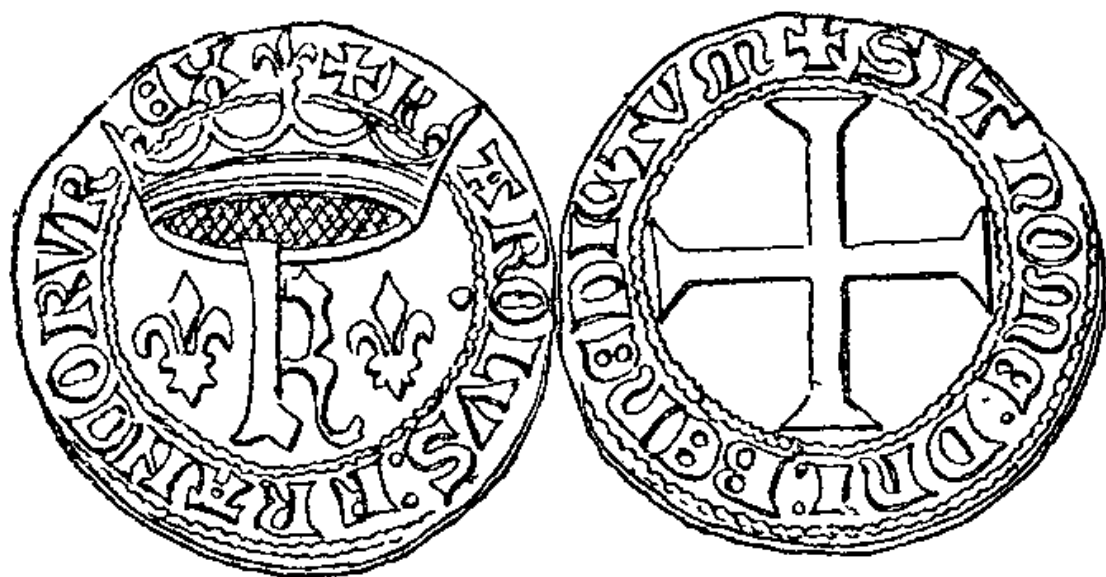

Fig. 291.—Écu d'Or à la Couronne. Charles VIII.

[back](#)

Fig. 292.—Écu d'Or au Porc-épic. Louis XII.

[back](#)

Fig. 293.—Teston d'Argent. Francis I.

[back](#)

Fig. 294.—Teston d'Argent au Croissant. Henry II.

[back](#)

Fig. 295.—Silver Franc. Henry IV.

[back](#)

Fig. 296.—The Families and the Barbarians.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio. Basle. 1552.

[back](#)

Fig. 296.—The Families and the Barbarians.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio. Basle. 1552.

[back](#)

Fig. 297.—The Emperor Charlemagne holding in one hand the Globe and in the other the Sword.—After a Miniature in the Registers of the University of Paris (Archives of the Minister of Public Instruction of the University). The Motto, *In scælus exurgo, sccleris discrimina purgo*, is written on a Scroll round the Sword.

[back](#)

Fig. 297.—The Emperor Charlemagne holding in one hand the Globe and in the other the Sword.—After a Miniature in the Registers of the University of Paris (Archives of the Minister of Public Instruction of the University). The Motto, *In scælus exurgo, sccleris discrimina purgo*, is written on a Scroll round the Sword.

[back](#)

Fig. 298.—Carlovingian King in his Palace personifying Wisdom appealing to the whole Human Race.—After a Miniature in a Manuscript of the Ninth Century in the Burgundian Library of Brussels, from a Drawing by Count Horace de Vielcastel.

[back](#)

Fig. 299.—'The Court of the Nobles.—Fac-simile of a Miniature in an old Poetical Romance of Chivalry, Manuscript of the Thirteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

Fig. 298.—Carlovingian King in his Palace personifying Wisdom appealing to the whole Human Race.—After a Miniature in a Manuscript of the Ninth Century in the Burgundian Library of Brussels, from a Drawing by Count Horace de Vielcastel.

[back](#)

Fig. 299.—'The Court of the Nobles.—Fac-simile of a Miniature in an old Poetical Romance of Chivalry, Manuscript of the Thirteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

Fig. 300.—The Judicial Duel. The Plaintiff opening his Case before the Judge.—Fac-simile of a Miniature in the “*Cérémonies des Gages des Batailles*,” Manuscript of the Fifteenth Century in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 300.—The Judicial Duel. The Plaintiff opening his Case before the Judge.—Fac-simile of a Miniature in the “*Cérémonies des Gages des Batailles*,” Manuscript of the Fifteenth Century in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 301.—Judicial Duel.—Combat of a Knight with a Dog.—Fac-simile of a Miniature in the Romance of “Macaire,” of the Thirteenth Century (Library of the Arsenal of Paris).

[back](#)

Fig. 301.—Judicial Duel.—Combat of a Knight with a Dog.—Fac-simile of a Miniature in the Romance of “Macaire,” of the Thirteenth Century (Library of the Arsenal of Paris).

[back](#)

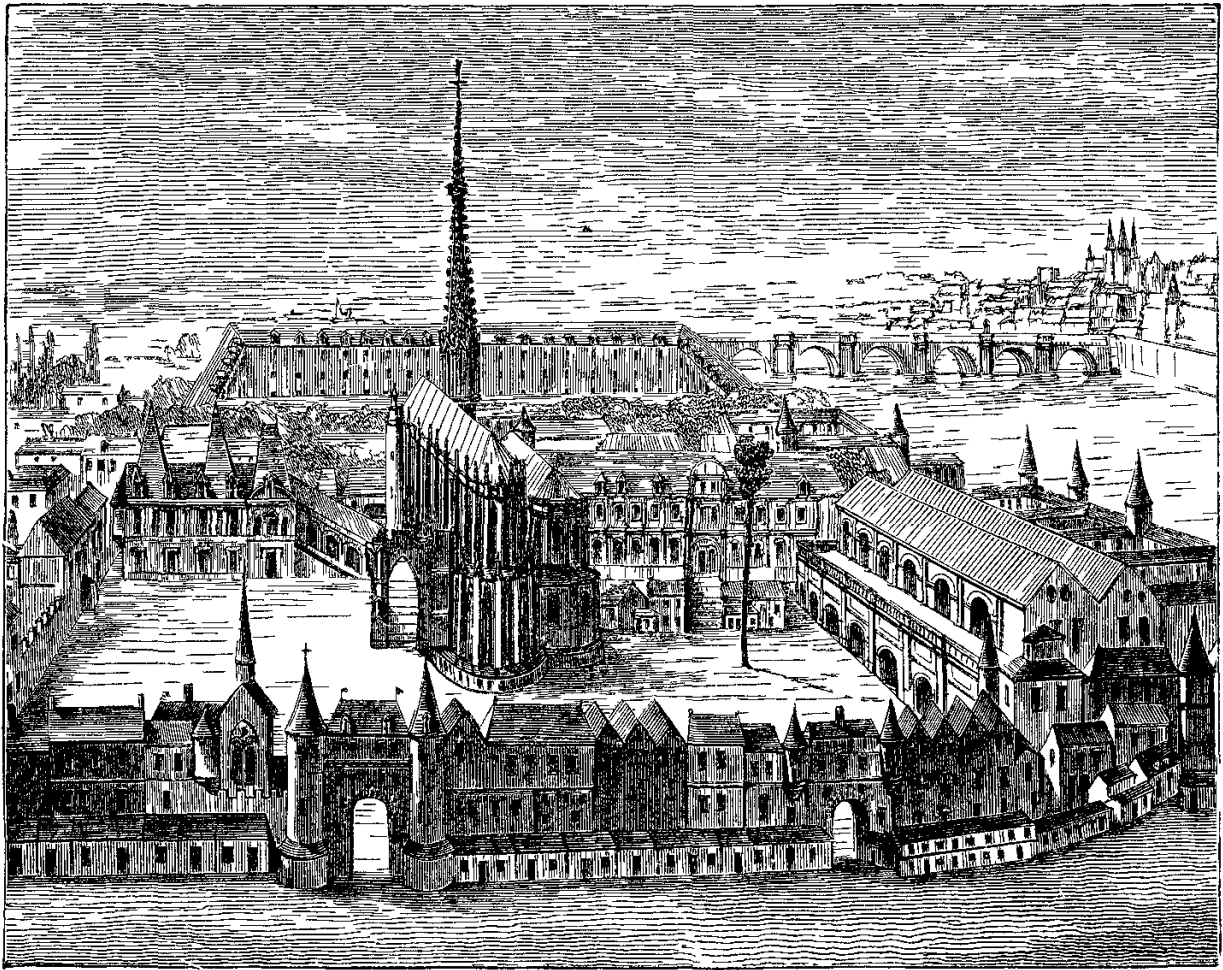

Fig 302 —The Palace as it was in the Sixteenth Century —After an Engraving of that Period,
National Library of Paris (Cabinet des Estampes).

[back](#)

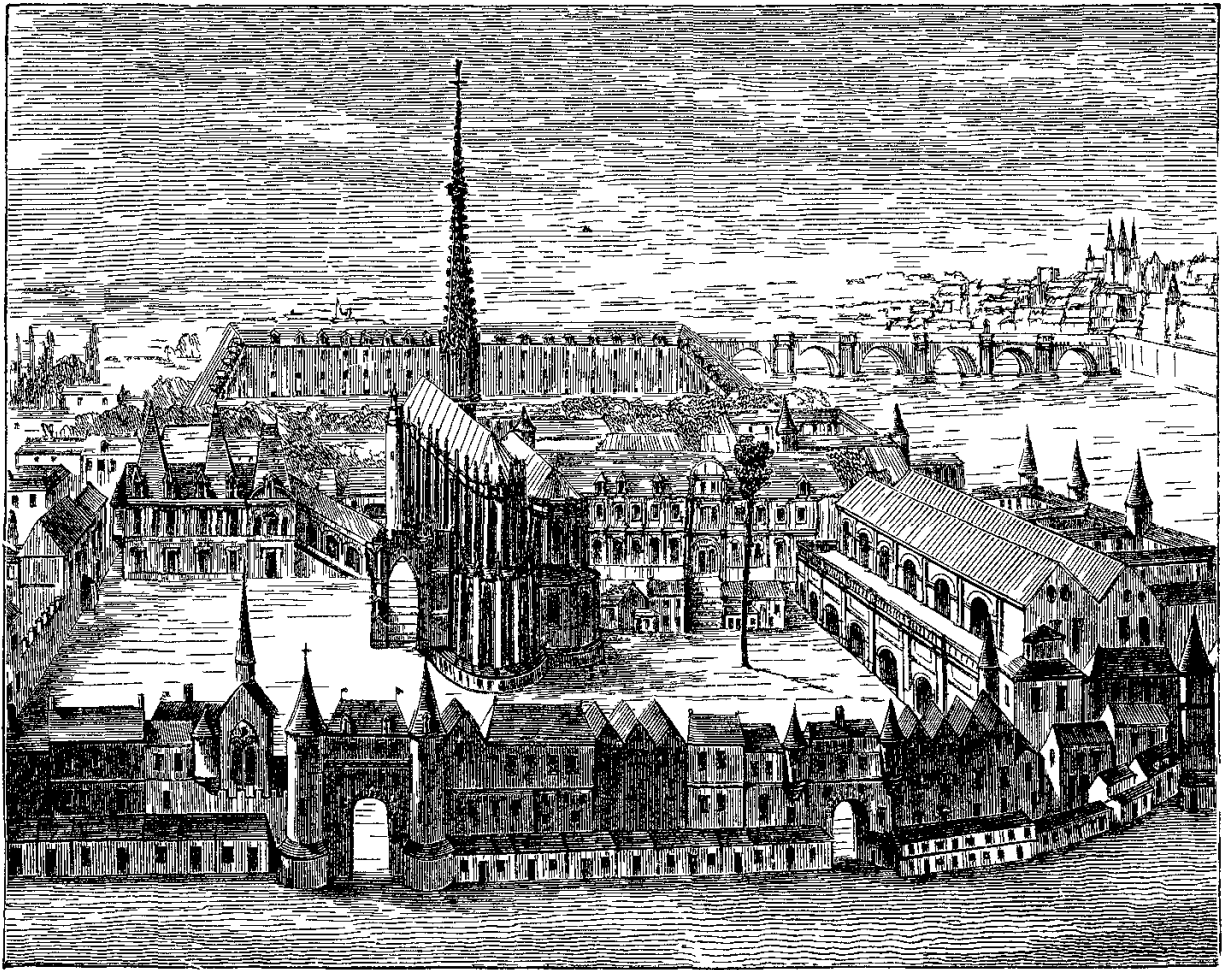

Fig 302 —The Palace as it was in the Sixteenth Century —After an Engraving of that Period,
National Library of Paris (Cabinet des Estampes).

[back](#)

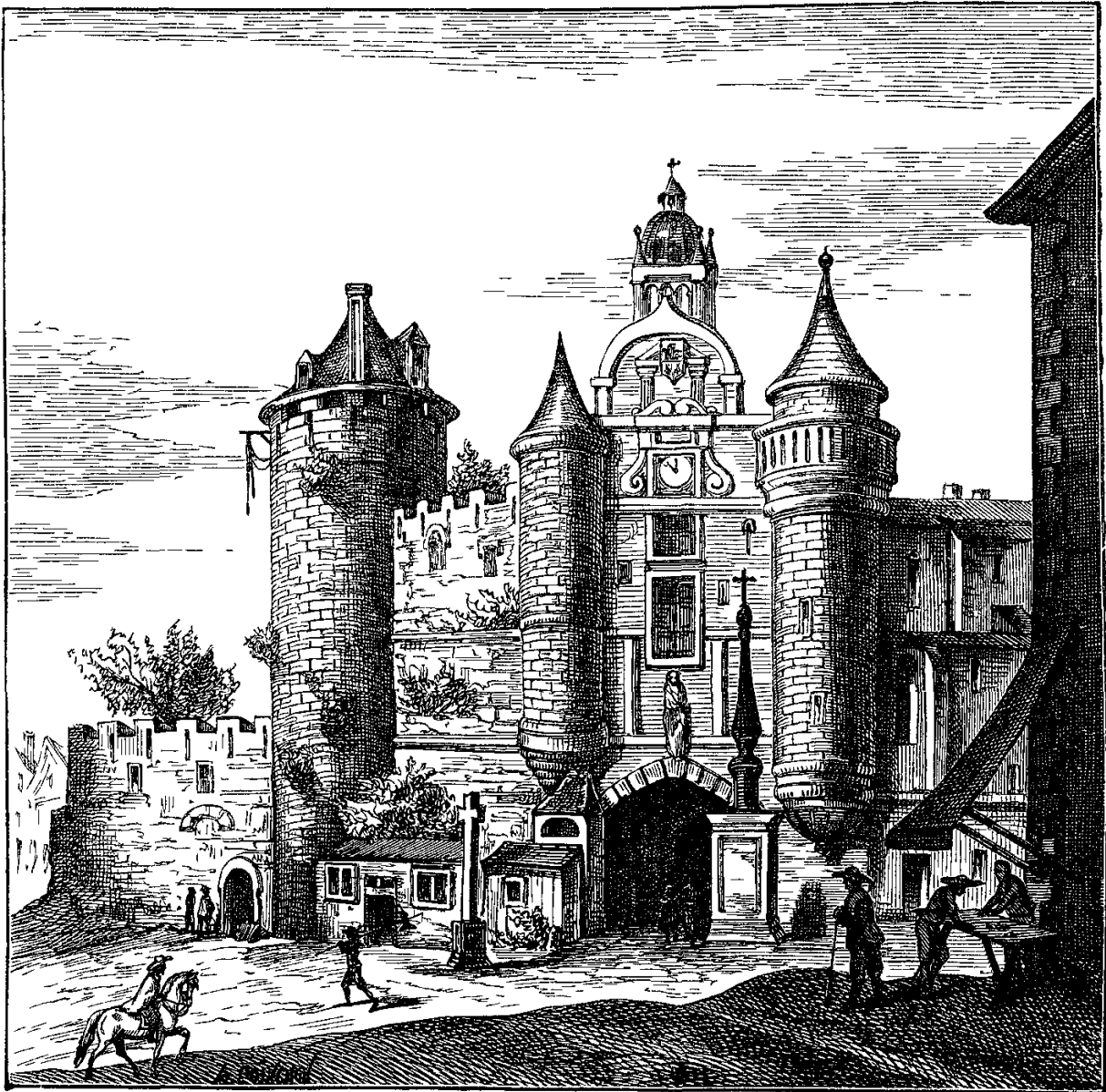

Fig. 303.—The Great Châtelet of Paris.—Principal Front opposite the Pont-au-Change.—Facsimile of an Engraving on Copper by Mérian, in the “*Topographia Galliæ*” of Zeller.

[back](#)

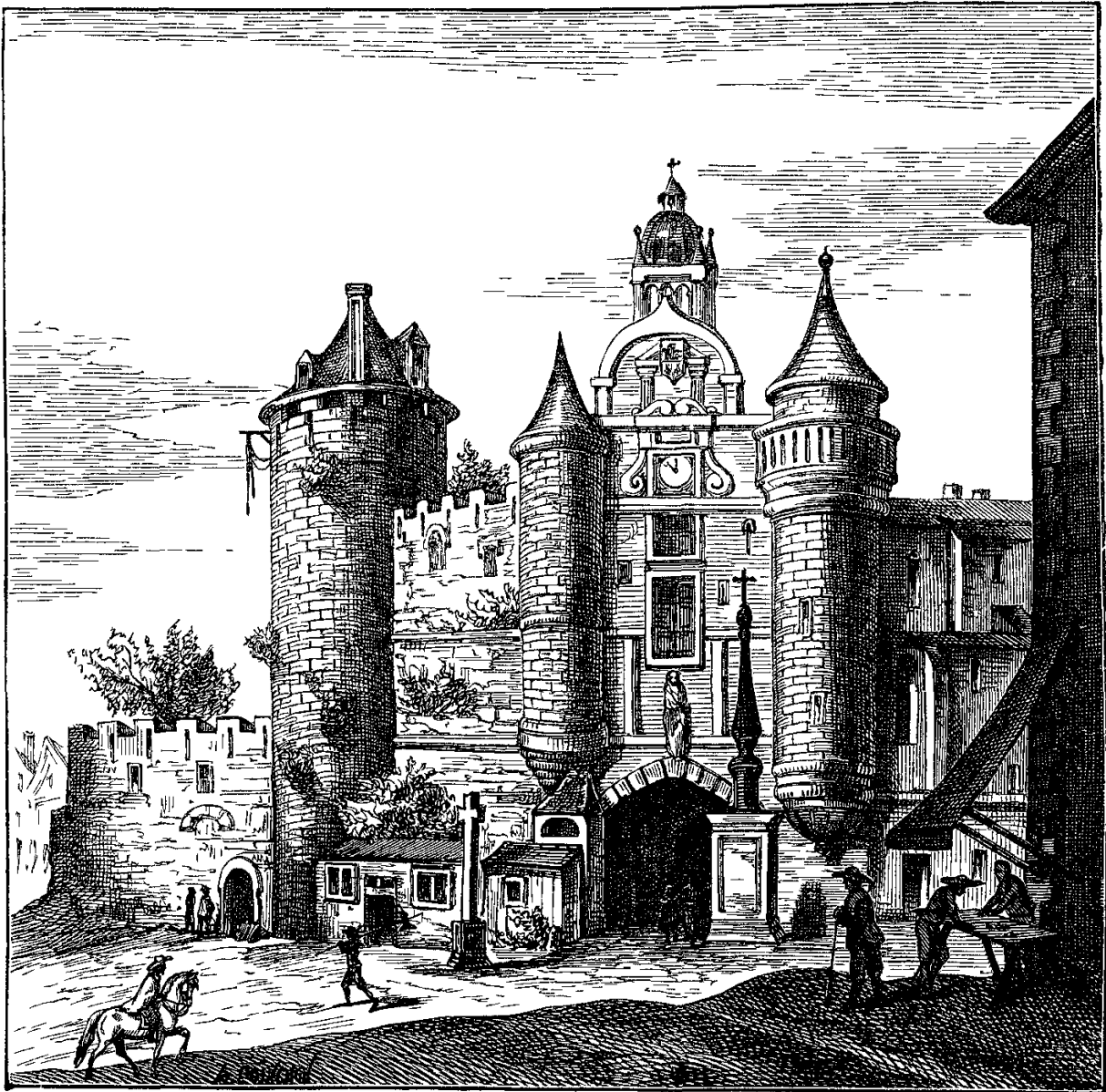

Fig. 303.—The Great Châtelet of Paris.—Principal Front opposite the Pont-au-Change.—Facsimile of an Engraving on Copper by Mérian, in the “*Topographia Galliæ*” of Zeller.

[back](#)

Fig 304 —The King s Court, or Grand Council —Fac simile of a Miniature in the “Chroniques” of Froissart, Manuscript of the Fifteenth Century (formerly in the possession of Charles V), in the Library of the Arsenal Paris.

[back](#)

Fig 304 —The King s Court, or Grand Council —Fac simile of a Miniature in the “ Chroniques ” of Froissart, Manuscript of the Fifteenth Century (formerly in the possession of Charles V), in the Library of the Arsenal Paris.

[back](#)

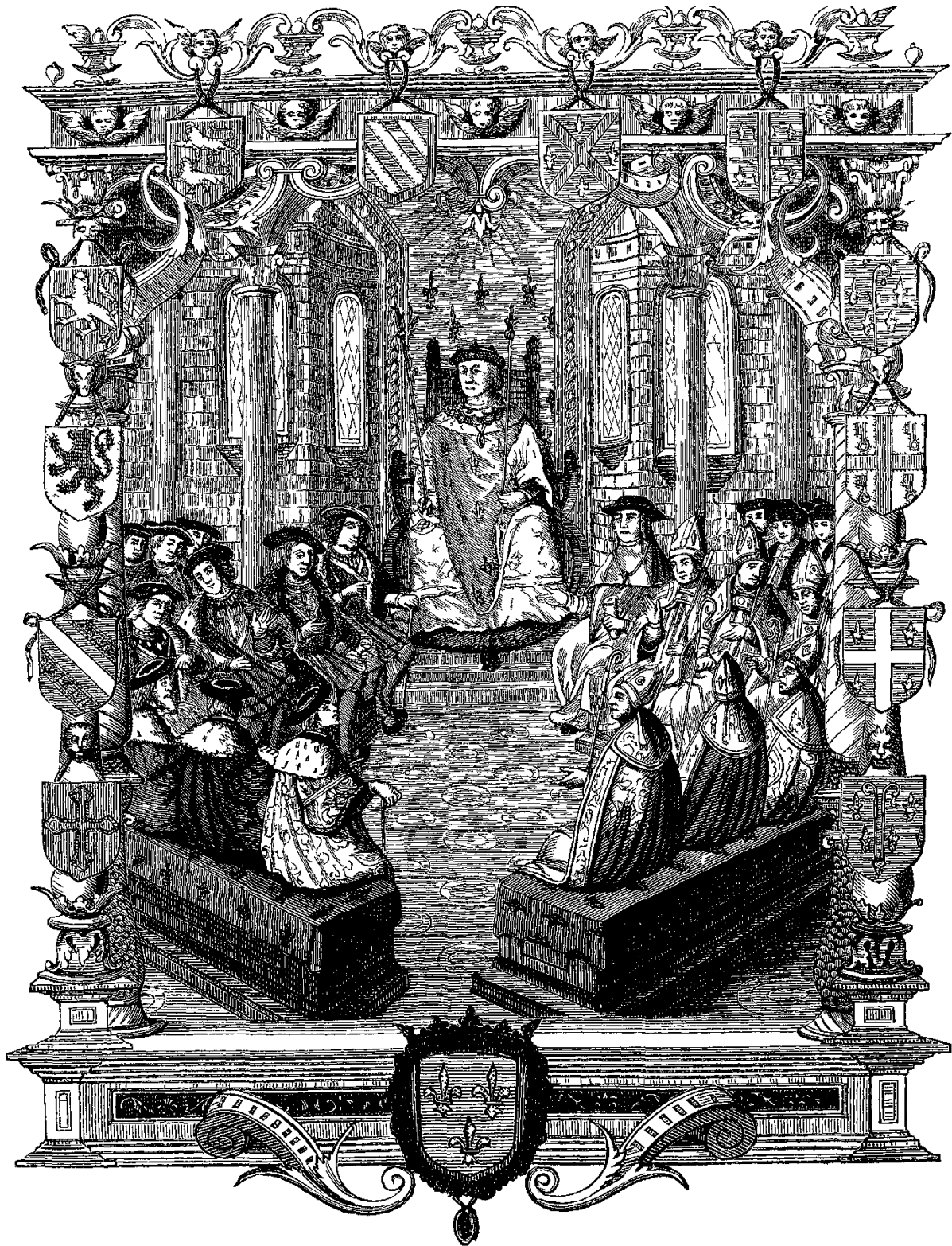

Fig. 305—Trial of the Constable de Bourbon before the Peers of France (1523).—From an Engraving in “La Monarchie Française” of Montfauçon.

[back](#)

Fig. 306.—Promulgation of an Edict.—Fac-simile of a Miniature in “Anciennetés des Juifs,” (French Translation from Josephus), Manuscript of the Fifteenth Century, executed for the Duke of Burgundy (Library of the Arsenal of Paris).

[back](#)

Fig. 306.—Promulgation of an Edict.—Fac-simile of a Miniature in “Anciennetés des Juifs,” (French Translation from Josephus), Manuscript of the Fifteenth Century, executed for the Duke of Burgundy (Library of the Arsenal of Paris).

[back](#)

Fig. 307.—Bailiwick.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster:
in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 307.—Bailiwick.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster:
in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 308.—Supreme Court, presided over by the King, who is in the act of issuing a Decree which is being registered by the Usher.—Fac-simile of a Miniature in Camaieu of the “Information des Rois,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

Fig. 308.—Supreme Court, presided over by the King, who is in the act of issuing a Decree which is being registered by the Usher.—Fac-simile of a Miniature in Camilleu of the "Information des Rois," Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

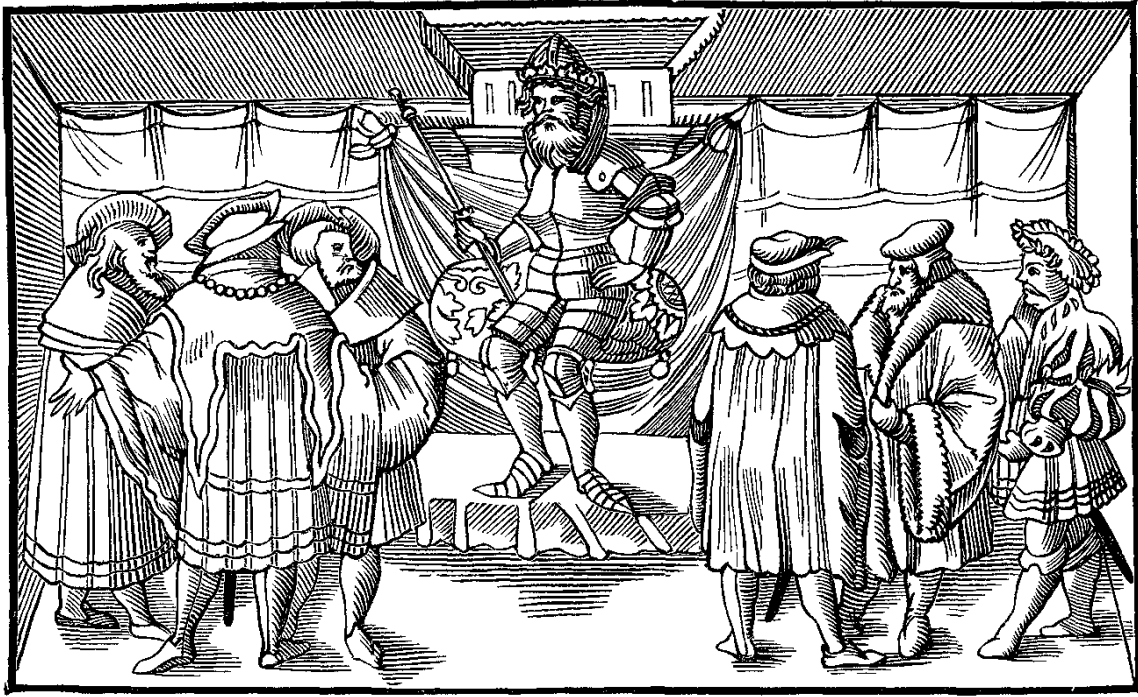

Fig. 309.—The Court of a Baron.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 310.—Sergeants-at-Arms of the Fourteenth Century, carved in Stone.—From the Church of St. Catherine du Val des Ecoliers, in Paris.

[back](#)

Fig. 310.—Sergeants-at-Arms of the Fourteenth Century, carved in Stone.—From the Church of St. Catherine du Val des Ecoliers, in Paris.

[back](#)

Fig. 311.—Inferior Court in the Great Bailiwick. Adoption of Orphan Children —Fac-simile of a Woodcut in J. Damhoudère's "Refuge et Garand des Pupilles, Orphelins : " Antwerp, J. Bellère, 1557.

[back](#)

Fig. 311.—Inferior Court in the Great Bailiwick. Adoption of Orphan Children —Fac-simile of a Woodcut in J. Damhoudère's "Refuge et Garand des Pupilles, Orphelins : " Antwerp, J. Bellère, 1557.

[back](#)

Fig 312.—Judge.—From a Drawing in “Proverbes, Adages, &c ,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Imperial Library of Paris.

[back](#)

Fig. 314.—Barrister.—From a Woodcut in the
“Danse Macabre:” Guyot’s edition, 1490.

[back](#)

Fig 312.—Judge.—From a Drawing in “Proverbes, Adages, &c ,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Imperial Library of Paris.

[back](#)

Fig. 313.—Lawyer.—From the “Danse des Morts” of Basle, engraved by Mérian : in 4to, Frankfort, 1596.

[back](#)

Fig. 314.—Barrister.—From a Woodcut in the
“Danse Macabre:” Guyot’s edition, 1490.

[back](#)

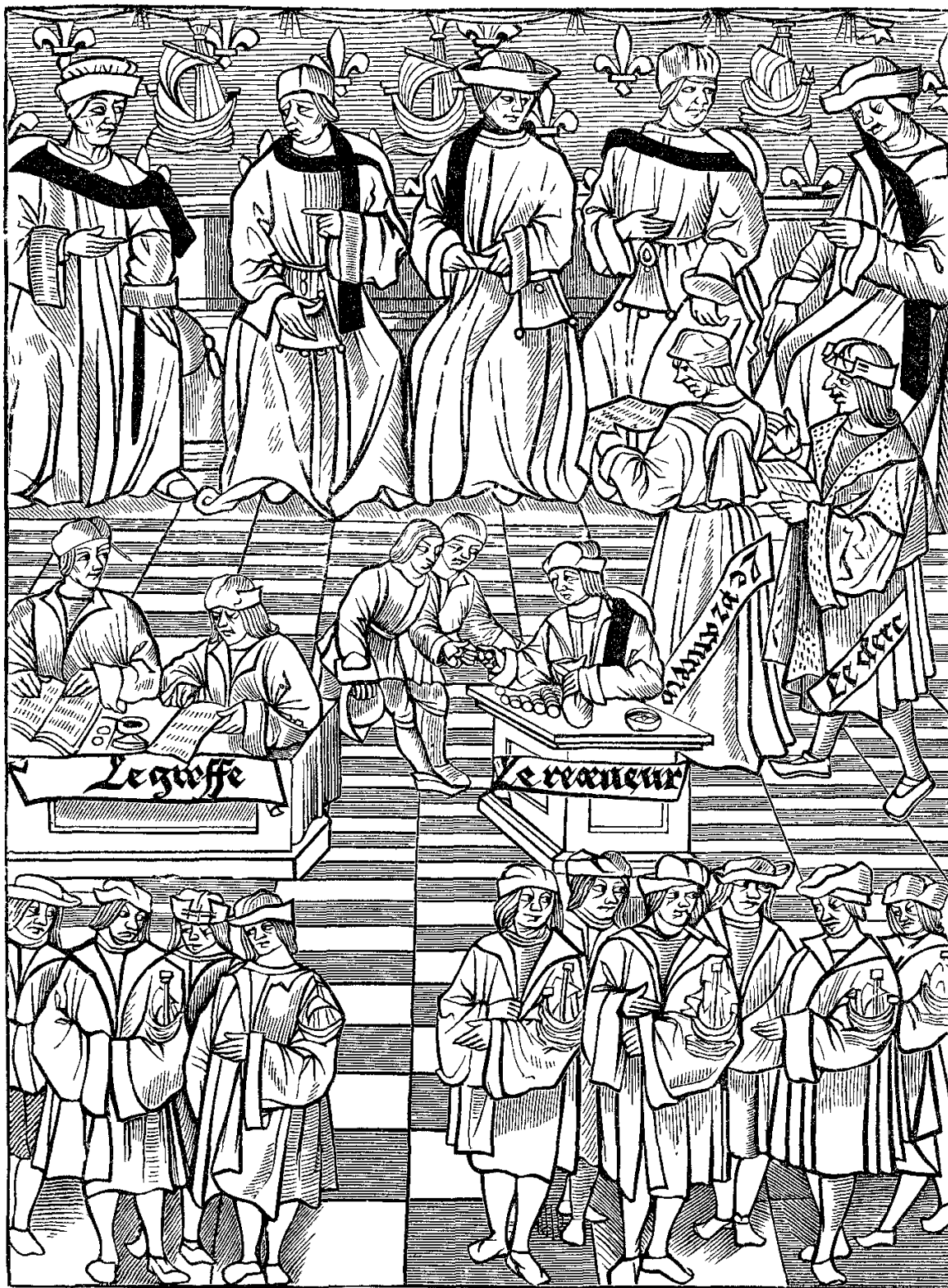

Fig. 315.—Assembly of the Provostship of the Merchants of Paris.—Fac-simile of a Woodcut in “Ordonnances Royaux de la Jurisdiction de la Prevoté des Marchands et Eschevinage de la Ville de Paris:” in small folio, goth. edition of Paris, Jacques Nyverd, 1528.

[back](#)

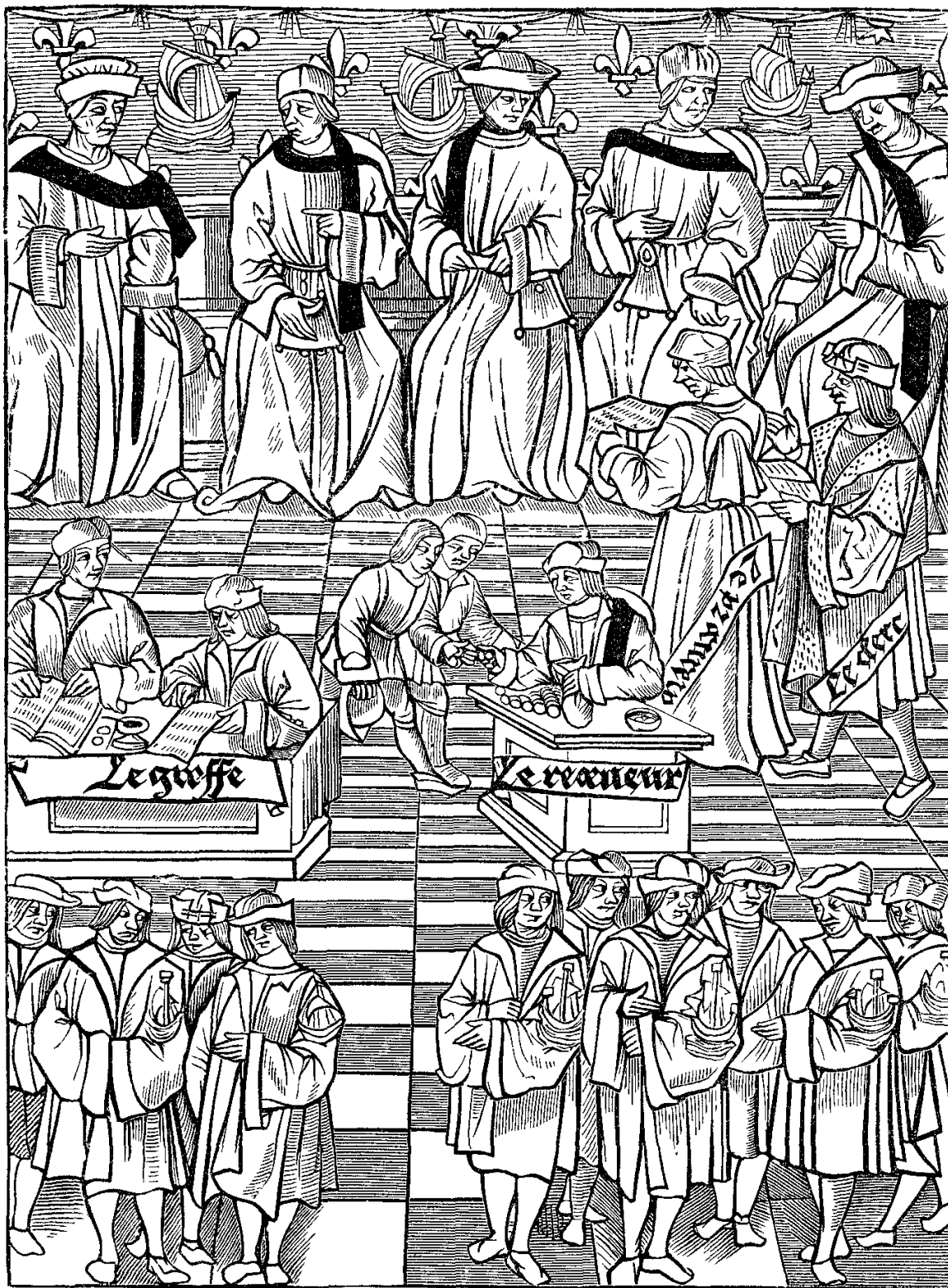

Fig. 315.—Assembly of the Provostship of the Merchants of Paris.—Fac-simile of a Woodcut in “Ordonnances Royaux de la Jurisdiction de la Prevoté des Marchands et Eschevinage de la Ville de Paris:” in small folio, goth. edition of Paris, Jacques Nyverd, 1528.

[back](#)

Fig. 316.—Seal of King Chilpéric, found in his Tomb at Tournay in 1654.

[back](#)

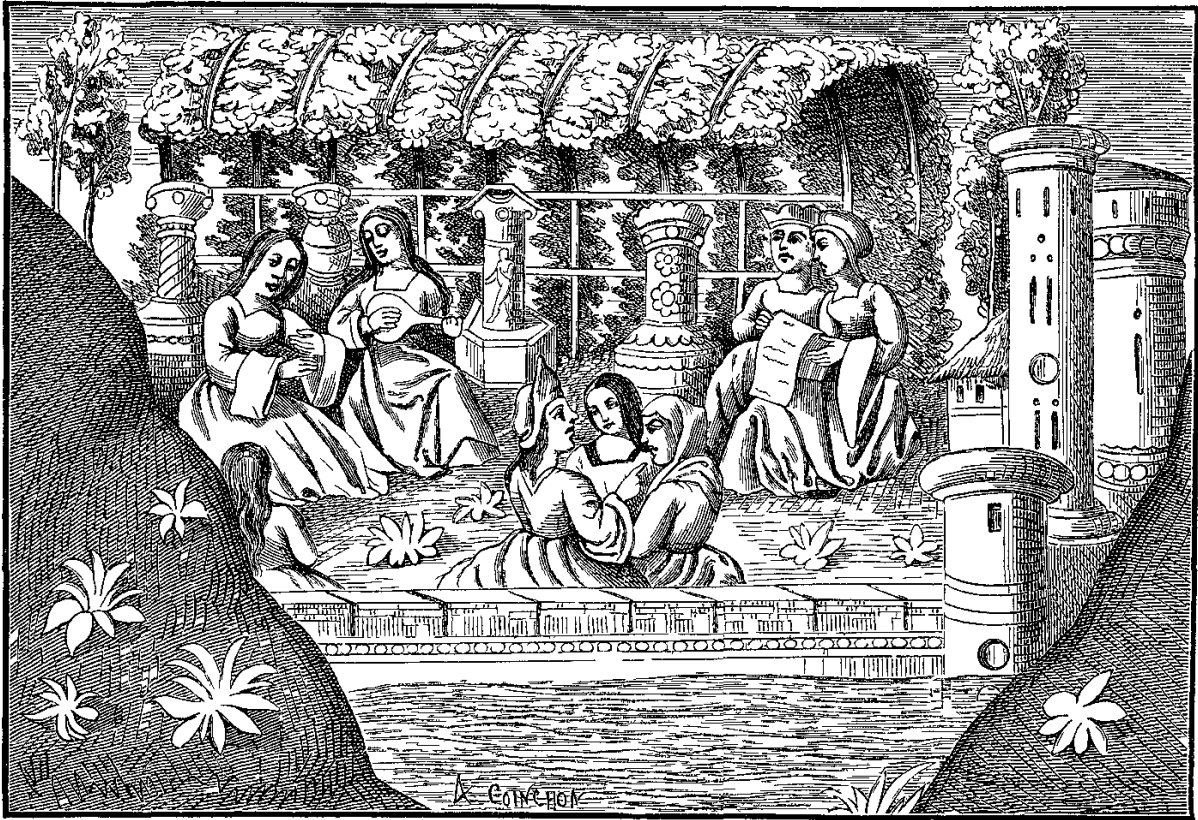

Fig 317 —The Castle of Alamond and its Enchantments —Fac-simile of a Miniature in “Marco Polo’s Travels,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

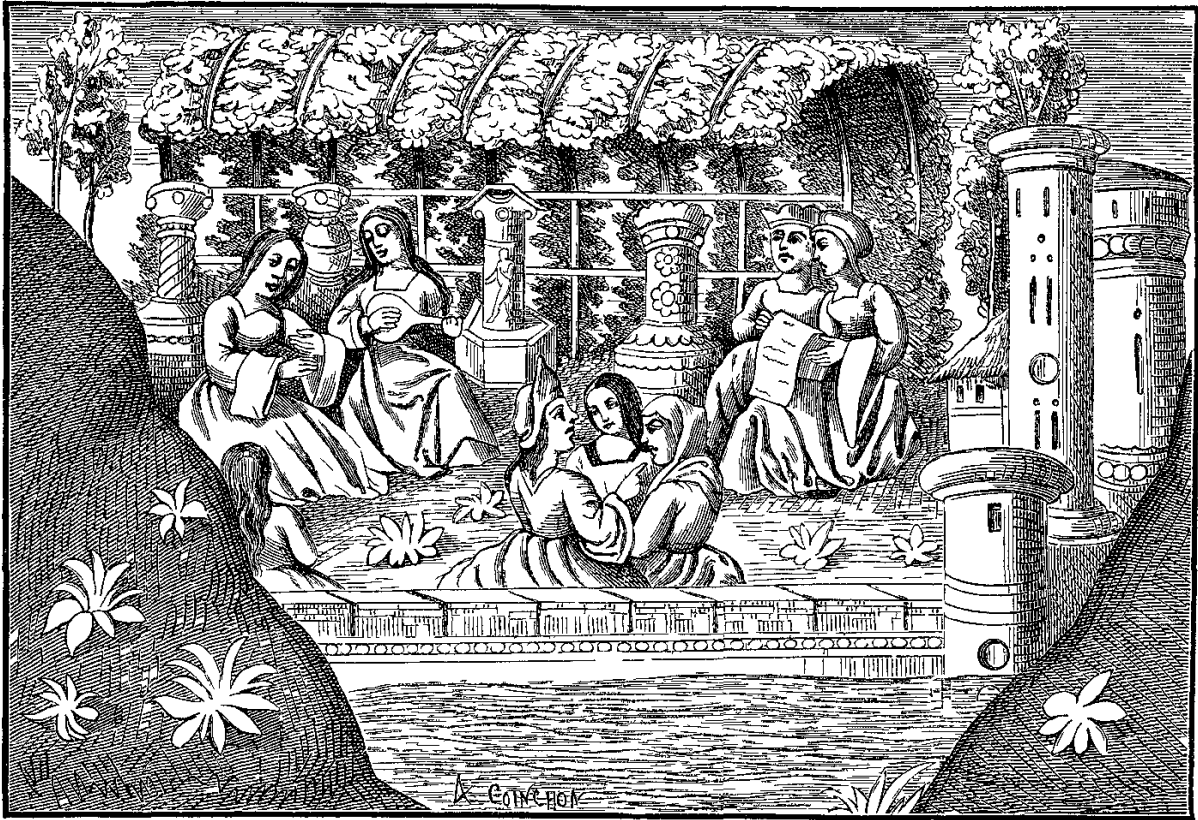

Fig 317 —The Castle of Alamond and its Enchantments —Fac-simile of a Miniature in “Marco Polo’s Travels,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

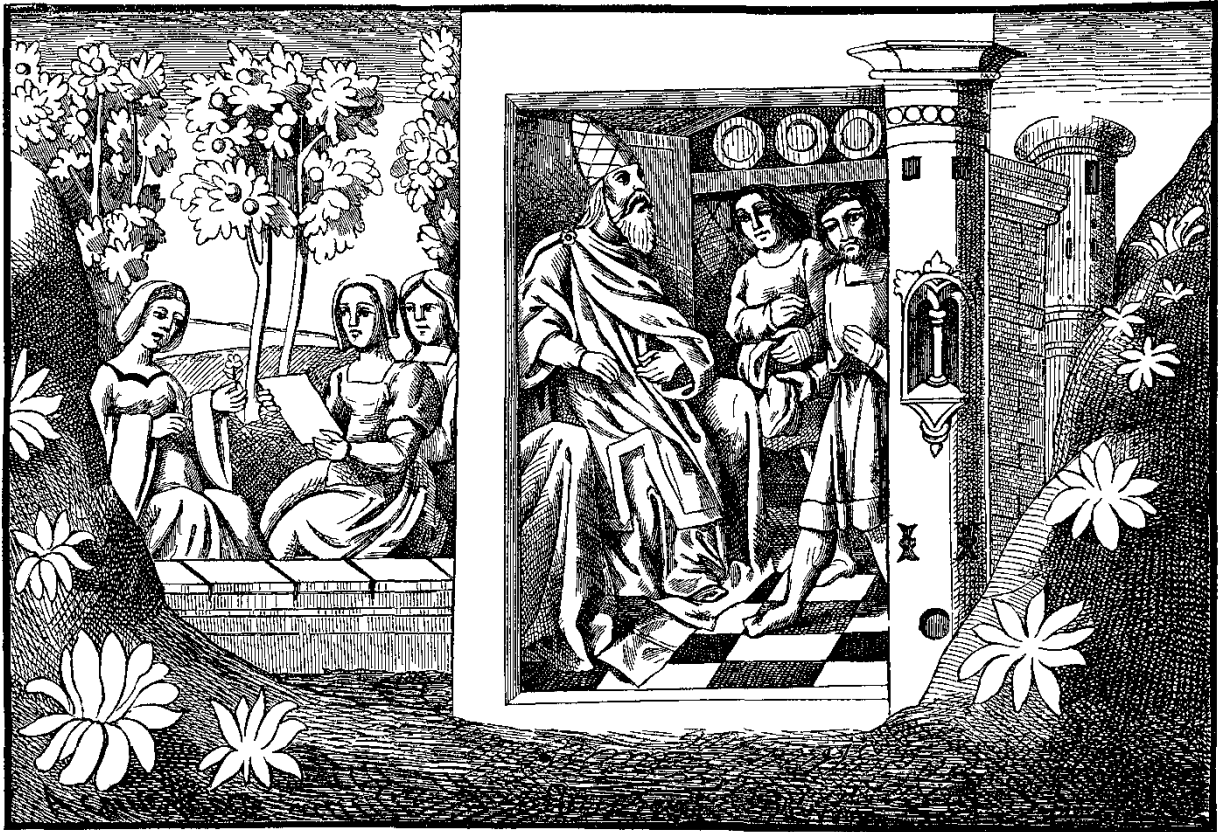

Fig. 318.—The Old Man of the Mountain giving Orders to his Followers.—Fac-simile of a Miniature in the “Travels of Marco Polo,” Manuscript of the Fifteenth Century (Library of the Arsenal of Paris).

[back](#)

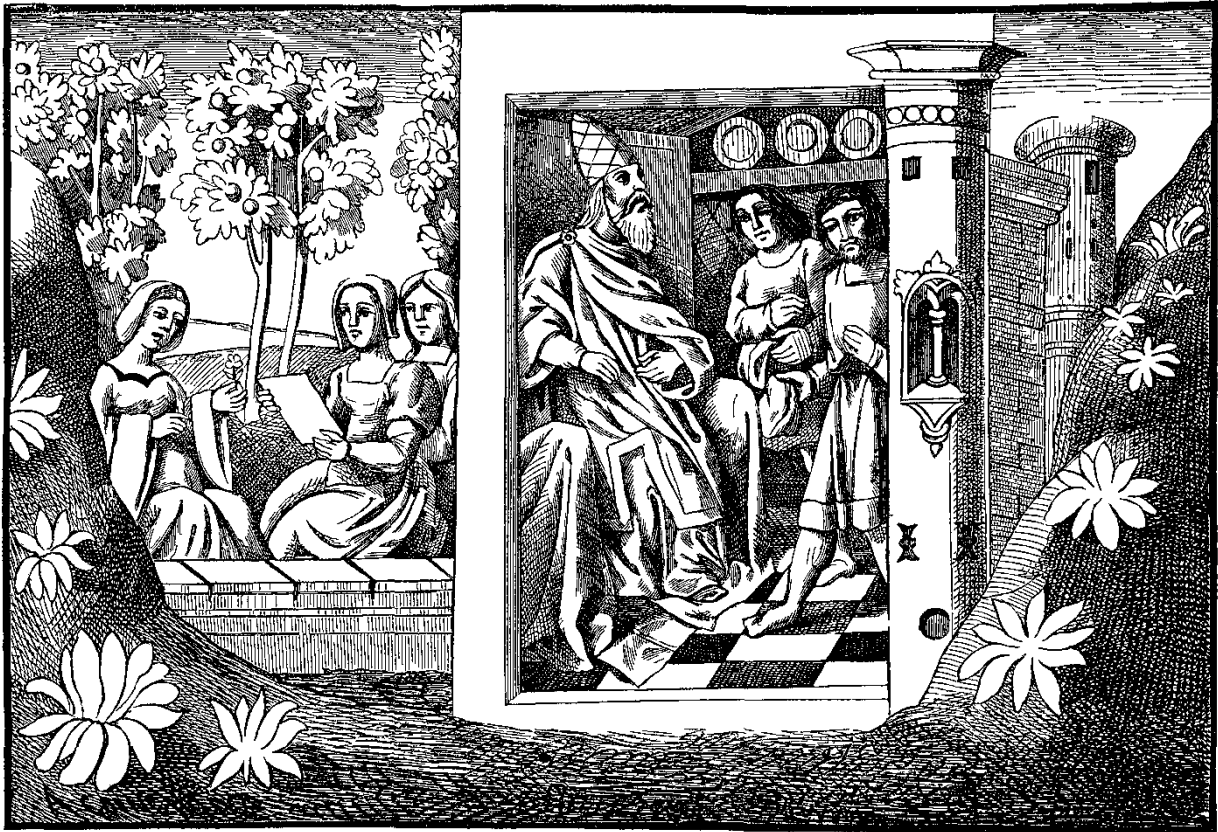

Fig. 318.—The Old Man of the Mountain giving Orders to his Followers.—Fac-simile of a Miniature in the “Travels of Marco Polo,” Manuscript of the Fifteenth Century (Library of the Arsenal of Paris).

[back](#)

Figs. 319 and 320.—Hermensul or Irmensul and Crodon, Idols of the Ancient Saxons.—Fac-simile of a Woodcut in the “*Annales Circuli Westphaliæ*,” by Herman Stangefol: in 4to, 1656.—The Idol Hermensul appears to have presided over Executive Justice, the attributes of which it holds in its hands.

[back](#)

Figs. 319 and 320.—Hermensul or Irmensul and Crodon, Idols of the Ancient Saxons.—Fac-simile of a Woodcut in the “*Annales Circuli Westphaliæ*,” by Herman Stangefol: in 4to, 1656.—The Idol Hermensul appears to have presided over Executive Justice, the attributes of which it holds in its hands.

[back](#)

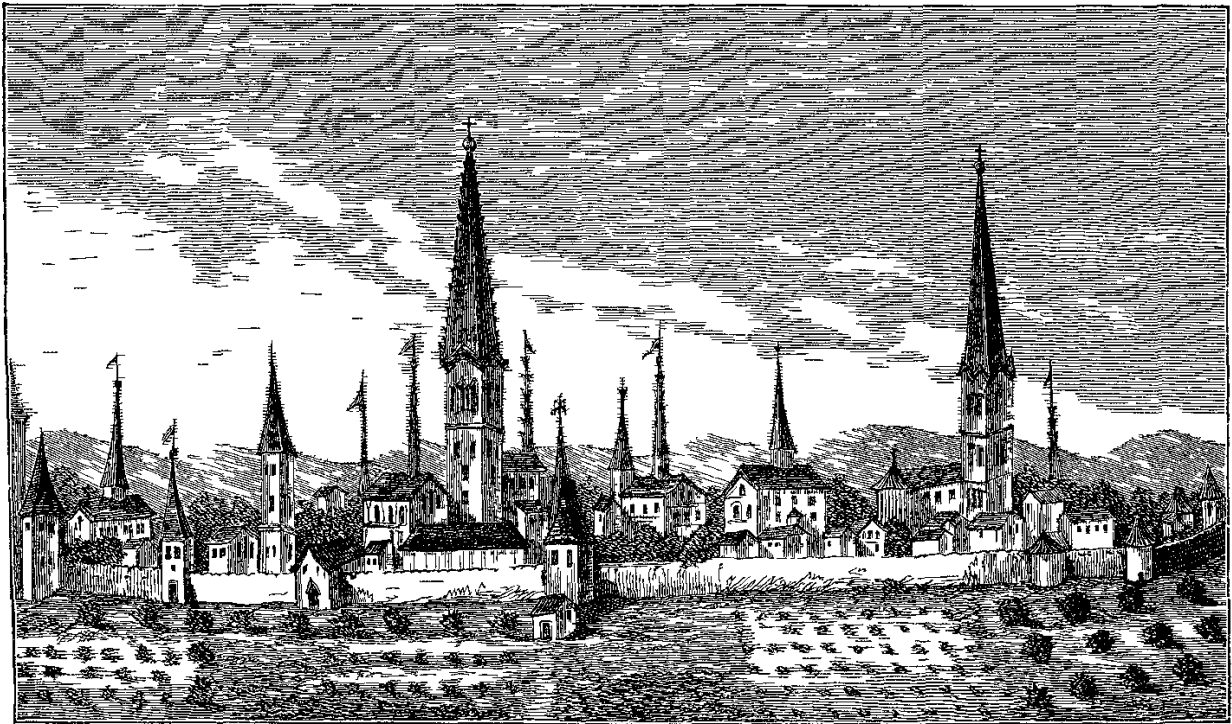

Fig 321 —View of the Town of Dortmund in the Sixteenth Century.—From an Engraving on Copper in P Bertius's "Theatrum Geographicum "

[back](#)

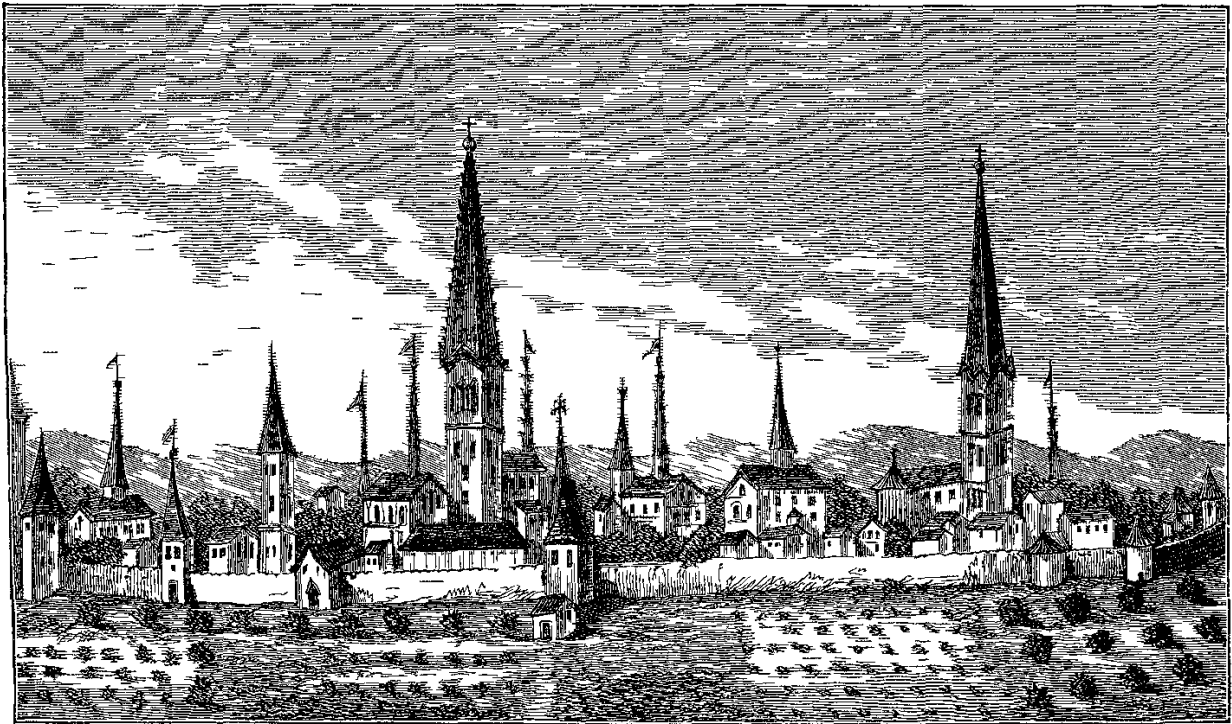

Fig 321 —View of the Town of Dortmund in the Sixteenth Century.—From an Engraving on Copper in P Bertius's "Theatrum Geographicum "

[back](#)

Klingesoz vō vngerlant.

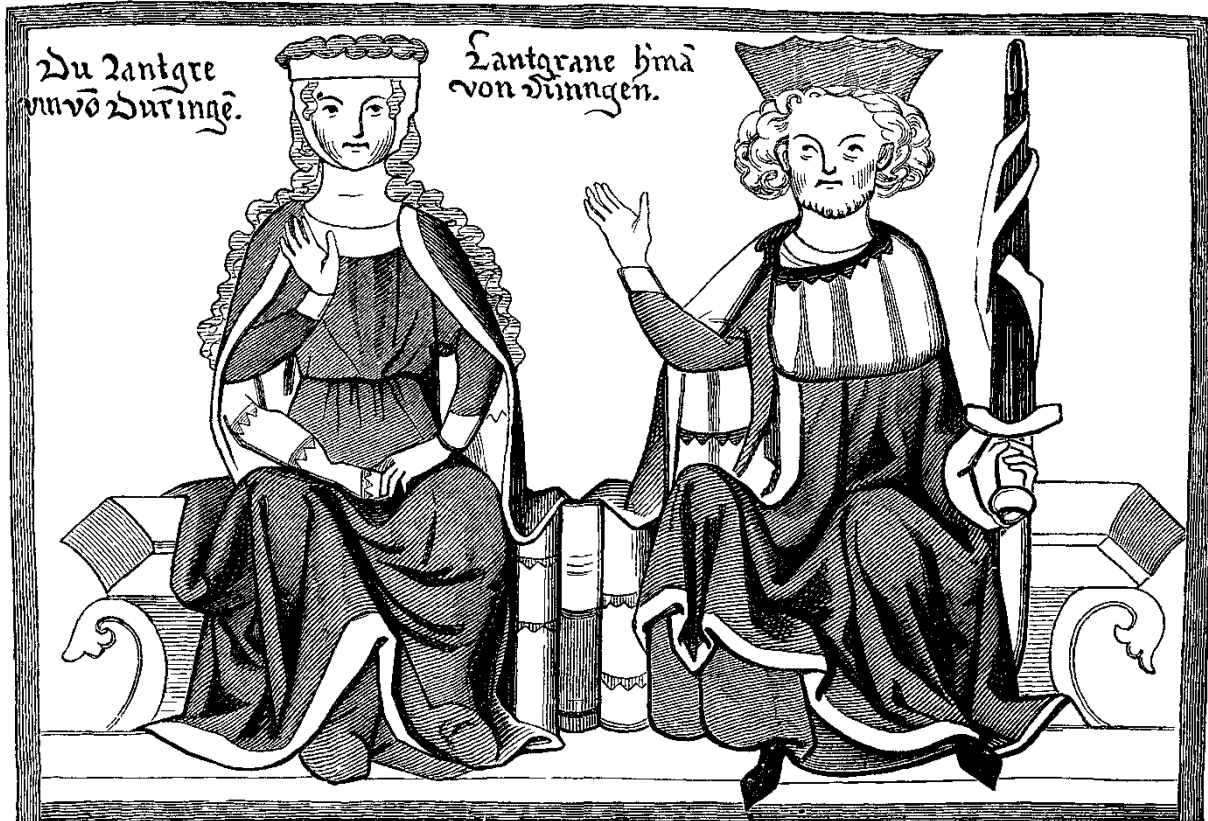

Fig. 322.—The Landgrave of Thuringia and his Wife.—Fac-simile of a Miniature in the Collection of the Minnesinger, Manuscript of the Fourteenth Century.

[back](#)

Figs. 323 and 324.—Free Judges —Fac-simile of two Woodcuts in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, 1552.

[back](#)

Figs. 323 and 324.—Free Judges —Fac-simile of two Woodcuts in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, 1552.

[back](#)

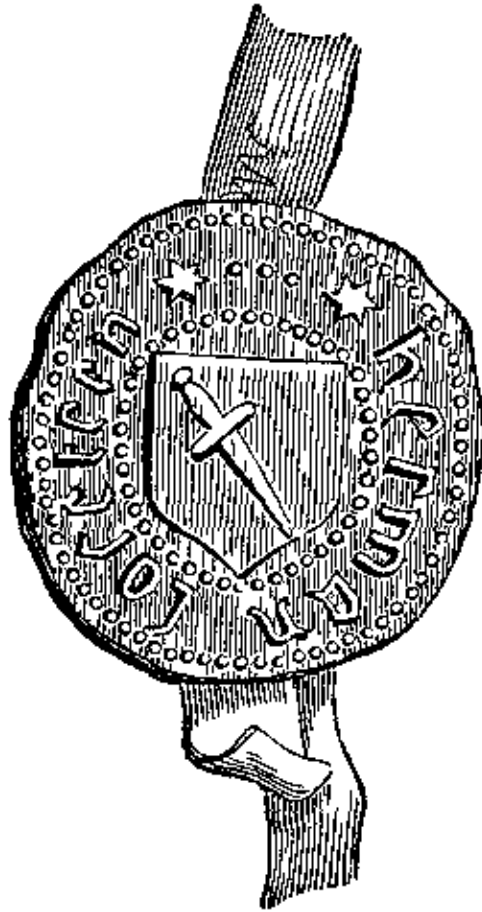

Fig. 325.—Seal of Herman
Loseckin, Free Count of
Medebach, in 1410.

[back](#)

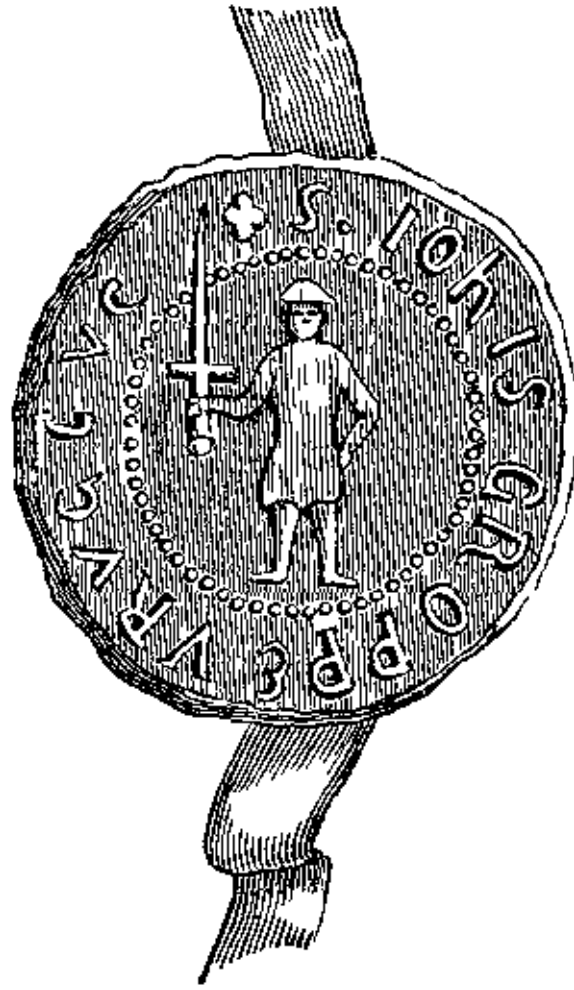

Fig. 327.—Seal of Johann Croppe, Free Count of Kogelnberg, in 1413.

[back](#)

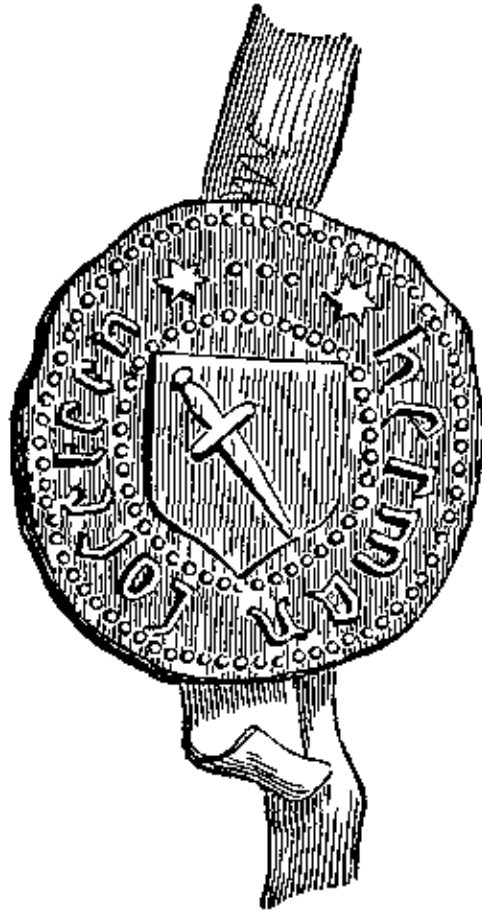

Fig. 325.—Seal of Herman
Loseckin, Free Count of
Medebach, in 1410.

[back](#)

Fig. 326.—Seal of the Free
Count, Hans Vollmar von
Twern, at Freyenhagen, in
1476—1499.

[back](#)

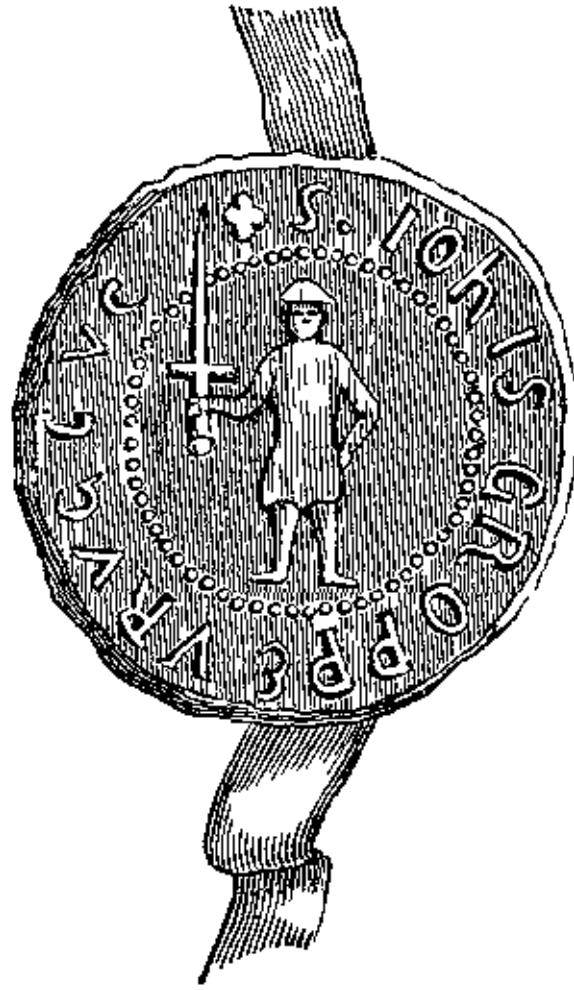

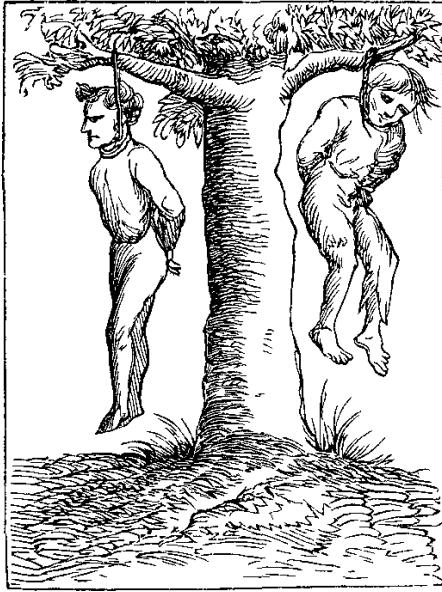
Fig. 327.—Seal of Johann Croppe, Free Count of Kogelnberg, in 1413.

[back](#)

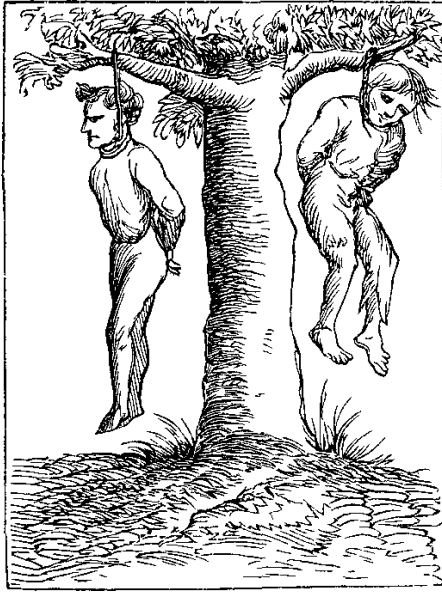
Fig. 328.—The Duke of Saxony and the Marquis of Brandenburg.—From the “*Theatrum Orbis Terrarum sive Tabula veteris Geographiæ*,” in folio. Engraved by Wiericx, after Gérard de Jode.

[back](#)

Figs. 329 and 330.—Execution of the Sentences of the Secret Tribunal.—Fac-simile of Woodcuts in the “*Cosmographie Universelle*” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Figs. 329 and 330.—Execution of the Sentences of the Secret Tribunal.—Fac-simile of Woodcuts in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig 331.—View of Cologne in the Sixteenth Century.—From a Copper-plate in the “Theatrum Geographicum” of P Bertius. The three large stars represent, it is supposed, the Three Persons of the Trinity, and the seven small ones the Electors of the Empire.

[back](#)

Fig. 332.—German Knights (Fifteenth Century).— From a Plate in the “Life of the Emperor Maximilian,” engraved by Burgmayer, from Drawings by Albert Durer.

[back](#)

Fig. 333.—Interior Court of the Palace of the Doges of Venice: Buildings in which are the Cells and the *Leads*.—From Cesare Vecellio.

[back](#)

Fig. 333.—Interior Court of the Palace of the Doges of Venice: Buildings in which are the Cells and the *Leads*.—From Cesare Vecellio.

[back](#)

Fig. 334.—Member of the Brotherhood of Death, whose duty it was to accompany those sentenced to death.—From Cesare Vecellio.
[back](#)

Figs. 335 and 336.—Chiefs of Sbirri, in the Secret Service of the Council of Ten —
From Cesare Vecellio.

[back](#)

Fig. 337.—Doge of Venice. Costume before the Sixteenth Century.

[back](#)

Fig. 338.—Doge of Venice in Ceremonial Costume of the Sixteenth Century.

[back](#)

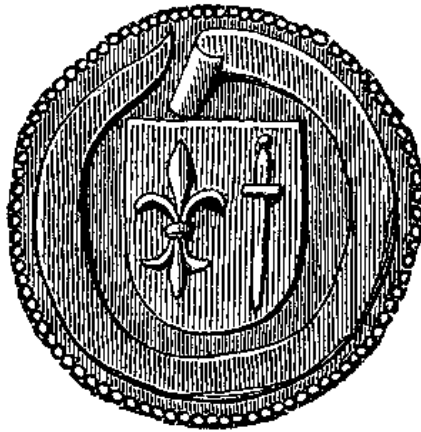

Fig. 339.—Seal of the Free Count Heinrich Beckmann,
of Medebach (1520—1533).

[back](#)

Fig 340.—The Estrapade, or Question Extraordinary.—Fac simile of a Woodcut in the Work of J. Millæus, "*Piæius Criminis Persequendi.*" folio, Paris, 1541.

[back](#)

Fig 340.—The Estrapade, or Question Extraordinary.—Fac simile of a Woodcut in the Work of J. Millæus, "*Piæus Criminis Persequendi.*" folio, Paris, 1541.

[back](#)

Fig. 341.—The Water Torture.—Fac-simile of a Woodcut in J. Damhoudère's "*Praxis Rerum Criminalium*:" in 4to, Antwerp, 1556.

[back](#)

Fig. 341.—The Water Torture.—Fac-simile of a Woodcut in J. Damhoudère's "*Praxis Rerum Criminalium*:" in 4to, Antwerp, 1556.

[back](#)

Fig. 342.—Type of Executioner in the Decapitation of John the Baptist (Thirteenth Century).—
Fac-simile of a Miniature in the Psalm-book of St. Louis. Manuscript preserved in the Musée
des Souverains.

[back](#)

Fig. 342.—Type of Executioner in the Decapitation of John the Baptist (Thirteenth Century).—
Fac-simile of a Miniature in the Psalm-book of St. Louis. Manuscript preserved in the Musée
des Souverains.

[back](#)

Fig. 343.—Swiss Grand Provost (Fifteenth Century).—From a Painting in the “Danse des Morts” of Basle, engraved by Mérian.

[back](#)

Fig. 343.—Swiss Grand Provost (Fifteenth Century).—From a Painting in the “Danse des Morts” of Basle, engraved by Mérian.

[back](#)

Fig. 344.—Amende Honorable before the Tribunal.—Fac-simile of a Woodcut in J. Damhoudère's
"Praxis Rerum Criminalium:" in 4to, Antwerp, 1556.

[back](#)

Fig. 345.—The Punishment by Fire.—Fac-simile of a Woodcut of the “*Cosmographie Universelle*” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 344.—Amende Honorable before the Tribunal.—Fac-simile of a Woodcut in J. Damhoudère's
"Praxis Rerum Criminalium:" in 4to, Antwerp, 1556.

[back](#)

Fig. 345.—The Punishment by Fire.—Fac-simile of a Woodcut of the “*Cosmographie Universelle*” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 346.—Beheading —Fac-simile of a Miniature on Wood in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 346.—Beheading —Fac-simile of a Miniature on Wood in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

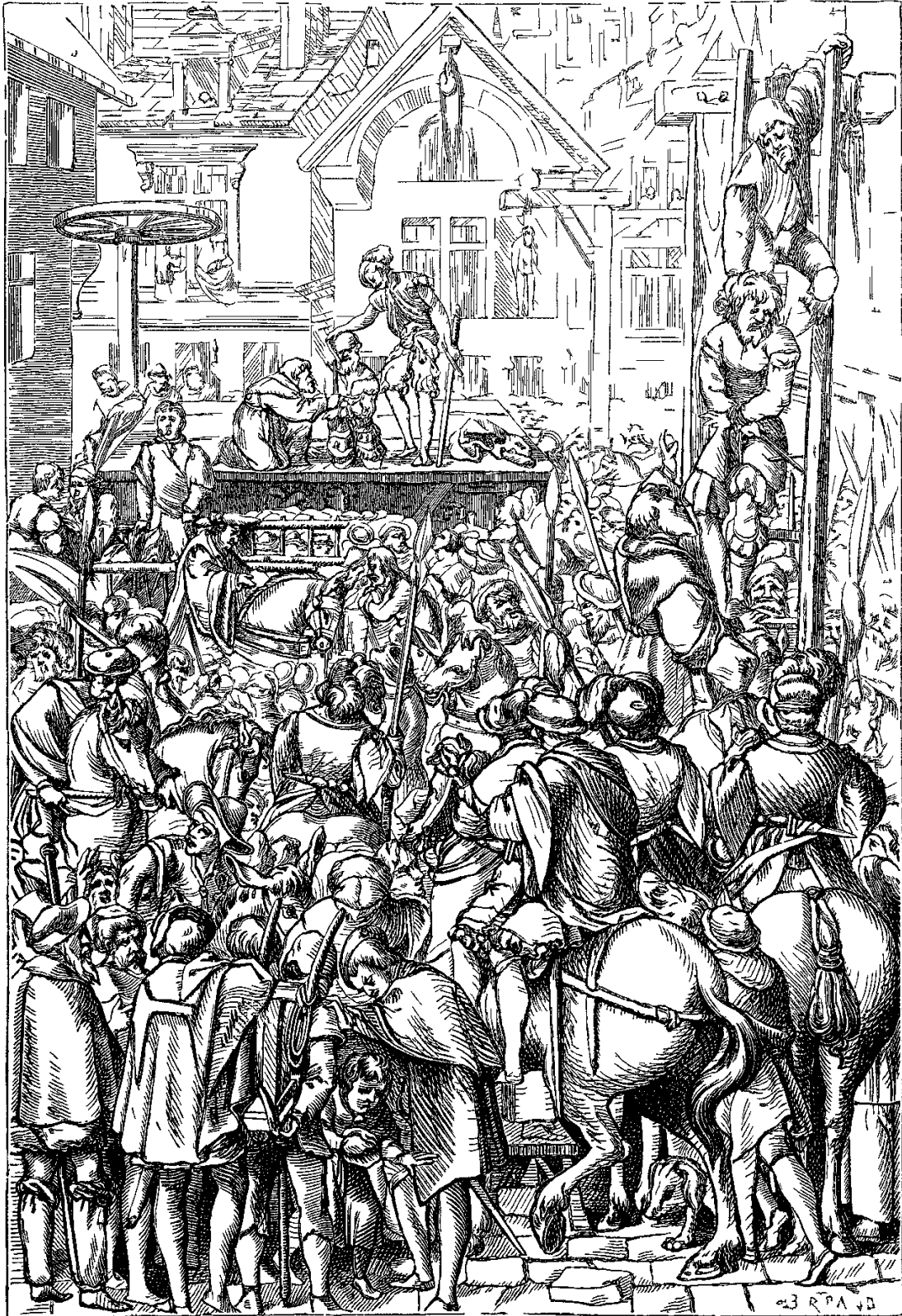

Fig. 347 —Public Executions —Fac simile of a Woodcut in the Latin Work of J Millæus,
“ Praxis Criminis Persequendi ” small folio, Parisus, Simon de Colines, 1541

[back](#)

DECAPITATION OF GUILLAUME DE POMMIERS

And his Confessor, at Bordeaux in 1377, by order of the King of England's Lieutenant.

Froissart's Chronicles. N° 2644, Bibl. nat^l de Paris.

[back](#)

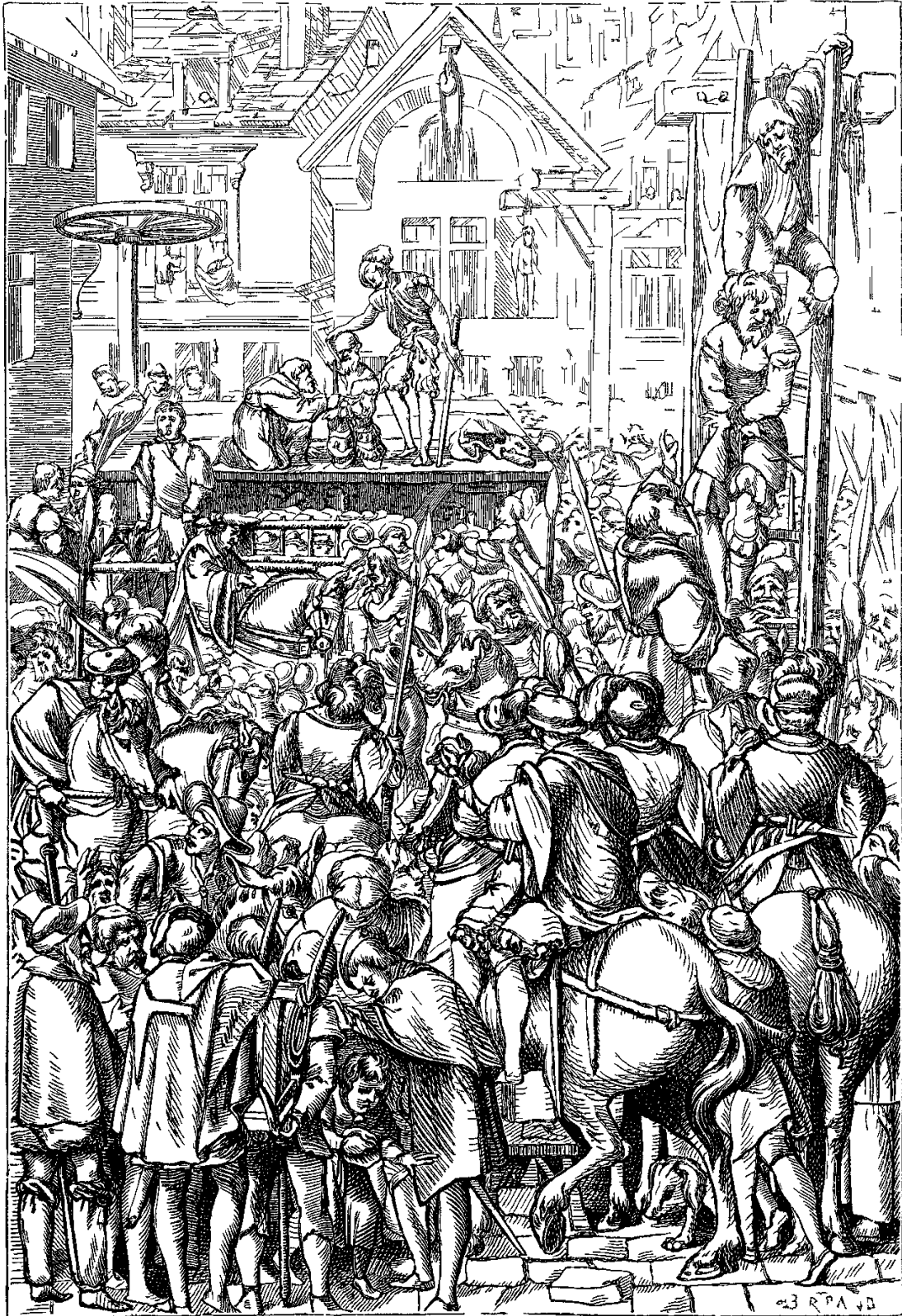

Fig. 347 —Public Executions —Fac simile of a Woodcut in the Latin Work of J Millæus,
“ Praxis Criminis Persequendi ” small folio, Parisus, Simon de Colines, 1541

[back](#)

Fig. 348.—Demons applying the Torture of the Wheel.—Fac-simile of a Woodcut in the “Grand Kalendrier ou Compost des Bergers:” small folio, Troyes, Nicholas le Rouge, 1529.

[back](#)

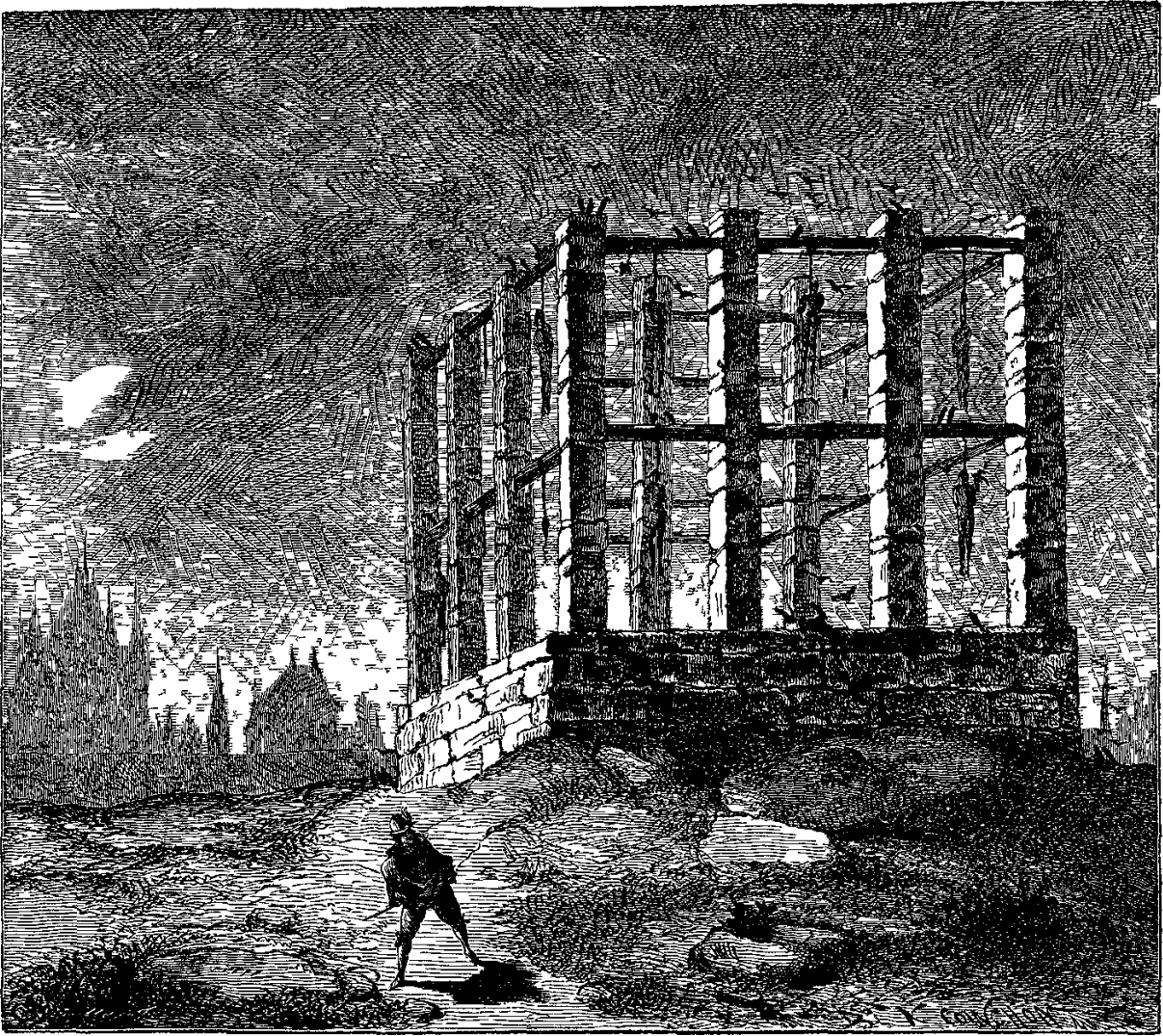

Fig 349 —The Gibbet of Montfaucon —From an Engraving of the Topography of Paris, in the Collection of Engravings of the National Library.

[back](#)

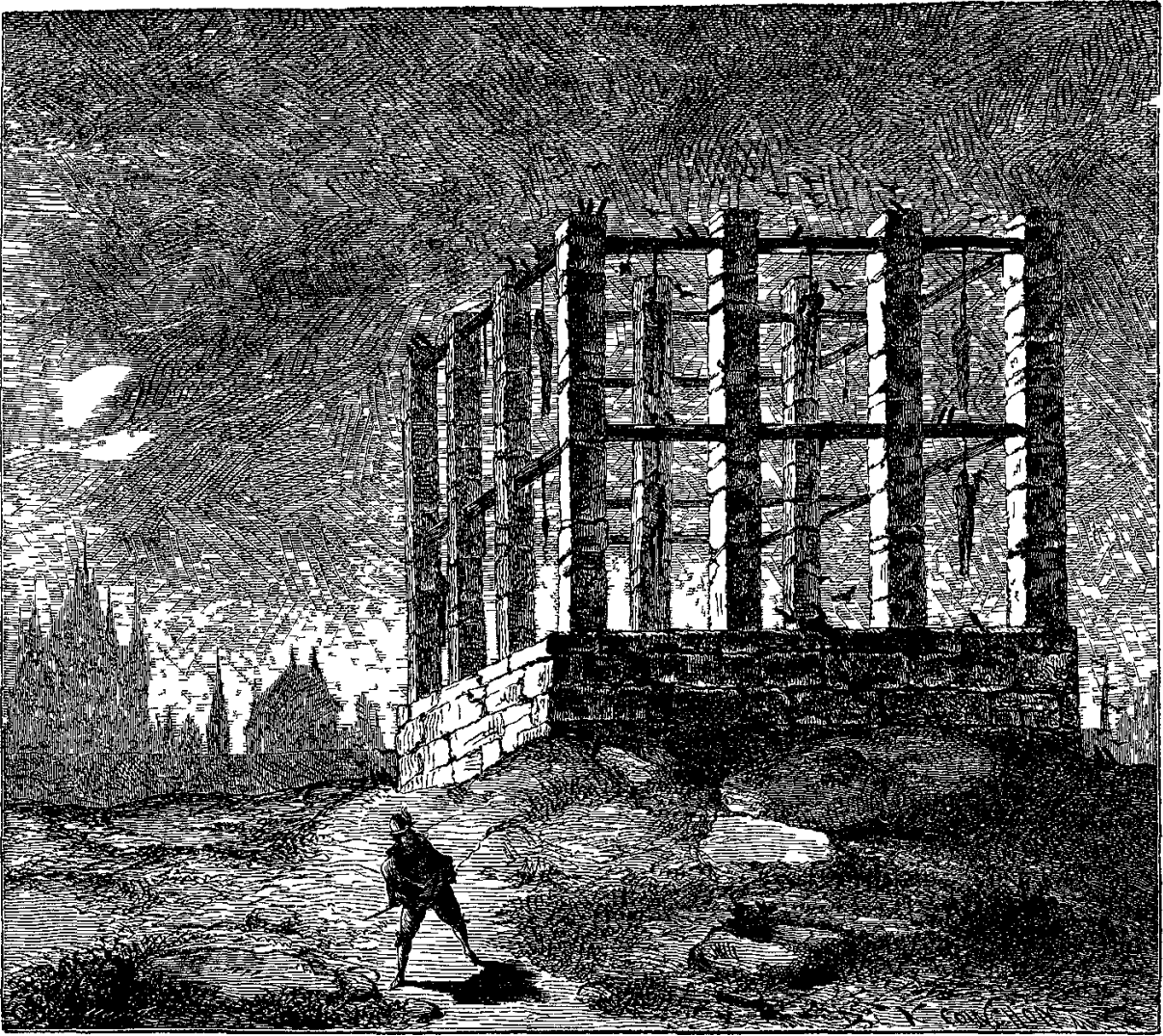

Fig 349 —The Gibbet of Montfaucon —From an Engraving of the Topography of Paris, in the Collection of Engravings of the National Library.

[back](#)

Fig. 350.—Hanging to Music. (A Minstrel condemned to the Gallows obtained permission that one of his companions should accompany him to his execution, and play his favourite instrument on the ladder of the Gallows.)—Fac-simile of a Woodcut in Michault's "*Doctrinal du Temps Présent*:" small folio, goth., Bruges, about 1490.

[back](#)

Fig. 350.—Hanging to Music. (A Minstrel condemned to the Gallows obtained permission that one of his companions should accompany him to his execution, and play his favourite instrument on the ladder of the Gallows.)—Fac-simile of a Woodcut in Michault's "*Doctrinal du Temps Présent*:" small folio, goth., Bruges, about 1490.

[back](#)

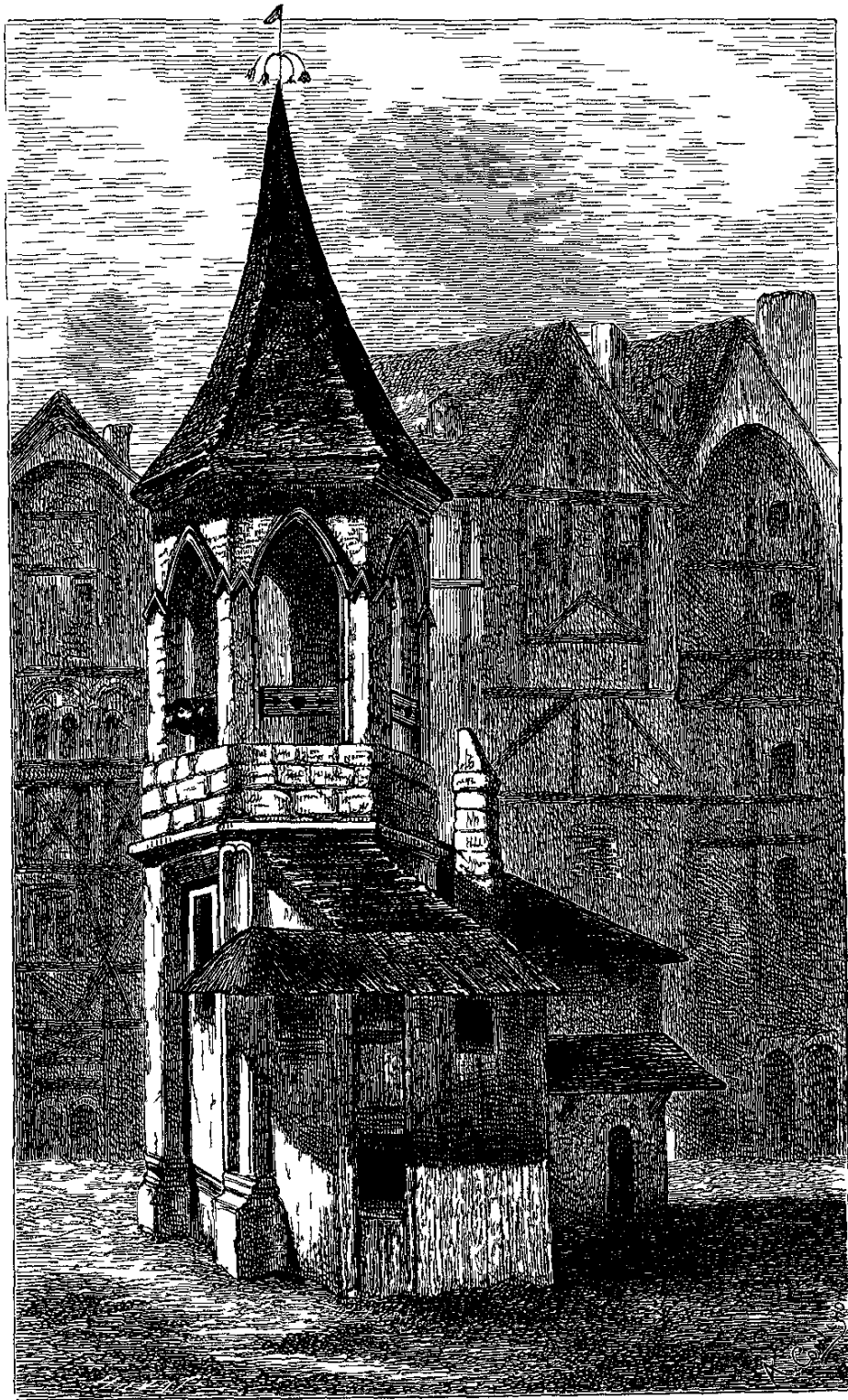

Fig 351.—View of the Pillory in the Market-place of Paris in the Sixteenth Century, after a
Drawing by an unknown Artist of 1670
[back](#)

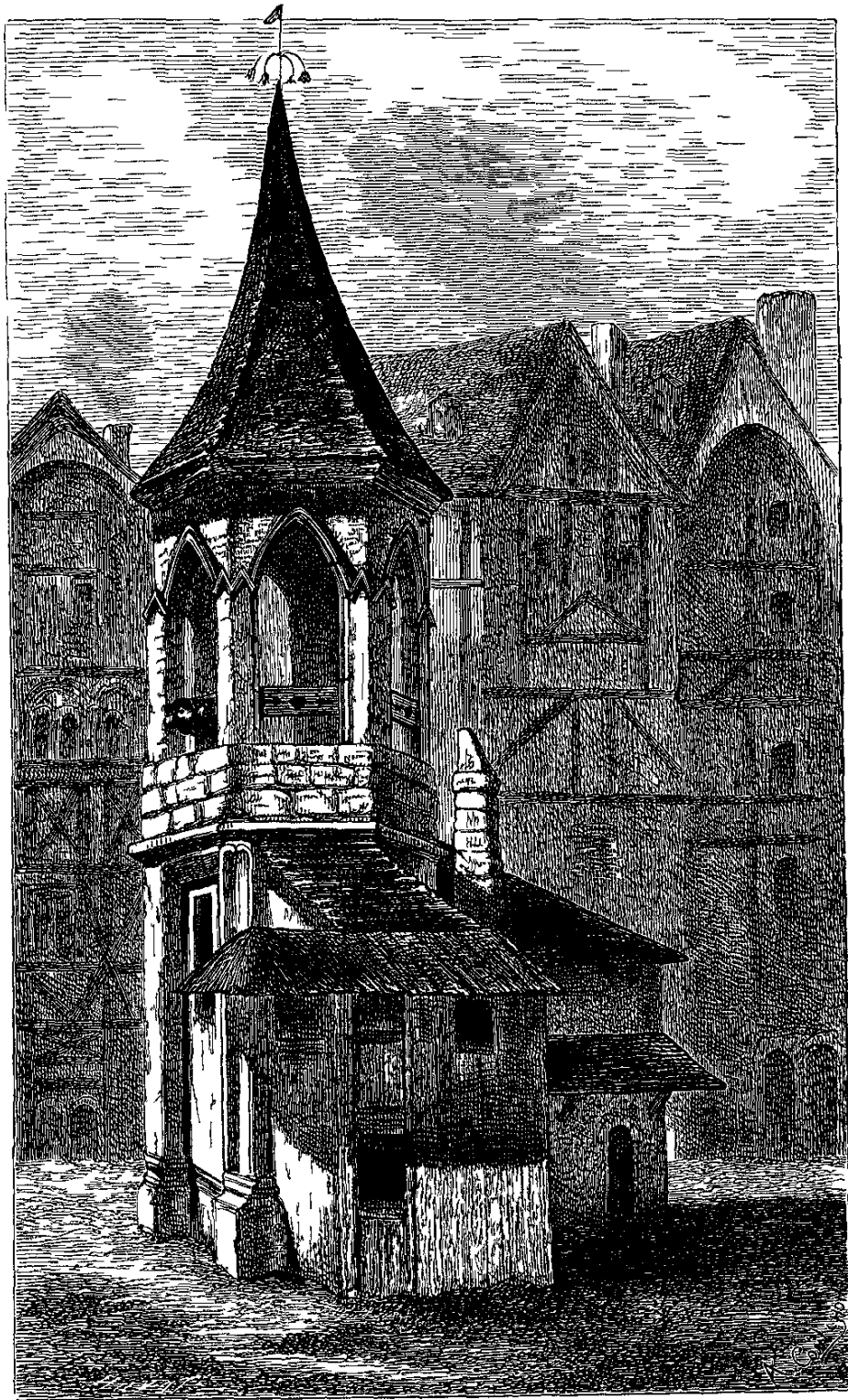

Fig 351.—View of the Pillory in the Market-place of Paris in the Sixteenth Century, after a
Drawing by an unknown Artist of 1670
[back](#)

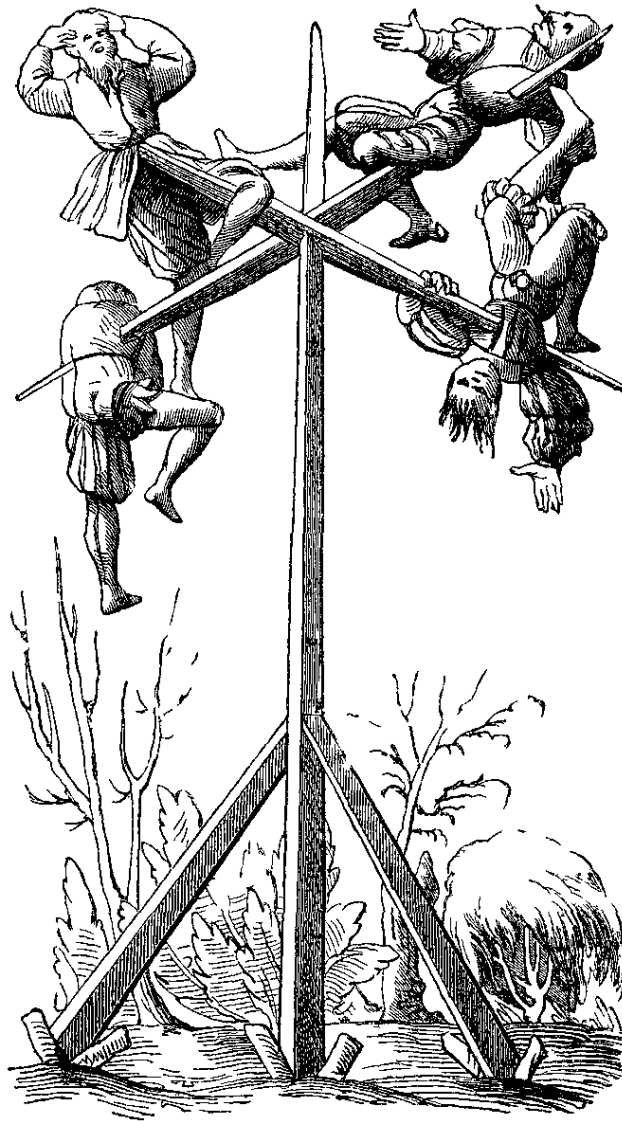

Fig. 352.—Empalement.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster : in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 353.—The Provost's Prison.—Fac-simile of a Woodcut in J. Damhoudère's "*Praxis Rerum Civilium*."

[back](#)

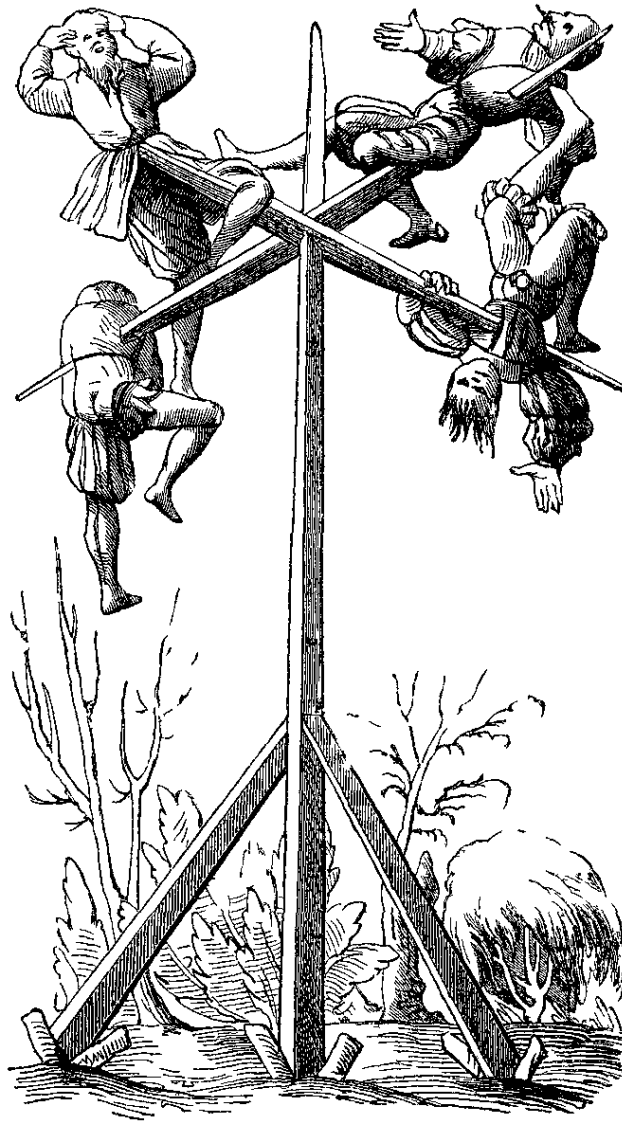

Fig. 352.—Empalement.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster : in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 353.—The Provost's Prison.—Fac-simile of a Woodcut in J. Damhoudère's "*Praxis Rerum Civilium*."

[back](#)

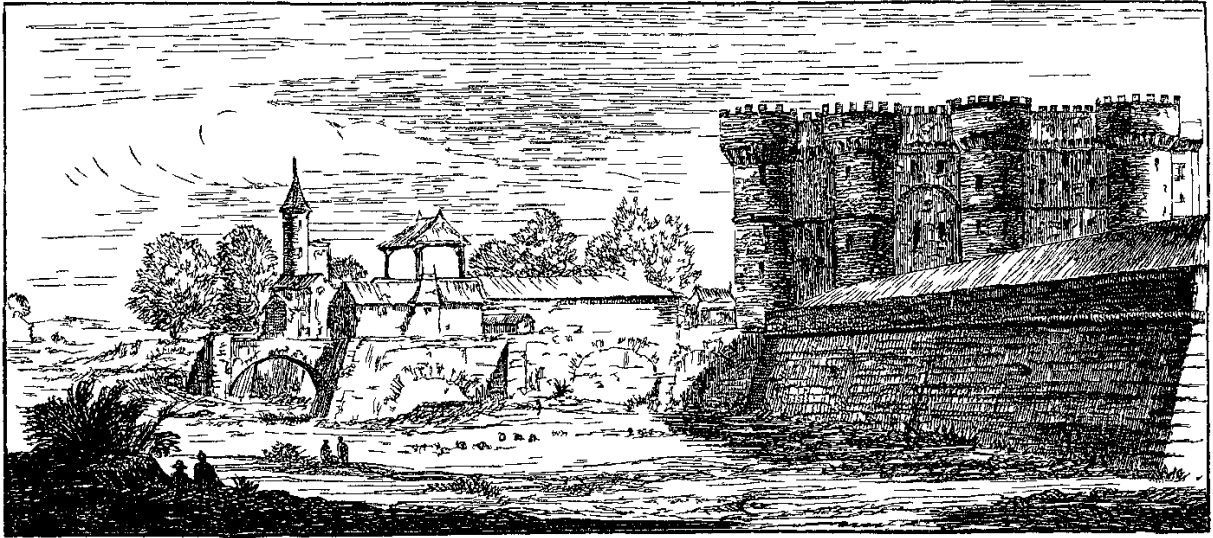

Fig. 354.—The Bastille.—From an ancient Engraving of the Topography of Paris, in the Collection of Engravings of the National Library.

[back](#)

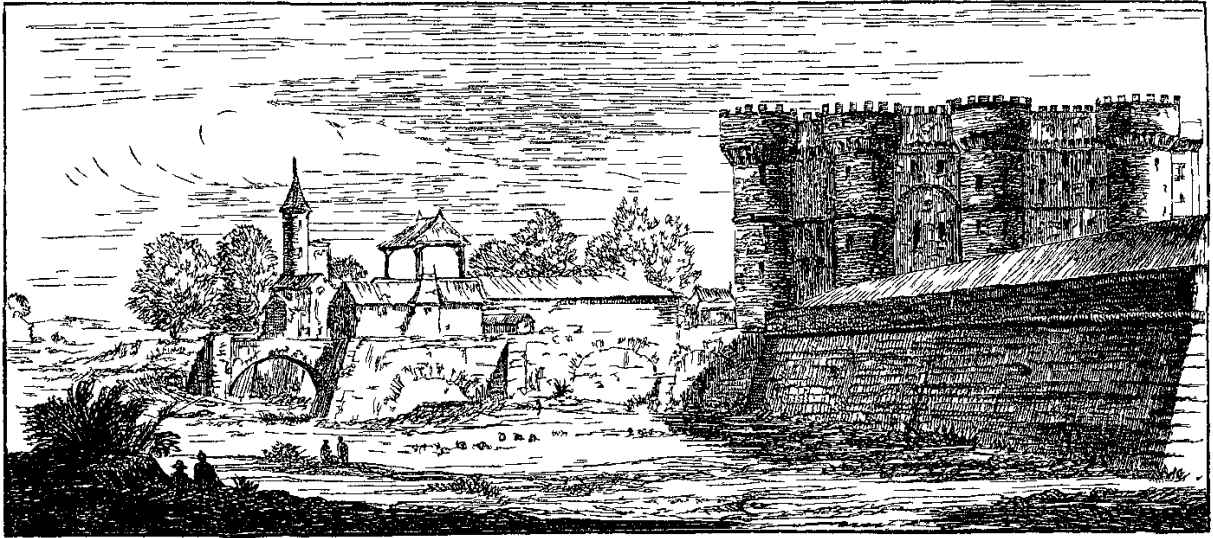

Fig. 354.—The Bastille.—From an ancient Engraving of the Topography of Paris, in the Collection of Engravings of the National Library.

[back](#)

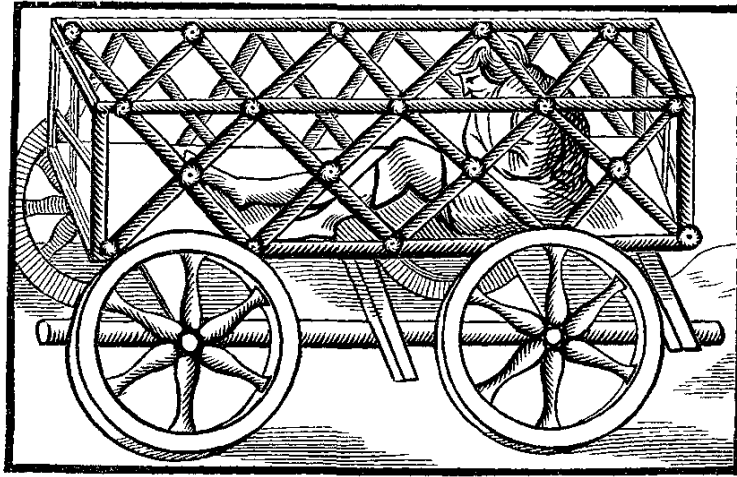

Fig. 355.—Movable Iron Cage.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster. in folio, Basle, 1552.

[back](#)

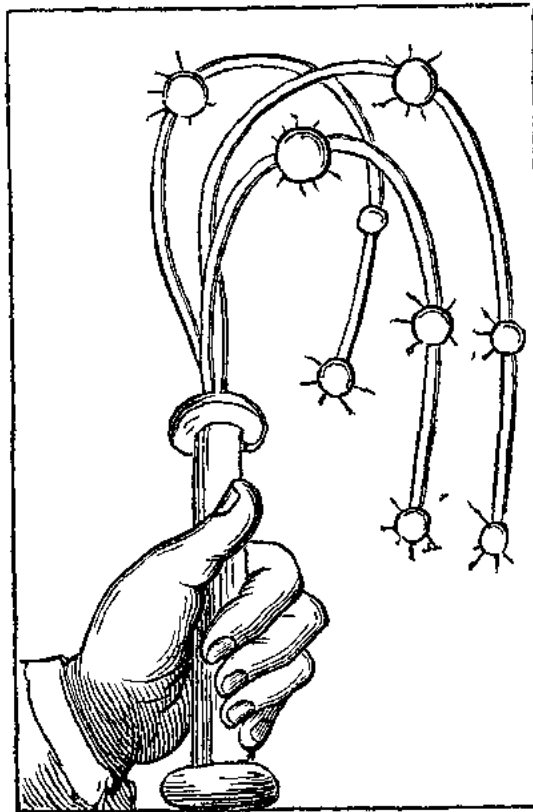

Fig. 356.—Cat-o'-nine-tails.—Fac-simile of a Woodcut in the
“Cosmographie Universelle” of Munster.

[back](#)

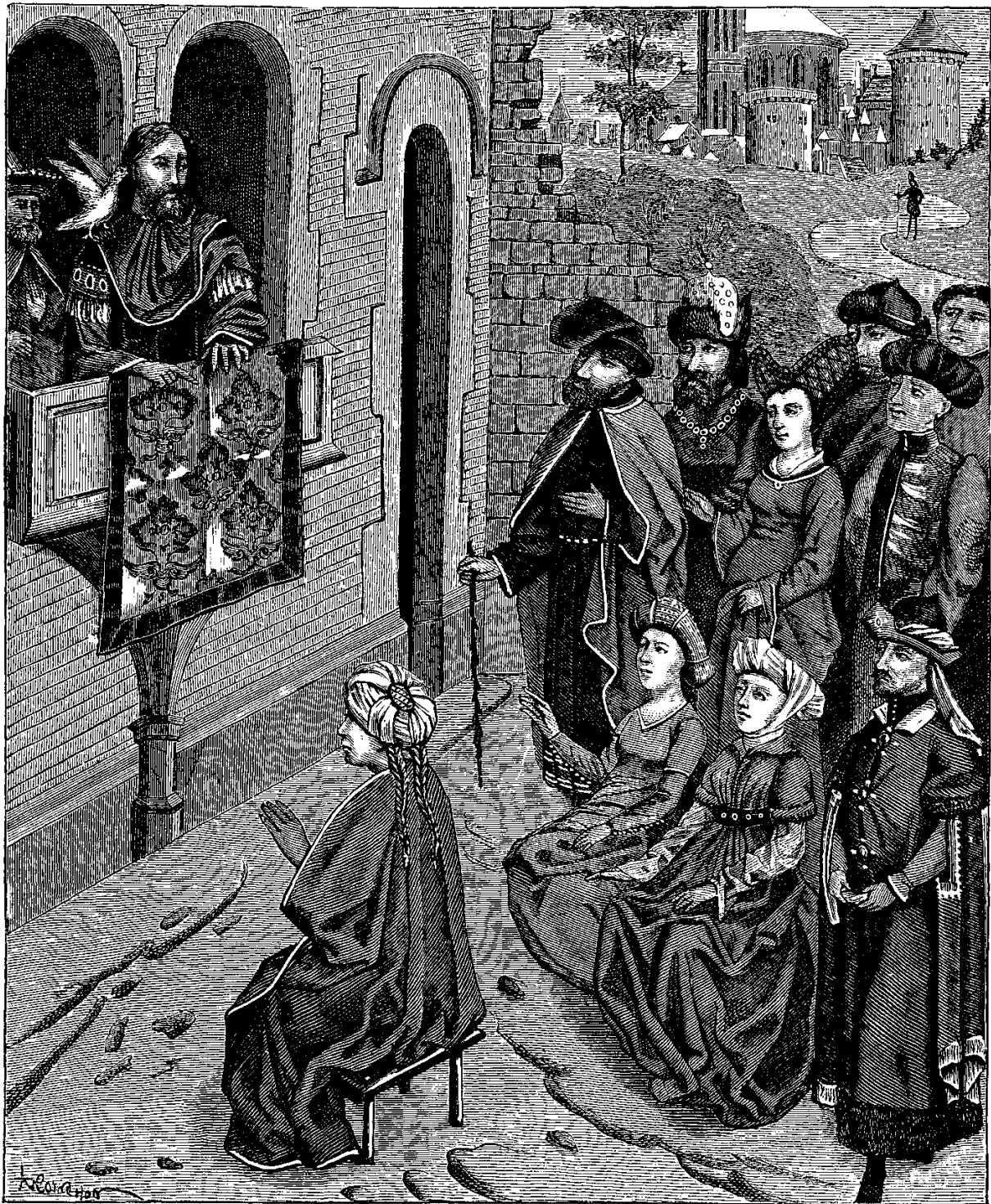

Fig. 357.—Expulsion of the Jews in the Reign of the Emperor Hadrian (A.D. 135): “How Heraclius turned the Jews out of Jerusalem.”—Fac-simile of a Miniature in the “*Histoire des Empereurs*,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal, Paris.

[back](#)

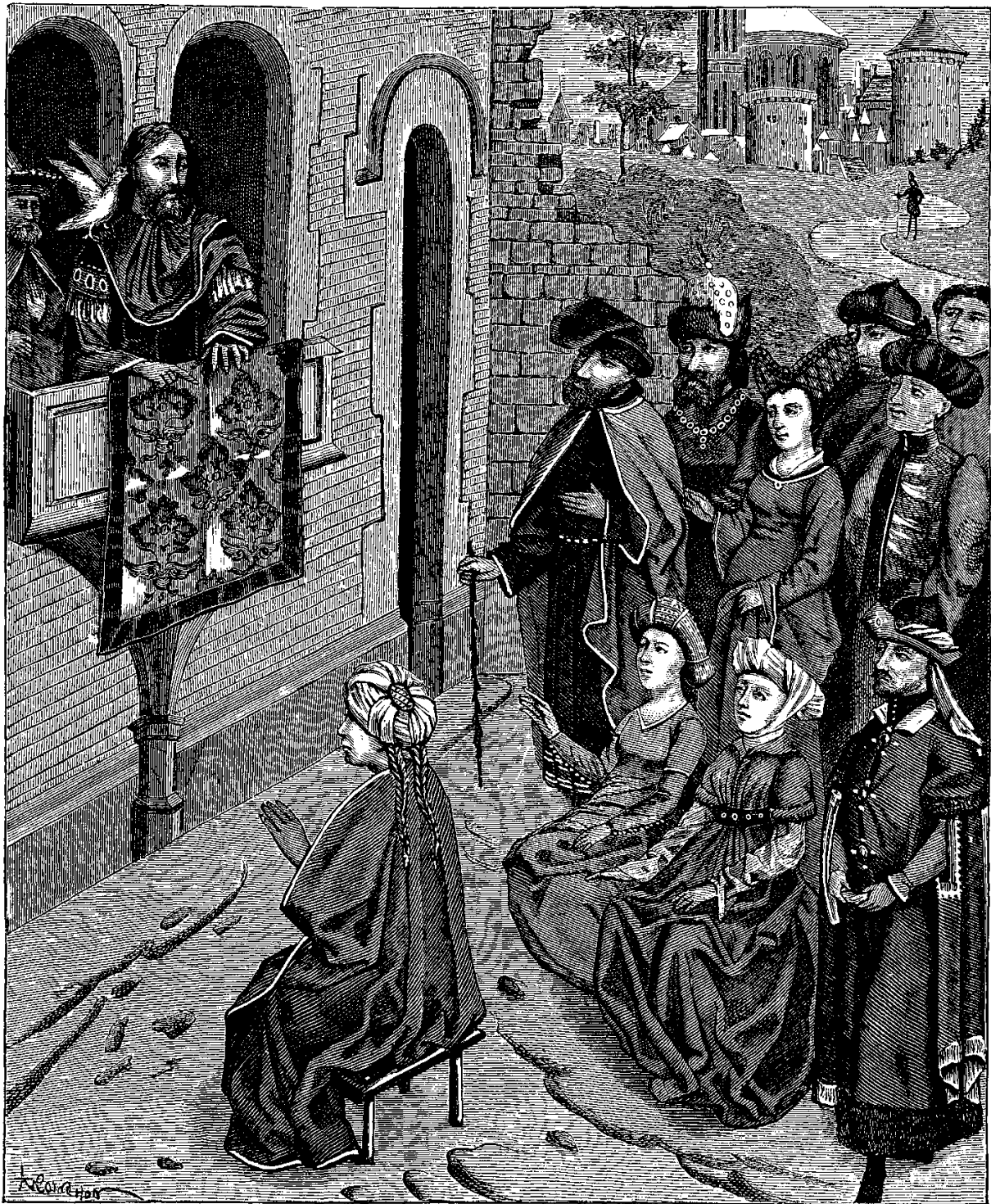

Fig. 357.—Expulsion of the Jews in the Reign of the Emperor Hadrian (A.D. 135): “How Heraclius turned the Jews out of Jerusalem.”—Fac-simile of a Miniature in the “*Histoire des Empereurs*,” Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal, Paris.

[back](#)

Fig 358 —Jews taking the Blood from Christian Childien, for their Mystic Rites.—From a Pen-and-ink Drawing, illuminated, in the Book of the Cabala of Abraham the Jew (Library of the Arsenal, Paris)

[back](#)

Fig. 359.—Secret Meeting of the Jews at the Rabbi's House —Fac-simile of a Miniature of the
“ Pèlerinage de la Vie Humaine,” Manuscript of the Fourteenth Century, in the National Library
of Paris.

[back](#)

Fig. 359.—Secret Meeting of the Jews at the Rabbi's House —Fac-simile of a Miniature of the
“Pèlerinage de la Vie Humaine,” Manuscript of the Fourteenth Century, in the National Library
of Paris.

[back](#)

Fig. 361.—Martyrdom of Simon at Trent.—Fac-simile, reduced, of a Woodcut of Wohlgemuth, in the “*Liber Chronicarum Mundi* :” large folio, Nuremberg, 1493.

[back](#)

Fig. 360.—The Infant Richard crucified by the Jews, at Pontoise.—Fac-simile of a Woodcut, with Figures by Wohlgemuth, in the “*Liber Chronicarum Mundi* :” large folio, Nuremberg, 1493.

[back](#)

Fig. 362.—The Jews of Cologne burnt alive.—From a Woodcut in the “*Liber Chronicarum Mundi*:” large folio, Nuremberg, 1493.

[back](#)

Fig. 361.—Martyrdom of Simon at Trent.—Fac-simile, reduced, of a Woodcut of Wohlgemuth, in the "Liber Chronicarum Mundi:" large folio, Nuremberg, 1493.

[back](#)

Fig. 362.—The Jews of Cologne burnt alive.—From a Woodcut in the “*Liber Chronicarum Mundi*:” large folio, Nuremberg, 1493.

[back](#)

Fig 363.—Jewish Conspiracy in France.—From a Miniature in the “Pèlerinage de la Vie Humaine” (Imperial Library, Paris).

[back](#)

Fig. 364.—The Jewish Procession going to meet the Pope at the Council of Constance, in 1417 — After a Miniature in the Manuscript Chronicle of Ulric de Reichental, in the Library of the Mansion-house of Basle, in Switzerland.

[back](#)

Fig. 364.—The Jewish Procession going to meet the Pope at the Council of Constance, in 1417 — After a Miniature in the Manuscript Chronicle of Ulric de Reichental, in the Library of the Mansion-house of Basle, in Switzerland.

[back](#)

Fig. 365.—Costume of an Italian Jew of the Fourteenth Century.—From a Painting by Sano di Pietro, preserved in the Academy of the Fine Arts, at Sienna.

[back](#)

THE JEWS' PASSOVER.

Fac-simile of a miniature from a missal of fifteenth century ornamented with paintings of the School of Van Eyck.

Bibl. de l'Arsenal, Th. lat., n° 199.

[back](#)

Fig 366.—Legend of the Jew calling the Devil from a Vessel of Blood.—Fac-simile of a Woodcut in Boastuau's "*Histoires Prodigieuses.*" in 4to, Paris, Annet Briere, 1560.

[back](#)

Fig 366.—Legend of the Jew calling the Devil from a Vessel of Blood.—Fac-simile of a Woodcut in Boastuau's "*Histoires Prodigieuses.*" in 4to, Paris, Annet Briere, 1560.

[back](#)

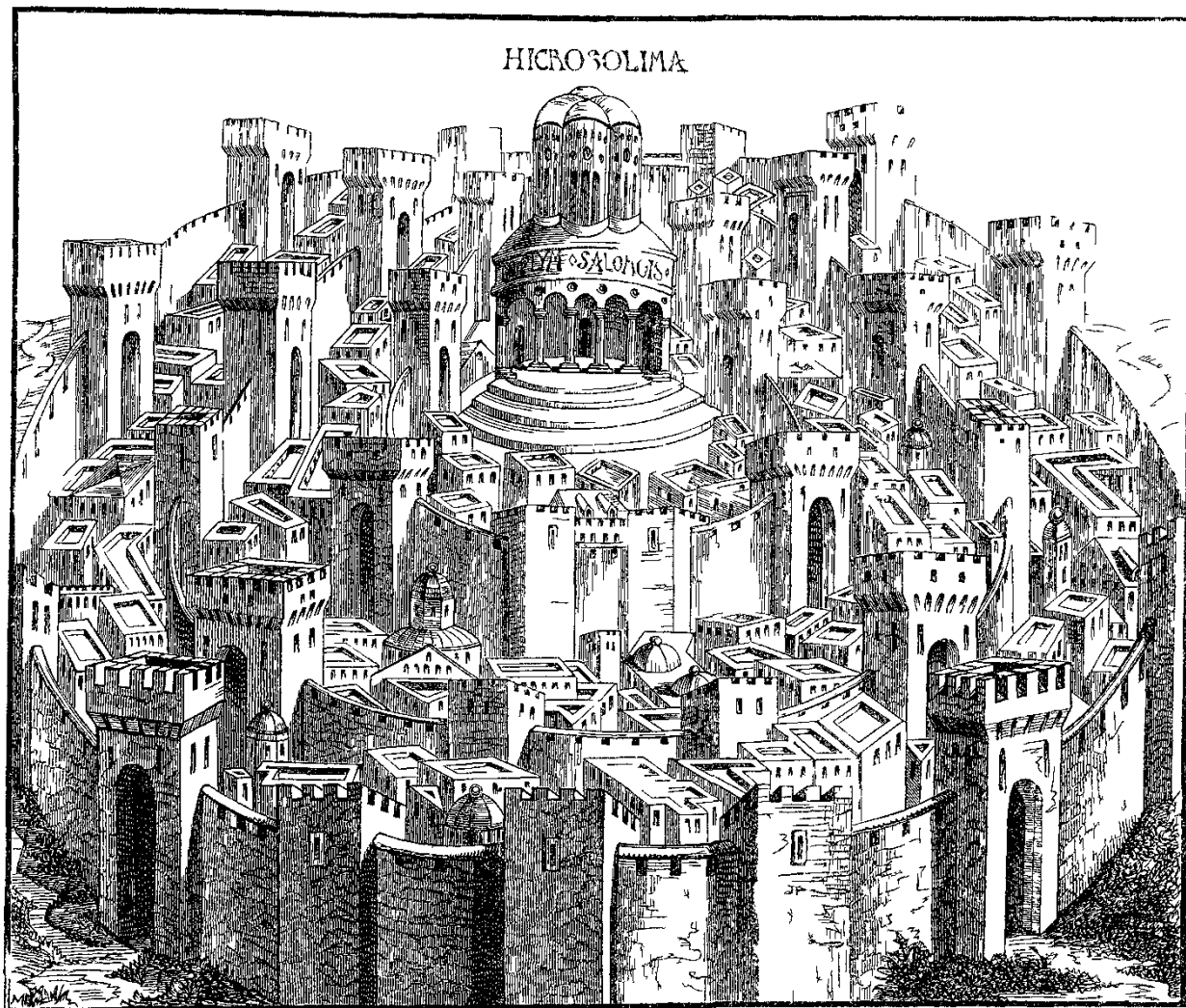

Fig 367 —View and Plan of Jerusalem —Fac-simile of a Woodcut in the “Liber Chronicarum Mundi ” large folio, Nuremberg, 1493

[back](#)

368.—Jewish Ceremony before the Ark.—Fac-simile of a
Woodcut printed at Troyes.

[back](#)

Fig. 369 —Gipsies on the March —Fifteenth Century Piece of old Tapestry in the Château d'Effiat, contributed by M. A. Jubinal.

[back](#)

Fig. 369 —Gipsies on the March —Fifteenth Century Piece of old Tapestry in the Château d'Effiat, contributed by M. A. Jubinal.

[back](#)

Fig. 370.—Gipsies Fortune-telling.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 370.—Gipsies Fortune-telling.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 371.—A Gipsy Family.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 371.—A Gipsy Family.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 372.—Gipsy Encampment.—Fac-simile of a Copperplate by Callot.

[back](#)

Fig. 373.—The Gipsy who used to wash his Hands in Molten Lead.—Fac-simile of a Woodcut in the “Histoires Merveilleuses” of Pierre Boaistuau : in 4to, 1560.

[back](#)

Fig. 373.—The Gipsy who used to wash his Hands in Molten Lead.—Fac-simile of a Woodcut in the “Histoires Merveilleuses” of Pierre Boaistuau : in 4to, 1560.

[back](#)

Fig. 374.—Orphans, *Callots*, and the Family of the Grand Coesre.—From painted Hangings and Tapestry from the Town of Rheims, executed during the Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 375.—The Blind and the Poor Sick of St. John.—From painted Hangings and Tapestry in the Town of Rheims, executed during the Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 374.—Orphans, *Callots*, and the Family of the Grand Coesre.—From painted Hangings and Tapestry from the Town of Rheims, executed during the Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 375.—The Blind and the Poor Sick of St. John.—From painted Hangings and Tapestry in the Town of Rheims, executed during the Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 376.—The *Ruffes* and the *Millards* —From painted Hangings and Tapestry of Rheims, executed about the Fifteenth Century.

[back](#)

Fig. 376.—The *Ruffes* and the *Millards* —From painted Hangings and Tapestry of Rheims, executed about the Fifteenth Century.

[back](#)

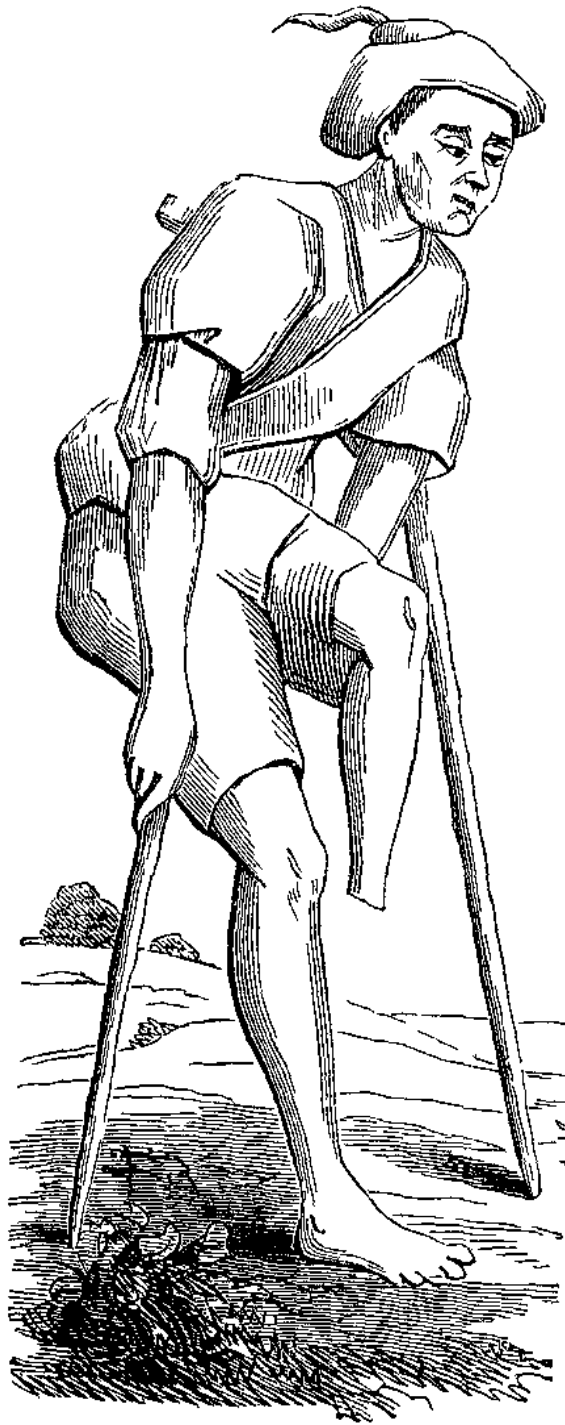

Fig. 377.—The *Drille* or *Narquois*.
—From painted Hangings from
the Town of Rheims (Fifteenth
Century).

[back](#)

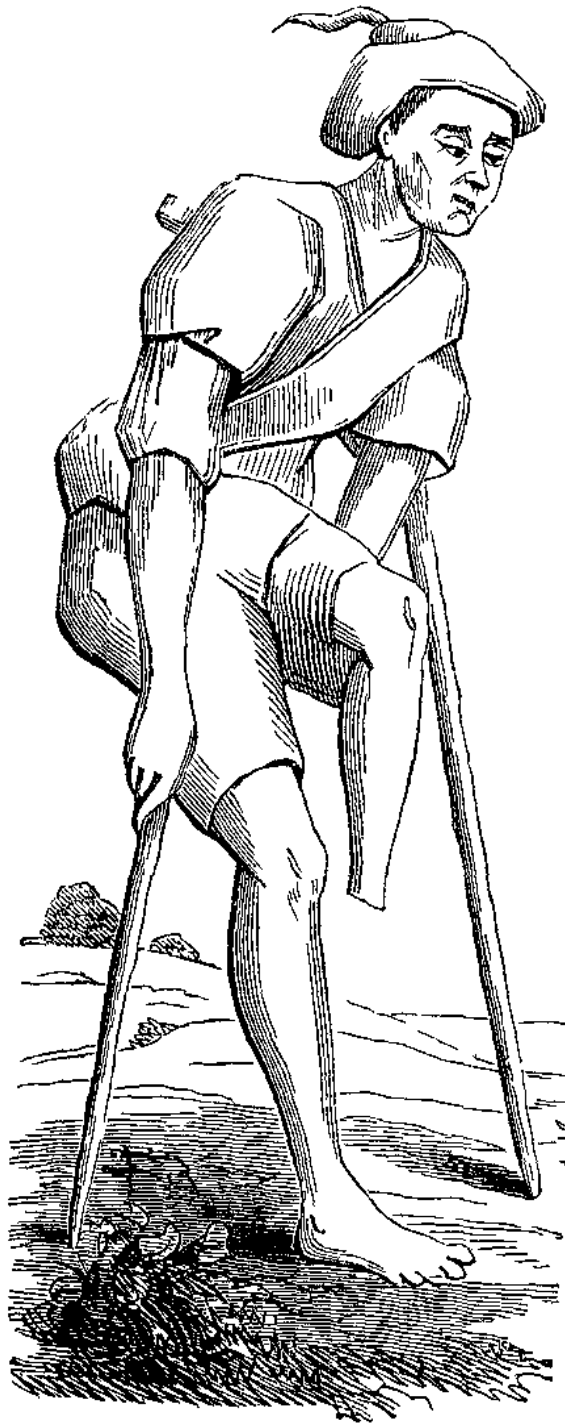

Fig. 377.—The *Drille* or *Narquois*.
—From painted Hangings from
the Town of Rheims (Fifteenth
Century).

[back](#)

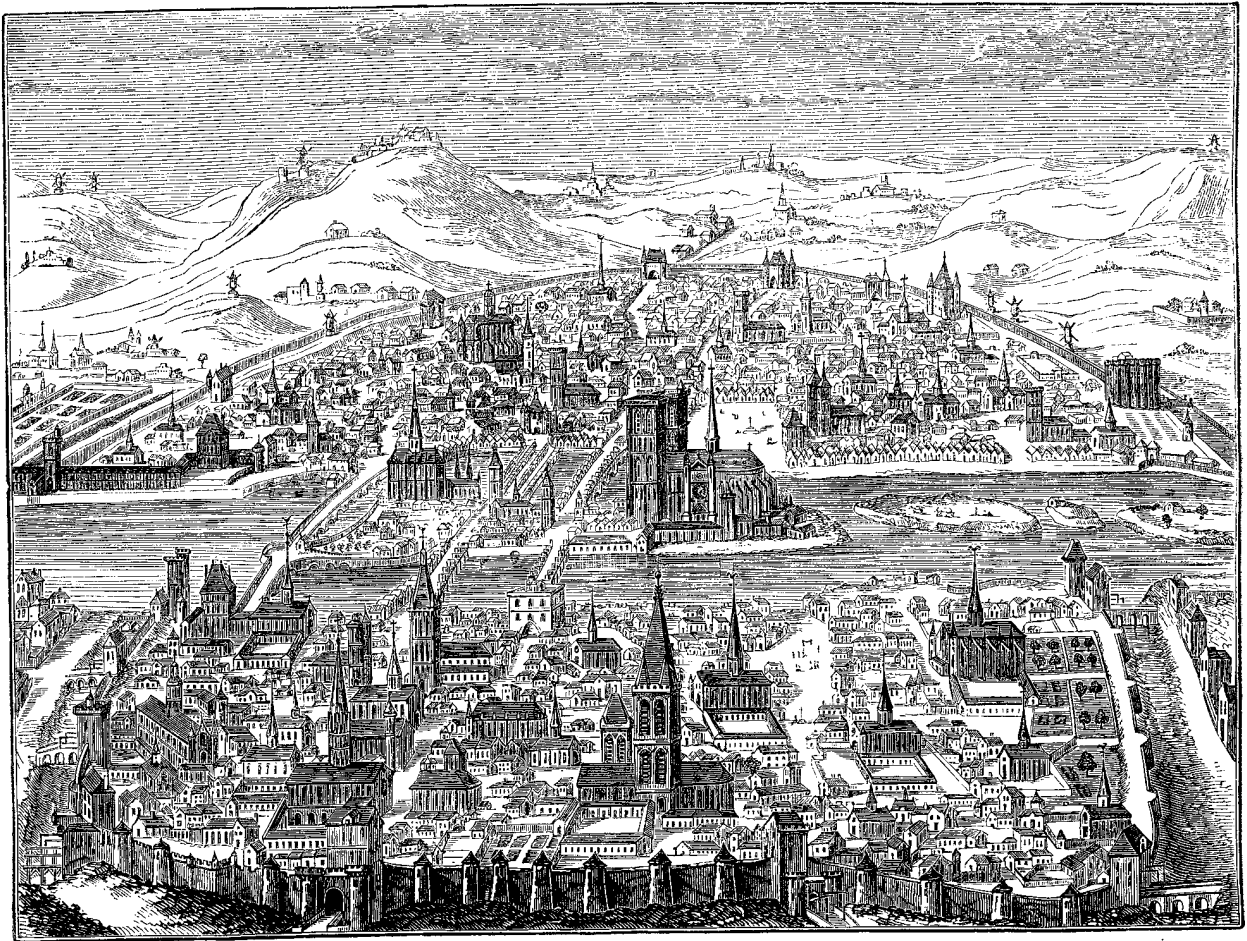

Fig. 378.—Perspective View of Paris in 1607.—Fac-simile of a Copperplate by Léonard Gaultier.
(Collection of M. Guénébault, Paris.)

[back](#)

Fig. 379.—*Cour des Miracles* of Paris. Talebot the Hunchback, a celebrated Scamp during the Seventeenth Century.—From an old Engraving in the Collection of Engravings in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 379.—*Cour des Miracles* of Paris. Talebot the Hunchback, a celebrated Scamp during the Seventeenth Century.—From an old Engraving in the Collection of Engravings in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig 380.—Beggar playing the Fiddle, and his Wife accompanying him with the Bones.—From an old Engraving of the Seventeenth Century.

[back](#)

Fig. 381.—Italian Beggar.—From an Engraving by Callot.

[back](#)

Figs. 382 and 383.—German Beggars.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 381.—Italian Beggar.—From an Engraving by Callot.

[back](#)

Figs. 382 and 383.—German Beggars.—Fac-simile of a Woodcut in the “Cosmographie Universelle” of Munster: in folio, Basle, 1552.

[back](#)

Fig. 384.—The Exhibitor of strange Animals (Twelfth Century Manuscript, Royal Library of Brussels).

[back](#)

Fig. 385.—Herald (Fourteenth Century).—
From a Miniature in the “Chroniques de
Saint-Denis” (Imperial Library of Paris).

[back](#)

Fig. 386.—Coronation of Charlemagne.—Fac-simile of a Miniature in the “Chroniques de Saint-Denis,” Manuscript of the Fourteenth Century (Imperial Library of Paris).

[back](#)

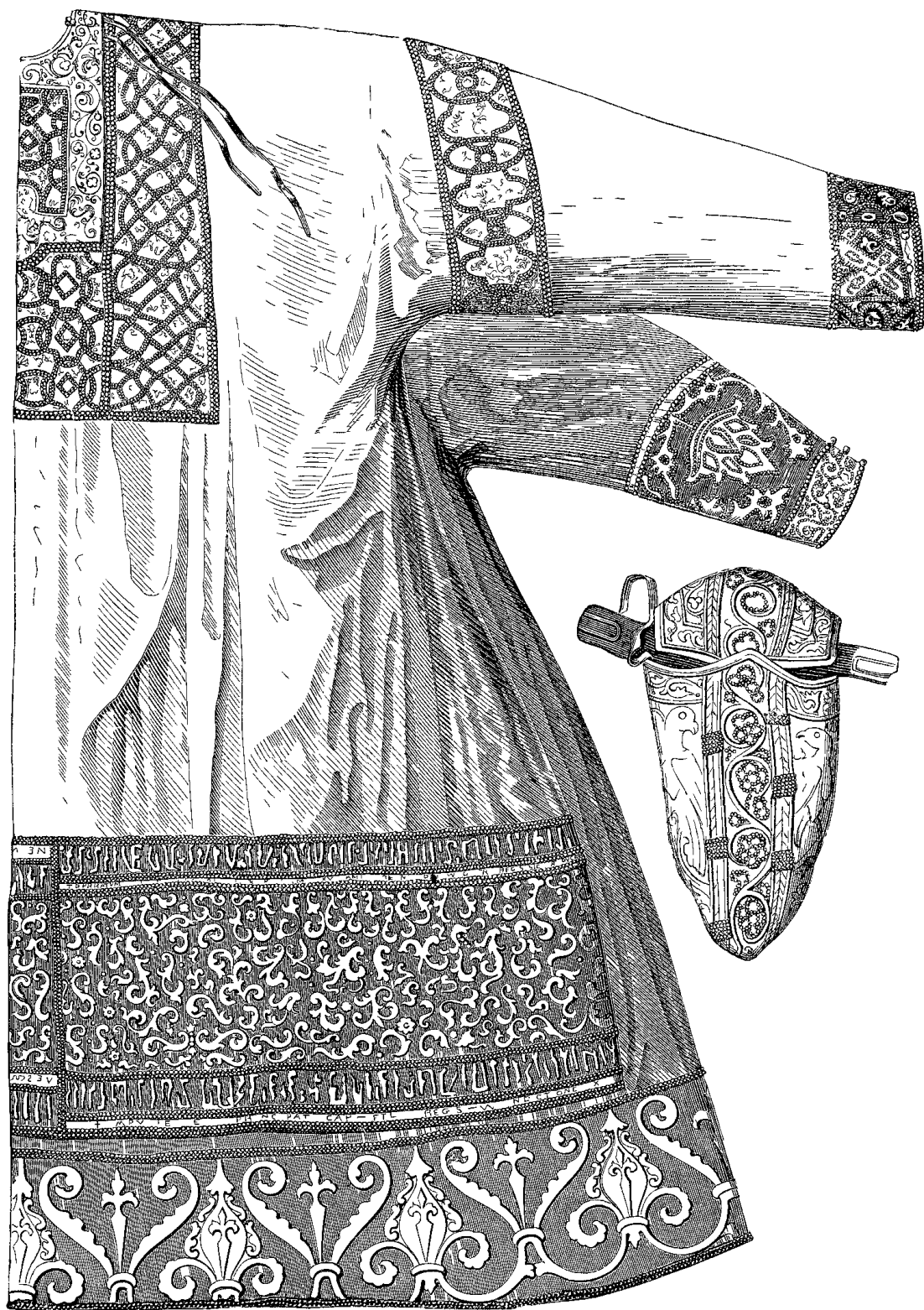

Fig 387.—Dalmatica and Sandals of Charlemagne, Insignia of the Kings of France at their Coronation, preserved in the Treasury of the Abbey of St Denis

[back](#)

Fig. 388 — Costume of Emperors at their Coronation since the Time of Charlemagne — From an Engraving in a Work entitled “*Insignia Sacrae Majestatis Cæsarum Principum*” Frankfort, 1579, in folio.

Fig. 388 — Costume of Emperors at their Coronation since the Time of Charlemagne — From an Engraving in a Work entitled “*Insignia Sacrae Majestatis Cæsarum Principum*” Frankfort, 1579, in folio.

Fig. 389.—Imperial Procession.—From an Engraving of the “Solemn Entry of Charles V. and Clement VII. into Bologna,” by L. de Cranach, from a Fresco by Brusasorci, of Verona.

[back](#)

Fig 390 —Standards of the Church and the Empire —Reduced from an Engraving of the “Entry of Charles V and Clement VII. into Bologna,” by Lucas de Cranach, from a Fresco by Brusasoreci, of Verona.

[back](#)

Fig. 391.—Grand Procession of the Doge, Venice (Sixteenth Century).—Reduced from one of fourteen Engravings representing this Ceremony, designed and engraved by J. Amman.

[back](#)

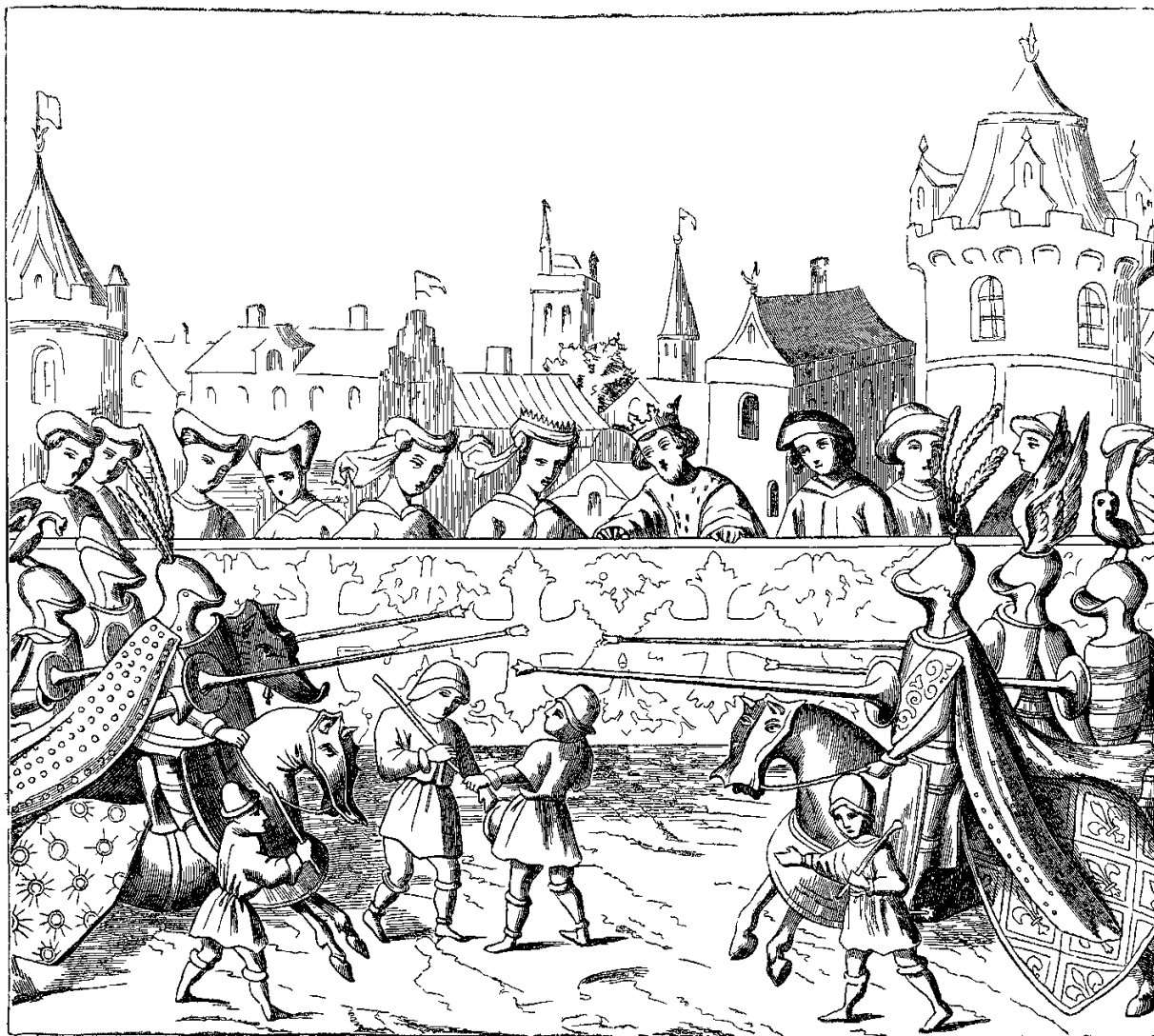

Fig 392 — Tournaments in honour of the Entry of Queen Isabel into Paris —From a Miniature in the "Chroniques" of Froissart, Manuscript of the Fifteenth Century (National Library of Paris).

[back](#)

ENTRY OF CHARLES THE SEVENTH INTO PARIS

A miniature from *Monsieut's Chroniques* in the Bibliothèque de Paris n. 20 361

Costumes of the sixteenth century

[back](#)

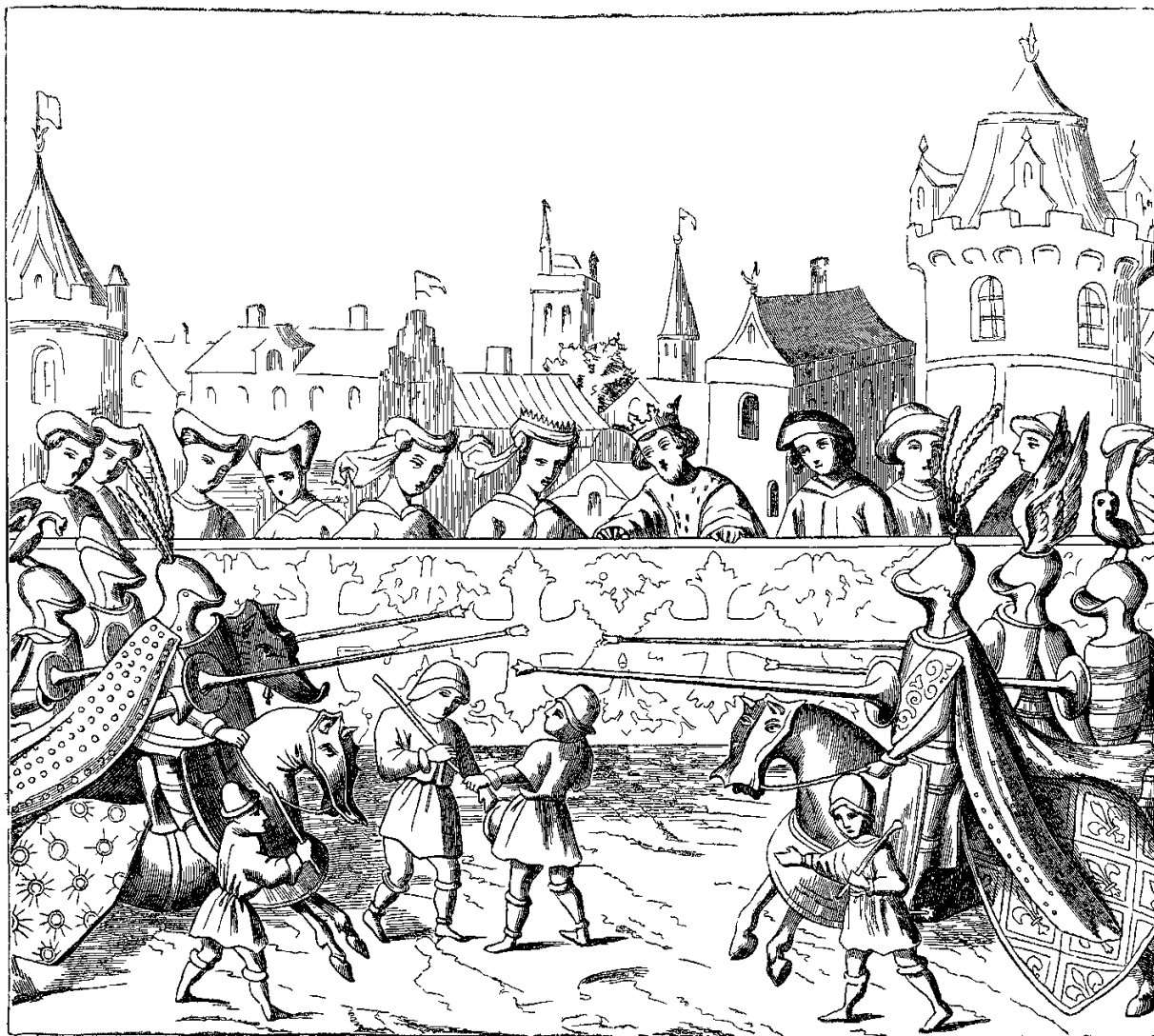

Fig 392 — Fournaments in honour of the Entry of Queen Isabel into Paris —From a Miniature in the "Chroniques" of Froissart, Manuscript of the Fifteenth Century (National Library of Paris).

[back](#)

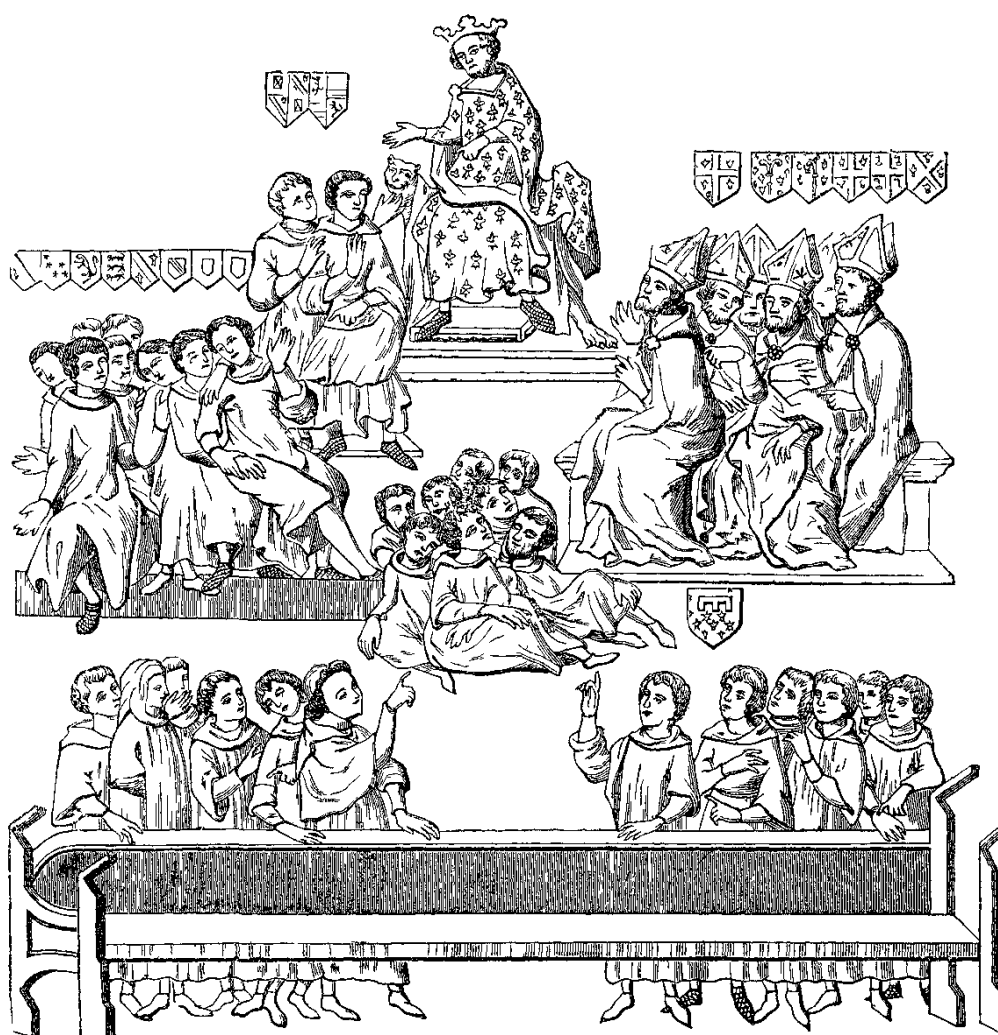

Fig 393 —Seat of Justice, held by King Philippe de Valois, on the 8th April, 1332, for the Trial of Robert, Comte d'Artois —From a Pen-and-ink Sketch in an Original Manuscript (Arch of the Empire)

[back](#)

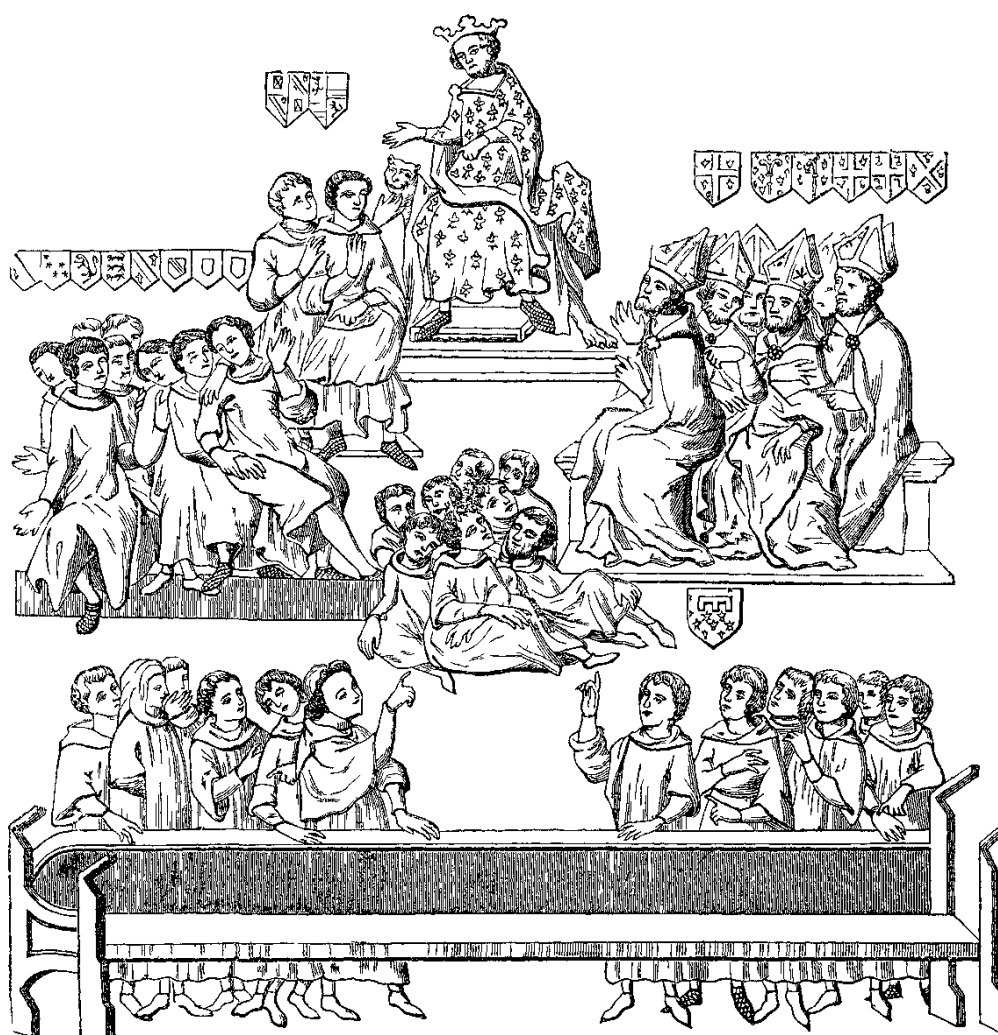

Fig 393 —Seat of Justice, held by King Philippe de Valois, on the 8th April, 1332, for the Trial of Robert, Comte d'Artois —From a Pen-and-ink Sketch in an Original Manuscript (Arch of the Empire)

[back](#)

Fig. 394.—Interview of King Charles V. with the Emperor Charles IV. in Paris in 1378.—Facsimile of a Miniature in the Description of this Interview, Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

Fig. 394.—Interview of King Charles V. with the Emperor Charles IV. in Paris in 1378.—Facsimile of a Miniature in the Description of this Interview, Manuscript of the Fifteenth Century, in the Library of the Arsenal of Paris.

[back](#)

Fig. 395.—The Entry of Louis XI. into Paris.—Fac-simile of a Miniature in the “Chroniques” of Monstrelet, Manuscript of the Fifteenth Century (Imperial Library of Paris).

[back](#)

Fig. 396.—“How the King-at-Arms presents the Sword to the Duke of Bourbon.”—From a Miniature in “*Tournois du Roi René*,” Manuscript of the Fifteenth Century (Imperial Library of Paris).

[back](#)

Fig. 396.—“How the King-at-Arms presents the Sword to the Duke of Bourbon.”—From a Miniature in “*Tournois du Roi René*,” Manuscript of the Fifteenth Century (Imperial Library of Paris).

[back](#)

Fig. 397.—Entry of the Roi de l'Épinette at Lille, in the Sixteenth Century.—From a Miniature in a Manuscript of the Library of Rouen.

[back](#)

Fig. 397.—Entry of the Roi de l'Épinette at Lille, in the Sixteenth Century.—From a Miniature in a Manuscript of the Library of Rouen.

[back](#)

Fig. 398.—Representation of a Ballet before Henri III. and his Court, in the Gallery of the Louvre.—Fac-simile of an Engraving on Copper of the “Ballet de la Royne,” by Balthazar de Beaujoyeux (folio, Paris, Mamert Patisson, 1582.)

[back](#)

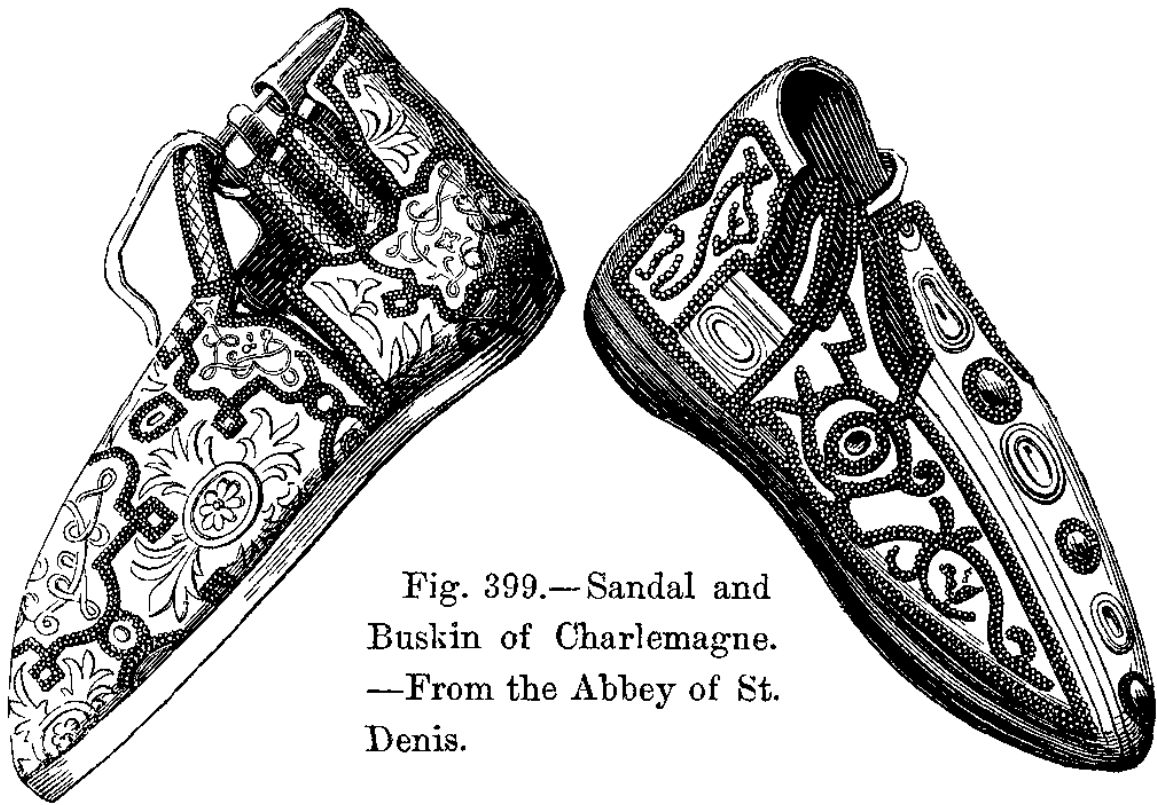

Fig. 399.—Sandal and
Buskin of Charlemagne.
—From the Abbey of St.
Denis.

[back](#)

Figs 400 and 401.—Gallo-Roman Costumes —From Bas-reliefs discovered in Paris in 1711
underneath the Choir of Notre-Dame

[back](#)

Figs 400 and 401.—Gallo-Roman Costumes —From Bas-reliefs discovered in Paris in 1711
underneath the Choir of Notre-Dame

[back](#)

Fig. 402.—Costume of King Clovis (Sixth Century).—From a Statue on his Tomb, formerly in the Abbey of St. Geneviève.

[back](#)

Fig. 403.—Costume of King Childebert
(Seventh Century).—From a Statue formerly placed in the Refectory of the
Abbe of St. Germain-des-Prés.

[back](#)

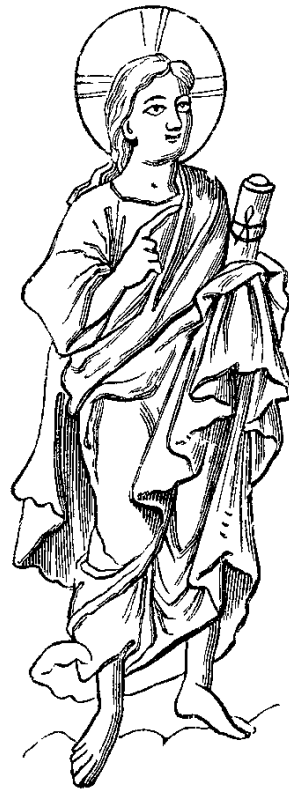
Fig. 402.—Costume of King Clovis (Sixth Century).—From a Statue on his Tomb, formerly in the Abbey of St. Geneviève.

[back](#)

Fig. 403.—Costume of King Childebert
(Seventh Century).—From a Statue formerly placed in the Refectory of the
Abbe of St. Germain-des-Prés.

[back](#)

Figs. 404 and 405.—Saints in the Costume of the Sixth to the Eighth Centuries.—From Miniatures in old Manuscripts of the Royal Library of Brussels (Designs by Count H. de Vielcastel).

[back](#)

Fig. 406 and 407.—Costume of the Prelates from the Eighth to the Tenth Centuries —After Miniatures in the “Missal of St. Gregory,” in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 406 and 407.—Costume of the Prelates from the Eighth to the Tenth Centuries —After Miniatures in the “Missal of St. Gregory,” in the National Library of Paris.

[back](#)

Fig. 408.—Costume of a Scholar of the Carolingian Period (St. Matthew writing his Gospel under the Inspiration of Christ).—From a Miniature in a Manuscript of the Ninth Century, in the Burgundian Library, Brussels (drawn by Count H. de Vielcastel).

[back](#)

Fig. 411.—Costume of Charles the Simple (Tenth Century).—From a Miniature in the “Rois de France,” by Du Tillet, Manuscript of the Sixteenth Century (Imperial Library of Paris).

[back](#)

Fig. 408.—Costume of a Scholar of the Carolingian Period (St. Matthew writing his Gospel under the Inspiration of Christ).—From a Miniature in a Manuscript of the Ninth Century, in the Burgundian Library, Brussels (drawn by Count H. de Vielcastel).

[back](#)

Fig. 409.—Costume of a Scholar.

[back](#)

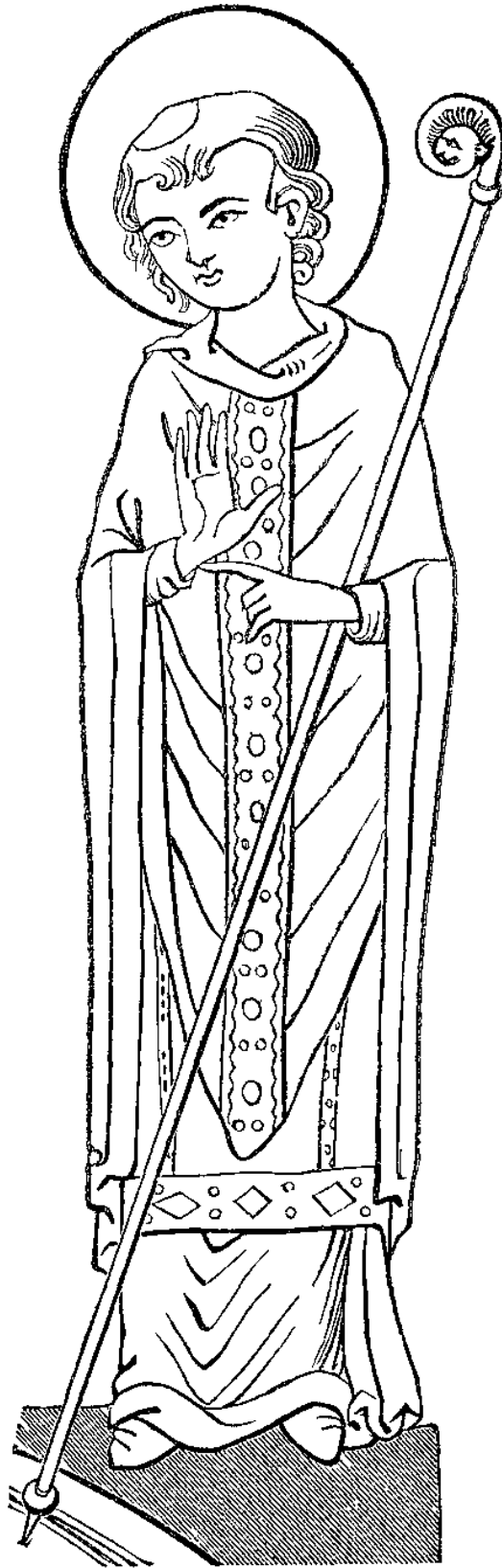

Fig. 410.—Costume of a Bishop or Abbot.
[back](#)

Fig. 411.—Costume of Charles the Simple (Tenth Century).—From a Miniature in the “Rois de France,” by Du Tillet, Manuscript of the Sixteenth Century (Imperial Library of Paris).

[back](#)

Fig. 412.—Costume of King Louis le Jeune —Miniature of the “Rois de France,” by Du Tillet (Sixteenth Century), in the National Library of Paris

[back](#)

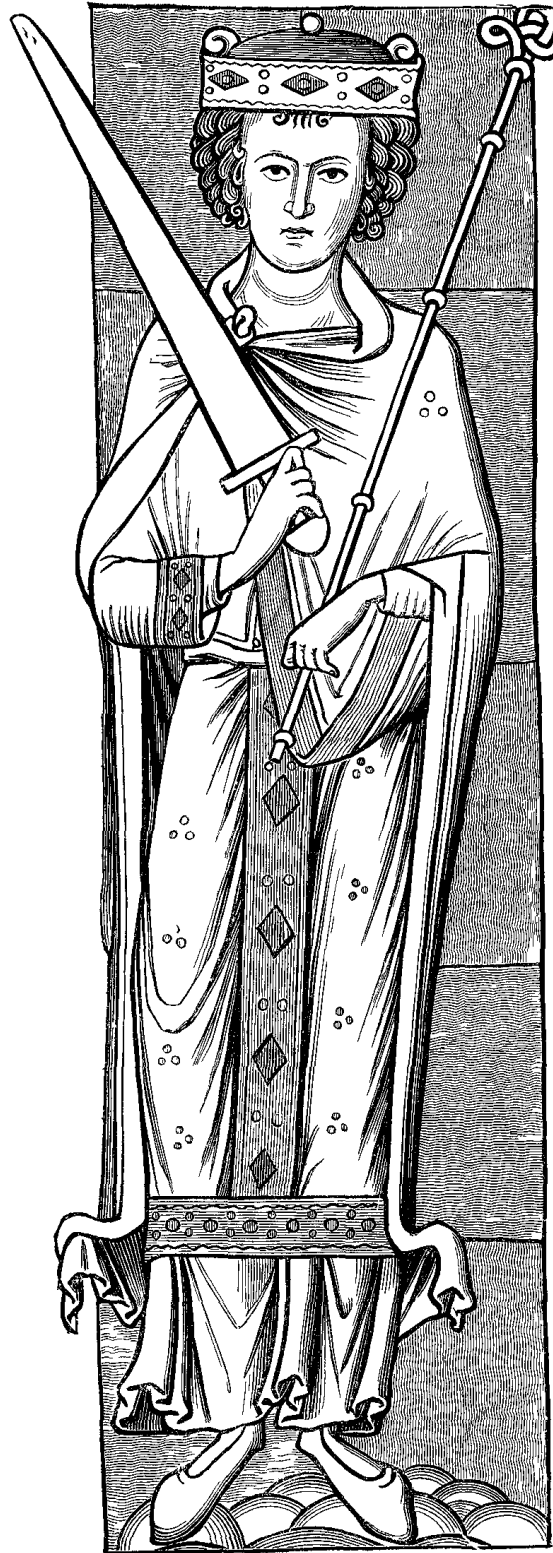

Fig. 413 —Royal Costume —From a Miniature
in a Manuscript of the Twelfth Century, in
the Burgundian Library, Brussels

[back](#)

Fig. 412.—Costume of King Louis le Jeune —Miniature of the “Rois de France,” by Du Tillet (Sixteenth Century), in the National Library of Paris

[back](#)

Fig. 414.—Costume of a Princess dressed in a Cloak lined with Fur.—From a Miniature of the Thirteenth Century.

[back](#)

Fig. 418.—Costume of English Servants in the Fourteenth Century.—From Manuscripts in the British Museum.

[back](#)

Fig. 414.—Costume of a Princess dressed in a Cloak lined with Fur.—From a Miniature of the Thirteenth Century.

[back](#)

Fig. 415.—Costume of William Malgeneste, the King's Huntsman, as represented on his Tomb, formerly in the Abbey of Long-Pont.

[back](#)

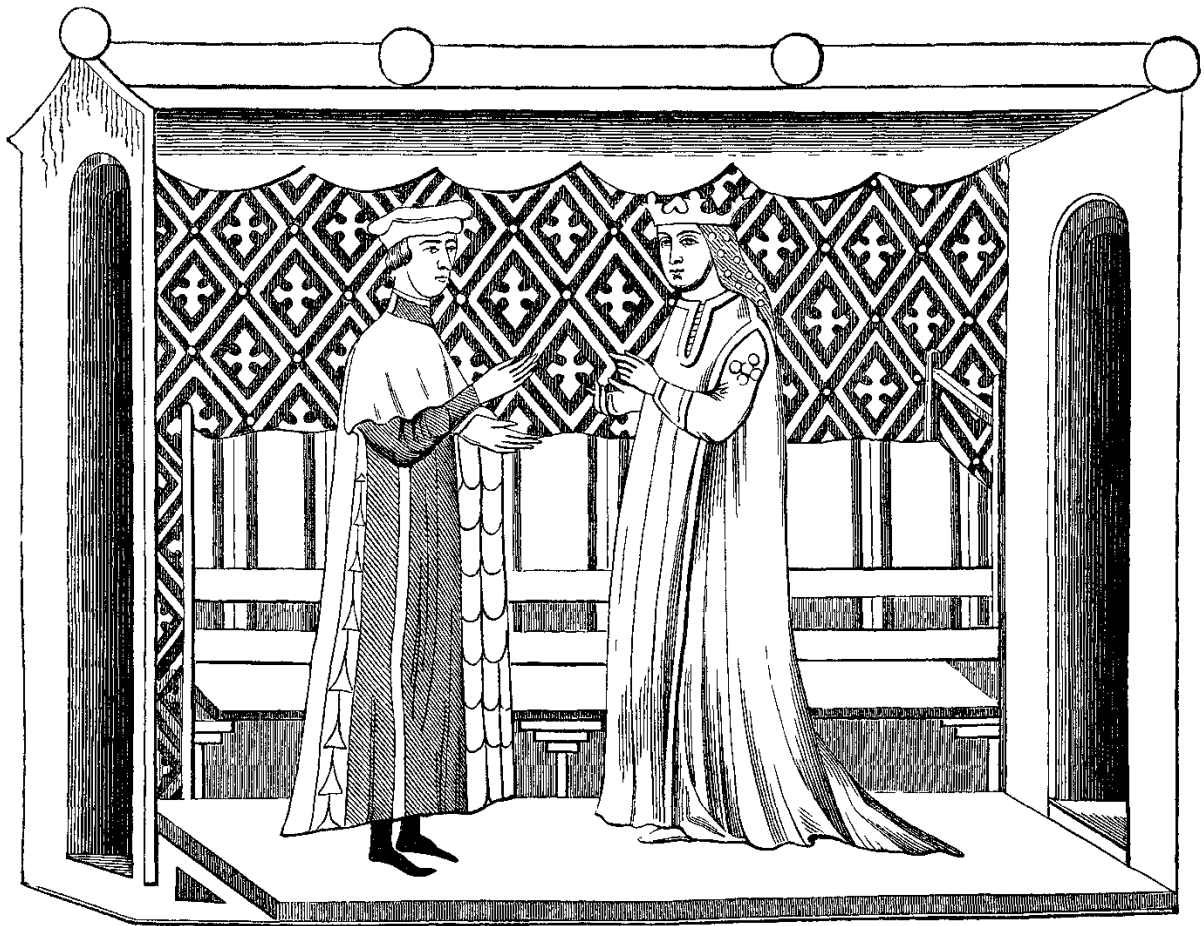

Fig. 416.—Costumes of the Thirteenth Century: Tristan and the beautiful Yseult.—From a Miniature in the Romance of “Tristan,” Manuscript of the Fourteenth Century (Imperial Library of Paris).

[back](#)

Fig. 417 —Costumes of the Common People in the Fourteenth Century Italian Gardener and Woodman —From two Engravings in the Bonnart Collection

[back](#)

Fig. 418.—Costume of English Servants in the Fourteenth Century.—From Manuscripts in the British Museum.

[back](#)

Fig. 419.—Costume of Philip the Good, with Hood and “Cockade.”—From a Miniature in a Manuscript of the Period.

[back](#)

Fig. 419.—Costume of Philip the Good, with Hood and “Cockade.”—From a Miniature in a Manuscript of the Period.

[back](#)

Fig. 420 —Costumes of a rich Bourgeoise, of a Peasant-woman, and of a Lady of the Nobility, of the Fourteenth Century.—From various painted Windows in the Churches of Moulins (Bourbonnais)

[back](#)

SAINT CATHERINE SURROUNDED BY THE DOCTORS OF ALEXANDRIA.

A miniature from the *Breviary* of the cardinal Grimani, attributed to Memling.

Bibl. of Saint-Marc, Venice.

(From a copy belonging to M. Ambroise Firmin-Didot.)

[back](#)

Fig. 420 —Costumes of a rich Bourgeoise, of a Peasant-woman, and of a Lady of the Nobility, of the Fourteenth Century.—From various painted Windows in the Churches of Moulins (Bourbonnais)

[back](#)

Fig 421.—Costumes of a young Nobleman and of a Bourgeois in the Fourteenth Century.—From a painted Window in the Church of Saint-Ouen at Rouen, and from a Window at Moulins (Bourbonnais)

[back](#)

Fig. 422.—Costume of Charles V., King of France.—From a Statue formerly in the Church of the Célestins, Paris.

[back](#)

Fig 424 —Costumes of Bourgeois or Merchant, of a Nobleman, and of a Lady of the Court or rich Bourgeoise, with the Head-dress (*escoffion*) of the Fifteenth Century —From a Painted Window of the Period, at Moulins (Bourbonnais), and from a Painting on Wood of the same Period, in the Musée de Cluny

[back](#)

Fig. 422.—Costume of Charles V., King of France.—From a Statue formerly in the Church of the Célestins, Paris.

[back](#)

Fig. 423.—Costume of Jeanne de Bourbon, Wife of Charles V.—From a Statue formerly in the Church of the Célestins, Paris.

[back](#)

Fig. 423.—Costume of Jeanne de Bourbon, Wife of Charles V.—From a Statue formerly in the Church of the Célestins, Paris.

[back](#)

Fig 424 —Costumes of Bourgeois or Merchant, of a Nobleman, and of a Lady of the Court or rich Bourgeoise, with the Head-dress (*escoffion*) of the Fifteenth Century —From a Painted Window of the Period, at Moulins (Bourbonnais), and from a Painting on Wood of the same Period, in the Musée de Cluny

[back](#)

FIG 424 —Costumes of Bourgeois or Merchant, of a Nobleman, and of a Lady of the Court or rich Bourgeoise, with the Head-dress (*escoffion*) of the Fifteenth Century —From a Painted Window of the Period, at Moulins (Bourbonnais), and from a Painting on Wood of the same Period, in the Musée de Cluny

[back](#)

Fig. 425.—Italian Costumes of the Fifteenth Century: Notary and Sbirro.—From two Engravings in the Bonnat Collection.

[back](#)

Fig. 426.—Costumes of a Mechanic's Wife and a rich Bourgeois in the latter part of the Fifteenth Century.—From Windows in the Cathedral of Moulins (Bourbonnais).

[back](#)

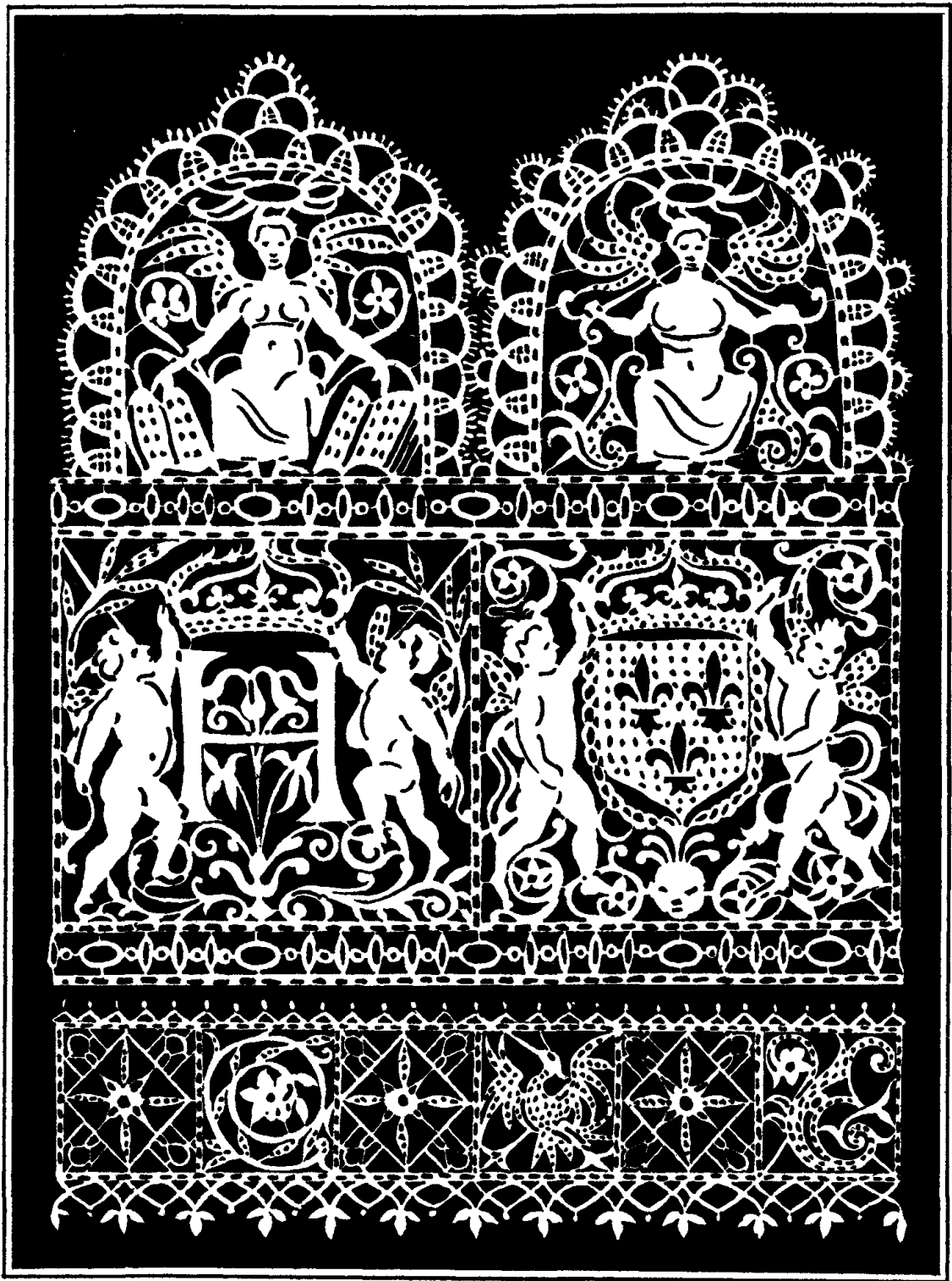
Fig. 427.—Costume of Charlotte of Savoy, second Wife of Louis XI.—From a Picture of the Period formerly in the Castle of Bourbon-l'Archambault, M. de Quedeville's Collection, in Paris. The Arms of Louis XI. and Charlotte are painted behind the picture.

[back](#)

Fig 428 —Costume of Mary of Burgundy, Daughter of Charles the Bold, Wife of Maximilian of Austria (end of the Fifteenth Century). From an old Engraving in the Collection of the Imperial Library, Paris.

[back](#)

ITALIAN LACEWORK, IN GOLD THREAD.

The cypher and arms of Henry III. (16th century.)

[back](#)

Fig. 427.—Costume of Charlotte of Savoy, second Wife of Louis XI.—From a Picture of the Period formerly in the Castle of Bourbon-l'Archambault, M. de Quedeville's Collection, in Paris. The Arms of Louis XI. and Charlotte are painted behind the picture.

[back](#)

Fig 428 —Costume of Mary of Burgundy, Daughter of Charles the Bold, Wife of Maximilian of Austria (end of the Fifteenth Century). From an old Engraving in the Collection of the Imperial Library, Paris.

[back](#)

Figs 429 and 430 —Costumes of Young Nobles of the Court of Charles VIII , before and after the Expedition into Italy —From Miniatures in two Manuscripts of the Period in the National Library of Paris

[back](#)

Figs 429 and 430 —Costumes of Young Nobles of the Court of Charles VIII , before and after the Expedition into Italy —From Miniatures in two Manuscripts of the Period in the National Library of Paris

[back](#)

Figs 436 and 437.—Costumes of the German Bourgeoisie in the Middle of the Sixteenth Century.—Drawings attributed to Holbein.

[back](#)

Fig. 431.—Costumes of a Nobleman or a very rich Bourgeois, of a Bourgeois or Merchant, and of a Noble Lady or rich Bourgeoise, of the Time of Louis XII.—From Miniatures in Manuscripts of the Period, in the Imperial Library of Paris.

[back](#)

Fig. 432.—Costume of a rich Bourgeoise, and of a Noble, or Person of Distinction, of the Time of Francis I.—From a Window in the Church of St. Ouen at Rouen, by Gaignières (National Library of Paris).

[back](#)

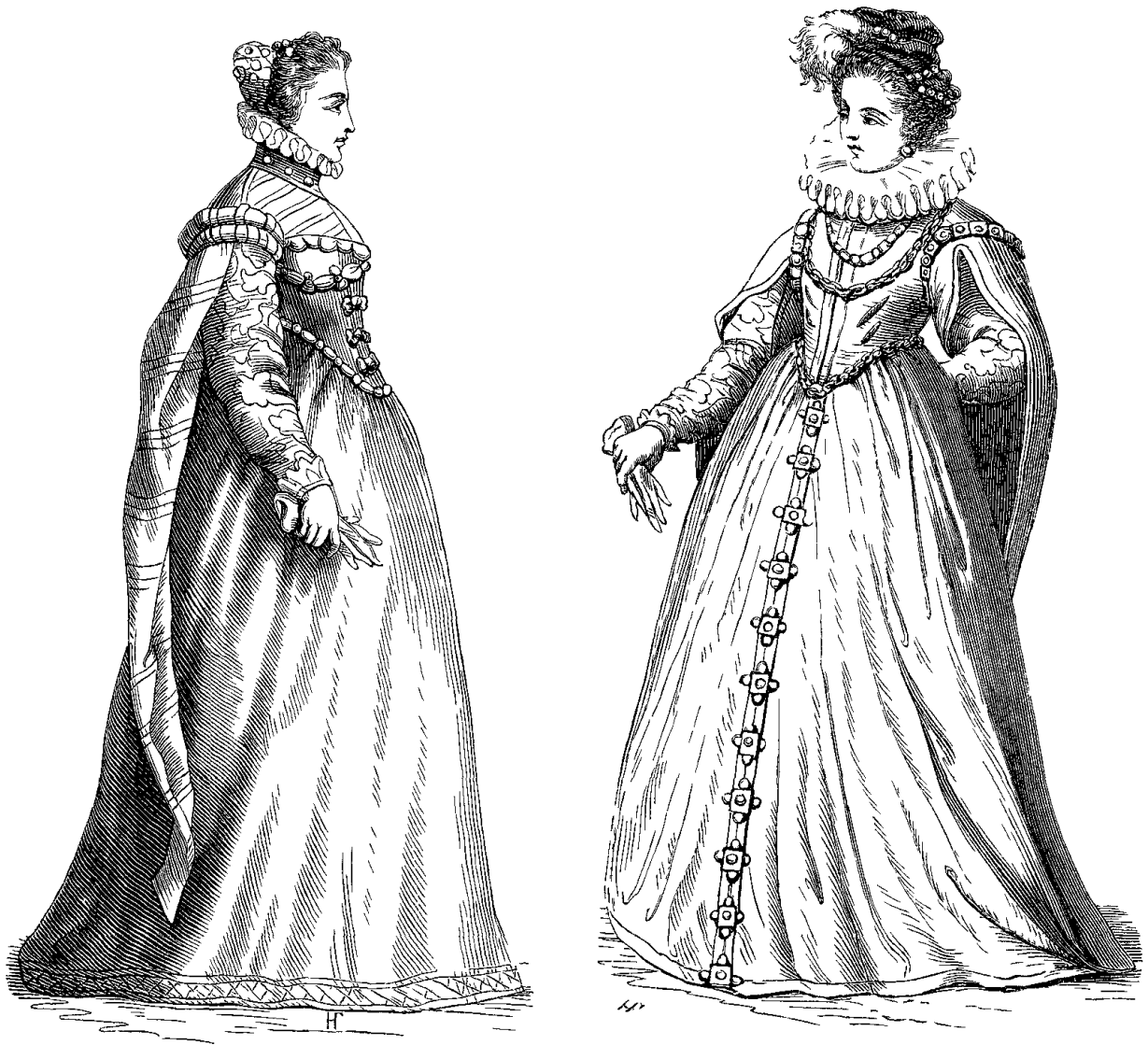
Figs. 433 and 434 —Costumes of the Ladies and Damsels of the Court of Catherine de Medici —
After Cesare Vecellio.

[back](#)

Fig. 432.—Costume of a rich Bourgeoise, and of a Noble, or Person of Distinction, of the Time of Francis I.—From a Window in the Church of St. Ouen at Rouen, by Gaignières (National Library of Paris).

[back](#)

Figs. 433 and 434 —Costumes of the Ladies and Damsels of the Court of Catherine de Medici —
After Cesare Vecellio.

[back](#)

Fig. 435.—Costume of a Gentleman of the French Court, of the End of the Sixteenth Century —
Fac-simile of a Miniature in the “Livre de Poésies,” Manuscript dedicated to Henry IV.

[back](#)

Figs 436 and 437.—Costumes of the German Bourgeoisie in the Middle of the Sixteenth Century.—Drawings attributed to Holbein.

[back](#)